

LITTERA SCRIPTA
MANET

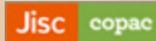
НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

WEB OF SCIENCE™

EBSCO Discovery Service

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ
Том 12, выпуск 2, 2023

NAUCHNYI DIALOG
Volume 12, Issue 2, 2023

Научный диалог

Том 12, выпуск 2, 2023

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации DOI:	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор 10.24224
Год основания	2012
Периодичность	10 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	<ul style="list-style-type: none"> • WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory UlrichsWeb • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
Телефон редакции	8(343)3458984
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620135, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	snior@bk.ru
Типография	ООО «Издательский Дом «Ажур». 620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54. Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Тираж	500 экземпляров

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	Исторические науки	
	Литературоведение	
География авторов выпуска	Языкознание	
	Архангельск	Омск
	Вологда	Ростов-на-Дону
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Елец	Симферополь
	Иркутск	Тамбов
	Кемерово	Таганрог
	Коломна	Тюмень
	Краснодар	Ульяновск
	Красноярск	Ханты-Мансийск
Авторы, имеющие ученую степень	Москва	Хэйхэ (Китай)
	Нижний Новгород	
	87 %	

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Дата выхода в свет 28.03.2023

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

Volume 12, Issue 2, 2023

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
DOI:	10.24224
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Publication Frequency	10 issues per year
Publisher	Centr naučnyh i obrazovatel’nyh proektov, 620135, Yekaterinburg, Kosmonavtov Ave., 43, fl. 57
Presence in Citation Bases, indexing	<ul style="list-style-type: none"> • WoS (Emerging Sources Citation Index) • DOAJ • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	<ul style="list-style-type: none"> • EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the journal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Printing house	<ul style="list-style-type: none"> • LLC Publishing House Azhur. 620075, Yekaterinburg, st. Vos-tochnaya, 54. Tel. (343) 350-78-28, 350-78-49.
Circulation	<ul style="list-style-type: none"> • 500 copies
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

© LLC Center for Scientific and Educational Projects, 2023

Тематика журнала «Научный диалог»: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакommunikации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Главный редактор: Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, заведующая кафедрой, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Ответственный секретарь: Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Английский перевод метаданных: Ирина Владимировна Волгина, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), доцент, Уральский государственный медицинский университет (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Татьяна Владимировна Гусейнова, доктор педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Языкознание. Медиакommunikации. Журналистика

Александр Константинович Киклевич, доктор филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)

Андреана Борисова Ефтимова, доктор наук, профессор (Болгария, София)

Арто Мустайоки, доктор философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)

Биляна Марич, доктор филологических наук, доцент (Сербия, Белград)

Евгения Викторовна Терехова, доктор филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)

Мария Кирилова Китанова-Маркова, доктор филологических наук, профессор (Болгария, София)

Нина Марковна Разинкина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Москва)

Рафаэль Гусман Тирадо, доктор филологических наук, профессор (Испания, Гранада)

Ренате Ратмайр, доктор филологических наук, профессор (Австрия, Вена)

Татьяна Геннадьевна Никитина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Псков)

Тимур Беньяминович Радбиль, доктор филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

Литературоведение. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, доктор филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)

Александр Самуилович Кацев, доктор филологических наук, профессор (Кыргызская Республика, Бишкек)

Алексей Валериевич Юдин, кандидат филологических наук, профессор (Бельгия, Гент)

Иво Поспишил, доктор наук (Чешская Республика, Брно)

Ирина Леонардовна Савкина, доктор философии (Финляндия, Тампере)

Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)

Татьяна Алексеевна Савоскина, кандидат филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

Татьяна Васильевна Володина, доктор наук, доцент (Беларусь, Минск)

Исторические науки

Александр Геннадиевич Нестеров, доктор исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)

Алессандро Витале, доктор наук, профессор (Италия, Милан)

Альбина Советовна Жанбосинова, доктор исторических наук, профессор (Казахстан, Нур-Султан)

Иван Иванович Думиика, доктор исторических наук (Молдова, Кишинев)

Ирина Ромуальдовна Чикалова, доктор исторических наук, профессор (Беларусь, Минск)

Юрий Дмитриевич Анчабадзе, доктор исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Editor-in-Chief: Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Philology, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

Responsible secretary: Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin (Russia, Yekaterinburg)

English translation: Irina V. Volgina, Doctor of Philosophy (in Pedagogic), associate professor, Urals State Medical University (Russia, Yekaterinburg)

EDITORIAL BOARD

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Anna V. Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Tatyana V. Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL COUNCIL

LINGUISTICS. MEDIA COMMUNICATIONS. JOURNALISM

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)

Andreana B. Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)

Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)

Evgeniya V. Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)

Marija K. Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)

Nina M. Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)

Rafael G. Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)

Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)

Tatyana G. Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)

Timur B. Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

Sergey N. Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)

Aleksandr S. Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Aleksey V. Yudin, Ph.D. in Philology, professor (Belgium, Ghent)

Irina L. Savkina, Doctor of Philosophy, professor (Finland, Tampere)

Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))

Olga Yu. Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)

Tatyana A. Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

Tatsiana V. Valodzina, Doctor of Philology, associate professor (Belarus, Minsk)

HISTORY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)

Alexandr G. Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)

Albina S. Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Nur-Sultan)

Ivan I. Dumnică, Doctor of History (Moldova, Kishinev)

Irina R. Chikalova Doctor of History, professor (Belarus, Minsk)

Yuri D. Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Зиновьева Е. И.</i> Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход).....	9
<i>Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А.</i> Лексико-грамматические трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель»	27
<i>Лю Ди, Мэн Фаньхун.</i> Интерпретация фразеологизмов средствами китайского языка в русско-китайских фразеологических словарях	45
<i>Радбиль Н. В.</i> Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного патриотический как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи	66
<i>Трегубова Ю. А., Лаврищева Е. В., Кисарин А. С.</i> Сленг болельщиков фигурного катания в русскоязычной интернет-коммуникации	84

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

<i>Вепрева И. Т., Ян Чжибин.</i> Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае	102
<i>Коданина А. Л., Новикова Т. Е., Савельева М. А.</i> Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией : нижегородский опыт	124
<i>Радионцева Е. С.</i> «Трамплин» — концептуальный прыжок в поле региональных медиа	141
<i>Шаранкова А. А., Меркулова А. М.</i> Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами : междисциплинарная модель	157

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Горбовская С. Г.</i> Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов»	188
<i>Дубова М. А.</i> «Россия, Расея, Русь, Коломна : провинция» : концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море».....	203
<i>Ильина Е. Н.</i> Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности	220
<i>Подоксенов А. М.</i> Пришвин о культе личности Сталина : заметки современника	237
<i>Шарыпина Т. А.</i> Интерпретации сюжета об Алкесте : от социально-бытовой драмы Еврипида к «пьесе с музыкой в античных ландшафтах» Франца Фюмана	253

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Болдырева С. Ю., Пуховская Н. Е., Хоруженко В. К.</i> Социально-культурная адаптация детей мигрантов и их интеграция в норвежское общество в 1990—2000-е годы	275
<i>Долидович О. М., Мариненко Л. Е.</i> Формирование и организация деятельности пожарных команд в городах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX веков	301
<i>Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л.</i> Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII—XVIII)	318
<i>Ипполитов В. А.</i> Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии	336
<i>Корнилов А. А., Лобанова Н. С., Егоров А. И.</i> Британский парламент как центр выработки внешнеполитических решений в период сирийского кризиса (2011—2015 годы)	363
<i>Мамяченков В. Н., Мотревич В. П., Анисимов А. Л.</i> Потребление продуктов питания и непродовольственных промтоваров колхозниками Башкирии в 1946—1950 годах	385
<i>Межуев Д. О.</i> Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы)	402
<i>Мухамедов Р. А., Чигрин М. В.</i> Кадровое обеспечение органов прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1922—1928 годах	417
<i>Науменко О. Н., Альмухаметова М. Ш., Пинигин М. Г.</i> Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири)	436
<i>Непомнящий А. А.</i> «Сделался в Крыму излишним»: перипетии судьбы профессора П. А. Двойченко (по материалам переписки с В. И. Вернадским)	454
<i>Федина И. М.</i> Формирование станиц Псекупского казачьего полка на Северо-Западном Кавказе (1864—1871)	474
<i>Федорова В. И.</i> Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков	489
<i>Эйльбарт Н. В.</i> Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времен Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского)	509
АВТОРАМ	523
CONTENTS	527

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

Александра Александровна Румянцева, детский врач-кардиолог (Кемерово)

Артем Сергеевич Кисарин, канд. пед. наук (Елец)

Вероника Александровна Каменева, д-р филол. наук (Кемерово)

Екатерина Владимировна Лаврищева, канд. филол. наук (Елец)

Елена Иннокентьевна Зиновьева, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Лю Ди, канд. филол. наук (Хэйхэ, Китай)

Мэн Фаньхун, магистр филологии (Хэйхэ, Китай)

Наталья Вадимовна Потапова, канд. филол. наук (Кемерово)

Наталья Валерьевна Радбиль, канд. филол. наук (Нижний Новгород)

Юлия Алексеевна Трегубова, канд. филол. наук (Елец)

Зиновьева Е. И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход) / Е. И. Зиновьева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 9—26. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26.

Zinovyeva, E. I. (2023). Stereotypic Formulas of Business Documents and Monuments of Common Language of Moscow Rus' in 16th and 17th Centuries (Systematizing Approach). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 9-26. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26

Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход)

Зиновьева Елена Иннокентьевна

orcid.org/0000-0001-6253-9739

ResearcherID: N-2301-2015

Scopus Author ID: 57194241024

доктор филологических наук,

профессор,

кафедра русского языка

как иностранного и методики его преподавания

e.i.zinovieva@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда,

проект № 23-28-00038

«Истоки русской фразеологии: проект дифференцированного исторического словаря фразеологических единиц русского языка XVI—XVII веков»

Stereotypic Formulas of Business Documents and Monuments of Common Language of Moscow Rus' in 16th and 17th Centuries (Systematizing Approach)

Elena I. Zinovieva

orcid.org/0000-0001-6253-9739

ResearcherID: N-2301-2015

Scopus Author ID: 57194241024

Doctor of Philology, Professor,
Department of the Russian Language
as a Foreign Language and Methods
of its Teaching
e.i.zinovieva@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported

by Russian Science Foundation,

project number № 23-28-00038

“The origins of Russian phraseology: a project of a differentiated historical dictionary of phraseological units of the Russian language of the XVI—XVII centuries”

© Зиновьева Е. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность статьи определяется недостаточной изученностью устойчивых словесных комплексов в языке XVI—XVII веков — начального этапа формирования русского национального языка. Новизна исследования видится в систематизации отдельного разряда данных устойчивых единиц — формул, функционирующих в разных по жанру текстах этого периода. Вводится термин *стереотипные формулы*, предлагается его дефиниция. Цель статьи заключается в комплексном описании материала для его дальнейшего представления в историческом дифференцированном фразеологическом словаре. Приводится классификация анализируемых стереотипных формул по различным критериям: степени распространенности в деловых и отражающих обиходный язык текстах изучаемого периода, в соответствии с формуляром документа, с точки зрения структуры. Особое внимание уделяется лингвосоциокультурному аспекту рассмотрения анализируемых единиц: выявлению их лингвокультурного потенциала, исторической, социальной обусловленности в рассматриваемый период, способности выступать в роли символа, необходимости декодирования для современных носителей языка. Делается вывод о том, что стереотипные формулы представляют собой системное словарное объединение единиц разной степени устойчивости и различной структуры. Определяются проблемы, требующие решения при лексикографическом описании стереотипных формул.

Ключевые слова:

деловые документы; стереотипные формулы; устойчивые словесные комплексы; дифференцированный исторический фразеологический словарь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the article is determined by the insufficient study of stable verbal complexes in the language of the XVI—XVII centuries — the initial stage of the formation of the Russian national language. The novelty of the study can be seen in the systematization of a separate category of data stable units — formulas that function in texts of this period that differ in genre. The term *stereotypic formulas* is introduced, and its definition is offered. The purpose of the article is a comprehensive description of the material for further presentation in the historical differentiated phraseological dictionary. The classification of the analyzed stereotypical formulas is given according to various criteria: the degree of prevalence in business and everyday language texts of the period under study, in accordance with the form of the document, from the point of view of structure. Particular attention is paid to the linguistic and sociocultural aspect of the analyzed units consideration: the identification of their linguistic and cultural potential, historical and social conditioning in the considered period, the ability to act as a symbol, the need for decoding for modern speakers of the language. It is concluded that stereotyped formulas represent a systematic dictionary association of units of different degrees of stability and different structure. Problems that require solutions in the lexicographic description of stereotyped formulas are defined.

Key words:

business documents; stereotyped formulas; stable verbal complexes; differentiated historical phraseological dictionary.

УДК 811.161.1'42:003.074

Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход)

© Зиновьева Е. И., 2023

1. Введение = Introduction

К деловым документам Московской Руси относятся разножанровые письменные памятники — официально-деловые (судебные кодексы, грамоты-указы, документы делопроизводства, отказные, таможенные книги, посольские статейные списки и др.); частно-деловые (порядные, кабальные грамоты, челобитные, тексты вотчинно-поместной переписки и др.). Обиходный язык используется в текстах семейной и дружеской переписки, записях русской речи иностранцами, представленных в разговорниках. В данных памятниках XVI—XVII веков, начального этапа формирования национального русского языка, встречается большое количество разнородных по своей структуре, семантике, стилистической отнесенности, степени слитности компонентов устойчивых сочетаний. Часть из них является коллокациями, а некоторые уже могут быть отнесены к идиомам. Ряд подобных единиц находится в переходном состоянии, на этапе фразеологизации. Устойчивые сочетания рассматриваемого периода малоизучены, нуждаются в определении их статуса и классификации по определенным параметрам.

В научной литературе встречается широкое понимание термина *устойчивое сочетание*, Л. И. Ройзензон во второй половине XX века [Ройзензон, 1961, 1973] предложил удачный, на наш взгляд, термин для обозначения всей совокупности подобных единиц — *устойчивый словесный комплекс* (УСК). УСК — это языковая единица, возникшая в результате фразеологизации, которой присуще свойство воспроизводимости в языке и речи в качестве готовой единицы более сложной организации, чем слово [Ройзензон, 1973, с. 100], а все другие ее свойства являются вариативными. Понятие устойчивого сочетания приобретает безусловную специфику в истории языка. М. В. Пименова вслед за В. В. Колесовым полагает, что древние устойчивые сочетания отличаются от современных фразеологизмов тем, что их семантика отражает средневековую форму ментальности — ментализацию, связанную с разработкой объема понятия. В работе автора приводится классификация устойчивых единиц в зависимости от их отношения к денотату [Пименова, 2015, с. 144].

Устойчивые словесные комплексы на материале памятников русского языка XVI—XVII веков частично становились объектом исследования лингвистов. Е. В. Генераловой были классифицированы составные наименования как особый разряд УСК, проанализированы семантика и особенности функционирования этих единиц [Генералова, 2014б]. Кроме того, в центре внимания этого исследователя оказались устойчивые сочетания, образованные по модели «имя прилагательное + имя существительное» в русском языке XVI—XVII веков. Этим единицам была дана семантическая, грамматическая функциональная классификация, проанализирована их культурная семантика, описаны проблемы лексикографической интерпретации [Генералова, 2014а]. Устойчивые глагольные обороты как разновидность синкретем и их классификация были детально рассмотрены М. В. Пименовой [Пименова, 2020].

Новизна данного исследования определяется тем, что объемный разряд устойчивых сочетаний формульной структуры старорусского языка до сих пор не подвергался систематизации. Лингвистический статус подобных единиц не определен.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Объектом исследования в данной статье являются стереотипные формулы, встречающиеся в разножанровых русских письменных памятниках обиходного и делового языка XVI—XVII веков. Термины, называющие данный разряд устойчивых единиц, в научной литературе варьируются. Их называют *речевыми штампами* [Лаптева, 1959, с. 73], *традиционными ситуативными формулами* [Творогов, 1964, с. 32], *словосочетаниями-штампами, словосочетаниями-клише* [Кандаурова, 1970, с. 119], *фразеологическими историзмами, узואльно устойчивыми сочетаниями* [Любимова, 2000, с. 192]. В зависимости от того, какое содержание автор научной работы вкладывает в избранный им термин, а также от жанровой принадлежности анализируемого письменного текста вычленяются разнородные по структуре единицы. С. С. Волков проанализировал и описал деловые формулы челобитных [Волков, 1974], отдельному изучению подверглись формулы выражения просьбы в челобитных XVII века [Токарев и др., 2011], формулы описания внешнего облика лошадей в монастырской деловой письменности старорусского периода [Варникова, 2020] и др.

На наш взгляд, при исследовании этого разряда УСК целесообразно использовать термин *стереотипные формулы*, являющийся «зонтиковым» для всех разрядов единиц подобного типа. Стереотипная формула применительно к письменным памятникам XVI—XVII веков понимается нами как разной степени устойчивости языковая единица, представляющая со-

бой словосочетание, номинирующее общепринятую норму, обычай, правила поведения, житейскую ситуацию, этикетное действие и заменяющая собой развернутое информативное описание.

Источниками для исследования послужили опубликованные выпуски «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков» (вып. 1—9) [СОРЯ, 2004—2020] и картотека словаря, которая хранится в Межкафедральном словарном кабинете имени проф. Б. А. Ларина на филологическом факультете Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Цель статьи — провести комплексный анализ стереотипных формул, заключающийся в классификации и описании этих единиц с различных точек зрения, выявлении их лингвокультурного потенциала, исторической, социальной, жанровой обусловленности в рассматриваемый период, для разработки в дальнейшем принципов их описания в дифференцированном историческом фразеологическом словаре. Для достижения поставленной цели используются описательный метод, компонентный и дистрибутивный анализ, метод лингвокультурологического комментария, прием стилистической характеристики.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Систематизация анализируемых стереотипных формул может быть осуществлена в соответствии с различными критериями.

3.1. Классификация формул по степени распространенности

Противопоставляются так называемые общеупотребительные формулы, использующиеся в большинстве памятников, и формулы ограниченного употребления, функционирующие в определенных сферах: юридической, делопроизводственной, торгово-экономической и др.

Общеупотребительные формулы. К общеупотребительным можно отнести, например, такие единицы, как *имен (имени, имя) кого, кому (не) ведать (знать, упомянуть)* ‘о наличии (отсутствии) информации о чем-либо персональном именовании’: «[Стрельцы:] И от како такое дело [вынос икон из церкви] почелося *имян их* и в лицо *не знаем*» (299, 1657 г.) [Моск. Письм.]; *как идет (ходит) в людях* ‘как принято’: «А рост мне [Ивану Носову] довати по рсчету, *как идет в людях*, на пять шестой» (4, 95, 1551 г.) [Дипломат.]; *примерясь (примериваясь, применяясь) к прежним государевым (великого государя) указам(-у) (описным книгам, купеческим отпускам)* ‘так, как было велено, записано раньше’: «Делати все, *примерясь к прежним твоим государевым указам* и вычитая прежние твои государевы наказы, каковы даваны в Астарахань прежним твоим бояром и воеводам и дьяком» (83, 1639 г.) [Россия и Восток (Инд.)]. Подобные формулы или представляли собой клише, обозначающие распространенную бытовую ситуацию при записи чьей-либо

разговорной речи, например, во время допроса по обвинению в преступлении против личности государя, или содержали отсылку к принятому обычаю, традиции, установившейся издавна процедуре.

ФОРМУЛЫ ОГРАНИЧЕННОГО УПОТРЕБЛЕНИЯ.

(1) **В области судопроизводства** использовались такие формулы, как, например, *не искать никоторыми (никоими) дела кому 'о прекращении судебного разбирательства и снятии претензий', не входя в суд 'не обращаясь к судебному разбирательству', излюбить (в) третьих 'избрать кого-либо в качестве арбитра для разрешения спора, третейского судьи', есть (будет) за кем-либо (государево, наше) дело, слово 'заявление о преступлении против личности государя', без суда и без исправы (и без целованья) 'без судебного разбирательства с показаниями свидетелей', например: «А хто у них [в Троице-Сергиевом монастыре] учнет пити сильно, а учинится у них какова гибель, и тому платить та гибель ... без суда и без исправы» (252, 1525 г.) [АРГ].*

Ряд формул вступает в антонимические отношения: с одной стороны, *другу не дружить, а недругу не мстить* 'решать честно, справедливо, беспристрастно, не взирая на лица': «Также и приезжих иноземцов ... тем же судом судити... а своим вымыслом в судных делах по дружбе и по недружбе ничего не прибавляти, ни убавляти, и ни в чем *другу не дружити, а недругу не мстити...* делати всякия государевы дела, не стыдяся лица сильных» (1649 г., 77) [Улож.], а, с другой стороны, *другу дружить, а недругу мстить* 'решать нечестно, несправедливо, пристрастно': «А будет он [Данила] учнет ссыскивати не по правде для своеи корысти или учнет в сыску *другу дружити, а недругу мстити...* [а] про то ведомо будет мимо ево, и ему за то от государя быти в великой опале и в казни» (64, 1658 г.) [Сл. Каз. 2 3]. Использование формул с антонимичным значением способствовало более четкому определению правовых норм и юридических установлений.

(2) **В области землепользования** при определении границ земельных владений употреблялись следующие формулы: *что... истари потягло(-ли) к чему; что... потягло истарины к чему; что... истаро потягло; куды ходил топор (плуг) и коса и соха; покаместа ходила коса и соха и топор истари: «А в приданом яз, Курака, заложил свою деревню Крошнину вотчинную в Руском уезде Волняникове стану со всем угодем, что к той деревне истари потягло, куды ходил топор и коса и саха» (489, 1550 г.) [АФЗХ II]; «Се яз, Костянтин Яковлев сын Кривцовского... дал есми на нем [починке свояка М. Тютина] дватцать рублей денег да пополника овцу, со всем с тем, что к тому починку истары потягло, куде ходил топор, коса, соха по старине» (96, 1567 г.) [Дипломат.-4].* Данные формулы вступают в синонимичные отношения, что свидетельствует о важности обозначаемого понятия для носителей языка. Кроме того, они часто

используются в одном и том же контексте, усиливая значимость негласно установившейся издавна нормы.

При пожаловании земли помещикам в южных уездах России употреблялась формула справедливого и удобного для землепользования отвода земельных участков: *с ряду с одного а не в розни (и) не через землю и не выбором*.

(3) **В социально-экономической сфере** функционировали формулы: *снять землю с кого-либо* ‘освободить кого-л. от владения или пользования землей и связанных с этим повинностей’: «Смилуйся, государь [Н. И. Одоевский], пожалуй меня [вдову Аленку Ермолинскую], ... вели, государь, с меня землю снять, ... вели жить в бобылках» (90, 1672 г.) [ЧО]; формула *кабала не в кабалу (и долг не в долг)* в лаконичной форме (что-либо более не считается чем-либо) означала отмену действия долговой расписки: «153 г. марта в 15 д. государь пожаловал, изъ холопства его [Куземку Костеева] свободить, для того что родители его служили, *кабала не в кабалу*» (146, 1645 г.) [АМГ II]; выражение *не въезжать (не всылать) ни по что* являлось формулой запрета на вмешательство представителей власти в хозяйствование монастырей, помещиков: «А праведчики и доводчики поборов своих у них [крестьян] не емлют и *ни въезжают, ни всылают к ним ни по что*» (251, 1525 г.) [АРГ] и др.

(4) **При заключении торговых сделок** употреблялись следующие единицы: формула *в (о)дер(е)нь без выкупа* используется в купчих грамотах со значением ‘в вечное владение, без права выкупа’: «А не дам яз [Марк Анисимов сын] денги на тот срок, ино ся закладная на то угодье, что в сей закладной писано, и купчая *во дерень без выкупа*» (164, 1581 г.) [А. Солов. м.]. В купчих и данных грамотах формула *врок без выкупа* означала сделку купли или дарения, не имеющую обратной силы: «А дали еся ту полдервени за полтретьяцать же рублевь *въ прокъ безъ выкупа*» (А. Угл., 73, 1554 г.).

(5) **В сфере неофициального общения** использовались формулы речевого этикета, которые регулировались социальной иерархией, статусом общающихся, национальной культурой, принятыми ритуалами.

Выделяются формулы речевого этикета, зафиксированные в памятниках, отражающих разговорную речь — «разговорниках». Например: (*Поди с Богом*. ‘пожелание благополучного пути’: «*Поди во имя Божье с Богом*. Бог тебѣ проводник» (233, 1607 г.) [Разг. Фенне]; *Сохрани Бог кого*. ‘пожелание соблности кого-л. от беды, опасности’: « — Сохрани тебя Бгъ, геднь мои. — Да тебя также» (15 об., к. XVII в.) [Разг. Хеймера]. Лексика разговорников детально исследована в монографии О. С. Мжельской [Мжельская, 2003].

Формулы частной переписки включают, например, такие, которые выражают желание пишущего знать о здоровье адресата: *Жадаю слышать*

о чьем-л. (про чье-либо) здоровье; Жаден слышать о чьем-либо здоровье (здравии) (чьего-либо здоровья). Ряд формул частных писем сообщает о том, что пишущий находится на момент написания письма в живых, жив: *(быть, обретаться) в живых (с живыми); по... число жив; в (по) ... день (дал Бог (Господь Бог), до воли Божьей) жив; по... грамотку (писаньице) жив; обретаться (счисляться) с живущими,* например: «А про меня гсдрь мои изволишь напамятоват и я [П. Тушин] в володимерской своеи дрвнишке з женишкой и с Ёгнатюшком и съ Яковушком июля въ 26 де еще з живыми прошу твоево жалованья» (220, 1722 г.) [ИНРЯ]; «А про меня [В. Трубоченинова] гсдрь мои изволишь млестию своею спрошат и моему согрешению всещедрыи владыка члвкालюбець Хтос терпитъ *по сию грамотку жив*» (110, 1690 г.) [Там же].

Выделяются формулы выражения почтения адресату: *искатель милости твоей, искатель твоего приятства, искатель твоего жалованья, искать чьей-либо милости.*

В зачине писем используются формулы пожелания здоровья и благополучия адресату, например, *временное и вечное пребывание; многолетнего здравия и благополучных времен:* «[М. Цяпинский] Многолетнго (!) здравия и блгополучных времянь от гсда Бга тебе гсдрю моему [А. И. Безобразову] и твоему праведному дому усердно получиши желаю» (105, XVII в.) [ПНРЯ].

В письмах к покровителю, воспитателю употребляется формула *вскармлиеник твоей трапезы:* «Гсдрю моему млстивому приятелю и другу нелестному Стефану Григорьевичю ... *вскармлиеникъ твоея трапезы* цркви Григория Богослова ... дьячекъ Гаврилко з женишкою ... челомъ бьемъ» (№ 302, XVII — н. XVIII в.) [Грамотки].

3.2. Классификация стереотипных формул в соответствии с жанром делового документа и его формуляром

Документооборот Московской Руси был представлен большим разнообразием жанров: грамоты, указы, наказы, памяти, записи, крепости, отписи, челобитные, явки и др. Каждый документ должен был составляться строго в соответствии с определенным стилем — набором формул документа, его формуляром. Вслед за С. С. Волковым, формуляром мы считаем «ту определенную языковую оболочку (набор устойчивых и обязательных словосочетаний — предложений и формул), в которую облекалось содержание акта и которая отличала данный акт от иных, имеющих близкое или аналогичное содержание, но совсем другую цель» [Волков, 1974, с. 21]. Различные акты (кабальные записи, челобитные, купчие и др.) состояли из ряда последовательно расположенных частей — клаузул. Клаузула «есть словесно выраженное и письменно запечатленное в данном акте действие

(символическое или реальное), раздельно воспринимаемое сознанием составителей акта» [Веретенников, 1916, с. 10].

В исследуемом материале можно выделить:

Формулы различного типа грамот. Выделяются формулы начальной и конечной клаузул (протокольной части) грамот:

А) Оформляющие начало. Формула обозначения даты: «*Лета 7112-го генваря в 12 день* государь, царь и великий князь Борис Федорович... и царевич князь Федор Борисович всеа Русии Пречистые Богородицы Иосифова монастыря игумена Нила... пожаловали, велели сю грамоту подписати на свое царское имя» (426, 1585 г.) [АФЗХ II]. В начальной клаузуле грамот, содержащих жалобу, использовалась формула *Жалоба... мне (нам) на кого-либо*: «*Жалоба, государь [Михаил Федорович], мне на москвитина гостиные сотни на Ондreja Григорьева сына Спиридонова*» (142, 1636 г.) [РБС].

Б) Оформляющие конец. Заключительная клаузула грамот могла заканчиваться формулой *За сем (тем) ...челом бьет (бью)*: «*За семь писавыи Бариска Болтин челомь бьеть*» (155, XVII — н. XVIII в.) [ИНРЯ]. Формула *писано (написано) в...* (*рописи, книгах*) именно, *порознь, по статьям* обобщала точное и подробное описание имущества: «*А что кому оделено ... и то написано в сех оделных книгах имянно порознь по статьям*» (23, 1640 г.) [Пам. Влад.].

Формулы царских указов. Только в царских указах употребляется формула, вводящая распоряжение, решение: *И как к тебе ся наша грамота придет, и ты...*: «*И какъ къ тебе [воеводе] ся наша грамота придетъ, и ты бь черкашенина Ортюшку Олтуха съ коломенскимъ съ кабацкимъ откупщикомъ, съ Мишкой Колодкинымъ... про то непригожее слово разспросиль*» (1623 г.) [Сид, 11].

Формулы кабальных и поручных записей. В закладных и заемных кабалах в тех случаях, когда заемщиков было несколько, встречалась формула переноса долгового обязательства с физического лица на юридическое: *А кто нас будет в лицах* 'кто будет налицо, в наличии (жив)'. Ср. также в поручной записи *Кои нас будет в лицах*: «*А кои нас порутчиков [торговых людей] будет в лицах* на том те гсдрвы денги против сей записи все сполна» (169, 1651 г.) [МДБП].

Формула *Где (заимщиков) ся кабала (ни) застанет* фиксировала необходимость выполнения долговых обязательств: «*Где ся кабала насъ заимыковъ ни застанеть* тутъ свои денги правити любымъ приставомъ» (264, 1563 г.) [АЮ].

Формулы челобитных. В центральных клаузулах челобитных описывается бедственное положение просящего, фигурируют формулы о реальности смерти от недостатка пищи, например: *умереть (помирать) голодной*

(*нужной, студеной*) *смертью*: «А робятишка гедри все маленки поити и кормити нечемъ самъ гедри волочюс меж дворы а оне гедри *помираютъ голодною смертию*» (85, 1647 г.) [Арх. Пожарских]. Ср. также *мереть с голоду*.

О положении челобитчика свидетельствовали такие формулы, как *жить нечем, жить нельзя стало, жить не о ком*, например: «И у того, государь, у Тимофея [крестьянина] жена умерла, а онъ старъ и скорбень, и побрель онъ въ миръ, что *жить* ему стало *не чемъ*, и детей у него нетъ» (78, 1673 г.) [ЧО].

Множество формул челобитных описывали житейские обиходно-бытовые ситуации, например, *сойти (сбежать, утечи, пропасти) безвестно* означало ‘пропасть без вести, скрыться’. Выделяется ряд формул с общим значением ‘вести нищенское существование’, ‘заставить вести нищенское существование’, например: *пустить меж двор (по дворам)* — ‘выгнать из дома, обречь на бродяжничество’; *скитаться (шататься) меж двор (по дворам)* — ‘жить подаянием, нищенствовать, бродяжничать’; *жить по христолюбцам* — ‘существовать, прося подаяние’; *идти в мир* — ‘переходя от дома к дому, просить милостыню’; *жить бездомовно* — ‘не иметь дома’.

Доведение челобитчика до нищеты обозначалось формулами *изволочить и изубытчить кого; испродать и изубытчить кого*, а также усиленной формулой *изубытчить большим убытком кого*.

Просьба адресанта о внимании и сочувствии выражается в челобитных формулой *вступиться в чью-либо бедность*.

В текстах дипломатического характера можно отметить специальные формулы речевого этикета: *ваше (твое) благоутробие* — формула почтительного обращения к вышестоящему лицу; *братская дружба (и любовь)* — обозначение мирных, дружественных отношений между монархами, государствами; *как изволишь (изволите)* — формула вежливости — ‘как пожелаете, на Ваше усмотрение’: «Эль маркез де Санпей... говорил: ...А ожидать вам [русским послам] будет королевского указу в Байоне, или как изволите» (230, 1669 г.) [Ст. сп. Потемкина].

3.3. Структурная классификация стереотипных формул

Данную классификацию затруднительно выстроить полностью в силу контaminationи отдельных типов формул и широкой вариативности некоторых разрядов. Можно только привести отдельные типичные модели.

— **конструкции с инфинитивом**: формулы, выражающие модальность долженствования, прескрипцию, обычно содержат инфинитив глагола, такие единицы менее подвержены вариативности компонентов. Например, *другу не дружить, а недругу не мстить; не искать никоими делы; распоряжение о вечном поминовении кого-либо: поминать ... доколе монастырь... стоит, из списка... не выгладить* и др.

— **конструкции, допускающие широкую вариативность лексических компонентов:** клаузулы челобитных, описывающие состояние челобитчика, в силу экспрессивности отличаются наличием формул с большой вариативностью компонентов, например, *кормиться (скитаться, питаться) Христовым именем; изувечить вечно (на век, вечным увечьем); умереть (помирать) голодной (нужной, студеной) смертью*. Это же относится и к формулам переписки, ср. *А изволишь воспросить (ведать, спросить, напомнить (напомянуть), воспомянуть, напаятовать) про (о) нас (меня); (Буди)... покровен (храним)... десницею вышине(я)го (владыки, содетеля, в Троице славимаго...) Бога*.

— **конструкции с контекстуальными расширителями:** экспрессивностью обусловлены и возможные контекстуальные расширения формул, например, формула *искатель твоей милости* может получить следующие расширения: *вечный искатель милости твоей к себе, искатель твоей государевы премногой милости* и подобные.

Следует отметить, что, с синтаксической точки зрения, стереотипные формулы могут представлять собой как словосочетания, так и предложения, в том числе односоставные, или выступать в форме придаточной части сложноподчиненного предложения: *А изволишь воспросить...*

3.4. Лингвосоциокультурный аспект рассмотрения стереотипных формул

Исследуемые стереотипные формулы закрепляют сложившуюся практику отношений, ведения дел, прав собственности, ссылаются на негласные традиционно существующие нормы: *как идет (ходит) в людях* — ‘как принято’; *примерясь (примериваясь, применяясь) к прежним государевым (великого государя) указам (-у) (описным книгам, купеческим отпускам)* — ‘так, как было велено, записано раньше’; *что... исстари потягло(-ли) к чему; что... потягло исстарины к чему; что... исстари потягло* и др.

Отдельные формулы отражали буквальный смысл практически производимых действий. Например, *с вервью ходить* — ‘измерять участок земли с помощью специальной веревки’: «У того отводу были их Алешкин и Федкин отцы и он Федка *с вервью ходил*» (72, 1701 г.) [Сл. Перм. П.]. Ряд формул заменял абстрактное выражение на конкретное описание существовавшего обычая, судебной или земельной практики: *без суда и без исправы (и без целования)* ‘без судебного разбирательства с показаниями свидетелей’: *с ряду с одного а не в розни (и) не через землю и не выбором*. Такая конкретизация часто бывала образной, например, при обозначении границ владений: *куды ходил топор (плуг) и коса и соха; покаместа ходила коса и соха и топор исстари*.

Некоторые формулы имеют символическое значение, требуют декодирования, историко-культурного комментария. Так, формула купчих грамот

о продаже без возможности выкупа *в (о)дер(е)нь без выкупа* восходит, как известно, к древней клятве, приносимой под куском дерна (клятва землей) над головой клянущегося. К XVI—XVII векам сам ритуал был утрачен, формула имела чисто символическое значение. Обобщенная формула *ни к какому воровству не приставай* подразумевала принесение присяги о неучастии в вооруженных преступлениях против властей, мятежах: «И он де, думной дворянин и воевода, тех людей всех велел руских людей привести к вере, а мордву к шерти, что им служить тебе, великому государю, а к *воровству ни х какому не приставай* и ни на какие воровские прелести не прельщатца» (448, 1670 г.) [РД II 1]; «Пред святым евангелием, будучи в Остарахани, веру учинил [С. Разин] на том, чтоб ему, будучи на Дону, служить нам, великому государю [царю Алексею Михайловичу], впредь верно безо всякие шатости и *ни х какому воровству не приставай*» (109, 1670 г.) [РД II 2]. Эта формула была однозначно понятна современникам в историческом контексте Московской Руси, восстания Степана Разина, крестьянских бунтов.

В ряде формул в расшифровке для наших современников нуждаются отдельные компоненты-расширители, встречающиеся в контексте употребления выражения, например, комментария требует сочетание *московская волокита* в следующем примере: «А он, Исай, хотя крестьян государя моего в том деле *московскою волокитою изволочить и изубытчить*, собрав по себе поручную запись, не бив челом тебе, государь, с Москвы съехал» (116, 1650 г.) [АХБМ I]. *Московская волокита* — ведение дел в приказах на Москве, сопровождающееся потерей времени и убытками для тех, кто по делам обратился в приказы. Языковое представление феномена московской волокиты рассмотрено в статье Е. В. Генераловой [Генералова, 2019]. В декодировании информации нуждаются и сочетания, использующие метонимическое значение компонентов, как, например, в приводимой выше формуле *снять землю с кого-либо*.

Некоторые формулы представляют собой перформативы, то есть высказывания, эквивалентные действию, например, *исправить поклон кому от кого* — ‘передать приветствие или закончить церемонию передачи приветствия, включающую поклон’: «И Иван сказал: Как, господине, велит мне у себя быти Селим-салтан, и яз ему от своего государь (!) *поклон исправлю* и грамоту подам и поминки явлю» (76, 1570 г.) [Ст. сп. Новосильцева]; «А после того от государя, царя и великого князя, Иван салтану *поклон исправил* и грамоту подал и поминки явил по государеву наказу, а поклон правил стоя, а не на коленках, и салтан против того не промолвил ни одного слова» (78) [Там же]. Такие стереотипные формулы-перформативы создавали и одновременно отображали социальную и коммуникативную ситуацию, влекущую за собой определенные последствия.

4. Заключение = Conclusions

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Стереотипные формулы русских письменных памятников начального этапа формирования национального русского языка представляют собой особый разряд устойчивых словесных комплексов. Эти языковые единицы, с лингвистической точки зрения, являются системным словарным объединением, члены которого связаны парадигматическими отношениями, в частности, отношениями синонимии и антонимии. Стереотипные формулы разнородны по своей структуре, одни из них более устойчивы с точки зрения компонентного состава, другие допускают широкую вариативность компонентов, что обусловлено жанром документа, в котором они используются. Формульность пронизывает язык Московской Руси, образует своеобразную основу, структурирующую отдельные акты, жанры деловых документов, формулы играют важную роль при необходимости кратко сформулировать суть закрепившегося в практике обычая, ритуала, традиции. Проанализированные единицы выполняют функцию предписания, обозначают принятые в обществе культурные установки. Стереотипные формулы языка Московской Руси позволяют реконструировать социокультурную ситуацию того времени, выявить некоторые черты менталитета, получить представление о системе ценностей народа в этот период позднего средневековья и формирования русской нации.

Для представления стереотипных формул в дифференцированном историческом фразеологическом словаре необходимо решить ряд таких проблем, как определение границ формулы, вычленение ее из синтагмы, выявление основных обязательных элементов формулы; разработка системы помет (указывающих на употребительность, жанровую отнесенность и др.); зонирование словарной статьи с определением облигаторных и факультативных зон. При выведении заголовочной единицы необходимо учитывать широкую вариативность ряда формул. При развитой синонимии языковых единиц в рассматриваемый период большую значимость приобретают отсылочные пометы, позволяющие показать в словаре этот вид парадигматической связи в фразеосистеме старорусского языка.

Источники и принятые сокращения

1. А. Солов. м. — *Акты Соловецкого монастыря 1572—1584 гг.* // Акты социально-экономической истории Севера России конца XV—XVI вв. / сост. И. З. Либерзон. — Ленинград, 1990. — 328 с. — ISBN 5-02-027256-6.
2. А. Угл. — *Шумаков С.* Угличские акты (1400—1749 гг.) / С. Шумаков // Чтения ОИДР. — 1899. — Книга 1. — Отд. 1. — С. 1—208.
3. АМГ I—III — *Акты Московского государства.* — Т. 1—2. / Под ред. Н. А. Попова. — Санкт-Петербург, 1890—1901.

4. АРГ — *Акты* Русского государства 1505—1526 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. — Москва : Наука, 1975. — 435 с.
5. Арх. Пожарских — *Das Hausarchiv* der Fürsten Pożarskii. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633—1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Brelore. — Böhrlau ; Verlag ; Köln ; Weimar ; Wien. 1996. — Pp. 265—268.
6. АФХЗ I—II — *Акты* феодального землевладения и хозяйства XIV—XVI вв. / Подг. к печати Л. В. Черепнин, А. А. Зимин. — Москва, 1951—1956. — Ч. 1—2.
7. АХБМ I—II — *Акты* хозяйства боярина Б. И. Морозова / Под общ. ред. А. И. Яковлева. — Москва ; Ленинград, 1940—1945. — Ч. 1—2.
8. АЮ — *Акты* юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археограф. комис. — Санкт-Петербург, 1838. — 511 с.
9. Грамотки — *Грамотки* XVII — начала XVIII в. / Изд. подг. Н. И. Тарабасова и Н. П. Панкратова ; Под ред. С. И. Коткова. — Москва, 1969. — 415 с.
10. Дипломат.-4 — *Русский* дипломатарий / Отв. ред. А. В. Антонов. — Москва : Археогр. центр, 1998. — Выпуск 4.
11. ИНРЯ — *Котков С. И.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века / С. И. Котков, Н. П. Панкратова. — Москва : Наука, 1964. — 312 с.
12. МДБП — *Московская* деловая и бытовая письменность XVII в. / Изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. — Москва : Наука, 1968. — 338 с.
13. Моск. письм. — *Котков С. И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка / С. И. Котков. — Москва : Наука, 1974. — С. 287—355.
14. Пам. Влад. — *Памятники* деловой письменности XVII в. : Владимирский край / Изд. подг. С. И. Котков, Л. Ю. Астахина, Л. А. Владимировна, Н. П. Панкратова / Под ред. С. И. Коткова. — Москва : Наука, 1984. — 367 с.
15. ПНРЯ — *Памятники* русского народно-разговорного языка XVII столетия / Изд. подг. С. И. Котков, Н. И. Тарабасова. — Москва, 1965. — 162 с.
16. Разг. Фенне — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian*. Pskov. 1607 / Ed. by L. L. Hammerich and R. Jakobson. — Copenhagen, 1970. — Vol. 2 : Transliteration and Translation.
17. Разг. Хеймера — *Günther Erika*. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696. — Frankfurt am Main : Lang, cop., 2002. — 190 с. — ISBN 3-631-38989-2.
18. РБС — *Русско-белорусские* связи : Сборник документов (1570—1667 гг.). — Минск : Высшая школа, 1963. — 534 с.
19. РД I—IV — *Крестьянская* война под предводительством Степана Разина : Сборник документов. — Москва, 1954. — Т. 1. ; 1957. — Т. 2. — Ч. 1. ; 1959. — Т. 2. — Ч. 2. ; 1962. — Т. 3. ; 1976. — Т. 4.
20. Россия и Восток (Инд.) — *Вафин Б. Д.* Россия и Восток. Словарь языка документов по русско-индийским отношениям XVII века. Конкорданс. Обратный словоформозначитель. Частотный словоформозначитель / Б. Д. Вафин, К. Р. Галиуллин. — Казань : Казанский университет, 2012. — 251 с. — ISBN 978-5-98180-999-6.
21. Сид — *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы : Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 г. / Н. Новомбергский // Записки Московского археологического института. — Москва : Печ. А. И. Снегиревой, 1911. — Т. 14. — 593 с.
22. Сл. Каз. 2-3 — *Галиуллин К. Р.* Казанский край : Словарь языка памятников 3-й четверти XVII в. / К. Р. Галиуллин, Р. Р. Шакирова // Издательство Казанского государственного университета. 2009. — 279 с. — ISBN 978-5-98180-757-2.

23. Сл. Перм. I–II — *Полякова Е. Н.* Словарь лексики пермских памятников XVI — начала XVIII века / Е. Н. Полякова. — Пермь, 2010. — Том I. А-О. — Том II. П-Я.
24. СОРЯ — *Словарь* обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. — Санкт-Петербург : Наука, 2004—2020. — Выпуск 1—9.
25. Ст. сп. Новосильцева — *Статейный* список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1954. — С. 63—99.
26. Ст. сп. Потемкина — *Статейный* список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI—XVII вв. — Москва ; Ленинград : Изд-во Акад. Наук СССР, 1954. — С. 227—315.
27. Улож. 1649 г. — *Соборное* уложение царя Алексея Михайловича. 1649 г. // Памятники русского права. — Москва : [б. и.], 1959. — Выпуск 6. — 179 с.
28. ЧО — *Арсеньев Ю. П.* Ближний боярин князь Н. И. Одоевской и его переписка с Галицкою вотчиною (1650—1684 гг.) // Чтения ОИДР. 1902. — Книга 2. Отд. 1 : Челобитные из Покровской вотчины к кн. Н. И. и Я. Н. Одоевским.

Литература

1. *Варникова Е. Н.* Семантические и словообразовательные особенности кличек лошадей в истории русского языка (по данным переписных книг вологодских монастырей XVI — начала XVIII в.) / Е. Н. Варникова // Вопросы ономастики. — 2020. — Т. 17. — № 1. — С. 47—83. — DOI: 10.15826/voprg_onom.2020.17.1.003.
2. *Веретенников В. И.* К вопросу о методах изучения древнерусских частноправовых актов / В. И. Веретенников // Историческое обозрение. Сборник исторического Общества при Императорском Петроградском университете. Сборник статей, посвященных А. С. Лаппо-Данилевскому. — Петроград : Тип. М. М. Стасюлевича, ценз., 1916. — Том 21. — С. 8—19.
3. *Волков С. С.* Лексика русских челобитных XVII века / С. С. Волков. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1974. — 164 с.
4. *Генералова Е. В.* Отражение в исторических словарях элементов русской культуры через устойчивые сочетания XVI—XVII вв. модели «прилагательное + существительное» / Е. В. Генералова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2014а. — № 3. — С. 131—133.
5. *Генералова Е. В.* Составные наименования в истории языка / Е. В. Генералова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. — 2014б. — № 3. — С. 110—121.
6. *Генералова Е. В.* Лингвистический портрет московской волокиты / Е. В. Генералова // Славянская историческая лексикология и лексикография. — 2019. — Выпуск 2. — С. 7—16.
7. *Кандаурова Т. Н.* К вопросу о традиционных словосочетаниях-штампах в древнерусских памятниках XI—XIV вв. / Т. Н. Кандаурова // Ученые записки Московского пед. института. — 1970. — № 353. — С. 114—157.
8. *Лаптева О. А.* Расположение компонентов устойчивого словосочетания как элемент его структуры / О. А. Лаптева // Вопросы языкознания. — 1959. — № 3. — С. 73—85.
9. *Любимова Л. М.* Устойчивые формулы нерчинских деловых памятников конца XVII — начала XVIII вв. / Л. М. Любимова // Язык образования и образование языка. Материалы международной научной конференции. — Великий Новгород : [б. и.], 2000. — С. 192—193.
10. *Мжельская О. С.* Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI—XVII вв. (по данным иностранных руководств для изучения русского язы-

ка) / О. С. Мжельская. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2003. — 220 с. — ISBN 5-288-03319-6.

11. Пименова М. В. Исторический словарь устойчивых единиц : проблемы и перспективы / М. В. Пименова // Современные проблемы лексикографии : материалы конференции. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2015. — С. 144—145. — ISBN 978-5-9765-1058-6.

12. Пименова М. В. Лексикографическое описание древнерусских устойчивых сочетаний слов (на материале глагольных оборотов) / М. В. Пименова // Вопросы лексикографии. — 2020. — № 17. — С. 178—194. — DOI: 10.17223/22274200/17/9.

13. Ройзензон Л. И. Лекции по общей и русской фразеологии / Л. И. Ройзензон. — Самарканд : [б. и.], 1973. — 221 с.

14. Ройзензон Л. И. Фразеологизация как лингвистическое явление / Л. И. Ройзензон // Труды СамГУ им. А. Навои. — Самарканд : Новая серия, 1961. — Выпуск 113. — С. 101-117.

15. Творогов О. В. Задачи изучения устойчивых литературных формул Древней Руси / О. В. Творогов // Труды Отдела Древнерусской литературы. Актуальные задачи изучения русской литературы XI—XVII веков. — Москва-Ленинград : ДБ, 1964. — Т. 20. — С. 29—40.

16. Токарев Г. В. Лексико-фразеологические средства выражения просьбы в челобитных XVII века / Г. В. Токарев, Ю. Ю. Леонова // Вестник Волгоградского государственного университета. — 2011. — № 2 (14). — С. 50—54.

*Статья поступила в редакцию 01.02.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.*

Material resources

A. Solov. m. — Acts of the Solovetsky Monastery of 1572—1584. (1990). In: *Acts of the socio-economic history of the North of Russia at the end of the XV—XVI centuries*. Leningrad. 328 p. ISBN 5-02-027256-6. (In Russ.).

A. Ugl. — Shumakov, S. (1899). Uglich acts (1400—1749). In: *Readings OADR, 1 (1)*: 1—208. (In Russ.).

AFZH I—II — *Acts of feudal land ownership and economy of the XIV—XVI centuries, 1—2*. (1951—1956). Moscow. (In Russ.).

AHBM I—II — *Acts of the economy of boyar B. I. Morozov, 1—2*. (1940—1945). Moscow; Leningrad. (In Russ.).

AMG I—III — *Acts of the Moscow State, 1—2*. St. Petersburg. (In Russ.).

Arch. Pozharskikh — *Das Hausarchiv der Fürsten Požarskii. Documente zur Geschichte russischer Güter 1633—1652. Herausgegeben und kommentiert von Maritta Schmücker-Breloer*. (1996). Böhlau; Verlag; Köln; Weimar; Wien. 265—268. (In Germ.).

ARG — *Acts of the Russian State 1505—1526*. (1975). Moscow: Nauka. 435 p. (In Russ.).

AYU — *Legal acts, or a collection of forms of ancient office work*. (1838). St. Petersburg. 511 p. (In Russ.).

CHO — Arsenyev, Yu. P. (1902). *The near boyar Prince N. I. Odovskaya and his correspondence with the Galician patrimony (1650—1684). Readings of the OADR. 1902, 2. Ed. 1: Petitioners from the Pokrov patrimony to the books of N. I. and Ya. N. Odovskiy*. (In Russ.).

Diplomat.-4 — *Russian Diplomatist, 4*. (1998). Moscow: Archeogr. center. (In Russ.).

- INRYA — Kotkov, S. I., Pankratova, N. P. (1964). *Sources on the history of the Russian vernacular language of the XVII — early XVIII century*. Moscow: Nauka. 312 p. (In Russ.).
- Literati — *Literati of the XVII — beginning of the XVIII century*. (1969). Moscow: Nauka. 415 p. (In Russ.).
- MDBP — *Moscow business and household writing of the XVII century*. (1968). Moscow: Nauka. 338 p. (In Russ.).
- Moscow. letters. — Kotkov, S. I. (1974). *Moscow speech in the initial period of the formation of the Russian national language*. Moscow: Nauka. 287—355. (In Russ.).
- Packing. 1649 — The Cathedral Code of Tsar Alexei Mikhailovich. 1649. (1959). In: *Monuments of Russian law*, 6. Moscow: [b. i.]. 179 p. (In Russ.).
- Pam. Vlad. — *Monuments of business writing of the XVII century: Vladimir Region*. (1984). Moscow: Nauka. 367 p. (In Russ.).
- PNRYA — *Monuments of the Russian folk-spoken language of the XVII century*. (1965). Moscow: Nauka. 162 p. (In Russ.).
- Razg. Fenne — *Tönnies Fenne's Low German Manual of Spoken Russian. Pskov. 1607, 2: Transliteration and Translation*. (1970). Copenhagen. (In Germ.).
- Razg. Hamer — *Günther Erika. Das niederdeutsch-russische Sprachbuch von Johannes von Heemer aus dem Jahre 1696*. (2002). Frankfurt am Main: Lang, cop. 190 p. ISBN 3-631-38989-2. (In Germ.).
- RBS — *Russian-Belarusian relations: A collection of documents (1570—1667)*. (1963). Minsk: Higher School. 534 p. (In Russ.).
- RD I–IV — *Peasant war led by Stepan Razin: A collection of documents*. (1954, 1957, 1959, 1962, 1976). Moscow. (In Russ.).
- Russia and the East (Ind.) — Vafin, B. D., Galiullin, K. R. (2012). *Russia and the East. Dictionary of the language of documents on Russian-Indian relations of the XVII century. Concordance. Reverse word form designator. Frequency word-form designator*. Kazan: Kazan University. 251 p. ISBN 978-5-98180-999-6. (In Russ.).
- SID — Novombergsky, N. (1911). *The Word and Deed of the sovereign: The Processes before the publication of the Code of Alexei Mikhailovich 1649. Notes of the Moscow Archaeological Institute, 14*. Moscow: A. I. Snegireva. 593 p. (In Russ.).
- Sl. Kaz. 2 3 — Galiullin, K. R., Shakirova, R. R. (2009). *Kazan Krai: Dictionary of the language of monuments of the 3rd quarter of the XVII century*. 279 p. ISBN 978-5-98180-757-2. (In Russ.).
- Sl. Perm. I–II — Polyakova, E. N. (2010). *Dictionary of the vocabulary of Perm monuments of the XVI — early XVIII century, I. A–O; II. P–Ya*. Perm. (In Russ.).
- SORYA — *Dictionary of the everyday Russian language of Moscow Rus of the XVI—XVII centuries, 1—9*. (2004—2020). St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
- St. sp. Novosiltsev — The article list of I. P. Novosiltsev. (1954). In: *Travels of Russian ambassadors of the XVI—XVII centuries*. Moscow; Leningrad: Publishing House of Akad. Sciences of the USSR. 63—99. (In Russ.).
- St. sp. Potemkin — The article list of P. I. Potemkin. In: *Travels of Russian ambassadors of the XVI—XVII centuries*. (1954). Moscow; Leningrad: Publishing House of Akad. Sciences of the USSR. 227—315. (In Russ.).

References

- Generalova, E. V. (2014a). Reflection of elements of Russian culture in historical dictionaries through stable combinations of the XVI—XVII centuries. models “adjective + noun”. *Problems of history, philology, culture*, 3: 131—133. (In Russ.).

- Generalova, E. V. (2014b). Compound names in the history of the language. *Bulletin of St. Petersburg University. Series 9. Philology. Oriental studies. Journalism*, 3: 110—121. (In Russ.).
- Generalova, E. V. (2019). Linguistic portrait of Moscow red tape. *Slavic historical lexicology and lexicography*, 2: 7—16. (In Russ.).
- Kandaurova, T. N. (1970). On the question of traditional phrases-stamps in ancient Russian monuments of the XI—XIV centuries. *Scientific notes of the Moscow Pedagogical Institute. Institute*, 353: 114—157. (In Russ.).
- Lapteva, O. A. (1959). Arrangement of components of a stable phrase as an element of its structure. *Questions of linguistics*, 3: 73—85. (In Russ.).
- Lyubimova, L. M. (2000). Stable formulas of Nerchinsk business monuments of the late XVII — early XVIII centuries. In: *Language of education and language education. Materials of the international scientific conference*. Veliky Novgorod: [b. i.]. 192—193. (In Russ.).
- Mzhelskaya, O. S. (2003). *Vocabulary of the everyday spoken language of Moscow Rus of the XVI—XVII centuries. (according to foreign manuals for learning Russian)*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 220 p. ISBN 5-288-03319-6. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2015). Historical dictionary of stable units: problems and prospects. In: *Modern problems of lexicography: Conference Materials*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. 144—145. ISBN 978-5-9765-1058-6. (In Russ.).
- Pimenova, M. V. (2020). Lexicographic description of Old Russian stable combinations of words (based on the material of verbal turns). *Questions of lexicography*, 17: 178—194. DOI: 10.17223/22274200/17/9. (In Russ.).
- Roizenzon, L. I. (1973). *Lectures on general and Russian phraseology*. Samarkand: [b. i.]. 221 p. (In Russ.).
- Roizenzon, L. I. (1961). Phraseologization as a linguistic phenomenon. In: *Proceedings of A. Navoi Samara State University*, 113. Samarkand: New Series. 101—117. (In Russ.).
- Tokarev, G. V., Leonova, Yu. Yu. (2011). Lexico-phraseological means of expressing requests in petitioners of the XVII century. *Bulletin of Volgograd State University*, 2 (14): 50—54. (In Russ.).
- Tvorogov, O. V. (1964). Tasks of studying stable literary formulas of Ancient Russia. In: *Proceedings of the Department of Ancient Russian Literature. Actual tasks of studying Russian literature of the XI—XVII centuries*, 20. Moscow-Leningrad: DB. 29—40. (In Russ.).
- Varnikova, E. N. (2020). Semantic and word—formation features of horse nicknames in the history of the Russian language (according to the census books of Vologda monasteries of the XVI — early XVIII century). *Questions of onomastics*, 17 (1): 47—83. DOI: 10.15826/vopr_onom.2020.17.1.003. (In Russ.).
- Veretennikov, V. I. (1916). On the question of methods of studying ancient Russian private legal acts. In: *Historical review. Collection of the Historical Society at the Imperial Petrograd University*, 21. Petrograd: M. M. Stasyulevich's Type, censor. 8—19. (In Russ.).
- Volkov, S. S. (1974). *Vocabulary of Russian petitioners of the XVII century*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University. 164 p. (In Russ.).

*The article was submitted 01.02.2023;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*

Каменева В. А. Лексико-грамматические трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель» / В. А. Каменева, Н. В. Потапова, А. А. Румянцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 27—44. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-27-44.

Kameneva, V. A., Potapova, N. V., Rumyantseva, A. A. (2023). Lexical and Grammatical Transformations of Terms when Changing Communicative Situation “Doctor — Doctor” to “Doctor — Child — Parent”. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 27-44. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-27-44. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-27-44

Лексико-грамматические трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель»

Каменева Вероника Александровна¹
orcid.org/0000-0001-8146-9721
доктор филологических наук, профессор
russia_science@mail.ru

Потапова Наталья Вадимовна¹
orcid.org/0000-0001-7593-1713
кандидат филологических наук, доцент
nv_potapowa@mail.ru

Румянцева Александра Александровна²
orcid.org/0000-0002-1352-2591
детский врач-кардиолог
aleksandra_1505@mail.ru

¹ Кемеровский государственный университет
(Кемерово, Россия)

² Научно-исследовательский институт комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний
(Кемерово, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00002 «Проблема когнитивно-дискурсивной параметризации медицинского дискурса пациентов с ВПС (врожденным пороком сердца) в кардиохирургическом стационаре»

Lexical and Grammatical Transformations of Terms when Changing Communicative Situation “Doctor — Doctor” to “Doctor — Child — Parent”

Veronika A. Kameneva¹
orcid.org/0000-0001-8146-9721
Doctor of Philology, Professor
russia_science@mail.ru

Natalya V. Potapov¹
orcid.org/0000-0001-7593-1713
PhD in Philology, Associate Professor
nv_potapowa@mail.ru

Alexandra A. Rumyantseva²
orcid.org/0000-0002-1352-2591
Pediatric Cardiologist
aleksandra_1505@mail.ru

¹ Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia)

² Scientific Research Institute of Complex Problems of Cardiovascular Diseases
(Kemerovo, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation, project number 23-28-00002 “The problem of cognitive and discursive parameterization of the medical discourse of patients with congenital heart disease (CHD) in a cardiac surgery hospital”

© Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о противоречивой оценке использования медицинской терминологии в профессиональной коммуникации. Отмечается, что применение медицинских терминов в коммуникации между врачом и взрослым пациентом может выступать триггером эмоционального напряжения и недоверия к рекомендациям врача. При этом установлено, что пациенты, которым хорошо знакома медицинская терминология, считают использование терминов врачами значимым фактором, свидетельствующим о качестве предоставляемых услуг. Поднимается вопрос о трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель». Для выявления и анализа трансформаций медицинских терминов применялся лексико-семантический и морфосинтаксический анализ. В результате применения метода экспертных оценок получены интерпретации медицинской терминологии врачами. Утверждается, что в коммуникативной ситуации «врач — пациент и / или его представитель» для снятия трудностей, вызванных употреблением узкоспециализированных медицинских терминов, врач прибегает к комплексной трансформации термина — экспликации. Показано, что экспликация обеспечивается рядом лексико-грамматических (генерализацией, конкретизацией, синонимической заменой) и синтаксических приемов (добавлением одиночного препозитивного определения, распространенного постпозитивного определения, придаточного определительного, придаточного цели), а также стилистическими средствами (эмоционально окрашенной лексикой, интенсификаторами, разговорным стилем).

Ключевые слова:

медицинская коммуникация; медицинская терминология; лексико-грамматическая трансформация терминов; комплаенс.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of controversial assessment of the use of medical terminology in professional communication is considered. It is noted that the use of medical terms in communication between a doctor and an adult patient can trigger emotional tension and mistrust of the doctor's recommendations. At the same time, it was established that patients who are familiar with medical terminology consider the use of terms by doctors to be a significant factor indicating the quality of the services provided. The question arises about the transformation of terms when changing the communicative situation "doctor — doctor" to "doctor — child — parent". To identify and analyze transformations of medical terms, lexical-semantic and morphosyntactic analysis was used. As a result of the method of expert evaluations application, interpretations of medical terminology by doctors were obtained. It is asserted that in the communicative situation "doctor — patient and / or his representative" to remove difficulties caused by the use of highly specialized medical terms, the doctor resorts to a complex transformation of the term — explication. It is shown that explication is provided by a number of lexical-grammatical (generalization, concretization, synonymous replacement) and syntactic techniques (adding a single prepositive definition, extended postpositive definition, adjunctive determiner, adjunctive goal), as well as stylistic means (emotionally colored vocabulary, intensifiers, conversational style).

Key words:

medical communication; medical terminology; lexical-grammatical transformation of terms; compliance.

УДК 811.161.1+81'33

Лексико-грамматические трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель»

© Каменева В. А., Потапова Н. В., Румянцева А. А., 2023

1. Введение = Introduction

Коммуникация врача и пациента не может осуществляться без специальной терминологии [Fage-Butler et al., 2016; Levin, 2006; Watermeyer et al., 2021]. Термин в медицинском дискурсе выполняет «информативную, гносеологическую, ориентирующую функции» [Маджаева, 2011, с. 92]. Медицинская терминология представляет собой «совокупность наименований, обозначающих понятия медицины как науки, и специальных номенклатурных наименований медицины как сферы профессиональной деятельности. Современная медицинская терминология — одна из самых обширных и сложных в понятийном, содержательном отношении систем терминов. Медицинский лексикон, включая употребляемые в научной медицине термины других наук (биологии, химии, физики, микробиологии, радиологии, генетики, антропологии, психологии, кибернетики и др.), составляет несколько сот тысяч слов и словосочетаний. Огромному объему современной медицинской терминологии сопутствует исключительное многообразие отражаемых ею категорий научных понятий» [Багана и др., 2013, с. 23].

Проблематика использования медицинских терминов в коммуникации между врачом и пациентом актуальна и требует уточнения в связи с проблемой комплаенсности пациента. Комплаенс трактуется как согласие пациента на лечение, сотрудничество с врачом в процессе терапии, а также выполнение всех требований терапии [Недуреева и др., 2019, с. 35]. Как справедливо указывают Т. В. Недуреева и Л. Е. Павлова, «особенно многогранна и сложна проблема комплаенса в педиатрии, в связи с тем, что отношения складываются не только между врачом и ребенком, но и родителем ребенка-пациента» [Там же]. Использование врачом во время консультации незнакомых родителю или законному представителю медицинских терминов или их обилие может вызвать непонимание, сбой в коммуникации и в итоге повлиять на результат лечения.

Как пишет Т. У. Леблан, во время консультаций врачи сталкиваются с проблемой донесения информации через различные коммуникативные барьеры, «включая асимметрию знаний между врачами и их пациентами,

а также другие осложняющие факторы» [Patient understanding ..., 2014, p. 238] (здесь и далее перевод наш. — В. К., Н. П., А. Р.). Как подчеркивают исследователи, особенно «выбор слов может оказать значительное влияние на понимание между врачом, пациентом и его родственниками» [Ibid.].

Обзор научной литературы позволяет сделать ряд выводов относительно основных направлений исследований медицинской терминологии в коммуникации между врачом, пациентом и его родственниками.

Медицинские термины в коммуникации между врачом и взрослым пациентом могут стать триггером эмоционального напряжения и недоверия к рекомендациям и назначаемому лечению. С одной стороны, если врач использует медицинские термины, не уточняя, знакомы ли они пациенту, это, по мнению ряда ученых, становится психологическим барьером, препятствующим успешной коммуникации. С другой стороны, подтверждено, что использование врачом медицинских терминов, которые знакомы пациентам, не только влияет на оценку медицинских услуг, но и положительно сказывается на результатах лечения [Williams et al., 2004]. Незнакомые медицинские термины играют роль барьера непонимания и становятся основной причиной сбоев эффективной коммуникации между врачом и пациентом. Непонимание терминов, определяющих симптомы заболевания, описывающих лечение или прогноз лечения, относящихся к оборудованию, которое будет применяться во время лечения, ведет к эмоциональному напряжению и дистанцированию в коммуникации между врачом и пациентом.

В связи с появлением в 2019 году масштабного спроса на онлайн-консультирование врачами различных профилей особое значение приобрели вопросы использования медицинской терминологии. Появилась необходимость выявить, нужна ли какая-то адаптация медицинской коммуникации. Исследование Дж. Чжан и др., основанное на анализе онлайн-консультаций врачей, свидетельствует о том, что пациенты, которые плохо знакомы с медицинской терминологией, отрицательно оценивают качество услуг врачей, использующих медицинские термины во время консультаций. При этом пациенты, которым хорошо знакома медицинская терминология, считают, что использование терминов врачами значимо и свидетельствует о качестве предоставляемых услуг [Should doctors ..., 2021]. Полученные данные полностью согласуются с результатами исследований употребления терминологии врачами в офлайн-консультациях, свидетельствуя о том, что применение медицинской терминологии в данном виде коммуникации подчиняется тем же требованиям, что и при офлайн-консультировании.

Вопросы дифференцированного подхода к использованию медицинской терминологии в коммуникации врачей различного профиля с пациен-

тами и их родственниками также входят в список основных направлений исследований, привлекающих как лингвистов, так и практикующих врачей. В рамках данного направления можно объединить работы, относящиеся к коммуникации таких врачей, как маммологи, онкологи, иммунологи. В своем исследовании коммуникации между врачом-маммологом и пациентами Р. Л. О'Коннелл с коллегами пришли к выводу, что большинство больных не знают значений терминов, используемых хирургами-маммологами. Для повышения эффективности медицинской коммуникации, в ходе которой пациенты смогут принимать активное участие в принятии обоснованных решений относительно их лечения, предлагается обязательное объяснение терминов, относящихся к их заболеванию, во время консультации [Patients' understanding ..., 2013]. Р. Готлиб и команда исследователей подробно изучили вопрос использования терминов в коммуникации онколога с пациентами, обратив внимание на то, что, несмотря на рекомендации избегать медицинской терминологии в коммуникации с пациентами, практикующие врачи часто игнорируют это [Accuracy in patient ..., 2022], не задумываясь над тем, что один и тот же термин в обыденной коммуникации может иметь другое значение, нежели в медицинской, следствием чего являются недопонимание или сбои в коммуникации. Независимо от того, о коммуникации каких врачей шла речь, в большинстве работ делается вывод, что понимание пациентом ключевой терминологии имеет решающее значение для получения информированного согласия и ухода за пациентом, следовательно, важно подробно объяснять терминологию пациентам. Как отмечают А. Вероски и другие исследователи, нельзя использовать медицинские термины, основываясь на том, что пациент может их понять исходя из его образования, профессии или наличия хронического заболевания [Patient comprehension ..., 2022].

Применение медицинских терминов в коммуникации между врачом и родителем или официальным представителем несовершеннолетнего пациента также может являться причиной неэффективной коммуникации. В работе А. Р. Линкс и коллег доказано, что использование медицинских терминов без их толкования препятствует эффективной коммуникации между врачом и родителями несовершеннолетних пациентов. Как пишут исследователи, «использование медицинских терминов во время педиатрических отоларингологических хирургических консультаций — распространенное явление, но именно оно может служить препятствием для принятия информированных или совместных решений родителя и врача относительно лечения ребенка» [Surgeon use ..., 2019, p. 1117]. К подобным результатам пришли и М. Фаррел с командой исследователей. Как выяснили ученые, «большое количество жаргонных слов и небольшое количество их поясне-

ний ведут к тому, что консультации врачей по поводу скрининга новорожденных непонятны родителям» [Pediatric residents' ..., 2008, p. 243].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблематика применения терминов в медицинской коммуникации требует дальнейших исследований. Большинство практикующих врачей знают, что использование терминологии без ее толкования пациентам может приводить к сбоям в коммуникации, но продолжают ее использовать. Возникает вопрос о причинах подобного коммуникативного поведения. Гипотеза данной работы заключается в том, что врачи ежедневно вынуждены работать сразу в нескольких стандартизированных коммуникативных ситуациях. Во-первых, врачи консультируют пациентов, во-вторых, заполняют медицинские карты больных, в-третьих, могут обсуждать лечение пациента с коллегами своего профиля или с коллегами других профессий, если пациент имеет сопутствующие заболевания, в-четвертых, общаются с родственниками пациентов или их законными представителями. Все эти коммуникативные ситуации регламентированы этикой медицинского общения, но требуют частого переключения, что может приводить к сбоям как в выборе стратегий коммуникации, так и в использовании терминологии.

Цель — установить и описать лексико-грамматические трансформации терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель», применяемых врачами кардиологического отделения в двух коммуникативных ситуациях: с коллегами своего профиля по поводу состояния больного и с самим пациентом и его родителями или законными представителями. Отметим, что общение врача с детьми во время консультации всегда проходит в присутствии родителя или законного представителя.

В исследовании приняли участие 11 врачей отделения кардиохирургии № 2 Научно-исследовательского института комплексных проблем сердечно-сосудистых заболеваний (4 кардиолога, 4 хирурга, 3 анестезиолога). Для сбора фактологического материала и распределения по лексико-семантическим группам использовался метод экспертных оценок: респондентам были представлены термины, которые предлагалось расписать так, как они их употребляют при общении с родителем и ребенком на консультации. Для выявления и анализа трансформаций медицинских терминов применялись лексико-семантический и морфосинтаксический виды анализа.

Вся терминология сгруппирована по лексико-тематическим группам: 1) взаимодействие по поводу лечения ребенка-пациента (включая этап обследования) (табл. 1); 2) информационное взаимодействие (объяснение состояния, жалоб и диагноза) (табл. 2).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Термины лексико-тематической группы «взаимодействие по поводу лечения ребенка-пациента (включая этап обследования)»

Термины структурно представлены буквенными инициальными аббревиатурами (*ЭКГ, МСКТ / МРТ*); смешанными сокращениями (*ЭХО-КГ*); гибридными сокращениями (*ЛАГ-терапия*); простыми терминами (*Эналаприл / Верошпирон, Фуросемид / Гипотиазид, Дигоксин, дезагреганты, кардиотоники*); терминами-словосочетаниями (*зондирование полостей, антиаритмические препараты, гипотензивные препараты*).

Таблица 1

Терминология, связанная с лечением ребенка-пациента
(включая этап обследования)

Термин	Интерпретация
ЭКГ	<p>Исследование, когда прикрепляем к коже электроды и записываем, как бьется сердце.</p> <p>Безболезненное исследование, при котором к грудной клетке, к рукам и ногам прикрепляем электроды и записываем, как работает сердце.</p> <p>Исследование, которое помогает выяснить, как сокращается сердце.</p> <p>Исследование, которое помогает исключить разные нарушения ритма.</p> <p>Исследование, которое позволит исключить аритмии (неправильное сокращение сердца).</p>
ЭХО-КГ	<p>Исследование, когда водим датчиком по грудной клетке и смотрим на экране, как выглядит сердце.</p> <p>Безболезненное исследование, при котором датчиком водят по грудной клетке и на экране смотрят строение и работу сердца.</p> <p>Исследование, которое может увидеть строение сердца.</p> <p>Исследование датчиком, которое покажет строение сердца.</p> <p>Исследование, которое поможет увидеть, есть ли какие-то дефекты в сердце.</p>
МСКТ / МРТ	<p>Исследование, когда мы делаем несколько снимков подряд, которые позволяют более детально изучить строение сердца.</p> <p>Исследование, которое позволяет сделать несколько снимков, провести 3D-реконструкцию и более детально изучить строение сердца и сосудов.</p> <p>Исследование, которое сможет детально «нарисовать» сердце на снимке.</p> <p>Исследование, по типу рентгена, но более детальное.</p> <p>Исследование, которое позволяет сделать реконструкцию сердца и детально понять его строение.</p>

Окончание табл. 1

Зондирование полостей	<p>Исследование, когда мы делаем прокол через сосуд на ноге и тоненьким катетером доходим до камер сердца.</p> <p>Исследование, которое проводится под наркозом, выполняется прокол сосуда в области паха, катетер по сосудам доходит до камер сердца.</p> <p>Исследование, которое проводится под наркозом: мы делаем прокол катетером через сосуд в паху, доводим катетер до сердца и видим его строение.</p> <p>Исследование, которое поможет увидеть не только строение сердца, но и померить давление в его камерах: проводится под наркозом через прокол сосуда в паху.</p> <p>В условиях рентгенооперационной под наркозом проводится прокол бедренного сосуда в паху, вводится катетер до камер сердца и проводится его детальное изучение.</p>
Эналаприл, Верошпирон	<p>Таблетки от сердечной недостаточности.</p> <p>Таблетки, чтобы уменьшить проявления сердечной недостаточности.</p> <p>Таблетки, чтобы сердце вернулось в прежние размеры.</p> <p>Таблетки, чтобы помочь сердцу справиться с работой.</p> <p>Таблетки, чтобы сердцу было легче работать.</p>
Фуросемид Гипоtiaзид	<p>Мочегонные таблетки.</p>
Дигоксин	<p>Таблетка, которая поможет сердцу сокращаться.</p> <p>Таблетка для улучшения сократительной способности сердца.</p> <p>Таблетка для улучшения работы сердца.</p> <p>Таблетка для улучшения сокращения сердца.</p> <p>Таблетка, которая поможет сердцу сокращаться.</p>
Антиаритмические препараты	<p>Таблетки, чтобы сердце сокращалось правильно.</p> <p>Препараты, необходимые для устранения аритмий.</p> <p>Таблетки для устранения аритмий.</p> <p>Таблетки для устранения неправильного сокращения сердца.</p> <p>Таблетки, чтобы убрать аритмию.</p>
Гипотензивные препараты	<p>Таблетки от давления.</p>
ЛАГ-терапия	<p>Препараты против высокого давления в легких.</p> <p>Таблетки, чтобы снизить давление в легких.</p> <p>Таблетки от высокого давления в легких.</p> <p>Терапия, направленная на снижение давления в легких.</p>
Деагреганты	<p>Препараты, разжижающие кровь.</p> <p>Таблетки, разжижающие кровь.</p>
Кардиотоники	<p>Реанимационные препараты для улучшения работы сердца.</p> <p>Препараты, помогающие сердцу работать.</p> <p>Реанимационные препараты, улучшающие сокращение сердца.</p> <p>Препараты, заставляющие сердце работать лучше.</p> <p>Реанимационные препараты для работы сердца.</p>

На этапе обследования врач-кардиолог в своей речи часто использует специальные медицинские термины: *ЭКГ, МСКТ / МРТ, ЭХО-КГ, зондирование полостей*. Подобные термины однозначно трактуются всеми врачами-кардиологами, поскольку студентам медицинских вузов преподается курс латинского языка и основы медицинской терминологии, так как без таких знаний невозможно овладеть медицинской наукой.

В коммуникативной ситуации «врач — пациент» нередко возникают ситуации, когда коммуниканты говорят «на разных языках». Смысл данных терминов в общих чертах может быть понятен среднестатистическому человеку, но сама процедура обследования, необходимые для обследования инструменты, полученные результаты часто вызывают непонимание у неспециалистов. Для восполнения смысловой потери, снижения расхождений в объеме фоновых знаний специалист прибегает к комплексной трансформации — экспликации — интерпретации / пояснению, то есть расширению структуры термина, что вызвано стремлением к наиболее точному, конкретному выражению понятия.

Экспликация термина происходит за счет лексическо-грамматических и синтаксических приемов. Так, при пояснении терминов (*ЭКГ, МСКТ / МРТ, ЭХО-КГ, зондирование полостей*) врач прибегает к приему генерализации, то есть замене ядерного / основного / описываемого элемента термина родовым понятием *исследование*. Кроме этого, необходимость полноты определения понятия приводит к использованию приема добавления, при котором в синтаксической структуре дублетов почти каждое существительное имеет постпозитивное или препозитивное определение, а также конструируются сложноподчиненные и простые осложненные предложения (*при котором, которое помогает, которое позволит, которое проводится, которое покажет*). Прием добавления состоит в пояснении:

— процедуры обследования (*когда прикрепляем к коже электроды и записываем, как бьется сердце; когда водим датчиком по грудной клетке и смотрим на экране, как выглядит сердце; когда мы делаем несколько снимков; когда мы делаем прокол*);

— цели обследования (*выяснить, как сокращается сердце; исключить разные нарушения ритма; сделать реконструкцию сердца и детально понять его строение; увидеть не только строение сердца, но и померить давление в его камерах*);

— используемых при обследовании инструментов / средств (*электроды, датчик, экран, снимки, 3D-реконструкция, катетер, наркоз*);

— исследуемых частей тела / органов (*к грудной клетке, к рукам и ногам, на ноге, в паху, бедренный сосуд*).

Вышеперечисленные термины (как и все другие) стилистически нейтральны, однако при их интерпретации врач прибегает к экспрессии, предполагающей выбор дихотомического «больно — безболезненно» (*безболезненное исследование*), использует положительно окрашенную лексику со значением ‘оказать помощь’ (*помогает выяснить, помогает исключить, поможет увидеть*), подчеркивает преимущества данного исследования перед другими подобными (*более детально изучить; детально понять*). Общаясь с пациентом, врач все же не может полностью отказаться от использования специальной медицинской терминологии (*по типу рентгена, но более детальное*), что сохраняет его авторитет как профессионала в своей сфере. Вместе с тем он стремится к построению доверительных отношений с пациентом, меняя стиль общения с профессионального на разговорный (*исследование, когда прикрепляем к коже электроды*).

Таким образом, экспликация термина происходит за счет лексико-грамматических и синтаксических приемов и имеет своей целью обеспечить пациента исчерпывающей информацией, что приведет к пониманию и, соответственно, изменению поведения пациента.

На этапе лечения речь врача-кардиолога насыщена терминами, обозначающими разного рода препараты и виды терапии: *Эналаприл / Верошпирон, Фуросемид / Гипотиазид, Дигоксин, антиаритмические препараты, гипотензивные препараты, ЛАГ-терапия, дезагреганты, кардиотоники*. Структурно *Эналаприл, Верошпирон, Фуросемид, Гипотиазид; Дигоксин, дезагреганты, кардиотоники* представляют собой простые (состоящие из одного слова) термины, относящиеся к названиям фармако-терапевтических групп диуретических и кардиотонических средств. Термин *ЛАГ-терапия* является гибридным сокращением (полнозначная лексическая единица присоединяется к сокращенному термину); антиаритмические препараты и гипотензивные препараты — двухкомпонентные атрибутивные термины-словосочетания, состоящие из ядерного компонента, выраженного именем существительным (*препараты*), и вспомогательного / описывающего, выраженного именем прилагательным (*антиаритмические, гипотензивные*) в функции препозитивного определения [Гринев-Гриневиц, 2008, с. 136].

С морфологической точки зрения термины, обозначающие лекарственные препараты, образованы аффиксальным способом (при помощи префикса и / или суффикса). Интернациональные префиксы греко-латинского происхождения не вызывают сложностей у специалистов, их семантика «прозрачна»: *dez-* (лат. de- ‘прекращение, движение вниз’), *гипо-* (греч. *huro-* ‘под, внизу’), *анти-* (греч. *anti-* ‘против’) и др. В профессиональном медицинском дискурсе под данными терминами понимают лекарственные

средства, снижающие артериальное давление и применяемые для нормализации нарушенного ритма сердечных сокращений [СМТ].

В ситуации общения с пациентами и / или их представителями врачи прибегают к непрофессиональному медицинскому языку, используя ряд приемов в рамках экспликации терминов. Во-первых, пользуясь приемом конкретизации, врач заменяет родовое наименование *препараты* на более конкретное видовое *таблетки*. Во-вторых, имеет место замена интернациональных префиксов соответствующими национальными (понятными для обывателя) словосочетаниями: *от сердечной недостаточности; для устранения аритмий; против высокого давления; от высокого давления; направленная на снижение давления*. В образовании дублетов *устранение, сокращение, улучшение* участвует национальный суффикс со значением действия / процесса. В-третьих, прибегая к приему добавления, врач использует осложненные простые предложения (*Таблетки, разжижающие кровь*); сложные предложения с придаточными цели (*Таблетки, чтобы снизить давление в легких*) и определительными придаточными (*Таблетка, которая поможет сердцу сокращаться*). В-четвертых, для эмоционального воздействия на пациента врач употребляет лексемы со значением исправления ситуации (*чтобы сокращалось правильно*); избавления от недуга (*для устранения; чтобы убрать*); важности / необходимости приема препаратов (*необходимые для устранения*).

3.2. Термины лексико-тематической группы «информационное взаимодействие (объяснение состояния, жалоб и диагноза)»

Рассмотрим ряд терминов, которые используют врачи для объяснения пациенту того, в связи с чем у последнего возникают болезненные состояния, жалобы, а также для разъяснения диагноза.

Данная группа представлена простыми терминами (*цианоз, кардиалгии, одышка, гипоксия*); двухкомпонентными терминами-словосочетаниями (*атриовентрикулярная коммуникация, недостаточность клапанов, стеноз клапанов, коарктация аорты, гипертрофия полостей, дилатация полостей, сердечная недостаточность, функциональный класс*); трехкомпонентными терминами-словосочетаниями (*врожденный порок сердца, дефект межпредсердной / межжелудочковой перегородки, открытый артериальный проток, транспозиция магистральных сосудов*) и четырехкомпонентными терминами-словосочетаниями (*аномальный дренаж легочных вен, двойное отхождение магистральных сосудов*).

Перечисленные термины понятны без пояснения специалисту в области кардиологии и не вызывают вопросов в ситуации общения «врач — врач». В структуре некоторых терминов встречаются слова старославянского происхождения (*порок*); слова общеупотребительной лексики (*перегородка*).

Таблица 2

Терминология информационного взаимодействия
(объяснение состояния, жалоб и диагноза)

Термин	Интерпретация
Врожденный порок сердца	<p>Анатомически неправильно сформированное сердце. Неправильно сформированное сердце. Неправильное строение сердца или сосудов. Аномальное строение сердца. Неправильное строение сердца или сосудов.</p>
Дефект межпредсердной / межжелудочковой перегородки	<p>Отверстие / дефект в перегородке, которое(-ый) разделяет сердце на правую и левую половины. Отверстие в перегородке, которая разделяет предсердия на правое и левое. Дефект или отверстие в области перегородки, которая разделяет предсердия на правое и левое. Сообщение между правой и левой половиной сердца. Отверстие между правой и левой стороной сердца.</p>
Открытый артериальный проток	<p>Канал, который соединяет аорты и легочную артерию между собой. Лишний сосуд соединяет аорту и легочную артерию между собой. Сосуд, который соединяет аорту и легочную артерию и должен закрыться к 10 дню жизни. Соединение между аортой и легочной артерией, которого быть не должно. Сосуд между аортой и легочной артерией, который нужно закрыть.</p>
Атриовентрикулярная коммуникация	<p>Большое общее отверстие, которое затрагивает перегородку между предсердиями и желудочками и клапаны между предсердиями и желудочками с обеих сторон. Нарушение строения сердца, включая клапаны внутри сердца и перегородки. Одно большое общее отверстие между предсердиями и желудочками, при котором поражаются перегородки и клапаны. Большое отверстие «в середине» сердца, которое повреждает и перегородки, и клапаны. Неправильное строение сердца, из-за которого нарушена целостность перегородок сердца и его клапанов.</p>
Транспозиция магистральных сосудов	<p>Аорты и легочная артерия (два главных сосуда, выходящих из сердца) поменялись местами. Два главных сосуда сердца — аорта и легочная артерия — поменялись местами и отходят не от тех желудочков, от которых отходят в норме. Два главных сосуда поменялись друг с другом местами. Аорта и легочная артерия (два главных сосуда) отходят от противоположных камер. Аорта и легочная артерия поменялись местами.</p>

Продолжение табл. 2

Термин	Интерпретация
Аномальный дренаж легочных вен	<p>Легочные вены (все 4 или одна / несколько) впадают в другие полости сердца вместо предсердия.</p> <p>Легочные вены (все 4 или одна / несколько) впадают в предсердие с венозной кровью вместо обогащенной кислородом.</p> <p>Легочные вены (все 4 или одна / несколько) впадают не в левое предсердие, как должно в норме, а в другие полости сердца или сосуды.</p> <p>Легочные вены (все или несколько) впадают не в левое предсердие, а в какие-то другие структуры сердца.</p> <p>Легочные вены должны впадать в левое предсердие, а впадают (все или несколько) в другие камеры или сосуды.</p>
Двойное отхождение магистральных сосудов	<p>Два главных сосуда (аорта и легочная артерия) выходят вместе из одного желудочка, а не из разных.</p> <p>Два главных сосуда сердца (аорта и легочная артерия) выходят из одного правого желудочка.</p> <p>Аорты и легочная артерия выходят вместе из одной камеры.</p> <p>Аорта и легочная артерия (два главных сосуда) идут вместе с одного желудочка.</p> <p>Два главных сосуда (аорта и легочная артерия) выходят вместе из одного (чаще правого) желудочка.</p>
Недостаточность клапанов	<p>Створки клапана не закрываются до конца и пропускают кровь в обратном направлении.</p> <p>Створки клапана плотно не смыкаются, за счет чего клапаны пропускают кровь в обратном направлении.</p> <p>Клапан не может полностью закрыться и пропускает кровь обратно.</p> <p>Створки клапана не могут плотно смыкаться и пропускают поток крови обратно.</p> <p>Створки клапана слишком слабые, чтобы полностью смыкаться.</p>
Стеноз клапанов	<p>Слишком узкий клапан / клапан сужен, из-за чего ему трудно пропускать необходимый объем крови.</p> <p>Сужение отверстия на уровне клапана или кольца клапана, через которое не может пройти достаточный объем крови.</p> <p>Уменьшение отверстия клапана, из-за чего клапан не может пропускать нужный объем крови.</p> <p>Сужения клапана, из-за чего клапан не может пропускать нужный объем крови.</p> <p>Клапан становится слишком узким и не может пропускать весь объем крови.</p>
Коарктация аорты	<p>Сужение аорты.</p> <p>Сужение аорты (главного сосуда сердца) на различном уровне.</p>
Гипертрофия полостей	<p>Утолщение стенок сердца / стенки сердца становятся толще, чтобы справиться со своей функцией.</p> <p>Утолщение стенок сердца в ответ на повышенную нагрузку на них.</p>

Окончание табл. 2

Термин	Интерпретация
	Утолщение стенок сердца из-за каких-то препятствий в работе сердца. Утолщение стенок сердца.
Дилатация полостей	Расширение / увеличение полостей сердца в размере.
Сердечная недостаточность	Состояние, когда сердце не справляется со своей функцией. Состояние, при котором сердце не может выполнять свою работу, как насос. Состояние, когда сердце изнашивается. Слишком слабое сердце. Слабое сердце, которое не может выполнять свои функции.
Функциональный класс	Способность выполнять какие-то физические нагрузки. Способность выполнять физическую нагрузку. Физическая выносливость. Способность выполнять физическую активность.
Цианоз	Синий цвет кожных покровов / синюшность кожи. Синюшность кожных покровов или слизистых. Синие кожные покровы. Синий цвет кожи. Синий цвет кожи или слизистых оболочек.
Кардиалгии	Боли / неприятные ощущения рядом с сердцем. Боли в области сердца. Боли за грудиной. Боли в грудной клетке.
Одышка	Состояние нехватки воздуха / задыхаешься. Ощущение нехватки воздуха. Нехватка воздуха. Состояние, когда будто нечем дышать.
Гипоксия	Состояние, когда в крови мало кислорода. Недостаток, дефицит кислорода в крови. Дефицит кислорода в крови Недостаток кислорода в крови.

Помимо вышеперечисленных префиксов греко-латинского происхождения, в кардиологической терминологии существуют префиксы, служащие выражению пространственных значений. Это объясняется прагматической значимостью в медицине точного указания на место заболевания или органа, подлежащего лечению или являющегося непосредственным объектом наблюдения. Так, термин *дефект межпредсердной / межжелудочковой перегородки* означает врожденный порок сердца, характеризующийся наличием сообщения между правым и левым предсердиями [СМТ]. В ситуации же общения «врач — пациент» при экспликации данного термина врач уточ-

няет локацию существующей проблемы: *между правой и левой половиной сердца; в перегородке, которая разделяет сердце на правую и левую половины*. Врач-кардиолог снова прибегает к приему конкретизации, употребляя видовое название *отверстие* вместо родового *дефект*; *отверстие* вместо *коммуникация* (атриовентрикулярная коммуникация). Кроме этого, при экспликации отдельные компоненты терминов могут подвергаться замене, основанной на сравнении с живой природой (*проток — канал*) или объектами человеческого бытия [Смирнова, 2012, с. 16], что объясняется постоянной необходимостью человека пользоваться данными предметами в повседневной жизни (*проток — сосуд; сердце — насос*). Встречаются эвфемизмы, при которых термин заменяется описательным оборотом с помощью приставки *не-*, но при этом с менее грубым смыслом (замена слова *порок*), например: *врожденный порок сердца — неправильно сформированное сердце; неправильное строение сердца или сосудов*. И наоборот, термин *недостаточность клапанов*, образованный при помощи отрицательной приставки *не-*, объясняется развернутым оборотом (эвфемизмом) без *не-*: *Створки клапана слишком слабые, чтобы полностью смыкаться*. Употребляя в своей речи интенсификаторы (*слишком слабые, слишком узкий*), врач оказывает и определенное эмоциональное воздействие на сознание пациента.

Использование приема добавления при синтаксической трансформации терминов приводит к употреблению врачом синтаксически осложненных предложений. Например, термин *аномальный дренаж легочных вен* объясняется следующим образом: *Легочные вены (все 4 или одна / несколько) впадают не в левое предсердие как должно в норме, а в другие полости сердца или сосуды*.

При объяснении термина *кардиалгии*, образованного от греческих терминоэлементов *карди-* ‘относящийся к сердцу’ и *algos* ‘боль’, врач делает упор на ядерном компоненте (*боли*), дополняя его указанием на месторасположение в теле человека (*рядом с сердцем, в грудной клетке, за грудиной*), облегчая тем самым пациенту понимание слова. Кроме этого, используется синонимический ряд, состоящий из вариантных соответствий, передающих значение исходной единицы, аналогичных ей по значению, что помогает пациенту верно интерпретировать понятие (*боли / неприятные ощущения*).

Таким образом, в коммуникативной ситуации «врач — пациент и / или его представитель» для снятия трудностей, вызванных употреблением узкоспециализированных медицинских терминов, относящихся к обеим исследуемым лексико-тематическим группам, врач прибегает к комплексной трансформации термина — экспликации. Экспликация обеспечивается: 1) лексико-грамматическими приемами (генерализация, конкретизация,

синонимический ряд); 2) синтаксическими приемами, а именно добавлением одиночного препозитивного определения, распространенного постпозитивного определения, придаточного определительного, придаточного цели; 3) стилистическими средствами (эмоционально окрашенная лексика, интенсификаторы, разговорный стиль).

4. Заключение = Conclusions

Анализ лексико-грамматических трансформаций терминов при смене коммуникативной ситуации «врач — врач» на «врач — ребенок — родитель» позволил сделать заключение о том, что экспликация как комплексная трансформация медицинского термина является широко применимым способом интерпретации специальной терминологии, без которой медицинский работник не сможет добиться эффекта понимания со стороны пациента и / или его представителя. При помощи ряда лексико-грамматических, синтаксических и стилистических приемов при описании тех или иных медицинских обследований, препаратов, болезней, симптомов и т. п. становится возможным компенсировать / минимизировать смысловую потерю и сделать доступным тот смысл, который хочет донести специалист, вместе с тем оказывая определенное воздействие на пациента и мотивируя его на изменение поведения.

Источники и принятые сокращения

1. СМТ — *Словарь* медицинских терминов [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.lib.ru/NTL/MED/slowar_a-k.txt (дата обращения 10.01.2023).

Литература

1. Багана Ж. Проблемы медицинской терминологии (на материале немецкого языка) / Ж. Багана, С. Величкова // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия : Лингвистика. — 2013. — № 2. — С. 23—28.

2. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение / С. В. Гринев-Гриневиц. — Москва : Академия, 2008. — 304 с. — ISBN 978-5-7695-4951-9.

3. *Маджаева С. И.* Термины в медицинском дискурсе / С. И. Маджаева // *Вестник Челябинского государственного университета*. — 2011. — № 33 (248). — С. 92—94.

4. *Недурева Т. В.* Особенности коммуникативных установок и совладающего поведения врачей-педиатров в ситуации лечебного взаимодействия / Т. В. Недурева, Л. Е. Павлова // *Коллекция гуманитарных исследований*. — 2019. — № 1 (16). — С. 34—40.

5. *Смирнова Е. В.* Структурно-семантический и лексикографический аспекты медицинской терминологии (на примере кардиологической лексики) : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Е. В. Смирнова. — Ярославль, 2012. — 23 с.

6. *Accuracy in patient understanding of common medical phrases* / R. Gotlieb, C. Praska, M. A. Hendrickson, J. Marmet, V. Charpentier, E. Hause, K. A. Allen, S. Lunos, M. B. Pitt // *JAMA network open*. — 2022. — Vol. 5. — № 11. — DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2022.42972.

7. *Fage-Butler A. M.* Medical terminology in online patient-patient communication : evidence of high health literacy? / A. M. Fage-Butler, M. Nisbeth Jensen // *Health expectations*. — 2016. — Vol. 19. — № 3. — Pp. 643—653. — DOI: 10.1111/hex.12395.

8. *Levin M. E.* Different use of medical terminology and culture-specific models of disease affecting communication between Xhosa speaking patients and English-speaking doctors at a South African paediatric teaching hospital / M. E. Levin // *South African Medical Journal*. — 2006. — Vol. 96. — № 10. — Pp. 1080—1084.

9. *Patient* comprehension of breast pathology report terminology need for patient-centered resources / A. Verosky, L. D. Leonard, C. Quinn, S. Vemuru, E. Warncke, B. Himelhoch, V. Huynh, D. Wolverson, K. Jaiswal, G. Ahrendt, S. Sams, C. T. Lin, E. Cumbler, R. Schulick, S. E. Tevis // *Surgery*. — 2022. — Vol. 172. — № 3. — Pp. 831—837. — DOI: 10.1016/j.surg.2022.05.007.

10. *Patient* understanding of medical jargon : a survey study of U.S. medical students / T. W. LeBlanc, A. Hesson, A. Williams, C. Feudtner, M. Holmes-Rovner, L. D. Williamson, P. A. Ubel // *Patient education and counseling*. — 2014. — Vol. 95. — № 2. — Pp. 238—242. — DOI: 10.1016/j.pec.2014.01.014.

11. *Patient's* understanding of medical terminology used in the breast clinic / R. L. O'Connell, S. K. Hartridge-Lambert, N. Din, E. R. St John, C. Hitchins, T. Johnson // *Breast*. — 2013. — Vol. 22. — № 5. — Pp. 836—838. — DOI: 10.1016/j.breast.2013.02.019.

12. *Pediatric* resident's use of jargon during counseling about newborn genetic screening results / M. Farrell, L. Deuster, J. Donovan, S. Christopher // *Pediatrics*. — 2008. — Vol. 122. — № 2. — Pp. 243—249. — DOI: 10.1542/peds.2007-2160.

13. *Should* doctors use or avoid medical terms? The influence of medical terms on service quality of E-health / J. Zhang, J. Zhang, K. Wang, W. Yan // *Electronic Commerce Research*. — 2021. — DOI: 10.1007/s10660-021-09516-6.

14. *Surgeon* use of medical jargon with parents in the outpatient setting / A. R. Links, W. Callon, C. Wasserman, J. Walsh, M. C. Beach, E. F. Boss // *Patient education and counseling*. — 2019. — Vol. 102. — № 6. — Pp. 1111—1118. — DOI: 10.1016/j.pec.2019.02.002.

15. *Watermeyer J.* Medical terminology in intercultural health interactions / J. Watermeyer, Z. Thwala, J. Beukes // *Health Commun.* — 2021. — Vol. 36. — № 9. — Pp. 1115—1124. — DOI: 10.1080/10410236.2020.1735700.

16. *Williams N.* The impact of matching the patient's vocabulary : a randomized control trial / N. Williams, J. Ogden // *Family Practice*. — 2004. — Vol. 21. — № 6. — Pp. 630—635. — DOI: 10.1093/fampra/cmh610.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023;
одобрена после рецензирования 02.03.2023;
подготовлена к публикации 10.03.2023.*

Material resources

SMT — *Dictionary of Medical terms*. Available at: http://www.lib.ru/NL/MED/slowar_a-k.txt (accessed 10.01.2023). (In Russ.).

References

Gotlieb, R., Praska, C., Hendrickson, M. A., Marmet, J., Charpentier, V., Hause, E., Allen, K. A., Lunos, S., Pitt, M. B. (2022). Accuracy in patient understanding of common medical phrases. *JAMA network open*, 5 (11). DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2022.42972.

- Bagana, Zh., Velichkova, S. (2013). Problems of medical terminology (based on the material of the German language). *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Linguistics*, 2: 23—28. (In Russ.).
- Fage-Butler, A. M., Nisbeth Jensen, M. (2016). Medical terminology in online patient-patient communication: evidence of high health literacy? *Health expectations*, 19 (3): 643—653. DOI: 10.1111/hex.12395.
- Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminology*. Moscow: Academy. 304 p. ISBN 978-5-7695-4951-9. (In Russ.).
- Levin, M. E. (2006). Different use of medical terminology and culture-specific models of disease affecting communication between Xhosa speaking patients and English-speaking doctors at a South African paediatric teaching hospital. *South African Medical Journal*, 96 (10): 1080—1084.
- Majaeva, S. I. (2011). Terms in medical discourse. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 33 (248): 92—94. (In Russ.).
- Nedurueva, T. V., Pavlova, L. E. (2019). Features of communicative attitudes and coping behavior of pediatricians in the situation of therapeutic interaction. *Collection of humanitarian studies*, 1 (16): 34—40. (In Russ.).
- Patient comprehension of breast pathology report terminology need for patient-centered resources. (2022). *Surgery*, 172 (3): 831—837. DOI: 10.1016/j.surg.2022.05.007.
- Patient understanding of medical jargon: a survey study of U.S. medical students. (2014). *Patient education and counseling*, 95 (2): 238—242. DOI: 10.1016/j.pec.2014.01.014.
- Patient's understanding of medical terminology used in the breast. (2013). *Breast*, 22 (5): 836—838. DOI: 10.1016/j.breast.2013.02.019.
- Pediatric resident's use of jargon during counseling about newborn genetic screening results. (2008). *Pediatrics*, 122 (2): 243—249. DOI: 10.1542/peds.2007-2160.
- Should doctors use or avoid medical terms? The influence of medical terms on service quality of E-health. (2021). *Electronic Commerce Research*. DOI: 10.1007/s10660-021-09516-6.
- Smirnova, E. V. (2012). *Structural-semantic and lexicographic aspects of medical terminology (on the example of cardiological vocabulary)*. Author's abstract of PhD Diss. Yaroslavl. 23 p. (In Russ.).
- Surgeon use of medical jargon with parents in the outpatient setting. (2019). *Patient education and counseling*, 102 (6): 1111—1118. DOI: 10.1016/j.pec.2019.02.002.
- Watermeyer, J., Thwala, Z., Beukes, J. (2021). Medical terminology in intercultural health interactions. *Health Commun*, 36 (9): 1115—1124. DOI: 10.1080/10410236.2020.1735700.
- Williams, N., Ogden, J. (2004). The impact of matching the patient's vocabulary: a randomized control trial. *Family Practice*, 21 (6): 630—635. DOI: 10.1093/fampra/cmh610.

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 02.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.*

Лю Ди. Интерпретация фразеологизмов средствами китайского языка в русско-китайских фразеологических словарях / Лю Ди, Мэн Фаньхун // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 45—65. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-45-65.

Liu Di, Meng Fanhong. (2023). Interpretation of Phraseological Units Using Chinese Language in Russian-Chinese Phraseological Dictionaries. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 45-65. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-45-65. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-45-65

Интерпретация фразеологизмов средствами китайского языка в русско-китайских фразеологических словарях

Лю Ди

orcid.org/0000-0003-0021-4079

кандидат филологических наук, доцент,
Институт иностранных языков
llsh352@yandex.ru

Мэн Фаньхун *

orcid.org/0000-0003-3383-3765

магистр филологических наук,
профессор,

Институт иностранных языков,
* *корреспондирующий автор*
479884839@qq.com

Хэйхэский университет
(Хэйхэ, Китай)

Благодарности:

Статья выполнена за счет гранта
«Исследования по актуальным проблемам
социально-экономического развития
провинции Хэйлунцзян (специально
для научно-исследовательских баз)»,
проект № 21559

Interpretation of Phraseological Units Using Chinese Language in Russian-Chinese Phraseological Dictionaries

Liu Di

orcid.org/0000-0003-0021-4079

PhD in Philology, Assistant Professor,
Institute of Foreign Languages,
llsh352@yandex.ru

Meng Fanhong *

orcid.org/0000-0003-3383-3765

Master of Philology, Professor,
Institute of Foreign Languages,

* Corresponding author
479884839@qq.com

Heihe University
(Heihe, China)

Acknowledgments:

The article was carried out with the grant
«Research on actual problems of social
and economic development
of Heilongjiang province
(specially for research bases)»,
project № 21559

© Лю Ди, Мэн Фаньхун, 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается описание русских фразеологизмов средствами китайского языка в лексикографической практике. Анализируются словарные статьи, их структура и содержание из шести основных фразеологических словарей, изданных в Китае со второй половины прошлого века до наших дней. Результаты исследования показали, что объяснение русского фразеологизма в данных лексикографических источниках осуществляется двумя способами: посредством толкования и подбора аналогичного выражения. Показано, что второй способ реализуется в двух вариантах: как толкование-перевод и переводной вариант. Установлено, что толкование-перевод отличается от собственного толкования и переводного варианта наличием двух равнозначных функций: объяснения и выражения. Выявлена также составная модель описания «аналогичное выражение + дополнительное толкование», которая чаще всего используется в словарных статьях, где отсутствуют собственно толкование и этимологические сведения. Напротив, при их наличии в словарной статье обычно используется китайское аналогичное выражение как вариант объяснения русской фразеологической единицы. Авторы приходят к выводу, что объем словарных статей и модели описания русского фразеологизма зависят от целей составителей словарей: краткого справочного представления фразеологизма, развернутого объяснения посредством обширного этимологического комментария, репрезентации материалов для учебного освоения путем демонстрации примеров и др.

Ключевые слова:

китайская русистика; двуязычная лексикография; русско-китайский словарь; фразеология; перевод.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The description of Russian phraseological units by means of the Chinese language in lexicographic practice is considered. Dictionary articles, their structure and content from six main phraseological dictionaries published in China from the second half of the last century to the present day are analyzed. The results of the research showed that the explanation of Russian phraseology in these lexicographic sources is carried out in two ways: through interpretation and selection of a similar expression. It is shown that the second method is implemented in two variants: as interpretation-translation and literal translation. It has been established that interpretation-translation differs from actual interpretation and literal translation by the presence of two equivalent functions: explanation and interpretation. The compound description model «analogous expression + additional interpretation», which is most often used in dictionary articles where there is no proper interpretation and etymological information is also revealed. On the contrary, when they are present in the dictionary article, a Chinese analogous expression is usually used as a variant of the explanation of the Russian phraseological unit. The authors come to the conclusion that the volume of dictionary articles and models of description of Russian phraseology depend on the goals of dictionary compilers: a brief reference presentation of phraseology, a detailed explanation through an extensive etymological commentary, representation of materials for learning by demonstrating examples, etc.

Key words:

Chinese Russian studies; bilingual lexicography; Russian-Chinese dictionary; phraseology; translation.

УДК 81'374.822+811.581'255.2

Интерпретация фразеологизмов средствами китайского языка в русско-китайских фразеологических словарях

© Лю Ди, Мэн Фаньхун, 2023

1. Введение = Introduction

Одним из приоритетных и наиболее разработанных направлений китайской русистики является лексикография. Особенно активно китайские русисты стали проводить лексикографические исследования после образования Китайской Народной Республики. Лингвисты поколениями вносили вклад в дело создания русско-китайских словарей, благодаря чему увидели свет многочисленные лексикографические источники разного типа и объема, в том числе русско-китайские фразеологические словари.

Русский язык накопил значительный запас фразеологических единиц (далее — ФЕ), значения которых отражают исторические реалии и духовную жизнь российского народа. Именно такие сложные для понимания феномены всегда создают барьер в межъязыковой коммуникации. Особенности толкования и употребления русских фразеологизмов изучают как российские, так и китайские лингвисты. Большой вклад в исследование типологии, семантики, стилистики, прагматики, происхождения ФЕ внесли известные российские фразеологи [Мокиенко, 1980, Жуков, 1985; Телия, 1996; Шанский, 2012 и др.], на работы которых опираются в своих трудах и китайские русисты. Последние занимаются изучением русской фразеологии в сопоставлении с китайской [Современная ..., 2003, с. 212—233], в том числе с точки зрения способов перевода ФЕ [Цай И и др., 2006, с. 23—28]. Сопоставительное направление исследования фразеологизмов находит отражение в учебниках по современному русскому языку в качестве самостоятельных разделов [Чжан Цзяхуа и др., 2006, с. 154—177 и др.] и получает практическое применение в ходе составления фразеологических словарей, имеющих разное назначение [Ту Шан-инь, 1989, с. 134—150].

Первоначально фразеологизмы включались в русско-китайские словари в качестве примеров употребления заголовочной лексической единицы, соответственно занимая подчиненное место в словарной статье так же, как и во многих толковых словарях русского языка [СлРЯ, 1999; Ушаков, 1935—1940 и др.]. В 1958 году появились специальные русско-китайские словари, посвященные описанию фразеологизмов. В дальней-

шем составление русско-китайских фразеологических словарей получило постоянную основу, более подробно об этом писал один из авторов данной статьи в работе «Составление русско-китайских фразеологических словарей в Китае: аспекты и перспективы» [Лю Ди, 2020]. В указанной публикации описаны объем, структура и функции, охарактеризовано содержание пяти русско-китайских фразеологических словарей, проанализированы их достоинства и недостатки. Кроме того, упомянутая статья затрагивала проблемы толкования на китайском языке и перевода русских фразеологизмов в словарях. В то же время за рамками работы остался системный анализ переводческих проблем и интерпретационного описания русских фразеологических единиц средствами китайского языка. Данный вопрос остается одним из центральных при составлении двуязычных словарей. До сих пор отсутствует комплексное исследование интерпретации фразеологизмов русского языка средствами китайского языка в специальных словарях, хотя практические способы перевода русских фразеологизмов на китайский язык давно разработаны и общепризнаны. Рассмотрение поставленного вопроса позволит выявить различия основных функций, которые выполняют средства китайского языка в русско-китайских фразеологических словарях, отражая принципы составления такого рода изданий.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалами исследования в данной работе являются, главным образом, словарные статьи из шести основных русско-китайских фразеологических словарей, изданных в Китае: «Краткий сборник русских фразеологических выражений и поговорок с китайским переводом» [Сборник, 1958]; «Русско-китайский фразеологический словарь» (Харбинский институт иностранных языков) [Словарь, 1958]; «Русско-китайский фразеологический словарь» (под редакцией Чжо Цзишэн) [Словарь, 1984]; «Этимологический словарь русской фразеологии» [Словарь, 1988]; «Русско-китайский фразеологический словарь» (под редакцией Ся Чжидэ) [Словарь, 1992]; «Словарь современных употребительных русских фразеологизмов с толкованием на русском и китайском языках» [Словарь, 2004]. Кроме того, в процессе исследования мы обращались к некоторым фундаментальным русско-китайским словарям для сравнения особенностей описания фразеологических единиц и примеров их переводов определенными средствами.

В процессе анализа мы использовали методы наблюдения, сравнения, обобщения и классификации. Применен диахронический подход к анализу микроструктуры шести указанных словарей. Сопоставление словарных

статей в лексикографических источниках разного типа позволило выявить особенности описания русских фразеологизмов средствами китайского языка. На основе обобщения полученных результатов авторами разработана классификация китайских средств описания русских фразеологизмов.

Способы толкования русских фразеологизмов, традиционно сложившиеся в российской лексикографии, представляют собой объяснение фразеологической единицы на основе анализа ее категориальных признаков (частеречной принадлежности) [Молотков, 1977, с. 241—245]. В китайской русистике для подбора эквивалента к русскому фразеологизму предлагается его перевод при помощи китайского фразеологизма, а также посредством буквального перевода фразеологической единицы или ее перевода путем подбора слова, свободного словосочетания, значения которых отражают общий смысл русского выражения [Цай И, 2006, с. 23—28]. Кроме того, возможно использование модели, совмещающей буквальный перевод и традиционное описательное толкование фразеологизма [У Кэли, 1981, с. 25]. В составлении дефиниции двуязычная лексикография обычно опирается на формулирование семантемы и подбор эквивалентного слова [Ли Мин-и и др., 2011, с. 137]. Анализируя способы объяснения фразеологизмов в «Большом русско-китайском словаре», Гуй Динкан употребляет термины *толкование* и *перевод* [Гуй Динкан, 1992, с. 14]. Однако, на наш взгляд, фразеологизм является значительно более сложным феноменом, чем слово, с точки зрения как семантического объема, так и способа перевода, поэтому китайские приемы объяснения фразеологических выражений недостаточно делить только на «толкование» и «перевод».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Описание ФЕ в «Кратком сборнике русских фразеологических выражений и поговорок с китайским переводом» (1958)

«Краткий сборник русских фразеологических выражений и поговорок с китайским переводом», составленный Ван Цзыюнем, Хаун Чанпэем и Ю Цзунъюа и изданный в 1958 году (далее — «Сборник, 1958»), — один из первых двух специальных словарей фразеологизмов русского языка в Китае. В него включено более 6500 ФЕ и их словарных определений. Последние характеризуются краткостью, содержат грамматические комментарии, стилистические пометы, аналогичные выражения китайского языка. Хотя в «Сборнике, 1958» часть фразеологизмов проиллюстрированы примерами-предложениями, но все же невозможно говорить об иллюстративных материалах как типичной составляющей словарной статьи данного лексикографического источника, потому что количество таких ФЕ ограничено.

Когда речь идет о китайских аналогах русским фразеологизмам в данном словаре, то нетрудно заметить, что в нем представлено два основных средства описания: это толкование-перевод и переводной вариант (то есть устойчивое выражение из китайского языка, выступающее близким аналогом русского выражения). Например, для русского фразеологизма в словарной статье *ломать голову (над чем)* / 对于...苦思, 绞尽脑汁 [Сборник, 1958, с. 192] предлагается два китайских варианта: первый 对于...苦思 ('с трудом думать над чем') — конструкция, состоящая из глагола 苦思 и предлога 对于, а второй 绞尽脑汁 (близкий перевод: сжать мозг) — китайский фразеологизм с компонентом «мозг» («ум»). При этом первое выражение может выполнять функции как толкования, так и перевода. Авторы «Сборника ...» 1958 года подчеркнули, что фразеологизмы объясняются с помощью простых слов, употребляемых в прямых значениях, для их лучшего понимания читателями, хотя стилистическая окраска может оказаться несохраненной [Сборник, 1958]. Фактически в определенных условиях они также употребляются как варианты перевода. Например, данный фразеологизм зафиксирован во «Фразеологическом словаре русского языка» (под редакцией А. И. Молоткова, 1967) со значением 'усиленно думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное' [ФСРЯ, с. 232], и этот же смысл передается в китайском варианте 对于...苦思. В то же время имеется случай, когда такое выражение используется в качестве перевода, например: *А Виктор, идя зади, ломал голову над сказанными Тоней словами, не понимая их смысла* (Н. А. Островский. Как закалялась сталь) было переведено так: 维克多跟在后面, 苦思着刚才冬妮亚所说的话, 不明白究竟是什么意思 [Пер. Мэй И] С учетом двойной равной функции такого средства мы называем его **толкованием-переводом**.

Второе из предложенных средств, безусловно, может также служить объяснением ФЕ. Однако надо учитывать, что, во-первых, русский фразеологизм в подавляющем большинстве случаев не может в полной мере замещаться китайским фразеологизмом, поскольку последний часто ограничивает понимание оригинала, может исказить его смысл, как отмечали авторы словаря [Сборник, 1958]; во-вторых, для одного русского фразеологизма существует несколько переводных эквивалентов в китайском языке, и мы предлагаем квалифицировать такое средство как **переводной вариант**. Ср. русские предложения с фразеологизмом *ломать голову* и их переводы:

(1) ... *Павел Петрович не раз помогал своему брату; не раз, видя, как он бился и ломал себе голову, придумывая, как бы извернуться, Павел Петрович медленно подходил к окну и, засунув руки в карманы, бормотал сквозь зубы: «Mais je puis vous donner de l'argent», — и давал ему денег*

(И. С. Тургенев. Отцы и дети) / 巴威尔·彼得罗维奇帮助他的兄弟并不止一次，好几回巴威尔·彼得罗维奇看见他的弟弟绞尽脑汁在想办法，不知道要怎样办才好，他就慢慢地走到窗前，把手伸进袋子里，从牙齿缝里轻声说：“不过我可以给你些钱。”把钱给了他» [Пер. Ба Цзиня].

(2) *Он не мог бы объяснить и этого, но если б и мог объяснить, то теперь он бы не стал над этим особенно ломать голову* (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание) / 这他却说不清楚，不过即使他能把这解释清楚，那现在他也不想在这方面特别花费脑力。 [Пер. Жу Луна].

(3) — *Нет, доскажи уж, что начала, не то я стану ломать голову!* (И. А. Гончаров. Обрыв) / “别，你把刚才的话说完，不然我会冥思苦想的！” [Пер. Янь Юнсина].

(4) — *Э! да черт с ним совсем, с письмом-то! Ломать голову из таких пустяков! Я отвык деловые письма писать* (И. А. Гончаров, Обломов) / 该死的信，去它的吧！叫我为这种鸡毛蒜皮的事情伤脑筋！ [Пер. Чэнь Фу, Чжэн Куя].

Таким образом, наряду с китайским фразеологизмом *绞尽脑汁*, который представлен в «Сборнике ...» 1958 года, в переводческой практике также используются как варианты устойчивые выражения *花费脑力* (близкий перевод: тратить ум), *冥思苦想* (близкий перевод: глубоко задумываться и с трудом размышлять»), *伤脑筋* (близкий перевод: портить мозг).

Другая особенность описания русских ФЕ средствами китайского языка в данном словаре заключается в том, что в словарные статьи ряда фразеологизмов включена дополнительная информация, формально помещенная в скобках и предназначенная для уточнения смысла. Например, в словарной статье ФЕ *кровь с молоком* 〈口语〉 (指健康人) 面色红里透白 есть дополнительное объяснение, находящееся в скобках: 指健康人 (имеется в виду здоровый человек). В словарной статье ФЕ *как рыба в воде* 〈口语〉 如鱼得水 (觉得十分自在) слова в скобках *觉得十分自在* имеют значение ‘чувствовать полную свободу’ и выступают в качестве толкования. Такое смешанное описание (китайский аналог + вспомогательное толкование), на наш взгляд, обусловлено ограниченностью объема данного словаря (принципом краткости). При этом без опоры на толкование и другие данные читателю было бы сложно понять значения многих фразеологизмов, если ему приходилось опираться только на предложенный составителями словаря китайский эквивалент (собственно китайское аналогичное выражение).

Словарная статья «Сборника ...» 1958 года напоминает описание фразеологизмов в русско-китайских словарях, где ФЕ следует за объяснением заголовочного слова. Ср. описание фразеологизма *ломать голову* в фундаментальных русско-китайских словарях.

Таблица 1

Фразеологизм *ломать голову* в русско-китайских словарях

Словарь	ФЕ из словарных статей с заголовочными словами <i>голова или ломать</i>
俄汉大词典[Словарь, 1960]	Ломать голову (<i>над чем</i>) / 对...苦思, 绞尽脑汁
现代俄汉词典[Словарь, 1998]	Ломать голову <i>над чем</i> / 绞尽脑汁, 冥思苦想
新简明俄汉词典[Словарь, 1999]	Ломать голову <i>над чем</i> / 苦思冥想, 绞尽脑汁
新俄汉词典(增订版) [Словарь, 2000]	Ломать голову <i>над чем</i> / 〈口〉绞尽脑汁; 冥思苦想
新时代俄汉详解大词典 [Словарь, 2014]	Ломать голову <i>над чем</i> / 伤脑筋, 绞尽脑汁
新时代大俄汉词典 [Словарь, 2019]	Ломать голову <i>над чем</i> / 伤脑筋, 绞尽脑汁
现代俄汉双解词典(第二版) [Словарь, 2021]	Ломать голову <i>над чем</i> — <i>стараться понять что-нибудь трудное</i> / 绞尽脑汁, 冥思苦想

Отметим, что модель описания ФЕ в «Сборнике, 1958» не использовалась в последующие периоды при составлении русско-китайских фразеологических словарей, однако она сохраняется в русско-китайских лексических словарях.

3.2. Описание ФЕ в «Русско-китайском фразеологическом словаре» (1958)

Наряду со «Сборником, 1958» в том же году в Китае вышел в свет другой словарь фразеологизмов русского языка — «Русско-китайский фразеологический словарь» под редакцией Чжао Сюнь (далее — «Словарь, 1958»), созданный русистами из Харбинского института иностранных языков при участии советских специалистов. В отличие от «Сборника, 1958», «Словарь, 1958» включает в себя меньше фразеологизмов (2381 ФЕ), но более объемные словарные статьи: толкование на русском языке, этимологическую информацию (факультативно), примеры-предложения и их переводы.

В этом словаре аспекты описания русских фразеологизмов средствами китайского языка более четко определены, нежели в «Сборнике, 1958». Это проявляется в том, что китайские фразеологические аналоги не сопровождаются дополнительной поясняющей информацией на китайском языке, но в словарную статью вводится специальное толкование на русском языке. Например, в словарной статье ФЕ *кровь с молоком* предлагается

стилистическая помета (разг.), семантема на русском и китайском языках: ‘говорится о человеке со здоровым цветом лица, с хорошим румянцем’, ‘脸色红润, 血色很好’ [Словарь, 1958, с. 242]. То же в других словарных статьях, например: *как рыба в воде* (разг.) ‘непринужденно, хорошо чувствовать себя’, ‘如鱼在水中, 怡然自得, 得其所哉’ [Там же, с. 223]. Кроме того, в некоторые статьи включается информация о происхождении выражения, которая дается в специальной комментарии, например: «КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ (разг.) КОЗЕЛ-ИСКУПИТЕЛЬ (редко)... Человек, на которого постоянно сваливают чужую вину, чужую ответственность. (Первоначально козел у древних евреев, на которого особым обрядом возлагались грехи всего народа.) 替死鬼, 替罪的羔羊[注]古代欧洲人用羔羊祭神赎罪...» [Там же, с. 233].

Таким образом, в «Словаре, 1958» применяется два способа описания русских фразеологизмов средствами китайского языка: приведение фразеологизма-аналога и этимологический комментарий. Нам представляется, что такое дефинирование ФЕ позволяет сделать толкование-перевод и переводной вариант более гармоничными.

3.3. Описание ФЕ в «Русско-китайском фразеологическом словаре» (1984)

«Русско-китайский фразеологический словарь», главным редактором которого является Чжоу Цзишэн, был составлен специалистами из Педагогического института Центрального Китая, Уханьского университета и Уханьской академии образования и издан в 1984 году (далее — «Словарь, 1984») [Словарь, 1984]. Данный лексикографический источник и в настоящее время в Китае является самым масштабным словарем русско-китайских фразеологизмов. Он включает в себя около 8400 словарных статей, каждая из которых состоит из заголовочного фразеологизма, грамматического комментария, стилистических помет, эквивалентных ФЕ китайского языка, этимологических сведений (факультативно), иллюстративных материалов (предложений с примерами использования русских фразеологизмов) и их переводов.

Главный редактор издания «Словарь, 1984» заявляет, что толкование фразеологизмов в этом источнике представляет собой соответствующий ему перевод и лишь для очень редких фразеологизмов дается семантическое описание [Чжоу Цзишэн, 1984, с. 112], с чем мы не согласны, поскольку различаем толкование и аналогичное выражение. В указанном словаре для ряда фразеологизмов используется смешанная интерпретационная модель «эквивалентное выражение (аналог) + дополнительное толкование». Например, в словарной статье «ВЫТЯНУТОЕ ЛИЦО 拉长的脸 (指惊讶、不快、失望等时的面部表情) ...» есть дополнительное толкование ‘

指惊讶、不快、失望等时的面部表情’, обозначающее ‘имеется в виду выражение лица в случае удивления, неприятности, разочаровании и т. д.’, заключенное в скобки. Это объясняется тем, что в «Словаре, 1984» нет специального толкования как на русском, так и на китайском языках, поэтому толкование-перевод и / или переводный вариант могут описать семантику фразеологизма только частично, в результате чего требуется дополнительная информация для пояснения. В этом отношении данный источник напминает «Сборник, 1958».

Имеется статистика случаев перевода русского фразеологизма посредством китайского фразеологизма в «Сборнике, 1958», «Словаре, 1958» и «Словаре, 1984» [Лю Юнхун и др., 2002, с. 267—277] (табл. 2). Результаты исследования показали незначительный процент применения такого приема. Это свидетельствует о том, что между русскими и китайскими фразеологизмами в целом наблюдается низкая степень совпадения, поэтому китайские переводчики и составители словарей к данному способу относятся с осторожностью.

Таблица 2

Случаи перевода русского фразеологизма
посредством китайского фразеологизма в трех словарях (%)

Словарь	Китайские фразеологизмы как средство перевода (%)
«Сборник, 1958»	2%
«Словарь, 1958»	около 7%
«Словарь, 1984»	более 4%

3.4. Описание ФЕ в «Этимологическом словаре русской фразеологии» (1988)

После издания «Словаря, 1984» его главный редактор Чжоу Цишэн организовал работу над составлением «Этимологического словаря русской фразеологии», который вышел в свет в 1988 году (далее — «Словарь, 1988»). Микроструктура словарной статьи в издании выглядит следующим образом: заголовочное выражение, китайские аналоги, этимологический комментарий на китайском языке, иллюстративный материал и его перевод (факультативно).

Стоит отметить, что в другие словари русских фразеологизмов, изданные в Китае, также включаются данные о происхождении ФЕ, но в «Словаре, 1988» как в специальном этимологическом словаре представлена более подробная информация. Ср., например, этимологическое описание фразеологизма *козел отпущения* в «Словаре, 1958» (см. п. 3.2.), в «Словаре, 1984» и «Словаре, 1988»:

«Словарь, 1984»: 古代欧洲人用羔羊祭神赎罪，这是一种宗教仪式。
Древние европейцы приносили козла в жертву Богу, чтобы искупить грех. Это был религиозный ритуал [Словарь, 1984, с. 241].

«Словарь, 1988»: 古斯拉夫语的借用语。古犹太人有一独特的宗教仪式——“赎罪祭”。这种仪式一年举行一次。全公社的人在约定的日子聚集一起。仪式上要用两只羊，一只用作供品祭神，另一只则由最高司祭在羊的头上轻轻一摸之后赶到旷野去。据认为，这样一来，全公社成员的罪孽全都转到这只羊的身上，被它统统带走。这只羊被唤作“替罪羊”。后引申指人，近似汉语中“替死鬼”之意。*отпущение*是*отпустить*（宽恕）的动名词*козел отпущения*直译是“赎罪羊”。[Словарь, 1988, с. 244]. *Заимствовано из старославянского языка. У древних евреев был особый религиозный ритуал — «Жертва за грех». Такая церемония проводилась раз в год. Вся община собиралась в назначенный день. Во время церемонии в жертву Богу приносили двух овец, одна из которых приносилась в жертву, а другая отправлялась в пустыню после того, как первосвященник мягко касался головы овцы. Считалось, что таким способом все грехи членов общины переходили на эту овцу и были сняты ею. Эта овца была названа «козлом отпущения». Впоследствии это выражение стало употребляться для обозначения человека, оно близко к значению «ти сы гуй» (черт, в которого человек превращается после смерти за другого виновного) в китайском языке. Слово «отпущение» представляет собой отглагольное существительное от «отпустить». Прямым переводом русского выражения «козел отпущения» можно считать китайское «赎罪羊 — «козел искупления».*

Видно, что такое этимологическое описание в «Словаре, 1988» структурно состоит из трех частей: язык происхождения, источник и прагматика. Конечно, последняя, строго говоря, не является составляющей этимологии, однако таким образом авторы подчеркивают связь смысла фразеологизма с его этимологией.

Можно сделать вывод, что, благодаря развернутым этимологическим комментариям, которые даются к подавляющему большинству фразеологизмов в «Словаре, 1988», китайские аналогичные выражения не требуют дополнительного толкования.

3.5. Описание ФЕ в «Русско-китайском фразеологическом словаре» (1992)

«Русско-китайский фразеологический словарь», составленный преподавателями Пекинского педагогического университета под руководством Ся Чжидэ и изданный в 1992 году (далее — «Словарь, 1992»), отличается учебным характером, и в связи с этим в словарную статью включаются развернутые иллюстративные материалы. По сравнению с предыдущими

словарями объем ФЕ — 1500 выражений — нельзя назвать значительным. Особенность микроструктуры данного словаря состоит в том, что в словарной статье, помимо китайского аналогичного выражения, присутствуют толкование на русском языке и комментарии на китайском языке. В последних отражаются, главным образом, значение и правила употребления фразеологизма. Объяснение на двух языках обусловлено тем, что толкование на русском помогает продвинутым пользователям словаря лучше понимать смысл ФЕ, поскольку, кроме самого определения, указываются ситуации, правила употребления и справочные материалы. В то же время комментарии на китайском предназначены для начинающих изучать русский язык и пользователей словаря со средним уровнем владения русским языком, поскольку китайские комментарии помогают разъяснить семантически и прагматически сложные случаи.

Благодаря тому, что «Словарь, 1992» обладает богатейшим объяснительным материалом, китайское аналогичное выражение включается в словарную статью вполне логично и имеет самостоятельную функцию.

Достоинство словаря видится в том, что к каждому фразеологизму приводится по 3—5 примеров их употреблений в предложениях с переводом. Более того, имеются случаи, когда в переводах примеров-предложений не приводятся китайские аналоги русских ФЕ. Составители «Словаря, 1992» подчеркивают, что посредством перевода без подбора китайского фразеологического аналога в контексте успешно передается значение фразеологизма и это помогает пользователям «Словаря, 1992» лучше понять его и употреблять в речи. Например, к фразеологизму *сломя голову* дано четыре примера, среди которых два включают в себя «смысловой» перевод русской ФЕ, без подбора аналогичного китайского устойчивого выражения:

— *Ты ведь уже не маленькая сломя-то голову летать, — заметила ей Анисья, когда та — в которой уже раз за вечер! — вбежала в избу* (А. Федоров. Пелагея) / “你可已经不小了，还玩命地跑进跑出。”当她跑进茅屋时（一晚上跑了多少次！）阿尼西娅对她这样说道 [Словарь, 1992, с. 903].

— *Я бежала теперь домой с работы просто сломя голову, чтобы поскорее увидеть внука, взять его на руки* (П. Нилин. Впервые замужем) / 我现在下班简直是玩命地往家跑，为的是能快一点看到孙子，把他抱在手里 [Словарь, 1992, с. 903—904].

В этих двух переводах не употребляются китайские аналогичные выражения 飞快地, 很快, а используется слово 玩命地 (близкий перевод: с опасностью жизни), которое более образно и экспрессивно передает исходный фразеологизм в контексте.

3.6. Описание ФЕ в «Словаре современных употребительных русских фразеологизмов с толкованием на русском и китайском языках» (2004)

«Словарь современных употребительных русских фразеологизмов ...», составленный Суй Сюэбэнем из Ляонинского нефтехимического технологического университета и изданный в 2004 году (далее — «Словарь, 2004»), является также словарем учебного типа. В нем описываются около 700 фразеологизмов в следующих аспектах: толкование на русском и китайском языках, китайское аналогичное выражение, стилистические особенности на русском и китайском языках, грамматические комментарии на русском и китайском языках, примеры употребления и их переводы.

При описании значения ФЕ средствами китайского языка автор «Словаря, 2004» отмечает, что подавляющее большинство русских фразеологизмов не имеет эквивалентных выражений в китайском языке, поэтому для них предлагается только толкование. Таким образом, в «Словаре, 2004» представлено две модели описания русских фразеологизмов средствами китайского языка: (1) толкование + аналогичный фразеологизм, например, в словарной статье *ловить рыбу в мутной воде* ‘利用对大家不利的形势为个人谋私利, 利用某人的困境获得好处 (不赞): 浑水摸鱼’ после русского выражения следует определение на китайском языке, а после двоеточия — китайский эквивалент; (2) толкование, например, в словарную статью *львиная доля* ‘某事物的绝大部分’ не включается аналогичный китайский фразеологизм, что говорит об отсутствии возможности перевода на одинаковом языковом уровне. Интересно то, как переводится русский фразеологизм, у которого нет аналогичного фразеологизма в китайском языке. Приведем примеры-предложения с ФЕ *львиная доля* и их переводы:

В этом году львиную долю средств оборонного бюджета планируется потратить на производство военной техники / 今年国防预算的大部分资金计划用于生产军工机械 [Словарь, 2004, с. 125].

Львиную долю технических материалов мы изыскали на месте, без всяких государственных фондов (Ажаев) / 绝大部分技术器材我们都就地解决, 不靠国家供应 [Там же].

В этих переводах употребляются ключевые слова из толкования на китайском языке 大部分 и 绝大部分. Этот случай, по сути, является толкованием-переводом.

Таким образом, с точки зрения китайского языка как посредника для познания ФЕ русского языка описана и проанализирована микроструктура шести основных русско-китайских фразеологических словарей. Ниже представлены словарные статьи к выражению *белая ворона* из шести изучаемых словарей (табл. 3).

Словарная статья к ФЕ *белая ворона*
в русско-китайских фразеологических словарях

Словарь	Материалы словарной статьи
Сборник, 1958	Белая ворона 〈不赞〉白鸦 (喻: 特别的人, 标新立异的人)
Словарь, 1958	<p>БЕЛАЯ ВОРОНА (неодобр.) О человеке, чем-нибудь резко отличающемся от других, непохожем на окружающих. 白乌鸦, 十分特殊, 与众不同 – <i>Вы тоже колхозница?</i> – <i>спросил Сергей...</i> – <i>Нет, что вы?! – Лена удивленно подняла брови. – Я здесь гость, по несчастью... Оттого мать и называет меня «белой вороной».</i> (Бабаевский, Кавалер Золотой Звезды, кн. 2, гл. 10) 谢尔盖问道: “你也是女庄员吗?” ……连娜吃惊地扬起眉毛回答道: “不是。可惜得很, 我在这里是客人, ……所以母亲把我叫做《白乌鸦》。”</p>
Словарь, 1984	<p>ВОРОНА + БЕЛАЯ ВОРОНА 白乌鸦, 与众不同的人※出自古罗马诗人米唯那尔的诗句。Он замкнулся, не вдается в разговоры – вот вам и белая ворона. (Глебова, Если помнишь...) 他不与人交往, 不和人们说话, 真是只白乌鸦。– По-моему, белых ворон не бывает. Американские монополисты ничуть не лучше английских, а может быть, и похуже будут. (Тевекелян, Когда разливаются реки) “我看, 天下乌鸦一般黑。美国的垄断资本家一点也不比英国的好, 说不定还坏些。” – <i>Вы тоже колхозница?</i> – <i>спросил Сергей.</i> – <i>Нет, что вы?! – Лена удивленно подняла брови. – Я здесь гость, по несчастью... Оттого мать и называет меня «белой вороной».</i> (Бабаев. Кавалер Зол. Звезды) “您也是女庄员吗?” 谢尔盖问道。“哪里话, 不是!” 莲娜扬起眉毛惊奇地回答道。“我在这里作客, 是碰到了不幸才来的…所以母亲还把我叫做‘白乌鸦’呢。”</p>
Словарь, 1988	<p>БЕЛАЯ ВОРОНА [不赞]白乌鸦, 与众不同的人 仿造语。源自古罗马讽刺诗人尤维纳利斯(Д. Ю. Ювенал约140)的讽刺诗: 天命可使奴隶登上王位, 使俘虏得以凯旋, 可是, 这种幸运儿往往比白乌鸦还罕见。 (Рок дает царства рабам, доставляет пленным триумфы. Впрочем, счастливцев такой реже белой вороны бывает.) 白乌鸦是罕见的珍禽。1719年, 彼得大帝时代的梁赞市曾捕获到一只。它是鸦类因羽毛和皮肤缺乏色素发生白化现象而形成的。据苏联俄罗斯作家比安企(В. В. Бианки 1894-1959)说, 白乌鸦及其稀少, 可能是因为老鸦在小白鸦孵出后就啄死了它, 也可能是其他的鸦把它视为异种而加以残害。同时, 由于它太显眼, 也很容易遭到猛禽的伤害。 Он замкнулся, не вдается в разговоры – вот вам и белая ворона. (Глебова, Если помнишь ...)</p>

Продолжение табл. 3

	<p>他不与人往来，不与人交谈，真是只与众不同的白乌鸦。 Здесь, конечно, мы не имеем в виду ту интеллигенцию, которая отрекается от своего класса и борется в рядах социал-демократов. Но такие интеллигенты – лишь исключение, они «белые вороны». (Сталин, 1-30)</p> <p>当然，在这里我们不是指那些已经背弃了自己的阶级而参加到社会民主派队伍中作斗争的知识分子。但这样的知识分子只是例外，他们是“白色的乌鸦”。（《斯大林全集》，第1卷第24页）</p>
Словарь, 1992	<p>БЕЛАЯ ВОРОНА <口> 白乌鸦，与众不同的人</p> <p>Человек, резко отличающийся от окружающих, не такой, как все. Употребляется, когда хотят сказать, что человек какими-то качествами, внешними или духовными, выделяется среди других. Чаще это представляется отрицательным.</p> <p>[注]用于比喻外部特征或精神品质与众不同的人。一般不用复数，常作谓语。</p> <p>[例]У них были свои шутки, намеки, понятные только им самим. Миша чувствовал себя среди них белой вороной. / А. Генатулин, Нас остается мало. / 他们有自己的戏言和暗语，只有他们自己明白。米沙感到自己在他们中间是个白乌鸦。</p> <p>Анна Семеновна входит в роль пассажирки первого класса, чтобы не выглядеть здесь белой вороной. / Е. Пермяк, Детство Маврика. / 安娜·谢苗诺夫娜进入了头等车旅客的角色，以免显得与众不同。</p> <p>Я среди них, как говорится, белая ворона, вернее какой-то незванный гость, который, как известно, хуже татарина. / В. Катаев, Юношеский роман моего друга Пчелкина, рассказанный им самим. / 我在他们中间，就像常言所说的那样，是只白乌鸦，说的更确切一点，我是个不速之客。众所周知，不速之客比鞑靼人更糟糕。</p> <p>Модно одеваться, пижонить тогда было очень трудно. Стиляги выделялись в толпе как белые вороны. / В. Амлинский, Ремесло. / 在当时，穿着摩登，当个纨绔青年是很困难的，那些身着奇装异服的人处在人群当中就像白乌鸦似的显得十分突出。</p> <p>Боишься, что он среди вас белой вороной окажется. Недосыгаемым экземпляром. / В. Кожевников, Корни и крона. / 你是怕他会在你们中间鹤立鸡群，成为望尘莫及的人。</p>
Словарь, 2004	<p>БЕЛАЯ ВОРОНА</p> <p>Человек, резко выделяющийся чем-либо среди окружающих его людей, не похожий на них 指在某方面与周围的人截然不同的人：白乌鸦（字面意思），与众不同（的人），格格不入（的人）。</p> <p>Раз. Обычно в функции предиката 口语，通常起谓语作用。例如：Кто? Он, студент...белая ворона; быть, чувствовать себя, выглядеть...белой вороной.</p> <p>– Тебе нравится на вечеринке? “你喜欢这个晚会吗?”</p> <p>– Не очень. Я чувствую здесь себя белой вороной. “不很喜欢。在这里我觉得自己与别人格格不入。”</p>

Окончание табл. 3

	<p>– Вы тоже колхозница? – спросил Сергей. – Нет, что вы?! – Лена удивленно подняла брови. – Я здесь гость, по несчастью ... Оттого мать и называет меня <i>«белой вороной»</i>. (Бабаев.) “您也是这个农庄的吗？” 谢尔盖问道。“哪里话，不是！” 列娜皱起眉毛回答说。“我不是这个农庄的，是碰到了不幸才来的…所以母亲叫我‘白乌鸦’。”</p> <p>В столице деревенский житель чувствует себя <i>белой вороной</i>. 这位乡下人在首都感到不适应。</p> <p>Среди наших простых рабочих женщин она выглядела как <i>белая ворона</i> в своей миниюбке (Рыбаков). 在我们这些普通的女工中，她穿着超短裙就显得格格不入。</p>
--	--

4. Заключение = Conclusions

Анализ содержания шести русско-китайских фразеологических словарей с точки зрения структурных элементов и принципов организации словарных статей позволят сделать несколько выводов:

Русско-китайские фразеологические словари имеют свои особенности описания русских ФЕ средствами китайского языка в зависимости от целей их составления, среди которых, в частности, установка на (1) представление краткого определения русских ФЕ и их грамматических и стилистических характеристик, а также аналогичных выражений в китайском языке, (2) создание учебного словаря для пользователей, имеющих разный уровень владения языком, (3) разработку развернутых этимологических комментариев фразеологических выражений, которые позволят лучше понять не только русскую ФЕ, но и ее китайский эквивалент, (4) приведение широкого иллюстративного материала, обеспечивающего лучшее усвоение фразеологизмов.

Несмотря на наличие китайских аналогов русским фразеологизмам и их частое использование в качестве объяснительного материала в словарях, составители проанализированных ресурсов единодушны в том, что не следует настойчиво стремиться к употреблению китайского фразеологизма при переводе русской ФЕ, поскольку китайские выражения зачастую в какой-то степени искажают значения русских фразеологизмов.

Основными моделями описания русских фразеологизмов средствами китайского языка являются *толкование* и *аналогичное выражение*. Во втором случае можно различить два варианта: толкование-перевод и переводной вариант. Кроме того, есть третий вариант, смешанный случай: *китайское аналогичное выражение + дополнительное толкование*.

Толкование-перевод и китайское аналогичное выражение чаще используются в случаях, когда в словарной статье существует специальное

толкование, а модель описания *китайское аналогичное выражение + дополнительное толкование* авторы склонны применять в словарной статье, не содержащей специального толкования.

В то же время толкование-перевод и китайское аналогичное выражение не являются единственно возможными вариантами в переводческой практике, о чем свидетельствует сам переводной иллюстративный материал в исследуемых словарях.

Этимологическая информация также способствует более глубокому и корректному пониманию смысла фразеологизма.

Источники и принятые сокращения

1. Пер. Ба Цзиня — *Тургенев И. С.* Накануне. Отцы и дети / пер. Ли Ни, Ба Цзинь. — Шанхай : Переводная литература, 2012. — 421 с. (前夜、父与子 /屠格涅夫著; 丽尼、巴金译, 上海译文出版社, 2012. — 421页).
2. Пер. Жу Луна — *Достоевский Ф. М.* Преступление и наказание / пер. Жу Лун. — Анхой : Анхойское издательство литературы и искусства, 1999. — 647 с. (罪与罚 / 陀斯妥耶夫斯基著; 汝龙译, 安徽文艺出版社, 1999. — 647页).
3. Пер. Мэй И — *Островский Н. А.* Как закалялась сталь / пер. Мэй И. — Пекин : Народная литература, 2017. — 430 с. (钢铁是怎样炼成的; 奥斯特洛夫斯基著, 梅益译, 人民文学出版社, 2017. — 430页).
4. Пер. Чэнь Фу, Чжэн Куя — *Гончаров И. А.* Обломов / пер. Чэнь Фу, Чжэн Куй. — Пекин : Народная литература, 1997. — 618 с. (奥博莫洛夫 / 冈察洛夫著; 陈馥、郑揆译, 人民文学出版社, 1997. — 618页).
5. Пер. Янь Юнсина — *Гончаров И. А.* Обрыв / пер. Янь Юнсин. — Шанхай : Саньянь, 2015. — Ч. 1. — 397 с. (悬崖 (上) / 冈察洛夫著; 严永兴译, 上海三联书店, 2015. — 397页).
6. Сборник-1958 — *Ван Цзыюнь.* Краткий сборник русских фразеологических выражений и поговорок с китайским переводом / Ван Цзыюнь, Хаун Чанпэй, Ю Цзунъю. — Пекин : Шаньу иньшугуань, 1958. — 480 с. (《俄汉成语小辞典》, 王子云、黄长霈、尤宗堯, 商务印书馆, 1958. — 480页).
7. Словарь-1958 — *Русско-китайский фразеологический словарь.* — Харбин : Харбинский институт иностранных языков, 1958. — 611 с. (《俄汉成语辞典》, 哈尔滨外国语学院出版, 1958. — 611页).
8. Словарь-1960 — *Большой русско-китайский словарь / под ред. Лю Цзэжун.* — Пекин : Шаньу иньшугуань, 1960. — 1384 с. (《俄汉大词典》, 刘泽荣 (主编), 商务印书馆, 1960. — 1384页).
9. Словарь-1984 — *Русско-китайский фразеологический словарь / под ред. Чжо Цзишэн.* — У Хань : Хубэйское народное издательство, 1984. — 722 с. (《俄汉成语词典》, 周纪生 (主编), 湖北人民出版社, 1984. — 722页).
10. Словарь-1988 — *Этимологический словарь русской фразеологии / под ред. Чжо Цзишэн.* — Ухань : Издательство Педагогического университета Центрального Китая, 1988. — 657 с. (《俄汉成语词源词典》, 周纪生 (主编), 华中师范大学出版社, 1988. — 657页).
11. Словарь-1992 — *Русско-китайский фразеологический словарь / под ред. Ся Чжидэ.* — Пекин : Издательство Пекинского педагогического университета, 1992. —

1127 с. (《俄汉成语双解词典》，夏志德（主编），北京师范大学出版社，1992。— 1127页)。

12. Словарь-1998 — *Новый русско-китайский словарь*. — Пекин : Иностранные языки, 1998. — 1314 с. (《现代俄汉词典》，张建华等，外语教学与研究出版社，1998. 1314页)。

13. Словарь-1999 — *Новый краткий русско-китайский словарь*. — Пекин : Шаньгу иньшугуань ; Москва : Русский язык, 1999. — 1508 с. (《新简明俄汉词典》，陈楚祥等，商务印书馆、俄语出版社，1999. — 1508页)。

15. Словарь-2000 — *Новый русско-китайский словарь*. Изд. испр. и доп. / Группа составления «Нового русско-китайского словаря» факультета иностранных языков Ляонинского университета. — Шэньян : Ляонинское народное издательство, 2000. — 2208 с. (《新俄汉词典》(增订版)，辽宁大学外语系《新俄汉词典》(增订版)编写组编写，辽宁人民出版社，2000. — 2208页)。

16. Словарь-2004 — *Словарь современных употребительных русских фразеологизмов с толкованием на русском и китайском языках*. — Пекин : Китайское нефтехимическое издательство, 2004. — 297 с. (《现代俄汉常用成语词典》，隋学本（编著），中国石化出版社，2004. — 297页)。

17. Словарь-2014 — *Большой русско-китайский толковый словарь новой эпохи : в 4 томах / Институт лексикографии Научно-исследовательского центра по русской филологии и культуре при Хэйлунцзянского университета*. — Пекин : Шаньгу иньшугуань, 2014. — Т. 2. — 3966 с. (《新时代俄汉详解大词典(全四卷)》，黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心辞书研究所，商务印书馆，第2卷，2014. — 3966页)。

18. Словарь-2019 — *Большой русско-китайский словарь новой эпохи / Институт лексикографии Научно-исследовательского центра по русской филологии и культуре при Хэйлунцзянского университета*. — Пекин : Шаньгу иньшугуань, 2019. — 2725 с. (《新时代大俄汉词典》，黑龙江大学俄罗斯语言文学与文化研究中心辞书研究所，商务印书馆，2019. — 2725页)。

19. Словарь-2021 — *Новый русско-китайский словарь с толкованием на русском языке* (издание переработанное и добавленное) / под ред. Чжан Цзяньхуа, Чжао Вэньнянь. — Пекин : Иностранные языки, 2021. — 2150 с. (《现代俄汉双解词典(第二版)》，张建华、赵文炎（主编），外语教学与研究出版社，2021. — 2150页)。

20. СЛРЯ — *Словарь русского языка : в 4-х т. / под ред. А. П. Евгеньевой*. — Москва : Русский язык ; Полиграфресурсы, 1999. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения : 24.09.2022)。

21. Ушаков, 1935—1940 — *Толковый словарь русского языка в 4-х томах*. — Москва : [б. и.], 2006. — Режим доступа : <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения : 24.09.2022)。

22. ФСРЯ — *Молотов А. И. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молотова*. — Москва : Советская энциклопедия, 1967. — 543 с.

Литература

1. Гуй Динкан. О способах составления фразеологизмов в «Большом русско-китайском словаре» / Гуй Динкан // Вестник иностранных языков. — 1992. — № 5. — С. 13—17, 41. (归定康, 评《大俄汉词典》中的编纂方法, 外语学刊(黑龙江大学学报), 1992年第5期, 第13—17、41页)

2. Жуков В. П. Русская фразеология / В. П. Жуков. — Москва : Высшая школа, 1985. — 309 с.

3. *Ли Мин-и*. Введение в двуязычную лексикографию / Ли Мин-и, Чжоу Хунхун. — Шанхай : Шанхайское издательство образования по иностранным языкам, 2011. — 319 с. — ISBN 978-7-5446-1947-9. (李明一、周红红, 双语词典编纂导论, 上海外语教育出版社, 2011年, 319页, ISBN 978-7-5446-1947-9).

4. *Лю Ди*. Составление русско-китайских фразеологических словарей в Китае : аспекты и перспективы / Лю Ди, Цзян Чжаньминь // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. — 2020. — № 2. — С. 57—69.

5. *Лю Юнхун*. Культурный анализ русских и китайских фразеологизмов / Лю Юнхун, Юань Шуньнжи, Чжан Юйэ. — Ухань : Издательство Педагогического университета Центрального Китая, 2002. — 208 с. — ISBN 978-7-5622-2614-7. (刘永红、袁顺芝、张豫鄂, 俄汉成语的文化分析, 华中师范大学出版社, 2002年, 208页, ISBN 978-7-5622-2614-7)

6. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1980. — 206 с.

7. *Молотков А. И.* Основы фразеологии русского языка / А. И. Молотков. — Ленинград : Наука, 1977. — 281 с.

8. *Современная семантика в России* / Чжан Цзяхуа, Пэн Юйхай, Сунь Шуфан, Ли Хунжу. — Пекин : Шан-ву-инь-шу-гуань, 2003. — 742 с. — ISBN 978-7-1000-3893-5. (张家骅、彭玉海、孙淑芳、李洪儒, 俄罗斯当代语义学, 商务印书馆, 2003年, 742页, ISBN 978-7-1000-3893-5)

9. *Телия В. Н.* Русская фразеология : семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 284 с. — ISBN 5-88766-047-3.

10. *Ту Шан-инь*. Руководство по справочным изданиям по русскому языку / Ту Шан-инь. — Чэндун : Издательство сычуаньского народа, 1989. — 386 с. — ISBN 7-220-00595-4. (涂尚银, 俄文工具书指南, 四川人民出版社, 1989年, 386页, ISBN 7-220-00595-4).

11. *У Кэли*. О переводе фразеологизмов в двуязычных словарях / У Кэли // Иностранные языки. — 1981. — № 1. — С. 24—28. (吴克礼, 试论双语词典中的成语翻译, 外国语, 1981年第1期, 第24-28页).

12. *Цай И*. Курс перевода с русского языка на китайский / Цай И, Сунь Гуйфэнь. — Пекин : Иностранные языки, 2006. — Ч. 1. — 393 с. — ISBN 978-7-5600-5261-8 (蔡毅、孙桂芬, 俄译汉教程: 增订本(上), 外语教学与研究出版社, 2006年, 393页, ISBN 978-7-5600-5261-8).

13. *Чжан Цзяхуа*. Современный русский язык. Обновленный теоретический курс / Чжан Цзяхуа, Ван Сяньжун. — Пекин : Шан-ву-инь-шу-гуань, 2006. — Ч. 1. — 388 с. — ISBN 978-7-1000-4475-2. (张家骅(主编), 新时代俄语通论(上册), 商务印书馆, 2006年, 388页, ISBN 978-7-1000-4475-2).

14. *Чжоу Цзишэн*. О составлении «Русско-китайского фразеологического словаря» / Чжоу Цзишэн // Вестник лексикографии. — 1984. — № 2. — С. 110—115. (周纪生, 《俄汉成语词典》的编纂, 辞书研究, 1984年第6期, 第110-115页)

15. *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка / Н. М. Шанский. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2012. — 272 с. — ISBN 978-5-3970-2318-4.

*Статья поступила в редакцию 12.02.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.*

Material resources

- Collection-1958 — Wang Ziyun., Hong Changpei., Yu Zongyao. (1958). *A short collection of Russian phraseological expressions and sayings with Chinese translation*. Beijing: Shangw Yinshuguan Publishing House. 480 p. (In Chin.).
- Dictionary-1958 — *Russian-Chinese phraseological dictionary*. (1958). Harbin: Harbin Institute of Foreign Languages. 611 p. (In Chin.).
- Dictionary-1960 — *A large Russian-Chinese dictionary*. (1960). Beijing: Sanyu inspoint. 1384 S. (In Chin.).
- Dictionary-1984 — *Russian-Chinese Phraseological Dictionary*. (1984). Wuhan: Hubei People's Publishing House. 722 p. (In Chin.).
- Dictionary-1988 — *Etymological Dictionary of Russian Phraseology*. (1988). Wuhan: Publishing House of the Pedagogical University of Central China. 657 p. (In Chin.).
- Dictionary-1992 — *Russian-Chinese phraseological dictionary*. (1992). Beijing: Beijing Pedagogical University Press. 1127 p. (In Chin.).
- Dictionary-1998 — *New Russian-Chinese dictionary*. (1998). Beijing: Foreign languages. 1314 p. (In Chin.).
- Dictionary-1999 — *A new concise Russian-Chinese dictionary*. (1999). Beijing: Shangw yinshuguan; Moscow: Russian language. 1508 p. (In Chin.).
- Dictionary-2000 — *Russian Russian-Chinese Dictionary (Revised and expanded edition), the group of compilation of the "New Russian-Chinese Dictionary" of the Faculty of Foreign Languages of Liaoning University*. (2000). Shenyang: Liaoning People's Publishing House. 2208 p. (In Chin.).
- Dictionary-2004 — *Russian Russian Dictionary of Modern Common Phraseological units with interpretation in Russian and Chinese*. (2004). Beijing: Chinese Petrochemical Publishing House. 297 p. (In Chin.).
- Dictionary-2014 — *A large Russian-Chinese explanatory dictionary of the new era: In 4 volumes, 2*. (2014). Beijing: Shangw Yinshuguan Publishing House. 3966 p. (In Chin.).
- Dictionary-2019 — *A large Russian-Chinese dictionary of the new era*. (2019). Beijing: Shangw Yinshuguan Publishing House. 2725 p. (In Chin.).
- Dictionary-2021 — *Russian Russian-Chinese Dictionary with Interpretation in Russian*. (2021). Beijing: Foreign languages. 2150 p. (In Chin.).
- FSRYA — Molotkov, A. I. (1967). *Phraseological dictionary of the Russian language*. Moscow: Soviet Encyclopedia. 543 p. (In Russ.).
- SLRYA — Evgenieva, A. P. (ed.) (1999). *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Russian Russian Language; Polygraph Resources, 1999. Available at: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (accessed 24.09.2022). (In Russ.).
- Trans. BA Jin — *The day before*. (2012). Shanghai: Translated Literature. 421 p. (In Chin.).
- Trans. Chen Fu and Zheng Kui — *Oblomov*. (1997). Beijing: Folk Literature. 618 p. (In Chin.).
- Trans. May — *How steel was tempered*. (2017). Beijing: Folk Literature. 430 p. (In Chin.).
- TRANS. Ms. Luna — *Punishment and crime*. (1999). Anhui: Anhui Publishing House of Literature and Art. 647 s. (In Chin.).
- Trans. Yan Yongxing — *The cliff, 1*. (2015). Shanghai: Sanlian. 397 p. (In Chin.).
- Ushakov, 1935—1940 — *Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: [b. i.], 2006. Available at: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (accessed 09.24.2022). (In Russ.).

References

- Gui Dinkan. (1992). About the ways of composing phraseological units in the “Great Russian-Chinese Dictionary”. *The Bulletin of foreign languages*, 5: 13—17, 41. (In Chin.).
- Lee Min-yi., Zhou Honghong. (2011). *Introduction to Bilingual Lexicography*. Shanghai: Shanghai publishing house of education, foreign languages. 319 p. ISBN 978-7-5446-1947-9. (In Chin.).
- Liu Di., Jiang Zhanmin. (2020). Compilation of Russian-Chinese phraseological dictionaries in China: aspects and prospects. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics*, 2: 57—69. (In Russ.).
- Liu Yonghong., Yuan Shunzhi, Zhang Yue. (2002). *Cultural analysis of Russian and Chinese phraseological units*. Wuhan: Publishing House of the Pedagogical University of Central China. 208 p. ISBN 978-7-5622-2614-7. (In Chin.).
- Mokienko, V. M. (1980). *Slavic phraseology*. Moscow: Higher School. 206 p. (In Russ.).
- Molotkov, A. I. (1977). *Fundamentals of phraseology of the Russian language*. Leningrad: Nauka Publishing House. 281 p. (In Russ.).
- Shan, N. M. (2012). *Phraseology of the modern Russian language*. Moscow: LIBROCOM. 272 p. ISBN 978-5-3970-2318-4. (In Russ.).
- Teliya, V. N. (1996). *Russian phraseology: semantic, pragmatic and linguocultural aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture. 284 p. ISBN 5-88766-047-3. (In Russ.).
- Tsai I., Sun Guifen. (2006). *Course of translation from Russian into Chinese, 1*. Beijing: Publishing house of Foreign languages. 393 p. ISBN 978-7-5600-5261-8. (In Chin.).
- Tu Shang-yin. (1989). *Guide to reference publications on the Russian language*. Chengdong: Sichuan Publishing house of the people. 386 p. ISBN 7-220-00595-4. (In Chin.).
- Y Cayley. (1981). About the translation of phraseological units in bilingual dictionaries. *Foreign languages, 1*: 24—28. (In Chin.).
- Zhang Jia Hua., Wang Xianzhong. (2006). *Modern Russian language. Updated theoretical course, 1*. Beijing: Shang-Wu Yin-Shu-Kuan. 388 p. ISBN 978-7-1000-4475-2. (In Chin.).
- Zhang Jiahua, Peng Yuhai, Sun Shufang, Li Hongzhu. (2003). *Modern semantics in Russia*. Beijing: Shang-Wu Yin-Shu-Kuan. 742 p. ISBN 978-7-1000-3893-5. (In Chin.).
- Zhou Jisheng. (1984). On the compilation of the “Russian-Chinese phraseological dictionary”. *Bulletin of Lexicography*, 2: 110—115. (In Chin.).
- Zhukov, V. P. (1985). *Russian phraseology*. Moscow: Higher School. 309 p. (In Russ.).

*The article was submitted 12.02.2023;
approved after reviewing 22.02.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

Радбиль Н. В. Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи / Н. В. Радбиль // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 66—83. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-66-83.

Radbil, N. V. (2023). Connotative-Evaluative Transformations of Adjective ‘Patriotic’: Linguistic Embodiment of Concept PATRIOTISM in Russian. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 66-83. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-66-83. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-66-83

Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи

Радбиль Наталья Валерьевна
orcid.org/0000-0002-0124-6446
кандидат филологических наук,
старший преподаватель
кафедры преподавания русского языка
в других языковых средах
Института филологии и журналистики
nagov@list.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Connotative-Evaluative Transformations of Adjective ‘Patriotic’: Linguistic Embodiment of Concept PATRIOTISM in Russian

Natalya V. Radbil
orcid.org/0000-0002-0124-6446
PhD in Philology,
Senior Lecturer,
Department of Teaching Russian in Other
Language Environments,
Institute of Philology and Journalism
nagov@list.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Радбиль Н. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются ценностные компоненты концепта ПАТРИОТИЗМ. Непосредственным центром предложенного исследования являются коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* в репрезентативных контекстах. Использована методика дискурсивно-корпусного анализа. Материалом для исследования являются лексикографические толкования слова *патриотический*, представленные в ряде русских толковых словарей, а также языковые данные Национального корпуса русского языка. Показано, что имплицитная положительная оценочность для слова *патриотический* закономерно порождается его общеязыковой семантикой 'проникнутый патриотизмом, исполненный патриотизма', 'выражающий чувство патриотизма' и пр., в результате чего имплицитируются положительно-оценочные коннотации 'имеющий ценность значимость для говорящего'; 'соответствующий национальным идеалам и ценностям'; 'истинный, правильный, тот, который должен быть' и под. Проанализированный материал подтвердил актуальность для речевой реализации слова *патриотический* моделей отрицательного оценивания в узусе излишне аффектированного патриотизма; внешнего, показного патриотизма; ложного, мнимого, фальшивого патриотизма; недостаточного патриотизма. Делается вывод о сложности устройства «языка ценностей» этноса, о неоднозначности механизмов языкового оценивания тех или иных явлений действительности в речевых практиках носителей языка.

Ключевые слова:

концепт ПАТРИОТИЗМ; коннотативно-оценочные преобразования; дискурсивно-корпусный анализ; лингвокультурология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The value components of the concept PATRIOTISM are studied. The immediate focus of the proposed research is the connotative-evaluative transformations of the adjective 'patriotic' in representative contexts. The technique of discursive corpus analysis was used. The material for the study is the lexicographic interpretations of the word 'patriotic', presented in a number of Russian explanatory dictionaries, as well as the language data of the Russian National Corpus. It is shown that the implicit positive appraisal for the word 'patriotic' is naturally generated by its general language semantics 'imbued with patriotism, filled with patriotism', 'expressing a feeling of patriotism', etc., as a result of which positive-evaluative connotations 'having value significance for the speaker' are implied; 'corresponding to national ideals and values'; 'true, correct, the one that should be'. The analyzed material confirmed the relevance for the speech implementation of the word 'patriotic' models of negative evaluation in the usage of overly affected patriotism; external, ostentatious patriotism; false, imaginary, false patriotism; insufficient patriotism. The conclusion is made about the complexity of the ethnos "language of values" structure, about the ambiguity of certain phenomena linguistic evaluation of reality mechanisms in the speech practices of native speakers.

Key words:

concept PATRIOTISM; connotative-evaluative transformations; discursive corpus analysis; linguoculturology.

УДК 811.161.1'37:392.7

Коннотативно-оценочные преобразования прилагательного *патриотический* как средство языкового воплощения концепта ПАТРИОТИЗМ в русской речи

© Радбиль Н. В., 2023

1. Введение = Introduction

В статье освещаются новые результаты продолжающегося комплексного лингвокультурологического описания концепта ПАТРИОТИЗМ в русской национальной концептосфере, основы которого изложены в работах [Наговицына, 2017; Наговицына, 2018].

Научный инструментарий современной лингвокультурологии, сформировавшийся в 90-е годы XX века [Телия, 1996; Красных, 2002], постоянно обогащается новыми подходами и новыми стратегиями научного поиска [Ковшова, 2013 и др.]. В числе таковых одно из доминирующих направлений представлено так называемым «концептологическим анализом» — установкой на междисциплинарный анализ значимых концептов национальной культуры, в том числе в диахроническом и / или в сопоставительном освещении [Степанов, 1997; Вежбицкая, 2001]. В свою очередь важнейшим аспектом анализа концептов выступает выявление и интерпретация ценностных составляющих, потому что, согласно мнению многих ученых, именно аксиологический компонент, собственно, и делает то или иное представление культурно значимым для этноса, социума или индивида [Карасик, 1996; Арутюнова, 1999].

В настоящей статье предметом непосредственного исследовательского внимания являются ценностные компоненты концепта ПАТРИОТИЗМ, как они объективированы посредством дискурсивной реализации слов — репрезентантов концепта в русской речи. Несмотря на то, что тема родной земли, любви к Родине присутствовала в русской культуре еще у самых истоков ее становления, обсуждалась отечественными и зарубежными писателями, религиозными и общественными деятелями [Лихачев, 1987], а также учеными — представителями разных гуманитарных наук [Селиверстова и др., 2017, с. 232—239], непосредственно лингвистическое изучение этой проблемы началось сравнительно недавно. Прежде всего отметим важный в этом плане фрагмент словаря Ю. С. Степанова под названием «Родная земля» [Степанов, 1997, с. 170—181]. В наше время исследования концепта ПАТРИОТИЗМ и, соответственно, концептов РОДИНА / РОДНАЯ ЗЕМЛЯ в русской культуре и в русском языке представлены в ра-

ботах [Жумагулова, Сейдамет, 2019; Перевозникова, 2019]. Исследования в этой области также осуществляются на материале дискурсов разного типа [Коростелева, 2017; Мурзина, 2017], в том числе в сопоставительном освещении [Приорова и др., 2018]. Однако в указанных работах интересующая нас проблема выявления и интерпретации имплицитной оценочности в речевой реализации слов — репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ в полной мере не поднимается и не решается, что позволяет нам сформулировать новизну предлагаемого исследования.

В данной работе мы остановимся только на одном аспекте обозначенной выше проблемы. Непосредственным объектом нашего исследования является коннотативно-оценочный потенциал только одного слова, воплощающего концепт ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира, а именно — прилагательного *патриотический*.

Таким образом, цель исследования — выявить и интерпретировать позитивно-оценочные и негативно-оценочные преобразования слова *патриотический*, возникающие в его контекстном окружении в процессе речевой реализации, что служит обогащению семантического наполнения и расширению смыслового объема концепта ПАТРИОТИЗМ в национальной концептосфере.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Как в свое время указывала Н. Д. Арутюнова, языковая оценка «столь же неуловима, сколь и вездесуща» [Арутюнова, 1999, с. 183]. При этом носители языка достаточно легко оперируют многообразными средствами оценочности в языке и в речи, достаточно адекватно ориентируются при восприятии речи в тонких нюансах разнообразных оценочных регистров слов и выражений естественного языка. «Легкость оперирования “языком ценностей” не отменяет сложности его устройства» [Радбиль, 2011, с. 569]. Дело в том, что языковая оценка не всегда эксплицирована посредством каких-либо ценностно нагруженных средств языка. Она имеет сложную языковую организацию и во многих случаях неочевидна в плане возможности ее выявления и последующей интерпретации с позиции исследователя. Как раз о таких случаях неявной, имплицитной оценочности, проявляющейся лишь в контекстах, и пойдет речь в нашей работе.

Выявление оценочности подобного рода требует специфического исследовательского инструментария. Основой принятой в работе методики анализа являются методы комплексного описания концептов, принятые в Нижегородской концептологической школе [Радбиль и др., 2019 и др.], а также предложенная в работе [Радбиль, 2011] процедура логического исчисления «языка ценностей» с опорой на так называемые «репрезентатив-

ные контексты». Такой подход условно можно именовать «дискурсивно-корпусный» в духе работ В. Е. Чернявской, которая указывает на то, что «соединение методологического инструментария корпусной лингвистики и дискурсивно-ориентированных подходов ... рассматривается как одна из возможностей доказательной лингвистики» [Чернявская 2018, с. 31].

Корпусный аспект обосновываемой методики опирается на выявление обнаруженного в британской школе корпусных исследований феномена «семантической ауры» слова — то есть некоего, не всегда осознаваемого носителями языка и не фиксируемого словарями ассоциативно-смыслового фона слова, как правило, оценочной природы, который стабильно и регулярно выводится из совокупности всех контекстов употребления данного слова [Firth, 1957; Sinclair, 1991]. В контекстуально-просодической теории Б. Лоу этот имплицитный компонент именуется «семантической просодией» — так называемой «глубинной семантикой», выявляемой в референциальных корпусах посредством анализа репрезентативного, большого по объему входящих массива коллокатов (единиц минимального контекстного окружения) интересующего нас слова [Louw, 1993]. Эта семантическая информация, не осознаваемая самими носителями языка, тем не менее, является объективной в том смысле, что она, независимо от их воли и желания, регулярно воспроизводится в дискурсе, что и отражается в корпусах.

Механизм выявления оценочной «ауры» интересующего нас типа, то есть имплицитной оценочности, которая наводится ближайшим или дальнейшим контекстным окружением проверяемого слова или выражения, схожа с исследовательской техникой, принятой в современных компьютеризованных программах определения эмоциональной тональности текста («сантимент-анализа») [Prabowo et al., 2009], в которой позитивная или негативная тональность приписывается тестируемому слову, исходя из соответствующего «знака оценочности» непосредственно относящихся к нему слов в выбранном отрезке речевой цепи (заданного при предварительной «тональной разметке» специально сформированных словарей).

Принятая в работе непосредственная процедура исследования на первом этапе включает анализ лексикографических толкований интересующего нас прилагательного *патриотический*; далее осуществляется выборка и последующая интерпретация «репрезентативных контекстов», в которых предположительно может быть реализована имплицитная позитивная или негативная оценочность.

Материал для исследования, таким образом, формируется из двух групп источников: (1) словарные толкования слова *патриотический*, представленные в ряде русских толковых словарей [ССРЛЯ, т. 9; СРЯ, т. III; Еф-

ремова, т. II]; (2) контексты, в которых встречается слово *патриотический*, извлеченные из Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Результаты исследования имплицитной оценочности прилагательного *патриотический* в русской речи и их обсуждение

Интересующее нас прилагательное *патриотический* относится к разряду относительных прилагательных русского языка: «Относительные прилагательные называют признак через отношение к предмету или к другому признаку: мотивирующей основой обозначается тот предмет или признак, через отношение к которому представлено данное свойство: *деревянный, стальной, летний, купальный, вчерашний* <...> Относительные прилагательные называют признак, который не может проявляться с разной степенью интенсивности» [Русская грамматика, т. 1, с. 542].

Обобщение словарных толкований этого прилагательного дает нам следующие значения: (1) 'соотносящийся по знач. с сущ.: *патриотизм*, связанный с ним'; (2) 'относящийся к патриоту, патриотам'; (3) 'проникнутый патриотизмом, исполненный патриотизмом'; (4) 'свойственный / присущий патриотизму / патриоту (-ам), характерный для патриотизма / патриота (-ов)'; (5) 'выражающий чувство патриотизма' [ССРЛЯ, т. 9, стлб. 297—298; СРЯ, т. III, с. 33; Ефремова, т. II, с. 18].

И лексико-семантические, выявленные по словарям, и грамматические («признак, который не может проявляться с разной степенью интенсивности») свойства прилагательного не предполагают на уровне системы языка никакой оценочности. В большинстве контекстов, извлеченных из Национального корпуса русского языка, отражены именно внеоценочные, нейтральные употребления слова *патриотический*:

— значение (1): *С началом Русско-японской войны патриотическое движение по оказанию помощи армии захватило и Тюмень* [НКРЯ, 2012];

— значение (2): *Какое-либо обсуждение их считалось в патриотических кругах чуть ли не дурным тоном, а все попытки такого рода с порога отменялись как проявления пустой и вредной вздорности* [НКРЯ, 2004];

— значение (3): *Давно уже наши подмостки не помнят столь значительной формы и столь ярко выраженного гражданского, патриотического содержания* [НКРЯ, 2004];

— значение (4): *Тематика концерта в определённом смысле была для русских патриотическая — Александр Невский, знаменитый военачальник и защитник Древней Руси* [НКРЯ, 1996];

— значение (5): *Во время войны образ Деда Мороза широко использовался в целях патриотической пропаганды*: «Новогодняя от-

крытка к 1942 году изображает Деда Мороза, изгоняющего фашистов» [НКРЯ, 2003].

Именно в нейтральном значении это прилагательное входит в составные наименования — названия общественных организаций, партий, фронтов, праздников и пр. :

Одной из первых ее забот в 1979 г. стало урегулирование затянувшегося конфликта в Родезии (ныне Зимбабве), где повстанцы из «Африканского национального союза Зимбабве» (АНСЗ) во главе с Джошуа Нкомо и «Патриотического фронта» (ПФ) Роберта Мугабе в течение пятнадцати лет вели вооруженную борьбу против правительства белого меньшинства [НКРЯ, 2003].

Тем не менее анализ корпусных данных позволил обнаружить ряд репрезентативных контекстов, где указанное слово используется для выражения позитивной или негативной оценки по отношению к определяемому явлению. Имеется в виду контекстуальная оценочность, которая не является элементом семантики слова, но как бы «наводится», имплицитно его ближайшим или дальнейшим контекстным окружением.

3.2. Контексты позитивной оценочности для прилагательного патриотический

Положительная оценочность слова патриотический вполне ожидаемо и закономерно наводится в контекстном окружении на основе таких системно-языковых значений, как ‘проникнутый патриотизмом, исполненный патриотизмом’, ‘свойственный / присущий патриотизму / патриоту (-ам), характерный для патриотизма / патриота (-ов)’ и ‘выражающий чувство патриотизма’, потому что носители языка естественным образом рассматривают наличие патриотических настроений, чувств, отношений как нечто хорошее. Здесь имплицитно позитивно-оценочные компоненты ‘патриотический’ → ‘имеющий ценностную значимость для говорящего’ ; ‘соответствующий национальным идеалам и ценностям’ ; ‘истинный, правильный, тот, который должен быть’ :

Сама же партия постепенно подменила прежние коммунистические идеалы патриотическими ценностями — и строит свой национал-коммунизм, прибегая к политическим и экономическим доктринам всех времен и народов от Конфуция до Кейнса [НКРЯ, 2005];

Художественной прозе и поэзии тоже было отведено значительное место. Кроме текстов современных авторов, публиковались произведения из литературного наследия Сибири. И в этой универсальности было ее очевидное преимущество. Как и в ориентации на духовно-православные и патриотические ценности [НКРЯ, 2013].

Очевидно, что иметь, например, патриотические чувства — по умолчанию значит иметь правильные, истинные, положительно оцениваемые в речевой практике чувства:

Книга пронизана патриотическим и гражданским чувством человека — оберегателя природы, человека, озабоченного не только настоящим, но и будущим родного края [НКРЯ, 2016];

Так что всплеск позитивных настроений и патриотических чувств происходит в основном не на улицах, а дома, на кухнях [НКРЯ, 2014].

Поэтому положительная оценочность закономерно возникает и в контексте сочетания прилагательного *патриотический* с определяемыми существительными, которые так или иначе указывают на интенсивность переживаемого чувства патриотизма — *порыв, подъем, настрой, дух* и под. :

Народ России встретил войну, официально названную Великой, с единокордным патриотическим порывом [Сергей Базанов. Россия в огне // «Наука в России», 2014];

Налицо неукоснительное немедленное выполнение решений партии и правительства в обстановке невиданного патриотического подъема [НКРЯ, 2015];

Вообще патриотический настрой граждан в большей мере зависит от того, что они видят в делах государства, — интересы отдельного человека, благосостояние людей, твердую защиту их безопасности, прав и свобод, или манию «национального величия» и геополитические амбиции власть имущих, представляющие огромную опасность для мира [НКРЯ, 2009];

Мощный патриотический настрой, определяемый надежным духовно-нравственным православным стержнем, всегда был и остается характерной чертой костромичей, одаренных от Бога крепким здоровьем и многими талантами, которые они щедро используют во благо России [НКРЯ, 2015];

Цель конкурса лидерской красоты «FootballGirls», созданного при участии Центра болельщиков, — поддержка женского футбольного движения на трибунах, пропаганда здорового образа жизни, укрепление патриотического духа, массовое распространение идеи футбола среди детей и молодежи [НКРЯ, 2014].

Также наведенная позитивная оценочность имплицитно определяется посредством сочетаемости с определяемыми словами — существительными с положительной оценочностью, такими как *восторг, гордость* и под. :

Естественно, что Отечественная война вызвала в кадетской среде одушевление и патриотический восторг [НКРЯ, 2011];

Этот апофеоз потряс меня своей фантастичностью и возбудил чувство патриотической гордости [НКРЯ, 2013].

В ряде случаев положительная оценочность наводится в расширенном контексте, посредством общего позитивно-оценочного смысла всего фрагмента, в котором присутствует целый ряд ключевых слов — носителей положительных ценностей, необязательно непосредственно соотносящихся с прилагательным *патриотический*:

Для решения обозначенных проблем, а также в целях формирования позитивно ориентированной, патриотической, способствующей укреплению института семьи, основанной на российских национально-культурных традициях и нравственно-духовных ценностях молодежной среды через средство СМИ, считаем целесообразным на федеральном уровне ... [НКРЯ, 2014].

Большой интерес представляют модели наведения положительной оценочности посредством задействования прагмалингвистического механизма инференции — смысла, который непосредственно не эксплицирован в слове или выражении, но который адресат, в соответствии с замыслом говорящего, должен самостоятельно вывести из того, что сказано, опираясь на экстралингвистические знания, культурный фон и пр. Инференция выступает как «одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Кубрякова и др., 1996, с. 33—34].

В соответствии с вышесказанным, в примере: *Мощная патриотическая волна, родившаяся в Нижнем Новгороде, поставила во главе народного движения простого горожанина Кузьму Минина, который предложил избрать воеводой князя Дмитрия Пожарского* [НКРЯ, 2011] — посредством метафоры *патриотическая волна* наводится инференция ‘патриотический → вызывающий чувство всенародного одушевления → ценностно значимый для этноса’.

Аналогично в высказывании: *Так что соотечественники великих драматургов очень нуждаются в возрождении героического и патриотического* [НКРЯ, 2008] — наводится инференция ‘патриотический → необходимый, целесообразный для духовного развития народа → достойный, соответствующий национальному идеалу’.

3.3. Контексты негативной оценочности для прилагательного *патриотический*

Проанализированный корпусный материал свидетельствует о том, что слово *патриотический*, помимо ожидаемой положительной оценочности, очень часто способно развивать и имплицитную оценочность негативно-го типа. Сама возможность отрицательного восприятия патриотизма, как показано в наших предыдущих исследованиях, связана с представлением

о том, что патриотизм может расцениваться как в чем-то неправильный, ущербный, то есть не соответствовать в каком-либо отношении подлинному патриотизму, с точки зрения говорящего [Наговицына, 2020].

В частности, отрицательно оцениваются (1) излишне аффектированный патриотизм (*ура-патриотизм, ультрапатриотизм*); (2) внешний, показной патриотизм (*квасной патриотизм*); (3) ложный, мнимый патриотизм (*лжепатриотизм, псевдо-патриотизм*); (4) недостаточный патриотизм (*недопатриотизм, полупатриотизм*). Однако, как видно уже из приведенных выше в скобках примеров, негативная оценка в представлении о патриотизме выражается либо на фразеологическом, либо на словообразовательном уровне реализации слов, репрезентирующих данный концепт. В настоящей работе речь идет о чисто семантических процессах негативно-оценочного преобразования указанных слов, в частности прилагательного *патриотический*, в репрезентативных контекстах.

Чаще всего негативная оценочность в употреблении прилагательного *патриотический* наводится при его сочетаемости с определяемыми словами, которые сами по себе несут отрицательную оценку — например, *ненависть, злорадство, истерия, лихорадка* и под. :

Система нуждалась в более прочных идеологических подпорках, а что может быть надежнее для таких целей, чем «патриотическая» ненависть к чужакам [НКРЯ, 2003];

Слушая деловые переговоры турецких рабочих, азартно возводящих развалины до уровня руин, я бы даже сказал, возводящих их с патриотическим злорадством (возможно, их предки и превратили когда-то эту крепость в развалины), я вспомнил свое давнее путешествие в Грецию [НКРЯ, 1999];

Еще в начале войны, в самом разгаре патриотической истерии, компания Маяковского прославилась «художествами» — погромами немецких магазинов [НКРЯ, 2016];

Сколько уже сказано о «глубокой обиде», которую остро переживала вся немецкая нация после Версаля, о народной «патриотической лихорадке» и прочем [НКРЯ, 2010].

Далее мы покажем, что все четыре типа отмеченных выше негативно-оценочных смыслов так или иначе отражены в речевой реализации прилагательного *патриотический*.

(1) Негативно-оценочное представление говорящего о чрезмерно аффектированном патриотизме, которое реализуется в сочетаемости с определяемыми существительными со значением интенсивного выражения чего-либо — *запал, жар, раж, угар, экстаз, бахвальство* и под.:

А может быть, Михалков в патриотическом запале просто забыл, что страна, помимо пропасти безыдейности, сидит еще и в пропасти инфляции, нищеты и алкоголизма [НКРЯ, 2002];

Один из способных министров нового хуннского правительства, китаец Цзинь Чжун, вдруг ощутил в себе патриотический жар и решил отомстить диким захватчикам своей родины [НКРЯ, 2003];

Наконец, доколе мы будем впадать в патриотический раж в связи с главным историческим следствием победы на Куликовом поле — объединением разрозненных русских княжеств в единое Московское государство ? [НКРЯ, 2014];

Помимо патриотического угара, у Гусятника была и личная причина : он был отчаянным поклонником певицы Сандуновой и, узрев в мадам Филлис конкурентку своему кумиру, заранее создал «партию», чтобы сорвать гастролы [НКРЯ, 2013];

Следует ли защищать символ государственности от патриотических экстазов ? [НКРЯ, 2012];

Неплохой был бы «учитель дороги», если бы не избыток патриотических соплей, причем не там, где погордиться можно, а там, где впору устыдиться или хотя бы сохранять нейтральный тон [НКРЯ, 2014];

И вот сейчас я — впервые ! — пробираться сквозь эти пышные дебри неторопливо, ни словечка не пропуская, с нежностью, насмешкой, иногда с досадой, ибо чуть доходит до патриотического бахвальства, «наше все» принимается завывать бездарно и высprenне, как фельдфебель, возомнивший себя Орфеем [НКРЯ, 2014];

И тут, под занавес, языческий праздник стал принимать странный налет патриотической бравады [НКРЯ, 2002];

Европейца Амундсена эти патриотические излияния на фоне общечеловеческого величия замысла экспедиции могли, наверное, лишь позабавить [НКРЯ, 2013].

(2) Негативно-оценочное представление говорящего о внешнем, показном патриотизме:

«Слово» давно превратилось в патриотический фетиш, поместившийся в одном ряду с «Жизнью за царя» Глинки и «Князем Игорем» Бородина [НКРЯ, 2004];

И роль истории в поддержке подобных стереотипов по-прежнему высока, особенно если эти стереотипы, в полном соответствии с цивилизационным кодом, рядятся в патриотические одежды [НКРЯ, 2012];

Если все будут психически здоровы, кто будет вестись на всякую телезомбирование, патриотические штампы, кто будет скупать новые гаджеты и прочие шняги, потому, что старые не модны, кто

будет делать покупательский бум на День св. Валентина и 8 Марта ? [НКРЯ, 2012].

(3) Негативно-оценочное представление говорящего о ненастоящем в каком-либо отношении, ложном, мнимом, фальшивом патриотизме:

При такой игре сохранить патриотическую маску ЛУКОЙЛу удастся все реже [НКРЯ, 2003];

Разжигание же подаваемой в патриотической упаковке этнической, антизападной и прочей ксенофобии может найти отклик в определенных сегментах элиты и населения, но для легитимации откровенно националистического режима этого явно недостаточно [НКРЯ, 2003];

Этих сведений вполне достаточно, чтобы поставить вопрос ребром : является ли Ломоносов тем «честным, скромным ученым» и «радетелем о славе Отечества», как он сам себя, и многочисленные почитатели его выставляли ? Это только в патриотическом мифе предстает пред нами кристально честным. А из подлинных документов встает другой Ломоносов — интриган, участник политических обвинений и преследования, доносчик и злословный сплетник [НКРЯ, 2003].

(4) Негативно-оценочное представление говорящего о недостаточном патриотизме, о нехватке патриотизма, в том числе выраженное посредством сочетаемости с разного рода прилагательными и наречиями в роли квалификаторов:

Отсюда по вполне понятным причинам перекатились к писателям, страдающим недостатком патриотического гормона [НКРЯ, 2007];

Зная, как попорчены парижские мостовые баррикадами и как нужно правительству скорейшее восстановление сообщений, они запросили 8 франков поденной платы, вместо 4-х, которыми прежде довольствовались : претензия, показавшаяся мало патриотическою всем партиям [НКРЯ, 1859—1862];

Г. Б. Любин за недостаточно патриотическое отношение к войне. Любин, будучи летом нынешнего года в Железноводске, в ресторане за обедом высказал противопатриотические суждения. Лакей ресторана, слышавший это, пригласил полицию, которой был составлен протокол. Любин заключен в тюрьму [НКРЯ, 1915].

В ряде примеров негативно-оценочная коннотация наводится посредством приема иронии:

Пелевин закатал в роман все «тенденции»: робски-гламурный и минаевско-антигламурный ажиотаж, патриотический гламур газеты «Завтра» и конденастовскую идею о гламуре как национальной идее России, бум «блогосферы» и засилье ненастоящих человеков, третий срок, сумеречный дозор и Пятую империю [НКРЯ, 2016)].

Иронически сниженный эффект может достигаться посредством заде-йствования моделей «языковой игры», в частности — обыгрывания «прецен-дентных текстов» [Красных, 2002] за счет трансформации фразеологизмов :

Сдается мне, что и здесь на патриотических струнах учредителей сыграли какие-то дополнительные обстоятельства, препятствующие не искушенным в политике людям понять, что связывает искусство новоис-печенных лауреатов с автором «Тихого Дона» [НКРЯ, 2002];

Как известно, средний американец не любит Америку вообще, аб-страктно (здесь, конечно, я исключаю периоды войн и национального унижения, когда кто-нибудь больно и нагло наступает на его патриоти-ческую мозоль: тут даже средний американец начинает вопить и упи-раться), но любит Америку конкретно — свой штат, свое графство, свой университет, своего соседа [НКРЯ, 2013];

Некоторые даже утверждают, что теперь российское кино разде-лилось на государственное — «патриотическую клюкву», которую зри-тель никогда не полюбит, — и малобюджетное независимое кино, кото-рое зритель никогда не увидит [НКРЯ, 2011].

Как и в случае с контекстами наведения позитивной оценочности, не-гативная оценочность может наводиться посредством использования пра-гматингвистического механизма инференции. В большинстве выявленных случаев негативно-оценочная инференция наводится с помощью «ирони-ческих кавычек», которые, как правило, выражают своего рода «отстрой-ку» автора от определенных общепринятых ценностей.

В «патриотической» картине присутствовала Великая духовность русского народа, ненавистный Запад, стремящийся эту Духовность погу-бить, предвительно грязно над ней надругавшись, березки, лики святых, былинные богатыри, межконтинентальная баллистическая ракета РС-20 и т. д., Сталин и Жуков (насчет Ленина между различными категори-ями «патриотов» согласия не было) [НКРЯ, 2003];

После того как власть позаимствовала значительную часть «патри-отической» картины мира, последняя также в основном маргинализиро-валась, что, впрочем, большой радости не вызвало [НКРЯ, 2003].

В этих примерах наводится инференция 'патриотическая (картина мира) → 'псевдо-патриотическая, то есть мнимо патриотическая, ущерб-ная в каком-либо отношении, не соответствующая той, которая должна быть, с точки зрения автора'.

4. Заключение = Conclusions

В целом проведенный анализ на примере прилагательного патриоти-ческий еще раз подтвердил существенный оценочный потенциал слов —

репрезентантов концепта ПАТРИОТИЗМ, их способность выражать самые разнообразные имплицитные позитивно-оценочные и негативно-оценочные смыслы в контексте.

Показано, что имплицитная положительная оценочность для слова *патриотический* закономерно порождается его общеязыковой семантикой 'проникнутый патриотизмом, исполненный патриотизма', 'выражающий чувство патриотизма' и пр., в результате чего имплицитно порождаются положительно-оценочные коннотации 'имеющий ценностную значимость для говорящего'; 'соответствующий национальным идеалам и ценностям'; 'истинный, правильный, тот, который должен быть' и под.

В свою очередь рефлекс имплицитной негативной оценочности для прилагательного *патриотический* связаны с выявленными на предыдущих этапах анализа типами отрицательной оценки патриотизма как в чем-то неправильного, ущербного, не соответствующего в каком-либо отношении подлинному патриотизму, с точки зрения говорящего. Проанализированный материал подтвердил актуальность для речевой реализации слова *патриотический* моделей отрицательного оценивания в узусе излишне аффектированного патриотизма; внешнего, показного патриотизма; ложного, мнимого, фальшивого патриотизма; недостаточного патриотизма. Также обнаружены частотные контексты иронически сниженного употребления лексемы *патриотический*, в том числе в моделях «языковой игры» посредством трансформации фразеологизмов, а также в прагмалингвистических механизмах реализации негативно-оценочных инференций.

Перспективы дальнейшего исследования связаны с расширением исследовательской базы за счет включения в нее других слов, воплощающих концепт ПАТРИОТИЗМ в русской языковой картине мира, на предмет возможного тестирования на актуализацию контекстуальной оценочности — существительного *патриот*, прилагательного *патриотичный*, наречий *патриотично / патриотически* и др.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать его основные результаты в практике составления идеографических словарей социально значимых концептов русской культуры, а также в вузовском преподавании дисциплин лингвокультурологического цикла и в обучении русскому языку как иностранному.

Источники и принятые сокращения

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : толково-словообразовательный : в 2-х томах / Т. Ф. Ефремова. Москва : Русский язык, 2000. — Т. I. — 1222 с. ; Т. II. — 1088 с. — ISBN 5-200-02802-7.

2. НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. — URL : <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 23.11.2022).

3. СРЯ — *Словарь русского языка* : в 4-х томах / под ред. А. П. Евгеньевой. — Москва : Русский язык, 1985—1988. — Т. III : П—Р. — 1987. — 750 с.

4. ССРЛЯ — *Словарь современного русского литературного языка* : в 17 т. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1950—1965. — Т. 9 : П—Пнуть. — 1959. — 1482 стлб.

Литература

1. *Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1999. — 896 с.

2. *Вежицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вежицкая ; пер. с англ. А. Д. Шмелева. — Москва : Языки славянской культуры, 2001. — 288 с.

3. *Жумагулова В. И.* Концепт «Родина» в русском языке / В. И. Жумагулова, Р. А. Сейдамет // *Eurasian Journal of Philology : Science and Education*. Вестник. Серия филологическая. — 2019. — № 2 (174). — С. 184—188.

4. *Карасик В. И.* Культурные доминанты в языке / В. И. Карасик // *Языковая личность : культурные концепты : сборник научных трудов*. — Волгоград—Архангельск : ВГУ, 1996. — С. 3—16.

5. *Ковшова М. Л.* Лингвокультурологический метод во фразеологии : коды культуры / М. Л. Ковшова. — Москва : ЛИБРОКОМ, 2013. — 456 с.

6. *Коростелева Л. В.* Концепт ПАТРИОТИЗМ в контексте националистического экстремистского дискурса / Л. В. Коростелева // *Научный диалог*. — 2017. — № 3. — С. 45—54. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-45-54.

7. *Красных В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2002. — 284 с.

8. *Кубрякова Е. С.* Инференции / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, П. Г. Лузина // *Краткий словарь когнитивных терминов* / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. — Москва : Филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. — С. 33—35. — ISBN 5-89042-018-1.

9. *Лихачев Д. С.* Избранные работы в 3-х томах / Д. С. Лихачев. — Ленинград : Художественная литература, 1987. — Том 2 : Великое наследие. Смех в Древней Руси. Заметки о русском. — 493 с.

10. *Мурзина И. Я.* Концепт «отечество» в патриотическом дискурсе / И. Я. Мурзина // *Вестник славянских культур*. — 2017. — Т. 46. — С. 39—50.

11. *Наговицына Н. В.* Языковое воплощение концепта ПАТРИОТИЗМ в современном русском языковом сознании (по данным цепочечного ассоциативного эксперимента) / Н. В. Наговицына // *Научный диалог*. — 2017. — № 11. — С. 120—131. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-120-131.

12. *Наговицына Н. В.* Смысловое наполнение и семантический объем концепта «патриотизм» в русском языке (по данным лексикографических источников) / Н. В. Наговицына // *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. — 2018. — № 3. — С. 156-160.

13. *Наговицына Н. В.* Дериваты лексемы *патриотизм* как выразители оценочного потенциала одноименного концепта / Н. В. Наговицына // *Национальные коды в языке и литературе : язык как культурно-историческое достояние народа : сборник статей*. — Нижний Новгород : Изд-во ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2020. — С. 98—104.

14. *Перевозникова А. К.* Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира / А. К. Перевозникова // *Концепт : филология, религия, культура*. — 2019. — № 1 (9). — С. 54—61.

15. Приорова Е. М. Концепт «Родина» в английской и русской лингвокультурах / Е. М. Приорова, Е. П. Савченко, Е. М. Фильчакова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2018. — № 4 (82). — Ч. 1. — С. 159—163.

16. Радбиль Т. Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления / Т. Б. Радбиль // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6. — Ч. 2. — С. 569 — 573.

17. Радбиль Т. Б. Художественное воплощение русского национально-культурного концепта РЕКА в творчестве М. Ю. Лермонтова / Т. Б. Радбиль, И. С. Юхнова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 27 — 142. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142.

18. *Русская грамматика* : в 2-х томах / редкол. Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др. — Москва : Наука, 1980. — Т. 1. — 783 с.

19. Селиверстова Н. А. Патриотизм / Н. А. Селиверстова, М. Я. Курганская // Знание. Понимание. Умение. — 2017. — № 1. — С. 232—239.

20. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. — Москва : Академпроект, 1997. — 989 с.

21. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В. Н. Телия. — Москва : Языки русской культуры, 1996. — 288 с.

22. Чернявская В. Е. Дискурсивный анализ и корпусные методы : необходимое доказательное звено ? Объяснительные возможности качественного и количественного подходов / В. Е. Чернявская // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2018. — № 2. — С. 31—37.

23. Firth J. R. Papers in Linguistics : 1934—1951 / J. R. Firth. — Oxford : OUP, 1957. — 233 p.

24. Louw W. Irony in the text or insincerity in the writer ? The diagnostic potential of semantic prosodies / W. Louw // M. Baker, G. Francis and E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology : In Honour of John Sinclair. — Amsterdam : John Benjamins, 1993. — Pp. 152—176.

25. Prabowo R. Sentiment analysis : A combined approach / R. Prabowo, M. Thelwall // Journal of Informetrics. — 2009 — № 3 (2). — Pp. 143 — 157.

26. Sinclair J. M. Corpus, Concordance, Collocation / J. M. Sinclair. — Oxford : Oxford University Press, 1991. — 179 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023;
одобрена после рецензирования 27.02.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.

Material resources

Efremova, T. F. (2000). *New dictionary of the Russian language. Explanatory-word-formation: In 2 volumes, I / II*. Moscow: Russian Language. 1222 p; 1088 p. ISBN 5-200-02802-7. (In Russ.).

Evgenieva, A. P. (ed). (1987). *SRYA, Dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow : Russian language, 1985—1988. Vol. III : P—R. 750 p. (In Russ.).

NKRYa — (= *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus*. Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 23.11.2022). (In Russ.).

SSRLYA — *Dictionary of Modern Russian Literary Language : In 17 volumes*. (1959). Moscow ; Leningrad : Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1950—1965. Vol. 9 : P—Kick. 1482 stlb. (In Russ.).

References

- Arutyunova, N. D. (1999). *Language and the human world*. Moscow: School «Languages of Russian culture». 896 p. (In Russ.).
- Chernyavskaya, V. E. (2018). Discursive analysis and corpus methods: a necessary evidentiary link ? Explanatory possibilities of qualitative and quantitative approaches. *Questions of cognitive linguistics*, 2: 31—37. (In Russ.).
- Firth, J. R. (1957). *Papers in Linguistics: 1934—1951*. Oxford : OUP. 233 p.
- Karasik, V. I. (1996). *Cultural dominants in language. Linguistic personality: cultural concepts : Collection of scientific papers*. Volgograd — Arkhangelsk : VSU. 3—16. (In Russ.).
- Korostelyova, L. V. (2017). PATRIOTISM Concept in Context of Nationalist Extremist Discourse. *Nauchnyi dialog*, 3: 45—54. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-3-45-54. (In Russ.).
- Kovshova, M. L. (2013). *Linguoculturological method in phraseology: Codes of culture*. Moscow : LIBROCOM. 456 p. (In Russ.).
- Krasnykh, V. V. (2002). *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: A course of lectures*. Moscow : Gnosis. 284 p. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Yu. G., Luzina, P. G. (1996). Inference. In: *Concise Dictionary of cognitive terms*. Moscow: Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University. 33—35. ISBN 5-89042-018-1. (In Russ.).
- Likhachev, D. S. (1987). *Selected works in 3 volumes*. Leningrad: Fiction. Volume 2: The Great Heritage. Laughter in Ancient Russia. Notes about Russian. 493 p. (In Russ.).
- Louw, W., Baker, M., Francis, G., Tognini-Bonelli, E. (ed.). (1993). *Irony in the text or insincerity in the writer ? The diagnostic potential of semantic prosodies. Text and Technology : In Honour of John Sinclair*. Amsterdam: John Benjamins. 152—176.
- Murzina, I. Ya. (2017). The concept of «fatherland» in patriotic discourse. *Bulletin of Slavic Cultures*, 46: 39—50. (In Russ.).
- Nagovitsyna, N. V. (2017). Linguistic Realization of Concept of PATRIOTISM in Modern Russian Linguistic Consciousness (on Data of Associative Chain Experiment). *Nauchnyi dialog*, 11: 120—131. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-11-120-131. (In Russ.).
- Nagovitsyna, N. V. (2018). Semantic content and semantic scope of the concept of «patriotism» in the Russian language (according to lexicographic sources). *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 3: 156—160. (In Russ.).
- Nagovitsyna, N. V. (2020). Derivatives of the lexeme patriotism as exponents of the evaluative potential of the concept of the same name. In: *National codes in language and literature. Language as a cultural and historical heritage of the people: A collection of articles*. Nizhny Novgorod: Publishing House of N. I. Lobachevsky National Research University. 98—104. (In Russ.).
- Perevoznikova, A. K. (2019). The concept of “Motherland” as a component of the national image of Russia in the Russian picture of the world. *Concept: philosophy, religion, culture*, 1 (9): 54—61. (In Russ.).
- Prabowo, R., Thelwall, M. (2009). Sentiment analysis: A combined approach. *Journal of Informetrics*, 3 (2): 143—157.
- Priorova, E. M., Savchenko, E. P., Filchakova, E. M. (2018). The concept of «Homeland» in English and Russian linguocultures. *Philological Sciences. Questions of theory and practice*, 4 (82): 159—163. (In Russ.).

- Radbil, T. B. (2011). “The language of values” in modern Russian speech and the ways of its calculus. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 6 (2): 569—573. (In Russ.).
- Radbil, T. B., Yukhnova I. S. (2019). Artistic Expression of Russian National-Cultural Concept of River in M. Yu. Lermontov’s Works. *Nauchnyi dialog*, 2: 27—142. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-127-142. (In Russ.).
- Seliverstova, N. A., Kurganskaya, M. Ya. (2017). Patriotism. *Knowledge. Understanding. Ability*, 1: 232—239. (In Russ.).
- Shvedova, N. Y. (ed). (1980). *Russian Grammar: vol. 1*. Moscow: Nauka. 783 p. (In Russ.).
- Sinclair, J. M. (1991). *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford: Oxford University Press. 179 p.
- Stepanov, Yu. S. (1997). *Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience*. Moscow: Akadempromekt. 989 p. (In Russ.).
- Teliya, V. N.. (1996). *Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects*. Moscow: Languages of Russian Culture. 288 p. (In Russ.).
- Vezhbitskaya, A., Shmeleva, A. D. (ed). (2001). *Understanding cultures through the medium of keywords*. Moscow: Languages of Slavic culture. 288 p. (In Russ.).
- Zhumagulova, V. I., Seidamat R. A. (2019). The concept of “Homeland” in the Russian. *Eurasian Journal of Philology: Science and Education. Herald. The series is philological*, 2 (174): 184—188. (In Russ.).

*The article was submitted 12.01.2023;
approved after reviewing 27.02.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

Трегубова Ю. А. Сленг болельщиков фигурного катания в русскоязычной интернет-коммуникации / Ю. А. Трегубова, Е. В. Лаврищева, А. С. Кисарин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 84—100. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-84-100.

Tregubova, Yu. A., Lavrishcheva, E. V., Kisaryn, A. S. (2023). Slang of Figure Skating Fans in Russian Internet Communication. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 84-100. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-84-100. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-84-100

Сленг болельщиков фигурного катания в русскоязычной интернет-коммуникации

Трегубова Юлия Алексеевна

orcid.org/0000-0002-0864-4543

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра романо-германских
языков и перевода
tregubova@elsu.ru

Лаврищева Екатерина Владимировна

orcid.org/0000-0002-4218-718X

кандидат филологических наук, доцент,
кафедра романо-германских
языков и перевода
eklav@mail.ru

Кисарин Артем Сергеевич

orcid.org/0000-0002-3311-6873

кандидат педагогических наук, доцент,
кафедра романо-германских
языков и перевода
artem.wr@yandex.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Slang of Figure Skating Fans in Russian Internet Communication

Yulia A. Tregubova

orcid.org/0000-0002-0864-4543

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Roman-Germanic
Languages and Translation
tregubova@elsu.ru

Ekaterina V. Lavrishcheva

orcid.org/0000-0002-4218-718X

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Roman-Germanic
Languages and Translation
eklav@mail.ru

Artem S. Kisaryn

orcid.org/0000-0002-3311-6873

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Roman-Germanic
Languages and Translation
artem.wr@yandex.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются особенности спортивного сленга болельщиков фигурного катания в современном русском языке. Актуальность исследования обусловлена повышенным интересом отечественных болельщиков к фигурному катанию, что нашло выражение в многочисленных авторских материалах и комментариях в интернет-пространстве. Исследование проводилось на материале текстов, опубликованных на интернет-платформе «Дзен» за 2021—2022 годы. Материал включает в себя 115 сленговых единиц. Изучены основные функции современных спортивных сленгизмов сферы «Фигурное катание» (номинативная, экспрессивно-оценочная, идентифицирующая, функция языковой экономии). Установлены основные тематические группы изучаемых сленгизмов, представленные наименованиями спортивных соревнований, программ и элементов, фигуристов, спортсменов, тренеров, оценок, болельщиков / фанатов, спортивных организаций. Выявлены основные продуктивные словообразовательные модели лексических элементов современного спортивного сленга сферы «Фигурное катание» в русскоязычной Интернет-коммуникации. Сделаны выводы о том, что наиболее продуктивным способом словообразования сленгизмов изучаемой сферы являются сокращения различных типов.

Ключевые слова:

спортивный сленг; словообразовательные модели; сокращения; заимствования; фигурное катание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the sports slang features of figure skating fans in the modern Russian. The relevance of the study is due to the increased interest of domestic fans in figure skating, which was expressed in numerous author's materials and comments on the Internet. The research was conducted on the material of the texts published on the Internet platform "Zen" for 2021—2022. The material includes 115 slang units. The main functions of modern sports slangisms in the sphere of "Figure skating" (nominative, expressive-evaluative, identifying, function of language economy) were studied. The main thematic groups of studied slangisms, represented by the names of sports competitions, programs and elements, figure skaters, athletes, coaches, ratings, fans / supporters, sports organizations are established. The main productive word-formation models of lexical elements of modern sports slang in the sphere of "Figure skating" in Russian-language Internet communication are revealed. Conclusions are made that the most productive way of word formation of slangisms in the field of "Figure skating" are abbreviations of various types.

Key words:

sports slang; word-formation models; abbreviations; borrowing; Figure skating.

УДК 811.161.1'37+81'276.5:796.073

Сленг болельщиков фигурного катания в русскоязычной интернет-коммуникации

© Трегубова Ю. А., Лаврищева Е. В., Кисарин А. С., 2023

1. Введение = Introduction

Большой интерес к спортивным соревнованиям, в том числе и по фигурному катанию, обуславливает активную интернет-коммуникацию, предполагающую комментирование русскоязычными пользователями различных аспектов данного вида спорта. В последние годы с расширением интернет-пространства у простого зрителя появляется больше возможностей смотреть и комментировать спортивные соревнования, профессиональную деятельность спортсменов и тренеров. В комментариях на интернет-форумах и площадках зрители не только все чаще обращаются к словам и выражениям, которые являются частью лексикона спортивной коммуникации, но и создают при этом новые единицы языка в конкретной области спорта.

Язык спортивного дискурса насыщен как общеупотребительными единицами, так и словами, выражениями, понятными в большинстве случаев профессиональным спортсменам. Исследователи отмечают, что «массовый характер современного спорта, его активная популяризация в электронных и печатных СМИ влияет на ускорение процесса детерминологизации и жаргонизации современной спортивной лингвокультуры» [Машущ, 2013, с. 183—184]. Подобные процессы приводят к расширению возможностей и формированию особенностей функционирования сленга как социального диалекта, который не является замкнутой системой и открыт для любого человека [Фрончек, 2018].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Язык спорта в целом и его лексическая составляющая являются объектом исследования различных отечественных и зарубежных лингвистов [Галавова, 2021; Елистратов, 2020; Савченко, 2015; Удалов, 2016; Фрончек, 2018; Abrosimova, 2015; Benson, 2022; Elmes, 2018; Hoffmannová, 2018; Sojka, 2012; Taborek, 2012]. Лингвисты, изучающие спортивный дискурс, говорят о том, что «в русском языке начала XXI века терминология спорта является весьма значимой и активно пополняющейся лексической сферой» [Климас, 2012, с. 172]. Так, к примеру, отмечается, что язык футбольных болельщиков характеризуется слиянием молодежного сленга, спортивной терминологии и лексики, присущей региональным диалектам [Taborek, 2012], а корпус

языка регби насыщен техническими терминами, часть которых является повседневными словами, получившими специальное значение в языке данного вида спорта [Wenson, 2022]. Особый интерес для лингвистов представляют неологизмы [Тугуз, 2013; Слободяник, 2018], метафоры [Гриценко, 2022] и именные образования [Бобырева, 2017] спортивного дискурса.

В лингвистических исследованиях языка спорта утверждается, что «разные виды спортивных субдискурсов характеризуются разным набором лингвистических средств: одни включают более эмоционально-маркированные единицы, другие — менее» [Abrosimova, 2015, с. 12].

Лингвисты приходят к выводу, что «спортивный сленг как средство выражения употребляется как в рабочей среде, так и в среде, связанной общими интересами. Это средство выражения используют не только спортсмены-любители, которые спортом увлекаются в свободное время, но также болельщики, фанаты и сами спортсмены-профессионалы, для которых спорт является профессией» [Асаналиева, 2016, с. 192]. Спортивный сленг в целом характеризуется контролируруемыми и бесконтрольными высказываниями [Фрончек, 2018] и, как особая система спортивного социолекта, по мнению ученых, претерпевает постоянные изменения, при этом его состав включает в себя большое число иноязычных заимствований, преимущественно из английского языка [Асаналиева, 2016]. Интерес к теме изучения лексики русского языка, функционирующей в спортивной сфере, приводит к созданию специальных словарей спортивного сленга, к примеру, в сфере футбола [Никитина, 2006; Орлов, 2014].

В частности, в фокусе интереса лингвистов находится язык болельщиков фигурного катания [Белоусова, 2021; Березович, 2021]. Отмечается, что «в последнее время использование жаргона болельщиков выходит за границы субдискурса о фигурном катании и проявляется в дискурсе масс-медиа» [Белоусова, 2021, с. 14]. Лингвисты, выделяя такие особенности субдискурса фигурного катания, как «увеличивающаяся популярность фигурного катания; быстрорастущая фанбаза, в том числе за счет иноязычных болельщиков; повышенное внимание средств массовой информации к происходящим спортивным событиям» [Там же, с. 15], отмечают, что лексика болельщиков фигурного катания выполняет ряд важных функций в данном виде дискурса и имеет в ряде случаев негативную коннотацию [Там же].

Данное исследование проведено на материале сленга болельщиков одного из самых популярных на сегодняшний день в России видов спорта — фигурного катания. Языковым материалом послужили комментарии болельщиков к интернет-статьям о фигурном катании, опубликованные на интернет-платформе «Дзен». На первом этапе исследования было изучено 100 статей и более 5 тыс. комментариев болельщиков фигурного катания.

Корпус изучаемых сленговых единиц представлен 115 словами и выражениями, извлеченными методом сплошной выборки из авторских статей и комментариев к ним.

С целью комплексного описания исследуемых сленгизмов дальнейшее исследование отобранных языковых фактов проводилось с применением ряда методов: компонентного анализа, описательного и статистического методов, тематической классификации.

Таким образом, выбор материала для данного исследования, а именно — сленга фигурного катания, обусловлен огромной популярностью этого вида спорта в России. Так, согласно данным исследования РИА Новости от 08.02.2022, проведенного информационным агентством в рамках совместного проекта с Brand Analytics (посвящен пекинской Олимпиаде), «фигурное катание стало самым обсуждаемым видом спорта в российских и зарубежных социальных медиа 7 февраля» [РИА Новости, 2022].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Источники сленгизмов в языке болельщиков фигурного катания

Анализ сфер-источников появления и пополнения сленговой составляющей языка болельщиков фигурного катания показал, что обнаруженные нами и изученные в ходе исследования языковые единицы можно разделить на две группы:

Профессионализмы, применяемые спортсменами и тренерами в своей деятельности и заимствованные болельщиками фигурного катания для использования в комментариях. Здесь мы можем отметить переход специальных единиц языка в более широкую сферу употребления в речи не только профессионалами в области фигурного катания, но и рядовыми зрителями в интернет-коммуникации. К подобным языковым единицам можно отнести, к примеру, названия прыжков и других элементов фигурного катания: *ультра-си, хорео, квад, степ-аут, гоэ* и др. Статистический анализ показал, что подобные языковые единицы составляют 15 % от общего количества изученных нами сленгизмов.

Сленгизмы, созданные болельщиками и фанатами фигурного катания в рамках обсуждения спортивных событий, фигуристов, тренеров и т. д. Данные языковые единицы имеют определенную эмоционально-оценочную коннотацию, отражающую интерес зрителей к сфере фигурного катания: *нудли, хрустелята, этерианки, Стебукины, грибница* и др.

3.2. Функции спортивного сленга болельщиков фигурного катания

Изученные нами тексты интернет-сайтов с комментариями к спортивным событиям в сфере фигурного катания позволили выделить основные функции спортивного сленга фигурного катания в интернет-коммуникации:

(1) номинативную, обусловленную необходимостью в именовании новых явлений или характеристик объектов, например: *Здорово было увидеть Цареву в кике*¹ [АА]. Поясним, что *кик (КИК)* — это сокращение от словосочетания *Kiss and Cry*, которым обозначают место, где спортсмены ожидают оценок после выступления. Реже можно встретить прямой перевод: *Уголок поцелуев и слез* [Там же]. Другой пример: *ФК, вот и считайте сколько **нагрибовали** на ЧР...* [Там же] — глагол *нагрибовать* в фигурном катании означает выставить незаслуженно высокие баллы [Березович, 2021, с. 25];

(2) экспрессивно-оценочную, в основе которой стремление сохранить выразительность и образность высказывания, показать свое отношение к обсуждаемому: *Поэтому такое скомканное начало у всех, кроме СуперСоника, Суперсоник Акатьева — чемпионка!* [Там же]. *СуперСоник* — прозвище российской фигуристки Софьи Акатьевой, выступающей в одиночном катании. *Ну надо же! Если на всех соревнованиях будут “ангелы” против “хрустелят” и наоборот — я рада!* [Там же]: *ангелы* и *хрустелята* — фигуристы, выступающие за разные спортивные школы и организации. *“Флутцериша”, “катает нудли”, “грибница”* и многие другие попытки задеть трехкратную Чемпионку России Анну Щербакову предпринимались хейтерами абсолютно на всех фанатских интернет-платформах [Там же]. Поясним оценочную характеристику указанных сленговых единиц. Так, сленгизм *нудли* (от выражения *нудная лирика*) используется для обозначения программы в фигурном катании, поставленной под медленную, романтическую музыку. *Грибница* — фигуристка, незаслуженно получившая высокие баллы. *Флутцериша* — фигуристка, исполняющая прыжок *лутц* не с внешнего, а с внутреннего ребра левого конька, что считается ошибкой и засчитывается как исполнение прыжка *флип*, который имеет более низкую базовую стоимость. Приведенные примеры эмоционально-оценочных сленгизмов позволяют болельщикам выражать своё отношение к обсуждаемым спортсменам и спортивным событиям (положительное — *суперсоник, ангелы, хрустелята*, негативное — *нудли, грибница, флутцериша*);

(3) идентифицирующую, предполагающую указание на принадлежность к определенной прослойке общества, в частности — к поклонникам фигурного катания. Практически все изученные нами примеры характеризуются наличием именно этой функции, поскольку человеку, далекому от данного вида спорта, сложно будет понять, о чем идет речь в комментариях, в которых присутствуют подобные сленговые выражения: *Виталий, Вывести на какой риск? Адель собирается прыгать 4 ультра-си в ПП?*

1 Орфография и пунктуация авторов комментариев сохранены.

Как понимаю, **прога** Жилиной будет с тем же набором, как на кубке Москвы. **3 А** и **3 квада** [Там же]. У Алены, видимо, с **трикселем** туговато, на **КП-дупель**, а прокате **ПП** опять **стен-аут** на **трикселе**. Опять тоже самое, свой чистейший прокат, ошибки соперниц, и расположенность к ней арбитров и плюс Алены, что она **старт** — **плюс** [Там же];

(4) функцию экономии языковых средств: *Программа **ПП** у Туктамышевой в отличии от **КП** примитивная ...* [Там же]. **ПП** и **КП** являются аббревиатурными образованиями от произвольная программа и короткая программа соответственно. Ибо у них масса возможностей торжественно изменить **проги** в лучшую сторону [Там же]. Слово **прога** — усечение от слова программа: *Мне ужасно жалко, что **Стебукины** прилегли, нравятся они мне* [Там же] — в данном комментарии мы видим вариант сленгизма, основанный на контаминации фамилий фигуристов, выступающих в танцах на льду, Александры Степановой и Ивана Букина.

3.3. Тематическая классификация спортивного сленга болельщиков фигурного катания

При разработке тематической классификации изучаемых сленгизмов выявляются следующие группы:

Спортивные соревнования: *Татяна, шансы Алены с 2+3 трещат только в том маловероятном случае, если **Капу** выигрывает Луна, а Камила становится четвертой* [Там же]. **Капа** — сленговое название московского этапа серии Гран-при «Rostelecom Cup». *Я бы на месте тренеров ограничил Анну во Франции одним квадом. А вот в финале **ГП** можно прыгнуть и два, но не больше. Если в **ФГП** двух квадов не хватит для победы над Валиевой, значит ради победы на **ОИ** победу в **ФГП** надо отдать. Выходить на пик формы в начале декабря ещё рано. Три квада придется расчехлять на **ЧР*** [Там же]. **ГП** — этап серии Гран-при по фигурному катанию, **ФГП** — финал серии Гран-при, **ОИ** — олимпийские игры, **ЧР** — чемпионат России по фигурному катанию.

Программы и элементы: *Валиева мощно подняла планку. Видно, что проведена колоссальная работа над **квадами**. Надеемся к моменту основных стартов **триксель** встанет на место, где он уже давно был* [Там же]. **Квад** — прыжок в четыре оборота, **триксель** — тройной аксель (прыжок «аксель» в 3,5 оборота). *Но вращения, **транзишены** и сама программа вкупе с костюмом — это что-то с чем-то* [Там же]. **Транзишены** — переходы, связки между другими элементами программы. *А Косторная развалилась ,, **прогу** потеряла ,, наделала **дупелей**..* [АА]. **Прога** — программа, **дупель** — прыжок «аксель» в 2,5 оборота.

Спортсмены-фигуристы: *Вот такие пироги, **МИГи** показали свой уровень, **ТМ** — вовремя не разозлились* [Там же]. **МИГи** — спортив-

ная пара, Анастасия Мишина и Александр Галлямов, *ТМ* — спортивная пара Евгения Тарасова и Владимир Морозов. *Такими темпами туктика на олимпиаду просунут, еще и золото на шею в каманднике повесят...* [Там же]. *Туктик* — прозвище фигуристки Елизаветы Туктамышевой. *Как не хватало Степаааашек! Но: я точно думаю и знаю наверняка, что СК СБ смотрят на программы французов и американцев, ручками потирают — ну мы дадим жару!*) [Там же]. *Степашики, СБ* — пара, выступающая в танцах на льду Александра Степанова и Иван Букин. *СК* — пара, выступающая в танцах на льду Виктория Синицина и Никита Кацалапов.

Тренеры: *Татьяна, как-то в одном интервью ЭГ сказала, что у неё не было требовательного тренера* [Там же]. *ЭГ* — российский тренер Этери Тутберидзе. *Мария, ТАТ очень часто бывает резка и несправедлива. Иногда меняет свое мнение на противоположное* [Там же]. *ТАТ* — советский и российский тренер по фигурному катанию Татьяна Анатольевна Тарасова. *Но слова Глейха о недостатках Косторной, за которые на него наезжали, похоже, не беспочвенны* [Там же]. *Глейх* — российский тренер и хореограф Даниил Глейхенгауз. *И да, профессор воспитал отличное поколение спортсменов, хотя один из них мне крайне несимпатичен* [Там же]. *Профессор* — Алексей Николаевич Мишин, советский и российский тренер по фигурному катанию.

Оценки: *Настю и Мишу поздравляю. А то из-за два дедакиена Женю и Вову уже спешат со счетов списать. Не выйдет* [Там же]. *Дедакшен* (от англ. *deduction*) — обозначение штрафных баллов на ошибки в исполнении программ. *Косторная плохо выступила, где же хорошо-то? Тройной аксель в недокрут, сильно отминусован* [Там же]. *Отминусовать* — поставить меньше баллов за качество исполнения элементов программы. *Соню конечно отплюсовали по полной и компов насытали* [АА]. *Отплюсовать* — поставить более высокие баллы за качество исполнения элементов, *компы* — компоненты программы, из которых складывается вторая оценка за выступление, *насыпать компов* — поставить более высокую оценку за данную составляющую программы.

Болеельщики / фанаты: *А хрустоботам не надо переобуваться, тот кто трусову не любил и не принимал, тот и не принимает, а таких 80 % поклонников хрустального* [Там же]. Лексема *хрустоботы* обозначает поклонников фигуристов группы Э. Тутберидзе и выражает пейоративную оценку.

Спортивные организации: *Нет в ФФКР такого серьезного дядьки, которому не могла бы перечить Тутберидзе* [Там же], *Федра* — что это значит в фигурном катании [Там же]. *ФФКР, Федра* — Федерация фигурного катания на коньках России. *Всё-таки ОКР это хоть и*

Государевы чиновники, но в большинстве своём люди спорта [Там же]. *ОКР* — Олимпийский комитет России. *Как говорят, против лома нет приема, т.е. против грибов от ФФКР и ИСУ* [Там же]. *ИСУ* (от англ. *ISU* — *International Skating Union*) — Международный Союз фигурного катания.

Далее на рисунке представлен статистический анализ тематической классификации изучаемых сленговых единиц (рис. 1).

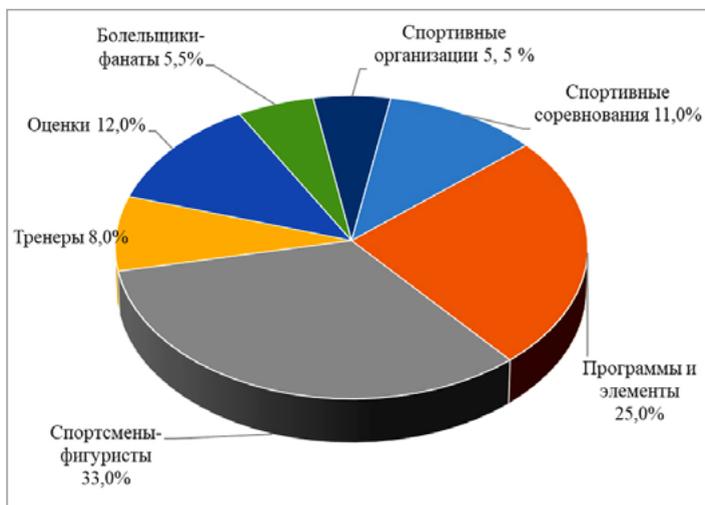

Рис. 1. Тематические группы сленгизмов в речи болельщиков фигурного катания

3.4. Спортивный сленг болельщиков фигурного катания: характеристика происхождения и семантико-мотивационный анализ слов

Исследование происхождения спортивных сленгизмов фигурного катания показало, что некоторая часть лексических единиц (20 %) была заимствована из английского языка. К примеру: *Каскад 3P+2T, на флипе степ-аут* [Там же]. *Степ-аутом* (от англ. «сбиться с ноги») обозначается ошибка фигуриста, который при приземлении во время прыжка споткнулся и подставил вторую ногу на лед. *В итоге, накатал на сизон бест и превзошёл свой результат, показанный в Куришавеле почти на четыре балла* [Там же], *Очень неплохая прибавка, с учетом того, что оценка пойдет в зачет сизн-бэст* [Там же]: *сизон бест*, *сизн-бест* (от англ. *season best*) — лучший результат, наибольшее количество баллов, набранное фигуристом в сезоне. *Косторная с таким ультраси выступала, 3А называется, если что, и он был такой эталонный у неё, что аж дух захватывал* [Там же]:

ультраси (от англ. *ultra-C*) — наименование спортивного элемента высшей степени трудности. Однако и здесь, судьи поставили довольно сдержанные **GOE** [Там же], *Ещё хочу сказать, что в этом этапе я, наверное, впервые увидела +5 GOE в элементах* [Там же]: **GOE** (от англ. *GOE*) — *Grade of executive*, или *класс исполнения*.

Однако большая часть изучаемых лексических единиц (80 %) представлена языковыми единицами, возникшими в результате переосмысления или преобразования средств русского языка (исконно русских либо давно функционирующих в языке). Обратимся к примерам: *Пока соревнуются с этерианками, — у ангелов и ребро крутое, и никаких недокрутов, — идеальная техника, одним словом. Посмотрим, что будет, когда в финале сойдутся ангелы с теми же американками)). Вот они где, недокрутики и рёбра-то неверные, повывлазят!))* [AA]. В данном комментарии можно увидеть сразу несколько спортивных сленгизмов: *этерианки* — фигуристки, занимающиеся под руководством тренера Этери Тутберидзе; *ангелы* — спортсмены, тренирующиеся в академии фигурного катания Е. Плющенко «Angels of Plushenko»; *недокрут* — недокрученный прыжок, когда фигурист не успевает сделать в воздухе необходимое целое число оборотов; *неверное ребро* — спортсмен выполняет прыжки с неверного ребра при отталкивании ото льда.

Изучение способов образования сленгизмов в речи болельщиков фигурного катания выявило ряд словообразовательных моделей. К числу самых распространенных моделей можно отнести различного рода сокращения (44 % сленговых единиц, из них: аббревиатуры — 58 %, контаминации — 19 %, сокращения с привлечением цифр — 15 %, усечения — 8 %). Например: *А по ПП тоже много вопросов, ТЩК девочки подросли, что в итоге будет получаться из квадов на соревнованиях, это лотерея, а триксель у Лизы это более менее стабильный прыжок. ВУХ, не забываем, молодые, и эмоционально может быть всё что угодно* [AA]. Поясним значения вышеназванных сленгизмов-аббревиатур. Так, *ПП* означает произвольная программа, *ТЩК* используется для именованя трио фигуристок Александры Трусовой, Анны Щербаковой, Алены Косторной, *ВУХ* — также трио Камилы Валиевой, Дарьи Усачевой, Майи Хромых (аббревиатуры для обозначения фигуристок тренерского штаба Э. Тутберидзе). *Я могу как угодно относиться к ЭГ, но это не отразится на отношении к ДиГлебикам* [AA]: *ДиГлебики* — сокращение путем контаминации имен фигуристов Дианы Дэвис и Глеба Смолкина. *А Косторная развалилась ,, прогу потеряла ,, наделала дупелей..* [Там же]: *прога* — усечение способом апокопы от слова *программа*. Ср. с контаминацией в основе обозначений фанатских групп: *А хрустоботам не надо переобуваться, тот*

кто трусову не любил и не принимал, тот и не принимает, а таких 80 % поклонников хрустального [Там же]. *Хрустоботами* называют поклонников спортсменов отделения фигурного катания «Хрустальный», а корень *-бот-* имеет значение ‘неадекватный фанат’ [Белоусова, 2021, с. 16]. Для обозначения различных прыжков в фигурном катании часто используется модель «цифра + начальная буква» К примеру, можно встретить такие варианты: *Прыжковый контент: 3А степ-аут, 3Ф, 3Л+3Т тяжело-вато, с небольшим недокрутом на тулупе* [Там же], где 3А означает *тройной аксель*, 3Ф — *тройной флип*, 3Л+3Т — *каскад тройной лутц, тройной тулуп*.

Одним из способов создания единиц спортивного сленга можно назвать семантический способ словообразования, который предполагает переосмысление базисного значения слова. Данный способ образования сленгизмов использовался для создания 19 % изученных лексических единиц.

Семантическая деривация реализуется в слове *каскад*: *Создалось впечатление, что она еле докатывает программу, хотя отдать ей должно каскад выполнила и он её и вывел на первое место* [Там же]. *Каскад* в фигурном катании обозначает прыжковый элемент, состоящий из двух или трех прыжков.

От апеллятива *рыжик* ‘прозвище рыжего человека’ производна языковая единица *Рыжики* как именование спортсменов-парников Е. Тарасовой и В. Морозова, которое они получили из-за цвета волос партнера: *Такие бы отношения нашим “Рыжикам” и у них все бы получилось* [Там же]: *Рыжики* — прозвище спортивной пары.

Результатом языковой игры является сочетание *бойкие козлики*, компоненты которого оразованы от фамилий российских фигуристов-парников Александры Бойковой и Дмитрия Козловского: «*Бойкие козлики*», как *Бойкову с Козловским называют некоторые болельщики и журналисты, штурмуют Олимп на взрослом уровне с сезона-2016/17* [Там же].

К традиционным морфологическим способам образования спортивных сленгизмов относится аффиксация (6 % изученных единиц). Наиболее продуктивны такие способы, как парасинтетическая деривация (*отплюсовать* — поставить больше баллов, *отминусовать* — снизить баллы, *нагрибовать* — поставить незаслуженно высокие баллы, *перекатать* — повторно прокатать программу или нарушить временные рамки выступления) и суффиксация (*произволка* — произвольная программа, *грибовать* — поставить незаслуженно высокие баллы). К примеру, в следующем комментарии *Оценка за прокат: 73.25 (39.93, 34.32). Потерял один балл за перекат* [AA] — слово *перекат* является отглагольным су-

ществительным и означает ‘не закончить программу в отведенное время’, тогда как в толковых словарях такого значения не зафиксировано.

К интересным и довольно продуктивным способам (10 % единиц) образования сленгизмов фигурного катания в русскоязычном интернет-дискурсе можно отнести *трансантропонимизацию*, то есть «перенос личных или фамильных имен, а также полных антропонимов с одного индивида на другой в рамках одного класса онимов» [Дьяченко, 2007, с. 63]. Данным способом образованы сленгизмы, обозначающие российские и зарубежные спортивные пары путем отсылки к фамилии одного из партнеров: *Пападакисы класс! У них, как я поняла, направление танца вог. Очень органично смотрится* [АА]. *Пападакисы* — французская пара Габриэла Пападакис и Гийом Сизерон, выступающие в танцах на льду. *И еще вопрос — это без претензии на какие-то исправления, это просто личный интерес — почему Вы в Гренобле Редфордам даете шансов больше чем Книримам?* [Там же]: *Редфорды* — канадская спортивная пара Ванесса Джеймс и Эрик Редфорд, *Книримы* — американские фигуристы Алекса Книрим и Брендон Фрэйзер, выступающие в парном катании.

Иногда при этом подключается также экспрессивная суффиксация: *Как не хватало Степаааашек!* [Там же], *На авангардную музыку — соответствующая альтернативка, но мне кажется Кацалатикам подошло* [Там же]. *Степаиками* называют танцевальную пару Александры Степановой и Ивана Букина, *Кацалатиками* — российский дуэт танцоров Виктории Синициной и Никиты Кацалопова. Возможно, выбор фамилии обусловлен стремлением указать на более яркого, харизматичного или более знаменитого партнера.

Отметим случай антропонимической деривации, тоже реализующий перенос с имени одного человека (тренера Этери Тутберидзе) на других людей (ее учеников, фигуристок-одиночниц): *Глаз не отвести! Ай какая красота, этерианки — акробаты. До чего ловкие Акатьева, Щербакова, Усачева* [Там же].

Калькирование отмечено нами как самый редкий способ образования сленговых единиц (1 % сленгизмов). В качестве примера калькирования можно привести вариант именования американской фигуристки Мэрайи Белл русскоязычным вариантом ее имени — *Маша Колокольчикова*, которое является прямой калькой оригинала: *Если что — Маша Колокольчикова называют Мэрайю Белл на Спортсе.ру и фигурнокатательных форумах, и публика этих ресурсов прекрасно узнает одну из своих любимых спортсменок* [АА].

Далее на рисунке представлены основные модели номинации, которые нашли воплощение в изучаемой группе сленгизмов (рис. 2).

Рис 2. Модели номинации, реализованные в сленгизмах болельщиков фигурного катания

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, сленг болельщиков фигурного катания можно назвать постоянно развивающейся и пополняющейся категорией современного русского языка.

Проведенное исследование современного спортивного сленга тематики «Фигурное катание» позволило сделать некоторые выводы о происхождении, функциях, специфике употребления и принципах образования изучаемых слов.

Так, они выполняют в интернет-коммуникации номинативную, экспрессивно-оценочную, идентифицирующую функции и функцию языковой экономии. Тематическая классификация современного сленга, соотносимого с изучаемым видом спорта, маркирует обсуждаемые поклонниками аспекты фигурного катания, субъектов этой деятельности и под.: среди сленгизмов обнаруживаются обозначения спортивных соревнований, программ и элементов программ, фигуристов, спортсменов, тренеров, оценок, болельщиков / фанатов, спортивных организаций. Эмоционально-оценочная коннотация некоторых сленгизмов, употребляемых болельщиками фигурного катания, позволяет им выражать свое положительное или отрицательное отношение к обсуждаемому вопросу или человеку.

Среди сфер-источников пополнения изучаемых сленгизмов мы можем отметить как внешние (заимствования из английского языка), так и вну-

тренние (словообразование и заимствование языковых единиц из разряда профессионализмов) ресурсы.

Источники и принятые сокращения

1. АА — *Архив* авторов, собранный на интернет-платформе «Яндекс.Дзен» [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zen.yandex.ru/> (дата обращения 29.12.2022).
2. *Исследование* показало самый популярный вид спорта в соцмедиа 7 февраля // РИА Новости от 08.02.2022 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://rsport.gia.ru/20220208/sport-1771593110.html> (дата обращения 15.10.2022).
3. *Никитина Т. Г.* Футбольный словарь сленга / Т. Г. Никитина. — Москва : АСТ : Астрель, 2006. — 317 с. — ISBN 5-17-035182-8.
4. *Орлов В. Б.* Словарь спортивного жаргона / В. Б. Орлов. — Ханты-Мансийск : ООО «Югорский формат», 2014. — 120 с. — ISBN 978-5-9905662-4-8.

Литература

1. *Асаналиева Г. М.* Спортивная лексика современного русского языка / Г. М. Асаналиева // Вестник физической культуры и спорта. — 2016. — № 1 (13). — С. 187—194.
2. *Белоусова М. В.* Жаргон болельщиков в спортивном субдискурсе о фигурном катании / М. В. Белоусова // Человек и язык в коммуникативном пространстве : сборник научных статей. — 2021. — № 12 (21). — С. 13—19.
3. *Березович Е. Л.* Откуда взялись грибы в фигурном катании : к мотивационной интерпретации рус. Жарг. Грибы ‘незаслуженно высокие баллы’ / Е. Л. Березович, В. С. Кучко // Русская речь. — 2021. — № 5. — С. 22—39. — DOI: 10.31857/S013161170017237-9.
4. *Бобырева Н. Н.* Типология именных образований в спортивном дискурсе / Н.Н. Бобырева // Вестник Вятского государственного университета. — 2017. — № 4. — С. 64—69.
5. *Галавова Г. В.* Англицизмы в татарском языке как способ пополнения спортивной лексики (на примере фитнеса) / Г. В. Галавова, Л. Р. Закирова // Казанская наука. — 2021. — № 7. — С. 72—74.
6. *Гриценко А. Н.* Новые метафорические модели в современном спортивном дискурсе / А. Н. Гриценко, П. В. Морослин // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 5. — С. 211—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225.
7. *Дьяченко В. В.* Основные способы образования субстандартных антропонимов в английском и русском языках / В. В. Дьяченко // Вестник Ставропольского государственного университета. — 2007. — № 48. — С. 58—65.
8. *Елистратов А. А.* К проблеме стилистической стратификации спортивной лексики / А. А. Елистратов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2010. — № 1 (5) : в 2-х ч. — Ч. I. — С. 122—127.
9. *Климас И. С.* Развитие полисемии и омонимии в современном русском языке (на материале новейшей спортивной лексики) / И. С. Климас, А. А. Машущ // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. — 2012. — № 3—2 (23). — С. 168—172.
10. *Машущ А. А.* Проблема определения корпуса спортивной неологии / А. А. Машущ, И. С. Климас // Ученые записки. Электронный научный журнал курского государственного университета. — 2013. — № 3—1 (27). — С. 183—189.

11. Савченко А. В. К вопросу о «языке спорта» как особом типе подъязыка в современной коммуникации / А. В. Савченко // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ (г. Гранада, Испания, 13—20 сентября 2015 года). — 2015. — Т. 2. — С. 145—150.

12. Слободяник Д. М. Спортивная неология английского языка конца 20 — начала 21 века и способы её передачи на русский язык / Д. М. Слободяник, В. В. Сибул // Вопросы прикладной лингвистики. — 2018. — № 1 (29). — С. 73—84. — DOI: 10.25076/vpl.29.06.

13. Тугуз Э. А. Неологизмы в спортивном дискурсе : гендерный аспект / Э. А. Тугуз // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2013. — № 6 (81). — С. 27—30.

14. Удалов Н. В. Характеристика языка спортивного телевизионного футбольного репортажа / Н. В. Удалов // Социальные варианты языка. — 2016. — № 9. — С. 161—163.

15. Фрончек М. К. Спортивная лексика и язык спорта как часть интернет-пространства / М. К. Фрончек // Молодой ученый. — 2018. — № 1 (7). — С. 31—36.

16. Abrosimova L. S. Jargon in sport discourse : formation and functioning / L. S. Abrosimova, M. A. Bogdanova // Научный Результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. — 2015. — Т. 1. — Выпуск 4. — С. 12—17. — DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-4-12-17.

17. Benson S. Technical single and multiword unit vocabulary in spoken rugby discourse / S. Benson, A. Coxhead // English for Specific Purposes. — 2022. — Vol. 66. — Pp. 111—130. — DOI: 10.1016/j.esp.2022.02.001.

18. Elmes D. Coach-player communications : an analysis of top-level coaching discourse at a short-term ice hockey camp / D. Elmes // Humanities & Social Sciences Reviews. — 2018. — Vol. 6. — № 2. — Pp. 252—282. — DOI:10.18510/hssr.2018.626.

19. Hoffmannová J. Terms, non-standard professional vocabulary units, slang expressions and their contribution to the style of online sports reporting / J. Hoffmannová // JOURNAL of LINGUISTICS. Scientific journal for the theory of language. — 2018. — Vol. 69. — № 3. — Pp. 415—430. — DOI 10.2478/jazcas-2019-0020.

20. Sojka P. Finnish Ice-hockey Slang / P. Sojka // Časopis pro moderní filologii (Journal for Modern Philology). — 2012. — Vol. 94 (2). — Pp. 87—99.

21. Taborek J. The language of sport : Some remarks on the language of football / J. Taborek // Informed teaching — premises of modern foreign language pedagogy. — 2012. — Pp. 239—255. — ISBN 978-83-62617-10-4.

*Статья поступила в редакцию 27.01.2023;
одобрена после рецензирования 06.03.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.*

Material resources

AA — *The archive of authors collected on the Internet platform “Yandex.Zen”*. Available at: <https://zen.yandex.ru/> (accessed 29.12.2022). (In Russ.).

Nikitina, T. G. (2006). *Football Slang Dictionary*. Moscow: AST: Astrel. 317 p. ISBN 5-17-035182-8. (In Russ.).

Orlov, V. B. (2014). *Dictionary of sports jargon*. Khanty-Mansiysk: Yugorsky Format LLC. 120 p. ISBN 978-5-9905662-4-8. (In Russ.).

The study showed the most popular sport in the social media on February 7. *RIA Novosti from 08.02.2022*. Available at: <https://rsport.ria.ru/20220208/sport-1771593110.html> (accessed 10/15/2022). (In Russ.).

References

- Abrosimova, L. S., Bogdanova, M. A. (2015). Jargon in sport discourse: formation and functioning. *Scientific Result. Questions of theoretical and applied linguistics, 1 (4)*: 12—17. DOI: 10.18413/2313-8912-2015-1-4-12-17.
- Asanalieva, G. M. (2016). Sports vocabulary of the modern Russian language. *Bulletin of Physical Culture and Sports, 1 (13)*: 187—194. (In Russ.).
- Belousova, M. V. (2021). The jargon of fans in a sports subdiscourse about figure skating. *Man and language in the communicative space: a collection of scientific articles, 12 (21)*: 13—19. (In Russ.).
- Benson, S., Coxhead, A. (2022). Technical single and multiword unit vocabulary in spoken rugby discourse. *English for Specific Purposes, 66*: 111—130. DOI: 10.1016/j.esp.2022.02.001.
- Berezovich, E. L., Kucko, V. S. (2021). Where did mushrooms come from in figure skating: towards a motivational interpretation of Rus. Jarg. Mushrooms ‘undeservedly high score’s. *Russian speech, 5*: 22—39. DOI: 10.31857/S013161170017237-9. (In Russ.).
- Bobyreva, N. N. (2017). Typology of nominal formations in sports discourse. *Bulletin of Vyatka State University, 4*: 64—69. (In Russ.).
- Dyachenko, V. V. (2007). The main ways of formation of sub-standard anthroponyms in English and Russian. *Bulletin of Stavropol State University, 48*: 58—65. (In Russ.).
- Elistratov, A. A. (2010). On the problem of stylistic stratification of sports vocabulary. *Philological Sciences. Questions of theory and practice, 1 (5): in 2 hours / 1*: 122—127. (In Russ.).
- Elmes, D. (2018). Coach-player communications: an analysis of top-level coaching discourse at a short-term ice hockey camp. *Humanities & Social Sciences Reviews, 6 (2)*: 252—282. DOI:10.18510/hssr.2018.626.
- Fronchek, M. K. (2018). Sports vocabulary and the language of sports as part of the Internet space. *Young Scientist, 1 (7)*: 31—36. (In Russ.).
- Galavova, G. V., Zakirova, L. R. (2021). Anglicisms in the Tatar language as a way to replenish sports vocabulary (on the example of fitness). *Kazan Science, 7*: 72—74. (In Russ.).
- Gritsenko, A. N., Moroslin, P. V. (2022). New metaphorical models in modern sports discourse. *Nauchnyi dialog, 11 (5)*: 211—225. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-5-211-225. (In Russ.).
- Hoffmannová, J. (2018). Terms, non-standard professional vocabulary units, slang expressions and their contribution to the style of online sports reporting. *JOURNAL of LINGUISTICS. Scientific journal for the theory of language, 69 (3)*: 415—430. DOI 10.2478/jazcas-2019-0020.
- Klimas, I. S., Mashush, A. A. (2012). The development of polysemy and homonymy in modern Russian (based on the material of the latest sports vocabulary). *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 3—2 (23)*: 168—172. (In Russ.).
- Mashush, A. A., Klimas, I. S. (2013). The problem of determining the corpus of sports neology. *Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University, 3—1 (27)*: 183—189. (In Russ.).
- Savchenko, A. V. (2015). On the question of the “language of sports” as a special type of sub-language in modern communication. *Russian language and literature in the space*

- of world culture: materials of the XIII Congress of MAPRYAL (Granada, Spain, September 13—20, 2015), 2: 145—150. (In Russ.).*
- Slobodyanik, D. M., Sibul, V. V. (2018). Sports neology of the English language of the late 20th — early 21st century and ways of its transfer into Russian. *Questions of applied linguistics, 1 (29): 73—84. DOI: 10.25076/vpl.29.06. (In Russ.).*
- Sojka, P. (2012). Finnish Ice-hockey Slang. *Časopis pro moderní filologii (Journal for Modern Philology), 94 (2): 87—99.*
- Taborek, J. (2012). The language of sport: Some remarks on the language of football. *Informed teaching — premises of modern foreign language pedagogy. 239—255. ISBN 978-83-62617-10-4.*
- Tuguz, E. A. (2013). Neologisms in sports discourse: gender aspect. *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University, 6 (81): 27—30. (In Russ.).*
- Udalov, N. V. (2016). Characteristics of the language of sports television football reportage. *Social variants of the language, 9: 161—163. (In Russ.).*

*The article was submitted 27.01.2023;
approved after reviewing 06.03.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Анастасия Андреевна Шарапкина, канд. филол. наук (Москва)
Анастасия Михайловна Меркулова, канд. истор. наук (Москва)
Анна Львовна Коданина, канд. полит. наук (Нижний Новгород)
Екатерина Сергеевна Радионцева, канд. филол. наук (Омск)
Ирина Трофимовна Вепрева, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Мария Александровна Савельева, магистрант (Нижний Новгород)
Татьяна Евгеньевна Новикова, канд. филос. наук (Нижний Новгород)
Ян Чжибин, магистрант (Екатеринбург)

Вепрева И. Т. Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева, Ян Чжибин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 102—123. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123.

Vepreva, I. T., Yang Zhibing. (2023). Axiosphere of Social Advertising Poster about Coronavirus in Russia and China. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 102-123. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-102-123

Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае

Вепрева Ирина Трофимовна

orcid.org/0000-0002-2230-1985

доктор филологических наук,
профессор,

кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
irina_vepreva@mail.ru

Ян Чжибин (杨志兵) *

orcid.org/0000-0002-7479-1963

магистрант,

кафедра русского языка
для иностранных учащихся,

* *корреспондирующий автор*
9696410@qq.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при поддержке
Государственного комитета
по стипендиям КНР
(грант № 202110100033)

Axiosphere of Social Advertising Poster about Coronavirus in Russia and China

Irina T. Vepreva

orcid.org/0000-0002-2230-1985

Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
irina_vepreva@mail.ru

Yang Zhibing *

orcid.org/0000-0002-7479-1963

Master's Student,
Department of Russian
Language for Foreign Students,

* *Corresponding author*
9696410@qq.com

Ural Federal University
named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by the State Scholarship Committee
of the People's Republic of China,
project number 202110100033

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выдвигается тезис о том, что пандемия коронавируса может рассматриваться как референт, допускающий ценностно маркированное осмысление. Аксиогенная ситуация пандемии рассматривается на материале социальной рекламы двух стран — России и Китая. Выявлен набор универсальных ценностей, объективированных в социальной рекламе. Охарактеризованы вербальный и визуальный коды как средства выражения ценностных смыслов. Определена национальная специфика рекламы. Материалом наблюдений послужили 400 русских и китайских рекламных текстов. В результате анализа выявлено, что аксиологическое пространство рекламы обеих стран конструируется набором ценностных смыслов, объединенных абсолютной ценностью бытия — концептом ЖИЗНЬ. Установлено, что в основе структуры рекламного дискурса лежит дихотомия биологического и социального. Отмечается, что ключевой ценностью, наряду с жизнью и ее защитой, стала сила единства и сплоченности нации перед лицом смертельной угрозы. Показано, что ценность героического объективируется в образе медицинских работников. Авторы приходят к выводу, что для китайской рекламы типичны языковая игра, связанная с омонимией и трансформацией фразеологизмов, и отсутствие слабореализованных текстов при сильной культурно-исторической составляющей визуального ряда. Выявлено, что российская реклама реанимирует стилистику советского плаката при пропаганде санитарно-гигиенических правил.

Ключевые слова:

социальная реклама; пандемия коронавируса; ценность; аксиогенная ситуация; вербальный код; визуальный код; национальная специфика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The axiogenic situation of the pandemic is considered based on the material of social advertising of two countries — Russia and China. The thesis is advanced that the coronavirus pandemic can be considered as a referent that allows a value-marked interpretation. The purpose of the work is to identify a set of universal values objectified in social advertising; characterize verbal and visual codes as means of expressing valuable meanings; determine national specifics of advertising. 400 Russian and Chinese advertising texts served as the material for the observations. As a result of the analysis, it was revealed that the axiological space of advertising of both countries is constructed by a set of valuable meanings, united by the absolute value of being — the concept of LIFE. It is noted that the structure of advertising discourse is based on the dichotomy of biological and social. The key value, along with life and its protection, was the strength of unity and cohesion of the nation in the face of a mortal threat. The value of the heroic is objectified in the image of medical workers. It was revealed that Chinese advertising is characterized by a language game associated with homonymy and the transformation of phraseological units, and the absence of weakly creolized texts with a strong cultural and historical component of the visual series. It is concluded that Russian advertising revives the style of the Soviet poster when promoting sanitary and hygienic rules.

Key words:

social advertising; the coronavirus pandemic; value axiogenic situation; verbal code; visual code; national specifics.

Аксиосфера социального рекламного плаката о коронавирусе в России и Китае

© Вепрева И. Т., Ян Чжибин, 2023

1. Введение = Introduction

Официальный отчет пандемии коронавируса начинается 11 марта 2020 года, когда Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила на своем сайте о пандемии COVID-19, хотя фактически о вспышке инфекционного заболевания неизвестного типа Пекин уведомил ВОЗ 31 декабря 2019 года. Пандемия, продолжающаяся уже три года, на сегодняшний день приобрела характер тревожной, но рутинной повседневности в отличие от фрустрирующего характера, который инфекция имела в первые два года своего существования. 2020—21 годы можно назвать периодом коллективного психологического шока, постоянно растущего напряжения, увеличивающейся опасности, вплоть до ощущения катастрофизма.

Перед мировым сообществом встала задача борьбы с опасной болезнью. В помощь медикам подключились комплексные силы гуманитаристики и государственного управления. У психологов и социологов сформировалось понимание о необходимости междисциплинарного подхода к сложившейся ситуации, который помог бы приостановить панику общественного восприятия событий, изменить массовые поведенческие паттерны, см., например: [Быховец и др., 2020; Ушаков и др., 2020; Якимова, 2021; Petzold и др., 2020; Using social and behavioral science, 2020; Vatansever и др., 2020]. Ситуация требовала адресной популяризации новых социальных норм.

В социальных правилах поведения присутствуют два начала: нормативное и ценностное. Нормативное начало состоит в том, «что им *надо* (выделено Александром Гофманом. — *И. В., Я. Ч.*) следовать», ценностное — «в том, что им *хотят* (выделено Александром Гофманом. — *И. В., Я. Ч.*) следовать» [Гофман, 2000, с. 15]. Нормативная и ценностная стороны в культурных образцах очень тесно переплетены. Чтобы новые нормы стали обязательными, сегодняшними «надо», они должны быть повсеместно и единодушно одобряемой ценностью, желаемым благом. Возможен и иной сценарий взаимодействия. Директивно внедряемая социальная норма, вызывающая вначале отторжение, впоследствии может интериоризоваться, став ценностью.

Важную роль в осмыслении злободневных ценностей сыграла социальная реклама, которая по своей сути является «социомоделирующим ин-

струментом, актуализирующим темы и поведенческие коллизии» [Рюмин, 2012, с. 16], разрешение которых формирует новые ценностные установки; о специфических для коронавирусной рекламы темах см.: [Ведрева, 2022; Воробьева, 2021; Ёлкина и др., 2020; Котельникова и др., 2020; Ли Яньцзюнь, 2020; Лю Госинь, 2021; Соколова и др., 2021; Умеренкова, 2021].

Ранее мы обращались к вопросам осмысления российского и китайского рекламного плаката о коронавирусе с позиций тематического сходства и различия [Ведрева, 2022]. В данной статье мы сосредоточимся на характеристике аксиосферы социального плаката. Новизна предпринятого подхода к анализу социальной рекламы определяется тем, что пандемия коронавирусной инфекции рассматривается в работе как «специфический референт, допускающий ценностно маркированное осмысление» [Карасик, 2014, с. 65], как аксиогенная (ценностно порожающая) ситуация, которая объективируется в социальной коронавирусной рекламе. Особенности совмещения различных ценностных концептов, эксплицированных вербальным и визуальным кодами, недостаточно изучены.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Задачи данной статьи — выявить набор актуализированных в период пандемии универсальных ценностей, отраженных в социальной рекламе; определить средства выражения ценностных смыслов; охарактеризовать национальную специфику рекламы, обусловленную ментальными чертами китайского и русского национального мировидения.

В основе анализа лежит выборка коронавирусных социальных плакатов, размещенных на китайских и русских официальных сайтах [Государственный комитет ...; Стопкоронавирус ...], а также на других китайских [Вэйбо; Соуху; Шецзицинсайван; CCTV и др.] и русских интернет-ресурсах: [Мывместе2020.рф; Социальный плакат ... (Google); Социальный плакат ... (Яндекс)] в период с января 2020 года по декабрь 2021 года. В корпусе анализируемого материала — 400 китайских и российских плакатов социальной рекламы. Общий взгляд на анализируемый материал показывает аксиологическое сходство российской и китайской социальной рекламы.

Методология исследования предполагает координацию методов и приемов семантического, стилистического, лингвоаксиологического, концептуального исследования. Прежде всего использован комплекс традиционных методов лингвистического исследования: наблюдения, описания, классификации, дефиниционного и контекстуального анализа. Интерпретация креолизованного рекламного текста предполагает семиотический подход, учитывающий коррелятивное сопоставление вербальной и визу-

альной составляющих. Для уточнения выводов об аксиосфере социальной рекламы в период кризисных ситуаций использовался сопоставительный анализ русской и китайской лингвокультур, метод лингвокультурологической интерпретации.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Жизнь как высшая базовая ценность

Рефлексивный взгляд на ситуацию пандемии как на кризисную ситуацию, угрожающую жизни человека, ставит перед социальной рекламой стратегическую задачу — сохранение здоровья нации и обеспечение ее безопасности. Цель рекламы в этот период — создать новую систему ответственного отношения к жизни, поставив в основу аксиосферы рекламного текста высшую базовую ценность — «жизнь», лексически не эксплицированную в самом тексте. В рекламном дискурсе концепт ЖИЗНЬ обычно принадлежит пресуппозиции.

Современное понимание жизни как сложного и многогранного феномена, ее двуплановость как физического существования и как сакрально-духовного бытия человека [Руднев, 2010] очевидны. При этом отрефлексированным является признание жизни в качестве доминирующей культурной ценности высокого духовного характера. Но опасная болезнь, охватившая человечество, актуализирует другую сторону базового концепта: жизнь как основу бытия, «как существование индивидуального биологического объекта» [Трунев, 2008, с. 118], «на поддержание и утверждение которого направлены все силы организма» [Баева, 2003, с. 77]. Актуализируется аспект семантики, который обычно воспринимается человеком как само собой разумеющийся: «Мысль о бытии чего-либо есть именно самая общая и самая элементарная мысль в мыслительном аппарате человека» [Пешковский, 1956, с. 174]. При этом ЖИЗНЬ и ЗДОРОВЬЕ рассматриваются как взаимно обусловленные экзистенциальные концепты.

Для спасения жизни, для обеспечения здоровья и безопасности человека в рекламном тексте эксплицируется ряд терминальных и инструментальных ценностей, см.: [Rokeach, 1973]. Рассмотрим их во взаимодействии с базовой аксиологической основой — жизнью.

3.2. Ценность гигиенической чистоты в рекламном плакате о коронавирусе

На первый план пандемийным рекламным дискурсом выдвигается понятие чистоты как аксиологической категории. В средневековой культуре концепт ЧИСТОТА мыслился как ключевой и представлял собой некий эталон проявления характеристики предмета. Первоначально представления о чистоте имели религиозную основу, в языковом сознании отождест-

влялись понятия чистоты и святости. «Необходимым условием приближения к божеству» являлись очистительные обряды, а также молитва и покаяние [Яковлева, 2000, с. 203]. Концепт изначально имел синкретичный характер: наряду с сакральным содержанием *чистота* называла и нормы повседневного поведения. В применении к телесному означала «чувство меры, основанное на знании правил» [Там же, с. 207].

В обеих странах главной целью коронавирусной рекламы становится гигиенический культпросвет. Создатели рекламы на начальном этапе пандемии выступают в роли наставника. В рекламных текстах преобладает дидактическое начало: формируется идеал бытового поведения во время пандемии: *Чаще мойте руки с мылом, обрабатывайте антисептиком! Носите маску! Оставайтесь дома! Не трогай глаза, рот, нос грязными руками! Избегайте приветственных рукопожатий! Держи дистанцию! При кашле используйте бумажные салфетки!*

В дидактических императивах российской рекламы преобладают прямые формы побудительных конструкций, в составе которых глаголы в форме повелительного наклонения и модальная лексика долженствования при минимальном присутствии вербального образа. Иногда в наружной рекламе рядом с прямым призывом размещается фотография врача, работающего с инфекционными больными. В дальнейшем социальная реклама уходит от простых форм воздействия в сторону креативного начала. Продуктивной линией становится использование визуального образа советского плаката с актуальным коронавирусным слоганом. Происходит своеобразная переключка с постреволюционной эпохой 1920—30-х годов, когда чистота тела и быта составляла идеологическую основу агитационно-пропагандистской деятельности советской власти [Иманкулова, 2012].

Китайская социальная реклама показывает другой вариант реализации аксиологической категории телесной чистоты и профилактических мер безопасности. Во-первых, в китайской рекламе практически отсутствуют слаботреологизованные тексты. Сильной стороной китайской социальной рекламы является ее визуальная составляющая. Традиционная апелляция к культурно-историческим ценностям в оформлении визуального кода создает разнообразие коронавирусного зрительного фона: это «предметы традиционного декоративно-прикладного искусства или сюжеты из китайской живописи, а также сюжеты, взятые из мифологии и классических философских учений» [Хрипля, 2018, с. 198]. Одна из примет социальной рекламы в Китае — цветовое оформление. Предпочтительным цветом является красный, на втором месте — желтый. Многие цветовые решения реализованы в черно-белой гамме, особенно когда речь идет о смертельной опасности.

Во-вторых, в вербальной части рекламного текста используются приемы типичной для Китая языковой игры, связанной с омонимией и трансформацией фразеологизмов. Покажем на ряде примеров эти приемы. Использование стилистического эффекта омонимии связано с близостью звучания слов, представленных на письме разными иероглифами. В словаре китайского языка «насчитывается около 60 000 иероглифов, а фонетический состав языка состоит из чуть более 400 слогов» [Думанская, 2010, с. 83].

Рассмотрим, например, рекламный слоган китайского плаката 沾沾自洗 (Нужно с удовольствием мыть руки) (рис. 1). В этом высказывании иероглиф 洗 (xǐ) (мыть) совпадает по звучанию с иероглифом 喜 (xǐ) (с удовольствием, радостью), который является частью фразеологизма 沾沾自喜 (zhānzhānzìxǐ / выражение удовольствия на лице), поэтому призыв можно прочесть как *Нужно с удовольствием мыть руки*.

Рис. 1. Плакат «Нужно с удовольствием мыть руки»

Еще один пример языковой игры: плакат о ношении маски: 苦口佛心 (Резкие, но справедливые слова; и сердце Будды) (рис. 2). Данное выска-

зывание представляет собой трансформацию пословицы *苦口婆心* (*На словах резок, в душе добр*; букв. перевод: *слова резкие, но сердце бабушкино*). При этом иероглиф *婆* (*pó / бабушка*) заменяется на иероглиф *佛* (*fó / Будда*). Слоган приобретает следующий смысл: хотя вы ворчите об излишних мерах предосторожности, которые заставляют вас чувствовать себя некомфортно, но знайте, что все это делается из лучших добрых побуждений.

На плакате изображена сцена, часто наблюдаемая в пандемийное время, когда один человек искренне убеждает другого носить маску. В нижней части плаката помещен слоган, который призван напомнить людям о необходимости ношения маски: *口罩不愿意戴, 病毒把你爱* (*Не хочешь носить маску, и вирус полюбит тебя*).

Рис. 2. Плакат «Не хочешь носить маску, и вирус полюбит тебя»

3.3. Ценность защиты в рекламном плакате о коронавирусе

Предлагаемая санитарно-гигиеническая модель поведения человека реализует еще одну из важных ценностей коронавирусной эпохи — идею защиты, важнейшую составляющую жизни человека. Лексические репрезентанты этого концепта — глаголы *защищать*, *оберегать*, *охранять*,

оборонять — относится к классу каузативных глаголов, на что указывает причинно-следственный компонент их семантики — ‘делать так, чтобы кто-то был в безопасности, сохранился, продолжал существовать’. Недаром набор предлагаемых правил бытового поведения в период пандемии объединяется слоганом *Защити себя от COVID-19!*

Концепт ЗАЩИТА в коронавирусном контексте социальной рекламы, кроме пропаганды профилактических мер, наиболее ярко проявился в двух ситуациях анализируемого периода, находящихся в отношениях взаимодополнения: а) в ситуации распространения ложной информации о коронавирусе; б) в ситуации вакцинации.

Пандемия коронавируса создала благодатную почву для фейков и домыслов. За вспышкой COVID-19 последовала инфодемия, процесс распространения дезинформации. Реальную опасность для общества приобрело неконтролируемое распространение различных теорий возникновения болезни. В этот информационный поток попадает и обсуждение вакцинации. Антипрививочный настрой во многом порожден общественным недоверием к официальной информации о течении пандемии. Перед социальной рекламой как в Китае, так и в России встала серьезная задача по защите населения от негативных эффектов фейковой информации, разъяснению необходимости прохождения вакцинации.

При характерном лозунговом подходе рекламы к любой социальной проблеме, см., например: *谣言比病毒更可怕 (Ложные слухи страшнее вирусов); 不传谣不信谣! 戴口罩勤洗手 (Не распространяйте ложные слухи, не верьте ложным слухам! Носите маску и часто мойте руки)*, — реклама о фейках получила иные креативные развороты.

Иногда она носила иронический характер, ср. русский рекламный текст: *Чеснок не лечит коронавирус; ешьте три головки чеснока в день, может от вируса это не поможет, но люди будут держаться от вас подальше* (сохранена авторская пунктуация. — И. В., Я. Ч.).

Китайская реклама выстраивала свой антифейковый текст в виде диалога двух коммуникантов, обсуждающих недостоверную информацию:

— *大家注意啦! (Обрати внимание!) 服用抗流感药可以预防感染! (Можно принимать лекарство от гриппа, чтобы предотвратить заражение!) 抽烟喝酒也可以! (Курение и употребление алкоголя также может предотвратить болезнь!)*

— *骗人的吧 (А не ври) 这也行? (Точно?)*

— *专家说的!! (Специалисты так сказали!!) 宁可信其有不可信其无啊! (Лучше уж верить в то, что это существует, чем считать, что этого нет!)*

— *快快行动起来吧! (Давай побыстрее начнем действовать!).*

Диалог заканчивается призывами: *拒绝谣言 (Отказывайся фабриковать вздорные слухи). 给你的社交软件也带上口罩 (Давай наденем маску на свое социальное программное обеспечение).*

В стремлении усилить воздействующий эффект создатели русского рекламного текста о вакцинации прибегают к шоковой рекламе, нарушающей «общепринятые нормы и табу» [Терских и др., 2021, с. 251]. В рекламный текст вводится идея «танатостремительности» ковидного мира, включаются лексемы *смерть* и *умирать*: *Сколько должно умереть, чтобы ты привился? Вакцинируйтесь!; Смерть от ковида не лечится. Вакцинируйтесь!*

Риторический вопрос, включающий в себя мысль об огромном количестве погибших от болезни, — *Сколько должно умереть, чтобы ты привился?* — это убедительный довод для массового адресата в пользу необходимости прививки. «Во втором слогане *Смерть от ковида не лечится* при ложности умозаключения легко прочитывается импликатура рекламного текста: лечить можно только живого человека, поэтому ты должен вакцинироваться, чтобы не умереть от ковида» [Вепрева, 2022, с. 48].

Возвращаясь к разговору о защитных профилактических мерах в борьбе с коронавирусом, отметим один из запретов, характерный только для Китая. 24 февраля 2020 года Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (ПК ВСНП) принял решение *关于禁止非法野生动物交易、革除滥食野生动物陋习、切实保障人民群众生命健康安全的决定 (Решение о запрещении незаконной торговли дикими животными, искоренении вредной привычки поедания мяса диких животных и эффективной защите жизни, здоровья и безопасности людей).*

По одной из версий, источником коронавируса COVID-19 стали летучие мыши, которых в южных регионах Китая употребляют в пищу. Они становятся одним из самых зловещих тиражируемых образов в визуальном коде китайской коронавирусной рекламы. См. плакат *远离野生动物 杜绝病毒传播 (Держитесь подальше от диких животных, предотвратите распространение вирусов)* (рис. 3). Тень от летучей мыши трансформируется в череп человека. Цветовое решение — преобладание черного цвета.

Преобразование китайских пословиц в рекламном тексте продолжает идею взаимосвязи летучей мыши и смертельной угрозы. Например, рекламный слоган *祸福相倚 (Бедя и летучая мышь всегда рядом)* основан на игре с омонимами и восходит к пословице *祸福相倚 (Нет худа без добра, или букв. Нет беды без счастья)*. Иероглифы *福 (fú / счастье)* и *蝠 (fú / летучая мышь)* одинаковы по произношению, но различны по написанию и значению, поэтому замена иероглифов приводит к новому варианту *祸蝠相倚*, снова ставящему рядом лексемы *бедя* и *мышь*.

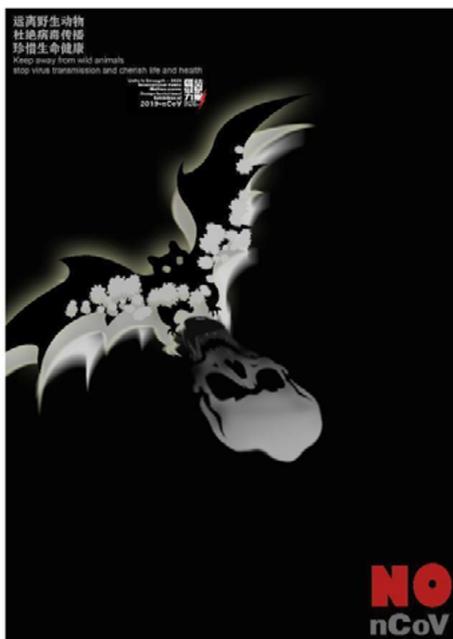

Рис. 3. Плакат «Держитесь подальше от диких животных, предотвратите распространение вирусов»

Проблема отказа от употребления в пищу мяса диких животных актуализирует еще один ценностный принцип современного мира — принцип гуманистического единства человека и природы. Социальная реклама Китая отражает этот логический поворот, см., например, плакат: *它可以是美的化身, 不要肆意破坏 (Летучая мышь может быть воплощением красоты, не убивайте ее). 保持生态平衡, 人与自然和谐共处 (Поддерживайте экологическое равновесие, гармоничный симбиоз человека и природы)* (рис. 4).

3.4. Ценности единства и патриотизма в рекламном плакате о коронавирусе

Пандемия сыграла объединяющую роль в жизни общества: «Человек эпохи пост- и постпостмодерна, живущий в состоянии экзистенциального одиночества и социальной атомарности, вдруг ощутил свою общность с социумом перед лицом возникшей опасности» [Лассан, 2022, с. 731].

Ценностная идея сплоченности и единства получила в социальной рекламе Китая и России лексическую репрезентацию в одинаковых слоганах: *Мы вместе; 我们在一起*. Причина удачности слогана в русском языке

Рис. 4. Плакат «Летучая мышь может быть воплощением красоты, не убивайте ее»

ке кроется в частеречной деривации аксиологически значимого предлога *вместе*, который, являясь составным **вместе с** (*кем-чем*), «указывает на совместность, участие в одном и том же действии, пребывание в одном и том же состоянии с кем-, чем-нибудь» [ТСРЯ, 2008, с. 98]. Усечение правой валентности предлога превращает его в предикатив в составе синтаксической конструкции *Мы вместе*, усиливая при этом символичную, знаковую роль субъекта состояния **мы** как первичную категорию социального бытия, как «основу высшего, объемлющего его единства» [Франк, 1992, с. 51].

В русском языке слоган стал номинацией акции и сайта: в марте 2020 года в России в рамках акции #МыВместе заработал соответствующий сайт *мывместе2020.рф*. [Мывместе2020]. Китайский слоган *我们在一起* (*Мы вместе*) получил поддержку в ряде других слоганов: *从我做起，共同战“疫”* (*Начните с себя, вместе боремся с эпидемией*); *共克时艰 共度难关* (*Вместе преодолеем временные трудности*); *众志成城 抗击疫情* (*В единстве — сила, давайте все сообща дадим отпор эпидемии*). Русские слоганы с идеей силы единства также разнообразны: *Мы сильнее вируса*; *Только вместе мы победим! Вместе победим COVID-19! Вместе против COVID-19.*

Ценностная категория коллективизма по-разному преломляется в русской и китайской культурах. «С древнейших времён в Китае интересы общества стоят выше, чем интересы отдельного гражданина. Сила коллективистского начала связана как с многочисленным населением, так и с ценностями, которые пропагандировались древней культурой, базисом которой являются конфуцианский морально-этический комплекс, традиции буддизма и даосизма» [Ерофеева и др., 2019, с. 59]. На ценностной шкале конфуцианства жизнь социума стоит выше жизни индивидуума.

Усиливает социальный аспект солидарности апелляция к партийной преданности. Коммунистическая партия Китая в социальной рекламе рассматривается как источник силы и ресурс в борьбе с коронавирусом (рис. 5, 6).

Рис. 5. Плакат
«Совместное преодоление
временных трудностей»

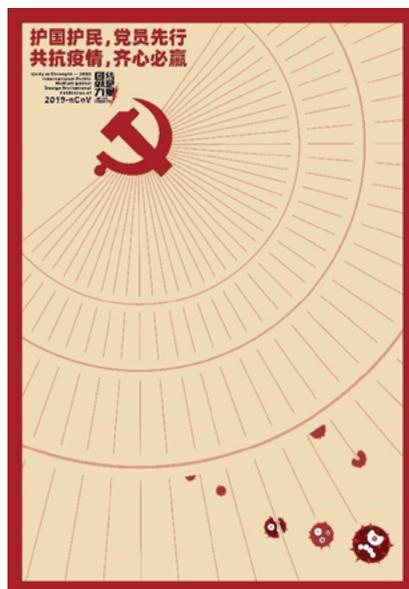

Рис. 6. Плакат «Чтобы защитить
государство и народ,
члены партии идут впереди»

Подчеркивается единство армии и народа. Из средств вербальной выразительности отметим широкую представленность военной метафоры, например: 军民合力，打赢战役 (Армия и народ объединят усилия, победим в битве); 疫情就是命令，防疫就是打仗 (Эпидемия — приказ, а борьба с эпидемией — битва); 这场战役我们唯一的敌人是新型冠状病毒

毒 (Наш единственный **враг** в этой битве — новый тип коронавируса);
口罩—防护之盾 (Маска — защитный **щит**); 致敬工作在一线的医护人员
(В честь медицинского персонала, который работает на **передовой**).

В парадигме преобладающих российских ценностей пандемийного времени актуализировался топос *дома* как особого ценностного пространства семейного человека, которое искренне любят и оберегают, см. хэштеги #сидимдома, #оставайтесьдома, #лучшедома. Идея сплоченности транслируется в рамках «микросолидарности», ближнего круга — семьи и друзей (рис. 7).

Рис. 7. Плакат «Вместе — мы сильнее»

Продуктивность использования в рекламе ценностного концепта *ДОМ*, на наш взгляд, связана с попыткой нейтрализовать негативное восприятие актуализированной лексемы *самоизоляция*. Сема добровольности, которая заложена в этом слове первым корневым компонентом *само-*, приходит в противоречие с ситуацией законодательного принуждения. В силу своей внутренней противоречивости лексема *самоизоляция* имеет все признаки идеологемы и является эвфемизмом, цель которого — завуалировать негативные стороны сложившейся социальной реальности, перевести действие «в ранг социально полезного поведения» [Радбиль, 2020, с. 759].

Социальная коронавирусная реклама, аккумулируя идею народного единства, подчеркивает ценность патриотизма, которую связывает с осознанным участием человека в жизни общества, с деятельным, вплоть до самопожертвования, служением Отечеству. Статус героев в рекламной продукции Китая и России приобрели медицинские работники, суть профессии кото-

рых — спасение жизни других. Врач был вписан в образ героя, собственная жизнь которого является «ценностью второго ранга» [Краснобаева-Чёрная, 2015, с. 32]. Российская реклама пытается уйти от сакрализации образа героя, работая на понижение пафоса. «Намечается тенденция к локальной героизации и конкретизации героического на примерах реальных людей» [Таскаева, 2021, с. 31]. Наружная реклама помещает фотографии медицинских работников с указанием имени и фамилии, места работы в конкретном городе.

Китайская реклама идеализирует героические образы медиков, метафоризируя — это *ангелы в белых халатах* — и персонифицируя их: на многих рекламных плакатах фотография легендарного академика Чжун Наньшаня, возглавившего комиссию по борьбе с коронавирусом. В орбиту героев попадает город Ухань. Для китайцев 76-дневная самоизоляция многомиллионного мегаполиса стала образцом героического поведения. После снятия локдауна Ухань официально получил титул города-героя, а слоган *Вперед, Ухань! (加油 武汉!)* стал выполнять дискурсообразующую функцию в ценностном осмыслении пандемийного времени.

3.5. Аксиологическая многофункциональность социального плаката в Китае

Завершая наблюдения, отметим еще одну особенность социального китайского плаката — его аксиологическую многофункциональность. В рамках одного рекламного плаката концентрируется целый комплекс ценностных смыслов, объективированных в наборе слоганов и усиленных визуальным образом. Проиллюстрируем свое положение плакатом на рис. 8.

Рис. 8. Плакат «Под руководством Коммунистической партии Китая...»

Визуальный код рекламного плаката выполнен в пафосном ключе: на фоне красного государственного флага КНР в виде монумента изображены врачи в белых защитных костюмах. Цветовое решение говорит об особой эмоциональной нагрузке визуального образа: соединены два сильных цвета — красный и белый. Красным цветом также выделен главный слоган текста: *向构筑抗疫不朽丰碑的勇士们致敬! (В честь воинов, построивших бессмертный памятник в борьбе с эпидемией!)*. Слоган (как и весь остальной текст этого рекламного плаката) сконструирован на основе военной метафоры, подчеркивающей самоотверженность и героизм медицинских работников-воинов, которые обессмертили себя идеей жертвенности.

Следующий парный слоган, находящийся выше главного, артикулирует идею поступательного движения, правильности выбранного пути: *武汉加油! 中国加油! (Ухань, вперед! Китай, вперед!)*. Эти слоганы являются ключевыми для всего рекламного дискурса. Их тиражирование практически в каждом рекламном плакате усиливает символическое значение призыва к активной деятельности в борьбе с эпидемией.

Выше этих слоганов находится оптимистически заряженный текстовой фрагмент идеологической направленности. По целевому назначению он представляет собой кодекс ценностных установок, поведенческую программу любого члена китайского сообщества: *在中国共产党的坚强领导下, 全国人民团结一心, 同舟共济, 众志成城, 我们完全有信心, 有能力打赢这场疫情防控阻击战 (Под руководством Коммунистической партии Китая народ всей страны тесно сплочён как один, сообща преодолевает несчастье, и вместе мы сильны. Мы полностью уверены и способны выиграть бой, мы задержим противника путем профилактики и контроля за эпидемией)*.

Сочетание вербальных и визуальных составляющих формирует смысловую целостность и связность семиотического текста, расширяет возможности выражения имплицитных смыслов.

4. Заключение = Conclusions

Аксиологическое пространство социальной коронавирусной рекламы в Китае и России конструируется набором ценностных смыслов, организованных как структурированное единство, в основе которого лежит абсолютная ценность бытия — концепт ЖИЗНЬ. Лингвоаксиологический анализ социальной рекламы показал, что пандемия коронавируса потребовала переосмысления многих очевидных вещей, ценностный характер которых воспринимался обществом а priori. Благодаря рекламе простейшие санитарно-гигиенические правила приобрели статус ценностных норм поведения. Социальная реклама, артикулируя ценность защиты жизни, показала

«пациентную (неагентивную)» [Рахилина, 2008, с. 117] природу здоровья, которое надо беречь и охранять.

Создатели рекламы, поместив в ядро аксиосферы коронавирусного дискурса ценностный концепт ЖИЗНЬ, организовали аксиологическое пространство рекламного текста на базе дихотомии биологического и социального. Ключевой ценностью, наряду с жизнью, стала сила единства и сплоченности нации перед лицом смертельной угрозы. При этом на ценностный пьедестал были подняты люди героической профессии — врачи.

Аксиологически маркированное пространство рекламного текста объективировано совокупностью и тесным взаимодействием вербальных и визуальных средств. Вербальный код опирается на приемы речевой выразительности, на набор лексических, грамматических и синтаксических средств, отражающих креативные возможности каждого языка. Визуальный код поддерживает и усиливает вербальную составляющую. При этом общность ценностных установок социальной рекламы по-разному отражается в китайской и русской лингвокультурах, отличаясь культурно-специфическими характеристиками.

Источники и принятые сокращения

1. *Вэйбо* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://m.weibo.cn/> (дата обращения 23.01.2023) (微博. — *访问模式*: <https://m.weibo.cn/>).
2. *Государственный комитет по делам здравоохранения КНР* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.nhc.gov.cn/> (дата обращения 23.01.2023) (中华人民共和国国家卫生健康委员会. — *访问模式*: <http://www.nhc.gov.cn/>).
3. *Мывместе2020* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://Мывместе2020.рф> (дата обращения 24.04.2020).
4. *Социальный плакат о коронавирусе* [Электронный ресурс] // Google. — Режим доступа : <https://www.google.ru/search=социальный+плакат+о+коронавирусе> (дата обращения 23.01.2023).
5. *Социальный плакат о коронавирусе* [Электронный ресурс] // Яндекс. — Режим доступа : <https://yandex.ru/images/социальный%20плакат%20о%20коронавирусе> (дата обращения 23.01.2023).
6. *Соху* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.sohu.com/> (дата обращения 23.01.2023) (搜狐. — *访问模式*: <https://www.sohu.com/>).
7. *Стопкоронавирус* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения 23.01.2023).
8. ТСРЯ — *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н. Ю. Шведова. — Москва : Издательский центр «Азбуковник», 2008. — 1175 с. — ISBN 978-5-91172-015-5.
9. *Шежцзинсайван* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.shejijingsai.com/> (дата обращения 23.01.2023) (设计竞赛网. — *访问模式*: <http://www.shejijingsai.com/>).
10. *ССТV* (Центральное телевидение Китая) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://gongyi.cctv.com/> (дата обращения 23.01.2023) (公益广告_公益频道_央视网. — *访问模式*: <https://gongyi.cctv.com/>).

Литература

1. *Баева Л. В.* Ценностные основания индивидуального бытия. Опыт экзистенциальной аксиологии / Л. В. Баева. — Москва : Прометей. МПГУ, 2003. — 240 с. — ISBN 5-94845-066-X.
2. *Быховец Ю. В.* Пандемия COVID-19 как многофакторная психотравмирующая ситуация / Ю. В. Быховец, Л. Б. Коган-Лернер // Социальная и экономическая психология. — 2020. — Т. 5. — № 2 (18). — С. 291—308. — DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.010.
3. *Вепрева И. Т.* Национальная специфика социальной рекламы о коронавирусе в России и Китае / И. Т. Вепрева // Quaestio Rossica. — 2022. — Т. 10. — № 1. — С. 35—52. — DOI: 10.15826/qr.2022.1.657.
4. *Воробьева О. В.* Российская социальная реклама начала пандемии 2020 / О. В. Воробьева // Тенденции развития науки и образования. — 2021. — № 69—3. — С. 138—143.
5. *Гофман А. Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения / А. Б. Гофман. — 2-е изд. — Москва : Агентство «Издательский сервис», «Издательство ГНОМ и Д», 2000. — 232 с. — ISBN 5-02-008241-4.
6. *Думанская К. С.* Лингвистические и культурные особенности печатной и наружной социальной рекламы в Китае / К. С. Думанская // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — Т. 8. — Выпуск 1. — С. 82—91.
7. *Ерофеева И. В.* Культурная память России и Китая в ментальном ландшафте СМИ / И. В. Ерофеева, А. В. Муравьев // Российско-китайские исследования. — 2019. — Т. 3. — № 4. — С. 53—65.
8. *Ёлкина М. В.* Специфика социальной рекламы в условиях пандемии коронавируса / М. В. Ёлкина, А. Д. Паутов // Наука о человеке : гуманитарные исследования. — 2020. — Т. 14. — № 4. — С. 61—68. — DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.7.
9. *Иманкулова Е. В.* Трансформация концепта чистоты в культуре России XX века / Е. В. Иманкулова // Человек в мире культуры. — 2012. — № 1. — С. 12—20.
10. *Карасик В. И.* Аксиогенная ситуация как единица ценностной картины мира / В. И. Карасик // Политическая лингвистика. — 2014. — № 1. — С. 65—75.
11. *Котельникова Н. Н.* Эпидемия коронавируса через призму русского и китайского языкового сознания / Н. Н. Котельникова, О. А. Леонтович // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. — 2020. — № 4 (32). — С. 81—97.
12. *Краснобаева-Чёрная Ж. В.* Аксиологический феномен жизни во фразеологии : жизнь как ценность и жизнь как система ценностей / Ж. В. Краснобаева-Чёрная // Вестник ВГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2015. — № 4. — С. 31—35.
13. *Лассан Э.* Предисловие приглашенного редактора / Э Лассан // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 731—734.
14. *Ли Яньцзюнь.* Переосмысление коллективизма в борьбе с эпидемией коронавируса / Ли Яньцзюнь // Молодежь и общество. — 2020. — № 12. — С. 70—72. (李彦军从抗击新冠疫情再认识集体主义 // 青年与社会. — 2020. — № 12. — С. 70—72).
15. *Лю Госинь.* Переосмысление эпидемии начинается с отказа мяса диких животных / Лю Госинь // Свиноводство. — 2021. — № 1. — С. 3—4. (刘国信反思疫情, 从拒绝野味开始 // 养猪. — 2021. — № 1. — С. 3—4).
16. *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении / А. М. Пешковский. — 7-е изд. — Москва : Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1956. — 512 с.

17. Радбиль Т. Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт : когнитивно-дискурсивный аспект / Т. Б. Радбиль // Коммуникативные исследования. — 2020. — Т. 7. — № 4. — С. 759—774. — DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
18. Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен : семантика и сочетаемость / Е. В. Рахилина. — Москва : Русские словари, 2008. — 416 с. — ISBN 5-93259-016-5.
19. Руднев Е. Н. Концепт «Жизнь» : анализ и интерпретация / Е. Н. Руднев // Гуманитарный вектор. Серия : Педагогика, психология. — 2010. — № 3. — С. 101—104.
20. Рюмин Р. В. Социальная реклама как речевой жанр : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Р. В. Рюмин. — Томск, 2012. — 23 с.
21. Соколова А. Ю. Социальная реклама COVID-19 : лингвистические аспекты / А. Ю. Соколова, Л. Д. Жучкова // Тверской медицинский журнал. — 2021. — № 1. — С. 57—64.
22. Таскаева А. В. Особенности героизации медицинских работников в массмедийном дискурсе в период пандемии / А. В. Таскаева // Филология и человек. — 2021. — № 2. — С. 19—35.
23. Терских М. В. Провокативная реклама : понятие, функции, типология / М. В. Терских, О. А. Зайцева // Коммуникативные исследования. — 2021. — Т. 8. — № 2. — С. 248—262. — DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).248-262.
24. Умеренкова А. В. Культурно-релевантный контент дискурса социальной рекламы (на материале русско- и англоязычной рекламы по борьбе с коронавирусом) / А. В. Умеренкова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия : Лингвистика. — 2021. — № 1. — С. 39—48. — DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48.
25. Франк Л. С. Духовные основы общества / Л. С. Франк. — Москва : Республика, 1992. — 511 с. — ISBN 5-250-01494-1.
26. Хрипля Т. С. Поликодовые приемы формирования представлений о «китайской мечте» / Т. С. Хрипля // Коммуникативные исследования. — 2018. — № 3 (17). — С. 192—210. — DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.192-210.
27. Ушаков Д. В. Экспертный опрос о психологическом контексте коронавирусной эпидемии / Д. В. Ушаков, А. В. Юревич, М. А. Юревич // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. — 2020. — Т. 5. — № 2 (18). — С. 115—153. — DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.004.
28. Якимова Е. В. Пандемия COVID-19 : первые опыты междисциплинарного анализа в дискурсе социальных наук : (Обзор) / Е. В. Якимова // Социальные и гуманитарные науки : Отечественная и зарубежная литература. Серия 11 : Социология. — 2021. — № 2. — С. 13—31. — DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.02.
29. Яковлева Е. С. О концепте чистоты в современном русском языковом сознании в исторической перспективе / Е. С. Яковлева // Логический анализ языка. Языки этики. — Москва : Языки русской культуры, 2000. — С. 200—215. — ISBN 5-7859-0156-0.
30. Using social and behavioral science to support COVID-19 pandemic response / J. J. Van Bavel, K. Baicker, P. S. Boggio // Nature : human behaviour. — 2020. — Vol. 4. — May. — Pp. 460—471. — DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z. Epub 2020 Apr 30.
31. Vatansever D. Covid-19 and promising solutions to combat symptoms of stress, anxiety and depression / D. Vatansever, S. Wang & B. J Sahakian // Neuropsychopharmacology, 2020. — 1—2. — DOI: org/10.1038/s41386-020-00791-9.
32. Petzold M. B. Development of the COVID-19-Anxiety Questionnaire and first psychometric testing / M. B. Petzold, A. Bendau, J. Plag, L. Pyrkosch, M. Maricic, J. Rogoll,

F. Betzler, J. Große & A. Ströhle // BJPpsych Open. — 2020. — Vol. 6. — e91.– 1-4. — DOI: 10.1192/bjo.2020.82.

33. Rokeach M. The nature of human values / M. Rokeach. — New York : Free Press, 1973. — 438 p.

Статья поступила в редакцию 24.01.2023;
одобрена после рецензирования 28.02.2023;
подготовлена к публикации 21.03.2023.

Material resources

CCTV (*China Central Television*). Available at: <https://gongyi.cctv.com> (accessed 23.01.2023). (In Chin.).

Мывместе2020. Available at: <https://Мывместе2020.рф> (accessed 24.04.2020). (In Russ.).

Shezzijingsaiwan. Available at: <http://www.shejjingsai.com> (accessed 23.01.2023). (In Chin.).

Social poster about coronavirus. In: *Google*. Available at: <https://www.google.ru/search=social+poster+about+coronavirus> (accessed 23.01.2023). (In Russ.).

Social poster about coronavirus. In: *Yandex*. Available at: <https://yandex.ru/images/социальный%20плакат%20о%20коронавирусе> (accessed 23.01.2023). (In Russ.).

Souhu. Available at: <https://www.sohu.com/> (accessed 23.01.2023). (In Chin.).

Stopkoronavirus. Available at: <https://стопкоронавирус.рф> (date of reference 23.01.2023). (In Russ.).

The State Committee for Health Affairs of the People's Republic of China. Available at: <http://www.nhc.gov.cn/> (accessed on 01/23/2023). (In Chin.).

TSRYA — *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words*. (2008). Moscow: Azbukovnik. 1175 p. ISBN 978-5-91172-015-5. (In Russ.).

Weibo. Available at: <https://m.weibo.cn/> (accessed 23.01.2023). (In Chin.).

References

Baeva, L. V. (2003). *The value foundations of individual existence. The experience of existential axiology*. Moscow: Prometheus. MPSU. 240 p. ISBN 5-94845-066-H. (In Russ.).

Bykhovets, Yu. V., Kogan-Lerner, L. B. (2020). The COVID-19 pandemic as a multifactorial psychotraumatic situation. *Social and Economic Psychology*, 5 / 2 (18): 291—308. DOI: 10.38098/ipran.sep.2020.18.2.010. (In Russ.).

Dumanskaya, K. S. (2010). Linguistic and cultural features of printed and outdoor social advertising in China. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 8 (1): 82—91. (In Russ.).

Elkina, M. V., Pautov, A. D. (2020). Specificity of social advertising in the conditions of the coronavirus pandemic. *Science of man: humanitarian studies*, 14 (4): 61—68. DOI: 10.17238/issn1998-5320.2020.14.4.7. (In Russ.).

Erofeeva, I. V., Muravyev, A. V. (2019). Cultural memory of Russia and China in the mental landscape of the media. *Russian-Chinese studies*, 3 (4): 53—65. (In Russ.).

Frank, L. S. (1992). *Spiritual foundations of society*. Moscow: Republic. 511 p. ISBN 5-250-01494-1. (In Russ.).

Hoffman, A. B. (2000). *Fashion and people. A new theory of fashion and fashionable behavior*. Moscow: Publishing Service Agency, GNOM and D Publishing House. 232 p. ISBN 5-02-008241-4. (In Russ.).

- Imankulova, E. V. (2012). Transformation of the concept of purity in the culture of Russia of the twentieth century. *A man in the world of culture, 1*: 12—20. (In Russ.).
- Karasik, V. I. (2014). Axiogenic situation as a unit of the value picture of the world. *Political linguistics, 1*: 65—75. (In Russ.).
- Khriplya, T. S. (2018). Polycode methods of forming ideas about the “Chinese dream”. *Communicative research, 3 (17)*: 192—210. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.3.192-210. (In Russ.).
- Kotelnikova, N. N., Leontovich, O. A. (2020). The epidemic of coronavirus through the prism of Russian and Chinese language consciousness. *Scientific notes of the National Society of Applied Linguistics, 4 (32)*: 81—97. (In Russ.).
- Krasnobaeva-Chernaya, Zh. V. The axiological phenomenon of life in phraseology: life as a value and life as a system of values. *Bulletin of the VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 4*: 31—35. (In Russ.).
- Lassan, E. (2020). Foreword by the guest editor. *Communicative research, 7 (4)*: 731—734. (In Russ.).
- Li Yanjun. (2020). Rethinking collectivism in the fight against the coronavirus epidemic. *Youth and Society, 12*: 70—72. (In Chin.).
- Liu Guoxin. (2021). Rethinking the epidemic begins with the refusal of wild animal meat. *Pig breeding, 1*: 3—4. (In Chin.).
- Peshkovsky, A. M. (1956). *Russian syntax in scientific coverage. 7th ed.* Moscow: State Educational and Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR. 512 p. (In Russ.).
- Petzold, M. B., Bendau, A., Plag, J., Pyrkosch, L., Maricic, M., Rogoll, J., Betzler, F., Große, J & Ströhle, A. (2020). Development of the COVID-19-Anxiety Questionnaire and first psychometric testing. *BJPpsych Open, 6*: DOI: 10.1192/bjo.2020.82.
- Radbil, T. B. “Self-isolation” as the newest Russian cultural concept: cognitive-discursive aspect. *Communicative research, 7 (4)*: 759—774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774. (In Russ.).
- Rakhilina, E. V. (2008). *Cognitive analysis of subject names: semantics and compatibility.* Moscow: Russian Dictionaries. 416 p. ISBN 5-93259-016-5. (In Russ.).
- Rokeach, M. (1973). *The nature of human values.* New York: Free Press. 438 p.
- Rudnev, E. N. (2010). The concept of “Life”: analysis and interpretation. *Humanitarian Vector. Series: Pedagogy, psychology, 3*: 101—104. (In Russ.).
- Ryumin, R. V. (2012). *Social advertising as a speech genre.* Author’s abstract of PhD Diss. Tomsk. 23 p. (In Russ.).
- Sokolova, A. Yu., Zhuchkova, L. D. (2021). Social advertising COVID-19: linguistic aspects. *Tver Medical Journal, 1*: 57—64. (In Russ.).
- Taskaeva, A. V. (2021). Features of the glorification of medical workers in mass media discourse during the pandemic. *Philology and man, 2*: 19—35. (In Russ.).
- Terskikh, M. V., Zaitseva, O. A. (2021). Provocative advertising: concept, functions, typology. *Communicative research, 8 (2)*: 248—262. DOI: 10.24147/2413-6182.2021.8(2).248-262. (In Russ.).
- Umerenkova, A. V. (2021). Culturally relevant content of the discourse of social advertising (based on the material of Russian- and English-language advertising to combat coronavirus). *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics, 1*: 39—48. DOI: 10.18384/2310-712X-2021-1-39-48. (In Russ.).

- Ushakov, D. V., Yurevich, A. V., Yurevich, M. A. (2020). Expert survey on the psychological context of the coronavirus epidemic. *Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 5 / 2 (18): 115—153. DOI: 10.38098/iptan.sep.2020.18.2.004. (In Russ.).
- Using social and behavioral science to support COVID-19 pandemic response. (2020). *Nature: human behaviour*, 4. May: 460—471. DOI: 10.1038/s41562-020-0884-z. Epub 2020 Apr 30.
- Vatansever, D., Wang, S & Sahakian, B. J. (2020). Covid-19 and promising solutions to combat symptoms of stress, anxiety and depression. *Neuropsychopharmacology*. 1–2. DOI: org/10.1038/s41386-020-00791-9.
- Vepreva, I. T. (2022). National specifics of social advertising about coronavirus in Russia and China. *Quaestio Rossica*, 10 (1): 35—52. DOI: 10.15826/qr.2022.1.657. (In Russ.).
- Vorobyeva, O. V. (2021). Russian social advertising the beginning of the 2020 pandemic. *Trends in the development of science and education*, 69—3: 138—143. (In Russ.).
- Yakimova, E. V. (2021). The COVID-19 pandemic: the first experiences of interdisciplinary analysis in the discourse of social sciences: (Review). *Social and Humanitarian Sciences: Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology*, 2: 13—31. DOI: 10.31249/rsoc/2021.02.02. (In Russ.).
- Yakovleva, E. S. (2000). On the concept of purity in modern Russian linguistic consciousness in historical perspective. In: *Logical analysis of language. Languages of ethics*. Moscow: Languages of Russian Culture. 200—215. ISBN 5-7859-0156-0. (In Russ.).

*The article was submitted 24.01.2023;
approved after reviewing 28.02.2023;
accepted for publication 21.03.2023.*

Коданина А. Л. Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией : нижегородский опыт / А. Л. Коданина, Т. Е. Новикова, М. А. Савельева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 124—140. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140.

Kodanina, A. L., Novikova, T. E., Savelyeva, M. A. (2023). Specifics of Digital Interaction of Regional Mass Media with Audience: Nizhny Novgorod Experience. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 124-140. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-124-140

Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией: нижегородский опыт

Коданина Анна Львовна
orcid.org/0000-0002-8552-1758
кандидат политических наук,
кафедра журналистики
kodanina@flf.unn.ru

Новикова Татьяна Евгеньевна
orcid.org/0000-0001-6400-8907
кандидат философских наук,
кафедра журналистики
tatyana.novikova@flf.unn.ru

Савельева Мария Александровна
orcid.org/0000-0002-7539-2374
магистрант,
кафедра журналистики
mery.sav@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Specifics of Digital Interaction of Regional Mass Media with Audience: Nizhny Novgorod Experience

Anna L. Kodanina
orcid.org/0000-0002-8552-1758
PhD in Politics, Associate Professor,
Department of Journalism
kodanina@flf.unn.ru

Tatiana E. Novikova
orcid.org/0000-0001-6400-8907
PhD in Philosophy, Associate Professor,
Department of Journalism
tatyana.novikova@flf.unn.ru

Maria A. Savelyeva
orcid.org/0000-0002-7539-2374
Graduate Student,
Department of Journalism
mery.sav@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В центре внимания авторов статьи — анализ практического опыта освоения цифровых медиатехнологий, направленных на формирование и укрепление конструктивного взаимодействия с читательской аудиторией. Предметом анализа послужили сайты и социальные сети традиционных средств массовой информации закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) Саров (Нижегородская область). Данные источники исследовались в аспектах специфики цифровой дистрибуции контента, формирования новых технологичных подходов к взаимодействию с аудиторией, поиска креативных способов налаживания конструктивного взаимодействия с читателем. Установлено, что применение цифровых технологий на местном информационном рынке пока не стало повсеместным трендом. Отмечается в то же время, что анализ активности региональных СМИ в социальных сетях, мессенджерах, на видеохостингах, выявил позитивные практики взаимодействия с аудиторными группами, в частности, хорошо заметна тенденция к налаживанию интерактивного общения с целевой аудиторией. Вместе с тем делаются выводы о недостаточном использовании имеющихся коммуникационных ресурсов в построении взаимного заинтересованного диалога, что в будущем может негативно сказаться на перспективном развитии местной прессы, привести к стагнации, обусловленной невниманием к запросам и ожиданиям аудитории.

Ключевые слова:

аудитория; цифровизация; диджитализация; медиаплатформы; региональные СМИ; социальные сети.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The focus of the authors of the article attention is the analysis of the practical experience of mastering digital media technologies aimed at the formation and strengthening of constructive interaction with the readership. The subject of analysis was the sites and social networks of traditional mass media of the closed administrative-territorial formation (ZATO) of Sarov (Nizhegorod region). These sources were studied in terms of the specifics of digital content distribution, the formation of new technological approaches to interaction with the audience, and the search for creative ways of establishing constructive interaction with the reader. It has been established that the use of digital technologies in the local information market has not yet become a universal trend. At the same time, it is noted that the analysis of the activity of regional mass media in social networks, video hosting, messengers revealed positive practices of interaction with audience groups, in particular, a clearly noticeable tendency to establish interactive communication with the target audience. However, conclusions are drawn about the insufficient use of available communication resources in building a mutually interested dialogue, which in the future may negatively affect the prospective development of the local press, lead to stagnation due to inattention to the requests and expectations of the audience.

Key words:

audience; digitization; media platforms; regional mass media; social networks.

Специфика цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиториями: нижегородский опыт

© Коданина А. Л., Новикова Т. Е., Савельева М. А., 2023

1. Введение = Introduction

Выбор новых коммуникационных стратегий и моделей, обусловленных современными требованиями к информационному продукту и затрагивающих характер взаимодействия с аудиторией, становится атрибутом цифровой трансформации информационного рынка, затронувшей традиционные СМИ. Региональная пресса, столкнувшаяся с новыми вызовами, ищет пути адаптации, апробирует новые технологии и приемы, что свидетельствует о поиске собственного места на рынке медиа, выборе моделей коммуникации с аудиторией, способов продвижения собственного информационного продукта.

Анализируя взаимодействие современных СМИ с аудиторией, исследователи уделяют особое внимание описанию ее характеристик, обусловленных цифровой трансформацией медиарынка. Среди них выделим труды зарубежных исследователей, таких как М. Фернандез [Fernández, 2013], А. Йонссон, Х. Орнебринг [Ornebring et al., 2011], Л. Добусч [Dobusch, 2021], а также отечественных ученых Е. Л. Вартановой [Вартанова, 2016], К. Р. Нигматуллиной [Нигматуллина, 2022], А. А. Амзина [Амзин, 2020], А. А. Градюшко [Градюшко, 2021] и других теоретиков журналистики.

Подавляющее большинство ученых признает, что современные российские СМИ вступили в этап коренной трансформации, затрагивающий поиски новой социально-политической миссии и характера взаимодействия с аудиторией посредством инновационных подходов к созданию и распространению медийного контента.

По мнению Е. Л. Вартановой, цифровые технологии сегодня играют ключевую роль в развитии традиционных СМИ, становясь всеохватными и полностью определяя развитие печатного сегмента [Вартанова, 2016, с. 9].

К. Р. Нигматуллина уточняет, что взаимодействие с аудиторией все чаще приобретает эмоциональный характер [Нигматуллина, 2021]. Исследователь подчеркивает, что запрос на информационную ценность контента в последние годы трансформировался в запрос на эмоциональное взаимодействие по поводу контента [Там же, с. 190]. При этом остается открытым вопрос, в какой степени обсуждения в соцсетях являются показателем для оценки общественного мнения. В другой своей работе — статье «Ценность

коммуникации в цифровом пространстве» — К. Р. Нигматуллина обращает внимание на то, что аудитория средств массовой информации формируется вокруг сообществ в социальных сетях на основе как общих интересов, так и разделяемых ценностей. Она отмечает, что такими ценностями являются «во-первых, ценности места (пространственная идентичность, культурное наследие, историческая память), во-вторых, ценности сообщества (соучастие, эмпатия, коллективная идентичность), в-третьих, ценности проактивности (гражданская солидарность, содействие развитию территории и пр.)» [Нигматуллина, 2022, с. 149].

Применительно к региональным СМИ интересны наблюдения В. В. Абашева и И. М. Печищева [Абашев и др., 2018, с. 201]. Исследователи делают вывод о том, что в регионах успешно функционирует оригинальный сегмент медиасферы — урбанистически ориентированные городские медиа. Такие СМИ действуют вне политической повестки, проявляя активность в обсуждении повседневных вопросов городского быта, касающихся транспорта, ЖКХ, рынка труда и прочего, формируя мозаичный образ жизни города. Объектом отображения таких медиа становится город как самодостаточное пространство, формируемое цепочкой интересных событий и встреч. Это порождает особый колорит общения с аудиторией в формате дружеских бесед, доверительных и практически полезных.

Часть исследователей отечественных СМИ обращают внимание на характер взаимодействия цифровых медиаресурсов с органами власти, заинтересованными в расширении и качественном росте площадок взаимодействия с региональной общественностью. В частности, С. С. Бодрунова [Бодрунова, 2021, с. 64] отмечает, что с учетом специфики онлайн-коммуникации меняется формат актов политического участия в дискуссиях на общественно-политические темы, приобретая кумулятивный характер складывания общественного мнения в условиях цифровизации медиaprостранства. При этом, отмечает О. С. Довбыш [Довбыш, 2020, с. 476], расширяются возможности для коммуникации между органами власти и гражданами с использованием социальных сетей, вебсайтов, мессенджеров. Эту же мысль подтверждает О. С. Осипова с соавторами, отмечая роль интернет-коммуникаций в налаживании диалога власти и общества. Именно интернет-площадки исследователь называет наиболее перспективной формой построения коммуникаций органов власти с региональной общественностью [Осипова и др., 2021, с. 27].

В отличие от российских коллег, поднимающих в своих работах аксиологические и идеологические вопросы цифровизации медиа, зарубежные исследователи уделяют особое внимание технологическим аспектам процесса диджитализации. В частности, отмечают, что на характер взаимодействия с аудиторией накладываются серьезные отпечаток новые комму-

никационные технологии, вызывающие качественную трансформацию медиарынка. Диджитализация традиционных медиа приводит к появлению принципиально нового коммуникативного контекста, в котором теперь можно установить позитивные отношения равных между журналистами и аудиторией, воспринимаемой уже «не как однородная и пассивная масса, а как критическая масса, сформированная реальными пользователями (а не читателями) СМИ» [Fernández, 2013, p. 194].

Взаимодействие между аудиторными группами и СМИ превратилось из одностороннего в двустороннее (а то и многовекторное) и эгалитарное. Более того, сама аудитория берет на себя функции «просьюмера» (англ. prosumer, от professional либо producer + consumer — «производитель-потребитель»), стремясь производить и распространять медиаконтент самостоятельно.

Одной из стратегических задач современных СМИ является формирование лояльности у читательской аудитории, а также вовлеченности в процесс создания и распространения контента. Попытки ранжировать аудиторию в зависимости от того, сколько усилий прикладывают читатели, чтобы принять участие во взаимодействии, предприняли медиаисследователи А. Йонссон и Х. Орнебринг [Ornebring et al., 2011], а также Л. Добусч [Dobusch, 2021].

Если изначально аудитория вовлекается лишь как потребитель, пассивно принимающий контент, то на второй стадии вовлеченности — как полноправный участник интерактивного взаимодействия в форме опросов, онлайн-квизов, викторин, организованных реакцией [Ibid.]. Следующая, более высокая степень вовлеченности характеризуется готовностью аудитории установить специальные приложения СМИ (например, РИА Новости, РБК и др.) для мобильных устройств, открывающие дополнительные возможности для большего вовлечения пользователей в практику использования медиа. В области новостей они подходят в качестве платформы для веб-документации, лонгридов и интерактивных мультимедийных историй, а также для элементов участия (например, комментариев, обмена и т. д.).

Стремясь измерить качественный и количественный состав аудитории, а также ее вовлеченность, редакции используют различные метрики, например, доскроллы статьи, конверсию прочтения, время чтения, частоту визитов читателя.

Вовлеченность (engagement metrics) аудитории отражает метрику эффективности СМИ, показывает, насколько редакции попадают в поле потребностей, интересов и запросов подписчиков и пользователей соцсети. Вовлеченность аудитории можно измерить благодаря статистическим показателям: лайки, репосты, количество подписчиков, обсуждения и комментарии.

Очевидно, что современные СМИ, включая региональные, испытывают потребность в инновационных цифровых подходах к разработке и налаживанию взаимодействия с аудиторными группами. На примере нижегородских СМИ попробуем выявить специфику освоения цифровых инструментов и платформ традиционными средствами массовой информации на региональном медиарынке.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В ходе исследования авторы пользовались типологическим, структурно-функциональным и сравнительным методами. Предметом анализа послужили традиционные средства массовой информации закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) Саров (Нижегородская область). Они анализировались в аспектах специфики цифровой дистрибуции контента, формирования новых технологичных подходов к взаимодействию с аудиторией, поиска креативных способов налаживания конструктивного взаимодействия с читателем.

В первую очередь отметим, что нижегородская пресса активно осваивает цифровые площадки, выбирая наиболее удобные для аудитории формы дистрибуции контента [Коданина и др., 2022; Новикова, 2021]. Мультиплатформенность и кроссмедийность становятся ключевыми тенденциями развития регионального медиарынка. Например, газеты «Нижегородская правда», «Аргументы и факты — Нижний Новгород» и ГТРК «Нижний Новгород» предлагают своей аудитории широкий выбор площадок для получения контента, адаптируют и модернизируют его с целью большего вовлечения аудитории.

Этот процесс осложняется растущей конкуренцией с альтернативными источниками информации, включающими блогосферу, специализированные веб-сайты и приложения, сосредоточенные на предоставлении одной конкретной услуги, например, прогноза погоды или поиска работы. Кроме того, Нижегородская область продолжает тенденцию объединения районных печатных изданий в холдинги. На данный момент крупнейшими из них на рынке нижегородских СМИ являются ГАУ НО «Нижегородский областной информационный центр» (НОИЦ), «Столица Нижний», «Shkulev Media Holding», ООО «Медиа-столица».

«НОИЦ» является крупнейшим объединением печатных и электронных СМИ в Нижегородской области. В медиагруппу входят двенадцать средств массовой информации, включая печатные газеты и сетевые издания: «Нижегородская правда», «Новое дело», «Нижегородский спорт», «Нижегородские новости», «Земля нижегородская», «Голос ветерана», «Курс Н», «Комсомольская правда в Нижнем Новгороде», Pravda-nn.ru,

npov.kr.ru, НИА «Нижний Новгород», НТА Приволжье. «НОИЦ» представляет собой государственное учреждение и получает финансирование из областного бюджета.

Цифровизация средств массовой информации, выход их в глобальное пространство требуют перестройки не только технических возможностей, но и кадров, самого регламента работы редакции, основных целей работы региональных СМИ. Особо отметим интегрирующую роль региональных медиа. Местные СМИ, вовлеченные в новостную повестку, не только предоставляют релевантный ожиданиям аудитории контент, но и создают ощущение связи с жителями региона и придают публикациям личностный характер. Таким образом, аудитория региональных медиа занимает ключевую позицию в создании и планировании информационной политики СМИ, поиске и адаптации различных площадок.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Общая характеристика цифрового производства на рынке СМИ ЗАТО Саров

Рассмотрим детальнее популярные формы взаимодействия с аудиторией региональных средств массовой информации на примере СМИ закрытого административно-территориального образования (ЗАТО) Саров (Нижегородская область) [Город].

Характеризуя прессу Сарова с позиций диджитализации, приходится констатировать, что применение цифровых технологий на местном информационном рынке пока не стало повсеместным трендом. Так, целый ряд СМИ, пользующихся финансовой поддержкой правительства области и местной исполнительной власти, внедряют в своей работе черты цифрового производства весьма неохотно. Например, еженедельная муниципальная газета «Городской курьер», выпускающаяся с 1990 года, имеет в распоряжении сайт, однако после 8 января 2021 года до марта 2022 года обновления новостей на нем не производилось [Городской ...]. При этом редакция продолжает работать в традиционном формате, выпуская печатные экземпляры. Дополнительные каналы дистрибуции информации используются недостаточно. В настоящее время у издания есть единственная активная группа в социальной сети «ВКонтакте», созданная в ноябре 2021 года и насчитывающая немногим более 500 участников. Объясняется это тем, что бюджетное финансирование направлено на обеспечение выхода печатных версий изданий либо телевизионных программ традиционного формата, что обусловлено спецификой аудитории, в силу возраста и социального статуса привыкшей получать информацию из традиционных источников.

Тем не менее формально все девять основных издающихся в ЗАТО Саров СМИ имеют сайты в сети интернет, с разной степенью успешности внедряя в свою работу черты цифрового производства.

Анализ сайтов региональных изданий ЗАТО Саров показывает, что во взаимодействии редакций и аудитории преобладают традиционные формы взаимодействия: эпистолярная и мгновенная — такие как комментирование публикаций, а также возможность связаться с редакциями посредством электронной почты или по телефону.

Отсутствие при этом удобного интерфейса сайтов, а также преобладающее количество традиционных жанровых форм публикаций не только ограничивают возможности для взаимодействия с целевой аудиторией, но и лишают издания потенциально активных читателей.

Важной тенденцией работы рассматриваемых региональных СМИ служат элементы мультиплатформенности, проявляющиеся в использовании различных площадок для дистрибуции контента. Практически все региональные СМИ ЗАТО Саров на данный момент представлены на различных площадках в социальных сетях. Наиболее популярными являются «ВКонтакте», «Одноклассники», мессенджер Telegram и видеохостинг YouTube.

Отметим также, что паблик в социальной сети иногда выступает альтернативой официальному сайту печатного издания, в ряде случаев утверждая свое первенство, в том числе во взаимодействии с аудиторией. В этой связи упомянем еженедельную городскую газету «Саров». Обратившись к официальному сайту издания, увидим, что он не обновляется с 2018 года, при этом в группе «ВКонтакте», имеющей 5 тысяч подписчиков, продолжается активная публикация новых записей [Саров...].

Полагаем, что это свидетельствует о набирающей силе тенденции перехода изданий, лишившихся интернет-версии, на альтернативные площадки, работа которых не требует значительных финансовых затрат. При этом группы в социальных сетях позволяют продолжать коммуникацию с аудиторией, информируя ее и инициируя темы для обсуждений.

3.2. Цифровые форматы взаимодействия с аудиторией

Социальные сети предоставляют аудитории широкий перечень коммуникационных возможностей. Подписчики могут как пассивно потреблять контент, так и взаимодействовать с редакцией: оценивать и комментировать размещенные фото- и текстовые материалы, делиться публикациями, участвовать в опросах и стримах и пр.

Несмотря на внушительный перечень доступного коммуникационного инструментария, редакции ЗАТО Саров проявляют осторожность в его освоении, игнорируя комментарии и не вступая с читателями в диалог. Однако стремление к налаживанию цифрового взаимодействия с аудиторными

группами у некоторых редакций становится все более заметным. Например, упоминавшаяся выше газета «Саров» активно использует возможности для общения со своими читателями в группе «ВКонтакте». Редакция отвечает на вопросы и реплики, размещенные в комментариях, побуждая читателей к заинтересованности в дискуссии. Подобное взаимодействие помогает редакции выстроить доверительные отношения с аудиторией, аккумулируя общественное мнение и формируя лояльное сообщество.

Другим распространенным форматом взаимодействия СМИ ЗАТО Саров с читателями служит проведение опросов. Темы для опросов, как правило, ранжируются от бытовых проблем до важных социально-политических аспектов. Наиболее популярны опросы, предоставляющие возможность анонимного голосования.

Подобные опросы в своих группах «ВКонтакте» можно регулярно встретить у саровского информационного агентства «Затоновости» и газеты «Саров». Например, последняя интересовалась позицией своей аудитории относительно запретов на торговлю домашними животными (в частности, кошками и собаками) в зоомагазинах и на рынках. А информационное агентство «Затоновости» интересовалось общественным мнением по поводу тарифов на общественный транспорт.

Важной частью опросов в социальных сетях является подведение итогов и краткий анализ общественного мнения. Большая часть опросов набирает более 500 голосов подписчиков. Полагаем, что регулярные опросы наряду с комментариями выполняют также важную исследовательскую задачу, позволяя артикулировать и анализировать общественное мнение по значимому вопросу.

Общение с аудиторией, будучи ключевым трендом взаимодействия с читателями, углубляется и тематически расширяется в случае организации на площадке СМИ общественного форума. Этот вектор взаимодействия с читателями стал основным для газеты «Ключий Саров». Согласно статистике, опубликованной на сайте, общее количество сообщений за все время существования форума составляет 1 879 651, а количество тем — 52 268 [Ключий ...]

Все темы разделены на три большие группы и множество подгрупп: «Основные» (Общий форум, Автофорум, Бизнес-форум, Спортивный форум и др.), «Увлечения и хобби» (Домашние животные, Охота, рыбалка, Игровой форум и др.) и «Базахолка» (Бытовая техника, Автобахолка, Мебель, Недвижимость и др.). Форум «Ключего Сарова» имеет более 40 тысяч зарегистрированных пользователей, значительная часть которых проявляют регулярную активность, комментируя записи и общаясь друг с другом.

Отметим, что острой проблемой любого форума является несоблюдение этики общения участников с модераторами и между собой. В ряде случаев заметна склонность пользователей делать весьма резкие и оскорбительные заявления по актуальной повестке или в адрес других пользователей, из-за чего гражданский форум приобретает черты вербальной потасовки. Очевидно, что подобный формат общения вводит в замешательство и деморализует участников и сторонних посетителей.

Для решения этой проблемы форум «Ключего Сарова» опубликовал в открытом доступе правила, которые запрещают пользователям, например, использовать обценную лексику, публикацию рекламы в непредназначенных для этого разделах, злоупотреблять малоинформативными сообщениями и самовольно модерировать форум.

Характеризуя коммуникационную активность саровских СМИ в социальных сетях, отметим и единичные примеры использования краудфандинговых возможностей, что позволяет редакциям получить дополнительное финансирование. Так, в официальной группе «ВКонтакте» районной газеты «Саров» размещен плагин для краудфандинга — кнопка «Поддержать». Читателям предлагается оформить подписку на определенную сумму для поддержки редакции. Взамен подписчики получают доступ к эксклюзивным материалам и возможность общения с авторами статей.

Еще одной заметной тенденцией цифрового взаимодействия с аудиторными группами на информационном рынке Сарова служит стремление СМИ визуализировать контент, применяя стриминговые технологии, онлайн-трансляции и видеоконференции.

Так, частный телевизионный канал ТРК-16 [Канал-16] использует видеохостинг YouTube как платформу для онлайн-трансляции некоторых значимых событий города с 2015 года. На регулярной основе в период с 2019 по 2021 годы телеканал вел прямую трансляцию заседаний городской думы Сарова. Трансляция на данном видеохостинге позволяет пользователям в режиме реального времени наблюдать и комментировать происходящее, а также коммуницировать друг с другом и с организаторами в чате трансляции.

Таким образом, телеканал выступает в роли медиатора между жителями города и муниципальными властями, аккумулируя на своей площадке актуальные вопросы и мнения. Однако отметим, что среднее количество просмотров подобных трансляций невелико и в среднем составляет около 140, а количество комментариев под видео в несколько раз меньше. Это может свидетельствовать как о низкой социальной активности аудитории, так и о недостаточной популярности платформы видеохостинга среди целевых аудиторных групп.

При этом развлекательный контент, особенно в онлайн-формате, вызывает отклик заинтересованной аудитории. Например, прямые трансляции местного хоккейного клуба «Саров» популярны у болельщиков, которые не только наблюдают за матчами, но и поддерживают команду в чате трансляции.

Интересный формат работы с прямыми эфирами выбрала региональная радиостанция «Умное радио» [Умное ...]. Иммерсионный формат взаимодействия с аудиторией обретает форму прямых видеотрансляций в своей группе «ВКонтакте» параллельно с вещанием на радиоволне. «Умное радио» регулярно публикует анонсы эфиров, а также тематическую повестку и заблаговременно объявляет гостя программы.

Еженедельно приглашенными спикерами становятся представители различных общественных сфер, которые рассказывают о своей деятельности: волонтеры, предприниматели, политики и многие другие. В формате диалога ведущий и гости обсуждают заданную тему. Подобные анонсы позволяют читателям заранее выбрать для себя наиболее интересные эфиры, а также подготовить вопросы спикерам по интересующим темам. Редакция активно побуждает своих слушателей задавать вопросы, ответы на которые можно будет услышать в эфире. За счет видеотрансляции радиоэфиров слушатели имеют возможность наблюдать за происходящим, оценивать поведение гостей и ведущих, благодаря чему создается иллюзия полного вовлечения аудитории в процесс создания контента.

Таким образом, на примере ЗАТО Саров хорошо заметно, что региональные СМИ служат сегодня не только трансляторами современной социально-политической повестки, но также и медиаторами взаимодействия между муниципальными властями и жителями региона.

В этой роли весьма органично информационное агентство «Затоновости», использующее для взаимодействия с читателями ресурсы мессенджера Telegram [Затоновости]. Регулярно неравнодушные жители сообщают изданию о каких-либо правонарушениях в городе. Важно отметить, что большая часть подобных новостных сообщений в Telegram-канале агентства прокомментирована со стороны правительства Нижегородской области. Таким образом, благодаря эффекту «со-участия», читатели ощущают собственную причастность не только к созданию контента, но и к разрешению проблемной ситуации, что благотворно сказывается на формировании комфортной городской среды.

Однако, исследуя специфику цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией, приходится констатировать, что большая часть СМИ ЗАТО Саров недостаточно активно используют в своей работе социальные медиа и другие интерактивные форматы. В ряде случаев налицо

избирательность и недостаточное внимание к интерактивным ресурсам некоторых площадок. Так, например, канал «ТРК-16» ведет активную деятельность в группе «ВКонтакте» и на видеохостинге YouTube. При этом гиперссылка на Telegram-канал оказывается нерабочей, поскольку Telegram-канала «ТРК-16» не существует (а ссылка есть).

Отметим, что, несмотря на растущую популярность Telegram в российской коммуникационной среде, этот коммуникационный ресурс недооценен со стороны региональных СМИ, в частности анализируемых медиа ЗАТО Саров. К сожалению, приходится констатировать, что большая часть Telegram-каналов СМИ ЗАТО Саров не развивается и имеет сравнительно небольшое число подписчиков, что в свою очередь лишает редакции возможности дополнительного канала взаимодействия с читателями.

4. Заключение = Conclusions

На примере СМИ ЗАТО Саров (Нижегородская область) мы рассмотрели особенности цифрового взаимодействия региональных СМИ с аудиторией. В связи с вышеизложенным можно сделать ряд выводов.

(1) Традиционные СМИ города Сарова в основной своей массе демонстрируют интерес к развитию альтернативных площадок дистрибуции медиа, активно пользуются ресурсами как официальных сайтов, так и социальных сетей, видеохостинга, подкрепляя заметную тенденцию к мультиформатности предоставляемого контента. Мы видим, что на региональном рынке, равно как и на федеральном, кроссплатформенность становится ведущим трендом, предоставляющим аудитории возможности выбора формата потребляемого контента в зависимости от возраста, информационных потребностей и прочих характеристик. Таким образом, целевая аудитория, становясь основным фактором цифровых изменений, получает возможность активно влиять на качество и количество контента, показывая свою заинтересованность и вовлеченность.

(2) В то же время процесс цифровизации СМИ на региональном рынке до сих пор представлен неравномерно. Наряду со СМИ, активно осваивающими новые медиаплощадки, встречаются и акторы, настроенные по отношению к созданию и дистрибуции контента крайне консервативно. Особенно это справедливо, когда речь идет о муниципальных изданиях и СМИ, получающих финансирование из бюджета правительства Нижегородской области. Безусловно, их миссию по сохранению традиций чтения печатной прессы в регионах можно только приветствовать. Но между тем фрагментарное присутствие в социальных сетях такого издания, как «Городской курьер», вступает в противоречие с современными тенденциями медиапотребления и сужает диапазон взаимодействия с целевой аудиторией.

(3) На примере СМИ ЗАТО Саров заметна и набирающая силу тенденция перехода изданий, лишившихся официального сайта, на альтернативные цифровые площадки, работа которых не требует значительных финансовых затрат. При этом группы в социальных сетях позволяют продолжать коммуникацию с аудиторией, информируя ее и инициируя темы для обсуждений. Таким образом, сообщества в социальных сетях перестают выполнять лишь вспомогательную роль по отношению к официальной площадке СМИ и наряду с функциями продвижения приобретают самостоятельное коммуникационное значение, становясь альтернативой сайту традиционного медиаресурса.

(4) Расширение каналов трансляции контента приводит к очевидным качественным изменениям самого информационного продукта, что проявляется, в частности, в его визуализации. Стремясь сделать контент в соответствии с аудиторными ожиданиями более наглядным, ярким, образным, СМИ ЗАТО Саров не только активно иллюстрируют сообщения, снабжают видеозаписями, но и применяют современные коммуникационные технологии: организуют стримы, онлайн-трансляции и видеоконференции. Это увеличивает вовлеченность аудитории, позволяет ей почувствовать себя очевидцем события, его участником и в ряде случаев соавтором.

(5) Стремясь увеличить заинтересованность и вовлеченность аудитории, СМИ ЗАТО Саров активно пользуются доступным в соцсетях арсеналом средств для налаживания интерактивного взаимодействия с целевыми читательскими группами. Подписчики могут как участвовать в дистрибуции понравившегося контента с помощью функции «поделиться», так и выразить свое отношение к размещенным материалам: оценить «лайком» и прокомментировать, вступить в дискуссию с редакцией и другими участниками, принять участие в опросах и стримах и пр.

(6) Вместе с тем, несмотря на внушительный перечень доступного коммуникационного инструментария, редакции ЗАТО Саров проявляют осторожность в его освоении, нередко игнорируя комментарии и не вступая с читателями в диалог, что, безусловно, снижает эффективность коммуникации и уровень аудиторных ожиданий.

Также с осторожностью редакции СМИ ЗАТО Саров относятся к сервисным возможностям сетевых платформ, избегая, в частности, применения технологий монетизации. Если федеральные СМИ активно осваивают такие возможности, то региональные ими почти не пользуются. Из всех рассмотренных СМИ только газета «Саров» в группе «ВКонтакте» предлагает пользователю возможность финансово поддержать редакцию любой суммой. Несмотря на единичные примеры, краудфандинг пока является экзотическим для районных СМИ способом получения финансирования.

Таким образом, несмотря на явный интерес к развитию цифрового взаимодействия с целевой аудиторией, редакциями СМИ ЗАТО Саров достаточно скромно задействованы возможности современных цифровых платформ, в недостаточной мере оценены перспективы мессенджеров и видеохостингов, что сужает коммуникационные горизонты региональных СМИ, не позволяя осваивать оригинальные форматы взаимодействия с аудиторией.

Вместе с тем отметим, что на примере региональных СМИ Нижегородской области заметен интерес к развитию альтернативных площадок дистрибуции медиаконтента с целью качественного развития цифровых способов взаимодействия с аудиторией в востребованных ею форматах. Полагаем, что дальнейшие шаги по укреплению коммуникационного взаимодействия с аудиторией, использование интерактивных способов общения с ней позволят не только сформировать лояльность читателей рынка местных СМИ, но и повысить их вовлеченность в совместную работу по созданию и распространению медиаконтента высокого качества.

Источники

1. *Голос Сарова* : газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://golossarova.ru/> (дата обращения 16.06.2022).
2. *Городской курьер* : газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://sarovpressa.ru/> (дата обращения 01.05.2022).
3. Город — Администрация города Саров [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://adm-sarov.ru/city/> (дата обращения 20.05.2022).
4. *Затоновости* Саров [Электронный ресурс] // Telegram. — Режим доступа : <https://t.me/s/zatonovosti> (дата обращения 20.05.2022).
5. *Канал-16*. Телевидение Сарова // YOUTUBE [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://www.youtube.com/channel/UC2gLYS9V5aK0czgQ1Q_09jQ (дата обращения 29.05.2022).
6. *Колочий Саров* : газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://kolsar.info/> (дата обращения 16.06.2022).
7. *Саров* : газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://vk.com/gazetasarov/> (дата обращения 16.06.2022).
8. *Саров.PV* : новостной портал [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://sarov.ru/glavnaa/> (дата обращения 16.06.2022).
9. *Умное Радио 107.0 FM* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://umnoeradio.sarov.info/> (дата обращения 16.06.2022).

Литература

1. *Абашев В. В.* Городские сетевые издания как агенты урбанизации / В. В. Абашев, И. М. Печищев // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2018. — № 4 (30). — С. 201—214.
2. *Амзин А. А.* Интернет — журналистика. Как писать хорошие тексты, привлекать аудиторию и зарабатывать на этом / А. А. Амзин. — Москва : АСТ, 2020. — 400 с. — ISBN 978-5-17-105540-0.

3. *Бодрунова С. С.* Кумулятивная делиберация : трансформация оценки качества делиберативного процесса в учет природы онлайн-коммуникации / С. С. Бодрунова // Коммуникации в условиях цифровой трансформации. — Санкт-Петербург : София, 2021. — С. 64—68.
4. *Вартанова Е. Л.* Гибридизация прессы : объединяя традиции и инновации / Е. Л. Вартанова // Медиа Альманах. — 2016. — № 5. — С. 8—10.
5. *Градюшко А. А.* Белорусские цифровые СМИ в условиях многоплатформенности / А. А. Градюшко // Медиация социальных и индивидуальных практик в цифровом обществе : журналистика и коммуникация в эпоху неопределенности. — Москва : Издательство МГУ, 2021. — С. 144—145.
6. *Градюшко А. А.* Медиатекст в цифровой среде / А. А. Градюшко // Вестник Белорусского государственного педагогического университета. Серия 1. Педагогика. Психология. Филология. — 2021. — № 1 (107). — С. 61—64.
7. *Довбыши О. С.* Роль гиперлокальных медиа в коммуникации между властью и обществом / О. С. Довбыши // Журнал исследований социальной политики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 475—490. — DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-475-490.
8. *Коданина А. Л.* Развитие региональной прессы в digital-формате (на примере СМИ ЗАТО Саров Нижегородской области) / А. Л. Коданина, М. А. Савельева // Региональная школа журналистики : векторы исследования. — Нижний-Новгород : Издательство ННГУ, 2022. — С. 152—156.
9. *Нигматуллина К. Р.* Место социальных сетей в развитии региональной журналистики в России / К. Р. Нигматуллина // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021a. — № 1. — С. 30—50. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051.
10. *Нигматуллина К. Р.* Ценность коммуникации в цифровом пространстве / К. Р. Нигматуллина // Гуманитарный вектор. — 2022. — № 1. — С. 148—158. — DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-148-158.
11. *Нигматуллина К. Р.* Эмоции аудитории как медийный ресурс в кризисное время / К. Р. Нигматуллина // Медиа в современном мире. — Санкт-Петербург, 2021б. — С. 190—191.
12. *Новикова Т. Е.* «Стримы» как альтернативное направление современной журналистики / Т. Е. Новикова // Медиа в меняющемся мире : проблемы изучения и преподавания. — Нижний-Новгород : Издательство ННГУ, 2021. — С. 115—121.
13. *Осипова О. С.* Современные медиа как инструмент совершенствования диалога власти и общества / О. С. Осипова, Р. А. Багдасарова, В. А. Лукушин // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. — 2021. — № 1. — С. 20—28.
14. *Свитич Л. Г.* Журналисты региональных газет России и Беларуси : сравнительное исследование / Л. Г. Свитич, А. А. Градюшко, А. В. Колесниченко, О. В. Смирнова, М. В. Шкондин // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. — 2021. — № 4 (36). — С. 183—200. — DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_4_183.
15. *Dobusch L.* Formen digitaler Publikumseinbindung: Potentiale für öffentlichrechtliche Medien [Electronic resource] / L. Dobusch // STUDIE: Digitale Transformation, Österreichischer Rundfunk. — Available at: https://zukunft.orf.at/show_content.php?sid=147&pvi_id=2355&pvi_medientyp=t&oti_tag=studie/ (accessed 20.10.2021).
16. *Fernández M. L.* Redefinition of the Relationship Between Media and Audience(s) in the Digital Context : The Guardian's Open Journalism Model / M. L. Fernández // Special Issue of «Sociedad de la Información». — 2013. — Pp. 194—213.

17. Ornebring P. User-Generated Content and the News : Empowerment of Citizens or Interactive Illusion / P. Ornebring, A. Jönsson // *Journalism Practice*. — 2011. — Vol. 5 (1). — Pp. 2—18.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023;
одобрена после рецензирования 03.03.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.

Material resources

- But Sarov news. In: *Telegram*. Available at: <https://t.me/s/zatonovosti> (accessed 20.05.2022). (In Russ.).
- Channel-16. Sarov Television. *YOUTUBE*. Available at: https://www.youtube.com/channel/UC2gLYS9V5aKOCzgQ1Q_O9jQ (accessed 29.05.2022). (In Russ.).
- City — *Administration of the city of Sarov*. Available at: <https://adm-sarov.ru/city/> (accessed 20.05.2022.). (In Russ.).
- City Courier: Newspaper*. Available at: <https://sarovpressa.ru/> (accessed 01.05.2022). (In Russ.).
- Sarov.<url>: News portal*. Available at: <http://sarov.ru/glavnaya/> (accessed 06.16.2022). (In Russ.).
- Prickly Sarov: Newspaper*. Available at: <https://kolsar.info/> (accessed 06.16.2022). (In Russ.).
- Sarov: Newspaper*. Available at: <https://vk.com/gazetasarov/> (accessed 06.16.2022). (In Russ.).
- Smart Radio 107.0 FM*. Available at: <https://umnoeradio.sarov.info/> (accessed 06.16.2022). (In Russ.).
- Voice of Sarov: Newspaper*. Available at: <https://golossarova.ru/> (accessed 16.06.2022). (In Russ.).

References

- Abashev, V. V., Pechishchev, I. M. (2018). Urban network publications as agents of urbanization. *Sign: problematic field of media education*, 4 (30): 201—214. (In Russ.).
- Amzin, A. A. (2020). *Internet journalism. How to write good texts, attract an audience and make money on it*. Moscow: AST. 400 p. ISBN 978-5-17-105540-0. (In Russ.).
- Bodrunova, S. S. (2021). Cumulative deliberation: transformation of the quality assessment of the deliberative process taking into account the nature of online communication. In: *Communications in the conditions of digital transformation*. St. Petersburg: Sofia. 64—68. (In Russ.).
- Dobusch, L. Formen digitaler Publikumseinbindung: Potentiale für öffentlichrechtliche Medien. *STUDIE: Digitale Transformation, Österreichischer Rundfunk*. Available at: https://zukunft.orf.at/show_content.php?sid=147&pvi_id=2355&pvi_medientyp=t&oti_tag=studie/ (accessed 20.10.2021). (In Germ.).
- Dovbysh, O. S. (2020). The role of hyperlocal media in communication between government and society. *Journal of Social Policy Research*, 18 (3): 475—490. DOI: 10.17323/727-0634-2020-18-3-475-490. (In Russ.).
- Fernández, M. L. (2013). Redefinition of the Relationship Between Media and Audience(s) in the Digital Context: The Guardian's Open Journalism Model. *Special Issue of «Sociedad de la Información»*. 194—213.
- Gradyushko, A. A. (2021). Belarusian digital media in the conditions of multiplatformity. In: *Mediation of social and individual practices in a digital society: journalism and communication in an era of uncertainty*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 144—145. (In Russ.).

- Gradyushko, A. A. (2021). Mediatext in the digital environment. *Bulletin of the Belarusian State Pedagogical University. Series 1. Pedagogy. Psychology. Philology, 1 (107)*: 61—64. (In Russ.)
- Kodanina, A. L., Savelyeva, M. A. (2022). Development of the regional press in digital format (on the example of the media BUT Sarov Nizhny Novgorod region). In: *Regional School of Journalism: vectors of research*. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House. 152—156. (In Russ.)
- Nigmatullina, K. R. (2021). Audience emotions as a media resource in a time of crisis. In: *Media in the modern world*. St. Petersburg. 190—191. (In Russ.)
- Nigmatullina, K. R. (2021). The place of social networks in the development of regional journalism in Russia. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism, 1*: 30—50. DOI: 10.30547/vestnik.journ.1.2021.3051. (In Russ.)
- Nigmatullina, K. R. (2022). The value of communication in digital space. *Humanitarian Vector, 1*: 148—158. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-1-148-158. (In Russ.)
- Novikova, T. E. (2021). “Streams” as an alternative direction of modern journalism. In: *Media in a changing world: problems of study and teaching*. Nizhny Novgorod: UNN Publishing House. 115—121. (In Russ.)
- Ornebring, P., Jönsson, A. (2011). User-Generated Content and the News: Empowerment of Citizens or Interactive Illusion. *Journalism Practice, 5 (1)*: 2—18.
- Osipova, O. S., Bagdasarova, R. A., Lukushin, V. A. (2021). Modern media as a tool for improving the dialogue between government and society. *Humanities. Bulletin of the Financial University, 1*: 20—28. (In Russ.)
- Svitich, L. G., Gradyushko, A. A., Kolesnichenko, A. V., Smirnova, O. V., Shkondin, M. V. (2021). Journalists of regional newspapers of Russia and Belarus: a comparative study. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University, 4 (36)*: 183—200. DOI: 10.51965/2076-7919_2021_1_4_183. (In Russ.)
- Vartanova, E. L. (2016). Hybridization of the press: combining traditions and innovations. *Media Almanac, 5*: 8—10. (In Russ.)

*The article was submitted 06.02.2023;
approved after reviewing 03.03.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Радионцева Е. С. «Трамплин» — концептуальный прыжок в поле региональных медиа / Е. С. Радионцева // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 141—156. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-141-156.

Radiontseva, E. S. (2023). “Springboard” — a Conceptual Leap into Field of Regional Media. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 141-156. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-141-156. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-141-156

**«Трамплин» —
концептуальный прыжок
в поле региональных медиа**

Радионцева Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0002-2248-198X
кандидат филологических наук, доцент,
кафедра истории, философии
и социальных коммуникаций
rakaty@yandex.ru

Омский государственный
технический университет
(Омск, Россия)

**“Springboard” —
a Conceptual Leap
into Field of Regional Media**

Ekaterina S. Radiontseva
orcid.org/0000-0002-2248-198X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of History, Philosophy and
Social Communications
rakaty@yandex.ru

Omsk State
Technical University
(Omsk, Russia)

© Радионцева Е. С., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В публикации осмысляется роль концепции издания в условиях современного медиарынка. В условиях региона проект должен опираться на потребности и ценности целевой аудитории. Омский медиаресурс «Трамплин», зародившийся в период пандемии, — пример нового концептуального решения. Омск известен как город с «нестабильным» фоновым настроением, с высоким миграционным оттоком и отсутствием позитивного настроения к территории проживания. В этой ситуации несколько инициативных креаторов решили предложить рынку альтернативную точку зрения на пространство, в котором они проживают. Медиа «Трамплин» — это ресурс о любви к городу, побуждающий читателя разделить это чувство. Концепция издания вылилась в контент-стратегию, которая прослеживается на уровне подбора фактов, графического и структурного оформления ресурса. Разработанная система дистрибуции контента нашла поддержку и отклик у читателей. Об этом свидетельствует маркетинговый аудит ресурса, предпринятый во время исследования, его результаты представлены в публикации. Появление подобных проектов свидетельствует о новом этапе развития региональной журналистики, нуждающейся в корреляции ценностей, транслируемых СМИ.

Ключевые слова:

новые медиа; информационное поле региона; медиапроект; Трамплин; концепция нового медиа; маркетинговый аудит медиаресурса.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The publication reflects on the role of the concept of publication in the conditions of the modern media market. In the conditions of the region, the project should be based on the needs and values of the target audience. The Omsk media resource Trampolin, which was born during the pandemic, is an example of a new conceptual solution. Omsk is known as a city with an “unstable” background mood, with a high migration outflow and a lack of a positive attitude towards the area of residence. In this situation, several enterprising creators decided to offer the market an alternative point of view on the space in which they live. Springboard Media is a resource about the love of the city, encouraging the reader to share this feeling. The concept of the publication resulted in a content strategy, which can be traced at the level of selection of facts, graphic and structural design of the resource. The developed content distribution system found support and response from readers. This is evidenced by the marketing audit of the resource, undertaken during the study, its results are presented in the publication. The emergence of such projects indicates a new stage in the development of regional journalism, which needs to correlate the values broadcast by the media.

Key words:

new media; information field of the region; media project; Springboard; the concept of new media; marketing audit of a media resource.

«Трамплин» — концептуальный прыжок в поле региональных медиа

© Радионцева Е. С., 2023

1. Введение = Introduction

Сегодня региональное информационное поле субъектов Российской Федерации характеризуется как сформированное и насыщенное. Относительно невысокое количество информационных поводов в регионе становится фактором появления и развития концептуально близких журналистских продуктов, на уровне контента дублирующих друг друга. Один и тот же инфоповод проходит по многим региональным медиаканалам и осмысливается через призму одних и тех же фактов, с привлечением одних и тех же спикеров, со схожей интерпретацией.

К появлению новых игроков медиарынок предъявляет жесткие требования. Для успешного выхода на рынок необходимо предложить читателю уникальную концепцию, которая смогла бы заинтриговать его. Требуется нестандартный, креативный подход, который позволил бы заинтересовать и увлечь аудиторию. В регионах подобный опыт редко можно встретить. Между тем именно региональные СМИ — популярный и авторитетный источник получения информации о событиях территории проживания.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Региональные медиа в науке о журналистике всегда были предметом пристального исследовательского внимания. В фокусе осмысления находятся как общие вопросы, связанные с тенденциями развития местных СМИ в целом, так и частные аспекты, где на примере региональных медиа осмысляются проблемы политики, философии, культурологии и т. д.

Примером широкого подхода можно считать материал А. А. Градюшко «Современные тенденции развития региональных СМИ в многоплатформенной среде», где на примере белорусских проектов исследователь рассуждает о тенденциях развития современных региональных изданий, пытаясь осмыслить специфику организации регионального медиапространства [Градюшко, 2021]. А. Н. Минеев и Е. Е. Милосердова пришли к выводу, что «...ключевая задача (печатных региональных СМИ. — Е. Р.) — найти и занять уникальное место в цифровом информационном пространстве» [Минеева и др., 2022, с. 79]. Эта идея, безусловно, ценная, прослеживается во многих публикациях, посвященных вопросам развития региональных

медиа [Барташевич и др., 2020; Бешукова и др., 2020; Бирюкова и др., 2021; Видная, 2015; Гребенкина, 2021; Зиновьев, 2012; Карякина, 2010].

Актуальность исследований, посвященных региональным СМИ, подчеркивается в статье А. М. Орум и В. Мёрлинг [Orum et al., 2022]. Авторы пишут о том, что местная коммуникация играет ключевую роль в жизни людей. Под местными СМИ исследователи понимают множество различных новостных агентств, которые охватывают все категории новостных тем. Местные СМИ представляют свою территорию и позволяют людям быть активными гражданами своего муниципалитета, а также идентифицировать себя с ним и ориентироваться в его жизни. Трудно не разделять позицию авторов относительно сущности понятия «региональные / местные СМИ», и мы будем придерживаться этого подхода в данной статье.

Публикаций, осмысляющих тенденции развития региональных СМИ в целом, не так много по сравнению с теми, где анализируются частные аспекты функционирования местных медиаресурсов. Приведем лишь несколько наиболее характерных примеров. В материале А. А. Ходаир, М. Э. АбоЭлсуд, М. Халифа «Роль региональных СМИ в формировании политического сознания молодежи: данные из Египта» [Khodair et al., 2019] осмысляется влияние региональных СМИ на формирование политического сознания молодежи Египта. Публикация Биргит Рё Матисен «Практика поиска поставщиков местных СМИ» поднимает вопрос о проблеме поиска источников информации в норвежских региональных СМИ [Mathisen, 2021]. О специфике работы журналистов местных СМИ Германии рассказывают Ф. Сталф, О. Хан и Д. Ливер в публикации «Журналистика местных данных в Германии: репортажи на основе данных среди местных сообществ и властей» [Stalph et al., 2022]. О методике распознавания фейковых новостей и ее применении на примере региональных СМИ Тайваня см. в публикации «Грамотность в области новых медиа и достоверность новостей ...» [Luo Yi Fanga et al., 2022].

В представленных работах региональные СМИ — только объект, но не предмет осмысления. Перечень проблем, поднимаемых и рассматриваемых на материале региональных СМИ, поистине неисчерпаем. Впрочем, как и количество самих СМИ, представленных сегодня в разных регионах России — каждый с определенной концепцией и системой дистрибуции контента.

Высокая насыщенность регионального информационного пространства приводит к появлению концептуально близких проектов. Какой медиапроект предложить сегодня читателю, чтобы увлечь его? Какой должна стать концепция нового издания? Какую контент-стратегию представить, чтобы стать успешным, читаемым и узнаваемым? На какие образцы и примеры ориентироваться практикам?

Ответы на эти вопросы сложны и противоречивы, поскольку за каждым успешным проектом — уникальная концепция. Только она — единственная и неповторимая — позволяет сегодня создать по-настоящему успешный проект. Медиапрактика не балует нас подобными примерами. Более того, каждый такой проект должен стать предметом пристального исследовательского внимания и войти в уникальную базу концептуально-креативных медиапроектов России.

Цель настоящего исследования — выявить концептуальную специфику нового регионального медиапроекта «Трамплин» [Трамплин]. Важно понять, от чего отталкиваться практикам-журналистам при формировании концепции нового проекта, обозначить механизмы анализа его успешности. В этом видятся задачи исследования. Это позволит не только внедрять новые успешные проекты, но и дать материал для контент-коррекции уже существующих журналистских ресурсов.

Методы, применяемые в исследовании, основаны на контент-анализе, анализе графического и структурного материала, а также маркетинговом аудите с привлечением аналитических веб-ресурсов, завоевавших известность и популярность, проверенных временем. Методика основана на системном и комплексном подходе, актуальном для такого рода исследований, и предполагает сравнительно-сопоставительные методы.

В науке о журналистике понятие «концепция» проекта понимается как некая единая позиция, прослеживаемая на разных структурных уровнях и формирующая систему. Попытка дать четкое описание понятию представлена в публикации А. А. Тертычного «О соотношении понятий: “концепция”, “тип”, “профиль”, “формат издания”» [Тертычный, 2010]. Он представил ряд синонимов, дифференцировав стоящие за ними понятия. При определении понятия «концепция» он ссылается на «Толковый словарь русского языка», где «под концепцией понимается “система связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов на то или иное явление”, “основная модель, идея произведения, сочинения и т. п.”» [Там же, с. 8—9]. А. А. Тертычный добавляет: «Если вести речь о концепции издания, то соответственно это будет некое общее толкование сути этого издания (каким оно уже является или каким должно быть). Причем о том, что будет представлять собой содержание такого толкования (то есть “системы связанных между собой и вытекающих один из другого взглядов” на данное издание), определение понятия концепции ничего не говорит. А это означает, что относительно одного и того же явления (издания) может быть создано неопределенное количество концепций, отвечающих тем или иным соображениям их создателей» [Там же, с. 8—9].

Несмотря на сложность теоретического подхода, его неоднозначность, практики легко справляются с формулировкой концепции собственного издания, без труда отвечая на вопросы: «О чем проект?», «В чем его суть?», «Кому он предназначен?». С обсуждения этих вопросов начинается (или должен начинаться) любой медийный проект.

Предложить насыщенному и сформированному медиарынку оригинальную концепцию — задача непростая. Однако в текущих условиях это единственный путь, который может привести к успеху. В статье «Грани “новой искренности” в современной политической коммуникации» О. С. Иссерс пишет: «В условиях ... где господствуют законы потребления и технологии продаж, маркетинговые стратегии позиционирования через “уникальное ценностное предложение” (Value Proposition) оказались неожиданно востребованными» [Иссерс, 2020, с. 219]. Медиарынку нужна яркая, внятная, четкая концепция и агрессивная стратегия продвижения. Именно такой медиапроект предложила Омскому региону редакция медиаресурса «Трамплин» в период пандемии в 2020 году.

Методика анализа концептуального решения основана на понимании рыночных законов существования и продвижения медиапроекта. В ходе анализа составлена карта маркетинговых коммуникаций проекта, в основе которой система дистрибуции контента с ее коммуникационным ядром — сайтом проекта. Контент-анализ с опорой на оценку жанрового, тематического и ценностного своеобразия позволил выявить концепцию, которая воплотилась на уровне визуального оформления медиапроекта и вписалась в коррелирующую с ней систему инструментов коммуникации. Маркетинговый аудит, предпринятый на завершающем этапе исследования, позволяет сказать, что предложенная концепция нашла путь к сердцу читателя, которым оказались близки идеи и ценности медиаресурса «Трамплин».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. История зарождения медиаресурса «Трамплин»

В конце лета 2020 года директор IT-компании 7bits Анна Тарасенко и директор некоммерческой организации «Центра развития социально-предпринимательских инициатив» Святослав Капустин готовили к открытию городскую «Точку кипения». Стоит отметить, что в Омске представлено две «Точки кипения»: одна расположена на базе Омского государственного технического университета и создана, чтобы объединить интересы бизнеса и образования, вторая — городское пространство, предназначенное для консолидации усилий городских структур в решении актуальных вопросов. Святослав и Анна обсуждали, что мешает молодым людям оставаться в Омске и начинать открывать свое дело.

В рамках обсуждения новой «платформы» основатели затронули проблему, связанную с дефицитом позитивных новостей о развитии города. Основной миссией нового проекта стало создание медиа, вдохновляющего омичей на развитие в родном городе, трансляция положительных ценностей, знакомство читателей с молодыми предпринимателями.

Первым шагом для запуска проекта стал городской опрос в социальных сетях, в котором были затронуты следующие вопросы: «За что вы любите город?», «Что хотите изменить в нем?», «Что читают в омских СМИ?» [Трамплин]. Результаты опроса можно послушать в подкасте медиаресурса: «Что хотят читать омичи?» (Трамплин_Медиа_Статьи [Трамплин]). Кстати, в дальнейшем подкасты стали отдельным направлением в контент-стратегии медиаресурса, они пользуются популярностью аудитории.

Новое медиа «Трамплин» в процессе своего становления сформировало концепцию, в которой основным посылом стало развитие городского пространства и любовь к городу Омску. В чем, по мнению идеологов проекта, проявляется любовь к городу?

При знакомстве с ресурсом обращает на себя внимание отсутствие инфоповодов, связанных с чрезвычайными происшествиями, убийствами, травмами, дорожно-транспортными коллизиями и катастрофами, — словом, всем тем, что составляет основу контента многих региональных медиа и характеризуется как контент с негативной коннотацией.

Изначально визуальным символом, отражающим новую концепцию, стал образ тигра в прыжке через трамплин на фоне ярких черно-оранжевых полос. Изображение передавало смысл концепции медиаресурса, его новаторский и революционный посыл к переменам. Тигр имитировал жителя, который готов изменить свой город, себя. Все, что необходимо для этого, — совершить прыжок.

3.2. Концептуальное своеобразие медиаресурса «Трамплин»

В настоящее время графическое изображение сайта [Трамплин] изменилось: агрессия, читаемая в сочетании черно-оранжевых полос, уступила место гармонии небесно-голубого и нежно-зеленых оттенков. Образ тигра трансформировался в изображение зеленой планеты, в центре которой — графическая стилизация трамплина как символа добрых перемен.

Графическое воплощение концепции ресурса продублировано в футере сайта, сквозном структурном элементе нижней части страницы. Здесь оно трансформировано в вербальный компонент: «Как жить в Омске и жить хорошо! Этот проект для жителей и гостей нашего уютного города. Омск — место для вдохновения, реализации своих масштабных амбиций, стартапов. Омск — центр нашей жизни!» [Трамплин].

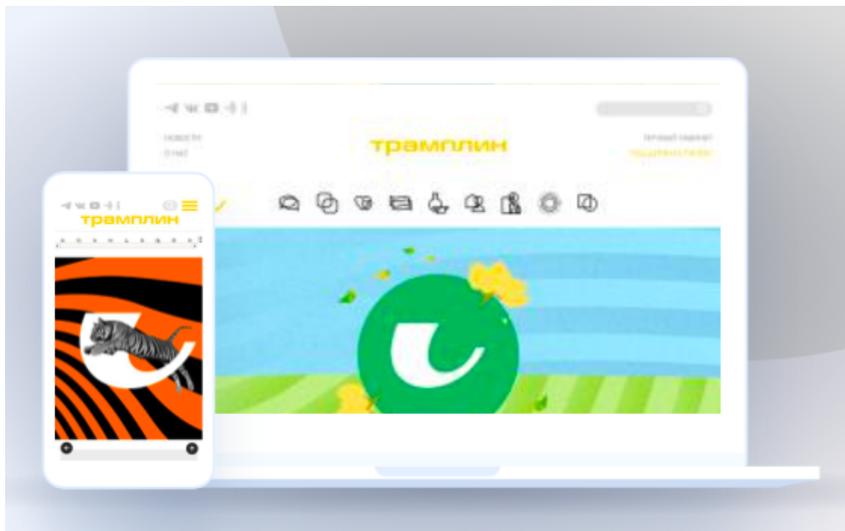

Рис. 1. Сайт медиаресурса «Трамплин», февраль 2022 / июль 2022

Picture 1. Website of the *Tramplin media resource*, February 2022 / July 2022

Как видим, в концепцию проекта вписаны две смысловых доминанты: «регион / Омск» и «развитие». Эти компоненты находят отражение и в системе рубрикации — в меню сайта представлено 9 разделов:

Мировоззрение.

История Омска.

Здоровье и красота.

Как заработать?

Образование и наука.

Дом, семья, дети.

Город.

Где купить выгодно?

Культура.

Меню сайта — это своеобразное преломление смыслового ядра концепции.

Раздел «Мировоззрение» — это двунаправленный вектор, один курс которого тесно связан с тематикой региона, другой — с внешним миром (напомним, что в графической репрезентации концепции сейчас доминирует образ планеты). Здесь представлены проекты, направленные на формирование мировоззрения омичей: «С чего начинается экологичный образ жизни? 2 полезных экопроекта этих выходных. Экофорум с экспертами

летний свой пройдут 17 июля» или «Пенал, корзина, гирлянда: омичей зовут бесплатно шить изделия из пластиковых пакетов. Экопроект Rec-late объявил регистрацию на мастер-классы» [Трамплин].

В разделе много новостей-анонсов с выраженным событийным началом, приглашающим интернет-пользователей стать участниками / свидетелями / очевидцами события. С другой стороны, мы видим попытку расширить границы мировоззрения омичей и побудить их взглянуть на то, что происходит за чертой города. С этой целью введена под рубрика «“Трамплин” путешествует». Приведем несколько примеров: «“Трамплин” путешествует: национальный парк “Таганай”», «“Трамплин” путешествует: Тара и загородный отдых», «“Трамплин” путешествует. Чебоксары: пиво, язычество и связь города на Волге с Омском» [Трамплин]. Раздел «Мировоззрение» предназначен для формирования кругозора читателя — любознательного, пытливого, интересующегося устройством мира, любящего путешествовать по России.

Разделы «История Омска» и «Город» — это событийная основа контента, тематически связанная с соответствующими топиками. Специфика освещаемых мероприятий заключается в форме подачи и жанровом своеобразии — это анонсы, если мероприятия предназначены для широкого круга участников (в приоритете редакции именно такие события). Медиа-ресурс сближается здесь с актуальным путеводителем, рассказывая, где побывать, что посмотреть, кого послушать и чем все это интересно жителю города. Естественно, не все освещаемые события открыты для посетителей — в этом случае журналисты редакции рассказывают о них в жанре фоторепортажа, позволяя читателю приобщиться к событию.

В разделах «Здоровье и красота» и «Дом. Семья. Дети» транслируются традиционные философские ценности — семья и долголетие. Рубрика «Образование и наука» повествует о научных разработках и достижениях ученых региона, рассказывает о специфике образовательного процесса и ярких проектах этого направления деятельности.

Разделы «Как заработать?» и «Где купить выгодно?» презентуют информацию о грантах, конкурсах, бесплатных тренингах, распродажах не в формате сухой констатации фактов, а посредством эмоциональной подачи, подразумевающей знакомство с авторами или участниками проектов.

Приоритет в подаче материала — всегда за анонсами. Это позволяет предположить, что ресурс предназначен для активной целевой аудитории — не созерцателей, а деятелей; не наблюдателей, а подвижников. Скорость, ритм, динамика характеризуют читателя «Трамплина» и его ценности. При этом охватить все представленные ресурсом события, везде побывать невозможно. Даже самому активному читателю надо делать выбор — в соответствии со своими интересами и потребностями.

Контент-стратегия медиаресурса «Трамплин» ориентирована на баланс ценностей человека, который хотел бы вести полноценную жизнь, наполненную спортом, культурой, и имел возможность разделить ценности с семьей, друзьями, близкими. В отличие от многих других региональных ресурсов проект направлен не на информирование аудитории и широкое представление фактологической информации, а на формирование позиции: многочисленные анонсы нацелены на то, чтобы приглашать, звать, вовлекать и формировать тем самым самостоятельную жизненную стратегию человека.

Изучение дизайна сайта позволяет сделать вывод о том, что он создан в соответствии с последними тенденциями в мире визуализации контента. Несмотря на древовидную структуру, считающуюся в навигации сложной, сайт прост и лаконичен — как в самой навигации, так и в оформлении. Хедер — верхняя часть сайта — наполнен пиктограммами — символами каждого из девяти представленных разделов, о которых говорилось выше. Они хорошо структурируют материалы, облегчают навигацию, позволяя быстро ориентироваться в большом массиве информации.

Главная страница — это превью новостного материала, представленного в хронологической последовательности. Каждый раздел — галерея контента. Приоритет всегда за визуальной информацией. Этот тренд, о котором так много говорят исследователи [Ершов, 2019; Жилавская, 2014], не так легко бывает воплотить в региональные медиапроекты, «Трамплину» это удалось.

Наряду с фотографиями — разноплановыми, эмоциональными, репортажными — редакция активно использует коллажи — стилизованные оформительские проекты, обогащающие иллюстративный ряд, не позволяющий скучать глазу читателя и насыщающий материал дополнительными эмоциями.

В футере каждого раздела — специальные окна, предназначенные для обратной связи с читателями. «Появилась идея для новости? Поделись ею», — пишет редакция и предлагает заполнить всего 3 окна: «Ваше имя», «Телефон», «Комментарии». Таким образом, вектор на активное взаимодействие с читателем прослеживается не только на уровне контента, но и на уровне оформления сайта.

К каждой новости ресурс предлагает подборку материалов, близких по тематике, чтобы читатель дольше оставался на сайте, разделяя свой досуг с изданием. «Читайте также», — пишет редакция и размещает несколько превью, близких по теме.

Нельзя не отметить и наличие практически в каждом материале гиперссылок. Это позволяет получить более подробную информацию о теме, погрузиться в нее.

В целом можно констатировать, что контент-стратегия и дизайн в оформлении сайта нацелены на продвижение позитивных событий региона, составляющих его славу, предмет гордости, вызывающих интерес, информация о них предназначена для активных интернет-пользователей.

3.3. Маркетинговый аудит медиаресурса «Трамплин»

Сайт «Трамплин» — это коммуникативное ядро ресурса, вокруг которого выстроены инструменты и процессы взаимодействия с аудиторией. С концептуальной точки зрения, ядро можно считать сформированным, полноценным, состоявшимся проектом. Посмотрим на него и карту коммуникаций с читателями медиаресурса с позиции маркетингового анализа. В ходе анализа мы опирались на similarweb.com — программу, предоставляющую услуги веб-аналитики и глубокого анализа данных. Естественно, представить в тексте публикации результаты полного и исчерпывающего аудита практически невозможно в силу большого объема собранного материала, однако попытаемся сделать несколько концептуальных штрихов.

Сумма всех визитов с десктопов и мобильных устройств (сайт медиаресурса «Трамплин» имеет адаптивную мобильную версию) за последний месяц насчитывает 5,6 К уникальных посетителей. Среднее количество страниц за визит — 1,3 (если сравнивать этот показатель с другими региональными ресурсами, то можно считать, что он вписывается в нормативный). Трафик и вовлеченность, которые определяют, насколько соответствует веб-сайт ожиданиям посетителей и заинтересовывает их контентом, демонстрирует отличные результаты. В топе стран, направляющих трафик на сайт, — исключительно Россия. В целом это нехарактерный показатель для омских медиаресурсов, контентом которых интересуются жители Казахстана, Украины, Германии, других бывших союзных республик и европейских стран (в процентном соотношении на долю нероссиян приходится незначительный трафик (не более 3—5 %), но он всегда присутствует).

Возраст основных посетителей медиаресурса составляет 25—34 года — это 37,12 % от общего количество посетителей. На втором месте — возрастная категория 35—44 года. Интересы аудитории ресурса сконцентрированы вокруг тем «социальные сети» и «онлайн-сообщества», что в очередной раз показывает, что целевая аудитория выбрана четко и концепт издания соответствует ее запросам и ожиданиям.

Среди топ-10 конкурентов «Трамплин» зафиксировано всего 2 региональных ресурса Омска — omskregion.info и omskgazeta.ru, есть порталы других регионов, а также радиоресурс. Последний особенно интересен, поскольку он показывает, что часть аудитории обращается к подкастам «Трамплин». Это направление деятельности редакция активно развивает, и оно пользуется успехом.

Результаты маркетингового аудита показывают, что команда ресурса активно занимается продвижением проекта в онлайн-среде. Кстати, надо отметить, что изначально — в сентябре 2020 — редакция запустила свои социальные сети, и лишь позже — в ноябре того же года — появился сайт. Таким образом, в данном случае нельзя говорить о социальных сетях как инструментах продвижения, это полноценные структурные элементы концепции издания, сформированные для дистрибуции контента и взаимодействия с целевой аудиторией. Контент, размещаемый «Трамплином» в социальных сетях, полностью адаптирован к формату соцсети и учитывает его специфику. Исследование официальных аккаунтов социальных сетей «Трамплина» — это интересный предмет для отдельного разговора. В целом же можно сказать, что контент вписывается в современные тренды, которые сегодня осмыслены в научных и научно-популярных источниках [Нигматуллина, 2020].

Таблица 1

Официальные аккаунты social media медиаресурса «Трамплин» и количество их подписчиков (данные на 01.08.2022).

Аккаунт медиаресурса «Трамплин»	Кол-во подписчиков, чел.
	817
	32 431
	357
	—

Наиболее популярной площадкой (табл. 1) оказалась социальная сеть «ВКонтакте» — более 32 тысяч подписчиков. На малых аудиторных откликах функционируют такие площадки, как Telegram и YouTube-канал — 817 подписчиков и 357 подписчиков соответственно. Суммарная аудитория СМИ на мультимедийных площадках, включая сайт, приближается к 45 тысячам человек. Учитывая скорость и динамику охвата (в феврале

суммарное количество аудитории составляло 42 тысячи человек (вместе с подписчиками Instagram); в наших итоговых подсчетах эти подписчики не учитывались), можно предположить, что редакция не остановится на этих данных и будет продолжать работать над расширением своей аудитории. При этом ресурс не зарегистрирован как официальное СМИ (российское законодательство допускает такой формат), однако по аудиторным показателям может конкурировать с любым региональным официально зарегистрированным медиапроектом.

4. Заключение = Conclusions

В условиях высокой конкуренции на региональном медиарынке приоритет и читательская поддержка оказываются у проектов, которые могут предложить аудитории оригинальную концепцию, построенную на ожиданиях, потребностях и ценностях медиапотребителей. Концепция становится маркетинговым инструментом, который определяет качество рыночного товара.

Идеологи и контент-наполнители медиаресурса «Трамплин» заявили, что концепция их проекта основана на трансляции ценностей, связанных с любовью к городскому пространству. Анализ показал, что в тематическом преломлении это выливается в следующий топик приоритетным тем: «искусство / культура», «семья», «образование», «путешествия», «спорт». Смысловые доминанты проекта связаны с возможностями самореализации горожан.

Однако концепция не только имеет в качестве содержательной основы подборку тем, но и учитывает специфику их подачи. Медиаресурс «Трамплин» в качестве приоритетного способа подачи информации предпочитает публиковать анонсы, приглашая читателей побывать / посетить мероприятие. В случае если оно носит закрытый характер, редакция формирует фотоотчеты, позволяющие почувствовать себя участником события.

Актуальные тренды в визуальном оформлении сайта: лаконичность, удобство — в сочетании с простой системой навигации делают его удобным и легким в освоении.

Производство качественного медиапродукта, основанного на оригинальной концепции, — важный, но не самодостаточный инструмент для того, чтобы быть представленным на медиарынке и иметь устоявшуюся читательскую аудиторию. Необходимым элементом становится система дистрибуции контента, основанная на понимании специфики медиапотребления и медиаповедения целевой аудитории. Анализ системы коммуникаций медиаресурса «Трамплин» показал, что ресурс представлен в разных точках контакта с аудиторией. Базовой социальной сетью для него сегодня

является ВКонтакте. Telegram, YouTube пока функционируют на малых аудиторных откликах, но динамично развиваются. Можно предположить, что в дальнейшем редакция будет расширять систему дистрибуции, пробуя новые каналы и тестируя новые площадки. В целом же сейчас суммарная аудитория проекта на мультимедийных площадках, включая сайт, приближается к 45 тысячам человек. Это позволяет сказать, что ресурс стал достойной альтернативой городским СМИ с многолетней историей, а его концепция нашла поддержку у читателей и позволила сформировать ядро целевой аудитории.

Источники

1. *Трамплин* : медиаресурс [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://xn--80aqgsecgfhnc.xn--p1ai/> (дата обращения 1.08.2022).

Литература

1. *Барташевич Д. А.* Рынок печатных СМИ в эпоху диджитализации / Д. А. Барташевич, Н. В. Ребрикова // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. — 2020. — Т. 10. — № 1. — С. 28—32. — DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-28-32.

2. *Бешукова Ф. Т.* Роль и место печатных изданий в региональной системе средств массовой информации Республики Адыгея : основные тенденции развития / Ф. Т. Бешукова, А. А. Хажгериева // Вестник АГУ. — 2020. — Выпуск 4 (267). — С. 193—199.

3. *Бирюкова Ю. В.* Новые медиа как современная коммуникационная среда для взаимодействия СМИ и аудитории / Ю. В. Бирюкова, Э. А. Новгородова, Е. Г. Кичкина // Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова. Политические науки. — 2021. — № 2 (104). — С. 137—140. — DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.2.057.

4. *Видная О. Е.* Функционирование журналистской информации в новых медиа / О. Е. Видная // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. — 2015. — № 2 (10). — С. 66—74.

5. *Градюшко А. А.* Современные тенденции развития региональных СМИ в многоплатформенной среде / А. А. Градюшко // Труды БГТУ. — 2021. — Серия 4. № 2. — С. 44—49. — DOI: 10.52065/2520-6729-2021-249-2-44-49.

6. *Гребенкина А. Г.* Взаимодействие интернет-изданий Воронежской области с аудиторией : опыт и проблемы / А. Г. Гребенкина // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. — 2021. — Т. 1. — № 1. — С. 126—133. — DOI: 10.51965/2076-7919-2021-1-1-126.

7. *Ершов Ю. М.* Переосмысление журналистской подготовки в контексте визуального мышления / Ю. М. Ершов // Вестник НГУ. Серия : История. Филология. — 2019. — Т. 18. — № 6 : Журналистика. — С. 9—17. — DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-9-17.

8. *Жилавская И. В.* Горячие визуальные медиа как фактор деактивации аудитории / И. В. Жилавская // Вопросы теории и практики журналистики. — 2014. — № 4. — С. 115—124.

9. *Зиновьев И. В.* Возможности мультимедийной журналистики на современном этапе развития российских масс-медиа / И. В. Зиновьев // Знак : проблемное поле медиаобразования. — 2012. — № 1 (9). — С. 82—85.

10. Карякина К. А. Актуальные формы и типологические модели новых медиа / К. А. Карякина // Вестник Московского университета. Серия 10. — 2010. — № 3. — С. 128—137.
11. Минеев А. Н. Исследование и анализ рынка печатных СМИ / А. Н. Минеев, Е. Е. Милосердова // Теория и практика общественного развития. — 2022. — № 3. — С. 74—79. — DOI: 10.24158/tpor.2022.3.10.
12. Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации / О. С. Иссерс // Вестник НГУ. Серия : История. Филология. — 2020. — Т. 13. — № 6 : Журналистика. — С. 216—227. — DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227.
13. Тертычный А. А. О соотношении понятий : «концепция», «тип», «профиль», «формат издания» / А. А. Тертычный // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2010. — № 6. — С. 8—13.
14. Khodair A. A. The Role of Regional Media in Shaping Political Awareness of Youth : Evidence from Egypt / A. A. Khodair, M. E. AboElsoud, M. Khalifa // Politics Policy. — 2019. — № 47. — Pp. 1095—1124. — DOI: https://doi.org/10.1111/polp.12335_
15. Luo Yi Fanga. New media literacy and news trustworthiness : An application of importance–performance analysis / Luo Yi Fanga, Yang Shu Chingb, Kang Seokminc // Computers and Education. — August 2022. — Т. 185.
16. Mathisen B. R. Sourcing Practice in Local Media : Diversity and Media Shadows / B. R. Mathisen // Journalism Practice. — 2021. — DOI: 10.1080/17512786.2021.1942147.
17. Orum A. M. Local Media [Electronic resource] / A. M. Orum, W. Möhring. In: The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies / A. M. Orum (ed.). — 2022. — Access mode : <https://doi.org/10.1002/9781118568446.eurs0462> (accessed 23.11.2022).
18. Stalpf F. Local Data Journalism in Germany : Data-driven Reporting Amidst Local Communities and Authorities / F. Stalpf, O. Hahn, D. Liewehr // Journalism Practice. 03 Jan 2022. DOI: 10.1080/17512786.2021.2019089.

Статья поступила в редакцию 17.01.2023;
одобрена после рецензирования 08.02.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.

Material resources

Media resource “Springboard”. Available at: <https://xn--80aqgcecgifhtc.xn--plai/> (accessed 1.08.2022). (In Russ.).

References

- Bartashevich, D. A., Rebrikova, N. V. (2020). Print media market in the era of digitalization. Humanities. *Bulletin of the Financial University*, 10 (1): 28—32. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-28-32. (In Russ.).
- Beshukova, F. T., Khazhgerieva, A. A. (2020). The role and place of printed publications in the regional mass media system of the Republic of Adygea: the main development trends. *Bulletin of ASU*, 4 (267): 193—199. (In Russ.).
- Mathisen, B. R. (2021). Sourcing Practice in Local Media: Diversity and Media Shadows. *Journalism Practice*. DOI: 10.1080/17512786.2021.1942147.
- Biryukova, Yu. V., Novgorodova, E. A., Kichkina, E. G. (2021). New media as a modern communication environment for interaction between the media and the audi-

- ence. Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov. *Political sciences*, 2 (104): 137—140. DOI: 10.23670/IRJ.2021.103.2.057. (In Russ.).
- Gradyushko, A. A. (2021). Modern trends in the development of regional media in a multi-platform environment. *Proceedings of BSTU. Series 4*, 2: 44—49. DOI: 10.52065/2520-6729-2021-249-2-44-49. (In Russ.).
- Grebenkina, A. G. (2021). Interaction of online publications of the Voronezh region with the audience: experience and problems. *Bulletin of the V. N. Tatishchev Volga State University*, 1 (1): 126—133. DOI: 10.51965/2076-7919-2021-1-1-126. (In Russ.).
- Issers, O. S. (2020). The facets of “new sincerity” in modern political communication. *Bulletin of the NSU. Series: History. Philology*, 13 (6): *Journalism*: 216—227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227. (In Russ.).
- Karyakina, K. A. (2010). Actual forms and typological models of new media. *Bulletin of the Moscow University. Series 10*, 3: 128—137. (In Russ.).
- Khodair, A. A., AboElsoud, M. E., Khalifa M. (2019). The Role of Regional Media in Shaping Political Awareness of Youth: Evidence from Egypt. *Politics Policy*, 47: 1095—1124. DOI: <https://doi.org/10.1111/polp.12335>.
- Luo, Yi Fanga., Yang, Shu Chingb, Kang, Seokminc. (2022). New media literacy and news trustworthiness: An application of importance–performance analysis. *Computers and Education. August*, 185.
- Mineev, A. N., Miloserdova, E. E. (2022). Research and analysis of the print media market. *Theory and practice of social development*, 3: 74—79. DOI: 10.24158/tipor.2022.3.10. (In Russ.).
- Orum, A. M., Möhring, W. (2022). Local Media. In: Orum, A. M. (ed.). *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Urban and Regional Studies*. Available at: <https://doi.org/10.1002/9781118568446.eurs0462> (accessed 23.11.2022).
- Stalph, F., Hahn, O., Liewehr, D. Local Data Journalism in Germany: Data-driven Reporting Amidst Local Communities and Authorities. *Journalism Practice*. 03 Jan 2022. DOI: 10.1080/17512786.2021.2019089.
- Tertychny, A. A. (2010). On the relationship of concepts: “concept”, “type”, “profile”, “publication format”. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 6: 8—13. (In Russ.).
- Vidnaya, O. E. (2015). Functioning of journalistic information in new media. *Almanac of theoretical and applied research of advertising*, 2 (10): 66—74. (In Russ.).
- Yershov, Yu. M. (2019). Rethinking journalistic training in the context of visual thinking. *Bulletin of NSU. Series: History. Philology*, 18 (6): *Journalism*: 9—17. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-9-17. (In Russ.).
- Zhilavskaya, I. V. (2014). Hot visual media as a factor of audience deactivation. *Questions of theory and practice of journalism*, 4: 115—124. (In Russ.).
- Zinoviev, I. V. (2012). Possibilities of multimedia journalism at the present stage of development of Russian mass media. *Sign: problematic field of media education*, 1 (9): 82—85. (In Russ.).

*The article was submitted 17.01.2023;
approved after reviewing 08.02.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

Шарапкина А. А. Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами : междисциплинарная модель / А. А. Шарапкина, А. М. Меркулова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 157—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187.

Sharapkova, A. A., Merkulova, A. M. (2023). Fakes within Context of Historical Knowledge Interacting with Language and Thought Structures: Interdisciplinary Model. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 157-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-157-187

**Фейки в контексте
взаимодействия
исторического знания
с языковыми
и мыслительными
структурами:
междисциплинарная модель**

Шарапкина Анастасия Андреевна^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5378-2729

кандидат филологических наук, доцент
кафедры английского языкознания
заведующий лабораторией
warapkova@mail.ru

Меркулова Анастасия Михайловна¹

orcid.org/0000-0001-8856-8087

кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории государственного
и муниципального управления
Merkulova@spa.msu.ru

¹ Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)

² Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)

Благодарности:

Авторы благодарны д.ф.н., проф. Л. А. Манерко
и к.и.н. Н. В. Кукило за знакомство
с манускриптом и ценную дискуссию

**Fakes within Context
of Historical Knowledge
Interacting with Language
and Thought Structures:
Interdisciplinary Model**

Anastasia A. Sharapkova^{1,2}

orcid.org/0000-0001-5378-2729

PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Linguistics
warapkova@mail.ru

Anastasiya M. Merkulova¹

orcid.org/0000-0001-8856-8087

PhD in History, Associate Professor,
Department of History of State and
Municipal Administration
Merkulova@spa.msu.ru

¹ Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)

² Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)

Acknowledgments:

The authors are grateful to Doctor in Philology,
Professor L. A. Manerko and PhD in History
N. V. Kukel for reading the manuscript and valuable
discussion

© Шарапкина А. А., Меркулова А. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассмотрен феномен fake news в качестве многоаспектной научной проблемы, неразрешимой без использования междисциплинарного подхода. Актуальность исследования обусловлена высокой степенью влияния фальсификаций на информационное восприятие человека, а следовательно, на когнитивную безопасность социума. Фейк рассмотрен как сложный конструкт, не обладающий четкими признаками, но оказывающий намеренное воздействие на человека. Особое внимание уделено характеристике взаимодействия когнитивных механизмов и языковых форм в практике взаимодействия с фейками. На примере опыта различных государств описаны практики борьбы с незаконным информационным контентом. В России история рассматривается как ключевой фактор государственной политики когнитивной безопасности. В статье обоснована необходимость поиска взаимодополняющих ресурсов в лингвистической и исторической науках для эффективного противодействия информационным манипуляциям и представлению недостоверной информации. Авторы пришли к выводу, что приоритетной задачей междисциплинарных исследований на современном этапе является создание комплементарной эмпирической научной базы с учетом методов когнитивной лингвистики, а также апробация теоретических моделей на реципиентах.

Ключевые слова:

фейк; когнитивная безопасность; когнитивная лингвистика; историческое знание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The phenomenon of fake news is considered as a multifaceted scientific problem that cannot be solved without using an interdisciplinary approach. The relevance of the study is due to the high degree of influence of falsifications on the information perception of a person, and consequently, on the cognitive safety of society. A fake is analyzed as a complex construct that does not have clear signs, but has an intentional effect on a person. Particular attention is paid to the characteristics of the interaction of cognitive mechanisms and language forms in the practice of interaction with fakes. The concept of "post-truth" is considered as an instrument of influence of multiple subjects on the audience by proclaiming the multiplicity of truths. The practices of combating illegal information content, based on the experience of various states are described. It is noted that in Russia, history is considered a key factor in the state policy of cognitive security. The article substantiates the need to find complementary resources in linguistic and historical sciences for effective countermeasures against information manipulation and presentation of unreliable information. The authors concluded that the priority task of interdisciplinary research at the present stage is the creation of a complementary empirical scientific base taking into account the methods of cognitive linguistics and the testing of theoretical models on recipients.

Key words:

fake; cognitive security; cognitive linguistics; historical knowledge.

УДК 811.111'42

Фейки в контексте взаимодействия исторического знания с языковыми и мыслительными структурами: междисциплинарная модель

© Шарпкова А. А., Меркулова А. М., 2023

*But if thought corrupts language,
language can also corrupt thought.*

George Orwell

1. Введение = Introduction

XXI век ознаменовался появлением Интернета как средства быстрой передачи информации, проникновением его в нашу повседневную жизнь, глобальной цифровизацией многих сфер жизни. Как и любая технология, он принес в нашу жизнь не только удобство сверхскоростного обмена информацией, но и сложности выявления достоверных источников и отделения фактов от их интерпретации или даже вымысла. Интернет во всей своей совокупности и мультимодальности постепенно стал главным инструментом формирования информационного пространства социумов. Будучи перенасыщенным сведениями совершенно разного качества, он тем не менее позволяет ей распространяться со скоростью клика — скоростью, значительно превышающей возможность рационального осмысления отдельно взятого феномена. Одновременно с богатством разнообразных данных существует огромное количество и «мусорной» информации, которая является недостоверной, ложной и даже потенциально опасной.

Многочисленные виды представления информации, далекой от достоверности, получили общее название «фейк» (fake). Ученые теоретизируют на тему дефиниций фейка, его структуры и наполнения, журналисты изучают эффективные методы борьбы с ним, лингвисты рассматривают языковые маркеры, программисты пытаются проследить источники и потоки распространения недостоверной информации в сети, политологи ставят своей целью изучение возможности влияния дискурсивной и цифровой реальности на материальную реальность. В целом можно выделить основные направления исследований данного феномена: особенности создания фейковых новостей, их восприятия и распространения [Hisseine, 2022], способы выявления [Kumar et al., 2022; Garg et al., 2022] и противодействия фейкам [Shuetal, 2017]. Автоматическое выявление фейковых новостей также является важной задачей. В связи с этим интересные попытки

делаются в области компьютерной лингвистики, а языковой анализ основывается на исчисляемых показателях (сложность предложений, наличие наречий, прилагательных, частотность). Это указывает на важную роль языковых маркеров в тексте, содержащем недостоверную информацию, но часто дает ложноположительные или ложноотрицательные результаты [Burgoon et al., 2003]. Также очевидно недостаточность поиска по ключевым (хотя и маркированным) словам, связанным с той или иной тематикой, ибо тематики, как и слова, достаточно переменчивы, а их частотность не всегда является маркером значимости.

Хотя феномену фейковых новостей (*fakenews*) в последние годы и уделяется достаточно научного и общественного внимания, одновременное рассмотрение его на стыке двух научных дисциплин — истории и лингвистики — ранее не проводилось. Более того, для выявления, категоризации и противодействия важно не только понимание самого феномена как такового, но и его понимание в контексте когнитивных механизмов, обуславливающих неготовность людей к тому, чтобы распознать фейк, представляющий собой текстовое сообщение недостоверного характера, сопровождающееся или не сопровождающееся мультимодальным элементом. Данный обзор ставит своей целью восполнить этот пробел.

Актуальность работы заключается в том, что фейк или недостоверная информация в области истории национального государства может представлять собой вовсе не некий легко корректируемый или опровергаемый факт, а оружие манипуляции человеческим сознанием, поэтому можно поставить вопрос о когнитивной безопасности социума [Артемов и др., 2020]. Феномен фейка представляет собой угрозу не потому, что он недостоверен и является симулякром некоторого факта, а потому, что такие факты вкупе с интерпретацией и аксиологической оценкой часто влияют на принятие решений, подспудно входят в картину мира индивида.

Если до 2019 года основным в данной научной сфере являлся термин *информационная война*, то сейчас некоторые авторы даже говорят о так называемой *когнитивной войне*, определяемой как «воздействие на высший уровень мышления человека, его смыслы и ценности, которые определяют его поведение» [Почепцов, 2019, с. 4]. Готовность к данной войне — «cognitive warfare» — включается в программу обеспечения безопасности многих зарубежных стран и определяется следующим образом: «1) это искусство использования технологий для изменения мышления людей-мишеней, которые часто не подозревают об этом; 2) использование киберинструментов для изменения процессов мышления противника, ... когнитивных искажений или рефлексивного мышления, провоцирование искажений мышления, влияние на принятие решений и создание препят-

ствий действиям, что приводит к негативным последствиям как на индивидуальном, так и на коллективном уровне» [Claverie et al., 2022, p. 2]. При этом междисциплинарного обзора возможных механизмов и оценки контрмеханизмов, насколько нам известно, не проводилось.

Феномен фейка можно рассматривать в нескольких измерениях когнитивной деятельности человека. Это историческое, политическое, психологическое и собственно языковое, поскольку так или иначе мы имеем дело с нарративами и дискурсом, воздействующими на сознание читателя.

Вопрос преднамеренного искажения информации в качестве инструмента изменения когнитивного состояния социума неразрешим без использования комплементарного подхода. Настоящее исследование направлено на выявление в лингвистической и исторической науках взаимодействующих ресурсов для решения обозначенной проблемы.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Прежде чем углубляться в изучение феномена fake news, нужно обозначить основные дефиниции, с которыми его связывают. Ключевыми понятиями здесь будут факт, постправда и фейк. Преувеличение и эмоциональность в передаче информации характерны для человека. Например, сплетни представляют собой тоже вариант недостоверной информации, но не имеют столь значимых последствий. Усиление эмоциональной составляющей использовалось в манипуляции и настройке восприятия истории с давних времен [Назаретян, 2005, с. 106]. Классической работой по данной проблеме является «Техника пропаганды в мировой войне» Г. Д. Лассуэлла на материале газет Первой мировой войны, где с применением целого комплекса текстологических методов был проанализирован инструментальный эффективного информационного воздействия на общественное мнение в условиях военного кризиса [Lasswell, 1927]. Но XX век — это уже не только газеты, но и другие СМИ, такие как радио и телевидение, а XXI век — Интернет. Все это сделало коммуникацию многоуровневой, а схемы воздействия на реципиентов более сложными. Кроме того, современные онлайн-технологии оказались способны срежиссировать масштабное действие при отсутствии какого-либо единоначалия и централизации принятия решений [Bennett et al., 2012].

Феномен принципиальной невозможности проверить весь поток получаемой информации, демократизация «знания», индивидуализация нарративов и интерес к эмоциональному воздействию на аудиторию, а также размывание категории факта, истины или правды оказываются характерными чертами XXI века. Исследователи говорят о «дефляции истины / лжи» [Павленко, 2019], эре «постправды» [Fuller, 2018], мире симулякр

[Бодрийяр, 2015], альтернативных фактов [Blake, 2017] и даже манипуляции сознанием [Кара-Мурза, 2008]. Возможно, именно такая сложность и определяет все многообразие и определенную текучесть терминологии: *fake news, falsenews, rumors, rumor cascades, post-truth, hoax, click-bait, misinformation, information mystification*. Именно в таком общем контексте постправды и могут рождаться, создаваться, распространяться фейки. Более того, «социальные сети и онлайн-платформы в настоящее время управляют сознанием людей так же, как когда-то национальные государства» [Balkin, 2018].

Несмотря на значительный прогресс рационального мышления в области науки и техники, на обыденном уровне потребление информации людьми определяется аффективным (эмоциональным) аспектом их психики, а не собственно рациональным мышлением. Особенно важен этот иррациональный компонент в управлении массами, где можно использовать или создавать эмоционально насыщенные мифологические конструкции, что было продемонстрировано на примере поэтапного использования мифа о короле Артуре в кампании Брексита [Шарапкина, 2020]. Некоторыми исследователями высказывалось мнение, что формирование современной политики «происходит на мифологическом уровне» [Singer, 2014, p. i], мифологические нарративы составляют ткань политической жизни [Lakoff, 2008]. Другими авторами убедительно показана возможность применения методов анализа легенд и фольклора для деконструкции фейковых новостей в политике, поскольку они имеют дело с целостными структурами знания, представленного в виде нарратива [Ellis, 2018]. Ведь фейк часто намного интереснее и эмоциональнее правдивой новости — в нем есть режиссура и эмоциональность, приятная человеческому мышлению.

Понятие постправды, впервые вынесенное на обсуждение в 1992 году, оказалось особенно актуальным после 2016 года в свете политической повестки выборов Д. Трампа и кампании по выходу Британии из ЕС. Согласно исследованию [Allcott et al., 2017], в 2016 году определенный набор заведомо ложных новостей был опубликован в Facebook не менее 38 миллионов раз за 3 месяца. В этом же году слово *post-truth* стало словом года по мнению авторов Оксфордского словаря: «Относящееся или обозначающее обстоятельства, в которых объективные факты менее важны для формирования общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям» [Цит. по: Тайсина, 2022, с. 113]. Отметим, что понятие постправды не является синонимом лжи: «Это не отказ от истины, не ситуация “после истины”, не утрата её значимости, а пролиферация истин, когда по поводу одного и того же события высказываются самые разные мнения, претендующие на истину. Речь идёт о множественности не только истин,

но и субъектов, претендующих на право эти истины провозглашать» [Шевченко, 2019].

Проблема презентации и искажения правды многогранна. Но ключевым элементом во многих определениях фейка является коммуникативная цель — намеренное искажение правды («willful distortion of the truth») [Vosoughi et al., 2018, с. 1146], манипулирование информацией как преднамеренная фальсификация («the deliberate falsifier») [Gelfert, 2018, p. 85] для достижения определенного результата в прагматическом контексте. Традиционное определение фейка также это подчеркивает: «преднамеренное представление (как правило) ложных или вводящих в заблуждение утверждений в качестве новостей, при этом утверждения имеют своей целью ввести в заблуждение» [Gelfert, 2018, с. 101]. Подобные явления в сочетании с массовостью в контексте кризисных ситуаций в обществе далеко не безопасны и не безобидны, поскольку дезинформация влияет на принятие решений как на индивидуальном, так и на общественном уровнях. Другие исследователи подчеркивают, что фейковые новости способны «вызвать в обществе ажиотаж вокруг несуществующего (создаваемого этими же новостями) информационного повода» [Манойло и др., 2020].

С точки зрения исторической науки фальсификации нивелируют ценность социально-исторического знания и служат инструментом аргументации заведомо предопределенного вывода, что вновь возвращает нас к проблеме когнитивной безопасности. Проблема заключается в том, что многие фейковые новостные сообщения не являются полностью ложными, а смешивают преднамеренную ложь с общеизвестной правдой, запутывая и дезинформируя людей. Последнее — сознательное введение аудитории в заблуждение — может быть достигнуто даже без опоры на ложь, просто путем выборочного представления частичной истины, что прекрасно иллюстрируется несовпадением определенных семантических полей таких выражений, как вся правда и чистая правда. В такой модели совокупность социально-исторических фактов, имеющих отношение к конкретным событиям, подбирается создателями фейков в угоду заранее сформулированной идее и требует рассмотрения на нескольких уровнях с применением интегрированных методик.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Историческое знание и исторические фейки как элементы государственной политики когнитивной безопасности

Несмотря на стремительно меняющееся медиапространство, история по-прежнему остается отражением жизни общества во времени, а интерпретация исторических фактов, вне зависимости от нашего желания, несет

идеологическую нагрузку. Фальсификация исторического знания остается часто используемым инструментом в информационном противостоянии. При этом искажение исторических фактов является всего лишь вариацией фейка. С одной стороны, получив эффективные средства защиты цифрового пространства, социум решил бы частную проблему исторических фальсификаций. С другой — историческое знание само по себе является средством защиты общества. В данной части мы постараемся структурировать международный опыт работы с фейками или дезинформацией на государственном уровне.

Во многих странах запущен процесс совершенствования национального законодательства, направленного на противодействие «фейковым новостям». Развитие законодательства большинства стран мира идет по пути установления ответственности для провайдеров за размещение и несвоевременное удаление незаконного контента. Фактически киберправо ориентируется на пресечение различных проявлений опасной информации в цифровом пространстве, включая фейки.

В 2018 году Европейский союз организовал Экспертную группу высокого уровня Европейской Комиссии о фейковых новостях и онлайн-дезинформации (HLEG), издав «Акт по улучшению правоприменения в социальных сетях». В качестве одной из задач, поставленных перед HLEG, была обозначена подготовка рекомендаций по разработке общеевропейского законодательства для противостояния онлайн-дезинформации и пропаганде [Бебич и др., 2018, с. 451]. Данная законодательная инициатива прослеживается во многих государствах мира. Так, данную тенденцию можно наблюдать в Германии, Франции, Малайзии, Египте, Бразилии, Вьетнаме, Катаре, Турции, Индии и других странах [Крайнюкова и др., 2021, с. 101—102].

Длительное время исключением из подобной практики оставались США. Регулирование информационного контента оставалось внутренним делом организаций и провайдеров. Однако в последние годы ситуация резко поменялась. В конце марта 2021 года в Конгрессе США заслушали отчет руководителей Twitter, Google и Facebook о борьбе с распространением недостоверной информации и запрещенной информации. В настоящее время в США также инициированы процессы трансформации антифейкового законодательства [Дупан и др., 2022, с. 214].

Китай стал первым государством, начавшим полномасштабные преобразования по контролю цифрового пространства. В 2022 году в КНР вступило в силу Положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных служб Интернета [САС]. Поставив целью сохранить морально-этическое здоровье нации, Коммунистическая партия Китая ввела жесткие правила регулирования IT-бизнеса. Тем самым Пра-

вительство Китая обязало поставщиков информационных услуг выявлять и предотвращать распространение незаконной и нежелательной информации. При этом под запрет попали не только ложные сведения, но и контент, способный, по мнению законодателя, нанести вред обществу. За нарушения законов и постановлений, связанных с регулированием информационного пространства, в Китае предусмотрен широкий диапазон административных и уголовных правоприменительных процедур.

Глашатаем официальной точки зрения Китая в августе 2021 года стал китайский блогер Ли Гуанман. Его статья, растиражированная множеством официальных партийно-государственных медиа и коммерческих Интернет-порталов, содержала тезис о неизбежности контроля над IT-бизнесом и информационными ресурсами для защиты интересов социума. Без смены приоритетов, по мнению автора, не обойтись. Если Китай в противостоянии с Западом будет воспитывать молодежь на глобальной массовой культуре, то его ждет судьба СССР, он рухнет еще до того, как его атакуют [Ли Гуанман, 2021].

Для России в последние десятилетия крайне актуальна проблема защиты общества от дезинформации. Все значимые действия РФ во внутренней политике и на геополитическом пространстве порождают поток атак в информационном пространстве. Большое количество fakenews связано с российской историей. Поддержка Россией независимости самопровозглашенных республик на постсоветском пространстве, военная операция РФ в Сирии, подготовка к празднованию юбилеев Победы в Великой Отечественной войне, федеральные выборы — это лишь малый перечень событий XXI века, вызывавших волны дезинформации в массмедиа всех уровней. Развитие отечественной нормативно-правовой базы релевантно усилившемуся противоборству в глобальном информационном поле. Необходимые дополнения были внесены в 2015 году в Стратегию национальной безопасности РФ (далее — Стратегия) [СЗРФ, 2016, № 1, ст. 212, с. 503] и отражены в Стратегии 2021 года [СЗРФ, 2021, № 27 (ч. II), ст. 5351, с. 18821—18822]. С 2019 года в ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» был дан перечень запрещенного контента [СЗРФ, 2019, № 12, ст. 1221]. Новеллы, направленные на противодействие недостоверной и общественно опасной информации, дополнили Кодекс об административных правонарушениях и Уголовный кодекс РФ. Поток недостоверной и политически ангажированной информации о России увеличился после 24 февраля 2022 года с началом специальной военной операции на Украине. Отечественная нормативно-правовая база была незамедлительно скорректирована. Для противодействия заведомо ложным сведениям, противоречащим государственным интересам РФ и интересам российских граждан, а также направленным на дискредитацию

использования ВС РФ, был принят Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [СЗРФ, 2022, № 10, ст. 1389].

Все вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что государственная политика в сфере противодействия дезинформации строится по принципу «вызов — ответ». При возникновении масштабной проблемы государство принимает меры по ее устранению. В настоящее время в России самые эффективные методики защиты от fakenews сведены к контролю информационного пространства, то есть изъятию из оборота недостоверной информации или доступа к ресурсам, ее распространяющим. В то же время такой подход не обеспечивает долгосрочную резистентность самого социума при столкновении с внешними угрозами. Цифровая среда в настоящее время — такая же сфера противостояния, как и территория. Все это возвращает нас к понятию когнитивной безопасности и функционированию фейковых новостей на всех основных уровнях, куда входят медиапространство, язык и мышление.

Дж. Э. Льюис очень ёмко определил роль информации в глобальном противостоянии: «Кибер-операции предоставляют новый способ достижения военных и, возможно, стратегических преимуществ ... Целью является не кинетический (поражение снарядами и бомбами), а когнитивный эффект, манипулирование информацией для изменения мыслей и поведения. По сути, стратегическая цель состоит в том, чтобы повлиять на моральный дух, сплоченность, политическую стабильность и, в конечном счете, уменьшить волю противника к сопротивлению. Операции дают возможность манипулировать информацией и мнениями таким образом, чтобы это имело принудительный или подрывной эффект, без риска открытой войны, а ситуация оставалась бы ниже порога “применения силы” для снижения риска вооруженного конфликта или его эскалации» [Lewis, 2018].

На фоне описанной ситуации все чаще появляются предложения экспертов по усовершенствованию политики когнитивной безопасности. Под когнитивной безопасностью в данном случае понимается защищенность социума от системного влияния информационной среды на мировоззрение и ценностные ориентиры.

С 2009 года в нашей стране началась борьба с фальсификацией и искажением истории с целью сохранения исторической культуры и защиты исторической памяти. В ответ на увеличение количества фейковой информации по истории России Правительство в 2019 году приступило к реализации комплекса мер, связанного с сохранением исторического наследия. Важным направлением стало образовательное.

В 2020 году впервые в российском законодательстве появился термин *историческая правда*. В Конституцию РФ включено положение «Российская

Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается», что, в свою очередь, возвращает исследователей к вопросу преодоления исторических фальсификаций [СЗРФ, 2020, № 11, ст. 1416].

С 2022 года государство обратило особое внимание на содержание исторического образования как основу концепции патриотического воспитания молодежи. Знания по Отечественной истории выступают своеобразным противовесом фальсификациям истории и должны формировать у обучающихся чувства патриотизма и гражданской ответственности. Изменения затронули все уровни системы просвещения. В школах и колледжах страны посредством модификации исторического профиля конкретизированы вопросы патриотического воспитания. В сентябре 2022 года во всех школах и колледжах страны был введен предмет «Разговоры о важном». По мнению Министра просвещения С. С. Кравцова, новый предмет призван «сформировать у школьников гордость за Россию, в увлекательной форме познакомить с историей, традициями и культурным наследием страны, а также побудить детей самостоятельно искать исторические факты и больше читать» [Кравцов, 2022]. В июле 2022 года Министерство науки и высшего образования РФ утвердило Приказ «О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования», который устанавливает обязательный минимум зачетных единиц, отводимых в вузах на изучение отечественной истории в рамках образовательных программ высшего образования [РГ, 2022, № 8876]. Таким образом, история превратилась в один из системообразующих факторов государственной политики когнитивной безопасности. В контексте когнитивной безопасности историческая наука не тождественна пропаганде и идеологии. Историческое знание выступает как элемент социальной идентификации личности. Однако возникает вопрос о возможных критериях эффективности оценки принимаемых мер, поскольку ментальная сфера человеческой личности сложно поддается исчислению или стандартизации, а отдельно взятые элементы не дают картины в целом.

3.2. Возможные когнитивные механизмы подверженности фейкам и языковые корреляты

Язык неразрывно связан с интерпретацией мира в сознании человека, поэтому наработанный материал по изучению сообщений недостоверного характера накоплен именно в лингвистике. В этой области знания был проведен анализ сообщений в средствах массовой информации, выделен манипулятивный потенциал в области конкретных языковых элементов. Так, первыми работами в данной области были исследования В. Г. Костомарова [Костомаров, 1969] и А. А. Даниловой [Данилова, 2009], посвящен-

ные вопросам манипуляции сознанием как разновидности «воздействия, осуществляемого путем искусного использования определенных ресурсов языка с целью скрытого влияния на когнитивную и поведенческую деятельность адресата» [Копнина, 2014, с. 25]. В 2021 году были опубликованы результаты научного проекта «Семантика единения и вражды в русской лексике и фразеологии: системно-языковые данные и дискурс», где проанализирован потенциал определенных лексических единиц, отражающих стремление к включению в социальное сообщество или дистанцированию от него [Леонтьева и др., 2021; Леонтьева, 2022].

С выходом когнитивной лингвистики на авансцену появилась концептуальная теоретико-методологическая база и совокупность методов, позволяющих изучать взаимодействие между языковыми и когнитивными структурами. В данной части мы рассмотрим наиболее важные, на наш взгляд, достижения лингвистики, применимые к анализу фейков.

В основе человеческого мышления лежит способность категоризировать и концептуализировать поступающую информацию, выделять причинно-следственные связи на основе фактов более или менее достоверного характера. Посредством когнитивных механизмов формируются структуры знания, опосредованные языком, на основе целостных систем непротиворечивых интерпретаций мира. Иными словами, речь идет не столько о статичном выделении категорий факта или лжи, а о динамическом процессе перекаатегоризации, использующем привычные когнитивные механизмы и потенциально влияющем на сознание человека. В психологии признается, что главной манифестацией работы сознания и способом его изучения является язык: «Слово, конечно, представляет собой важнейший инструмент исследования и богатейший источник знаний о сознании, о духовной и психической жизни» [Зинченко, 2010, с. 62]. Слово может влиять на картину мира индивида и общества, а создаваемый медиадискурс или пласт новостной повестки приводит к формированию конгруэнтных ментальных моделей. Основываясь на высказанной в работе «О контурах новой парадигмы знания в лингвистике» идее о необходимости изучения и возможности построения ментальных моделей посредством анализа дискурса и отдельных языковых элементов, можно предположить и обратное. Конструирование ментальных моделей посредством дискурса и стратегического отбора семантических структур предполагает, что «анализ дискурса не может обойтись без изучения ментальных моделей, которые дают реальную основу для отбора нужной коммуникативной информации в стратегических целях построения как общих, так и частных семантических структур» [Кубрякова и др., 1999, с. 195].

Тен ван Дейк в работе «Дискурс и власть» рассматривал роль дискурса в укреплении уже устоявшихся властных взаимоотношений и предлагал

методологию анализа с точки зрения интеграции прагматики, стилистики и семиотики [Дейк, 2013]. Он подчеркивал, что контроль над разумом включает в себя гораздо больше, чем просто понимание текста или разговора, но также индивидуальное и социальное знание, предыдущий опыт, личные мнения и социальные установки, идеологии, нормы или ценности, а также другие факторы, которые играют роль в изменении мышления. Все это — частные проявления гипотезы Сепира — Уорфа о степени влияния языка на сознание.

Факт оперирования не «реальным миром с набором фактов», а неким ментальным конструктом подчеркивался и когнитивистами в 1990-е годы: «... у нас есть сознательный доступ только к некому спроецированному миру — миру как бессознательно организованному разумом: и мы можем говорить о вещах постольку, поскольку они получили ментальные представления посредством этих процессов организации» [Jackendoff, 1983, p. 29].

В этом контексте важно понимать, что восприятие окружающего мира и его дальнейшее отражение в языке в большей или меньшей степени всегда есть интерпретация этого мира. При этом выделяют *первичную* и *вторичную языковую интерпретацию мира* [Болдырев, 2014, с. 21]. Если первичная обозначает активное и целенаправленное познание мира в результате прямого взаимодействия с ним, то вторичная предполагает уже коллективные знания о мире: «Ее результатом являются новые знания об объектах и событиях мира, в том числе оценочного характера» [Там же, с. 55]. Именно вторичная интерпретация предполагает вторичную концептуализацию и перекаатегоризацию. Далее происходит *дискурсивная интерпретация мира* и знаний о мире, приводящая к формированию текста. Она уже «обеспечивает трансляцию в языковой форме индивидуального или коллективного мировидения некоторому получателю информацию. В этом смысле дискурсивная интерпретация направлена на конструирование предмета сообщения таким образом, чтобы в нем отражалось некоторое заданное мировидение, отличающееся от других возможных интерпретаций и представленное как единственно допустимое» [Беляевская, 2017, с. 88]. Именно на этом базовом различии и может быть построено формирование новостной истории или события, понимаемого как некий сценарий со встроенной и изменяемой интерпретацией.

Попробуем проиллюстрировать работу основных когнитивных механизмов в практике взаимодействия с фейками. В когнитивной лингвистике выделяются следующие механизмы: профилирование и перепрофилирование, соотношение фигуры и фона, перспективизация, концептуализация части и целого [Кубрякова, 1999]. В контексте изучения фейков это баланс между эффектом *новизны новости* и *эффектом узнаваемости* или способ-

ность выделения *фигуры на основе фона* [Talmy, 2007]. Игра между фоном и фигурой может происходить на уровне двух одинаковых предложений с разной синтаксической структурой, а может быть гораздо шире. Исследование 2018 года на основе более 126 000 историй показало, что в социальных сетях ложные сообщения распространялись намного быстрее и шире, чем правдивые, поскольку ложные новости казались реципиентам новее, чем правдивые, что и объясняет, почему люди более охотно распространяли их далее [Vosoughi et al, 2018]. Потенциальной причиной может быть перегруженность информацией современного реципиента, который в первую очередь обратит внимание на особенно выделяющуюся новость из всего потока, которая не противоречит его изначальным установкам, но выделяет ранее неизвестный аспект [Quietal, 2017].

Вторым эффектом, работающим над созданием того, что наш мозг воспримет как фон, а значит, нечто проверенное и достоверное, является *тиражируемость*. В психологических исследованиях было показано, что одна и та же новость, многократно тиражированная в социальных сетях, оказывается кажущейся более достоверной, несмотря на опровержение или пометку как «недостоверная информация». Иными словами, узнавание бессознательно трактуется как достоверность. «Платформы социальных сетей помогают возвращать веру в откровенно ложные новости и в то, что пометка таких историй как спорных не является эффективным решением этой проблемы» [Pennycook et al., 2018].

Новостное сообщение на ментальном уровне представляет собой фрейм (сценарий, событие, структуру), который в зависимости от многих факторов может быть вербализирован по-разному. Именно поэтому ключевым методом в междисциплинарных исследованиях может быть метод фреймового анализа, выделяющий базовый фрейм и изучающий изменения его репрезентации в дискурсе [Fillmore, 2006], в том числе смещения фигуры и фона — рефрейминг [Ирисханова, 2022]. Согласно определению основателя фреймовой семантики, под термином *фрейм* может пониматься любая система «концептов, соотнесенных между собой таким образом, что для того, чтобы понимать, какой-либо из этих концептов, необходимо понимать всю систему, в которую этот концепт входит» [Fillmore, 1982, с. 111]. При этом один и тот же фрейм может быть представлен по-разному в языковом плане: «Представить в виде фрейма означает выбрать некоторые аспекты воспринимаемой реальности и сделать их более заметными в коммуникативном тексте таким образом, чтобы продвигать конкретное определение проблемы, причинно-следственную интерпретацию, моральную оценку и / или рекомендации по отношению к описываемому предмету» [Entman, 1993, с. 52]. Поэтому мы в полной мере согласны с мнe-

нием Е. Г. Беляевской о том, что «следует изучить закономерности взаимодействия фреймов (или конфигурации фреймов), которые выступают в качестве когнитивного основания вербализации, и конечного продукта этой вербализации — текста» [Беляевская, 2021, с. 20]. В текстах недостоверного характера возможно выявление того, как одна и та же новость представлена различными новостными каналами, где выделяются разные герои, их мотивы и весь сценарий действия. Локальная проблема может быть успешно представлена как катастрофа или наоборот.

Такие исследования должны проводиться на широкой выборке различных новостных каналов с выделением ключевого вектора рефрейминга. В самом упрощенном виде это похоже на систему перекодировки хэштегов: они «способствуют информационному наслоению и транспонированию, переключают первоначальный смысл публикации на новые контексты, что могут впоследствии аккумулировать протестные настроения» [Щекотуров и др., 2020, с. 150]. В зарубежных исследованиях в контексте потенциции переключения внимания или рефрейминга обсуждалась опасность неконтролируемой народной журналистики [Gabe, 2010]. В контексте применения когнитивных методов к анализу креативности в языке СМИ В. И. Заботкина отмечает: «В СМИ рассказы о социальных проблемах часто репрезентируют фреймы, фокусирующиеся на людях, а не на источниках; на явных, легко понимаемых причинах, а не на глубинных процессах» [Заботкина и др., 2022, с. 57].

Третьим когнитивным механизмом, лежащим в основе подверженности фейкам, является необходимость построения и удержания непротиворечивой, конгруэнтной картины мира, или так называемый «confirmation bias», иначе говоря, предвзятость подтверждения [Nickerson, 1998]. Было достоверно показано, что в целом «люди склонны верить тем новостям, которые *согласуются с их политическими взглядами*» [Pennycook et al., 2021, р. 388]. Интересно, что чаще речь идет не о том, способны ли люди в целом отделить правду от фейка, но при распространении фейковой новости они не имеют возможности «остановиться и подумать о точности того, что они видят в социальных сетях» [Ibid., р. 392]. Соответственно, переключение внимания людей на точность передачи информации может повысить качество новостей, которыми люди делятся в социальных сетях, и способствовать отсеиванию ложных новостей.

Забавным примером того, как ложной информации удалось полностью «нейтрализовать» правильные данные, является недавний эксперимент Ван дер Линдена и его коллег по восприятию ответственности человечества за климатические изменения. Реальная научная публикация и ее околону научное опровержение (Орегонская петиция), прочитанные в разное время разными группами испытуемых оказали влияние на их финальную

интерпретацию вопроса о климате и точность воспроизведения информации. Испытуемые были сбалансированы по возрасту, политическим взглядам, штату проживания и уровню образования — всего 2167. Было сформировано 6 групп представления информации: 1) контрольная, 2) группа «консенсуса», которой представлялась только научная информация, 3) группа, которая читала только фейк, 4) сначала научная информация, потом фейк, 5) сначала научная информация, потом опровержение фейка и затем фейк, 6) сначала научная информация, потом детальное опровержение фейка и сам фейк. Затем всем задавался вопрос о том, что они считают — насколько в научной среде достигнут консенсус по вопросу изменения климата. Контрольная группа, которая не читала ни достоверных, ни фейковых сообщений отвечала, что около 70 % ученых согласны по поводу изменений климата. После прочтения научного текста, ответ был «примерно 90 % ученых составляют консенсус», а после прочтения околonaучного опровержения респонденты отвечали, что только 63 % ученых согласны, что именно человеческая деятельность приводит к климатическим изменениям. Важно, что прочтения настоящего научного текста после первичного прочтения недостоверной информации этот показатель не изменило, он составил те же 72 %. При этом представление информации в группах 5 и 6 с опровержением недостоверной информации привело к указанию цифр 79% и 84%, что в том числе свидетельствует о значительной сложности изменить уже созданную недостоверной информацией когнитивную структуру. Только подробное аргументированное опровержение оказывает заметный эффект, а опровержение общего характера не приводит к изменениям. Так, прочтение научно достоверной информации после недостоверной кардинально не меняет мнение респондентов [Inoculating ..., 2017]. Влияние дезинформации и фейков на снижение темпов вакцинации от коронавируса при предъявлении достоверной научной информации было изучено в [Loomba et al., 2021].

Трагическим примером влияния СМИ, тиражирующих недостоверную информацию, на разжигание межэтнического конфликта являются события в Руанде в 1993—1994 годах, когда «Свободное радио и телевидение тысячи холмов» распространяло призывы к уничтожению тутси [Смирнов, 2019]. Исследования с помощью математических методов продемонстрировали корреляцию между следующими показателями: «число привлеченных к ответственности за насильственные преступления, проживавших в селениях с уверенным приемом радиосигнала <...>, было на 62—69 процентов выше, чем в районах без радиопокрытия», а уровень сигнала коррелировал с увеличением жертв среди тутси на 10 % (Yanagizawa-Drott, 2012) [Цит. по: Смирнов, 2019].

Четвертым механизмом работы человеческого мышления является способность к встраиванию нового знания в сформированные модели, приращению отдельных фактов и характеристик в непротиворечивое концептуальное целое, что постепенно может приводить к *реструктурированию того или иного концепта*, когда одни характеристики уходят на периферию, а входившие исходно в периферию переходят в ядро [Жонова, 2003; Шарипкова, 2018]. Такое явление нормально в рамках развития любого дискурса, но в медиадискурсе оно может быть намеренно увеличено. Речь идет об «обновлении существующего контента (структуры события, структуры концепта) новой информацией, результатом чего является новая концептуальная структура» [Заботкина и др., 2020], которую можно изучать методами когнитивной лингвистики. Это было прекрасно проиллюстрировано в работе на примере анализа эвфемизмов [Заботкина и др., 2022; Bastrakova et al., 2021].

Пятым механизмом является возможность разложения высказывания на собственно содержание и добавленную модальность или оценку. Выявление модуляции высказывания, вероятно, связано с языковым и эмоциональным интеллектом. В исследовании С. Престона и его коллег было показано, что люди с высоким эмоциональным интеллектом, то есть способные осознавать и контролировать свои эмоции, значительно реже попадают на фейковые новости [Preston et al., 2021]. В изучении работы данного механизма особенно важна теория концептуальной метафоры [Lakoff, 2008]. Примечательна в данной области работа Дж. Лакоффа «Moral Politics» [Lakoff, 1996]. Также отмечается, что язык не является некой транспарентной средой, обеспечивающей мыслительную деятельность, но он отчасти формирует наши мысли и действия. «Таким образом, общепринятые метафоры в дискурсах, связанных с расой, полом, касающиеся политики, обороны, экономики, окружающей среды и т. д., как правило, определяют наши способы мышления / сознания и действия / практики в этих социальных сферах» [Goatly, 2007, p. 25].

Любопытно, что само употребление термина *манипуляция* является метафорой; из описания ловкости движения рук оно перешло в область управления людьми. Метафоры, традиционно считавшиеся фигурами речи, использовались риторам для убеждения толпы или выступали дополнительными образами поэзии; когнитивисты впервые продемонстрировали, что метафоры также являются фигурами мысли, что частично объясняет их манипулятивный потенциал. Существуют три основные причины: процесс фокусировки-дефокусировки внимания, существование асимметричных метафор и онтологическая многозначность, эмоциональная заряженность и динамичность метафор. Процесс совмещения домена

источника и цели происходит у каждого реципиента в голове в реальном времени, и изменение метафоры для описания того или иного явления может модулировать эмоциональное восприятие при сохранении всех исходных фактов. Было показано, что увеличение доли концептуальной метафоры войны в дискурсе против абортов привело к заметной радикализации течения [Jamet, 2020], а усиление метафоричности научно-популярных текстов о паразитизме, в свою очередь, усилило метафоризацию и имплицитную негативную оценку организмов в научных работах по паразитизму [Doherty, 2020]. Эти проблемы затрагивались в работах А. П. Чудинова по политической лингвистике, было предложено выделить направление метафорологии, исследующее изменение метафорических моделей в политическом дискурсе [Будаев и др., 2020].

Таким образом, изучение фальсификации исторического факта должно строиться не только на мерах пресечения тиражирования недостоверной информации или ее опровержения, но и на формировании структур знания и условий понимания механизмов манипуляции. Это возможно только с учетом новейших разработок когнитивной лингвистики, показывающей взаимодействие языка и мышления.

3.3. От теории к практике: анализ способности социума выявлять недостоверные новости

Инструментарий, который в настоящее время используется в качестве превентивных мер противодействия информационным атакам на Россию, зачастую опирается на опыт советского прошлого. Одной из причин социального протеста 1980-х годов было несоответствие информационной политики уровню развития общества [Бабюк, 2021; Горяева, 2009; Никонова, 2008]. В данном случае возникает вопрос о результативности принятых мер. Вопрос об эффективности государственной политики в сфере информационной безопасности предполагает поиск релевантных критериев оценки. Современные гуманитарные науки изобилуют теоретическими моделями решения данной проблемы, которые далеки от практики. Однако когнитивные составляющие социума — это структуры, требующие поиска новых подходов к их изучению, основанных на эмпирике. Очевиден разрыв между теоретическими моделями иработанной практикой изучения новостей недостоверного характера в отдельных науках.

Материалы по практическим результатам встречаются крайне редко и зачастую строятся только на официальных мониторингах общественного мнения. Экспериментальные работы представлены лишь в исследованиях зарубежных ученых [Inoculating ..., 2017]. В 2019 году ВЦИОМ на фоне принятия поправок к закону о защите информации провел опрос «Фейк-нюс: мнение россиян о новом законе» [ВЦИОМ, 2019, № 2, с. 376]. Со-

гласно полученным данным, почти половина респондентов заявила, что «почти всегда» или «в большинстве случаев» можно отличить недостоверную информацию в СМИ и Интернете от достоверной. Большинство из опрошенных были уверены, что обмануть их не удастся.

В то же время самооценка не является объективным маркером когнитивной защищенности общества и реальной способности выявить фейковое сообщение. Необходимы более надежный индикатор и проверка теоретических положений на практике в рамках контролируемого эксперимента. На современном этапе историческое знание оказалось в центре когнитивной войны. С учетом этого можно предположить, что адекватность восприятия индивидами исторической информации может стать критерием эффективности государственной политики информационной безопасности. Иными словами, тот факт, что испытуемый оценивает некую информацию как фейк, демонстрирует внутренний когнитивный резерв социума, наличие четких структур знания. Ведь «если Вы знаете правду, то сможете не поверить в ложь», и воздействие с целью изменения мышления становится сложнее. Проведение такого эксперимента возможно в рамках университетского курса по отечественной истории.

4. Заключение = Conclusions

В настоящее время фейковые новости можно назвать многоаспектной проблемой, требующей эффективных инструментов ее решения. Каждая из гуманитарных наук пытается вычлениить значимые аспекты проблемы и предлагает способы решения. С одной стороны, такой узкопрофильный анализ способствует созданию обширной теоретической научной базы, а с другой — до сих пор ни одна из наук не предложила эффективные практические механизмы для борьбы с фальсификациями и манипуляцией информацией. Ситуацию усугубляет и стремительная эволюция цифровой среды, которая становится, по меткому выражению Т. Черниговской, менее «человекообразной», и геополитическая обстановка. На уровне государственной политики борьба за когнитивную безопасность общества принимает форму интуитивного противостояния. Каждое государство самостоятельно определяет приоритеты и выбирает свою модель принятия решений. Особенностью государственной политики России в сфере информационной безопасности стала охрана исторического наследия.

Зачастую распространение информации оторвано от понимания функционирования когнитивных процессов и механизмов восприятия этой информации. Не учитываются процессы концептуализации и категоризации человеческого знания, что может не только оказаться неэффективным, но и иметь обратный эффект, особенно в свете конкурирующих источников

информации. Достоверными могут быть признаны далеко не те источники, которые ими являются.

Для достижения цели когнитивной безопасности, в нашем случае — для сохранения ценностных ориентиров общества, нужны более проработанные механизмы. На практике необходимо не только контролировать информационный поток или прекращать распространение заведомо ложного контента, но и понимать принципы подачи и внедрения достоверной информации на более глубоком уровне. Интегративный подход к проблеме фальсификаций исторического знания является приоритетным не с позиции одной науки, а с точки зрения интегрированного знания в рассмотрении дискурса, когда мы имеем дело с подменой фактов, полуправдой и подменой истины ложью.

Мы выделяем как минимум два перспективных пути решения указанных проблем. Во-первых, использование междисциплинарного подхода в изучении взаимодействия языковых и ментальных механизмов представления информации с учетом методов когнитивной лингвистики, в частности, изучение фрейминга исторических событий, опирающихся на соотношение фигуры и фона, использование теории концептуальной метафоры, фреймового подхода и т. д. Нами были выделены пять основных когнитивных механизмов: эффект узнаваемости, тиражируемость, стремление к формированию конгруэнтной картины мира, способность нового знания менять старые структуры и внимание к эмоциональной, а не фактической стороне сообщения. Во-вторых, создание эмпирической научной базы и апробация теоретических моделей на реципиентах. Исследование фальсификаций на стыке лингвистики и истории позволяет выделить кризисные зоны восприятия ценностно-ориентированной информации. Анализ эмпирики восприятия исторической дезинформации даёт возможность подобрать релевантные критерии оценки государственной политики в сфере информационной безопасности.

Источники и принятые сокращения

1. ВЦИОМ, 2019 — *Фейк-ньюс* : мнение россиян о новом законе [Электронный ресурс] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 2 (150). — С. 376—378.

2. РФ, 2022. — *О внесении изменений в федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования* : Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 19.07.2022 № 662 [Электронный ресурс] // Российская газета. 10.10.2022. № 8876. — Режим доступа : <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (дата обращения 07.10.2022).

3. САС — *Положение об администрировании рекомендаций по алгоритмам информационных служб Интернета (互联网信息服务算法推荐管理规)* 04.01.2022 [Электронный ресурс] // САС — Государственное информационное бюро по Интернету КНР. —

Режим доступа : http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (дата обращения 05.10.2022).

4. СЗРФ, 2016. — *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 2016. — № 1. — ст. 212. — С. 497—518. — Режим доступа : https://www.szrf.ru/issuepdf/2016/00_2016001020.pdf#page=17&zoom=100 (дата обращения 08.10.2022).

5. СЗРФ, 2019. — *О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона от 18.03.2019 № 31-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»* : Федеральный закон [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 25.03.2019. — № 12. — ст. 1221. — С. 4381—4382. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2019/1002019012000.pdf#page=13&zoom=100> (дата обращения 10.10.2022).

6. СЗРФ, 2020. — *О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти* : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 г. № 1-ФКЗ [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 16.03.2020. — № 11. — ст. 1416 — С. 4515—4536. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2020/1002020011000.pdf#page=3&zoom=100> (дата обращения 21.09.2022).

7. СЗРФ, 2021. — *О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации* : Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 05.07.2021. — № 27 (часть II). — ст. 5351. — С. 18803—18825. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2021/1002021027020.pdf#page=179&zoom=100> (дата обращения 10.10.2022).

8. СЗРФ, 2022. — *О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации* : Федеральный закон от 04.03.2022 № 32-ФЗ [Электронный ресурс] // СЗРФ. — 07.03.2022. — № 10. — ст. 1389. — С. 6136—6138. — Режим доступа : <https://www.szrf.ru/issuepdf/2022/1002022010000.pdf#page=8&zoom=100> (дата обращения 12.10.2022).

Литература

1. *Артемов А. А.* Когнитивная безопасность в контексте новой цифровой реальности / А. А. Артемов, И. П. Дмитрий, В. И. Ковалев // Информационные войны. — 2020. — № 3. — С. 67—70.

2. *Бабюк М. И.* К вопросу о восприятии пропаганды советским человеком в условиях позднего СССР : опыт частного исследования / М. И. Бабюк // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. — 2021. — № 3. — С. 22—53. — DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.2253.

3. *Бebич Д.* Новые проблемы — старые решения? Критический взгляд на доклад Экспертной группы высокого уровня Европейской комиссии о фейковых новостях и онлайн дезинформации / Д. Бebич, М. Воларевич // Вестник РУДН. Серия : Политология. — 2018. — № 3. — С. 447—460. — DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-447-460.

4. *Беляевская Е. Г.* Фрейм? Фрейм... Фрейм! / Е. Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. Учредители : Общероссийская общественная организация “Российская ассоциация лингвистов-когнитологов”. — 2021. — № 4 (47). — С. 17—24.

5. *Беляевская Е. Г.* Интерпретация знаний о мире в языке : методы изучения / Е. Г. Беляевская // Интерпретация мира в языке : коллективная монография. — Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2017. — С. 82—157.

6. *Бодрийяр Ж.* Симулякры и симуляции. Simulacres et simulation / Ж. Бодрийяр ; [пер. с фр. А. Качалова]. — Москва : Постум, 2015. — 238 с. — ISBN 978-5-91478-023-1.
7. *Болдырев Н. Н.* Интерпретирующая функция языка как проявление его антропоцентрической природы / Н. Н. Болдырев // Теоретическая семантика и идеографическая лексикография : эволюция интерпретаций. — Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2014. — С. 53—57. — ISBN 978-5-7525-2992-4.
8. *Будаев Э. В.* Современная российская политическая метафорология (2011—2020 гг.) / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов // Филологический класс. — 2020. — № 2. — С. 103—113. — DOI: 10.26170/FK20-02-09.
9. *Горяева Т. М.* Политическая цензура в СССР, 1917—1991 гг. / Т. М. Горяева ; Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации [и др.]. — 2-е изд., испр. — Москва : Фонд первого президента России Б. Н. Ельцина : РОСППЭН, 2009. — 405 с. — ISBN 978-5-8243-1179-2.
10. *Данилова А. А.* Манипулирование словом в средствах массовой информации / А. А. Данилова. — Москва : Добросвет : КДУ, 2009. — 232 с. — ISBN 978-5-98227-613-1.
11. *Дейк Т. ван.* Дискурс и власть : репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Тен ван Дейк ; [пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин]. — Москва : URSS, 2013. — 344 с. — ISBN 978-5-397-03766-2.
12. *Дупан А. С.* Мировые тенденции в регулировании цифровых платформ : от мягкого права и саморегулирования к императивам / А. С. Дупан, Ю. С. Бикбулатова // Закон и право. — 2022. — № 2. — С. 211—218. — DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218.
13. *Заботкина В. И., Боярская Е. Л.* К вопросу о динамической концептуальной семантике : моделирование структуры концепта «преодоление» / В. И. Заботкина, Е. Л. Боярская // Когнитивные исследования языка. — 2020. — Выпуск XXXVIII. — С. 208—216.
14. *Заботкина В. И.* Когнитивные механизмы эвфемизации манипулятивного характера / В. И. Заботкина, Е. М. Позднякова // Вопросы когнитивной лингвистики. — 2022. — № 4. — С. 55—64. — DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64.
15. *Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке : семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования / О. К. Ирисханова. — Москва : Языки славянской культуры, 2014. — 319 с. — ISBN 978-5-9551-0678-6.
16. *Кара-Мурза С. Г.* Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. — [Изд. юбил., доп. послесл., имен/ и предмет. указ.]. — Москва : Эксмо, 2008. — 862 с. — ISBN 978-5-699-10826-8.
17. *Коктыш К.* Когнитивное измерение безопасности / К. Коктыш, А. Ренард-Коктыш // Международные процессы. — 2021. — Т. 19. — № 4 (67). — С. 26—46. — DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3.
18. *Комова Т. А.* Концепты языка в контексте истории и культуры : курс лекций / Т. А. Комова. — Москва : Макс Пресс, 2003. — 118 с. — ISBN 5-317-00694-5.
19. *Копнина Г. А.* Речевое манипулирование : учебное пособие / Г. А. Копнина. — 5-е изд., стер. — Москва : Флинта : Наука, 2014. — 169 с. — ISBN 978-5-9765-0060-0.
20. *Костомаров В. Г.* Некоторые особенности языка печати как средства массовой коммуникации : на материале современной русской газеты : в 2-х томах : диссертация ... доктора филологических наук : 10.00.00 / В. Г. Костомаров. — Москва, 1969. — 938 с.
21. *Кравцов С. С.* «Разговоры о важном» позволяют интересно рассказать о ценностях и истории России (интервью) [Электронный ресурс] / С. С. Кравцов // Министерство просвещения Российской Федерации. — 30.08.2022. — Режим доступа : <https://edu.gov.ru/press/5682/kravcov-razgovory-o-vazhnom-pozvolyat-interesno-rasskazat-o-cennostyah-i-istorii-rossii/> (дата обращения 17.10.2022).

22. *Крайнюкова Л. М.* Юридические аспекты противодействия созданию и распространению «фейкового» контента / Л. М. Крайнюкова, А. В. Станишевская, И. М. Ажмухамедов // Прикаспийский журнал : управление и высокие технологии. — 2021. — № 1 (53). — С. 98—106.

23. *Кубрякова Е. С.* Когнитивные аспекты словообразования и связанные с ним правила инференции / Е. С. Кубрякова // Новые пути изучения словообразования славянских языков. 2-ое заседание Международной комиссии по славянскому словообразованию. Магдебург 09—11.10.1997. — Sonderdruck, 1999. — С. 23—26.

24. *Кубрякова Е. С.* О контурах новой парадигмы знания в лингвистике / Е. С. Кубрякова, О. В. Александрова // Структура и семантика художественного текста : Доклады VIII Международной конференции “Структура и семантика художественного текста”. — Москва : Спортакадемпрогресс, 1999. — С. 186—197.

25. *Леонтьева Т. В.* Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. — ISBN 978-5-91256-535-9.

26. *Леонтьева Т. В.* Языковые индексы единения и вражды / Т. В. Леонтьева // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 10. — С. 70—87. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87.

27. *Ли Гуанман.* Каждый может почувствовать, что происходят глубокие перемены! (每個人都能感受到，一場深刻的變革正在進行!) [Электронный ресурс] / Ли Гуанман // 29.08.2021. — Режим доступа : <http://politics.people.com.cn/BIG5/n1/2021/0829/c1001-32211523.html> (дата обращения 19.10.2022).

28. *Манойло А. В.* Зарубежные научные подходы к исследованию “фейковых новостей” в мировой политике / А. В. Манойло, А. Э. Попадюк // РСМ. — 2020. — № 2 (107). — С. 285—300. — DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17.

29. *Назаретян А. П.* Психология стихийного массового поведения : толпа, слухи, полит. и реклам. Кампании : учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / А. П. Назаретян. — 2-е изд., перераб. — Москва : Academia, 2005 (ГУП Сарат. полигр. комб.). — 152 с. — ISBN 5-7695-2120-1.

30. *Никонова С. И.* Кризис идеологии и советское общество в 1970—80-е гг. / С. И. Никонова // Вестник ТГУ. — 2008. — № 7. — С. 374—382.

31. *Павленко А. Н.* Почему мы можем говорить о дефляции лжи? / А. Н. Павленко // Плениарные доклады и раздел логика. — 2019. — Т. 1. — С. 73—76.

32. *Почепцов Г. Г.* Когнитивные войны в соцмедиа, массовой культуре и массовых коммуникациях / Г. Г. Почепцов. — Москва : ОМКО, 2019. — 390 с.

33. *Смирнов А. А.* Проповедники ненависти. Роль массмедиа в разжигании геноцида в Руанде / А. А. Смирнов // Свободная мысль. — 2019. — № 1 (1673). — С. 129—148.

34. *Тайсина Э. А.* Пост-истина в политическом и философском смыслах. Рецензия на книгу Ли Макинтайра «Пост-истина» изд-во Массачусетского технологического института, 2018 г. / Э. А. Тайсина // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия : Философия. — 2022. — № 2 (11). — С. 117—123.

35. *Шарапкина А. А.* Миф о короле Артуре как концептуальная матрица для осмысления Брексита / А. А. Шарапкина // Научный диалог. — 2020. — Т. 5. — № 214. — С. 192—214. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214.

36. *Шарапкина А. А.* Концептуальная доминанта как ключ к пониманию концептуальных преобразований в художественных произведениях / А. А. Шарапкина // Когнитивные исследования языка. — 2018. — № 34. — С. 604—607.

37. Шевченко А. А. «Постправда» как новый «режим истины» / А. А. Шевченко // Гуманитарный вектор. — 2019. — № 4. — С. 8—14. — DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14.
38. Щекотуров А. В. (Ре)конструирование смыслов политической акции в социальной сети «ВКонтакте»: кейс Ивана Голунова / А. В. Щекотуров, М. И. Кришталь // Мир России. Социология. Этнология. — 2020. — № 4. — С. 150—170. — DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170.
39. Allcott H. Social media and fake news in the 2016 election / H. Allcott, M. Gentzkow // Journal of economic perspectives. — 2017. — Т. 31. — № 2. — Pp. 211—36.
40. Balkin J. M. Free Speech in the Algorithmic Society : Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation / M. J. Balkin // University of California Davis Law Review. — 2018. — Vol. 51. — Pp. 1149—1210.
41. Bastrakova K. D. Political euphemism as a linguistic “nuclear weapon” / K. D. Bastrakova, M. M. Philippova. — Moscow : Moscow university press, 2021. — 182 p. — ISBN 978-5-19-011491-1.
42. Bennett W. L. The Logic of Connective Action / W. L. Bennett, A. Segerberg // Information, Communication and Society. — 2012. — Vol. 15. — № 5. — Pp. 739—768. — DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
43. Blake A. Kellyanne Conway says Donald Trump’s team has 'alternative facts'. Which pretty much says it all / A. Blake // The Washington Post. Retrieved. — January 22, 2017.
44. Claverie B. Cognitive Warfare : The Advent of the Concept of "Cognitics" in the Field of Warfare. Cognitive Warfare [Electronic resource] / B. Claverie, F. du. Cluzel // The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office, 2022. — Access mode : <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (accessed 24.10.2022).
45. Doherty J.-F. When fiction becomes fact : exaggerating host manipulation by parasites [Electronic resource] / J.-F. Doherty // Proceedings of the Royal Society B : Biological Sciences. — 2020. — Access mode : <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rspb.2020.1081> (accessed 26.10.2022).
46. Ellis B. “Fake news” in the contemporary legend Dynamic / B. Ellis // Journal of American Folklore. — 2018. — Т. 131. — № 522. — Pp. 398—404. — DOI:10.5406/jamerfolk.131.522.0398.
47. Entman R. M. Framing : Toward clarification of a fractured paradigm / R. M. Entman // Journal of Communication (Blackwell Publishing Ltd). — 1993. — Vol. 43. — Iss. 4. — Pp. 51—58.
48. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // Linguistics in the morning calm. — Seoul : Hanshin, 1982. — Pp. 111—137.
49. Fillmore Ch. J. Frame semantics / Ch. J. Fillmore // Cognitive linguistics : Basic readings. Cognitive Linguistics Research 34. — 2006. — Pp. 373—400.
50. Fuller S. Post-Truth. Knowledge as a Power Game / S. Fuller. — London-NY : Anthem Press, 2018. — 207 p. — ISBN 9781783086931.
51. Gabe M. Reframing risk? Citizen journalism and the transformation of news / M. Gabe // Journal of Risk Research. — 2010. — № 13 (1). — Pp. 45—58.
52. Garg S. Linguistic features based framework for automatic fake news detection / S. Garg, D. K. Sharma // Computers & Industrial Engineering. — 2022. — Т. 172. — P. 108432.
53. Gelfert A. Fake news : A Definition / A. Gelfert // Informal Logic. — March 2018. — Vol. 38 (1). — Pp. 84—117.
54. Goatly A. Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology / A. Goatly. — Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2007. — 431 p.

55. *Hisseine M. A.* The application of blockchain in social media : a systematic literature review / M. A. Hisseine, D. Chen, X. Yang // *Applied Sciences*. — 2022. — Т. 12. — № 13. — P. 6567. — DOI: 10.3390/app12136567.
56. *Jackendoff R. S.* *Semantics and Cognition* / R. S. Jackendoff. — Cambridge : MIT Press, 1983. — 283 p.
57. *Jamet D.* What Makes Metaphors Manipulative Tools? / D. Jamet, A. Terry // *ELAD-SILDA*. — 2020. — № 5. — DOI: 10.35562/elad-silda.884. — Accessed mode : https://www.researchgate.net/publication/349738607_What_Makes_Metaphors_Manipulative_Tools_A_Case-Study_of_Pro-Life_Speeches_in_the_US. (accessed 19.10.2022).
58. Inoculating the public against misinformation about climate change / S. Van der Linden, A. Leiserowitz, S. I. Rosenthal, E. Maibach // *Global Challenges*. — 2017. — Т. 1. — № 2. — P. 1600008. — DOI:10.1002/gch2.201600008.
59. *Kumar S.* TextMinor at CheckThat! 2022 : fake news article detection using RoBERT [Electronic resource] / S. Kumar // *Working Notes of CLEF*. — 2022. — Access mode : <https://ceur-ws.org/Vol-3180/paper-43.pdf> (accessed 25.10.2022).
60. *Lakoff G.* *Moral politics : What conservatives know that liberals don't* / G. Lakoff. — Chicago : University of Chicago Press, 1996. — 413 p.
61. *Lakoff G.* *The Political Mind : Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain* / G. Lakoff. — New York : Viking, 2008. — 292 p.
62. *Lasswell H. D.* *Propaganda Technique in the World War* / H. D. Lasswell. — New York : A. A. Knopf ; London : Kegan Paul, 1927. — 233 p.
63. *Lewis J. A.* Cognitive Effect and State Conflict in Cyberspace [Electronic resource] / J. A. Lewis // *The Center for Strategic and International Studies*. — 26.09.2018. — Access mode : <https://www.csis.org/analysis/cognitive-effect-and-state-conflict-cyberspace> (accessed 27.10.2022).
64. *Loomba S.* Measuring the impact of COVID-19 vaccine misinformation on vaccination intent in the UK and USA / S. Loomba // *Nature human behaviour*. — 2021. — Т. 5. — № 3. — Pp. 337—348.
65. *Nickerson R.* Confirmation bias : a ubiquitous phenomenon in many guises / R. Nickerson // *Rev general Psychology*. — 1998. — № 2. — Pp. 175—220.
66. *Pennycook G.* Prior exposure increases perceived accuracy of fake news / G. Pennycook, T. D. Cannon, D. G. Rand // *Journal of Experimental Psychology : General*. — 2018. — № 147 (12). — Pp. 1865—1880.
67. *Pennycook G.* The psychology of fake news / G. Pennycook, D. G. Rand // *Trends in cognitive sciences*. — 2021. — Т. 25. — № 5. — Pp. 388—402. — DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
68. *Preston S.* Detecting fake news on Facebook : The role of emotional intelligence / S. Preston // *Plos one*. — 2021. — Т. 16. — № 3. — Pp. 1—13. — DOI: 10.1371/journal.pone.0246757.
69. *Qiu X.* Limited individual attention and online virality of low-quality information / X. Qiu, D. F. M. Oliveira // *Nature Human Behaviour*. — 2017. — № 1 (7). — Pp. 01—32.
70. *Shu K.* Fake news detection on social media : A data mining perspective / K. Shu // *ACM SIGKDD explorations newsletter*. — 2017. — Т. 19. — № 1. — Pp. 22—36.
71. *Singer T.* *The vision thing : Myth, politics and psyche in the world* / T. Singer. — Routledge, 2014. — 300 p.
72. *Talmy L.* *Attention Phenomena* / L. Talmy // *The Oxford handbook of cognitive linguistics* / edited by Dirk Geeraerts and Hubert Cuyckens. — NJ : Oxford University Press, 2007. — Pp. 264—293.
73. *Vosoughi S.* The spread of true and false news online / S. Vosoughi, D. Roy, S. Aral // *Science*. — 2018. — Т. 359. — № 6380. — Pp. 1146—1151. — DOI: 10.1126/science.aap9559.

74. *Yanagizawa-Drott D.* Propaganda and conflict : Theory and Evidence from the Rwanda Genocide : Working paper / D. Yanagizawa-Drott // Center for International Development at Harvard University. — August 2012. — Access mode : https://www.researchgate.net/publication/228459270_Propaganda_and_conflict_Theory_and_evidence_from_the_Rwandan_genocide (accessed 08.10.2022).

*Статья поступила в редакцию 19.02.2023;
одобрена после рецензирования 05.03.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.*

Material resources

- CAC — Regulations on the administration of recommendations on algorithms of Internet Information Services (互联网信管管) 04.01.2022. *CAC — State Internet Information Bureau of the People's Republic of China*. Available at: http://www.cac.gov.cn/2022-01/04/c_1642894606364259.htm (accessed 05.10.2022). (In Chan.).
- NWRF, 2016 — “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Decree of the President of the Russian Federation № 683 of December 31, 2015. *NWRF, 1*: 497—518. Available at: https://www.szrf.ru/issuepdf/2016/00_2016001020.pdf#page=17&zoom=100 (accessed 08.10.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2019 — “On Information, Information Technologies and Information Protection”. Federal Law № 31-FZ of 18.03.2019. *NWRF, 12*: 4381—4382. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2019/1002019012000.pdf#page=13&zoom=100> (accessed 10.10.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2020 — “On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public power”. The Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation of 14.03.2020 № 1-FKZ. *NWRF, 11*: 4515—4536. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2020/1002020011000.pdf#page=3&zoom=100> (accessed 21.09.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2021 — “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated 02.07.2021. *NWRF, 27 (II)*: 18803—18825. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2021/1002021027020.pdf#page=179&zoom=100> (accessed 10.10.2022). (In Russ.).
- NWRF, 2022 — “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Articles 31 and 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation”. Federal Law № 32-FZ of 04.03.2022. *NWRF, 10*: 6136—6138. Available at: <https://www.szrf.ru/issuepdf/2022/1002022010000.pdf#page=8&zoom=100> (accessed 12.10.2022). (In Russ.).
- RG — “On Amendments to Federal State educational standards of Higher education”. Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation № 662 dated 07/19/2022. *Rossiyskaya Gazeta, 8876*. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202210070025> (accessed 07.10.2022). (In Russ.).
- VTSIOM, 2019. — Fake news: Russians’ opinion on the new law (2019). *Monitoring public opinion: economic and social changes, 2 (150)*: 375—377. (accessed 02.10.2022). (In Russ.).

References

- Allcott, H., Gentzkow, M. (2017). Social media and fake news in the 2016 election. *Journal of economic perspectives, 31 (2)*: 211—36.

- Artemov, A. A., Dmitry, I. P., Kovalev, V. I. (2020). Cognitive security in the context of a new digital reality. *Information wars*, 3: 67—70. (In Russ.).
- Babyuk, M. I. (2021). On the question of the perception of propaganda by a Soviet person in the conditions of the late USSR: the experience of private research. *Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism*, 3: 22—53. DOI: 10.30547/vestnik.journ.3.2021.2253. (In Russ.).
- Balkin, J. M. (2018). Free Speech in the Algorithmic Society: Big Data, Private Governance, and New School Speech Regulation. *University of California Davis Law Review*, 51: 1149—1210.
- Bastrakova, K. D., Philippova, M. M. (2021). *Political euphemism as a linguistic “nuclear weapon”*. Moscow: Moscow university press. 182 p. ISBN 978-5-19-011491-1.
- Baudrillard, J. (2015). *Simulacra and simulations. Simulacres et simulation*. Moscow: Postum. 238 p. ISBN 978-5-91478-023-1. (In Russ.).
- Bebich, D., Tsarevich, M. (2018). New problems-old solutions? A critical look at the report of the High-level Expert Group of the European Commission on fake news and on-line disinformation. *Bulletin of the RUDN. Series: Political Science*, 3: 447—460. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-3-447-460. (In Russ.).
- Belyaevskaya, E. G. (2017). Interpretation of knowledge about the world in linguistics: methods of study. In: *Interpretation of the World in Language: A collective monograph*. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 82—157. (In Russ.).
- Belyaevskaya E. G. (2021). Frame? The framework! Cognitive studies of language. *Founders: All-Russian public organization “Russian Association of Cognitive Linguists”*, 4 (47): 17—24. (In Russ.).
- Bennett, W. L., Segerberg, A. (2012). The Logic of Connective Action. *Information, Communication and Society*, 15 (5): 739—768. DOI: 10.1080/1369118X.2012.670661.
- Blake, A. (2017). Kellyanne Conway says Donald Trump’s team has ‘alternative facts’. Which pretty much says it all. *The Washington Post*. Retrieved. January 22.
- Boldyrev, N. N. (2014). Interpretive function of language as a manifestation of its anthropocentric nature. In: *Theoretical semantics and ideographic lexicography: evolution of interpretations*. Moscow; Yekaterinburg: Cabinet Scientist. 53—57. ISBN 978-5-7525-2992-4. (In Russ.).
- Budaeva, E. V., Chudinov, A. P. (2020). Modern Russian political metaphorology (2011—2020). *Philological class*, 2: 103—113. DOI: 10.26170/FK20-02-09. (In Russ.).
- Claverie, B., Cluzel, F. du. (2022). Cognitive Warfare: The Advent of the Concept of “Cognitics” in the Field of Warfare. *Cognitive Warfare. The Future of Cognitive Dominance, NATO Collaboration Support Office*. Available at: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-03635889> (accessed 24.10.2022).
- Dake, T. van. (2013). *Discourse and Power: Representation of dominance in language and communication*. Moscow: URSS. 344 p. ISBN 978-5-397-03766-2. (In Russ.).
- Danilova, A. A. (2009). *Manipulation of the word in the media*. Moscow: Dobrosvet: KSU Publishing House. 232 p. ISBN 978-5-98227-613-1. (In Russ.).
- Doherty, J.-F. (2020). When fiction becomes fact: exaggerating host manipulation by parasites. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. Available at: <https://royalsocietypublishing.org/doi/full/10.1098/rspb.2020.1081> (accessed 26.10.2022).
- Dupanov, A. S., Bikbulatova, Y. S. (2022). Global trends in the regulation of digital platforms: from soft law and self-regulation to imperatives. *Law and Law*, 2: 211—218. DOI: 10.24412/2073-3313-2022-2-211-218. (In Russ.).

- Ellis, B. (2018). “Fake news” in the contemporary legend Dynamic. *Journal of American Folklore*, 131 (522): 398—404. DOI:10.5406/jamerfolk.131.522.0398.
- Entman, R. M. (1993). Framing: Toward clarification of a fractured paradigm. *Journal of Communication (Blackwell Publishing Ltd)*, 43 (4): 51—58.
- Fillmore, Ch. J. (1982). Frame semantics. In: *Linguistics in the morning calm*. Seoul: Hanshin. 111—137.
- Fillmore, Ch. J. (2006). Frame semantics. In: *Cognitive linguistics: Basic readings. Cognitive Linguistics Research* 34. 373—400.
- Fuller, S. (2018). *Post-Truth. Knowledge as a Power Game*. London-NY: Anthem Press. 207 p. ISBN 9781783086931.
- Gabe, M. (2010). Reframing risk? Citizen journalism and the transformation of news. *Journal of Risk Research*, 13 (1): 45—58.
- Garg, S., Sharma, D. K. (2022). Linguistic features based framework for automatic fake news detection. *Computers & Industrial Engineering*, 172: 108432.
- Gelfert, A. (2018). Fake news: A Definition. *Informal Logic*, 38 (1). March. 84—117.
- Goatly, A. (2007). *Washing the Brain. Metaphor and Hidden Ideology*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. 431 p.
- Goryaeva, T. M. (2009). *Political censorship in the USSR, 1917—1991*. Moscow: Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin: ROSSPEN. 405 p. ISBN 978-5-8243-1179-2. (In Russ.).
- Guangming, Li. (2021). *Everyone can feel that profound changes are taking place!* 29.08. Available at: <http://politics.people.com.cn/BIG5/n1/2021/0829/c1001-32211523.html> (accessed 19.10.2022). (In Russ.).
- Hisseine, M. A., Chen, D., Yang, X. (2022). The application of blockchain in social media: a systematic literature review. *Applied Sciences*, 12 (13): P. 6567. DOI: 10.3390/app12136567.
- Iriskhanova, O. K. (2014). *Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing*. Moscow: Yaz. Of Slavic culture (YASK). 319 p. ISBN 978-5-9551-0678-6. (In Russ.).
- Jackendoff, R. S. (1983). *Semantics and Cognition*. Cambridge: MIT Press. 283 p.
- Jamet, D., Terry, A. (2020). What Makes Metaphors Manipulative Tools? *ELAD-SILDA*, 5: DOI: 10.35562/elad-silda.884. Available at: https://www.researchgate.net/publication/349738607_What_Makes_Metaphors_Manipulative_Tools_A_Case-Study_of_Pro-Life_Speeches_in_the_US. (accessed 19.10.2022).
- Kara-Murza, S. G. (2008). *Manipulation of consciousness*. Moscow: Eksmo. 862 p. ISBN 978-5-699-10826-8. (In Russ.).
- Koktysh, K., Renard-Koktysh, A. (2021). Cognitive measurement of safety. *International processes*, 19 / 4 (67): 26—46. DOI: 10.17994/IT.2021.19.4.67.3. (In Russ.).
- Komova, T. A. (2003). *Concepts of language in the context of history and culture: a course of lectures*. Moscow: Maks Press. 118 p. ISBN 5-317-00694-5. (In Russ.).
- Kopnina, G. A. (2014). *Speech manipulation: a textbook*. Moscow: Flint: Nauka. 169 p. ISBN 978-5-9765-0060-0. (In Russ.).
- Kostomarov, V. G. (1969). *Some features of the language of print as a means of mass communication: based on the material of a modern Russian newspaper: in 2 volumes*. Doct. Diss. Moscow. 938 p. (In Russ.).
- Kravtsov, S. S. (2022). “Conversations about important things” make it interesting to tell about the values and history of Russia (interview). *Ministry of Education of the Russian Federation*. 30.08. Available at: <https://edu.gov.ru/press/5682/kravcov-razgovory->

- o-vazhnom-pozvolyat-interesno-rasskazat-o-cennostyah-i-istorii-rossii / (accessed 17.10.2022). (In Russ.).
- Krainyukova, L. M., Stanishevskaya, A. V., Azhmukhamedov I. M. (2021). Legal aspects of countering the creation and dissemination of “fake” content. *Caspian Journal: Management and High technologies*, 1 (53): 98—106. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S. (1999). Cognitive aspects of word formation and related rules of interpretation. *New ways of studying the word formation of Slavic languages. 2nd meeting of the International Commission on Slavic Word Formation. Magdeburg 9-11.10.1997. Sonderdruck*. 23—26. (In Russ.).
- Kubryakova, E. S., Alexandrova, O. V. (1999). On the contours of a new paradigm of knowledge in linguistics. In: *Structure and semantics of a literary text: Reports of the VIII International Conference “Structure and semantics of a literary text”*. Moscow: Sportakademprogress. 186—197. (In Russ.).
- Kumar, S. (2022). TextMinor at CheckThat! 2022: fake news article detection using RoBERT. *Working Notes of CLEF*. Available at: <https://ceur-ws.org/Vol-3180/paper-43.pdf> (accessed 25.10.2022).
- Lakoff, G. (1996). *Moral politics: What conservatives know that liberals don't*. Chicago: University of Chicago Press. 413 p.
- Lakoff, G. (2008). *The Political Mind: Why You Can't Understand 21st-Century American Politics with an 18th-Century Brain*. New York: Viking. 292 p.
- Lasswell, H. D. (1927). *Propaganda Technique in the World War*. New York: A. A. Knopf; London: Kegan Paul. 233 p.
- Leontyeva, T. V. (2022). Language Indices of Unity and Animosity. *Nauchnyi dialog*, 11 (10): 70—87. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-10-70-87. (In Russ.).
- Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). Dictionary of the actual vocabulary of heresy and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century. Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN 978-5-91256-535-9. (In Russ.).
- Lewis, J. A. (2018). Cognitive Effect and State Conflict in Cyberspace. *The Center for Strategic and International Studies*. 26.09. Available at: <https://www.csis.org/analysis/cognitive-effect-and-state-conflict-cyberspace> (accessed 27.10.2022).
- Linden, S. Van der., Leiserowitz, A., Rosenthal, S. I., Maibach, E. (2017). Inoculating the public against misinformation about climate change. *Global Challenges*, 1 (2): P. 1600008. DOI:10.1002/gch2.201600008.
- Loomba, S. (2021). Measuring the impact of COVID-19 vaccine misinformation on vaccination intent in the UK and USA. *Nature human behaviour*, 5 (3): 337—348.
- Manoilo, A. V., Popadyuk, A. E. (2020). Foreign scientific approaches to the study of “fake news” in world politics. *RSM*, 2 (107): 285—300. DOI: 10.31249/rsm/2020.02.17. (In Russ.).
- Nazaretyan, A. P. (2005). *Psychology spontaneous mass behavior: crowd, rumor, polit. and advertising. Campaigns: studies. handbook for university students studying in the fields and specialties of psychology*. Moscow: Academia. 152 p. —ISBN 5-7695-2120-1. (In Russ.).
- Nickerson, R. (1998). Confirmation bias: a ubiquitous phenomenon in many guises. *Rev general Psychology*, 2: 175—220.
- Nikonova, S. I. (2008). The crisis of ideology and Soviet society in the 1970s—80s. *Bulletin of TSU*, 7: 374—382. (In Russ.).
- Pavlenko, A. N. (2019). Why can we talk about deflation of lies? *Plenary reports and logic sections*, 1: 73—76. (In Russ.).

- Pennycook, G., Cannon, T. D., Rand, D. G. (2018). Prior exposure increases perceived accuracy of fake news. *Journal of Experimental Psychology: General*, 147 (12): 1865—1880.
- Pennycook, G., Rand, D. G. (2021). The psychology of fake news. *Trends in cognitive sciences*, 25 (5): 388—402. DOI: 10.1016/j.tics.2021.02.007.
- Pochepstov, G. G. (2019). *Cognitive wars in social media, mass culture and mass communications*. Moscow: OMIKO. 390 p. (In Russ.).
- Preston, S. (2021). Detecting fake news on Facebook: The role of emotional intelligence. *PloS one*, 16 (3): 1—13. DOI: 10.1371/journal.pone.0246757.
- Qiu, X., Oliveira, D. F. M. (2017). Limited individual attention and online virality of low-quality information. *Nature Human Behaviour*, 1 (7): 01—32.
- Sharapova, A. A. (2018). Conceptual dominant as a key to understanding conceptual transformations in works of art. *Cognitive studies of language*, 34: 604—607. (In Russ.).
- Sharapova, A. A. (2020). The Myth of King Arthur as a conceptual matrix for understanding Brexit. *Nauchnyy dialog*, 5 (214): 192—214. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-192-214. (In Russ.).
- Shchekoturov, A. V., Krishtal, M. I. (2020). (Re) constructing the meaning of a political action in the VKontakte social network: the case of Ivan Golunov. *The world of Russia. Sociology. Ethnology*, 4: 150—170. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-4-150-170. (In Russ.).
- Shevchenko, A. A. (2019). “Post-truth” as a new “regime of truth”. *Humanitarian Vector*, 4: 8—14. DOI: 10.21209/1996-7853-2019-14-4-8-14. (In Russ.).
- Shu, K. (2017). Fake news detection on social media: A data mining perspective. *ACM SIGKDD explorations newsletter*, 19 (1): 22—36.
- Singer, T. (2014). *The vision thing: Myth, politics and psyche in the world*. Routledge. 300 p.
- Smirnov, A. A. (2019). Preachers hate. The role of mass media in inciting genocide in Rwanda. *Free thought*, 1 (1673): 129—148. (In Russ.).
- Taisina, E. A. (2022). Post-truth in the political and philosophical sense. Review of Lee McIntyre’s book “Post-Truth”, MIT Publishing House, 2018. *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy*, 2 (11): 117—123. (In Russ.).
- Talmy, L. (2007). Attention Phenomena. In: *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. NJ: Oxford University Press. 264—293.
- Vosoughi, S., Roy, D., Aral, S. (2018). The spread of true and false news online. *Science*, 359 (6380): 1146—1151. DOI: 10.1126/science.aap9559.
- Yanagizawa-Drott, D. (2012). Propaganda and conflict: Theory and Evidence from the Rwanda Genocide: Working paper. *Center for International Development at Harvard University*. August. Available at: https://www.researchgate.net/publication/228459270_Propaganda_and_conflict_Theory_and_evidence_from_the_Rwandan_genocide (accessed 08.10.2022).
- Zabotkina, V. I., Boyarskaya, E. L. (2020). On the question of dynamic conceptual semantics: modeling the structure of the concept “overcoming”. *Cognitive studies of language*, XXXVIII: 208—216. (In Russ.).
- Zabotkina, V. I., Pozdnyakova, E. M. (2022). Cognitive mechanisms of euphemization of manipulative nature. *Questions of cognitive linguistics*, 4: 55—64. DOI: 10.20916/1812-3228-2022-4-55-64. (In Russ.).

*The article was submitted 19.02.2023;
approved after reviewing 05.02.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА **LITERARY STUDIES. FOLKLORE**

Александр Модестович Подоксенов, д-р филос. наук (Елец)

Елена Николаевна Ильина, д-р филол. наук (Вологда)

Марина Анатольевна Дубова, д-р филол. наук (Коломна)

Светлана Глебовна Горбовская, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)

Татьяна Александровна Шарыпина, д-р филол. наук (Нижний Новгород)

Горбовская С. Г. Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов» / С. Г. Горбовская // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 188—202. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202.

Gorbovskaia, S. G. (2023). Signs of ‘New Sincerity’ Literature in Vanessa Dieffenbach’s Novel “The Language of Flowers”. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 188-202. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202

**Признаки литературы
«новой искренности»
в романе
Ванессы Диффенбах
«Язык цветов»**

Горбовская Светлана Глебовна
orcid.org/0000-0003-4077-1769
доктор филологических наук,
доцент кафедры французского языка
vard_05@mail.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Signs of ‘New Sincerity’
Literature
in Vanessa Dieffenbach’s
Novel
“The Language of Flowers”**

Svetlana G. Gorbovskaia
orcid.org/0000-0003-4077-1769
Doctor of Philology, Associate Professor,
French Language Department
vard_05@mail.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Горбовская С. Г., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается тема «новой искренности» в литературе на материале романа американской писательницы Ванессы Диффенбах «Язык цветов», изданного в 2011 году. Актуальность исследования заключается в остром интересе литературоведов в XXI веке к вопросам «новой искренности» и флоропоэтики. Показано, что в романе Диффенбах данные темы раскрываются через реконструкцию старинной светской традиции и литературного жанра «языка цветов». Автором статьи прослеживается история становления литературы «новой искренности» в конце XX — начале XXI веков. На примере романа В. Диффенбах выявляются признаки литературы «новой искренности» в тех фрагментах, которые связаны с «языком цветов» (как цветочной коммуникацией между героями), ботанической темой и воссозданием героиней романа истории забытого литературного жанра XIX века с соответствующим названием. Установлено, что в прошлом «язык цветов» был необходим, чтобы завуалировать свои чувства, а в настоящем, когда людям не хватает живого общения, он помогает им раскрыться. В заключении автор статьи указывает черты, которые характеризуют роман В. Диффенбах как литературу «новой искренности». Среди них эмоциональность текста, поиск новых средств взаимодействия людей, обращение к христианским ценностям и традиции «языка цветов», которая помогает людям в общении друг с другом.

Ключевые слова:

Ванесса Диффенбах; язык цветов; новая искренность; цветочная почта; флирт цветов; неоромантизм; метамодернизм.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The theme of ‘new sincerity’ in literature is considered on the material of the novel “The Language of Flowers” by the American writer Vanessa Dieffenbach, published in 2011. The relevance of the study lies in the keen interest of literary scholars in the 21st century to the issues of ‘new sincerity’ and florpoetics. It is shown that in Dieffenbach modern novel, these themes are revealed through the reconstruction of the ancient secular tradition and the literary genre “language of flowers”. The author of the article traces the history of the formation of ‘new sincerity’ literature at the end of the XX — early XXI centuries. On the example of V. Dieffenbach’s novel, signs of ‘new sincerity’ literature are revealed in fragments of the novel related to the “language of flowers” (as floral communication between heroes), the botanical theme and the recreation of the novel heroines of the forgotten literary genre history of the 19th century with the corresponding name. It has been established that in the past the “language of flowers” was necessary to veil one’s feelings, and in the present, when people lack live communication, it helps to open up. In the conclusion, the author of the article points out the features that characterize V. Dieffenbach’s novel as the literature of ‘new sincerity’. Among them are the emotionality of the text, the search for new means of communication between people, the appeal to Christian values and the tradition of the “language of flowers”, which helps people communicate with each other.

Key words:

Vanessa Dieffenbach; language of flowers; new sincerity; flower mail; flirting flowers; neo-romanticism; metamodernism.

Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов»

© Горбовская С. Г., 2023

1. Введение = Introduction

Понятие «новая искренность» появляется в 1990—2000-х годах в процессе анализа творчества американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса (первые исследователи: Адам Келли, Иен Уильямс, Алексей Поляринов, Джеймс Вуд). Одной из самых первых работ на данную тему считается эссе Адама Келли «Дэвид Фостер Уоллес и новая искренность в американской литературе» в сборнике эссе под редакцией Дэвида Херинга «Рассмотрим Дэвида Фостера Уоллеса» (2010). Высказывания самого Д. Ф. Уоллеса о литературе ближайшего будущего, на которую он надеется, тоже отражают идею «новой искренности». Он пишет о том, что предвидит появления писателей, которые не побоятся показаться сегодняшнему читателю старомодными, неактуальными; поднимут старые темы: доброты, эмпатии, любви; будут сентиментальными, искренними, чувственными, даже романтическими. «Следующими литературными “бунтарями” вполне может стать странная кучка анти-бунтарей ... которые осмелятся отойти от ироничного взгляда ... поддержать и реализовать принципы однозначности. Осмелятся обратиться к обычным, давнишним, немодным проблемам ... Они рискуют быть обвинёнными в сентиментальности, мелодрамности. В чрезмерной доверчивости. В мягкости ...» [Wallace, 1993, с. 193]. «Новая искренняя» литература, в свою очередь, вписывается в тенденцию последних лет, которую исследователи [Dumitrescu, 2016; Аккер и др., 2019] именуют метамодернизмом (литература 1990—2020-х годов).

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Материалом для работы в теоретической части послужили труды отечественных и зарубежных ученых, посвященные вопросам литературы «новой искренности», современного «неоромантизма», а также метамодернизма как большой «зонтичной» (по аналогии с постпостмодернизмом — определение философа А. В. Павлова [Павлов, 2018]) тенденции в современной философии, культуре, искусстве и литературе. Кроме того, источником послужили работы, исследующие вопрос «языка цветов» в литературе XIX века.

Цель исследования состоит в выявлении идейно-художественного своеобразия литературы «новой искренности» на примере указанного романа

В. Диффенбах, не привлекавшего еще пристального внимания литературоведов. Анализ тематики, сюжетно-композиционных и психологических особенностей романа позволит глубже понять феномен становления и развития «новой искренности» в литературе. В работе используются культурно-исторический, описательный, историко-сопоставительный и аналитический методы исследования.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Творчество Ванессы Диффенбах в русле литературных тенденций последних десятилетий

В 2011 году американская писательница Ванесса Диффенбах (1978 г. р.) издала книгу «Язык цветов» («The language of flowers», 2011) [Диффенбах, 2019; Diffenbaugh, 2011]. Книга вскоре стала бестселлером и была переведена на 42 языка мира. В России первый перевод Юлии Змеевой появился в 2019 году.

Творчество В. Диффенбах, на наш взгляд, гармонично вписывается в общий поток литературы «новой искренности». Британо-американский литературовед Дж. Вуд (J. Wood) обозначил экспрессивную манеру письма (которая представлена в полной мере и в произведении Диффенбах) термином «истерический реализм» [Wood, 2000] (Вуд его применил по поводу творчества З. Смит и ее романа «Белые зубы», 2000). Это, по определению самой З. Смит, соединение «мозга и сердца» («brain and heart») [Smith, 2007]. Подобная литература допускает крайне эмоциональное описание чувств героев, некоторые монологи передаются методом «потока сознания», допускается крайний натурализм. Но, самое главное, все передается с особой искренностью. Большую роль играют открытые положительные и отрицательные эмоции: сопереживание, эмпатия и любовь, которая нередко приходит на смену открытой ненависти. Главный посыл подобной литературы — преодоление страха коммуникации.

В. Диффенбах активно применяет научную терминологию, чтобы приглушить излишний идеализм и романтизм повествования. Дж. Вуд именует подобный метод письма у Д. Ф. Уоллеса и З. Смит «научным постмодернизмом» [Wood, 2000], у Диффенбах можно констатировать, на наш взгляд, методологию, так сказать, «научного метамодернизма», потому что данный роман, написанный позже произведений Д. Ф. Уоллеса (1990-е) и З. Смит (2000-е), бесспорно представляет собой соединение самых разных признаков данного течения: стремления к искренности, романтизму, идеализации любовных и семейных отношений, реконструкции старых традиций, большого нарратива, возрождения контакта между людьми и многих других признаков, о которых пишут в последние десятилетия исследовате-

ли метамодернизма [Аккер и др., 2019]. Особенно близка к подобной интерпретации метамодернизма А. Думитреску: «пересмотр и переопределение: невинности, защиты невинных и бесправных, сочувствия, эмпатии, альтруистической любви, прощения старых обид, уважения различий» [Dumitrescu, 2016].

Кроме того, роман В. Диффенбах относится к произведениям, где используются так называемые литературные «машины времени», или метод реконструкции. Для создания произведения она изучает старинную книгу с забытой в наше время традицией «языка цветов» и воссоздает эту традицию. Тот же метод применяет, например, Э. Гилберт в романе «Путешествие во времени. Кулинарная книга моей прабабушки» («At Home on the Range», 2012), речь идет о кулинарной книге, изданной прабабушкой Э. Гилберт Поттер Маргарет Ярдли в 1947 году. В книге Э. Гилберт воссоздается дух старых традиций: соединение семьи за праздничным столом, старые песни, старинные рецепты и т. д.

3.2. Забытая традиция «языка цветов»

В. Диффенбах заимствовала идею романа «Язык цветов» из конкретной книги, которую нашла на чердаке своего дома. Это небольшое произведение Генриетты Дюмон «Язык цветов: знак преданности и уважения» («The language of flowers. The floral offering: a token of affection and esteem», 1851) [Dumont, 1851]. Подобных сочинений в XIX веке издавалось очень много. Это классический «салам», или «язык цветов», вспомогательное пособие по цветочной переписке или шифровке. С помощью таких книг люди в XIX веке вели тайную переписку. Традицию эту давно (по мнению В. Диффенбах) забыли. Помнят о подобном «языке цветов» только узкие специалисты из университетских кругов. В. Диффенбах перечисляет тех, кто ей помог в этом вопросе: Стивена Зедорса из салона «Брэтл сквер флорист» и Лачезара Николова из Гарвардского университета [Диффенбах, 2019, с. 310]. Через мотив забытого общения на языке скрытых чувств В. Диффенбах репрезентирует одну из главных проблем нашего времени — сложность коммуникации между людьми.

В книге В. Диффенбах речь идет о разных видах «языка цветов»:

— о языке цветов главной героини Виктории (который она сама для себя придумала, «Словарь Виктории» представлен в конце романа);

— о языке, на котором без слов общаются Виктория, Грант, Элизабет и Рената; это язык чувств, эмоций, язык для контакта между героями, посвященными в знание ботаники и в широко известные значения цветов;

— о книгах, издававшихся под названием «Язык цветов» в XIX веке, которые Виктория заказывает в библиотеке Сан-Франциско, и они же встречаются в домашней коллекции Гранта;

— о картотеке фотографий цветов, по которым Виктория составляет эмоциональные букеты для своих клиентов; это уже «букеты волшебства», которые делают других людей счастливее.

3.3. «Словарь Виктории»

Первый из выделенных вариантов «языка цветов» — тайный язык Виктории. Словарь с расшифровкой В. Диффенбах прилагает в конце романа. Данный язык Виктория придумывает для самой себя: «... высматривая цветочный магазин на Маркет-стрит, я листала воображаемый справочник ... букетик бархатцев — печаль; ведро чертополоха — мизантропия; щепотка сушеного базилика — ненависть» [Диффенбах, 2019, с. 12].

Виктория — крайне закрытый человек, выпускница спецучреждения для трудных подростков, круглая сирота. Общение с миром ей дается с трудом, она агрессивна и подозрительна. Единственное, что озаряет ее жизнь, это цветы. В возрасте девяти лет она попала на ферму к Элизабет (одной из ее приемных матерей), которая научила девочку премудростям садоводства и ботаники, а также посвятила в подробности старинного «языка цветов» на примере произведений В. Шекспира. С Элизабет Виктории пришлось расстаться. Она вернулась в приют и покинула его, лишь достигнув совершеннолетия. Знания же, полученные от Элизабет, остались с Викторией навсегда и послужили основой для ее «словаря значений цветов».

«Язык цветов» Виктории можно сопоставить с внутренним языком или шифром, на котором ребенок с аутизмом говорит с самим собой в выдуманном, скрытом от посторонних глаз мире. Она общается с растениями, жизнь воспринимает через «язык цветов», а с людьми общего языка не находит, относится к ним с предубеждением и опаской.

Из-за неспособности идти на контакт с окружающими Виктория оказывается на улице и живет в зарослях вереска и цветов. Собственно, только с цветами, деревьями, кустарниками она и общается после выхода из приюта. В. Диффенбах через мотивы разговора с цветами и неспособности Виктории коммуницировать в живом контакте демонстрирует проблему понимания людьми друг друга в современном мире.

Виктория все же преодолевает коммуникационный барьер. Перед ней стоит нелегкий выбор: либо умереть от голода, либо все же попробовать взаимодействовать с окружающими. Она находит общий язык с женщиной-флористкой по имени Рената, владелицей цветочной лавки под названием «Бутон». Виктория общается с Ренатой, а потом и с ее клиентами через язык цветов, собирая «говорящие букеты» для клиентов магазина. При этом девушка использует свой внутренний язык цветов, то есть постепенно вытесняет его изнутри и дарит окружающим. Букеты начинают оказывать «волшебное» воздействие. Они улучшают отношения между

людьми. Рената, видя, что клиенты все чаще приходят в «Бутон» именно из-за Виктории, оставляет ее у себя помощницей.

Вскоре на цветочном оптовом рынке Виктория встречает молодого человека, который в нее влюбляется. Это Грант — сын сестры Элизабет (ее бывшей приемной матери). С ним Виктория тоже находит общий язык через цветы. И уже он посвящает ее в литературный, старинный язык цветов викторианской эпохи. В его доме очень много книг романтической поэзии и энциклопедий языка цветов. Цветы помогают Виктории постепенно привыкнуть к Гранту и полюбить его.

С точки зрения выявления признаков «новой искренности» (по Д. Ф. Уоллесу и А. Думитреску) «словарь языка цветов» Виктории становится своего рода вспомогательным средством для осуществления коммуникации, проявления собственной эмпатии и поиска эмпатии в других.

3.4. Цветы как язык чувств и эмоций в произведении Диффенбах

Растительно-цветочный «селама», на котором общаются между собой Виктория, Грант, Рената и Элизабет, относится ко второй из выделенных выше категорий «языка цветов». Этот язык — смесь из сведений о морфологических и химических свойствах растений (форма, цвет, запах, лекарственные свойства, вкус и т. д.), их традиционных символических значениях, а также их семантике в общеизвестных литературных произведениях (в основном речь идет о В. Шекспире и Г. Стайн). То есть это своего рода «язык для посвященных», знающих ботанику и цветоводство, а также знание о писателях, которые придавали особое значение цветам. Кроме того, это «мертвый язык» (как древнегреческий или латынь). Виктория отмечает: «Элизабет говорила, что язык цветов когда-то знали все, и меня поражало, что в наши дни это знание практически утрачено» [Диффенбах, 2019, с. 80].

Вот пример «цветочного» разговора между Викторией и Элизабет: «Кактус, сказала она, означает страстную любовь ... Я безнормально замотала головой, но Элизабет напомнила мне о том, что объяснила в саду, — у каждого цветка только одно значение. Тогда я схватила рюкзак и бросилась к двери, но Элизабет подошла сзади и ткнула меня букетом. “Не хочешь узнать, каков мой ответ?” — спросила она. Развернувшись, я уткнулась в крошечные пурпурные лепестки. Гелиотроп. Непокоримая чувств. Даже не переведя дыхание, я выпалила яростным шепотом: “Кактус обозначает, что я тебя ненавижу! И хлопнула дверью ей в лицо”» [Там же, с. 82].

Немое общение через цветы происходит также между Викторией и Грантом. Он пишет ей в записке «тополь белый». Она долго думает над значением этого растения, затем отправляется в библиотеку, ищет в справочниках символов, но долго ничего не находит. «Я боялась узнать, что означает ответ незнакомца, что он хотел сказать. Через двадцать минут по-

исков я наконец обнаружила то, что искала ... Тополь белый. Время. Я вздохнула, чувствуя облегчение ...» [Там же, с. 81].

Роман В. Диффенбах написан с явной отсылкой к роману Джерома Сэлинджера «Над пропастью во ржи» — со всеми его особенностями, передающими внутренний монолог психологически травмированного подростка. Крайнюю детскую психологическую травмированность Виктории демонстрирует еще один ее «цветочный диалог» с Грантом: «Рододендрон, — требовательным голосом спросила я, как когда-то Элизабет. — Предупреждение. — Омела? — Преодоление всех препятствий. — Львиный зев? — Вероятность. — Тополь белый? — Время. — Чертополох обыкновенный? — Мизантропия» [Там же, с. 90]. Виктория, как и герой Сэлинджера, тоже постоянно убегает от всех, хочет скрыться. В то же время повествование заканчивается ее выбором вернуться к семье, которую она обретает благодаря рождению дочери.

Люди, которые еще недавно были Виктории почти чужими, становятся родными по крови благодаря появлению ребенка. В. Диффенбах и этот факт соединяет с флоросимволикой, ибо момент зачатия ребенка сопровождается сосредоточением на розовом кусте и подсчитыванием розовых бутонов, которое напоминает перебирание бусин на четках при чтении молитвы. Данный образ может быть связан с фигурой Девы Марии и рождением Христа, поскольку Дева Мария в средневековых литургиях, иконологиях сопоставлялась то с розой, то с розовым кустом. Так куст будто благословляет Викторию.

Христианский вопрос играет важную роль в романе В. Диффенбах, как и во многих других произведениях «новой искренности» (особенно у Э.-Э. Шмитта, Д. Ф. Уоллиса, А. Смит, Э. Гилберт, Дж. Евгенидиса). Значимым в этом отношении эпизодом становится сцена, когда скрывающаяся от Гранта беременная Виктория видит его в окне, молящегося перед расцветшим кустом вербены, который, безусловно, является двойником куста роз (символизирующим распятие или Деву Марию с младенцем Иисусом). Сам того не зная, Грант словно передает Виктории послание через ведомый лишь им двоим язык цветов: вербена — это розы. Виктория понимает, что молится Грант за нее и за их ребенка.

Виктория на протяжении всего повествования сопоставляет себя с розой, обращаясь к цитате из стихотворения Гертруды Стайн «Священная Эмилия»: «Роза есть роза есть роза есть роза». Однако стоит отметить, что ее обращение к этой фразе далеко от знаменитого постмодернистского высказывания У. Эко о том, что роза «до того насыщена смыслами, что смысла у нее почти нет» [Эко, 2007, с. 5]. Диффенбах явно пытается опровергнуть этот тезис и наделяет розу новым смыслом: ее обращение к розе, как и

к другим цветам, это поиск и желание вернуть былую теплоту отношений, любовь, нежность — все то, чего так не хватает современному человеку. Кроме того, это обращение связано еще и с поисками поддержки в вечных христианских ценностях. Фраза Г. Стайн в интерпретации Диффенбах в какой-то степени является и репликой из пьесы В. Шекспира «Ромео и Джульетта»: «Что значит имя? Роза пахнет розой, хоть розой назови ее, хоть нет» [Шекспир, 1968, с. 698]. То есть роза — это архетип, вечность, а не роза сама по себе. И если Дева Мария — роза, то и Виктория — одна из тех, кто повторяет вечный библейский сюжет, то есть становится на какой-то период Девой с младенцем, — тоже является розой.

Общение через цветы складывается и в отношениях Виктории и с Ренатой. Флористка понимает, что Виктория — необычная девушка, с ней сложно контактировать. Чтобы они могли привыкнуть друг к другу и понимать друг друга, женщина говорит с Викторией при помощи растений. Это тоже молчаливая реляционность — либо через демонстрацию растений, либо через называние цветов. «Я протянула ей букет. Что это? — спросила она. Опыт, — ответила я, вручая ей цветы» [Диффенбах, 2019, с. 38].

Ярче всего цветочная азбука Виктории и Ренаты проявляется в сценах на цветочном рынке. Рената подбирает цветы для свадебных букетов. Виктория сопоставляет ее дотошный осмотр с пролистыванием книги: «Рената выбирала подсолнухи, словно листала книжные страницы» [Там же, с. 40]. Каждый цветок в букете подбирается согласно определенной семантике, информацию о которой Рената находит в специальной книге. Виктория же не желает смотреть в эту книгу. Она подбирает цветы для новобрачных согласно своему собственному словарю значений цветов, внутреннему словарю (в этом проявляется ее остаточная замкнутость).

3.5. «Язык цветов» в XIX веке

Третьей разновидностью «языка цветов» являются специальные книги со значениями растений. В. Диффенбах отмечает, что литературная традиция «языка цветов» в XIX веке невероятно разнообразна. Действительно, в XIX веке издавалось множество книг под названием «Язык цветов». Подобные произведения можно разделить на три большие категории:

— язык цветов как шифр, служащий в общении между людьми для сообщения об эмоциях, а также цветочная почта, обычно это глоссарии: цветок и его значение; нередко подобный справочник снабжен рисунками цветов; чтобы использовать в общении такой шифр, адресату нужно было знать, из какой именно книги или словаря взят посланный цветок или букет (или же название цветка в письме), именно там нужно было искать значение;

— сонеты, мадригалы, сказки под названием «Язык цветов» или «Что говорят цветы» [Chambet, 1844; Faucon, 1860; La Tour, 1858; Legendre,

1891; Spinelli, 1864]; цветочные стихи из этих сборников тоже использовали в тайной переписке;

— сборники мифов и легенд о цветах (к примеру, в XIX веке знаменитой была книга Н. Ф. Золотницкого «Цветы в легендах и преданиях» [Золотницкий, 2005]).

Указанные книги составляют огромный пласт литературы, который был до последнего времени практически забыт. В. Диффенбах явно связывает этот язык и его утрату с вопросом реляционности, контактов и взаимопонимания между людьми, с общим ухудшением состояния сферы общения между людьми к началу XXI века. То есть она хочет сказать, что люди забыли язык чувств, язык эмпатии, язык любви. И если в XIX веке язык цветов был необходим для тайного, скрытого общения, чтобы сдерживать избыток чувств, то в наше время в нем есть явная необходимость для поиска утраченных чувств. Это язык для тех, кто хочет общаться с другим.

Самое главное — это традиция, уходящая в глубь веков. Это само Время. Сборники сонетов, мадригалов и словарей цветов стали популярными в XVIII—XIX веках после публикации в 1727 году двухтомника «Путешествие ... по Европе, Азии и Африке» [Mottraye, 1727] Обри де ля Моттре, который описал свое пребывание при дворе шведского короля Карла XII в Турции, а также книги леди Мэри Уортли Монтегю, жены английского посла в Стамбуле, «Письма Леди Мери Уортли Монтегю, написанные во время путешествия по Европе, Азии и Африке» («Letters of Lady Mary Wortley Montagu, written during her travels in Europe, Asia and Africa», 1763 [Montagu, 1763]), где описан тайный язык любовной переписки «селама», в том числе в гаремах (этот вопрос в отечественной науке подробно изучают К. И. Шарфадина и М. Р. Ненарокова [Шарфадина, 2018; Ненарокова, 2010]).

В XIX веке среди таких книг одна из первых и самых знаменитых вышла в Германии под названием «Язык цветов, или Значения» («Die Blumensprache, oder Bedeutung», Berlin, 1823) [Die Blumensprache ..., 1823], составленная по мотивам переводов с персидского австрийским историком и востоковедом Й. фон Гаммер-Пургшталем (Joseph Freiherr von Hammer-Purgstall, 1774—1856) поэзии Хафиза, Саади, Джами. В России эта небольшая книга (32 страницы) была переведена и прокомментирована Д. П. Ознобишиным и озаглавлена «Селама, или Язык цветов» (1830) [Ознобишин, 1830]. Подобные книги выходили в XIX веке в Лондоне, Париже, Вене, Санкт-Петербурге, Барселоне, Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии, Балтиморе. Исторически они уходят в греческую поэзию — в знаменитый «Венок» эпиграмм Мелеагра Гадарского.

«Язык цветов» имел популярность в Европе и в средние века, и в эпоху Ренессанса. Примером его использования является описание В. Шекспи-

ром «букета Офелии» в «Гамлете». Важно отметить, что Элизабет учит Викторину языку цветов именно по букету Офелии, например, она говорит: «А вот розмарин — память. Я цитирую Шекспира ... Водосбор — уныние, падуб — предвидение, лаванда — недоверие ...» [Диффенбах, 2019, с. 70].

Традиция селамы влияла в XIX веке не только на литературу, но прежде всего на общение людей, на коммуникацию. Букеты, посылаемые тайным возлюбленным, представляли собой средство тайной почты, шифровки. Ее использовали не только для любовной переписки, но с любыми тайными целями [Гольский, 2010]. Кроме того, большой популярностью пользовалась игра, которой увлекались в обществе, — это «флирт цветов». На светских раутах, на званых вечерах, балах и т. д. с целью развлечься доставали коробочки с карточками, на одной стороне которых был изображен цветок с названием, на другой писалось значение, а иногда значения перечислялись на специальных больших картах, которые прилагались к игре. Порой молодые люди использовали эту игру в целях объяснения в любви или, наоборот, чтобы отвергнуть кого-нибудь. Подобная традиция существовала вплоть до середины XX века. Об этом подробно рассказывает и приводит примеры из литературы XX века доктор культурологии Сергей Борисов [Борисов, 2019]. Вот небольшой отрывок из романа 1969 года Г. Остапенко «Я выбираю путь»: « — Сыграем во “флирт цветов”, господа? — предлагает Лялька, кокетливо взглядывая на Сережу, и раздает всем карточки. Сейчас же чья-то рука протягивает мне карту. Я поднимаю глаза. Рука принадлежит одному из юношей ... Гелиотроп! — произносит он значительно и смотрит на меня ... Ищу на карточке “гелиотроп” и читаю: “Вы мне нравитесь” ... Я чувствую, что краснею, и беспомощно ерзаю на диване. Пошли ему вот это: “сирень”, — сквозь зубы говорит Сережа и подсовывает мне свою карточку. Где это “сирень”? Ах, вот: “А вы мне совсем не нравитесь” ...» [Остапенко, 1969, с. 254—256].

В. Диффенбах как раз намекает на такую игру, когда Виктория и Грант обмениваются живыми цветами, понимая их тайный смысл, а Рената, в присутствии которой это происходит, не может понять, о чем они друг другу говорят. Омела в их языке обозначает романтическое чувство. Лилия — объяснение в симпатии. Тополь белый, как отмечено выше, означает Время. Это очень важно для них. Их связывает время. Он человек из ее прошлого, которое она совсем забыла.

Кроме того, существовала и другая цветочная игра в XIX веке. Это игра на лепестках ромашки. Она называлась «любит — не любит», если использовалась как гадание. Но были и другие версии этой игры. Имитировали лепестки из бумаги, на них писали разные фразы или предсказания. Участвующие в игре тянули свои лепестки и читали предсказание.

3.6. Цветочный каталог для создания «букетов волшебства»

Виктория как раз создает целый каталог подобных карточек. На каждой из них изображён цветок, сфотографированный Викторией, а на обратной стороне размещено его значение (расшифровку можно понять, обратившись к «Словарю Виктории» в конце книги). Клиенты выбирают по этим карточкам цветы для букетов чувств. Вроде бы каталог цветов-чувств напоминает карточки флирта цветов, но они все же отличаются от игры коренным образом. Если во флирте цветов речь шла о тайном языке чувств, то здесь подразумевается составление из этих «эмоциональных семантик» букетов, способных сотворить чудо: наладить эмоциональный контакт между людьми, помочь людям общаться друг с другом, любить друг друга. Это похоже именно на предсказание счастья. Своими «волшебными букетами» Виктория способствует улучшению взаимоотношений между людьми. Происходит такой чудесный обмен: от личного (ее — Виктории) — к общему (к каждому клиенту).

Кроме того, картотека с фотографиями цветов, которые изготавливает Виктория, создана для того, чтобы перевоплощаться в живые цветы, в живые букеты. Это своего рода «новоискренный» переход от искусственного — к настоящему, реальному, попытка противопоставить живую природу искусственной. Только живые цветы способны воссоединить людей, подарить им чувства, снова объединить их, ведь это невероятно сложно, учитывая, что практически все люди нашего времени психологически травмированы, зачастую неконтактны, недоверчивы. Им сложно преодолевать «внутренние клетки солипсизма» (термин Николин Тиммер из очерка «Радикальная беззащитность... Солипсизм» [Аккер и др., 2019, с. 261—271]). Однако, возможно, действительно такие удивительные феномены красоты природы, как цветы с их бесконечным разнообразием тех или иных свойств, способны сделать людей хоть немного счастливее. Это подтверждается в романе В. Диффенбах следующими словами Ренаты (речь идет о человеке, которому помог букет Виктории): «Эрл — старый чужак. На вид сердитый, но если присмотреться — добряк добряком. А вчера вот заявил, что за его век можно было в Боге разувериться, но потом образумиться и понять, что Он все-таки есть. — И что это значит? (спрашивает Виктория). — Кажется, он думает, что ты советовалась со Всевышним, прежде чем выбрать для него цветы» [Диффенбах, 2019, с. 53].

4. Заключение = Conclusions

Итак, роман Ванессы Диффенбах заставляет вспомнить о целом комплексе традиций XIX века, связанных с «языком цветов» и «флиртом цветов». Реконструируя эти традиции в своем произведении, автор позволяет читателю окунуться в бескрайнюю глубину самых разных смыслов и значе-

ний, как произведения в целом, так и его отдельных образов. Произведение В. Диффенбах вписывается в рамки литературы «новой искренности» за счет

- особого эмоционального (искреннего) наполнения текста;
- стремления найти новые и одновременно старые, давно забытые средства общения людей друг с другом;
- обращения к христианским ценностям;
- реконструкции старой традиции «языка цветов», способствующей живому человеческому общению.

Кроме того, в подходе В. Диффенбах к исполнению текста, к выбору основной темы произведения обнаруживается та самая «сентиментальность и доверчивость», о которой писал Д. Ф. Уоллес, характеризуя «новых анти-бунтарей» или «новых искренних».

Источники

1. *Диффенбах В.* Язык цветов / В. Диффенбах ; пер. с англ. Ю. Змеевой. — Москва : РИПОЛ классик, 2019. — 319 с. — ISBN 978-5-386-05592-9.
2. *Остапенко Г. Г.* Я выбираю путь : повесть о труд. Юности : [для сред. Возраста / Г. Г. Остапенко ; ил. Ю. Лобачева]. — Москва : Детская литература, 1969. — 206 с.
3. *Шекспир В.* Трагедии. Сонеты / В. Шекспир. — Москва : Художественная литература, 1968. — 792 с.
4. *Эко У.* Заметки на полях «Имени розы» / У. Эко. — Санкт-Петербург : «Симпозиум», 2007. — 92 с. — ISBN 5-89091-209-7.
5. *Diffenbaugh V.* The Language of Flowers / V. Diffenbaugh. — New York : Ballantine Books, 2011. — 334 p.

Литература

1. *Аккер ван ден Р.* Метамоде́рнизм. Историчность, аффект и глубина после пост-модернизма / Р. Аккер ван ден, Т. Вермюлен, Э. Гиббонс ; Перевод В. М. Липки. — Москва : Рипол-Классик, 2019. — 494 с. — ISBN 978-5-386-13462-4.
2. *Борисов С.* Давайте флиртовать, товарищи! / С. Борисов // Российская газета, Родина. — 01 мая 2019. — № 5.
3. *Гольский И. А.* Символика флоры : сущность и формы переживания : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / И. А. Гольский. — Омск, 2010. — 162 с.
4. *Золотницкий Н. Ф.* Цветы в легендах и преданиях / Н. Ф. Золотницкий. — Москва : Дрофа-Плюс, 2005. — 320 с. — ISBN 5-9555-0794-9.
5. *Ненарокова М. Р.* «Селам» Д. П. Ознобишина : культурный диалог Европы и Востока / М. Р. Ненарокова // Культурологический журнал. — 2013. — № 4.
6. *Ознобишин Д. П.* Селам, или Язык цветов / Д. П. Ознобишин. — Санкт-Петербург : Деп. нар. просвещения, 1830. — 32 с.
7. *Павлов А.* Образы современности в XXI веке : метамоде́рнизм / А. Павлов // Философско-литературный журнал «Логос». — 2018. — Т. 28. — С. 1—19.
8. *Тернер Л.* Манифест метамоде́рнизма [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://metamodernizm.ru/manifesto> (дата обращения 05.11.2021).
9. *Шарафадина К. И.* Селам, откройся! Флоропозитика в образном языке русской и зарубежной литературы / К. И. Шарафадина. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. — 544 с. — ISBN 978-5-4469-1451-7.

10. *Chambet C. J.* Emblème des fleurs, ou Parterre de flore / C. J. Chambet. — Philadelphia : L. Masson, 1844. — 188 p.
11. *Die* Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. — Berlin : Achte vehrmerte Auflage, 1823. — 32 p.
12. *Dumont H.* The language of flowers. The floral offering : a token of affection and esteem ; comprising the language and poetry of flowers. — Philadelphia : H. C. Peck & T. Bliss, 1851. — 300 p.
13. *Dumitrescu A.* What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on Metamodernism as a Period Term and as a Mode [Electronic resource] / A. Dumitrescu // Electronic Book Review, 2016. December 4. — Access mode : <http://electronicbookreview.com/essay/what-is-metamodernism-and-why-bother-meditations-on-metamodernism-as-a-period-term-and-as-a-mode/> (accessed 04.11.2022).
14. *Faucon E.* Le langage des fleurs / E. Faucon. — Paris : E. Guérin, 1860. — 136 p.
15. *La Tour.* Le langage des fleurs / La Tour, Ch. De. — Paris : Garnier Frères, 1858. — Vii- 308 p.
16. *Legendre L.* Ce que disent les fleurs. Préface de Ludovic Halévy. Aquarelles de Firmin Bouisset / L. Legendre. — Paris : L. Baschet, 1891. — 96 p.
17. *Mottraye A. de la.* Voyages en Europe, Asie et Afrique& Afrique : avec figures. 3 volumes / De La A. Mottraye. — La Haye : Johnson, 1727.
18. *Montagu M. W.* Lady Letters of the Right Honourable Lady M-y W-y M-e : Written during her Travels in Europe, Asia and Africa, to Persons of Distinction, Men of Letters, etc., in different parts of Europe / M. W. Montagu. — London : Printed for M. Cooper, 1763. — 296 p.
19. *Smith Z.* This is how it feels to me / Z. Smith // The Guardian. Retrieved. 2007-03-21.
20. *Spinelli A.* Ce que disent les fleurs ; sonnets / A. Spinelli. — Paris : E. Dentu, éditeur, 1864. — 319 p.
21. *Wallace D. F.* E Unibus Pluram : Television and U.S. Fiction / D. F. Wallace // Review of Contemporary Fiction. — № 13 (2). — 1993. — Pp. 151—194.
22. *Wood J.* Hysterical realism [Electronic resource] / J. Wood // Prospect Magazine. 20 November 2000. — Access mode : <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/hystericalrealism> (accessed 09.01.2022).

Статья поступила в редакцию 14.12.2022;
одобрена после рецензирования 12.02.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.

Material resources

- Dieffenbach, V. (2019). *The language of flowers*. Moscow: RIPOL classic. 319 p. ISBN 978-5-386-05592-9. (In Russ.).
- Diffenbaugh, V. (2011). *The Language of Flowers*. New York: Ballantine Books. 334 p.
- Eco, U. (2007). *Notes on the margins of "The Name of the rose"*. St. Petersburg: "Symposium". 92 p. ISBN 5-89091-209-7. (In Russ.).
- Ostapenko, G. G. (1969). *I choose the path: a tale of labor: Youth*. Moscow: Det. lit. 206 p. (In Russ.).
- Shakespeare, V. (1968). *Tragedies. Sonnets*. Moscow: Fiction. 792 p. (In Russ.).

References

- Acker van den, R., Vermeulen, T., Gibbons, E. (2019). *Metamodernism. Historicity, affect and depth after postmodernism*. Moscow: Ripol-Classice. 494 p. ISBN 978-5-386-13462-4. (In Russ.).

- Borisov, S. (2019). Let's flirt, comrades! *Rossiyskaya gazeta, Rodina*, 5. May 01. (In Russ.).
- Chambet, C. J. (1844). *Emblème des fleurs, ou Parterre de flore*. Philadelphia: L. Masson. 188 p. (In Franc.).
- Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art*. (1823). Berlin: Achte vehrmete Auflage. 32 p. (In Germ.).
- Dumitrescu, A. (2016). What is Metamodernism and Why Bother? Meditations on Metamodernism as a Period Term and as a Mode. *Electronic Book Review*. December 4. Available at: <http://electronicbookreview.com/essay/what-is-metamodernism-and-why-bother-meditations-on-metamodernism-as-a-period-term-and-as-a-mode/> (accessed 04.11.2022).
- Dumont, H. (1851). *The language of flowers. The floral offering: a token of affection and esteem; comprising the language and poetry of flowers*. Philadelphia: H. C. Peck & T. Bliss. 300 p.
- Faucon, E. (1860). *Le langage des fleurs*. Paris: E. Guérin. 136 p. (In Franc.).
- Golsky, I. A. (2010). *Symbolism of flora: the essence and forms of experience*. PhD Diss. Omsk. 162 p. (In Russ.).
- La Tour., Ch. De. (1858). *Le langage des fleurs*. Paris: Garnier Frères. Vii- 308 p. (In Franc.).
- Legendre, L. (1891). *Ce que disent les fleurs. Préface de Ludovic Halévy. Aquarelles de Firmin Bouisset*. Paris: L. Baschet. 96 p. (In Franc.).
- Montagu, M. W. (1763). *Lady Letters of the Right Honourable Lady M-y W-y M-e: Written during her Travels in Europe, Asia and Africa, to Persons of Distinction, Men of Letters, etc., in différent parts of Europe*. London: Printed for M. Cooper. 296 p.
- Mottraye, A. de la. (1727). *Voyages en Europe, Asie et Afrique & Afrique: avec figures*. 3 volumes. La Haye: Johnson. (In Franc.).
- Nenarokova, M. R. (2013). “Selam” D. P. Oznobishina: cultural dialogue of Europe and the East. *Culturological Journal*, 4. (In Russ.).
- Oznobishin, D. P. (1830). *Selam, or the Language of flowers*. St. Petersburg: Dept. nar. Enlightenment. 32 p. (In Russ.).
- Pavlov, A. (2018). Images of modernity in the XXI century: metamodernism. *Philosophical and literary magazine “Logos”*, 28: 1—19. (In Russ.).
- Sharafadina, K. I. (2018). *Selam, open up! Floropoetics in the figurative language of Russian and foreign literature*. Saint Petersburg: Nestor-History. 544 p. ISBN 978-5-4469-1451-7. (In Russ.).
- Smith, Z. (2007). This is how it feels to me. *The Guardian*. Retrieved. 03-21.
- Spinelli, A. (1864). *Ce que disent les fleurs; sonnets*. Paris: E. Dentu, éditeur. 319 p. (In Franc.).
- Turner, L. *Manifesto of Metamodernism*. Available at: <https://metamodernizm.ru/manifesto> (accessed 05.11.2021). (In Russ.).
- Wallace, D. F. (1993). E Unibus Pluram: Television and U.S. Fiction. In: *Review of Contemporary Fiction*, 13 (2): 151—194.
- Wood, J. (2000). Hysterical realism. *Prospect Magazine*. 20 November. Available at: <https://www.prospectmagazine.co.uk/magazine/hystericalrealism> (accessed 09.01.2022).
- Zolotnitsky, N. F. (2005). *Flowers in legends and legends*. Moscow: Bustard-Plus. 320 p. ISBN 5-9555-0794-9. (In Russ.).

*The article was submitted 14.12.2022;
approved after reviewing 12.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*

Дубова М. А. «Россия, Расея, Русь, Коломна : провинция» : концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» / М. А. Дубова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 203—219. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219.

Dubova, M. A. (2023). “Russia, Rossia, Rus, Kolomna: Province”: Conceptualization of Space in B. Pylnyak’s Novel “Volga Flows into Caspian Sea”. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 203-219. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-203-219

**«Россия, Расея, Русь,
Коломна: провинция»:
концептуализация
пространства в романе
Б. Пильняка
«Волга впадает
в Каспийское море»**

Марина Анатольевна Дубова
orcid.org/0000-0001-6906-1002
доктор филологических наук,
профессор кафедры
русского языка и литературы
dubovama@rambler.ru

Государственный
социально-гуманитарный университет
(Коломна, Россия)

**“Russia, Rossia, Rus,
Kolomna: Province”:
Conceptualization of Space
in B. Pylnyak’s Novel
“Volga Flows
into Caspian Sea”**

Maryna A. Dubova
orcid.org/0000-0001-6906-1002
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian
Language and Literature
dubovama@rambler.ru

State University of Humanities
and Social Studies
(Kolomna, Russia)

© Дубова М. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуются принципы структурирования и способы объективации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море». Особое внимание акцентируется на лексической репрезентации пространства как базовой категории авторской языковой картины мира. Новизна исследования состоит в выявлении, систематизации и описании языкового материала, позволяющего определить индивидуальные авторские особенности в создании пространственного континуума романа Б. Пильняка. Актуальность статьи обусловлена обращением к проблеме лингвистического выражения миромоделирующих универсалий в художественном тексте. В статье используются методы семантического и лингвостилистического анализа, сравнения и описания языковых единиц. Они позволяют выявить и рассмотреть средства лексической репрезентации пространственной модели, созданной в романе «Волга впадает в Каспийское море», которую характеризует калейдоскопичность, динамичность и совмещение разных пространственных плоскостей. В ходе проведенного исследования автор приходит к выводам, содержащим характеристику основных типов пространства в романе Б. Пильняка с учетом индивидуальных особенностей авторского миромоделирования, а также обоснование выявленных лингвистических параметров идиостиля писателя.

Ключевые слова:

пространство; концептуализация; лексическая репрезентация; Б. Пильняк.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The principles of structuring and methods of objectification of the spatial continuum in B. Pylynyak's novel "The Volga flows into the Caspian Sea" are investigated. Particular attention is focused on the lexical representation of space as a basic category of the author's language picture of the world. The novelty of the research consists in the identification, systematization and description of linguistic material, which allows to determine individual author's features in the creation of the spatial continuum of B. Pylyniak's novel. The relevance of the article is due to addressing the problem of linguistic expression of world-modeling universals in a literary text. The article uses methods of semantic and linguistic stylistic analysis, comparison and description of language units. It helps us to identify and consider the means of lexical representation of the spatial model created in the novel "Volga Falls into Caspian Sea", which is characterized by kaleidoscopicity, dynamism and the combination of different spatial planes. During the research, the author comes to conclusions containing the characteristics of the main types of space in B. Pylyniak's novel, taking into account the individual features of the author's world modeling, as well as the substantiation of the revealed linguistic parameters of the writer's idiosyle.

Key words:

space; conceptualization; lexical representation; B. Pylynyak.

«Россия, Расея, Русь, Коломна: провинция»: концептуализация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»

© Дубова М. А., 2023

1. Введение = Introduction

Языковая картина мира, под которой понимаются «закрепленные в языке способы, процессы и результаты концептуализации действительности, совокупность знаний о мире, способах их получения и интерпретации» [Яковлев, 2017, с. 6], привлекает пристальное внимание современных лингвистов. Как справедливо отметил Н. Н. Болдырев, «реализация антропоцентрической природы языка в его интерпретирующей функции в полной мере представлена в языковой картине мира, в её структуре и специфике передачи языкового опыта взаимодействия человека с миром» [Болдырев, 2019, с. 6—8]. Более того, языковая картина мира «содержит в себе как общечеловеческие, национальные, так и индивидуально-личностные» [Саркисян, 2021, с. 110] черты.

Не вызывает сомнений тот факт, что «к числу наиболее универсальных языковых форм концептуализации и интерпретации знаний о мире ... следует отнести пространство и время» [Болдырев, 2018, с. 27], структурирующие авторскую языковую картину мира. Подчеркнем, что «при одинаковом наборе универсальных констант в каждой культуре они наполняются своим, оригинальным, содержанием, отражающим менталитет и национальную специфику народа, а в творчестве отдельного писателя они получают индивидуально-авторское осмысление, в частности, в совокупности лексических средств репрезентации в художественном тексте» [Дубова, 2019, с. 425]. Таким образом, актуальность статьи состоит в обращении к проблеме структурирования и описания авторской языковой картины мира с позиций лексической объективации в художественном тексте центральных миромоделирующих универсалий. Новизна предпринятого исследования определяется изучением средств лексической репрезентации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», сочетающих типические и индивидуально-авторские приемы, что вносит вклад в изучение стиля писателя. При этом основной акцент делается на признание того, что репрезентация пространства в каждом отдельном художественном произведении уникальна, «так как в нем ... воплощается объективно-

субъективное представление автора о пространстве. При этом объективность, достоверность художественного образа пространства обусловлена ... тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности. Субъективность обусловлена тем, что в нем отображаются знания автора об объективной реальности, которые детерминированы намерениями и установками автора, его творческим замыслом, мировоззрением ... и другими ориентирами» [Бабенко, 2009, с. 96].

Наш научный интерес связан со способами объективации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что и составляет предмет исследования. Пространственный компонент авторской картины мира, как мы видим, актуализирует уже название романа, содержащее сему направленного движения, лежащего в основе сюжетно-фабульной линии произведения, представляющее «развернутую метафору, утверждающую идею неостановимости исторического движения России» [Профатило, 2006, с. 19]: *Страна, как Москва, была в походе. Москва шла к победе. История страны — шла* [Пильняк, 1990, с. 593]. Отражающее логику природного развития, заданное в заглавии движение выступает мерилom человеческой сущности, а в целом — нового формата социалистической действительности, поворачивающей и сознание, и течение рек вспять: ... *ныне Москва-река текла вспять, символ новой российской государственности, ибо Россия октябррей хотела наново перестроить, наново пересоздать — от человека до географии и геологии* [Там же, с. 497]. Цель статьи состоит в выявлении пространственных типов в романе и способов их лексической объективации.

Роман «Волга впадает в Каспийское море», «основные события которого — строительство “монолита”, способного воды Москвы-реки и Оки направить в пустыни и засушливые районы, — разворачиваются в Коломне» [Ауэр, 2009, с. 24], был создан писателем в 1929 году. В его тексте мы находим очень много отсылок к местным преданиям, городской географии и историческим событиям, напрямую связанным с городом, что, безусловно, индивидуализирует пространственный континуум произведения.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Творчество одного из известнейших писателей начала XX века Б. А. Пильняка, репрессированного в 1938 году, долго дождалось своего возвращения в русскую литературу и культуру. Тогда как после реабилитации писателей ученые активно обращались к изучению произведений «возвращенных» авторов, научно-исследовательский интерес к Пильняку начал проявляться довольно поздно, примерно в 90-ые годы XX века,

когда он стал объектом активного литературоведческого изучения, которое велось по нескольким направлениям: проблемы поэтики и стилистического оформления произведений, мотивная парадигма, Б. Пильняк и литературное сообщество, интертекстуальные связи [Анпилова, 2008; Ауэр, 2009; Грякалова, 2004; Дискаччиати, 2020; Camisa, 2021; Крючков, 2006; Орлицкий, 2011; Профатило, 2006; Святославский, 2020; Шайтанов, 1990 и др.]. В лингвистическом аспекте проза Б. Пильняка изучена гораздо меньше, что, в свою очередь, открывает широкие возможности для восполнения существующих лагун и восстановления полного представления о художественной манере автора. Ученых привлекают отдельные лексические и синтаксические особенности языка писателя, окказиональное словообразование, цветопись [Костякова, 2006; Метликина, 2009; Провоторова, 2010; Соколова, 2014; Хоронов, 2015 и др.], тогда как работы, посвященные целостному описанию авторского идиостиля, лингвокогнитивным проблемам языковой личности и картины мира, до сих пор отсутствуют. В свете сказанного данное исследование расширяет представления о принципах структурирования и способах объективации авторской языковой картины мира и вносит вклад в изучение идиостиля писателя.

Как известно, Коломна заняла важное место в судьбе Б. Пильняка, став одним из центральных топов и мифологем его творчества. В автобиографических заметках писатель отмечал: *Детство прошло в уездных городах Московской губ. (Можайске, Богородске, Коломне) ... Годы революции я прожил в Коломне* [Пильняк, 1990, с. 25, 26]. В дневнике Б. Пильняк неоднократно записывал свои впечатления от города: *... сейчас утро, воскресенье, и меня разбудил колокольный звон ... Я приехал в Коломну из Лондона вчера ... бродил по городу, тишь глубокая, вековая, безмолвие ...* [Там же, с. 30].

Действительно, подмосковная Коломна прочно вошла в биографию и произведения Бориса Вагау (Пильняка), впервые приехавшего в этот город в 1912 году и оставшегося в нем жить более чем на десятилетие. Коломенский период жизни ознаменован значимыми для писателя событиями: не только женитьбой и рождением детей, но и написанием «первых его произведений, опубликованных под псевдонимом Б. Пильняк и подписанных “Коломна. Никола-на-Посадях”» [Денисов, 2007, с. 7—8]. Лишь в 1924 году Пильняк переедет жить в Москву, но и после этого будет неоднократно возвращаться в Коломну.

Как справедливо подчеркивал И. Шайтанов: «Как бы ни назывались города в ранних романах Пильняка, за ними — Коломна ... место действия ... в романе — Коломна, названная здесь своим именем» [Пильняк, 1990, с. 12, 18].

3. Результаты исследования = Results and Discussion

3.1. Объективация пространства в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море»

Романное повествование, начинающееся с описания истории возникновения рек и появления речных течений, сразу же проецирует пространственные координаты создаваемой писателем картины мира. В первую очередь, они связаны с номинациями гидронимов: это названия рек (*Волга, Ока, Москва-река, Клязьма* и т. д.), *Каспийского моря*, выполняющих разную семантическую нагрузку в произведении. Затем топонимические номинации, оформляя завязку сюжета, по сути, «привязаны» ко всем персонажам, но особенно активно «сопровождают» по сюжету главного героя романа — профессора Пимена Сергеевича Полетика, едущего из Москвы на строительство монолита в Коломну. Еще раз подчеркнем, что сема движения является важной составляющей объективируемого в романе пространства, которое можно назвать динамичным. Оно структурируется оригинальным сочетанием четырех пространственных проекций, взаимопроникающих и накладываемых друг на друга: исторического, современного, Вечного пространства и ментального (наиболее полно раскрытого применительно к образу Эдгара Ласло).

Из всех городов, упоминаемых в романном повествовании, кроме Коломны, Москва стоит на втором месте по вниманию к её пространственной организации. Пространство Москвы конкретизируется названиями учреждений и мест, которые должен посетить Полетика (*Госплан, ВСНХ, Мосгубземагдел, Наркомзем, Мозо, Кремль, ЦИК*), улиц, переулков, площадей, обозначающих их местонахождение или передвижение профессора (*Садово-Триумфальная, Первого Мая, бывшая Мясницкая, Воротниковский* и *Пименовский переулки, Страстная площадь* и т. д.), рынков (*Смоленского, Сухаревского, Таганского*), перечисляя которые Б. Пильняк нередко упоминает нынешнее и прежнее их название, таким образом совмещая две пространственные проекции: историческое и современное автору пространства конца 1920-х годов. Эти номинации полифункциональны: кроме структурирования московского пространства, они проецируются на отдельные события из жизни профессора, создавая пространственно-временную перспективу (в частности, объективируя мотив «повторности явлений»), как, например, церковь Старого Пимена, образ которой двадцатипятилетней давности хранится в памяти профессора, когда молодой инженер Полетика, полный сил и надежд на будущее, венчался здесь со своей женой, и в современном состоянии, похожая «*на склад вещей, уцелевших от пожара*» [Пильняк, 1990, с. 396], где проходит аукцион при московских ломбардах. Как претерпел кардинальные изменения вид знакомых в прошлом мест (*Иконы исчезли со стен, замазанных насроко из-*

*весткой ... плиты пола заросли ошметками грязи ... [Там же]), так изменилась и жизнь главного героя, названного в честь Святого Пимена: ... у того самого Пимена, которых было несколько, как установил профессор Полетика, — святых православной церкви, из коих первый был палестинским преподобным и подвизался в пустыне Руве при Маврикии, — второй был египетским аввою и постоянно плакал о грехах своих и других людей, — третий и четвертый были киево-печорскими иноками [Там же, с. 592]. Эти номинации строят вертикальную пространственную ось (храм Старого Пимена — Святой Пимен), связанную с образом профессора Полетики. Применительно к его профессиональной деятельности инженера-гидравлика, борющегося с засухой и исследующего движение рек, пространство максимально расширяется за счет таких топонимических номинаций, как *Арало-Каспийские степи, пустыни Аравии, красные пески Египта* и т. д. Тенденция к расширению присутствует и в других текстовых фрагментах: *И за пустынями стала Россия, СССР, строительство ... [Там же, с. 404].**

Заданный с первых страниц романа принцип совмещения двух пространственно-временных плоскостей (прошлого и настоящего, горизонтального и вертикального (Вечности)), воспринимаемых сквозь призму мыслительного дискурса автора и героев (*Мысли вернулись к отошедшему, закопались в десятилетия, засоренные временем [Там же, с. 398]),* определяет специфику структурирования пространственного континуума во всем тексте.

Пространство со-временности, которая «мифологизируется, становясь категорией вне-временности» [Анпилова, 2008, с. 28], в романе представлено топонимами, связанными с основным сюжетом произведения — строительством монолита, репрезентацией Коломны, под которой это строительство и разворачивается, и Москвы, откуда этим строительством руководят. С их описанием входит в повествование тема города, понимаемого автором как средоточие главных противоречий жизни, принадлежащая к числу доминантных в творчестве писателей начала XX века. Являясь одной из универсалий русской литературы, она сосредоточила в себе полифонию исторической, философской и социальной проблематики. В первую очередь, это утверждение связано с произведениями писателей Серебряного века, в которых мифологема города получила статус доминантной в связи с осмыслением «метакодов» культуры.

Вместе с тем для романа характерно создание широкого панорамного пространственного фона, который также репрезентируется топонимическими номинациями и связан с сюжетной линией строительства монолита: *Морские корабли мимо Коломны шли до Каширы, несли сырье и полуфабрикаты, металлы, руды, лес и минеральное топливо — с Донбасса, из Марселя, с Каспия, с Урала, с Ветлуги — мимо Владимира и Шелкова [Пильняк,*

1990, с. 497]. Подобный принцип изображения пространства, когда топосы будто собираются воедино, насильственно объединяемые авторской волей, с одной стороны, значительно расширяет пространственные рамки романного повествования, связывая небольшой провинциальный городок Коломна со всей безграничной Россией, а с другой — передает величие и глобальность реализуемого под Коломной строительства, призванного изменить не только географию всей страны, но и жизнь её граждан. Кстати, монолит выступает в романе одним из важных локусов (второй — Маринкина башня), который «сплачивает, укореняет в едином центре» [Топоров, 2005, с. 5] пространство произведения, объединяет горизонтальную и вертикальную пространственные оси.

Кроме того, каждый герой романа вписан в пространственный континуум, топосы которого проецируются на его судьбу и место в сюжете произведения. Например, Эдгар Иванович Ласло, обрусевший венгр, *«сливший в себе кровь волжских и придунайских степей, по которым прошли крови очень многих народов — алланов, гуннов, готов, унгров ...»* [Пильняк, 1990, с. 509—510]. Происхождение инженера (пространство прошлого), в описании которого превалируют разнообразные пространственные лексемы, проецируется на его современную жизнь.

Именно применительно к этому герою наиболее полно раскрывается ментальное пространство: *Было две жизни: во мраке шторок и вторая, которая бегала мышами мыслей ... Моментальной ловкостью мысль забегала в память ... и возвращалась к сознанию ... Из бессознания — сотни сразу — побежало — не оцущений, но мыслей и видений, — все подсознание, весь мозг* [Там же, с. 568]. С ним также связано развитие мотива «за пространства»: *стоял того состояния человек, глаза которого умеют смотреть в пространства, чтобы не видеть пространств, но видеть то, что за пространствами* [Там же, с. 507], под которым, на наш взгляд, следует понимать ирреальность, названную А. Белым в романе «Петербург» «мозговой игрой».

3.2. Коломна как топос: принципы и приемы структурирования городского пространства

За многочисленными названиями городов в произведениях Б. Пильняка: *Росчиславль, Ордынин город, Кольмень-город* и др., — как неоднократно отмечали исследователи, встает окутанная легендами Коломна, объективирующая ту российскую действительность, которую создает писатель в своих произведениях.

В романе «Волга впадает в Каспийское море» топоним *Коломна* по частотности употребления является основным средством репрезентации пространства. Предложно-падежные формы этой лексемы включают в свой состав предлоги *под, около, в* (самый частотный): *Под Коломной,*

ниже слияния рек Оки и Москвы, строился монолит, подпиравший и отбрасывающий назад окские и москворецкие воды [Там же, с. 393]; **В** обывательской **Коломне** двадцать семь церквей [Там же, с. 419], номинируя статичное пространственное положение города. Употребление с лексемой **Коломна** предлогов *от, из, мимо* реализует сему направленного движения в сторону от Коломны: *Строительство имело целью создать реку, путь течения которой проходил бы от Коломны к Москве вспять по прежнему руслу Москвы-реки* [Там же, с. 393]; *Морские корабли мимо Коломны шли до Каширы* [Там же, с. 497]. Предлоги *в, на* передают движение в сторону города: *Профессор Полетика, инициатор строительства, ехал в Коломну* [Там же, с. 393]; *Леса наступали на Коломну* [Там же, с. 446]. Словоформы с предлогом *по* обозначают движение по самому городу: *Заведующий музеем старины ходил по Коломне в цилиндре, в размахайке...* [Там же, с. 419].

Таким образом, автор активно формирует горизонтальное пространство города и его окрестностей, которое и является доминирующим в романе. В свою очередь, вертикальное пространство намечено гораздо схематичнее, в частности, единичными употреблениями лексемы **Коломна** с предлогом *над*: *Над Коломной умирали колокола* [Там же, с. 419], что, в общем, глубоко символично, так как город должен уйти под воду (не только в результате строительства плотины, но и за свои грехи). В этой связи авторское переосмысление легенды о Невидимом граде Китеже, являющейся одной из мифологем литературного процесса Серебряного века, мимо которой не прошел и Б. Пильняк, «приземлив» её к описанию провинциального города, осуществляется в плоскости эсхатологических мотивов.

Важная роль в создании горизонтального пространства принадлежит глаголам со значением движения (*ходить, идти, ехать*), которые связывают объекты коломенской инфраструктуры в единое городское пространство, структурируемое номинациями:

— пригородных местностей (*Запруды, Городищи, Щурово*) и близлежащих деревень (*Парфентьево, Хорошово, Бобренево* и др.): *... ходила ... на реку Коломенку купаться, далеко за город к Старым Городищам, где на церкви хранится Мамаево татарское клеймо и которые названы Городищами, потому что действительно лет триста назад здесь были коломенское городище и было* [Там же, с. 471]; *Вода заливала луга, где лежали села Бобренево, Чанки, Парфентьево, Хорошево, Акатьево, отодвинувшиеся от новой реки* [Там же, с. 604];

— монастырей: *В обывательской Коломне двадцать семь церквей* [Там же, с. 419];

— площадей: *На соборной площади в полуподвале бывшего собственного дома жила семья помещиков Тучковых* [Там же, с. 427];

- мостов: *Встретимся у голутвинского плашкотного моста* [Там же, с. 444];
- скверов (Сквер Блюдечко — древнее поселение на территории Коломенского кремля, с которого, как предполагается, началось развитие современной Коломны): ... *ночью на бульварчике, называемом Блюдечком* [Там же, с. 418];
- улиц: *На углу Репинской улицы они встретили гроб Садычихи* [Там же, с. 434]; *Гостиница на Астраханской улице* *здоровствовала широкоплым николаевским умиранием* [Там же, с. 476];
- вокзалов: ... *на голутвинском вокзале* [Там же, с. 412];
- рек (Оки, Москвы-реки, Коломенки): ... *он ходил на Коломенку к башне Марии Мнишек* [Там же, с. 480]; *Под Коломною, ниже слияния рек Оки и Москвы, строился монолит* [Там же, с. 393];
- предприятий: *Щуровский цементный завод работал на строительство* [Там же, с. 511]; *На Коломенском машиностроительном новые дизельные цеха* [Там же, с. 537].

Особенностью пространственного изображения в романе является обилие топонимов, которые, как нам думается, призваны вызвать в сознании читателей аналогии с конкретными локусами коломенского пространства. Перечисленные номинации репрезентируют городское пространство, визуализируя его архитектурный вид, придавая ему наряду с типическими чертами (в каждом городе есть площади, улицы, предприятия и т. д.) индивидуальность (названия пространственных объектов имеют свою историю, тесно связанную с прошлым Коломны). Как справедливо отмечает И. Трофимов, «он [Б. Пильняк] располагает несомненным знанием некоего “коломенского” уголка русской земли» [Трофимов, 1998, с. 6]. Кроме того, эти топонимические номинации связаны с жизнью и деятельностью героев романа Б. Пильняка.

Пространство, структурируемое писателем, обладает такими характеристиками, как сужающееся — расширяющееся, открытое — закрытое, горизонтальное — вертикальное, причем они могут резко поменяться в пределах одного контекста, что лишний раз подтверждает «калейдоскопичность» [Трофимов, 1998, с. 5] художественного стиля Б. Пильняка.

3.3. Прием совмещения пространственных плоскостей в создании образа города

Пространство Коломны структурируется благодаря совмещению современной, характеризующей российскую социалистическую действительность, и исторической плоскостей, что характерно и для изображения других топосов: ... *та самая Москва-река, на которой возникло Московское государство, русская история собирания уделов Руси, царей, смут, императоров* [Там же, с. 497].

Историческое пространство входит в романное повествование:

— в связи с историей возникновения и развития искусства красного дерева (эта сюжетная линия перекликается с повестью «Красное дерево», что в целом свойственно стилевой манере Пильняка, переносящего текстовые фрагменты из одного произведения в другое): *Искусство красной мебели, начатое в России Петром, имело свои памяти* [Там же, с. 421], на него *«легли эпохи»*. Этот мотив, в свою очередь, объединяет мировую и отечественную историю: *Крепостные подростки посылались в Москву и в Санкт-Петербург, в Париж, в Вену — там они обучались мастерству ... Елизавета, Екатерина — рококо, барокко, бронза, завитушки ... Павел — строг, Павел — мальтиец..., Александр — ампир, классика, эллада* [Там же, с. 421];

— в связи с темой истории человечества, сопричастной грандиозному строительству: *Из памяти человечества исчезли цветущие страны — Ассирия, Вавилон, Месопотамия* [Там же, с. 562];

— в связи с фактами русской истории, отраженной в номинациях памятников архитектуры и культуры, являющихся свидетелями важных в истории России событий. В первую очередь это связано с такими локусами, как Кремль и Маринкина башня (применительно к Коломне), которые по частоте употребления занимают особое место среди объектов городского пространства. Они связывают провинциальную бабу Коломну со всей Россией, обозначая в ней как типические, так и индивидуальные черты. Благодаря им становится возможным наложение двух пространственных плоскостей: современной писателю России и ушедшей в прошлое исторической державы. Более того, здесь прошлое (сопричастное Вечности) и настоящее (сиюминутное, преходящее) вступают в неразрешимое противоречие, обнаруживая совмещение еще двух пространственных плоскостей (современности и Вечности), порождающее некую иллюзорность происходящего в русле временной перспективы: *Если на кремль взглянуть от Маринкиной башни, азиатский коломенский кремль чудесно вдруг превращается в средневековую европейскую готику* [Там же, с. 528].

Кремль входит в романное повествование номинацией отдельных локусов (Пятницкие ворота, дома, развалины): *Пятницкие ворота вели в Кремль, — те самые ворота, из которых Дмитрий Донской пошел на Куликово поле* [Там же, с. 422]. С описанием Кремля связан мотив смерти (... *умирали развалины Кремля* [Там же, с. 476]), последовательно реализующийся в романе применительно к образу города (... *с лет Николая умирала Коломна* [Там же, с. 476]), что вполне объяснимо, ведь Кремль как оборонное сооружение, защищавшее Коломну от неприятеля, давно умер, теперь его развалины — лишь исторический памятник. Причем в этом

контексте звучат и эсхатологические мотивы: *Кремль и Москва-река провалились в заприотранства* [Там же, с. 533]. Особенно значим в рамках развития этого мотива образ музейоведа, по роду своих занятий долженствующего хранить историю: *на бывшей Дворянской улице в Кремле пил по ночам со Христом водку музейовед Грибоедов* [Там же, с. 476]. Будучи заведующим музеем старины, в своем доме он хранит *«одеяния — тринадцатого, пятнадцатого, семнадцатого веков и ... деревянного голого в терновом венце Христа, взятого из бобреновского монастыря, работы семнадцатого века»* [Там же, с. 4206]. Подобные контексты репрезентируют взаимосвязь исторического пространства и пространства Вечности, преломившихся в современной Коломне.

Важную семантическую нагрузку в структуризации романного пространства несет Маринкина башня, соединяющая вертикальную и горизонтальную проекции, что «придает особую весомость данному локусу» [Профатилю, 2006, с. 8]. Кроме него, пространство Вечности структурируется преданиями и легендами, включенными автором в повествование, в частности легендой о Марине Мнишек, имеющей сквозной характер и присутствующей в ряде произведений писателя: *Я записала преданья об этой башне, о её судьбе. Вы знаете легенду о том, что душа Марины Мнишек летает вороною над Россией?* [Пильняк, 1990, с. 531].

Особое внимание акцентируем на структурирующем городское пространство локусе дома. Крупным планом автор описывает несколько домов, каждый из которых несет свою семантическую нагрузку и связан с выделенными нами типами пространства: дом Якова Карповича Скудрина в Запрудах, *«провалившийся в 18 век»*, дом вдовы Мышкиной на пересечении Посадской и Гончарной улиц, построенный *«до времен и во времена Петра»* [Там же, с. 425], дом бывшего барина Каразина, подвал собственного дома, где живет семья помещиков Тучковых.

Важная роль в создании пространства города принадлежит атрибутивной лексеме *коломенский*, в первую очередь номинирующей саму описываемую местность: *... за окнами, избяная деревенская матушка-Русь... — броницкие, коломенские земли* [Там же, с. 407].

По принадлежности к Коломне объективируются локусы городского пространства (исполком, завод, Кремль и т. д.): *... мужчины ходили обивать железо на коломенском машиностроительном заводе* [Там же, с. 410]; *... завтра приезжает в коломенский театр московская труппа* [Там же, с. 543]; *... в земле коломенского кладбища* [Там же, с. 499]), люди (*О коломенском нашем Данилушке* [Там же, с. 440]; *... потомственных коломенских мещанок* [Там же, с. 603]), временные отрезки (*Полтораки не спал в этой коломенской ночи* [Там же, с. 460]); и понятия, принадлежа-

щие к духовно-нравственной сфере, составляющие свод моральных законов существования человеческого общества (честь, достоинство, мораль, позор): *Её целомудрие библейской смаковницы и всеколомненские честь и честность оказались ни к чему* [Там же, с. 418].

Остановимся еще на одном аспекте раскрытия городского пространства в романе «Волга впадает в Каспийское море», связанном с семантически значимым и сквозным для многих произведений писателя мотивом — провинции.

Лексема *Коломна* номинирует в романе место нахождения города, который Б. Пильняк называет *обывательским, городом глубокого тыла, азиатской бабой-Коломной*, а в целом — *Бабой-провинцией*. Именно так, с заглавной буквы, тем самым одушевляя город, придавая ему черты живого существа. В провинции писатель пытается прозреть универсальную модель бытия: *Расея, Русь, Коломна: провинция. Кирпичный, страшный, развалившийся забор на той стороне улицы упирается в охранный с бельведером дом на одном углу, а на другом — церковь, дальше площадь, опять церковь, ветлы, летнее небо, мостовые* [Там же, с. 416]. Провинциальная, обывательская Коломна, с одной стороны, индивидуализируется: *В обывательской Коломне двадцать семь церквей, болота, деревни, четыре монастыря... седые камни Кремлей: в Маринкиной башне в Коломне умерла Марина Мнишек* [Там же, с. 419]. С другой — автором подчеркиваются типичные черты провинции, приравнивающие её к другим русским городам, вписывающие в пространство России: *... Коломна обывателей пребывала городом глубокого тыла, податей, наборов и разверсток ... Город обывателей жил в профессиональных книжках, и в очередях, и в лавках не было товаров, отданных фронтам* [Там же, с. 419].

Описание Коломны не ограничивается бытовой или исторической стороной действительности, оно мифологизируется. Как справедливо отметил И. Трофимов, «тема провинции из социально-бытовой естественно перерастала в онтологическую» [Трофимов, 1998, с. 6]. По мнению ученого, провинция — это «разряженное пространство, устремленное в бесконечность» [Там же, с. 20].

4. Заключение = Conclusions

Проведенный анализ способов лексической репрезентации пространственного континуума в романе Б. Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» позволяет сформулировать следующие выводы:

— авторская цитата из текста произведения «путаница пространств» [Пильняк, 1990, с. 422] как нельзя более точно характеризует пространственную модель романа, где один тип пространства словно перетекает в другой;

— калейдоскопичность, свойственная авторскому стилю в целом, наблюдается и в принципах структурирования пространства;

— пространство романа многослойно, а создающие его локусы полифункциональны;

— созданная в произведении пространственная модель имеет две плоскости: горизонтальную, центром которой является монолит, строящийся под Коломной, и все остальные локусы оказываются так или иначе сопричастны этому строительству, и вертикальное, центром которого является башня Марины Мнишек;

— в романе органично взаимодействуют, соприкасаясь и перетекая друг в друга, современное, историческое, Вечное и ментальное пространство;

— пространство романа динамично, сема движения задана уже в главнии произведения и последовательно реализуется в характеристике основных топосов;

— важная роль в пространственном континууме романа принадлежит структурированию городского пространства, объективация которого связана с мотивной парадигмой произведения, интерпретацией прецедентных текстов (легенды о граде Китеже и Марине Мнишек);

— каждый герой романа вписан в свое пространство, центром которого он и является, объективируемое его происхождением (Ласло), родом профессиональной деятельности (Любовь Пименовна Полетика), системой жизненных ценностей и воспоминаниями (Иван Ожогов), историей жизни (профессор Полетика) и т. д.

Исследование пространственной модели авторской языковой картины мира в романе «Волга впадает в Каспийское море» было осуществлено с позиций взаимодействия основных пространственных типов, принципов их структурирования и характеристики центральных топосов. Анализ способов объективации пространства позволил выявить типичные и индивидуальные черты авторского миромоделирования.

Источники

1. Пильняк Б. Романы / Б. Пильняк. — Москва : Современники, 1990. — 606 с.

Литература

1. Анпилова Л. Н. Проза Бориса Пильняка 1920-х годов. Опыт русского экспрессионизма : монографический очерк / Л. Н. Анпилова. — Екатеринбург : Словесник, Уральский государственный педагогический университет, 2008. — 164 с. — ISBN 9785904205010.

2. Ауэр А. П. Перед лицом Вечности : Статьи о художественном мире Б. Пильняка / А. П. Ауэр. — Коломна : КГПИ, 2009. — 211 с. — ISBN 978-5-98492-087-2.

3. *Бабенко Л. Г.* Лингвистический анализ художественного текста / Л. Г. Бабенко. — Москва : Флинта : Наука, 2009. — 495 с. — ISBN 5-89349-337-0.
4. *Болдырев Н. Н.* Антропоцентризм пространства и времени как форм языкового сознания / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. — 2018. — Выпуск 32. — С. 26—35. — DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-25-32.
5. *Болдырев Н. Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка / Н. Н. Болдырев. — Москва : Изд. дом ЯСК, 2019. — 480 с. — ISBN 978-5-6040760-9-5.
6. *Грякалова Н. Ю.* Диалог Марии Шкапской и Бориса Пильняка начала 1920-ых гг. / Н. Ю. Грякалова // Русская литература. — 2004. — № 4. — С. 40—53.
7. *Денисов А. Е.* Борис Пильняк в Коломенском крае / А. Е. Денисов. — Коломна : Тираж 2007. — 44 с. — ISBN 978-5-906800-16-9.
8. *Дискаччиати О.* Возвращение в судьбу как повторяющийся мотив в творчестве Бунина и Пильняка [Электронный ресурс] / О. Дискаччиати // Новые российские гуманитарные исследования. — 2020. — № 15. — Режим доступа : <http://nrgumis.ru/articles/2084/> (дата обращения: 10.09.2022).
9. *Дубова М. А.* Пространственные параметры модели мира в рассказе В. Я. Брюсова «Бемоль» / М. А. Дубова, Н. А. Ларина // Мир науки, культуры, образования. — 2019. — № 1 (74). — С. 425—426. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195.
10. *Костякова Л. Н.* Язык Бориса Пильняка : средства художественной выразительности / Л. Н. Костякова. — Коломна : Коломенский государственный педагогический институт, 2006. — 258 с.
11. *Крючков В. П.* Проза Б. А. Пильняка 1920-ых годов : мотивы в функциональном и интертекстуальном аспектах : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.01 / В. П. Крючков. — Саратов, 2006. — 51 с.
12. *Метликина Л. С.* Окаzionaliальные сравнения в произведениях Б. А. Пильняка / Л. С. Метликина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2 : Филология и искусствоведение. — 2009. — № 2. — С. 159—163.
13. *Орлицкий Ю. Б.* Стихотворный элемент в прозе Б. Пильняка / Ю. Б. Орлицкий // Б. А. Пильняк : исследования и материалы. Сборник научных трудов. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2011. — С. 22—32. — ISBN 978-5-98492-095-7.
14. *Провоторова Е. Ю.* Безличные предложения в текстах «орнаментальной» прозы : структура, семантика, функционирование : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / Е. Ю. Провоторова. — Волгоград, 2010. — 21 с.
15. *Профатило И. И.* Художественный мир прозы Б. А. Пильняка : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / И. И. Профатило. — Москва, 2006. — 184 с.
16. *Саркисян О. Б.* Концептуальное содержание леммы «жизнь» в авторской языковой картине мира (на материале повести И. А. Бунина «Деревня») / О. Б. Саркисян, М. А. Дубова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2021. — № 3 (156). — С. 110—114.
17. *Святославский А. В.* М. М. Пришвин и Б. А. Пильняк : к истории творческих взаимоотношений / А. В. Святославский // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. — 2020. — № 6—1. — С. 118—127. — DOI: 10.20339/PhS.6-20.118.
18. *Соколова Ю. В.* Лексико-семантические особенности образных рядов в русской орнаментальной прозе первой трети XX века / Ю. В. Соколова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2014. — № 10—3 (40). — С. 174—176.

19. Топоров В. Н. Пространство и текст / В. Н. Топоров // Исследования по этимологии и семантике. Теория и некоторые частные её приложения. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 816 с. — ISBN 5-94457-186-1.

20. Трофимов И. Провинция Б. Пильняка / И. Трофимов. — Daugavpils : DPU izdevniecība «Saul», 1998. — 132 p.

21. Хоронов С. В. Экзотизм как способ создания художественной условности в творчестве Б. А. Пильняка / С. В. Хоронов // Известия Смоленского государственного университета. — 2015. — № 2 (30). — С. 60—69.

22. Шайтанов И. О. Когда ломается течение (исторические метафоры Бориса Пильняка) / И. О. Шайтанов // Вопросы литературы. — 1990. — № 7. — С. 35—72.

23. Яковлев А. А. Языковая картина мира как лингвистическое понятие : обзор российских публикаций последних лет / А. А. Яковлев // Вестник НГУ. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2017. — № 2. — С. 5—20.

24. Camisa M. E. Andrei Platonov and Boris Pil'niak : the pursuit of the happy man / M. E. Camisa // Philological Class. — 2021. — Т. 26. — № 1. — Pp. 107—117. — DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Статья поступила в редакцию 06.02.2023;
одобрена после рецензирования 23.02.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.

Material resources

Pilnyak, B. (1990). *Novels*. Moscow: Sovremenniki. 606 p. (In Russ.).

References

Anpilova, L. N. (2008). *Boris Pilnyak's prose of the 1920s. The Experience of Russian Expressionism: a monographic essay*. Yekaterinburg: Slovesnik, Ural State Pedagogical University. 164 p. ISBN 9785904205010. (In Russ.).

Auer, A. P. (2009). *In the face of Eternity: Articles about the artistic world of B. Pilnyak*. Kolomna: KSPI. 211 p. ISBN 978-5-98492-087-2. (In Russ.).

Babenko, L. G. (2009). *Linguistic analysis of a literary text*. Moscow: Flint: Nauka. 495 p. ISBN 5-89349-337-0. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2018). Anthropocentrism of space and time as forms of linguistic consciousness. *Cognitive studies of language*, 32: 26—35. DOI: 10.20916/2071-9639-2016-25-25-32. (In Russ.).

Boldyrev, N. N. (2019). *Language and knowledge system. Cognitive theory of language*. Moscow: Publishing house of YASK. 480 p. ISBN 978-5-6040760-9-5. (In Russ.).

Camisa, M. E. (2021). Andrei Platonov and Boris Pil'niak: the pursuit of the happy man. *Philological Class*, 26 (1): 107—117. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-01-08.

Denisov, A. E. (2007). *Boris Pilnyak in the Kolomna Region*. Kolomna: Circulation. 44 p. ISBN 978-5-906800-16-9. (In Russ.).

Discacciati, O. (2020). Return to the estate as a recurring motif in the works of Bunin and Pilnyak. *New Russian Humanitarian Studies*, 15. Available at: <http://nrgumis.ru/articles/2084/> (access mode 10.12.2022). (In Russ.).

Dubova, M. A., Larina, N. A. Spatial parameters of the world model in the story of V. Y. Bryusov "Flat". *The world of science, culture, education*, 1 (74): 425—426. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-185-195. (In Russ.).

- Gryakalova, N. Y. (2004). Dialogue of Maria Shkapskaya and Boris Pilnyak of the early 1920s. *Russian Literature*, 4: 40—53. (In Russ.).
- Khoronov, S. V. (2015). Exoticism as a way of creating artistic conventions in the work of B. A. Pilnyak. *Bulletin of the Smolensk State University*, 2 (30): 60—69. (In Russ.).
- Kostyakova, L. N. (2006). *Boris Pilnyak's language: means of artistic expression*. Kolomna: Kolomna State Pedagogical Institute. 258 p. (In Russ.).
- Kryuchkov, V. P. (2006). *The prose of B. A. Pilnyak of the 1920s: motives in functional and intertextual aspects*. Author's abstract of Doct. Diss. Saratov. 51 p. (In Russ.).
- Metlikina, L. S. (2009). Occasional comparisons in the works of B. A. Pilnyak. *Bulletin of the Adygea State University. Series 2: Philology and Art History*, 2: 159—163. (In Russ.).
- Orlitsky, Yu. B. (2011). The poetic element in the prose of B. Pilnyak. In: *B. A. Pilnyak: research and materials. Collection of scientific papers*. Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 22—32. ISBN 978-5-98492-095-7. (In Russ.).
- Profatilo, I. I. (2006). *The artistic world of B. A. Pilnyak's prose*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 184 p. (In Russ.).
- Provotorova, E. Y. (2010). *Impersonal sentences in the texts of "ornamental" prose: structure, semantics, functionalization*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 21 p. (In Russ.).
- Sarkisyan, O. B., Dubova, M. A. (2021). The conceptual content of the lexeme "life" in the author's linguistic picture of the world (based on the story of I. A. Bunin "Village"). *Proceedings of the Volgograd State Pedagogical University*, 3 (156): 110—114. (In Russ.).
- Shaitanov, I. O. (1990). When the current breaks (historical metaphors of Boris Pilnyak). *Questions of literature*, 7: 35—72. (In Russ.).
- Sokolova, Yu. V. (2014). Lexico-semantic features of figurative rows in Russian ornamental prose of the first third of the twentieth century. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, 10—3 (40): 174—176. (In Russ.).
- Svyatoslavsky, A. V. (2020). M. M. Prishvin and B. A. Pilnyak: towards the history of creative relationships. *Philological Sciences. Scientific reports of the higher school*, 6—1: 118—127. DOI: 10.20339/PhS.6-20.118. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (2005). Space and text. In: *Research on etymology and semantics. Theory and some of its particular applications*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 816 p. ISBN 5-94457-186-1. (In Russ.).
- Trofimov, I. (1998). *Province of B. Pilnyak*. Daugavpils: DPU izdevnieciba «Saul». 132 lpp. (In Russ.).
- Yakovlev, A. A. (2017). The linguistic picture of the world as a linguistic concept: a review of Russian publications of recent years. *Bulletin of the NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2: 5—20. (In Russ.).

*The article was submitted 06.02.2023;
approved after reviewing 23.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Ильина Е. Н. Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности / Е. Н. Ильина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 220—236. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-220-236.

Ilyina, E. N. (2023). Tale of Verlioka in Speech Culture of Belozerye and in Repertoire of Language Personality. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 220-236. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-220-236. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-220-236

Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности

Ильина Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-1797-8959
ResearcherID: AAD-2733-2019
доктор филологических наук,
профессор,
кафедра русского языка, журналистики
и теории коммуникации
filfak@list.ru

Вологодский
государственный университет
(Вологда, Россия)

Tale of Verlioka in Speech Culture of Belozerye and in Repertoire of Language Personality

Elena N. Ilyina
orcid.org/0000-0002-1797-8959
ResearcherID: AAD-2733-2019
Doctor of Philology, Professor,
Department of Russian Language,
Journalism and Communication Theory
filfak@list.ru

Vologda State University
(Vologda, Russia)

© Ильина Е. Н., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению речевой культуры европейского Севера России. Исследуются записи сказки о Верлиоке, сделанные в Белозерье со слов одного информанта с разницей в двадцать лет. Рассматриваются условия бытования сказки, жанровая принадлежность, организация сюжета, композиционное членение, языковая специфика. Доказывается, что каждый из вариантов воспроизводит один и тот же сюжет сказки о Верлиоке. Показано, что этот персонаж, *маргинальный и имеющий весьма размытые характеристики на восточнославянской территории* (О. А. Черепанова), является антагонистом главного персонажа, отличается аномальностью / моноструктурностью строения тела (наличие только одного глаза) и людоедством. Отмечается, что при всех текстовых расхождениях сюжет строится вокруг вредительства и его ликвидации с помощью волшебных помощников главного героя (*верёвочка / пояс, жёлудь, палочка*), в столкновении с антагонистом проявляющих свои чудесные свойства. Автор делает вывод, что языковые особенности записей сказки определяются территориальной спецификой речи рассказчика и его стремлением развлечь собеседников (в первом варианте записи) или максимально полно отразить воспоминания о своей семье и родной деревне (во втором варианте).

Ключевые слова:

диалектология; лингвофольклористика; севернорусские говоры; языковая личность; Верлиока.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the study of the speech culture of the European North of Russia. Records of the tale of Verlioka, made in Belozerye, from the words of one informant twenty years apart, are being investigated. The conditions of existence of fairy tales, genre affiliation, plot organization, compositional structure, language specifics are considered. The conditions of fairy tales existence, genre affiliation, plot organization, compositional structure, language specifics are considered. It is shown that this character, *who is marginal and has very blurred characteristics in the East Slavic territory* (O. A. Cherepanova), is the antagonist of the main character, differs in the abnormality / monostructure of the body structure (the presence of only one eye) and cannibalism. It is noted that with all the textual discrepancies, the plot is built around the destruction and its elimination with the help of the main character's magic helpers (*rope / belt, acorn, wand*), which in a collision with the antagonist show their miraculous properties. The author concludes that the linguistic features of the fairy tale records are determined by the territorial specificity of the storyteller's speech and his desire to entertain the interlocutors (in the first version of the record) or to reflect the memories of his family and his native village as fully as possible (in the second version).

Key words:

dialectology; linguistic folklore; Northern Russian dialects; language personality; Verlioka.

Сказка о Верлиоке в речевой культуре Белозерья и в репертуаре языковой личности

© Ильина Е. Н., 2023

1. Введение = Introduction

Архив записей русских народных сказок, в разное время зафиксированных на территории Вологодской области, достаточно обширен и весьма обстоятельно прокомментирован российскими фольклористами [Бурцев, 1895; Шустиков, 1895; Едемский, 1912; Соколовы, 1915; Сказки и песни Вологодской области, 1955; Иваницкий, 1960; Народное устно-поэтическое творчество, 1965; Устное народное творчество Вологодского края, 2002; Вологодские сказки, 2008 и др.]. Среди записанных на этой территории сюжетов обращает на себя внимание один, в центре которого оказывается персонифицированный образ мирового зла, называемый, как правило, «говорящими» именами: *Лихо (Одноглазое)* и *Горе (-Злосчастие)*. Носитель зла может быть назван также словом с неясной внутренней формой *Верлиока*, однако сказки про Верлиоку фиксируются на весьма отдалённых от Вологодского края территориях современной Беларуси [Добровольский, 1891, с. 152—153] и Смоленской области Российской Федерации [Афанасьев, 1958, т. II, с. 427—430] (В малороссийских сказках этот персонаж именуется *Довгомуд* [Чубинский, 1878, с. 95—97], *Довгомудык* или *Тхир* [Манжура, 1890, с. 1]; сходные характеристики имеет также персонаж *Черная Кожа* в сказке, записанной Д. К. Зелениным в Вятской губернии [Зеленин, 1915, с. 285]). Тем любопытнее было обнаружить этот сюжет в западной части Вологодской области, на территории исторического Белозерья, причём нам удалось получить запись сказки о Верлиоке дважды: наш постоянный информант Николай Павлович Шабров, 1938 года рождения, уроженец деревни Борбушина Кирилловского района Вологодской области, в 1993 году рассказал её студентам — участникам диалектологической экспедиции, а через двадцать лет включил в один из своих рассказов-воспоминаний, посвящённых родной деревне и старшим поколениям своей семьи. Таким образом, мы имеем возможность сравнить два варианта одной сказки, обращая внимание на решение субъектом речи разных коммуникативных задач, комментируя жанровую, сюжетно-фабульную, персонажную и речевую специфику каждого из имеющихся вариантов, а также обращая внимание на особенности индивидуально-авторской репрезентации сказочного сюжета.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Описание сюжета сказок о Верлиоке, зафиксированное указателем сказочных сюжетов (сюжет 210*=AA, 210*B), включает в себя имя главного персонажа: *Верлиока* (медведь и др.), его антагониста (*старик*), его волшебных помощников (*селезень, рак, верёвочка, жёлудь*) и описание ключевого действия (наказывают Верлиоку за смерть старухи и внучки) [Сравнительный указатель ..., 1979]. Верлиока характеризуется маргинальностью телосложения (огромный рост и наличие только одного глаза) и поведения (агрессивность, похищение людей и людоедство); его место проживания удалено от человеческого жилья (избушка в глухом лесу), но устроено по человеческому образцу (дом с дверями и окнами, кухней, очагом, кухонной утварью, горницей и местом для сна); в схватке с ним победа может быть одержана исключительно хитростью и при помощи волшебных помощников, которыми чаще всего становятся одушевлённые предметы (среди них, как правило, упоминаются *верёвочка* и *жёлудь*), играющие решающую роль в пленении и ослеплении сказочного чудовища. Сюжет о Верлиоке традиционно рассматривается в составе комплекса сказок о домашних животных: *Страшное чудовище Верлиока убивает старуху и внучку. Старик отправляется к нему в избушку наказать его. Старика помогают селезень, веревочка, колотушка и желудь. Они уничтожают Верлиоку* [Пропп, 1958, с. 462]. Комментируя этот сказочный сюжет, исследователь духовной культуры Русского Севера О. А. Черепанова соотносит Верлиоку с межэтническим образом Циклопа, поддерживая предположение Н. А. Иваницкого о гендерном параллелизме образов Верлиоки и Бабы-Яги, а также рассматривая Верлиоку как одно из возможных воплощений Лешего [Черепанова, 1982; Черепанова, 1996; Черепанова, 2005 и др.]. Автор обращает внимание на локализацию записей сказки о Верлиоке преимущественно в западной части Восточной Славии при наличии типологических параллелей образу одноглазого великана в песенном фольклоре и несказочной прозе Русского Севера: *Тихо-тихо-тихо-тихо, / По деревне ходит Лихо / Одноглазенькое* (волог.) [Черепанова, 2005, с. 129]. Среди различных этимологий имени сказочного злодея: от коми-зырянского *вэр* «лес» и *лока* «злой» и германского *Warlock* «одно из именовании дьявола» до восточнославянского, ср. *варлеокий* «большеглазый», *верлиокий* «косой, поворачивающий во все стороны глазами», восходящих к *око* 'глаз' в сочетании с общеславянским процессуальным корнем *-ver- // *-vьr- с семантикой вращения, — автор отдаёт предпочтение последней, обращая внимание на семантический параллелизм с греческим именованием типологически сходного с Верлиокой существа Циклопа (Киклопа) [Черепанова, 2005, с. 131].

Имеющийся в нашем распоряжении текстовый материал (два варианта сказки о Верлиоке) был получен непосредственно автором данной статьи — в беседе с жителями деревни в условиях диалектологической экспедиции в деревню Борбушино Кирилловского района Вологодской области студентов и преподавателей Вологодского государственного педагогического института при участии студентов Института славистики Бохумского университета (Германия) в 1993 году, а также в процессе сбора материала, характеризующего языковую личность уроженца Кирилловского района Вологодской области Николая Павловича Шаброва, 1938 года рождения, который по нашей просьбе в течение примерно трёх лет (2011—2014 годы) вёл записи своих воспоминаний о родной деревне, семье, работе и пр., не будучи ограниченным ни во времени ведения записей, ни в выборе тем, персоналий, проблем и характера их описания [Ганичева, 2016; Ганичева, 2019 и др.]. Будучи по роду своей деятельности (пилот гражданской авиации, инженер, выпускник Московского авиационного института) далёким от сферы гуманитарного знания в целом и от фольклористики в частности, он не пользовался, насколько мы могли наблюдать, никакими сопоставительными источниками для верификации каких-либо представляемых в воспоминаниях данных, однако стремился максимально точно и подробно охарактеризовать описываемые им события и явления, упоминаемых в рассказах людей и животных.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Сравнительный анализ записанных нами вариантов сказки о Верлиоке включает в себя, во-первых, описание ситуации записи сказки с учётом разных коммуникативных задач субъекта речи, во-вторых, комментариев к её сюжетной организации и системе персонажей, а в-третьих, характеристику лингвистических особенностей, определяемых пространственной локализацией, личностными особенностями информанта и иными факторами.

3.1. Запись сказки 1993 года

Первый вариант сказки был записан во время одной из затянувшихся бесед со студентами-диалектологами. Н. П. Шабров предложил послушать сказку, переключая внимание собеседников и давая возможность отдохнуть от интенсивного общения своей матери Анне Алексеевне Шабровой / Татауровой, 1911 года рождения, одному из наших основных информантов в экспедициях 1988—2000 годов: *Мама, кончай про Лешего, иди-ко полежи! А вы, ребята, сказку про Верлиоку знаете? Дак я вам расскажу...* Наш собеседник рассказал эту сказку малознакомым молодым людям от своего имени с целью развлечь их и поменять тему беседы, заменить пожилую женщину в ситуации утомительного для неё многочасового диалога.

Жили-были дед да баба. Была у них внучка Маша. Раз весной посеял дед горох около леса. Хороший был горох. Радовался дед, радовалась баба, а внучка всё горох щипала. Однажды прибежала она и говорит: «Кто-то щиплет наш горох. Надо посмотреть». Сказала бабка: «Мы пойдём со внучкой караулить». А дед остался дома. Утром нет старухи с внучкой. Дедушка забеспокоился и сам пошёл в поле. Приходит и кричит: «Где ты, старая? Почему домой не идёте?» Никто не откликается. А горох весь помят, на земле огромные следы. Дедушка очень удивился, почему такие огромные следы. Удивился, пошёл домой, взял топор, вернулся обратно в поле и собирался идти дальше, куда следы шли. На дороге попалась верёвочка. Сказал ей дедушка: «Верёвочка, верёвочка! Ты не видела, куда пропали мои бабушка и внучка?» — «Видела, — отвечает верёвочка, — их Верлиока унёс в большой корзине. Возьми меня с собой!» Дедушка и взял — положил в карман.

Идёт дальше дедушка. Видит — лежит на дороге жёлудь. Говорит ему дедушка: «Жёлудь, жёлудь! Не видел, куда Верлиока утащил бабушку и внучку?» «Видел, — говорит жёлудь, — он мимо проходил, сорвал меня с ветки, на дорогу бросил. Возьми меня с собой! Что мне засыхать?». Дедушка и жёлудь положил в карман.

И всё идёт по следам. Топор воткнут за поясом. Вдруг, уже глубоко в лесу, увидел огромную избу. Следы привели его к ней. Зашёл дедушка в избу и увидел, на полатах в корзине сидят бабушка, внучка и плачут, конечно. Большие никого в избе нет. Дедушка говорит им: «Почему вы в корзине?». Бабушка отвечает ему: «Пришёл Верлиока и захотел нас съесть. Сейчас за дровами ушёл, но скоро снова придёт». Дедушка освободил их, все спрятались. Вдруг верёвочка: «Положи меня на порог!». А жёлудь залез в кашу, которая стояла на столе (Верлиока ест не только людей, но и кашу).

Тут и Верлиока с дровами приходит. Вдруг из каши раздаётся голос жёлудя: «Пик-пик-пик. Пришли Верлиоку бить!». Верлиока оглянулся и говорит: «Замолчи, каша! Вилью за окошко!». А жёлудь опять: «Пик-пик-пик. Пришли Верлиоку бить!». Верлиока опять: «Замолчи, каша! Вилью за окошко!». Тут жёлудь опять за своё. Рассердился Верлиока и вылил кашу за окошко. А жёлудь не зевал — выскочил ему прямо в глаз (у Верлиоки только один глаз был). Рассердился Верлиока и стал по избе бегать. Тут верёвочка ему ноги запутала, он и упал.

Вышел дед и говорит: «Ах, Верлиока! Зачем унёс бабушку и внучку? Хотел съесть их?» «Я больше не буду!» — заплакал Верлиока. «Больше не ходи на горох!» — предупредил дедушка, вынул из глаза жёлудь, простил Верлиоку и пригласил на обед.

С тех пор подружился Верлиока с семьёй, стали они поживать да горох наживать.

Как мы можем убедиться, в этом варианте сюжет сказки о Верлиоке вполне узнаваем, в ней действует привычная система персонажей: главный герой — пожилой человек мужского пола (*дедушка*), его антагонист (одноглазый великан-людоед *Верлиока*), похитивший младших или более слабых родственников героя (*бабка* и внучка *Маша*), а также волшебные помощники (*верёвочка* и *жёлудь*). Композиционно группируясь вокруг *вредительства* (порча посевов гороха и похищение людей) и *его ликвидации* (их возвращение в результате нападения на Верлиоку в его лесном доме), сказочный сюжет являет собой традиционный комплекс сказочных мотивов, отличаясь, пожалуй, лишь специфичностью завершения, невозможного при каноническом воспроизведении сюжета о Верлиоке (побеждённый Верлиока раскаялся, был прощён и приглашён к людям). В тексте сказки можно наблюдать устойчивые речевые формулы: инициальные («*жили-были дед да баба*»), финальные («*стали поживать да ... наживать*»), а также неоднократно повторяемые реплики диалога героя с волшебными помощниками (*Видит — лежит на дороге жёлудь. Говорит ему дедушка: «<...> Не видел, куда Верлиока утащил бабушку и внучку?» — «Видел, — говорит жёлудь, — <...> Возьми меня с собой!*») и Верлиоки с жёлудем, который спрятался в каше: «*Пик-пик-пик. Пришли Верлиоку бить!*». *Верлиока оглянулся и говорит: «Замолчи, каша! Вылью за окошко!»*. Запись текста не даёт возможностей обнаружить специфические черты, свойственные информанту, речь которого имеет севернорусскую диалектную основу (подробнее об этом: [Ганичева, 2015]), какие-либо фонетико-акцентологические, лексические и грамматические особенности белозерско-бежецких говоров. Однако обращает на себя внимание стремление информанта к точности в деталях (*Верлиока ест не только людей, но и кашу*), эксплицитированное в форме вставных предложений: *А жёлудь не зевал — выскочил ему прямо в глаз (у Верлиоки только один глаз был)*.

3.2. Запись сказки, опубликованная в 2014 году

Второй вариант сказки о Верлиоке включён в рассказ Н. П. Шаброва о его бабушке и опубликован в 2014 году в монографии, посвящённой речевой культуре жителей Белозерья [Народная речь ..., 2014, с. 146—148]. Сказка о Верлиоке представлена со слов его неграмотной бабушки Парасковьи Наумовны Шабровой / Масловой, крестьянки, 1880 года рождения, уроженки деревни Емишова Кирилловского района Вологодской области. Характеризуя свою бабушку как человека нелёгкой судьбы, большую труженицу и добрую заботливую женщину, информант вспоминает её талант рассказывать сказки, подтверждая свои слова текстом одной из бабушкиных сказок:

На Новочистках, в Маленьком выгону, назрело много земляники. А землянику все любят: и дети, и взрослые, и собаки, и скотина, и Верлиока. Кто такой Верлиока? Да это хозяин леса, вроде медведя, а похож на человека, только большой, ростом с большую ёлку. У него две ноги, две руки, большая голова и огромный живот. На голове уши, рот, нос и один глаз посредине лба. А ест он всё, что найдёт в лесу. И дом у него есть в глухом месте, только этого дома никто не видал. Может, кто и видал, да только этих людей потом не находили. Видно, их съедал Верлиока. Но мне моя бабушка рассказывала, что дом Верлиоки она всё же видела и сумела спастись. А дело было так.

Значит, на Новочистках назрело много земляники. И собрались ребята её собирать. Взяли корзиночки, каждый взял палочку, чтобы проверять, нет ли у земляники змей, и отправились. А моя бабушка, она тоже была маленькой девочкой, тоже пошла вместе с братом. Пришли в глухое место, увидели много ягод и разбрелись все в разные стороны. Потом стали собираться, а бабушки моей нет. Поискали — не нашли, и пошли в деревню за помощью. А брат остался. Посмотрел вокруг себя, видит: лежит её палочка. «Палочка-палочка, — спрашивает, — а где Анюта?». А палочка и говорит: «Собирали мы ягоды, да вдруг появился лесной хозяин с огромным пестерём, схватил Анютку за курточку, посадил в пестерь, а сам говорит: “Вот теперь у меня еда на ужин есть”. Девочка испугалась, меня — палочку — выронила. Вот упала я на землю и лежу. Хочу с тобой идти искать мою хозяйку».

Поднял мальчик палочку и пошёл по следам лесного хозяина. Идёт и видит: лежит сестрин поясок на дороге. Это, верно, сестрица бросила, чтобы её искать сподручнее. Взял он поясок, пошёл дальше по следам Верлиоки. Видит: на земле в грязи лежит жёлудь. «Что же ты тут валяешься, жёлудь?» — спрашивает братец. «Верлиока меня сорвал с ветки незрелым, вот теперь я не стану деревцем, а просто помру». Взял мальчик жёлудь, обтёр, положил в карман и пошёл дальше сестрицу искать.

Долго ли, коротко ли, пришёл он к дому Верлиоки. Видит: дверь не заперта, девочка в пестере у двери стоит, печь топится. А Верлиоки нигде нет: за водой ушёл. Хотел было брат сестру с собой увести — вдруг зашумел лес: Верлиока идёт. Спрятался братец под крыльцо, палочка за пестерь, поясок под порог, а жёлудь спрятался в кашу, что стояла у окна на столе.

Зашёл в дом Верлиока, посмотрел в пестерь — там ли девочка, прошёл в горницу, сел к столу и только захотел каши зачерпнуть, как оттуда тоненький голосок раздаётся:

— Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!

— *Замолчи, каша, — говорит Верлиока, — вылью за окошко!*

А из каши опять голос:

— *Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!*

Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз. Заревел Верлиока, слеза у него пошла. Побежал глаз промыть к ведру, да споткнулся о поясок, что лежал у порога, а палочка как стукнет его по носу! Упал Верлиока, опрокинул пестерь, в котором сидела девочка. Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки. Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу.

А поясок и палочку дети не забыли, в деревню принесли и всем показывали, говорили, как те их выручили. Поясок и палочка очень гордились и долго с детьми жили. Пока не состарились.

В данном варианте мы можем наблюдать факт жанровой контаминации: начало текста строится по образцу былички, рассказывающей о встрече жителя деревни с мифологическим персонажем, по своим характеристикам весьма напоминающим *Лешего* (*хозяин леса вроде медведя, а похож на человека, только большой, ростом с большую ёлку; ест всё, что найдёт в лесу; дому него есть в глухом месте и др.*). Для большей достоверности сообщаемого рассказчик использует знакомые слушателям названия местности (*Новочистки, Маленький выгон*), детализирует её описание (*На Новочистках, в Маленьком выгону, незрело много земляники*), вводит в качестве персонажей известных ему людей (*Но мне моя бабушка рассказывала, что дом Верлиоки она всё же видела и сумела спастись*). Возможно, поэтому героем сказки, спасителем девочки Анюты (реальное имя старшей родственницы), становится не старик, как в большинстве вариантов сказки о Верлиоке, а её брат. Переход к сказочному повествованию анонсируют речевая формула *«А дело было так»* и повтор информации о *земляничных местах* возле деревни, определяющей отправную точку развития сказочного сюжета. Земляника как причина появления Верлиоки возле человеческого жилья не фигурировала ни в одном из ранее зафиксированных вариантов сказки. Сказочного злодея, как правило, привлекает *горох* [Афанасьев, 1957, т. II, с. 337; Добровольский, 1891, т. I, с. 152], упоминаются также *репа* [Чубинский, 1878, с. 95], *куры* [Манжура, 1980, с. 1], *лыко* [Зеленин, 1915, с. 285]. В сравнении с предыдущим вариантом сказки публикация 2014 года характеризуется большей полнотой и обстоятельностью. Это касается и описания действий фоновых персонажей (например, сбора детей за земляничной накануне обнаружения вредительства: *взяли корзиночки, каждый взял палочку, чтобы проверить, нет ли у земляники*

змей, и пошли), и словесного наполнения вопросно-ответных формул в ситуации встречи героя с волшебными помощниками («Палочка-палочка, — спрашивает, — а где Анюта?». А палочка и говорит: «Собирали мы ягоды, да вдруг появился лесной хозяин с огромным пестерём, схватил Анютку за курточку, посадил в пестерь, а сам говорит: “Вот теперь у меня еда на ужин есть”. Девочка испугалась, меня — палочку — выронила. Вот упала я на землю и лежу. Хочу с тобой идти искать мою хозяйку»), и вербализации кульминационного события — ликвидации вредительства в борьбе с антагонистом главного героя (Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз. Заревел Верлиока, слеза у него пошла. Побежал глаз промыть к ведру, да споткнулся о поясок, что лежал у порога, а палочка как стукнет его по носу! Упал Верлиока, опрокинул пестерь, в котором сидела девочка. Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки. Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу), и мн. др. Обращает на себя внимание использование рассказчиком эмоционально и экспрессивно окрашенной лексики, называющей персонажей сказки (ребятишки, сестрица, Анютка, братец, братик, палочка, поясок и др.) и характеризующей упоминаемые в ней предметы (тоненький голосок, огромный пестерь и др.), а также эксплицирующей экспрессивность совершаемых действий (схватил, валяешься, выплеснул, попал прямо в лоб, как стукнет, выскочила, помчались прочь и др.). При этом речевая формульность сохраняется рассказчиком преимущественно в репликах диалога (Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить! — Замолчи, каша, — говорит Верлиока, — вылью за окошко!). В отличие от первого варианта сказки сюжет её завершается бегством детей из жилища Верлиоки и похвалой волшебным помощникам, которые остаются жить рядом с людьми: Хотел было тот за ними погнаться, да не тут-то было: жёлудь крепко засел у него в глазу. А поясок и палочку дети не забыли, в деревню принесли и всем показывали, говорили, как те их выручили. Поясок и палочка очень гордились и долго с детьми жили. Пока не состарились. Орфографическая запись текста, как и в предыдущем случае, не позволяет в полной мере выявить диалектные особенности речи рассказчика, однако её частично детерминируют упоминания локальных микротопонимов (Новочистки, Малый выгон — именованья безлесных возвышенностей в окрестностях деревни Борбушина; вряд ли события, реально происходившие в жизни старших родственников информанта, могли быть в этих местах, так как деревня Емишово, родина его бабушки П. Н. Масловой, находится не менее чем в двадцати километрах от упоминаемых возвышенностей) и местное название пестерь ‘заплет-

ный короб из лыка, бересты или корней’, фиксируемое преимущественно в севернорусских говорах [СРНГ, т. 26, с. 311] и практически повсеместно представленное на территории Вологодской области [СВГ, т. 7, с. 49—50].

3.3. Сходства и различия двух вариантов сказки

Сопоставление двух вариантов сказки о Верлиоке дало возможность, во-первых, подтвердить её бытование на территории Белозерья в сказительской традиции XX века, а во-вторых, выявить значимые для интерпретации данной сказки жанровые, сюжетные, персонажные и языковые особенности.

Коммуникативная ситуация. Выбор сказки о Верлиоке в каждой из описанных коммуникативных ситуаций определялся самим информантом, но так или иначе был связан с воспоминаниями о мифологических персонажах, живущих в лесу. Информант предлагал свой рассказ широкой, локально не детерминированной аудитории (в 1993 году — студентам-диалектологам, в 2014 году — читателям монографии и электронного словаря), поэтому локализмы в обоих вариантах сказки сведены к минимуму. Рассказчик максимально стремится избежать описания жестокости в характеристике персонажей и их поступков. Вредоносные действия Верлиоки ограничиваются описанием порчи посевов (*А горох весь помят, на земле огромные следы*), похищением людей (*Верёвочка, верёвочка! Ты не видела, куда пропали мои бабушка и внучка? — Видела, — отвечает верёвочка, — их Верлиока унёс в большой корзине*) и упоминанием возможности их съесть (*Может, кто и видал, да только этих людей потом не находили. Видно, их съедал Верлиока*). В свою очередь герой, освобождающий пленников, либо прощает злодея и облегчает его страдания (*«Больше не ходи на горох!» — предупредил дедушка, вынул из глаза жёлудь, простил Верлиоку и пригласил на обед*), либо спасается бегством (*Выскочила Анютка, братик её схватил, помчались они прочь от этого страшного Верлиоки*), после чего счастливо живёт в окружении своих помощников.

Сюжет и система персонажей. Оба варианта сказки о Верлиоке, общие Н. П. Шабровым, достаточно далеки в сюжетном отношении от ранних записей, сделанных на более южных и западных территориях Восточной Славии. При этом вариант 1993 года представляется наиболее сохранным: в нём фигурирует традиционный для этого сюжета набор персонажей (*Верлиока, старик* и его близкие: *бабка и внучка, помощники: верёвочка и жёлудь*), а также называется исходная причина обнаружения вредительства (порча посевов *гороха*), однако в финале сказки главного антагониста прощают, приглашают в дом и налаживают с ним добрососедские отношения (*«Больше не ходи на горох!» — предупредил дедушка, вынул из глаза жёлудь, простил Верлиоку и пригласил на обед. С тех пор*

подружился Верлиока с семьёй, стали они поживать да горох наживать). Вариант 2014 года, дополняя рассказ информанта о своей семье и «малой родине», модифицируется с целью приближения его к реалиям деревенского детства — об этом свидетельствует введение в текст микротопонимов и личных имен старших родственников (*Новочистки, Малый выгон, Анюта*), подробных описаний типичных занятий деревенских детей (*поход в лес за земляничкой*). В сюжетном отношении здесь можно обнаружить контаминацию со сказкой о похищении детей лесным хозяином (*медведь, баба-яга* и др.) и их чудесном избавлении с помощью волшебных предметов (см., например, 313 I [Андреев, 1929, с. 28]) или взаимодействие с мотивом похищения девушки *медведем / лесным хозяином* [Гура, 1997, с. 167—168]. Об этом свидетельствует, во-первых, передача функций главного героя *брату* девочки (во всех других записях сказки о Верлиоке это *старик*), а во-вторых, *бегство* детей из логова злодея в финале повествования (вместо уничтожения главного антагониста и разграбления его жилища в раннее известных записях сказки о Верлиоке [Афанасьев, 1958, т. II, с. 427—430; Добровольский, 1891, с. 152—153 и др.]). В качестве волшебных помощников главного персонажа выступают одушевлённые предметы: *палочка*, с которой девочка собирала землянику (в варианте 2014 года), *верёвочка / поясок*, а также — в обоих вариантах — храбрый *жёлудь*, предпочитающий героический поход бессмысленному увяданию. В связи с этим нам представляется не вполне уместным рассматривать сказку о Верлиоке в ряду *сказок о домашних животных*, как это делалось ранее [Андреев, 1929, с. 22; Пропп, 1958, с. 462 и др.]. Как отличительные черты облика главного антагониста Верлиоки в обоих вариантах сказки информант выделяет *высокий рост и массивное телосложение*, наличие только *одного глаза и всеядность*, в том числе *каннибализм*.

Особенности речи. Имеющиеся в нашем распоряжении сказки о Верлиоке фиксировались по воспоминаниям одного информанта — уроженца типичной деревни на территории исторического Белозерья, диалектную основу речи которого составляют севернорусские белозерско-бежецкие говоры. В первом случае студенты-диалектологи делали орфографическую запись устного исполнения сказки Н. П. Шабровым, во втором случае он сам воспроизводил её по памяти внутри рассказа-воспоминания. Поэтому вполне закономерно, что синтаксическая организация текста, его объем, детальность описания отдельных мотивов и персонажей во многом определяют выбор устной или письменной формы речи. При этом можно выделить и индивидуально-авторские особенности воспроизведения сказки. Так, обращает на себя внимание обстоятельность, детальность характеристики встреченных по дороге помощников, в первую очередь *жёлудя*, которому

отведена решающая роль в кульминационной схватке с противником. Во-первых, информант подчёркивает плачевное положение жёлудя, сорванного Верлиокой и брошенного на дорогу: а) *Видит — лежит на дороге жёлудь <...> он мимо проходил, сорвал меня с ветки, на дорогу бросил. Возьми меня с собой! Что мне засыхать?;* б) *Видит: на земле в грязи лежит жёлудь <...> Верлиока меня сорвал с ветки недозревшим, вот теперь я не стану деревцем, а просто помру.* Во-вторых, сходным образом описывает ослепление Верлиоки жёлудем: а) *Рассердился Верлиока и вылил кашу за окошко. А жёлудь не зевал — выскочил ему прямо в глаз;* б) *Рассердился Верлиока, выплеснул кашу, а жёлудь выскочил да прямо ему в лоб попал, да скатился со лба и уколол Верлиоку прямо в глаз.* Наконец, практически слово в слово информант воспроизводит в обоих вариантах диалог жёлудя с Верлиокой: — *Пик-пик-пик, пришли Верлиоку бить!* — *Замолчи, каша,* — *говорит Верлиока,* — *вылью за окошко!* На фоне воспроизведения типичных для сказочного повествования речевых формул (*жили-были дед да баба; долго ли, коротко ли* и др.) обращают на себя внимание также и случаи их ситуативной модификации: *стали они поживать да горюх наживать.* Эти наблюдения вполне соотносятся со сделанными ранее выводами о том, что личность нашего информанта имеет диалектную речевую основу и может быть определена как локально детерминированная креативная языковая личность.

4. Заключение

Таким образом, сделанные нами записи сказки о Верлиоке подтверждают бытование на северо-западе Европейской части России одного из древнейших сказочных сюжетов. Ранее зафиксированный в Восточной Украине и Белоруссии, на Смоленщине и (с заметными изменениями) в Вятском крае, этот сюжет вполне ожидаемо нашёлся «между этими территориями», в Белозерье. Сказка о Верлиоке, весьма условно причисляемая составителями указателей сюжетов к числу *сказок о животных*, по набору мотивов и характеру ключевого конфликта (вредительство и его ликвидация с помощью чудесных помощников) в записанных нами вариантах может быть отнесена к числу *волшебных сказок*.

В сказительской практике оба варианта сказки о Верлиоке обнаружались в окружении малых жанров бытовой несказочной прозы — *быличек* и *бывальщин*, повествующих о встречах деревенских жителей с *Лешием*. *Верлиока*, одноглазый великан-людоед, побеждаемый деревенскими жителями и их волшебными помощниками, в сознании деревенских жителей и мыслится как *хозяин леса*: живущий в лесу человек огромного роста, обнаруживающий сходство с медведем, характеризующийся всеядностью и аномальностью телосложения.

По сравнению с более ранними записями сказки о Верлиоке зафиксированные нами варианты лишены «кровожадности» архаического конфликта (гибель старухи, внучки и, наконец, Верлиоки), адресованы слушателю / читателю младшего возраста, не входящему в «ближний круг» сказителя. Можно предположить, что здесь находит отражение как модификация традиционного сюжета в относительно новых условиях его бытования, так и индивидуальные особенности речи нашего информанта.

Источники и принятые сокращения

1. Андреев Н. П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне / Н. П. Андреев. — Ленинград : Издание Государственного русского географического общества, 1929. — 120 с.
2. Афанасьев, 1958 — *Народные русские сказки* А. Н. Афанасьева в 3 т. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1958. — Т. 1—3.
3. Бурцев, 1895 — *Деревенские сказки крестьян Вологодской губернии* / сост. и изд. А. Бурцев. — Санкт-Петербург, 1895. — 330 с.
4. Вологодские сказки, 2008 — *Вологодские сказки конца XX — начала XXI века* / сост. Т. А. Кузьмина. — Воскресенское : Департамент культуры Вологодской области ; Межпоселенческий центр традиционной народной культуры Череповецкого муниципального района, 2008. — 307 с. — ISBN 5-94022-023-1.
5. Ганичева, 2015 — *Ганичева С. А.* Материалы к словарю уроженца Кирилловского района Вологодской области [Электронный ресурс] / С. А. Ганичева. — 2015. — Режим доступа : <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (дата обращения 23.09.2022).
6. Добровольский, 1891 — *Смоленский этнографический сборник* / сост. В. Н. Добровольский // Записки Императорского русского географического общества. — Санкт-Петербург : Типография Е. Евдокимова, 1891. — Ч. 1. — Т. XX. — 808 с.
7. Едемский М. Б. Семнадцать сказок, записанных в Тотемском уезде в 1905—1908 гг. / М. Б. Едемский // Живая старина. — 1912. — Выпуск 2—4. — С. 211—258.
8. Зеленин, 1915 — *Великорусские сказки Вятской губернии* : сборник / Д. К. Зеленина // Записки Императорского русского географического общества по отделению этнографии. — Санкт-Петербург : Типография А. В. Орлова, 1915. — Том XLII. — 682 с.
9. Иваницкий, 1960 — *Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии* / Подготовка текстов, вступит. Статья и примеч. Н. В. Новикова. — Вологда : Вологодское книжное издательство, 1960. — 232 с.
10. Манжура, 1890 — *Сказки, пословицы и т. п., записанные в Екатеринославской и Харьковской губ. И. И. Манжурыю.* — Харьков : Типография К. Счасни, 1890. — 198 с.
11. Народная речь, 2014 — *Народная речь Вологодского края* : говоры Кирилловского района Вологодской области : монография / С. А. Ганичева, Ю. Н. Драчева, Е. Н. Ильина, Н. Г. Мельникова. — Вологда : ВоГУ, 2014. — 159 с. — ISBN 978-5-89791-128-8.
12. Народное устно-поэтическое творчество, 1965 — *Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края* : сказки, песни, частушки. В 2 т. / Под ред. В. В. Гуры. — Архангельск : Северо-Западное книжное издательство, 1965. — Т. 1. — 332 с.
13. СВГ — *Словарь вологодских говоров* / науч. ред. Т. Г. Паникаровская. Л. Ю. Зорина. — Вологда : Вологодский государственный педагогический институт ; Вологодский государственный педагогический университет, 1983—2007. — Выпуск 1—12.

14. Сказки и песни Вологодской области, 1955 — *Сказки и песни Вологодской области* / сост. С. И. Минц и Н. И. Савушкина. — Вологда : Областная книжная редакция, 1955. — 272 с.
15. Соколовы, 1915 — *Песни и сказки Белозерского края* / Зап. Борис и Юрий Соколовы. — Москва : Изд. Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1915. — 665 с.
16. Сравнительный указатель, 1979 — *Сравнительный указатель сюжетов* : Восточнославянская сказка / АН СССР. Отделение лит. и яз. Науч. совет по фольклору ; Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая ; Сост. Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. — Ленинград : Наука. Ленингр. отделение, 1979. — 437 с.
17. СРНГ — *Словарь русских народных говоров* / Науч. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. — Москва ; Ленинград ; Санкт-Петербург : Наука, 1965—2016. — Т. 1—49.
18. Устное народное творчество Вологодского края, 2002 — *Устное народное творчество Вологодского края*. — Вологда : Издательский центр ВИРО, 2002. — Выпуск 2. Волшебные сказки. — 238 с.
19. Черепанова, 1996 — *Мифологические рассказы и легенды Русского Севера* / сост. и автор коммент. О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1996. — 212 с.
20. Чубинский, 1878 — *Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. Юго-Западный отдел. Материалы и исследования, собранные действ. чл. П. П. Чубинским*. — Санкт-Петербург : Типография Майкова, 1878. — Том II. Малорусские сказки. — 688 с.
21. *Шустиков А. А.* Сказания и сказки Вельского уезда / А. А. Шустиков // Живая старина. — 1895. — Выпуск 2. — С. 203—211.

Литература

1. *Ганичева С. А.* Опыт речевого портрета уроженца Вологодской области / С. А. Ганичева // Вестник Вологодского государственного университета. Серия : Гуманитарные, общественные, педагогические науки. — 2016. — № 3 (3). — С. 61—64.
2. *Ганичева С. А.* К вопросу о диалектной основе в языковой личности выходцев из деревни / С. А. Ганичева // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2019. — № 6 (93). — С. 43—54.
3. *Гура А. В.* Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. — Москва : Индрик, 1997. — 912 с. — ISBN 5-85759-056-6.
4. *Пропп В. Я.* Указатель сюжетов / В. Я. Пропп // Народные русские сказки А. Н. Афанасьева в 3 т. — Москва : Гослитиздат, 1958. — Т. 3. — С. 454—501.
5. *Черепанова О. А.* Верлиока / О. А. Черепанова // Язык русского фольклора : межвузовский сборник. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1982. — 165 с.
6. *Черепанова О. А.* Культурная память в древнем и новом слове : исследования и очерки / О. А. Черепанова. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 2005. — 331 с. — ISBN 5-288-03950-X.

*Статья поступила в редакцию 06.02.2023;
одобрена после рецензирования 04.03.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.*

Material resources

- Afanasyev, 1958 — *Folk Russian fairy tales of A. N. Afanasyev in 3 volumes, 1—3*. (1958). Moscow: State Publishing House of Fiction. (In Russ.).
- Andreev, N. P. (1929). *Index of fairy-tale plots according to the Aarne system*. Leningrad: Publication of the State Russian Geographical Society. 120 p. (In Russ.).
- Burtsev, 1895 — *Village fairy tales of peasants of Vologda province*. (1895). St. Petersburg. 330 p. (In Russ.).
- Cherepanova, 1996 — *Mythological stories and legends of the Russian*. (1996). St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 212 p. (In Russ.).
- Chubinsky, 1878 — *The works of an ethnographic and statistical expedition to the West Russian Region. Southwest Department, II. Little Russian fairy tales*. (1878). St. Petersburg: Maykov Printing House. 688 p. (In Russ.).
- Comparative index of plots, 1979 — *Comparative index of plots: An East Slavic fairy tale*. (1979). Leningrad: Nauka. Leningr. Department. 437 p. (In Russ.).
- Dobrovolsky, 1891 — Smolensk Ethnographic collection. (1891). In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society, XX (1)*. St. Petersburg: Printing House E. Evdokimova. 808 p. (In Russ.).
- Edemsky, M. B. (1912). Seventeen fairy tales recorded in Totemsky uyezd in 1905—1908. *Zhivaya starina, 2—4*: 211—258. (In Russ.).
- Fairy tales and songs of the Vologda region, 1955 — *Fairy tales and songs of the Vologda region*. (1955). Vologda: Regional Book Editorial Office. 272 p. (In Russ.).
- Folk oral and poetic creativity, 1965 — *Folk oral and poetic creativity of the Vologda region: fairy tales, songs, ditties. In 2 vols, 1*. (1965). Arkhangelsk: North-Western Book Publishing House. 332 p. (In Russ.).
- Ganicheva, S. A. (2015). *Materials for the dictionary of a native of the Kirillovsky district of the Vologda region*. Available at: <https://isign.vogu35.ru/dict/index.htm> (accessed 23.09.2022). (In Russ.).
- Ivanitsky, 1960 — *Songs, fairy tales, proverbs, sayings and riddles collected by N. A. Ivanitsky in the Vologda province*. (1960). Vologda: Vologda Book Publishing House. 232 p. (In Russ.).
- Manzhura, 1890 — *Fairy tales, proverbs, etc., recorded in the Yekaterinoslav and Kharkov gubernias by I. I. Manzhura*. (1890). Kharkiv: Printing house of K. Schasni. 198 p. (In Russ.).
- Narodnaya rech, 2014 — *Narodnaya rech of the Vologda Region: dialects of the Kirillovsky district of the Vologda region: monograph*. (2014). Vologda: VSU. 159 p. ISBN 978-5-89791-128-8. (In Russ.).
- Oral folk art of the Vologda Region, 2002 — *Oral folk art of the Vologda region, 2. Fairy tales*. Vologda: VIRO Publishing Center. 238 p. (In Russ.).
- Shustikov, A. A. (1895). Tales and fairy tales of the Velsky district. *Zhivaya starina, 2*: 203—211. (In Russ.).
- Sokolov, 1915 — *Songs and fairy tales of the Belozersky region*. (1915). Moscow: Ed. Departments of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences. 665 p. (In Russ.).
- SRNG — *Dictionary of Russian folk dialects, 1—49*. (1965—2016). Moscow; Leningrad; St. Petersburg: Nauka. (In Russ.).
- SVG — *Dictionary of Vologda dialects, 1—12*. (1983—2007). Vologda: Vologda State Pedagogical Institute; Vologda State Pedagogical University. (In Russ.).
- Vologda fairy tales, 2008 — *Vologda fairy tales of the late XX — early XXI century*. (2008). Voskresenskoye: Department of Culture of the Vologda region; Inter—settlement

Center of Traditional Folk Culture of the Cherepovets Municipal district. 307 p. ISBN 5-94022-023-1. (In Russ.).

Zelenin, 1915 — Great Russian fairy tales of Vyatka province: a collection. (1915). In: *Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography, XLII*. St. Petersburg: A. V. Orlov Printing House. 682 p. (In Russ.).

References

Cherepanova, O. A. (2005). *Cultural memory in the ancient and new word: research and essays*. St. Petersburg: St. Petersburg University Press. 331 p. ISBN 5-288-03950-X. (In Russ.).

Cherepanova, O. A. (1982). Verlioka. In: *The language of Russian folklore: an interuniversity collection*. Petrozavodsk: Petrozavodsk University Press. 165 p. (In Russ.).

Ganicheva, S. A. (2016). Experience of a speech portrait of a native of the Vologda region. *Bulletin of Vologda State University. Series: Humanities, social sciences, pedagogical sciences*, 3 (3): 61—64. (In Russ.).

Ganicheva, S. A. (2019). On the question of the dialect basis in the linguistic personality of people from the village. *Bulletin of Cherepovets State University*, 6 (93): 43—54. (In Russ.).

Gura, A. V. (1997). *Animal symbolism in the Slavic folk tradition*. Moscow: Indrik. 912 p. ISBN 5-85759-056-6. (In Russ.).

Propp, V. Ya. (1958). Index of plots. In: *Folk Russian tales of A. N. Afanasyev in 3 volumes*, 3. Moscow: Goslitizdat. 454—501. (In Russ.).

*The article was submitted 06.02.2023;
approved after reviewing 04.03.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Подоксенов А. М. Пришвин о культе личности Сталина : заметки современника / А. М. Подоксенов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 237—252. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252.

Podoksenov, A. M. (2023). Prishvin about Stalin's Cult of Ppersonality: Notes of Contemporary. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 237-252. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-237-252

**Пришвин о культе
личности Сталина:
заметки современника**

Подоксенов Александр Модестович

orcid.org/0000-0001-6405-6140

доктор философских наук, профессор,
кафедра философии
и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

**Prishvin about Stalin's
Cult of Personality:
Notes of Contemporary**

Alexander M. Podoksenov

orcid.org/0000-0001-6405-6140

Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy
and Social Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

© Подоксенов А. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается еще не исследованный вопрос об отношении Пришвина к культуре личности Сталина, в чем заключается новизна исследования. На материале впервые вводимых в научный оборот сведений из 18-томного «Дневника» Пришвина, который стал доступен для читателя только в новейшее время, прослеживается эволюция взглядов писателя на роль Сталина в деле становления и развития советского государства. Цель работы — показать, что человек с историософским складом мышления Пришвин далек от мысли, будто причина возникновения культа личности — это исключительно вина Сталина из-за его коварства и деспотичности. Отмечается, что значимость суждений Пришвина об истоках и причинах сталинского культа состоит еще и в том, что выводы писателя во многом превосходят заключения многих позднейших исследователей советской эпохи. Делается вывод, что пришвинский анализ объективных и субъективных факторов возникновения культа личности Сталина показывает читателю не только талантливого художника слова, но и незаурядного мыслителя с собственным фило-софским взглядом на самые злободневные идейно-политические, экономические и социокультурные проблемы своего времени.

Ключевые слова:

Пришвин; дневники; отечественная литература XX века; проблема культа личности; образ Сталина.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The novelty of the study is seen in the unexplored question about Prishvin's attitude to Stalin's cult of personality. The evolution of the writer's views on the role of Stalin in the establishment and development of the Soviet state is considered based on the material first introduced into scientific circulation, summarized from the 18-volume Prishvin's "Diary", which became available to the reader only recently. The aim of the study is to show that as a man with a historiosophical mindset, Prishvin is far from thinking that the cause of the cult of personality is solely Stalin's fault because of his treachery and despotism. It is noted that the significance of Prishvin's conclusions about the origins and causes of the Stalinist cult also lies in the fact that the writer's conclusions largely anticipate the conclusions of many later researchers of the Soviet era. It has been established that Prishvin's analysis of the objective and subjective factors of the emergence of Stalin's personality cult shows the reader that before him is not only a talented artist of words, but also an extraordinary thinker with his own philosophical view on the most pressing ideological-political, economic and socio-cultural problems of his time.

Key words:

Prishvin; diaries; domestic literature of the 20th century; the problem of the cult of personality; the image of Stalin.

Пришвин о культе личности Сталина: заметки современника

© Подоксенов А. М., 2023

1. Введение = Introduction

Хорошо известно, что Пришвин, хотя и был известным советским писателем, получившим ряд государственных наград и литературных премий, тем не менее не был ярким сторонником и пропагандистом советского политического режима. В то же время как талантливый художник слова и незаурядный мыслитель, Пришвин, конечно же, не мог не обратить свой взор на деятельность политических вождей советской эпохи, и в его многотомном «Дневнике» значительное место занимают размышления о генеральном секретаре правящей партии первого в мире рабоче-крестьянского государства.

Первая дневниковая запись о вожде большевиков появляется у Пришвина в конце 1924 года: «Сталин выпустил брошюру против Троцкого “Троцкизм или Ленинизм” — невозможно выговорить, а Каменев назвал свою брошюру “Ленинизм или Троцкизм” — это выговаривается. Каменев, наверное, литературнее Сталина» [Пришвин, 1999, с. 190]. В приведенном размышлении писателя о представителях новой власти наряду с общепризнанными вождями революционного движения — В. И. Лениным, Л. Д. Троцким и Л. Б. Каменевым — не случайно упоминается имя И. В. Сталина, вся жизнь которого как генсека правящей партии и государственного деятеля будет определяться жестким и зачастую беспощадным соперничеством как с упомянутыми, так и с другими представителями элиты большевизма.

Если идейное наследие Ленина для Сталина станет основой теории социализма, которую он будет применять и развивать в практике государственного строительства, то к Троцкому и Каменеву, да и ко всем иным руководящим деятелям партии, генсек будет относиться прежде всего как к политическим соперникам — «претендентам на трон». Здесь важно отметить, что в советскую эпоху практически вся государственная власть находилась под контролем Коммунистической партии (до 1925 года — РКП(б), в 1925—1952 годах — ВКП(б), с 1952 года — КПСС). Высшим органом самой партии был Центральный комитет, избиравший Политбюро, решения которого были обязательны для всех как партийных, так и государственных структур. Это означало, что высшая власть в стране была у того, кто контролировал Политбюро ЦК.

Правда, роль Сталина в Политбюро и влияние на жизнь советского общества поначалу были весьма скромными, и усиление его позиций на первых порах шло лишь в скрытой от посторонних глаз сфере административно-партийного руководства. Почти все первое десятилетие после Октября он как генсек в основном лишь поддерживает или критикует инициативы других советских вождей, входящих в те годы в состав Политбюро ЦК: В. И. Ленина, Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, А. И. Рыкова, М. П. Томского, Н. И. Бухарина, В. В. Куйбышева, — постоянно сталкивая их между собой и интригуя с одними против других. Затем по мере политической дискредитации или физического устранения своих конкурентов Сталин постепенно стал приобретать статус «вождя партии», который значительно упрочился при праздновании его 50-летнего юбилея в 1929 году. В это же время появляются и первые самостоятельные решения Сталина: курс на индустриализацию экономики и коллективизацию сельского хозяйства, реализацию которых советская власть станет осуществлять самыми жесткими методами государственного диктата и классового насилия.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Вопрос об отношении Пришвина к культу личности Сталина, который составляет существенную часть мировоззренческих взглядов писателя на советскую действительность, до настоящего времени еще не исследован, о чем можно судить по отсутствию в пришвиноведении статей на тему «Пришвин и культ личности Сталина» в библиографическом указателе (см: [Михаил ..., 2013]). Отсутствие статей по заявленной нами теме обусловлено во многом тем, что отражение советской эпохи в творческом наследии писателя было скрыто в потаенном на многие годы «Дневнике» (1905—1954), 18 томов которого были изданы только в новейшее время с 1991 по 2017 годы. Публикация «Дневников» писателя с момента их появления вызвала и продолжает вызывать большой интерес исследователей самых разных аспектов творчества Пришвина [Апанович, 2002; Новоселова, 2004; Павловский, 1993; Сова, 2015; Борисова, 2018; Летаева, 2021]. Особо следует отметить огромный труд сотрудников мемориального дома-музея М. М. Пришвина в Дунине Я. З. Гришиной и Л. А. Рязановой — авторов комментария к каждому из 18 томов пришвинского «Дневника» (общий объем комментариев составит отдельный увесистый том).

Размышления Пришвина о культе личности Сталина — ценнейший исторический документ, передающий непосредственные впечатления очевидца о моральной атмосфере советского мироустройства, о вождях и политических деятелях большевизма, о провозглашаемых ими идеях и планах строительства нового государства, основанного на принципах

справедливости, всеобщего равенства и отсутствия эксплуатации человека человеком. Хотя ряд исследователей уже рассматривал проблему мировоззренческих взглядов Пришвина в советскую эпоху [Кузнецов, 1990; Павловский, 1993; Холодова, 2000; Варламов, 2003], упомянутые авторы не касались вопроса об отношении писателя к культу личности Сталина.

В данной статье мы ставим цель — показать историко-культурный контекст эволюции взглядов писателя на истоки культа личности Сталина. Нами используется биографический метод как общепринятый в литературоведении и истории философии, рассматривающий биографию и личность писателя или мыслителя в качестве определяющих факторов его творчества. Биографический метод позволяет объективно и доказательно проследить эволюцию философско-мировоззренческих взглядов писателя, на разных этапах творческого пути находящихся свое выражение в его искусстве. Метод реконструкции идейно-политического контекста жизни советского общества позволяет лучше понять особенности отношения писателя к государственной деятельности Сталина. Отличие Пришвина от многих современников — советских деятелей культуры, художников и писателей — в том, что в своем творчестве он всегда исходит из собственного опыта жизни и личных убеждений, не пытаясь подстроиться к господствующей в данный момент идеологии. Именно в этом ценность высказываний Пришвина о достоинствах и о недостатках правления Сталина, в стремлении дать исторически достоверный портрет его как вождя коммунистической партии и государства в столь сложный и противоречивый, а зачастую и трагичный период жизни советского общества 1920-х — начала 1950-х годов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Пришвин об идейно-теоретических истоках и предпосылках культа Сталина

Размышления о сущности своего крайне идеологизированного времени вполне закономерно приводили Пришвина к вопросу о причинах возникновения и укрепления в общественном сознании культа Сталина. Одной из изначально главных предпосылок возникновения культа личности многие исследователи считают принятую в марте 1921 года резолюцию X съезда РКП(б) о политическом единстве и запрете любых фракций, что дало центральному аппарату самые широкие полномочия в борьбе с инакомыслием среди партийцев: «Съезд предписывает <...> всем организациям строжайше следить за недопущением каких-либо фракционных выступлений. Неисполнение этого постановления съезда должно вести за собой безусловное и немедленное исключение из партии» [История ..., 1973, с. 313]. Заняв в апреле 1922 года пост генсека, Сталин станет использовать

эту резолюцию для укрепления собственной власти, постепенно оттеснив или устранив всех значимых политических соперников — соратников Ленина, вождей Октябрьской революции и большевизма. И хотя среди критиков сталинизма существует мнение, что в раскрутке своего культа ведущая роль принадлежит самому Сталину, в советскую эпоху порой не меньшая по масштабам пропаганда культа личности широко распространялась в отношении как В. И. Ленина и Л. Д. Троцкого, так и целого ряда иных деятелей большевизма: Я. М. Свердлова, Ф. Э. Дзержинского, М. В. Фрунзе, С. М. Кирова и др.

Прославление революционных деятелей было неотъемлемой частью советской пропаганды, широко практикующей тиражирование их портретов, избрание в «почетный президиум» съездов или собраний, присвоение их имен улицам и школам, заводам и фабрикам, вплоть до переименования городов. В повести «Мирская чаша» (1922) Пришвин рассказывает, что портреты вождей революции были типичным антуражем советских отделов и присутственных мест, где начальники находились в окружении новоявленных революционных богов: «Ленин, Троцкий и все тут на открытках», — и каждый чиновник, глядя на них, как будто «молится, презирая окружающих» [Пришвин, 2001, с. 113].

Суть политических процессов, происходивших в 1920—1930-х годах в советском обществе, для Пришвина виделась не столько в обострении классовых противоречий, сколько в усилении внутривластной борьбы бюрократии за власть. ««Классовую борьбу» теперь, при подавлении враждебных классов, надо понимать как борьбу за государство» [Пришвин, 2009, с. 58], которую ведут между собой вожди большевизма, поэтому «личная диктатура должна завершить революцию неизбежно» [Пришвин, 2006, с. 143], — провидчески пишет он о грядущем сталинском всевластии, которое все более укреплялось по мере разгрома оппозиционных течений и ликвидации их лидеров.

В политике большевизма Пришвин обнаруживает, что насилие как метод правления осталось тем же, что и при монархии. Если царская власть держалась, во многом опираясь на исторические традиции и многовековую привычку подчинения, то в новом пролетарском «государстве новый план потребовал для своего выполнения принуждение во много раз большее, а люди все те же и еще хуже» [Пришвин, 2009, с. 204]. В «Дневнике» писатель рассказывает, как генсек искоренял «левые» и «правые» уклоны внутри партии большевиков, под предлогом борьбы за «идейную чистоту» дискредитируя, а затем и физически уничтожая оппозиционеров. Одним из таких примеров, как Сталин «съел Троцкого», стало провозглашение генсеком в конце 1920-х годов политики ускоренной индустриализации эко-

номики и коллективизации сельского хозяйства — прямое воплощение замыслов Троцкого, идеи которого совсем недавно решительно отвергались на подконтрольных Сталину заседаниях Политбюро и Пленумах ЦК. «Трагизм Троцкого состоит в том, что он выдумал “левый курс” и сам первый от своей выдумки пострадал: Сталин взял его идею, осуществил, а самого автора выкинул вон» [Пришвин, 2006, с. 266]. Здесь следует отметить, что так называемый «левый курс» Троцкого — это выдвинутая им в середине 1920-х годов идея ускоренной «индустриализации» страны за счет сверхэксплуатации сельского хозяйства как «колонии промышленности».

Доискиваясь до конечных причин трансформации так называемой «диктатуры пролетариата» в личную диктатуру Сталина, Пришвин приходит к выводу: теоретическим истоком такой политики является учение марксизма о классовой борьбе как движущей силе общественного развития, что вело к принципиальному отказу партии большевиков от элементарных норм демократии. Поэтому закономерно, отмечает Пришвин, что в результате борьбы партий за власть «у нас после падения царизма в конце концов взяла верх одна и уничтожила все другие», более того, внутри самой партии большевиков начался «отбор личностей, исключаящий одного, другого до тех пор, пока не останется личность одна. Теперь это Сталин, человек действительно стальной» [Там же, с. 143].

Пришвин, который в молодости был сторонником идеологии марксизма, понимал, что многие из особенностей социальных отношений в обществе обусловлены насильственной сущностью революционного управления государством: «Кто взялся за государственную власть, должен действовать и как животное, и как зверь. <...> Не может быть морали во время революции, когда сила выступает голой силой» [Пришвин, 1995, с. 40, 62]. Преимущество Сталина было в том, что он не только умело играл на обычных человеческих слабостях своих соратников, но и не гнушался использованием любых аморальных средств, что, по мнению писателя, при отсутствии демократии стало неотъемлемым атрибутом политической борьбы за власть.

3.2. Пришвин о тотальной бюрократизации как порочной тенденции развития советского государства и пути к культуре личности

Становление Сталина как лидера партии и государства, а тем более обретение им статуса культа определялись не только субъективными его качествами, такими как вероломство характера или принципиальный аморализм, но и объективными факторами и потребностями исторического развития советского общества. В этом плане интересно проследить путь творческой мысли Пришвина, содержащей суждения об истоках сталинского культа, когда субъективный художественно-образный взгляд дополняется логикой анализа идейно-политических событий и фактов, заверша-

ясь их нравственной оценкой или философским умозаключением. Один из примеров — описание перипетий получения им московской квартиры — типичный образец обретения бытовых благ от советской власти (жилья, того или иного статуса, зарплаты или пайка, возможности публикации, выезда за границу и т. п.). В апреле 1932 года Пришвин рассказывает в «Дневнике», как он много лет добивался от Союза писателей предоставления жилья в Москве, пока не решился обратиться лично к вождю. И вдруг — о чудо! — через два дня после отправки письма «Лева (сын писателя. — А. П.) ночью приехал с ордером на квартиру в 4 комнаты <...> С квартирами у Сталина, как в арабских сказках: в самую последнюю минуту отчаяния является сам калиф и вдруг устраивает своей волей все» [Пришвин, 2009, с. 106, 108].

Нежданно свалившееся счастье с получением квартиры вызывает у писателя не только поэтически возвышенный образ Сталина как калифа из сказок Шахеризады, но и вполне приземленный вывод о всеобщей бюрократизации советского государства, когда высшей инстанцией становится сам генсек, к которому все вынуждены обращаться, чтобы преодолеть бесконечные проволочки любого дела — от мелких и частных неустroенностей быта отдельного индивида до глобальных экономических, оборонных и научно-технических проблем всей страны. Возникновение традиции обращений к вождю посредством писем как раз и было одним из признаков тоталитарно-бюрократической системы власти, когда человек превращается в бесправного и неимущего пролетария. Настоящее же богатство общества, в понимании Пришвина, заключается в личной свободе граждан, гарантией которой может быть только наличие у них собственности. Поэтому, уничтожая частную собственность как основу экономической независимости человека, большевизм порождает неслыханное господство бюрократии, которая присвоила себе право распределять все блага жизни, исходя из собственных представлений о справедливости. В результате, как еще в 1920 году отмечал Пришвин, вершителем судеб людей становится чиновник — «социальная вошь с теорией классовой борьбы» [Пришвин, 1995, с. 15, 38].

Сделанный еще в первые послеоктябрьские годы, этот вывод писателя оказался справедливым для всей советской эпохи. «Коммунизм выскреб все личные привязанности наших людей к своим вещам, все личные навыки (кустарей), все народные обычаи. Так образовалась аморфная масса, ныне распределяющаяся вокруг личности вождя, как опилки вокруг магнитного полюса», — пишет Пришвин, видя выгоду власти в том, что у граждан при «отсутствии собственности на орудия производства и вообще личной материальной бедности, крайней неприхотливости, выносливости получается огромная подвижность, легкая управляемость» [При-

швин, 2010а, с. 367]. И поскольку во всяком социально-экономическом устройстве общества главный фактор — тип собственности на средства производства, вместе с которой человек наследует обычаи и традиции, — то характерной чертой русского народа было то, что «в нем почти отсутствовала культура наследственной собственности <...> Итак, сила нашего социализма состоит в устранении индивидуальности с ее наследственными правами (собственностью)» [Пришвин, 2013а, с. 570].

Вместе с тем Пришвин далек от мысли, что причина возникновения культа личности — это исключительно вина Сталина, его коварство и деспотичность. Не меньшая вина здесь лежит и на его окружении — не только ближайшем, к которому относятся политические деятели высшего ранга, но и более широком, как бы расходящемся кругами по стране, вплоть до местечковых комиссаров-большевиков. Безмерное возвеличение Сталина — следствие не только тотальной бюрократизации государства, но и давления партийно-классовой идеологии на мировосприятие советских людей. «Эпоха диктатуры страшно понизила нравственное сознание масс» [Пришвин, 2006, с. 82], поэтому когда «гениальный человек является и ведет за собой массы людей, то это, может быть, свидетельствует не так о высоте человека “гениального”, как о пустоте масс, которые он ведет» [Пришвин, 2010в, с. 347]. Кроме того, когда значительная часть населения вынуждена жить в условиях материального и духовного неблагополучия, то «слава Сталина создается автоматически, желай он этого или не желай. Она складывается из желания каждого жить. <...> Из жажды жизни чисто животной — есть, спать, рожать — и создается эта сила» [Там же, с. 492]. Таковы, философски обобщает писатель, объективные причины возникновения в социалистическом государстве, с одной стороны, юридического и политического бесправия большинства граждан, а с другой — абсолютизации власти вождя.

3.3. Эволюция взглядов Пришвина на культ личности Сталина: от категоричного неприятия к пониманию политики вождя

Характерная особенность Пришвина как художника и мыслителя — умение за ходом повседневных событий ощущать движение истории и ее запросы, а за россыпью частных явлений видеть как политическую сущность, так и экономическую необходимость происходящего. Поэтому его мысль не сводится только к критике недостатков политического устройства страны Советов. Не принимая классовую идеологию большевизма, он тем не менее старался отыскать положительные моменты в деятельности вождя. Так, если Пришвин в 1927 году саркастически писал о способности Сталина грамотно излагать свои идеи: «Читал “Известия”, с большим трудом одолел огромную статью Сталина и не нашел в ней ничего свободного, бездарен и честен, как чурбан» [Пришвин, 2003, с. 378], — то спустя

десятилетие генсек заслуживает прямо противоположную оценку именно за литературные достоинства: «Слушал в парткабинете доклад Сталина. <...> По славной русской традиции примеры из Щедрина и Гоголя. Живая речь живого человека» [Пришвин, 2010а, с. 368].

Если в пришвинском «Дневнике» начала 1930-х годов генсек характеризуется «диким человеком Кавказа во всей своей наготе <...> прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени» [Пришвин, 2006, с. 143], то уже несколько лет спустя личные качества вождя получают совсем иную оценку: «“Я” Сталина родилось из кавказской, кровной верности, непостижимого <...> упорства “кровника” в достижении цели <...> Он, вероятно, беспрерывно “прижимает человека к стене”, ловит его с поличным его блажи и одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого, когда *надо*, без колебания уничтожает» [Пришвин, 2010а, с. 368—369].

Пришвин намеренно выделяет курсивом слово *надо*, чтобы отметить противоречие отношений индивида и власти, интересы которых разделены принципиальным несовпадением *«хочется»* отдельной личности и *«надо»* государственной власти. Изменение геополитической обстановки в мире и необходимость мобилизовать все силы общества на укрепление военной мощи государства приводят Пришвина в конце 1930-х годов к выводу, что жесткое единовластие — насущная потребность страны: сегодня, «конечно, Сталин — всё» [Пришвин, 2010в, с. 171].

Следует особо подчеркнуть, что период правления Сталина нельзя свести только к диктатуре пролетариата, идеологии классово-борьбы и преследования всякого инакомыслия, это и эпоха глубочайшего переустройства экономики, культуры и образования всего общества. Курс Сталина на индустриализацию и коллективизацию, взятый в конце 1920-х годов — колоссальных масштабов проект модернизации общества путем «большого скачка» от технически отсталой аграрной страны к индустриальной державе, что было возможно только путем мобилизации всех ресурсов государства. «Я смотрел и смотрю на коммунизм как на военно-полевую систему организации государственной власти, не коммунизм действовал, а необходимость центральной власти, разбитой революцией» [Пришвин, 2012, с. 530], — отмечает писатель в «Дневнике».

Действительно, при всех издержках бюрократизма командно-административная система как «чрезвычайная система» организации власти позволяла направить всю энергию советского народа на решение ключевых экономических, социальных и научно-культурных задач развития общества. Под прямым руководством Сталина возводились новые города, фабрики и заводы, строились железные дороги, каналы и ГЭС, шло развитие

науки и культуры, образования и здравоохранения, повышалась заработная плата и общий уровень благосостояния советских людей. По мере социально-экономического развития страны росла и популярность генсека в народе, ибо Сталин воспринимался людьми не просто как высший представитель коммунистического режима, но прежде всего как идейно-политический лидер, принимающий самые значимые и судьбоносные для всего общества государственные решения.

Как гражданин и патриот, Пришвин, безусловно, осознавал жизненную необходимость укрепления военно-экономической мощи государства. В условиях нарастания геополитической борьбы за передел мира для страны Советов было жизненно необходимо преодолеть свою экономическую отсталость: «Пробил для нас такой час: или догнать весь мир (в технике), или отдать себя, как Китай, на эксплуатацию другим государствам. Мы решили догнать» [Пришвин, 2004, с. 495]. В этих словах Пришвина, сказанных в конце 1929 года, не только формула экономической сверхзадачи выживания первого в мире социалистического государства, но и подтверждение его интеллектуальной прозорливости, умения слышать ход времени и за разрозненными фактами повседневности видеть сущностные императивы переживаемой эпохи. Примечательно, что через два года Сталин выскажет аналогичное понимание исторической перспективы СССР как нового государственного устройства: «Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут» [Сталин, 1951, с. 39].

Как подлинный мыслитель, Пришвин видит не только изъяны и пороки большевизма, но и несомненные положительные достижения правящей партии. На фоне надвигающихся геополитических катаклизмов неизбежной мировой войны он начинает по-другому оценивать не только самовластие Сталина, но и осуществленную им коллективизацию (ни в коей мере не оправдывая многочисленные жертвы!) как более прогрессивный уклад сельской жизни, где использование машин значительно облегчает крестьянский быт. «Трудно сказать, когда это случилось, но только вдруг, когда мы хватились, личность этого человека была далеко от нас, эта личность стала сверхчеловеческой и незаместимой <...> и весь толк остался в единственном человеке» [Пришвин, 2010а, с. 19].

Во второй половине 1930-х годов в сознании Пришвина происходит мировоззренческий поворот от категоричного неприятия к пониманию политики Сталина, направленной на укрепление мощи государства. В дневниковых записях писатель фиксирует, как в предвоенное десятилетие происходила смена вектора общественного сознания от идеи революционного разрушения с его культом бесшабашных матросов и комиссаров в кожаных

куртках к идее национально-государственного строительства, которой сопутствует культ строителя, инженера, передовика-стахановца. «Разрушительная миссия интеллигенции, идеалы высшей свободы и пр. кончились, и начинается время культуры верных государству людей (“кадры решают”»)» [Пришвин, 2009, с. 762].

В этой дневниковой записи Пришвина начала августа 1935 года содержится прямой отклик на знаменитый лозунг Сталина «кадры решают всё» из его выступления в Кремлевском дворце перед выпускниками военных академий, опубликованного в «Правде» от 6 мая 1935 года [Сталин, 1997, с. 61]. Очевидно, что писатель не только внимательно следил за всем происходящим в общественной жизни страны, но и высказывал свое понимание глубинных причин и далеко идущих последствий смены политического курса государства. Вслед за тектоническими сдвигами советского мироустройства менялись как господствующие настроения общества, так и стереотипы личностных представлений. Постепенно в сознании Пришвина вызревает понимание, что «Сталин ... в высшей степени подходящий ко времени человек» [Пришвин, 2012, с. 10]. Более того, примкнуть к делу Сталина — это значит приобщиться к делу возрождения России, и в середине февраля 1940 года Пришвин заявляет со всей определенностью: «Если скажут мне: Сталин или Царь? Я выберу по совести Сталина» [Там же, с. 50].

Победа в Великой Отечественной войне для писателя стала импульсом как к окончательному примирению с государством, так и к полной переоценке роли Сталина и коммунистической партии: «Мне надо, как автору, подчинить себя, свое мнение, свое “хочется” творимому единству мнений. <...> Все мы освещены одним светом этого “Надо”, и <...> это “Надо” несет нам ветер истории, но не партия, не Сталин» [Пришвин, 2013в, с. 58, 59]. Очевидно, что возглавляемая Сталиным партия большевиков все-таки сумела поймать «ветер истории» в паруса своей идеологии, что позволило ей как главной организующей силе советского мироустройства повести народ за собой. Великая победа в самой кровопролитной войне за всю историю стала не только полным оправданием политики Сталина, но и чрезвычайно укрепила его авторитет как внутри советского общества, так и на международной арене. Теперь, заключает Пришвин, в СССР можно смело «приглашать иностранных свидетелей на свободные выборы: не за страх, а за совесть под звон колоколов выберут Сталина» [Пришвин, 2013а, с. 405—406].

4. Заключение = Conclusions

Подводя итог, отметим: по мнению Пришвина, Сталин как руководитель партии и государства состоялся прежде всего благодаря четкому осознанию, что только наличие у власти твердой политической воли к про-

ведению исторически необходимых реформ может обеспечить военно-экономическую мощь державы, что и стало залогом победы над фашизмом: «Значит, “народный вождь” — это не тем народный, что народ избрал его, а что он “богоизбранный вождь”: заставил народ признать себя как вождя. Так у нас на глазах происходило со Сталиным» [Там же, с. 411]. Примечательно, что современные исследователи советской эпохи в ряде моментов приходят к аналогичным, что и Пришвин, выводам о субъективных и объективных предпосылках формирования культа личности Сталина, отмечая и лидерские качества генсека, и давление на сознание людей партийно-классовой пропаганды, и тотальную бюрократизацию общества, и необходимость жесткости власти для решения экономических проблем, от которых зависело само существование государства (см., например: [Кожин, 2011, с. 345—381]).

Для Пришвина очевидно, что личные действия вождей — это лишь форма проявления закономерности развития истории, ход которой, в конечном счете, определяется не субъективной волей, а давлением исторической ситуации и сложнейшим взаимодействием общественных сил. В конечном счете роль правителей государства не столько в качествах их характера, сколько в умении вовремя реагировать на насущные потребности советского общества. Движение мировой истории обязывало высшую государственную власть учитывать постоянно меняющееся геополитическое положение советской державы и должным образом отвечать на возникающие экономические, политические и культурные вызовы эпохи. В своевременности такой реакции, безусловно, выражалась историческая необходимость, а не личное своеволие вождя. Суждения Пришвина о культе Сталина — это личный взгляд непосредственного свидетеля сталинской эпохи, ценность которого не только в пронизательности нравственно-эстетических или идейно-политических выводов его как писателя и мыслителя, но и в той житейско-бытовой фактуре повседневной жизни рядового гражданина, которая запечатлена в повседневных дневниковых записях Пришвина.

Источники

1. *Михаил Михайлович Пришвин* : библиографический указатель / сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.
2. *Пришвин М. М.* Дневники. 1920—1922 / М. М. Пришвин. — Москва : Московский рабочий, 1995. — 334 с. — ISBN 5-239-01845-6.
3. *Пришвин М. М.* Дневники. 1923—1925 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 1999. — 416 с. — ISBN 5-239-01845-6.
4. *Пришвин М. М.* Дневники. 1926—1927 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2003. — 592 с. — ISBN 5-268-00519-7.

5. *Пришвин М. М.* Дневники. 1928—1929 / М. М. Пришвин. — Москва : Русская книга, 2004. — 544 с. — ISBN 5-268-00566-9.
6. *Пришвин М. М.* Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.
7. *Пришвин М. М.* Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009. — 1008 с. — ISBN 978-5-94668-060-8.
8. *Пришвин М. М.* Дневники. 1936—1937 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010а. — 992 с. — ISBN 978-5-94668-073-8.
9. *Пришвин М. М.* Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010в. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.
10. *Пришвин М. М.* Дневники. 1940—1941 / М. М. Пришвин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 880 с. — ISBN 978-5-8243-1599-8.
11. *Пришвин М. М.* Дневники. 1944—1945 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013а. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-187-1.
12. *Пришвин М. М.* Дневники. 1946—1947 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013в. — 968 с. — ISBN 978-5-94881-222-9.
13. *Пришвин М. М.* Мирская чаша / М. М. Пришвин. — Москва : Жизнь и мысль, 2001. — С. 73—145. — ISBN 5-8455-0028-1.
14. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников (1931) / И. В. Сталин // Сочинения : В 14 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951. — Т. 13. — С. 29—42.
15. *Сталин И. В.* Речь в Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 года / И. В. Сталин // Сочинения : в 14 т. — Москва : Издательство “Писатель”, 1997. — Т. 14. — С. 58—63.

Литература

1. *Апанович Ф.* Образы России и Европы в прозе и дневнике Михаила Пришвина / Ф. Апанович. — Катовице : Славск, 2002. — 172 с. — ISBN 83-7164-331-4.
2. *Борисова Н. В.* «Безнадёжно ... висим над бездной ...» революционная повседневность 1918 года в дневнике М. М. Пришвина / Н. В. Борисова // История : факты и символы. — 2018. — № 3 (16). — С. 15—28. — DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-15-28.
3. *Варламов А. Н.* Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с. — ISBN 5-235-02548-2.
4. *История* Коммунистической партии Советского Союза. (Изд. 4—е, доп.). — Москва : Политиздат, 1973. — 752 с.
5. *Кожин В.* Россия. Век XX / В. Кожин. — Москва : Эксмо : Алгоритм, 2011. — 1040 с. — ISBN 978-5-699-53295-7.
6. *Летаева Н. В.* Дневники М. М. Пришвина на занятиях русского языка в иностранной аудитории / Н. В. Летаева // Русский язык в военном вузе. — 2021. — № 4. — С. 36—41.
7. *Кузнецов Ф.* Бунт и примирение Пришвина / Ф. Кузнецов // Наше наследие. — 1990. — № 2. — С. 83—84.
8. *Новоселова И. Г.* Дневники М. М. Пришвина. Духовный космос / И. Г. Новоселова. — Владивосток : Издательство Дальневосточного ГУ, 2004. — 216 с.
9. *Павловский А. И.* «... Сигналы людям будущего» (О дневнике М. Пришвина 1930 года) / А. И. Павловский // Русская литература. — 1993. — № 1. — С. 81—91.

10. Сова М. Н. Дневники М. М. Пришвина в современных исследованиях / М. Н. Сова // Вестник Тверского государственного университета. Серия : Филология. — 2015. — № 1. — С. 361—366.

11. Холодова З. Я. Художественное мышление М. М. Пришвина : Содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова. — Иваново : Иваново, 2000. — 296 с. — ISBN 5-7807-0175-X.

Статья поступила в редакцию 14.01.2023;
одобрена после рецензирования 23.02.2023;
подготовлена к публикации 15.03.2023.

Material resources

- Mikhail Mikhailovich Prishvin: *bibliographic index*. (2013). Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1995). *Diaries. 1920—1922*. Moscow: Moskovsky rabochy. 334 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1999). *Diaries. 1923—1925*. Moscow: Russian Book. 416 p. ISBN 5-239-01845-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2001). *The World Cup*. Moscow: Life and Thought. 73—145. ISBN 5-8455-0028-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2003). *Diaries. 1926—1927*. Moscow: Russian Book. 592 p. ISBN 5-268-00519-7. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2004). *Diaries. 1928—1929*. Moscow: Russian Book. 544 p. ISBN 5-268-00566-9. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931*. St. Petersburg: Rostock. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932—1935*. Saint Petersburg: Rostock. 1008 p. ISBN 978-5-94668-060-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010a). *Diaries. 1936—1937*. Saint Petersburg: Rostock. 992 p. ISBN 978-5-94668-073-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010b). *Diaries. 1938—1939*. Saint Petersburg: Rostock. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2012). *Diaries. 1940—1941*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN). 880 p. ISBN 978-5-8243-1599-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013a). *Diaries. 1944—1945*. Moscow: Novy Chronograph. 944 p. ISBN 978-5-94881-187-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013b). *Diaries. 1946—1947*. Moscow: Novy Chronograph. 968 p. ISBN 978-5-94881-222-9. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951). On the tasks of business executives (1931). In: *Essays: In 14 vols, 13*. Moscow: State Publishing House of Political Literature. 29—42. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1997). Speech in the Kremlin Palace on the issue of academicians of the Red Army on May 4, 1935. In: *Essays: in 14 vols, 14*. Moscow: Publishing House “Writer”. 58—63. (In Russ.).

References

- Apanovich, F. (2002). *Images of Russia and Europe in the prose and diary of Mikhail Prishvin*. Katowice: Slavsk. 172 p. ISBN 83-7164-331-4. (In Russ.).

- Borisova, N. V. (2018). “Hopeless ... hanging over the abyss ...” revolutionary everyday life of 1918 in the diary of M. M. Prishvin. *History: facts and symbols*, 3 (16): 15—28. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-15-28. (In Russ.).
- History of the Communist Party of the Soviet Union*. (1973). Moscow: Politizdat. 752 p. (In Russ.).
- Kholodova, Z. Ya. (2000). *Artistic thinking of M. M. Prishvin: content, structure, context*. Ivanovo: Ivanovo. 296 p. ISBN 5-7807-0175-X. (In Russ.).
- Kozhinov, V. (2011). *Russia. Century XX*. Moscow: Eksmo: Algorithm. 1040 p. ISBN 978-5-699-53295-7. (In Russ.).
- Kuznetsov, F. (1990). Revolt and reconciliation of Prishvin. *Our heritage*, 2: 83—84. (In Russ.).
- Letaeva, N. V. (2021). M. Prishvin’s diaries at Russian language classes in a foreign audience. *Russian language in a military university*, 4: 36—41. (In Russ.).
- Novoselova, I. G. (2004). *M. M. Prishvin’s diaries. Spiritual cosmos*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern State University. 216 p. (In Russ.).
- Pavlovsky, A. I. (1993). “... Signals to people of the future” (About the diary of M. Prishvin 1930). *Russian literature*, 1: 81—91. (In Russ.).
- Sova, M. N. (2015). The diaries of M. M. Prishvin in modern research. *Bulletin of Tver State University. Series: Philology*, 1: 361—366. (In Russ.).
- Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin*. Moscow: Molodaya gvardiya. 548 p. ISBN 5-235-02548-2. (In Russ.).

*The article was submitted 14.01.2023;
approved after reviewing 23.02.2023;
accepted for publication 15.03.2023.*

Шарыпина Т. А. Интерпретации сюжета об Алкесте : от социально-бытовой драмы Еврипида к «пьесе с музыкой в античных ландшафтах» Франца Фюмана / Т. А. Шарыпина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 253—273. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-253-273.

Sharypina, T. A. (2023). Interpretations of Plot about Alceste: from Euripide’s Social and Domestic Drama to Franz Fühmann’s “Play with Music in Ancient Landscapes”. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 253-273. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-253-273. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-253-273

**Интерпретации сюжета
об Алкесте:
от социально-бытовой
драмы Еврипида
к «пьесе с музыкой
в античных ландшафтах»
Франца Фюмана**

Шарыпина Татьяна Александровна
orcid.org/0000-0002-8585-8983
доктор филологических наук,
профессор,
заведующий кафедрой
зарубежной литературы
swawa@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда
за счет гранта № 23-28-00559,
тема № Н-238-2_2023-2024

**Interpretations of Plot
about Alceste:
from Euripide’s
Social and Domestic Drama
to Franz Fühmann’s
“Play with Music
in Ancient Landscapes”**

Tatiana A. Sharypina
orcid.org/0000-0002-8585-8983
Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department
of Foreign Literature
swawa@yandex.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation
project number № 23-28-00559,
topic № Н-238-2_2023-2024

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Значимость исследования обусловлена необходимостью актуализировать память о личности и творчестве незаслуженно забытого в эпоху объединенной Германии восточногерманского писателя Франца Фюмана. Новизна предлагаемого исследования обусловлена тем, что материалы, свидетельствующие о длительной и кропотливой подготовительной работе по созданию пьесы об Алкесте, и само это произведение, не только не переведены, но и не изучены в отечественной германистике. Отмечается, что вопрос «включенности» художественного сознания в современные средства массовой коммуникации обуславливает поиск новых подходов к рецепции классического наследия. Указывается, что Франц Фюман является одним из наиболее неординарных экспериментаторов в области интерпретации классического материала. Показано, что его драматургическим опытом свойственно психологическое переосмысление традиционных мифологических сюжетов, создание их новых версий, что позволяет увидеть вневременное зерно мифа. Утверждается, что в названном произведении писатель не отходит от постановки животрепещущих тем современности, но возводит их осмысление на более высокий уровень вечных вопросов человечества. Подчеркивается, что в этом контексте не удивительно обращение писателя к традициям античности, прежде всего мифологии. Автор статьи считает, что изучение драматургических опытов Франца Фюмана помогает дополнить новыми фактами картину жанрово-стилевого многообразия его творчества.

Ключевые слова:

миф; интерпретация; сюжет; трагедия; палимпсест; рок-опера; Франц Фюман; Еврипид.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The significance of the study is due to the need to update the memory of the personality and work of the East German writer Franz Fuhmann, undeservedly forgotten in the era of united Germany. The novelty of the proposed study is due to the fact that the materials that testify to the long and painstaking preparatory work to create a play about Alces and this work itself have not only not been translated, but have not been studied in Russian German studies either. It is noted that the problem of “inclusion” of artistic consciousness in new media makes it necessary to approach the reception of the classical heritage from a new point of view. It is indicated that Franz Fuman is one of the brightest experimenters in this field. It is shown that psychological rethinking of traditional mythological situations and the creation of their new versions prevail in his dramatic experiments, which allows us to see the timeless grain of the myth. It is argued that in the named work the writer does not deviate from the formulation of the burning topics of our time, but elevates their understanding to a higher level of the eternal questions of mankind. It is emphasized that in this context it is not surprising that the writer turned to the traditions of antiquity, primarily mythology. The author of the article believes that the study of the dramatic experiments of Franz Fumann helps to supplement the picture of the genre and style diversity of his work with new facts.

Key words:

myth; interpretation; plot; tragedy; palimpsest; rock opera; Franz Fuman; Euripides.

Интерпретации сюжета об Алкесте: от социально-бытовой драмы Еврипида к «пьесе с музыкой в античных ландшафтах» Франца Фюмана

© Шарьпина Т. А., 2023

1. Введение= Introduction

Творчество Ф. Фюмана 80-х годов XX века отражает состояние духовного кризиса, вылившегося в освоение новых для писателя жанровых форм. Писатель искал новые эстетические принципы, которые могли бы гармонично обобщить накопленный цивилизацией к концу XX века интеллектуальный, литературный, философский опыт. Обращение к творчеству незаслуженно отодвинутого на задний план в эпоху объединенной Германии восточногерманского писателя Франца Фюмана обусловлено важностью актуализации памяти о его личности и литературном творчестве. Последнее десятилетие творческой жизни писателя отмечено яркими художественными экспериментами: он стал автором лингвистической энциклопедии для детей «Дымящиеся шеи лошадей в Вавилонской башне» («Die dämpfenden Hälse der Pferde im Turm von Babel», 1978), сборника рассказов, написанных в жанре антиутопии, «Сайенс Фикшен» (Saiäns-Fiktschen, 1981), радиопьесы «Тени» (Die Schatten, 1984) либретто «балета» «Кирка и Одиссей» («Kirke und Odysseus». Ein Ballet, 1984) на известный мифологический сюжет, а также пьесы об Алкесте. Однако записи в черновиках свидетельствуют о том, что Фюман задумал балет об Алкесте намного раньше двух последних из названных сюжетов, сначала — в качестве альтернативы «балету» «Кирка и Одиссей», затем возникает идея своеобразной «серии» похожих произведений, что вполне отвечает своеобразной «цикличности» творческой манеры писателя, а также и присущему ему стремлению к повторению творческого успеха («поставить второй и третий балеты» после одной успешной работы [Fühmann, 1989]). В названных произведениях писатель не отходит от животрепещущих тем современности, но возводит их осмысление на более высокий, вневременной уровень вечных вопросов человечества. В этом контексте не удивительно обращение писателя к традициям античности, условным формам, мифологии. Изучение драматургических опытов Франца Фюмана помогает дополнить новыми фактами картину жанрово-стилевого многообразия его творчества, а новизна предлагаемого исследования обусловлена прежде всего тем, что материалы, которые свидетельствуют о продолжительной и

кропотливой подготовке писателя к созданию пьесы об Алкесте, и само это произведение не переведены на русский язык и не получили освещения в отечественной германистике.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

2.1. К проблеме мифологизации в творчестве Ф. Фюмана

Читателям и исследователям творчества Франца Фюмана хорошо знакома его манера свободного обращения с античными мифами. Исследователи подчеркивали глубоко личностное отношение Фюмана к древнегреческой мифологии, находившего в ней, как в зародыше, истоки, причины не только животрепещущих проблем и трагедий современности, но и собственных катаклизмов и катастроф, и даже навязчивых идей. В частности, С. В. Овчарова, обращаясь к вопросу об использовании древнегреческих мифов в повести «Эдип-царь» (König Ödipus. Berlin, 1966) и романе «Прометей. Битва титанов» (Prometheus. Die Titanenschlacht. Berlin, 1974), выявляет формы реализации мифологического, которые соответствуют «двум типам художественного мифологизма» [Овчарова, 2009, с. 5]. К первой форме относится «введение отдельных мифологических мотивов и персонажей в ткань реалистического повествования при обогащении конкретно-исторических образов универсальными смыслами и аналогиями, демонстрацией чего является повесть “Эдип-царь”», а вторая, по мнению исследователя, представляет собой реконструкцию «древних мифологических сюжетов, интерпретированных с долей вольного осовременивания <...> которую мы можем наблюдать в романе “Прометей. Битва титанов”» [Там же].

В фокусе внимания автора данной статьи ранее уже находился образ Одиссея-скитальца из книги «Двадцать два дня, или Половина жизни» («Zweiundzwanzig Tage oder Die Hälfte des Lebens», 1973), радиопьесы «Тени» (Die Schatten, 1984) и «балета» «Кирка и Одиссей» («Kirke und Odysseus». Ein Ballet, 1984). Используя методы биографического и сравнительно-исторического анализа, автор доказывал, что для позднего периода творчества Франца Фюмана характерно психологическое переосмысление традиционных мифологических ситуаций, разработка их новых версий, смысловое заполнение логических лагун в известных сюжетах, а также обращение к возможностям других видов искусства и инструментов коммуникации [Шарыпина, 2002; Шарыпина, 2011; Шарыпина, 2022].

Писатель всегда выступал против двух заблуждений по отношению к его увлечённости мифологией: обвинения в намеренном бегстве от повседневности к чистым вершинам Олимпа, а также в толковании мифов как простой аллегории в духе дидактических наставлений.

Впоследствии в книге «Двадцать два дня, или Половина жизни» («*Zweundzwanzig Tage oder Die Hälfte des Lebens*», 1973) и в докладе «Мифический элемент в литературе» («*Das mythische Element in der Literatur*». Vortrag, 1974) Фюман рассуждает о природе мифа, подчеркивая важную для самого писателя, отличную от сказки дистрибуцию в мифе «света» и «тени», добра и зла [Фюман, 1976; Фюман, 1975]. Писатель полагал, что в отличие от сказки, в которой мораль однозначна, а сюжет всегда завершен, миф находится в состоянии постоянного перерождения и становления. Исходя из этого тезиса, можно заключить, что во многих произведениях Фюман развивает идею безграничности возможностей современного мифотворчества, так как стремление к мифологизированию обусловлено двойственной природой человека, который является существом биологическим и в то же время социальным. По мнению писателя, мифы постоянно воплощаются в повседневной реальности, приобретая новые смыслы, при этом жизнь неизменно порождает новые мифологические ситуации или наполняет современным содержанием уже известные сюжеты. Долг художника-творца — «развернуть новую мифологическую ситуацию в художественное целое», обнаружить в причудливом содержании мифа то, что находится над временем, сосредоточивает объективный позитивный опыт человечества. Так, трагизм и откровенная жестокость повседневной жизни греков не заслоняют в творчестве Фюмана величия поступков и стойкости человеческого духа, красоты истинных, не испорченных цивилизацией чувств. Например, несмотря на трагичность судьбы Титона в рассказе «Возлюбленный утренней зари» (1978), песнь любви, которая льется из его уст, молода и прекрасна; в произведении «Гера и Зевс» (1984) Троянская война преступна и бессмысленна, а гибель Ахилла и Гектора противоестественна, но в то же время прекрасна и священна в своей естественности страсть Зевса и Геры: «Три сотни лет? Мгновение <...> Взаимное счастье. Взаимная покорность. Судьба. Зевс опять забыл обо всём, забыл про битву. Про троянцев и греков, про флот и город, про предсказания мойр; место забытых заняла она — единственная, неповторимая, навек его спутница, всегда его сопровождающая. Верная спутница, смысл его власти, ядро воли, соучастница его судьбы и в вечном их противоборстве всякий раз другая, что и помогает реализоваться каждому из них, и Гера забылась, забылась на мгновение, заключающее в себе вечность. Потоки, текущие с гор, kloкочущие подземные источники, и где-то вдалеке битва. Гектор у моря ...» [Фюман, 1989, с. 318]. Делая акцент на вечном в отношениях мужчины и женщины, автор в то же время не осовременивает сюжет 14 песни «Илиады», а бережно комментирует его. Подобный подход к освоению мифологических сюжетов сохраняется писателем на протяжении всей творческой жизни.

При исследовании интерпретации сюжета об Алкесте продуктивным оказалось и обращение к историко-генетическому методу, помогающему определить первопричины литературных явлений и глубинного мифологизма творчества Ф. Фюмана.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Проблема интерпретаций сюжета об Алкесте в современной исследовательской практике

Одно из наименее известных произведений писателя — «Alkestis. Stück mit Musik in einem ersten Akt, einem zweiten Akt, zwei dritten Akten und einem Vorspiel, dazu=deliziös-verklärte Varianten zur Hintergrundforschung mythologisch bedingter Träume beziehungsweise Landschaften im Weltbild antiker Dramen oder so. 5 Ostraka-Palimpseste aus dem Kramladen der Antike (in Aquatintamanier) von Heiner Ulrich», 1989 [Fühmann, 1989] («Алкеста. Пьеса с музыкой в первом действии, втором действии, двух третьих действиях и прелюдии, кроме того, = деликатно-трансфигурированные варианты для фундаментального исследования мифологически обусловленных грёз или ландшафтов в картине мира античной драмы или чего-то в этом роде, а также пять остраконов-палимпсестов Хайнера Ульриха из универсального магазина античности (в стиле акватинт)» (здесь и далее перевод наш. — *T. III.*). — было опубликовано в редакции И. Пригниц после смерти Фюмана. В отличие от многих его опытов, «папка» с материалами к «Алкесте» не перерабатывалась и не открывалась Ф. Фюманом, как считают исследователи, с 1982 года из-за глубинных личностных мотивов. Жанр произведения обозначен автором как пьеса с музыкой (Stück mit Musik), хотя задумывалось произведение не только в жанре «балета», но и в качестве «либретто» рок-оперы («Rock contra Barock») для своего зятя (известного музыканта Рейнхарда Рихтера), и как рефлексия на телевизионную трансляцию инсценировки «Медеи» в исполнении рок-группы. По мысли Фюмана, использование формы рок-оперы, аллюзии, связанные с творчеством оригинальной и в то же время недооценённой трэш-метал-группы Vendetta из Швайнфурта, давали дополнительные возможности (zeitgemässeren Gegenentwurfs), своеобразный «современный контр-дизайн» для гармонизации античного материала через призму спектакля в стиле современной оперетты. Однако уже к декабрю 1982 года замысел претерпел значительные изменения и приобрёл ярко выраженный гротескный политический оттенок. Уже в Прологе к спектаклю в сцене псевдовыборов зловеще пародируются возможные пути развития исторического процесса, а киноматериалы, демонстрирующиеся по ходу действия, помогают осуществить идею спектакля как путешествия по различным эпохам.

Читатели, потенциальные зрители или исследователи названного произведения Ф. Фюмана вряд ли стали бы ждать от писателя банального травестиования или откровенного пренебрежения к привычному со времен Еврипида тексту о примерной супруге, верной до самой смерти, столь популярному, особенно в эпоху барокко (трагедия с музыкой Люлли, 1674; оперы Генделя, 1727; Глюка, 1776; Доницетти, 1825). Образ Алкесты — один из наиболее популярных мифологических образов, с ним связано более двадцати драматических версий и двадцать пять музыкальных произведений. Франц Фюман знал многие обработки этого сюжета: немецкие, начиная от Виланда (1775) и Гердера (1803), вплоть до Гуго фон Гофманстала (1894/1911, оперное переложение 1925), а также «Пожар в оперном театре» (1919) Г. Кайзера, так и не сумевшего, по справедливому замечанию Ю. Л. Цветкова [Цветков, 2012], передать глубинный смысл драмы Еврипида. Сюда также можно отнести «Коктейльную вечеринку» (1949) Томаса Элиота и «Алкестиду» (1955) Торнтон Уайлдера, а также такое малоизвестное произведение, как радиопьеса Эрвина Виккерта 50-х годов. Знакомство с этими текстами должно было послужить постижению глубинной сути мифа, подлинный смысл которого можно постичь только в совокупности его инвариантов.

Пьеса Еврипида «Алкеста» — одна из самых противоречивых в творчестве драматурга. Она занимает особое место не только среди его произведений, но и вообще в дошедших до нас драматических текстах античности. Как считают исследователи, пьеса была впервые сыграна как последняя часть тетралогии во время празднеств в честь бога Диониса в 438 году до н. э. в Афинах. Следовательно, она должна была исполнить функции сатиrowsкой драмы. Однако «Алкеста» вряд ли могла подойти на успокоительную или умиротворяющую роль, функционально присущую этому жанру. Отсутствие хора сатиров тем более лишает это произведение необходимой в последней части тетралогии атмосферы непринужденного веселья. Однако в «Алкесте» присутствует, как ни в одной более пьесе Еврипида, сознательное совмещение трагического и комедийного начал, что и приводит к неутрачивающим дискуссиям по поводу жанрового определения пьесы. В учебной литературе за «Алкестой» закрепляется определение семейно-бытовой или социально-бытовой драмы. Однако её называют и трагедией, и комедией с элементами трагедии, и трагикомедией, а также мелодрамой. В выстраивании фабулы пьесы драматург использует древнейший мотив мирового фольклора — возвращение умершего к жизни благодаря самоотдаче любящего человека, в данном случае жены, жертвующей собой ради жизни мужа. Думается, что категорически однозначного определения этой пьесы найдено быть не может уже в силу неоднозначной характеристики Адмета и дара Аполлона, а также и того, что в ней есть живой комический

компонент, безусловно, противоречащий жанру классической древнегреческой трагедии, но филигранно оттеняющий и обостряющий трагический элемент. Пьеса «Алкеста», свидетельствует переводчик Вланес (Владислав Некляев), даёт уникальный материал для точного и адекватного понимания фундаментальных проблем жизни и смерти в античном обществе, жизни после смерти, взаимоотношений в древнегреческой семье, а также для интеграции мифологии в процесс повседневности, следовательно, для правильного постижения древнегреческой ментальности [Вланес].

Б. М. Никольский, анализируя интерпретации сюжета «Алкесты», справедливо говорит о неоднозначности представлений исследователей по вопросу согласования двух направлений в движении сюжета пьесы. Так, А. Л. Дэйл отмечает, что «дары богов парадоксальным образом могут быть обманчивыми и двусмысленными» [Dale, 1954, p. XXV]. В еврипидовской пьесе данный парадокс проявляется в том, что жертвенная смерть Алкесты, с одной стороны, спасает Адмета, но, с другой, заставляет его, пусть и поздно, понять, что подаренная ему Аполлоном жизнь без Алкесты — дар бесполезный. По утверждению Дэйл, в этом заключается основная тема пьесы — «тема, благодаря которой она и является трагедией в греческом смысле этого слова» [Dale, 1954, p. XXIII]. По этому поводу К. фон Фритц пишет о том, что этическая ущербность положения Адмета проистекает не от особенностей его характера, а от того положения, в которое ставит его своеобразная милость Аполлона, и оказывается не свойством его этоса, а его патосом. С точки зрения исследователя, эта сторона сюжета ведёт в двусмысленности, фальши и парадоксам, поскольку в конечном итоге произошедшее так или иначе безрадостно: смерть Алкесты и запоздалые нравственные страдания Адмета. И тем не менее в конце пьесы действия Геракла как будто бы возрождают равновесие: возвращение Алкесты восстанавливает баланс душевного равновесия героев и иллюзию благополучия. Сопоставляя точки зрения исследователей [von Fritz, 1962, p. 312; Smith, 1960, p. 127; Verrall, 1895, pp. 1—128], Б. М. Никольский акцентирует внимание на том, что большинство из них видят в своеобразии развития сюжета прежде всего противостояние причудливой атмосферы мифа и подлинности человеческой жизни [Никольский, 2017]. Учёный, однако, не склонен безоговорочно принять предложенную точку зрения, поскольку благополучный финал заложен в замысле пьесы, тем более сложно согласиться с однозначно отрицательной характеристикой Адмета, предлагаемой учёными. Обличение отрицательных персонажей всегда делается открыто, а хор, выразитель общественного мнения, всегда высказывается однозначно. В предлагаемой пьесе хор высказывает герою сочувствие, как и Геракл, способствующий благополучному финалу произведения.

Б. М. Никольский в свою очередь предлагает ещё одно толкование развития событий в анализируемой пьесе. Эта трактовка связана с многозначностью проблематики произведения Еврипида и становится понятной лишь с учетом политической ситуации, в которой оно создавалось. Как известно, мифологический сюжет никогда не мешал актуальности и злободневности театральных представлений (агонов) Древней Греции. Выделяя в пьесе два направления в развитии сюжета, одно из которых приводит к смерти Алкесты, а другое к ее спасению, Никольский связывает и объясняет их с «различием между фигурами Аполлона и Геракла, определяющими ход событий в каждом из них. Контраст между Аполлоном и Гераклом оказывается структурным центром драмы, и его религиозно-политическое истолкование становится основой для интерпретации всего произведения. Аполлон должен был символизировать мирный, интеллектуальный и политический способ избавления города от бед, а Геракл — способ, связанный с применением физической и военной силы. Воспевание в “Алкесте” военной силы можно объяснить обстоятельствами постановки трагедии. Трагедия могла быть посвящена военному союзу Афин с одной из фессалийских тетрархий около 440 г. до н. э.» [Никольский, 2017, с. 595]. Можно согласиться с исследователем, что политическое событие определило тему произведения, для которой Еврипид находит иносказательное воплощение в мифологическом сюжете.

3.2. Поэтологические доминанты и смысловые трансформации сюжета об Алкесте в драматургическом опыте Франца Фюмана

Неоднозначность смысла и неординарность поэтики пьесы Еврипида приводят к многообразию зачастую противостоящих друг другу её трактовок и интерпретаций: от слащавой мелодрамы до злободневных политических ассоциаций, столь очевидных в рассматриваемом в данной статье «либретто» — «Алкеста. Пьеса с музыкой в первом действии, втором действии, двух третьих действиях и прелюдии, кроме того, = деликатно-трансфигурированные варианты для фундаментального исследования мифологически обусловленных грёз или ландшафтов в картине мира античной драмы или чего-то в этом роде, а также пять остраконов-палимпсестов Хайнера Ульриха из универсального магазина античности (в стиле акватинты)» Франца Фюмана. Отголоски и своеобразные ментальные «следы» пристального знакомства писателя с многочисленными трансформациями античного сюжета можно обнаружить, например, не только в пространном, изощрённо ироничном и предельно стущённом в смысловом отношении названии, но и в абсолютном разрушении ансамбля известных с античности фигур с помощью привнесения современных политических ассоциаций и проекций в художественную структуру произведения.

В этом новом игровом пространстве современного мира Смерть выступает в роли мрачной молчащей фигуры (*eine stumme Figur*) жнеца, равнодушно снимающего урожай человеческих смертей и заменяющего прекрасного Танатоса — крылатого бога ненасильственной смерти. Не случайно, на наш взгляд, упоминание в названии как остраконов, так и палимпсеста. Остраконы имели двоякую функцию: они использовались для нанесения на часть разбитого керамического сосуда или фрагмент черепицы необходимого текста, поскольку папирус был очень дорогим писчим материалом. Однако остраконы применялись и для голосования в процедуре остракизма, а следовательно, дошедшие до нас остраконы представляют собой уникальный источник знаний о политической жизни Древней Греции, на что, вероятно, и намекается в названии. Упоминание палимпсестов — рукописей, написанных на пергаменте, уже бывшем в употреблении, из-за чего сквозь новый текст местами мог просвечивать плохо соскобленный старый, — также не случайно. Это свойство актуально для сюжета «Алкесты» Фюмана, поскольку, действительно, через происходящие на сцене события определенным образом «просвечивает» античная фабула. Позже понятие палимпсеста, как известно, было перенесено и на наскальные росписи первобытного искусства, когда на стенах или камнях с полуутраченными от времени рисунками наносили новые изображения. Не случайно в этом контексте упоминание работ Хайнера Ульриха, современного восточногерманского художника. Его гравюры в стиле акватинты с автографами иллюстрируют текст «либретто». На обороте одной из гравюр есть небольшая, но значимая в данном контексте запись, характеризующая смысл изображенного: «Старый сомнамбулический политик...» [Heiner ...].

Как известно, текст древнегреческих трагедий — только одна из составляющих этого уникального явления, одно из слагаемых действия, включавшего в себя и музыку, и хор, и пение, и танец, и своеобразную жестикуляцию, маски, одежды. С этой точки зрения незаконченный текст замысла Франца Фюмана в полной мере отвечал законам жанра древнегреческой трагедии, что находит отражение уже в его многозначном названии. Пьеса открывается в соответствии с жанром любопытным списком персонажей, а также краткими указаниями писателя для постановщиков произведения по содержанию музыкального сопровождения. Так, по ходу действия певица должна была исполнять, согласно указаниям Фюмана, коллаж из фрагментов: Сафо — 5, 6, 9, 34а, 56, 59, 94, 96, 106, 110а, 118; Алкмана — 58 и Симонида — 13, 40. Исполнение этих фрагментов, с точки зрения автора, наилучшим образом оттеняло бы смысл происходящего. Как было сказано выше, интерпретируя сюжет «Алкесты» Еврипида, исследователи (К. фон Фритц и У. Смит, А. Верралл) фиксировали своё внимание на контрасте

между чудесным миром мифа и жестокой реальностью человеческой жизни. В свою очередь Б. М. Никольский концентрировал внимание на противопоставлении смысла образов Аполлона и Геракла, оставляя последнему способ избавления от бед, воплощающийся в применении физической, военной силы.

Первоначальные записи, относящиеся к замыслу работы над материалом об Алкесте, в которых ещё нет упоминаний ни о фильмографии, ни о Прологе, тем не менее содержат описание структуры будущего произведения, по своему внутреннему смыслу близкой концепции Еврипида: «I действие — Адмет ищет заместителя / II действие — Плач по Алкесте / III действие — Геракл? Конец», — а недатированное концептуальное письмо музыкантам также указывает на счастливый финал и присутствие в пьесе Геракла, когда Алкид приходит в качестве гостя в царские траурные покои и выгоняет Смерть за дверь своей палицей. Но позднее появившееся намерение написать «Либретто для рок-оперы» качественно меняет тональность будущего произведения, образную систему, художественные средства, а главное, саму атмосферу и стиль будущего создания. Писателю захотелось максимально заострить предложенную в мифе ситуацию, ужесточить смысл, создать весьма «злое» по концепции произведение («*ganz gut böß machen*») так, чтобы это «рвало душу в клочья» («*fetzt*»). Смысловой осью спектакля должна была теперь стать проверка на правдивость и искренность не только окружающих Адмета людей, но и всего уклада политической жизни государства (*Reich*) («*Sinnachse wurde die Wahrheitsprobe*»). По мысли Фюмана, реальность врывается в жизнь царя Адмета и разрушает призрачный мир комфорта и благополучия, ибо дар Аполлона — привилегия не умирать — связана с добровольной искренней жертвой заместителя, что и открывает истинное положение вещей и приводит к сбрасыванию лживых масок благожелательности и преданности, а также обнажает политические игры в государстве, подвластном Адмету, поскольку, как пишет Фюман, только при таких катаклизмах судьбы и «полном смещении линий жизни» раскрывается правда: «*Nur in der aeussersten Verwirrung des Schicksals, dem Vertauschen der Lebenslinien, kann die Wahrheit in solchem Mass zum Durchbruch kommen*»[Fühmann, 1989, S. 113].

Показателен уже перечень действующих лиц, из которого, во-первых, исчезает не только фигура Геракла, но и Аполлона, то есть сама возможность заложенного в мифе благополучного разрешения предложенной ситуации. Нравственный потенциал возможных спасителей Адмета подчеркивается уже уничижительным обозначением присутствия его родителей — *Parachen* (Папаша, папашка) и *Mamachen* (Мамаша, мамашка), теряющих не только имена (у Еврипида отец Адмета всё же — Ферет), но

и присущее образам родителей уважение. Ферет Еврипида, в отличие от близких Адмета в пьесе Фюмана, интересен современным зрителям хотя бы иронией его высказываний. Перечень действующих лиц изобилует причудливыми сочетаниями иронично переосмысленных имён известных деятелей или героев античности в сочетании с их гротескными с точки зрения древнегреческой истории титулами и должностями и прозвищами: Menelaos Karageorgomegalistometspolaeionithisisteiopolos (Менелай Карагеоргомегалистометполеонитисистеиополос) — церемониймейстер фессалийского двора; Гиппонакт — министр культуры в правительстве Фессалии (кстати, Гиппонакт Эфесский — лирик, живший во второй половине VI века); Ахиллес Аристотель — комендант столицы Фессалии. Особо следует отметить перечисление генералитета фессалийского рейха. Отметим, что Фюман не применяет здесь понятия «государство», «царство» или «республика», хотя это было бы уместно в сложившейся политической ситуации противостояния двух немецких государств (Bundesrepublik Deutschland — Deutsche Demokratische Republik), в которой было написано произведение. Автор использует именно наименование *Reich*. Это звучит в контексте сюжета об Алкесте весьма политизированно и вызывает соответствующие исторические ассоциации: *Nordgeneral des thessalischen Reiches*, *Sügeneral des thessalischen Reiches*, *Ostgeneral des thessalischen Reiches*, *Westgeneral des thessalischen Reiches* (Северный генерал Фессалийского рейха, Южный генерал Фессалийского рейха, Восточный генерал Фессалийского рейха, Западный генерал Фессалийского рейха). Это интересно уже с той точки зрения, что в этот период Фюман задумывается в философском и политическом смысле над проблемой свободного выбора и волеизъявления человека в качестве показателя состоятельности того или иного государственного устройства. Кстати, это вопрос, поставленный ещё в античности Сократом, Платоном и Аристотелем. Возможно, не случайно одного из героев зовут Ахиллес Аристотель. Как известно, Ахиллесу было предоставлено свободное право выбирать свою судьбу. Писатель задумывается о бесперспективном противостоянии двух немецких государств, изобразив его в сборнике рассказов в жанре антиутопии «Сайенс Фикчен» (Saiäns-Fiktschen, 1981) в виде борьбы тоталитарных государств Унигерра и Либротерра. Оба режима, по его мнению, бесперспективны, так как нивелируют человеческие ценности, и прежде всего свободу индивидуального выбора. Идеи эти нашли отражение в написанном Фюманом киносценарии «Simplicius Simplicissimus» и в изданных после смерти писателя драмах: радиопьесе «Тени» («Die Schatten», 1984) и либретто «балета» «Кирка и Одиссей» («Kirke und Odysseus». Ein Ballet, 1984).

Особое место в концепции «Алкесты» Фюмана занимает Пролог. Конечно, в нем отсутствует присущее античной трагедии величие, но, как и в древности, Пролог задаёт своеобразный тон всему происходящему в дальнейшем. В данном случае Фюман представляет события в доме Адмета не как индивидуальную трагедию героев, но как проекцию вселенского политического фарса, прежде всего связанного с процедурой выборов при любом государственном устройстве, в любой стране, в любое время. Начало действия возвещает оглушительный туш, предшествующий появлению Ахиллеса Аристотеля — коменданта столицы Фессалии в фантастической униформе, огромных погонах, с «ненормальной кобурой для пистолета» и мечом на поясе, — который по-военному приветствует публику и, по сути, уже до начала действия объявляет народу единственно возможный финал ещё не разыгранной перед зрителями пьесы. В свою очередь зрителям добровольно-принудительно придётся принять участие в политическом фарсе под названием «выборы» при помощи голосования остраконами (черепками): «Mal herhören, Leute! — Ruhe dahinten! Als—o, bevor das hier oben losgeht, Alkestis, Stück in drei Akten, spielen wir alle zusammen ein kleines Spielchen, den Ostrakismos <...> Gestatten, daß ich mich vorstelle: Achilles Aristoteles, Stadtkommandant von Pherai, der Hauptstadt Thessaliens, General, und demgemäß sachverständig für Demokratie und Nebengebiete. — Ruhe dahinten, habe ich befohlen! <...> Mein König Admetos — macht kehrt, grüßt zum Vorhang — wird nämlich im Lauf des Stücks, zweiter Akt, eine Bitte an die Schicksalsgöttinnen, die weithin berühmten Parzen, richten, und ihr, Leute, dürft für sie Schicksal spielen, ihr dürft die Bitte abschlagen oder gewähren, ganz nach eurer freien Wahl, einmalige Gelegenheit<...> Wie die Bitte des Königs lautet? Das ist jetzt überhaupt nicht wichtig, ich sagte ja: Demokratie in Maßen. Ihr seid Volk, da müßt ihr nicht alles wissen, und außerdem steht's im Programmheft. <...> Wie immer Sie nämlich da unten entscheiden, wir sind oben auf alles vorbereitet und haben die fertige Lösung parat» [Fühmann, 1989, S. 7—8] («Слушай народ! — Тихо сзади! — Ну, прежде чем это здесь начнется, “Алкеста” будет сыграна в трех действиях, давайте все вместе сыграем в маленькую игру, в остракизм <...> Позвольте мне представиться: Ахилл Аристотель, комендант города Феры, столицы Фессалии, генерал и, соответственно, компетентен в вопросах демократии и всего, что с ней связанного. — Тихо там, я приказал! <...> Мой царь Адмет, — оборачивается и приветствует занавес, — по ходу пьесы, акта II, обратится с просьбой к богиням судьбы, всем известным Паркам, а вы, люди, можете сыграть им эту судьбу, можете просьбу отклонить или исполнить, всё по вашему свободному выбору, уникальная возможность<...> Что еще? — Какова просьба короля? Это сейчас совсем не важно, как я уже сказал: демократия в меру. Вы же народ, вам не обязательно все знать, и это

тоже есть в программке <...> Что бы вы ни решили там, внизу, мы, наверху, готовы ко всему и у нас всегда под рукой готовое решение»). Приведенный отрывок даёт полное представление о том, в каком русле должна была развиваться интерпретация сюжета об Алкесте при первоначальном замысле Франца Фюмана, что и осуществляется автором в гротескном развитии событий I действия, когда в целях псевдогосударственной необходимости (придворные и генералитет) и в целях отчаянного самосохранения (Папашка и Мамашка) в помощи Адмету лицемерно отказывают все. Показателен уже один эпизод из перепалки с родителями:

Admetos:

Nun denn, ich habe eine frohe Botschaft für euch. Die Stunde eurer Erlösung ist da. Einer von euch darf für mich sterben. In drei Stunden kommt der Herr Tod und holt ihn.

Die Eltern stehen baff.

Admetos:

Da freut ihr euch, was? Ja, da seid ihr sprachlos! Wer geht denn als erster? Vielleicht Papachen mit seinen Magengeschwüren und seinen gichtigen Knien?

Papachen:

Was? Ich?

Gesungen:

Ich und Magengeschwüre?

Ich und gichtige Knie?

Da, schau her, wie ich springe!

Er hopst an seinen Krücken einen grotesken Tanz.

Admetos:

Dann Mamachen - mit ihren Schrumpfnieren und ihrer Spondylose...

Mamachen singt:

Was, du unverschämter Lümmel?

Hat dich dein Weib wieder aufgehetzt?

Ich und Schrumpfnieren?

Ich und Spondylose?

Ich werd dir's zeigen!

Sie hebt den Stock wider Admetos; knickt abermals im Fußgelenk ein, hält sich am Thron fest und versucht nun, mit dem Stock nach Admetos zu schlagen)
[Fühmann, 1989, S. 17].

(Адмет:

Что ж, тогда у меня для вас хорошие новости. Час вашего искупления уже здесь. Один из вас может умереть за меня. Через три часа придет Смерть и заберет его.

Родители в шоке

Адмет:

Ты счастлив, не так ли? Ты онемел! Кто первый? Может, папаша с язвой желудка и подагрой?

Папаша:

Как? Я?

Поет:

Я и язва желудка?

Я и подагрические колени?

Вот, смотри, как я прыгаю!

Он танцует на костылях в гротескном танце.

Адмет:

Тогда Мамаша с ее атрофией почек и спондилезом ...

Мамаша поет:

Ты что, наглый хам?

Жена твоя опять тебя нагнала?

Я и атрофия почек?

Я и спондилез?

Я покажу тебе!

Она поднимает палку против Адмета; снова сгибает лодыжку, держится за трон и теперь пытается ударить Адмета палкой).

Как уже отмечалось выше, создание «Алкесты» имело для Фюмана изначально глубоко личностные мотивы. Уже неизлечимо больной, лежа в клинике Шаритэ, он продолжает обдумывать сюжет и переосмысливает концепцию «Алкесты» как по форме, так и по содержанию. Жизненная ситуация и глубинная суть мифа как будто бы накладываются друг на друга, что заставляет писателя значительно поменять тональность «либретто». Облегченный жанр рок-оперы и приёмы гротескного фигурства уже не подходили для воплощения проблем экзистенциального смысла. Стиль произведения всё больше приводится Фюманом в соответствие с трагической сутью самих событий. Изменения, вносимые писателем, касаются как тональности и стиля пьесы, так и более дифференцированной палитры языковых средств, а также усиления сценических эффектов и игровых элементов. Второе действие теперь в новом варианте представляет бескорыстное, долгое, добровольное умирание Алкесты, ее приготвление к смерти. Писатель всеми средствами высвечивает вопиющее пронзительное одиночество героини среди расчета и предательства свиты, трусости и эгоизма родителей, а также безмолвствующего народа, масса которого должна была быть представлена в пьесе средствами кинематографа, что

предельно расширяет возможные исторические ассоциации. Как свидетельствует последний редактор Фюмана Ингрид Пригнитц, работая над вторым действием, писатель вновь перечитывал Еврипида, отмечая смыслопорождающие детали для характеристики образа Алкесты и необходимые для воссоздания атмосферы самого действия. В этом контексте ведущими в речевой характеристике Алкесты становятся строки, посвященные тоске по исчезающему для неё солнцу и описывающие опускающуюся на её жизнь тёмную пелену ночи, окутывающую её сознание и лежащую на её глаза:

Alkestis:

O Sonne, Sonne, komm über mich!

Gesungen:

Sonne, du tausendarmige gute Gefährtin,
deine kosenden Hände heben jeden Morgen
mich aus dem todverschwisterten Schlaf in
des Lebens neuen Tag, baden in Wärme
mich, trocknen mit Glanz mich, kleiden in
Licht mich, drücken mich an dem Herz.

Sonne, du tausendarmige holde Gespielin,
Hand in Hand, so laufen wir dann durch die
Thymianwiesen zum Fluß hinunter, und ich
suche dein Funkeln zu haschen, das du auf
seine Wellen streust<...>

Sonne, du tausendarmige treue Behüterin
unsres Landes, dem Fülle du spendest,
kochend den Wein in der Traube und
weckend in der Ähre das nährende Brot [Fühmann, 1989, S. 52].

(Алкеста:

О солнце, солнце, приди ко мне!

Поет:

Солнце, тысячерукий добрый спутник, / твои ласковые руки поднимают / меня каждое утро ото сна, подобного его сестре — смерти — / в новый день жизни, омывают меня теплом, / осушают меня сиянием, одевают меня / светом, прижимаются к моему сердцу. / Солнце, ты, тысячерукий милый товарищ по играм, / рука об руку, мы тогда бежим через / тимьяновые луга к реке, и я / пытаюсь поймать твои искры, / которые ты рассыпаешь на его волнах, / <...> / Солнце, тысячерукий верный хранитель / нашей земли, которой ты даришь изобилие /, порождая вино в винограде и / пробуждая сытный хлеб в колосе»)

Admetos:

nicht dorthin!

Dort quilt die Dunkelheit;

Es weht so kalt herein,

Wohin gehst du mit mir? [Fühmann, 1989, S. 53].

(О, только не туда! / Там вздымается тьма; / оттуда несёт таким холодом, / куда же ты идешь со мной?)

Теперь, как следует из подготовительных материалов и писем к редактору, гротескные, сатирические, политические сиюминутные мотивы в замыслах Фюмана отступают перед экзистенциальными проблемами и трагическими дилеммами бытия. В этом контексте важно, что даже при учёте удаления из мифологической фабулы фигур Аполлона и Геракла уже само изменение жанровой структуры (отказ от рок-оперы с упрощённым гротескным пафосом) открыло новые смысловые возможности с далеко идущими содержательными последствиями: теперь желание умереть вместе с возлюбленной, единственно преданной ему женой становится стержнем разворачивающегося действия. Царь Адмет получает шанс на испытание человечности, и теперь лейтмотивом его желаний становится фраза: «Ich ahne jetzt, dass es die Pruefung war, und ich-; nun gut. — Ich will ein Ende setzen und zu den Parzen flehen, dass sich zugleich mit dir, Alkestis, Allgeliebte, sterben darf» [Fühmann, 1989, S. 59] («Я теперь подозреваю, что это было испытание, и я — ну — я хочу положить этому конец и умолить парок, чтобы мне умереть вместе с тобой, Алкеста, всеми любимая»).

Эта возможность — свобода перемен — оказалась также заложена в даре Аполлона, и такой поворот в сюжете интерпретации Фюмана подтверждает при всей поливариантности интерпретаций удивительную устойчивость мифологического ядра сюжета.

4. Заключение = Conclusions

Хотя последовательность актов и значимых сцен была Фюманом продумана и завершена, текст пьесы в основном остался фрагментарным, так как разрыв между Прологом, I и II действиями по форме и содержанию не был полностью уравновешен и гармонизирован. С этой точки зрения дальнейшая работа Фюмана, вероятно, была бы направлена прежде всего на обновление тона лингвистической версии первого акта. Воплощение сюжета об Алкесте было первоначально спланировано в гораздо более легком стиле, иронично «кочующем» в пространстве между мифическим и социальным. В конце жизни Фюман критикует культурную политику ГДР. Разочарование писателя в политических устоях немецкого государ-

ства приводит его к отказу от членства в Союзе писателей и Академии искусств ГДР. Несомненно, что политические разочарования последних лет жизни Фюмана, утрата веры в разум и способность к диалогу, надежды на будущее заставили усложнить проблематику «Алкесты» трагическими экзистенциальными вопросами бытия. По мере погружения в глубинный слой мифического первоначально задуманная политизированная стихия сиюминутности оказалась слишком легковесной для воплощения древнейшего сюжета. Согласно своему катарсическому пониманию литературы и искусства Фюман в своей версии «Алкесты» также опирался на то, что заложенное изначально в мифе переплетение трагического и комического способно активировать защитные силы индивидуума против нравственной деградации. Эти опыты в совокупности представляют собой стремление Ф. Фюмана, подобно Т. Манну, психологизировать содержание мифа. В этом смысле взгляды на мифологию писателей во многом близки: Манн считал, что «типическое и есть мифическое» [Манн, 1960, с. 165], и Фюман зачастую прямо продолжал развивать идеи своего предшественника, мотивы и образы мифа, представляющие, с точки зрения Фюмана, глубинные психические метафоры, вскрывающие индивидуальные и социальные побудительные причины функционирования и изменения структуры и основ бытия. Мифическое возвышает реализм над натурализмом.

Пьеса «Алкеста» не получила своего сценического воплощения, однако, представляя собой не просто среднее звено в триаде драматических попыток в форме балета, оперы и радиоспектакля, безусловно, принадлежит к наиболее глубокомысленным и философски значимым произведениям Франца Фюмана, основанным на материале греческой мифологии, даже без окончательного его завершения.

Источники

1. *Фюман Ф.* Двадцать два дня, или Половина жизни / Ф. Фюман ; Пер. Э. Львовий. — Москва : Прогресс, 1976. — 286 с. — ISBN 978-00-1716915-0.
2. *Фюман Ф.* Избранное / Ф. Фюман. — Москва : Радуга, 1989. — 584 с. — ISBN 5-05-002363-7.
3. *Fühmann F.* Alkestis. Stück mit Musik in einem ersten Akt, einem zweiten Akt, zwei dritten Akten und einem Vorspiel, dazu=deliziös-verklärte Varianten zur Hintergrundforschung mythologisch bedingter Träume beziehungsweise Landschaften im Weltbild antiker Dramen oder so. 5 Ostraka-Palimpseste aus dem Kramladen der Antike (in Aquatintamanier) von Heiner Ulrich / F. Fühmann. — Rostock : VEB Hinstorff Verlag, 1989. — 119 S. — ISBN 3-356-00222-8.
4. *Fühmann F.* Das mythische Element in der Literatur. Vortrag / F. Fühmann // Erfahrung und Widersprüche. Versuche über Literatur. — Rostock : Hinstorff, 1975. — 222 S.
5. *Fühmann F.* Die Schatten / F. Fühmann // Neue Deutsche Literatur. — 1984. — № 11. — S. 96—121.

6. *Heiner Ulrich* | Artworks | Mutual Art [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.mutualart.com/Artist/Heiner-ulrich/12E4F77686F50724/Artworks> (accessed 21.09.2022).

Литература

1. *Вланес* (Владислав Некляев). Предисловие переводчика [Электронный ресурс] / Вланес // Еврипид. Алкеста. — Режим доступа : <https://www.netslova.ru/perevody/euripides.html> (дата обращения 24.09.2022).

2. *Гаспаров М. Л.* Сюжетосложение древнегреческой трагедии / М. Л. Гаспаров // Избранные труды. — Москва : Языки славянских культур, 1997. — Т. 1. — С. 449—482.

3. *Манн Т.* «Иосиф и его братья». Доклад / Т. Манн // Собрание сочинений : В 10 т. — Москва : ГИХЛ, 1960. — Т. 9. — С. 175.

4. *Никольский Б. М.* Структура и тема «Алкесты» Еврипида. «История». Электронный научно-образовательный журнал [Электронный ресурс] / Б. М. Никольский. — 2012. — № 8 (16). — Режим доступа : <https://history.jes.su/s207987840000443-6-1/> (дата обращения 26.09.2022).

5. *Никольский Б. М.* «Алкеста» Еврипида : проблема интерпретации / Б. М. Никольский // Индоевропейское языкознание и классическая филология. — 2017. — № 21. — С. 595—628.

6. *Овчарова С. В.* Миф в творчестве Франца Фюмана : особенности интерпретации : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / С. В. Овчарова. — Екатеринбург, 2009. — 22 с.

7. *Цветков Ю. Л.* Интерпретация мифа об Алкесте в драме Георга Кайзера «Пожар в оперном Театре» / Ю. Л. Цветков // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. — 2012. — № 1—2. — С. 259—263.

8. *Шарыпина Т. А.* Гомеровские мотивы в радиопьесе Франца Фюмана «Тени» / Т. А. Шарыпина // Новое о старом и новом. Часть 2. Зарубежная литература нового времени. Переводы. Статьи. Комментарии. Хрестоматия для студентов. — Самара : [б. и.], 2002. — С. 228—248.

9. *Шарыпина Т. А.* Франц Фюман : творческий путь в контексте эпохи [Электронный ресурс] / Т. А. Шарыпина // Новые Российские гуманитарные исследования. — 2011. — № 6. Литературоведение. — Режим доступа : <http://www.nrgumis.ru/articles/archives/fullart.php?aid=317&binrubrikparticles=344> (дата обращения 27.09.2022).

10. *Шарыпина Т. А.* Поэтологические функции авторской модальности в художественной практике Ф. Фюмана и Б. Шлинка / Т. А. Шарыпина // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2022. — Т. 44. — № 1. — С. 81—88.

11. *Burnett A. P.* Catastrophe Survived : Euripide's Plays of Mixed Reversal / A. P. Burnett. — Oxford : Clarendon Press, 1971. — 234 p.

12. *Burnett A. P.* The Virtues of Admetus / A. P. Burnett // Classical Philology. — 1965. — Vol. 60. — № 4. — Pp. 240—255.

13. *Buxton R. G. A.* Euripide's Alkestis : Five Aspects of an Interpretation / R. G. A. Buxton. — Oxford : Oxford University Press, 2003. — Pp. 170—186. — ISBN 0198721854.

14. *Conacher D. J.* Euripidean Drama : Myth, Theme and Structure. Toronto / D. J. Conacher. — London : University of Toronto Press, 1967. — 354 p.

15. *Conacher D. J.* Euripides. Alkestis / D. J. Conacher. — Warminster : Aris & Phillips, 1988. — 274 p.

16. Dale A. M. Euripides Alcestis / A. M. Dale. — Oxford : Clarendon Press, 1954. — 130 p.
17. Prignitz I. Nachwort / Fühmann F. Alkestis. Stück mit Musik in einem ersten Akt, einem zweiten Akt, zwei dritten Akten und einem Vorspiel, dazu=deliziös-verklärte Varianten zur Hintergrundforschung mythologisch bedingter Träume beziehungsweise Landschaften im Weltbild antiker Dramen oder so. 5 Ostraka-Palimpseste aus dem Kramladen der Antike (in Aquatintamanier) von Heiner Ulrich / I. Prignitz. — Rostock : VEB Hinstorff Verlag, 1989. — S. 109—119. — ISBN 3-356-00222-8
18. Smith W. D. The Ironic Structure in Alcestis / W. D. Smith // Phoenix. — 1960. — № 14. — Pp. 127—145.
19. Verrall A. W. Euripides the Rationalist : a Study in the History of Art and Religion / A. W. Verrall. — Cambridge : Cambridge University Press, 1895. — 263 p.
20. Von Fritz K. Euripides Alkestis und ihre modernen Nachahmer und Kritiker / K. von Fritz // Antike und moderne Tragödie, neun Abhandlungen. — Berlin : De Gruyter, 1962. — Pp. 27—70.

Статья поступила в редакцию 02.02.2023;
одобрена после рецензирования 22.02.2023;
подготовлена к публикации 21.03.2023.

Material resources

- Fühmann, F. (1989). *Alkestis. Stück mit Musik in einem ersten Akt, einem zweiten Akt, zwei dritten Akten und einem Vorspiel, dazu=deliziös-verklärte Varianten zur Hintergrundforschung mythologisch bedingter Träume beziehungsweise Landschaften im Weltbild antiker Dramen oder so. 5 Ostraka-Palimpseste aus dem Kramladen der Antike (in Aquatintamanier) von Heiner Ulrich*. Rostock: VEB Hinstorff Verlag. 119 S. ISBN 3-356-00222-8. (In Germ.).
- Fühmann, F. (1975). Das mythische Element in der Literatur. Vortrag. In: *Erfahrungen und Widersprüche. Versuche über Literatur*. Rostock: Hinstorff. 222 S. (In Germ.).
- Fyuman, F. (1976). *Twenty-two days, or Half a life*. Moscow: Progress. 286 p. ISBN 978-00-1716915-0. (In Russ.).
- Fühmann, F. (1984). Die Schatten. *Neue Deutsche Literatur, II*: 96—121. (In Germ.).
- Fyuman, F. (1989). *Favorites*. Moscow: Raduga. 584 p. ISBN 5-05-002363-7. (In Russ.).
- Heiner Ulrich | Artworks | MutualArt. Available at: <https://www.mutualart.com/Artist/Heiner-ulrich/12E4F77686F50724/Artworks> (accessed 21.09.2022).

References

- Burnett, A. P. (1965). The Virtues of Admetus. *Classical Philology*, 60 (4): 240—255.
- Burnett, A. P. (1971). *Catastrophe Survived: Euripide's Plays of Mixed Reversal*. Oxford: Clarendon Press. 234 p.
- Buxton, R. G. A. (2003). *Euripide's Alkestis: Five Aspects of an Interpretation*. Oxford: Oxford University Press. 170—186. ISBN 0198721854.
- Conacher, D. J. (1967). *Euripidean Drama: Myth, Theme and Structure*. Toronto. London: University of Toronto Press. 354 p.
- Conacher, D. J. (1988). *Euripides. Alcestis*. Warminster: Aris & Phillips. 274 p.
- Dale, A. M. (1954). *Euripides Alcestis*. Oxford: Clarendon Press. 130 p.

- Gasparov, M. L. (1997). The plot of the ancient Greek tragedy. In: *Selected works, 1*. Moscow: Languages of Slavic Cultures. 449—482. (In Russ.).
- Mann, T. (1960). “Joseph and his brothers.” Report. In: *Collected works: in 10 volumes, 9*. Moscow: GIHL. P. 175. (In Russ.).
- Nikolsky, B. M. (2012). The structure and theme of Euripide’s Alceste. “History”. *Electronic scientific and educational journal, 8 (16)*. Available at: <https://history.jes.su/s207987840000443-6-1/> (accessed 26.09.2022). (In Russ.).
- Nikolsky, B. M. (2017). “Alceste” of Euripides: the problem of interpretation. *Indo-European linguistics and classical philology, 21*: 595—628. (In Russ.).
- Ovcharova, S. V. (2009). *Myth in the works of Franz Fuhrer: features of interpretation*. Author’s abstract of PhD Diss. Yekaterinburg. 22 p. (In Russ.).
- Prignitz, I. (1989). *Nachwort / Fühmann F. Alkestis. Stück mit Musik in einem ersten Akt, einem zweiten Akt, zwei dritten Akten und einem Vorspiel, dazu=delizios-verklärte Varianten zur Hintergrundforschung mythologisch bedingter Träume beziehungsweise Landschaften im Weltbild antiker Dramen oder so. 5 Ostraka-Palimpseste aus dem Kramladen der Antike (in Aquatintamanier) von Heiner Ulrich*. Rostock: VEB Hinstorff Verlag. 109—119. ISBN 3-356-00222-8. (In Germ.).
- Sharypina, T. A. (2002). Homeric motifs in Franz Fyman’s radio play “Shadows”. In: *New about the old and the new. Part”. Foreign literature of modern times. Translations. Article. Comments on a textbook for students*. Samara: [b. i.]. 228—248. (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2011). Franz Fuhrerman: the creative path in the context of the epoch. *New Russian humanitarian studies. Literary criticism*. Available at: <http://www.nrgumis.ru/articles/archives/fullart.php?aid=317&binnrubrikparticles=344> (accessed 27.09.2022). (In Russ.).
- Sharypina, T. A. (2022). Poetological functions of the author’s modality in the artistic practice of F. Fyuman and B. Shlink. *Scientific notes of Petrozavodsk State University, 44 (1)*: 81—88. (In Russ.).
- Smith, W. D. (1960). The Ironic Structure in Alkestis. *Phoenix, 14*: 127—145.
- Tsvetkov, Yu. L. (2012). Interpretation of the myth of Alceste in Georg Kaiser’s drama “Fire in the Opera House”. *Bulletin of the Nizhny Novgorod State University named after N. I. Lobachevsky, 1—2*: 259—263. (In Russ.).
- Verrall, A. W. (1985). *Euripides the Rationalist: a Study in the History of Art and Religion*. Cambridge: Cambridge University Press. 263 p.
- Vlas (Vladislav Nyaklyayev). Translator’s Preface. *Euripides. Alceste*. Available at: <https://www.netslova.ru/perevody/euripides.html> (accessed 24.09.2022). (In Russ.).
- Von Fritz, K. (1962). Euripides Alkestis und ihre modernen Nachahmer und Kritiker. In: *Antike und moderne Tragödie, neun Abhandlungen*. Berlin: De Gruyter. 27—70. (In Germ.).

*The article was submitted 02.02.2023;
approved after reviewing 22.02.2023;
accepted for publication 21.03.2023.*

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORY

.....

Александр Александрович Иванов, д-р истор. наук (Иркутск)
Александр Алексеевич Корнилов, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Александр Игоревич Егоров, д-р истор. наук (Нижний Новгород)
Андрей Анатольевич Непомнящий, д-р истор. наук (Симферополь)
Андрей Леонидович Анисимов, канд. экон. наук (Екатеринбург)
Вера Ивановна Федорова, д-р истор. наук (Красноярск)
Виктория Константиновна Хоруженко, канд. истор. наук (Таганрог)
Владимир Александрович Ипполитов, канд. истор. наук (Тамбов)
Владимир Николаевич Мамяченков, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Владимир Павлович Мотревич, д-р истор. наук (Екатеринбург)
Ирина Михайловна Фекина, канд. истор. наук (Краснодар)
Дмитрий Олегович Межуев, аспирант (Санкт-Петербург)
Людмила Евгеньевна Мариненко, канд. истор. наук (Красноярск)
Максим Валерьевич Чигрин, канд. истор. наук (Ульяновск)
Максим Геннадьевич Пинигин, канд. юрид. наук (Тюмень)
Мариана Шамильевна Альмухаметова, канд. истор. наук (Тюмень)
Наталия Владимировна Эйльбарт, д-р истор. наук (Санкт-Петербург)
Наталья Евгеньевна Пуховская, канд. истор. наук (Ростов-на-Дону)
Наталья Сергеевна Лобанова, старший преподаватель (Нижний Новгород)
Олеся Михайловна Долидович, д-р истор. наук (Красноярск)
Ольга Николаевна Науменко, д-р истор. наук (Ханты-Мансийск)
Рашит Алимович Мухамедов, д-р истор. наук (Ульяновск)
Славяна Юрьевна Болдырева, канд. истор. наук (Архангельск)
Софья Леонидовна Курас, канд. истор. наук (Иркутск)
Татьяна Леонидовна Курас, канд. истор. наук (Иркутск)

Болдырева С. Ю. Социально-культурная адаптация детей мигрантов и их интеграция в норвежское общество в 1990—2000-е годы / С. Ю. Болдырева, Н. Е. Пуховская, В. К. Хоруженко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 275—300. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-275-300.

Boldyreva, S. Yu., Pukhovskaya, N. E., Khoruzhenko, V. K. (2023). Social and Cultural Integration and Adaptation of Migrant Children into Norwegian Society in 1990s and 2000s. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 275-300. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-275-300. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-275-300

Социально-культурная адаптация детей мигрантов и их интеграция в норвежское общество в 1990—2000-е годы

Болдырева Славяна Юрьевна¹
orcid.org/0000-0003-0677-6312
кандидат исторических наук, доцент
s.boldyreva@narfu.ru

Пуховская Наталья Евгеньевна²
orcid.org/0000-0003-1129-8562
кандидат исторических наук, доцент
nepuhovskaya@sfedu.ru

Хоруженко Виктория Константиновна³
orcid.org/0000-0003-3035-2747
кандидат исторических наук, доцент
smirnovavk@yandex.ru

¹Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

²Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону, Россия)

³Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ) (Таганрог, Россия)

Social and Cultural Integration and Adaptation of Migrant Children into Norwegian Society in 1990s and 2000s

Slavyana Yu. Boldyreva¹
orcid.org/0000-0003-0677-6312
PhD in History, Associate Professor
s.boldyreva@narfu.ru

Natalya E. Pukhovskaya²
orcid.org/0000-0003-1129-8562
PhD in History, Associate Professor
nepuhovskaya@sfedu.ru

Victoria K. Khoruzhenko³
orcid.org/0000-0003-3035-2747
PhD in History, Associate Professor
smirnovavk@yandex.ru

¹Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia)

²Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia)

³A. P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Rostov State University of Economics (Taganrog, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются процессы социально-культурной адаптации детей мигрантов и их интеграции в принимающее общество в контексте иммиграционной политики Норвегии. Особое внимание уделяется специфике иммиграционной политики страны, стратегиям работы с детьми иммигрантов в принимающем обществе, а также социальным последствиям данных стратегий для норвежского общества. Подчёркивается, что иммигранты и коренное население страны оказывают взаимное влияние друг на друга. Налаживание между ними эффективных социальных взаимодействий, освоение иммигрантами элементов новой культуры благоприятно сказывается на внутривнутриполитической стабильности государства. Отмечается, что это особенно важно для Норвегии, придерживающейся политики мультикультурализма. Делается вывод, что интеграция иммигрантов в принимающее сообщество не происходит автоматически. Авторами также выделяются сильные и слабые стороны норвежской иммиграционной политики в отношении детей, что в определённой степени ставит под сомнение ее эффективность в долгосрочной перспективе.

Ключевые слова:

Норвегия; иммиграционная политика; филиация; натурализация; мультикультурализм; социально-культурная адаптация; интеграция; миграционный кризис; дети мигрантов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The authors consider the processes of social and cultural adaptation of migrant children and their integration into the host society in the context of Norway's immigration policy in the article. Particular attention is paid to the specifics of the country's immigration policy, strategies for working with immigrant children in the host society, as well as the social consequences of these strategies for Norwegian society. It is emphasized that immigrants and the native population of the country exert mutual influence on each other. Establishment of effective social interactions between them, assimilation of elements of new culture by immigrants has a favorable effect on the internal political stability of the state. It is noted that this is especially important for Norway, which adheres to the policy of multiculturalism. It is concluded that the integration of immigrants into the host community does not happen automatically. The authors also highlight the strengths and weaknesses of the Norwegian immigration policy in relation to children, which to a certain extent calls into question its effectiveness in the long term.

Key words:

Norway; immigration policy; filiation; naturalization; multiculturalism; social and cultural adaptation; integration; migration crisis; migrant children.

Социально-культурная адаптация детей мигрантов и их интеграция в норвежское общество в 1990—2000-е годы

© Болдырева С. Ю., Пуховская Н. Е., Хоруженко В. К., 2023

1. Введение = Introduction

Несмотря на географическую отдалённость и достаточно суровые климатические условия, Норвегия является одной из наиболее привлекательных для иммиграции стран. Среди факторов, объясняющих увеличение иммиграционных потоков, выделяют внутривнутриполитическую и экономическую стабильность Норвегии, а также развитую систему социальной защиты населения. Кроме того, в 2022 году Норвегия заняла второе место в списке стран по индексу человеческого развития — показателю, характеризующему уровень жизни внутри государства [Список стран ...].

В ряде случаев увеличение числа иммигрантов способствует нарастанию в стране социальной напряжённости, активизации правых партий, увеличению числа внутренних конфликтов. Однако иммиграция имеет и положительные последствия, в частности, оказывает благоприятное воздействие на экономическую систему государства. Благодаря иммиграции увеличиваются налоговые поступления, а производства получают возможность использования недорогой рабочей силы.

Иммигранты и коренное население страны оказывают взаимное влияние друг на друга. Налаживание между ними эффективного социального взаимодействия, освоение иммигрантами элементов новой культуры благоприятно сказываются на внутривнутриполитической стабильности государства, что особенно важно для Норвегии, придерживающейся политики мультикультурализма.

Повышенного внимания требует создание условий для интеграции в принимающее общество детей иммигрантов, так как большинство из них в будущем станут полноправными гражданами государства. При переезде в другую страну дети-мигранты сталкиваются со стрессом: в сравнении со взрослыми для освоения новой культуры им приходится затрачивать более серьёзные интеллектуальные и эмоциональные ресурсы, что значительно затрудняет процесс социокультурной адаптации.

По результатам исследования, проведённого в 2019 году норвежским статистическим бюро Statistic Norway [Провал ...], выяснилось, что дети иммигрантов первого поколения, взрослея, совершают большее количество преступлений, чем их родители. Выводы касались в первую очередь

иммигрантов из Сомали, Турции и Пакистана. Исследование подтвердило, что интеграция иммигрантов в принимающее сообщество не происходит автоматически, а также поставило под сомнение эффективность проводимой Норвегией иммиграционной политики.

Изучению иммиграционной политики Норвегии, условий социально-культурной адаптации иммигрантов в принимающем обществе, анализу особенностей и эффективности политики интеграции детей мигрантов в норвежский социум уделено внимание в ряде российских и зарубежных исследований. Проблематика социально-культурной адаптации и интеграции детей мигрантов достаточно активно разрабатывается в трудах современных российских и зарубежных исследователей. Так, необходимо отметить работу В. И. Мукомеля [Мукомель, 2016]. Автор рассматривает подходы к изучению и измерению интеграции мигрантов, выделяет ряд критериев и индикаторов интеграции, приводит методологии оценки интеграции, используемые Европейским Союзом и Организацией экономического сотрудничества и развития. Особенности социально-культурной адаптации детей мигрантов и их интеграции в принимающее общество изучают С. В. Боброва и В. Н. Князев. Они исследуют проблему социокультурной адаптации детей зарубежных иммигрантов в мегаполисе, а также анализируют эффективность существующих в мире программ по решению данной проблемы [Боброва и др., 2019]. Е. А. Омельченко в своей работе «Образование детей мигрантов как вклад в будущее» рассматривает проблемы образования детей из семей иммигрантов и анализирует опыт различных стран в сфере организации доступа детей мигрантов к образованию всех уровней [Омельченко, 2018]. Роль системы образования в интеграции детей мигрантов изучает также Т. В. Щеклачёва [Щеклачёва, 2016].

Характерным чертам иммиграционной политики стран Северной Европы посвящены работы Ю. А. Афонькиной, Т. В. Кузьмичевой, Г. В. Жигуновой [Афонькина и др., 2015] и Д. В. Михеева [Михеев, 2017]. Вопросами интеграции мигрантов в принимающие общества государств Северной Европы занимаются российские исследователи А. С. Матвеевская, С. Н. Погдин [Матвеевская и др., 2013], Г. А. Большаков [Большаков, 2013].

Социально-культурной адаптации детей иммигрантов в Норвегии также уделено внимание в работах зарубежных исследователей: М. Скивенес [Skivenes, 2015], Н. Рабеханитринови [Rabehanitriionny, 2012], Б. Братсберга, О. Рааума, К. Роэда [Bratsberg et al., 2012]. Также в нашем исследовании использованы работы Л. Д. В. Пастура [De Wal Pastoor, 2015], Дж. Абамоса, Л. Торбьернсен Хилт, К. Вестрхайм [Abamosa et al., 2020], характеризующие роль образовательной системы в процессе интеграции детей мигрантов в норвежское общество.

Анализируя научную литературу по теме данного исследования, можно сделать вывод о том, что работы перечисленных ранее авторов сосредоточены в большей степени на теоретических аспектах адаптации и интеграции мигрантов, а также на интеграции в принимающее общество Норвегии беженцев либо трудовых иммигрантов. Научная новизна данной статьи заключается в выявлении основных особенностей, механизмов и проблем государственной политики Норвегии в сфере социально-культурной адаптации и интеграции детей мигрантов, а также — в рассмотрении перспектив её совершенствования.

2. Материалы, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель представленной статьи — охарактеризовать процессы социально-культурной адаптации детей мигрантов и их интеграции в принимающее общество в контексте иммиграционной политики Норвегии. В качестве теоретической основы данной статьи выступает структурно-функциональный подход, позволивший провести комплексный анализ нормативно-правовой базы иммиграционной политики Норвегии, рассмотреть политику адаптации и интеграции детей мигрантов в принимающее общество данного государства.

Использование исторического, сравнительного и индексного методов позволило охарактеризовать эволюцию политики интеграции иммигрантов в норвежское общество и её ключевые особенности на современном этапе. Методы системного анализа и синтеза использовались при рассмотрении нормативно-правовых актов, аналитических отчётов по заявленной теме. Применение сценарного метода позволило спрогнозировать результаты и эффективность проводимой Норвегией политики по адаптации и интеграции детей мигрантов, а также построить ряд гипотез относительно перспектив дальнейшего развития норвежской иммиграционной политики.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые акты, организационно-распорядительная документация и статистические данные. Среди нормативно-правовых актов особо выделяются «Закон об адаптации и обучении норвежскому языку вновь прибывших иммигрантов» от 1 сентября 2003 года [Norge ..., 2003], «Закон о норвежском гражданстве» от 10 июня 2005 года [Norge ..., 2005], «Закон об иммиграции» от 15 мая 2008 года [Norge ..., 2008]. Также особый интерес вызывают тексты нескольких «Белых книг», посвящённых вопросам интеграции семей иммигрантов: «Семья — ответственность, свобода и выбор» [Immigration ..., 2016—2017], «От приёма до трудовой жизни — эффективная политика интеграции» [Immigration ..., 2018—2019]. Таким образом, нормативно-правовые акты позволили раскрыть законодательные основы иммиграционной политики Норвегии.

Кроме того, нами привлечены индексы и официальные статистические данные, характеризующие степень и результаты процессов социокультурной адаптации иммигрантов и их интеграции в норвежское общество: MIPREX [Norway, 2020], статистика по ознакомительным программам для иммигрантов [Introduction ..., 2020], по доступности образования для детей иммигрантов [Completion ..., 2020], по отношению коренных норвежцев к иммигрантам [Attitudes ..., 2020].

Использование перечисленных источников позволило получить комплексное представление о нормативно-правовой базе проводимых Норвегией мер по социокультурной адаптации мигрантов и их интеграции в принимающее общество, а также оценить их эффективность.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Специфика иммиграционной политики Норвегии на современном этапе

Согласно данным статистического бюро Statistics Norway по состоянию на 1 января 2021 года, иммигранты первого и второго поколений составляют около 18,5 % населения Норвегии [Immigrants ..., 2021]. Иммигрант первого поколения, в соответствии с представленным Statistics Norway определением, — это лицо, рождённое за границей, на законных основаниях проживающее на территории Норвегии в течение как минимум 6 месяцев. При этом родители и прародители иммигранта первого поколения должны быть гражданами другого государства. Важно отметить, что в качестве иммигранта не может рассматриваться лицо, родившееся в Норвегии, переехавшее в другую страну и вернувшееся на родину спустя какое-то время, — такое явление получило название *реэмиграция*. Также в число иммигрантов не включены дети и внуки коренных норвежцев, рождённые за границей. Иммигрант второго поколения, согласно определению, это родившееся на территории Норвегии лицо, оба родителя которого являются иммигрантами первого поколения.

За последние несколько десятилетий число иммигрантов в норвежском обществе существенно возросло. Так, в 2000 году их доля составляла 6,51 %, в 2010 году — 10,77 %. В 2019 году прирост населения за счёт иммиграции и рождения в семьях иммигрантов детей составил 64 % от общего прироста населения [Norway ..., 1960—2021].

Увеличение удельного веса иммигрантов в структуре принимающего общества связано в первую очередь с иммиграционными кризисами конца XX — начала XXI веков. Ещё в 1997 году в связи с наплывом беженцев из государств, входивших в состав бывшей Югославии, Норвегия вынужденно ужесточила свою иммиграционную политику. В 2015 году, когда

в страну прибыло рекордное количество иммигрантов (около 31 000 человек), норвежское правительство в очередной раз осуществило ряд мероприятий, основной целью которых стало сокращение иммиграции. Уже в 2016—2017 годах, несмотря на обострение Европейского миграционного кризиса, количество поданных в Норвегию прошений о предоставлении убежища снизилось с 10 до 6 тысяч в год [Морозова и др., 2021, с. 92—93]. В настоящее время на территории Королевства проживают выходцы из более чем 200 государств [Паникар и др., 2019, с. 125].

Норвегия не входит в ряд государств-членов Европейского союза, однако активно сотрудничает с данным интеграционным объединением. В 1994 году страна вступила в Европейскую экономическую зону, а в 2001 году стала участником Шенгенского соглашения. Именно этим объясняется большая доля иммигрантов — выходцев из европейских стран (по данным на 2019 год — около 52 % от общего числа переселенцев). 29 % иностранных граждан переехали в Норвегию из стран Азии, около 11 % — из Африки. В 2019 году в качестве причины переезда 42,9 % иммигрантов указали трудоустройство в Норвегии, 33,3 % приехали с целью воссоединения семьи, 11,6 % — в поисках убежища и гуманитарной защиты, 11,2 % — для получения образования [Norway ..., 1960—2021]. Динамику изменения этих данных с 1990 по 2019 годы можно проследить на рисунке 1.

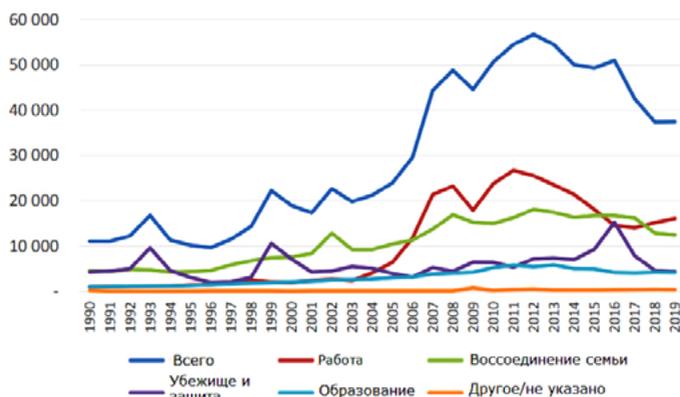

Рис. 1. Причины иммиграции в Норвегию в 1990—2019 годы [Norway ..., 1960—2021]

Основным документом, регламентирующим право иностранцев на въезд, проживание и осуществление трудовой деятельности на территории

Норвегии, является «Закон об иммиграции» от 15 мая 2008 года, вступивший в силу с 2010 года. До этого времени иммиграционный поток в Норвегию регулировался, преимущественно, принятым в 1988 году «Законом об иностранцах».

В большинстве случаев иностранцам предоставляется разрешение на временное проживание сроком от одного до трёх лет. Оно выдаётся при выполнении иммигрантом следующих условий: непрерывного проживания на территории государства в течение последних трёх лет, прохождения обязательных курсов по изучению норвежского языка и успешной сдачи экзамена на подтверждение соответствующих языковых навыков, прохождения обязательного курса по общественным наукам и успешной сдачи теста на понятном для иммигранта языке, трудоустройства и получения заработной платы (достаточной, чтобы обеспечить удовлетворение базовых нужд) на протяжении последних 12 месяцев.

Некоторые категории иностранных граждан, например студенты, могут получить разрешение лишь на временное проживание на территории страны. Однако после окончания учёбы им может поступить предложение от норвежских работодателей. В этом случае иммигранты получают возможность претендовать не только на постоянное проживание, но и на принятие подданства Норвегии. Принятие норвежского гражданства иммигрантами первого и второго поколения может осуществляться двумя способами: филиацией и натурализацией [Юхансен, 2017, с. 2—11].

Филиация — это процесс приобретения гражданства какого-либо государства по факту рождения. Так, норвежское гражданство автоматически получают дети, родившиеся в браке, где хотя бы один из родителей является подданным государства. Ребёнок, родившийся вне брака, получает гражданство Норвегии в том случае, когда его мать является подданной государства. Если женщина, вступившая в брак с гражданином Норвегии, имеет несовершеннолетних, не вступивших в брак детей, они также имеют право на получение норвежского гражданства.

В остальных случаях иммигранты могут претендовать на получение гражданства Норвегии посредством натурализации при соблюдении следующих условий: достижение иммигрантом совершеннолетия (18 лет); соблюдение ценза оседлости — непрерывное, законное проживание на территории государства в течение 7 (в некоторых случаях — 5) лет (стоит отметить, что ценз оседлости может быть снижен или отменён для граждан других государств Северной Европы; кроме того, существует исключение и для иностранных студентов: период, потраченный ими на обучение, в срок оседлости не входит); законопослушность — лицо, претендующее на получение норвежского гражданства, не должно быть разыскиваемым

в качестве террориста или уголовного преступника, не должно иметь судимости; отсутствие крупных задолженностей. Помимо этого, лица, претендующие на получение подданства Норвегии, не должны являться гражданами другого государства. В подавляющем большинстве случаев норвежским подданным запрещается иметь множественное гражданство. Важно отметить, что Норвегия оставляет за собой право лишить подданства и выслать из страны иммигранта, ставшего гражданином в процессе натурализации. Лица же, получившие гражданство по факту рождения, не могут лишиться его против воли.

В марте 2020 года в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 Норвегия ужесточила меры по въезду и проживанию иностранных граждан на территории государства. По состоянию на июнь 2021 года въезд в страну был открыт для лиц, имеющих вид на жительство или право на проживание в Норвегии в соответствии с Законом об иммиграции. Въезд в государство также стал возможен для иностранцев, ищущих гуманитарное убежище, и лиц, чьё присутствие на территории страны необходимо для осуществления общественно-важной деятельности.

Норвежская политика по адаптации и интеграции мигрантов направлена в первую очередь на предоставление иностранным лицам возможности полноценного участия в жизни принимающего общества. В качестве приоритета в государственной стратегии интеграции выступает формула «интеграция через знания» [Hagelund, 2005, p. 676], подразумевающая выход иммигранта на рынок труда Норвегии через получение им профессионального образования, квалификации и освоение новых навыков.

Участниками норвежской политики по адаптации и интеграции иммигрантов выступают как правительство, так и сами иммигранты, гражданское общество, неправительственные организации, региональные и муниципальные органы власти. Правительство Норвегии активно поддерживает инициативы по адаптации и интеграции иммигрантов посредством выделения грантов различным организациям.

Главную роль в координации процессов адаптации и интеграции иммигрантов в принимающее общество играет Директорат по интеграции и разнообразию Норвегии, основанный в 2006 году. Директорат подчиняется Министерству юстиции и общественной безопасности Норвегии. Основной целью проводимых Директоратом мероприятий является создание для иммигрантов возможностей получать государственные услуги в том же объёме и с той же доступностью, как коренные норвежцы.

В 2003 году в Королевстве был принят «Закон о введении» (The Introduction Act), и именно этот период принято считать официальным стартом норвежской политики по адаптации и интеграции иммигрантов. Основная

цель Закона о введении — расширение возможностей участия в трудовой и социальной жизни принимающего общества для иммигрантов [Norge ..., 2003]. Документ регулирует исполнение принятой в 2003 году Программы введения, с 2005 года — обучение иммигрантов норвежскому языку и общественным наукам, а с 2018 года — обучение просителей убежища в центрах по приёму беженцев норвежскому языку, норвежской культуре и ценностям. Кроме того, «Закон о введении» тесно связан с другими нормативно-правовыми актами, регламентирующими пребывание иммигрантов на территории Норвегии: «Законом об иммиграции», принятым в 2008 году [Norge ..., 2008], и «Законом о гражданстве», принятым в 2005 году [Norge ..., 2005].

Важно отметить, что с 1 января 2021 года в Норвегии вступил в силу «Закон об интеграции» [Bratsberg, 2012, p. 227]. Этот документ частично заменил упомянутый выше Закон о введении. В то же время положения последнего по-прежнему будут действительны для иммигрантов в возрасте от 16 до 67 лет, получивших разрешения на проживание на территории Норвегии в период с 1 сентября 2005 года по 31 декабря 2020 года. Для лиц, переехавших в страну в 2021 году и позже, документ утрачивает силу.

Говоря об эволюции норвежской интеграционной политики, следует отметить, что первые предложения по адаптации иммигрантов и их интеграции в принимающее общество высказывались задолго до принятия «Закона о введении» — в 1980 и 1996 годах. В «Белой книге» по иммиграции, представленной в 1980 году, была высказана идея о вовлечении иммигрантов в социально-культурную жизнь принимающего общества путём общения их к изучению норвежского языка. В 1996 году также в «Белой книге» предлагалось наложение на иммигрантов обязательств по участию в норвежском рынке труда.

Реализация норвежской иммиграционной политики осуществляется комплексно, сразу на нескольких уровнях. Ведущая роль в разработке нормативно-правовых актов, регулирующих данный процесс, принадлежит парламенту Норвегии — Стортингу. За реализацию многочисленных программ и законов на государственном уровне отвечают пять министерств: Министерство по делам детей, молодёжи и семьи, Министерство образования и науки (в подчинении министерства находится Директорат по интеграции и разнообразию), Министерство труда и социальных дел, Министерство юстиции и общественного порядка (координирует деятельность Департамента миграции, Директората по иммиграции и Иммиграционного апелляционного совета), Министерство культуры. Помимо этого, важную роль в реализации норвежской политики по адаптации и интеграции иммигрантов играют муниципалитеты, а также неправительственные организации, институты гражданского общества и отдельные его представители.

Таким образом, проведение грамотной иммиграционной политики приобретает особое значение в связи с возрастающей долей иммигрантов в норвежском обществе. Благодаря ужесточению контроля над въездом и проживанием на территории государства иностранных лиц, Норвегии удалось смягчить последствия современного Европейского миграционного кризиса. Вместе с этим в Королевстве по-прежнему существуют проблемы, связанные в первую очередь с интеграцией иммигрантов в принимающее общество.

3.2. Возможности образовательной среды Норвегии для адаптации детей иммигрантов

По состоянию на 2020 год дети, родившиеся в семьях иммигрантов первого поколения, составляют около 2,6 % от общей численности населения Норвегии. Дети-иммигранты первого или второго поколения составляют примерно 13,6 % от числа всех проживающих в Норвегии детей [Nikielska-Sekuła, 2016, p. 134]. Гипотетически, в будущем эти дети смогут претендовать на получение норвежского подданства, создадут свои семьи, будут активно участвовать в жизни страны. В данном контексте политика по адаптации и интеграции детей иммигрантов в принимающее общество Норвегии приобретает особое значение.

Главными принципами норвежской политики по адаптации и интеграции детей иммигрантов заявлены равенство и вовлечённость. Реализуемые правительственными и неправительственными организациями меры и программы обязаны соответствовать Норвежскому закону о благосостоянии детей, принятому в 1992 году [The Child ...]. Основная цель данного документа — предоставить детям, которые живут в неблагоприятных, потенциально опасных для их здоровья и развития условиях, надлежащую помощь, заботу и защиту. При принятии любых касающихся детей решений первоочередное внимание должно уделяться обеспечению интересов самого ребёнка. Все легально проживающие на территории государства дети, независимо от их происхождения, статуса или гражданства, имеют право на получение необходимой помощи. И хотя стремление сохранить семейные узы является важнейшим приоритетом норвежской системы защиты детей, в некоторых случаях, если адекватный уход за ребёнком со стороны родителей или опекунов невозможен, его передают в приёмную семью или специализированное учреждение. Эти правила касаются и семей иммигрантов.

Процесс адаптации детей иммигрантов к новым социально-культурным условиям начинается уже в детских садах. Согласно принятому в 2006 году «Закону о детских садах» и приложениям к нему, получение дошкольного образования в Норвегии является добровольным, однако любой ребёнок в возрасте от 1 до 5 лет, официально и законно проживающий

на территории государства, имеет право на получение места в детском саду. По данным на 2020 год, этим правом воспользовались более чем 92 % детей заданной возрастной категории. Среди детей иммигрантов в возрасте от 1 до 5 лет детский сад посещают около 83,7 % человек [Norway ..., 1960—2021].

Ещё в 2004 году в силу вступил регламент, ограничивающий родительскую плату за посещение детского сада. Некоторые категории граждан, независимо от их национальной и этнической принадлежности, имеют право на получение льгот. Так, более низкая родительская плата устанавливается лицам, как минимум два ребёнка которых посещают данный детский сад. Льготы предоставляются также семьям с доходом ниже прожиточного минимума — их дети имеют право посещать детский сад бесплатно в рамках 20 часов в неделю. Дети из семей, претендующих на получение убежища, могут бесплатно посещать детский сад ещё до получения официального статуса беженцев. Это возможно в случае, если в детских садах муниципалитета, в котором находится центр по приёму беженцев, есть свободные места.

Основы программ по адаптации и интеграции иммигрантов, реализуемые в рамках дошкольного образования, заложены в «Рамочном плане о содержании и задачах детских садов», вступившем в силу в августе 2017 года [Framework ...]. Согласно Плану, программы, проводимые норвежскими детскими садами, должны соответствовать целостному образовательному процессу, а основной целью данных программ должна являться забота о детях и обучение в игровом формате.

Именно в детском саду дети, в том числе и дети инокультурных иммигрантов, получают первые языковые навыки. В 2019 году около 19 % детей, посещающих детские сады, не являлись носителями норвежского языка [Regnum, 2019]. В соответствии с «Рамочным планом ...», детский сад должен поощрять детей к использованию своих родных языков, в то же время прививая им знание норвежского. Важно, чтобы к моменту зачисления в начальную школу дети владели языком в достаточной для понимания и изъяснения элементарных вещей форме. Именно поэтому увеличение посещаемости детских садов детьми иммигрантов является одной из важнейших целей политики Норвегии по интеграции их в принимающее общество. Государство активно побуждает родителей-иммигрантов отправлять своих детей в детские сады, в том числе через распространение информации (например, информационных буклетов в медицинских центрах). Помимо стандартных детских садов, в Норвегии существуют так называемые «открытые» детские сады. Дети от 0 до 6 лет могут посещать такой детский сад в сопровождении одного из родителей, который находится рядом со своим ребёнком на протяжении всего учебного дня. В от-

крытых детских садах так же, как и в стандартных, организуется обучение норвежскому языку. Чтобы процесс адаптации к новой языковой среде проходил наиболее комфортно, с каждым ребёнком, посещающим детский сад и говорящим на иностранном языке, занимается специалист. Занятия проводятся раз в неделю по 3 часа каждое и длятся один год. Услуги специалиста оплачиваются муниципалитетами.

Весной 2020 года в связи с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19 Норвегия ввела особые меры посещения образовательных учреждений. Детские сады и школы были открыты для детей из социально уязвимых категорий населения (сюда относятся в числе прочих и некоторые категории детей иммигрантов), так как функции, выполняемые образовательными учреждениями, для них имеют особое значение. Для остальных детей школы и детские сады были закрыты.

Норвежская система получения обязательного неполного среднего образования состоит из двух ступеней: начальной школы (с 1 по 7 класс) и средней школы (с 8 по 10 класс). По окончании средней школы подростки могут поступить в старшую школу, чтобы получить среднее полное образование. Продолжительность обучения в старшей школе составляет 3 года. Основным законодательным актом, регулирующим данный процесс, является принятый в 2007 году «Закон об образовании» [Bratsberg, 2012, р. 227]. Согласно документу, дети, легально проживающие на территории Норвегии больше трёх месяцев, обязаны посещать норвежские школы с целью получения начального или среднего неполного образования [Ibid., р. 229—230]. Обязанность возлагается на все категории детей, в том числе и на детей просителей убежища, ищущих убежища несовершеннолетних, а также детей иммигрантов с неурегулированным статусом.

В «Законе об образовании» также указано право говорящего на иностранном языке ребёнка получать образование по специально адаптированным программам до тех пор, пока он не овладеет норвежским языком на достаточном для обучения уровне. В ряде случаев учеников, говорящих на иностранном языке, с разрешения родителей определяют в специальные вводные группы или классы, обучение и общение в которых проходит исключительно на их родном языке. Продолжительность обучения в такой группе составляет не более 2 лет. По истечении данного срока ученики продолжают занятия в обычных классах наравне с детьми коренных норвежцев. За 2 года учебы в специальной группе дети должны овладеть базовыми знаниями норвежского языка — именно поэтому в рамках программы для них разрабатываются и реализуются специальные языковые программы.

Министерство науки и образования Норвегии реализует проект, в рамках которого ведётся набор и подготовка учителей-специалистов в препо-

давании норвежского языка представителям языковых меньшинств, в том числе детям инокультурных иммигрантов. Постоянному повышению квалификации этих учителей уделяется особое внимание: в педагогических учебных заведениях проводятся соответствующие курсы, учителя осваивают дополнительные образовательные программы и апробацию.

Кроме того, постоянно совершенствуются образовательные стандарты и учебные программы. Программа изучения норвежского языка представителями языковых меньшинств была обновлена в августе 2020 года. В настоящее время Министерство образования и науки Норвегии рассматривает возможность дополнительного финансирования исследований, нацеленных на разработку и тестирование наиболее эффективных моделей обучения детей инокультурных иммигрантов.

Весной 2020 года, в связи с пандемией, государство выделило около 40 млн евро на поддержку детей из уязвимых категорий населения. Часть этой суммы, около 17 млн евро, предназначалась для поддержки детей, говорящих на иностранном языке, которые в связи с закрытием школ не получили знаний и навыков, необходимых для адаптации в норвежском обществе и интеграции в него [Norface ..., 2016]. Благодаря субсидиям дети инокультурных иммигрантов могут наверстать упущенное в летних школах, через программы ускоренного обучения или в процессе домашнего обучения, воспользовавшись бесплатной помощью учителей.

Важную роль в процессе адаптации и интеграции детей иммигрантов в принимающее общество играет общение со сверстниками из семей коренных норвежцев. Дети, занимающиеся по адаптированным образовательным программам в специальных классах, не имеют возможности общаться с одноклассниками-норвежцами. Однако местные неправительственные организации часто организуют спортивные и культурные мероприятия, в рамках которых дети иммигрантов и коренных норвежцев могут знакомиться и взаимодействовать [Skivenes, 2015, p. 50—53].

При возникновении трудностей в общении с одноклассниками или учителями, переживании стресса, связанного с серьезными умственными и эмоциональными нагрузками, дети иммигрантов, обучающиеся в норвежских школах, могут обратиться к школьному психологу. Некоторые школы Норвегии сотрудничают с местными группами ментального здоровья, существующими при муниципальных Агентствах по делам беженцев. Специалисты из групп ментального здоровья проводят беседы не только с детьми из семей иммигрантов, но и с учителями, координируя их взаимодействие с учениками-носителями других культур.

С 2003 года для инокультурных иммигрантов реализуется Программа ориентации в норвежской культуре (NORCO) [Ibid., p. 58]. Занятия в рам-

ках данной Программы проводятся для двух возрастных групп: для детей от 8 до 15 лет они проходят в течение двух дней, а для взрослых и подростков старше 16 лет — в течение четырёх дней. Занятия проводятся в интерактивной форме и ориентированы на потребности обучающихся. Иммигрантам не просто рассказывают о жизни в Норвегии, но и предоставляют возможность почувствовать себя её частью через тематические задания, игры, решение различных кейсов, дебаты по заданным проблемам и другие мероприятия. Для проведения занятий используются различные информационные ресурсы и современные технологии: видеоролики, презентации; каждому из студентов предоставляются информационные справочники и буклеты. Специалисты, которые проводят занятия, поощряют аудиторию задавать вопросы.

В 2018 году в Норвегии был принят «Закон о равенстве и борьбе с дискриминацией» [Abamosa, 2020, p. 632], согласно которому все норвежские работодатели, в том числе руководители образовательных учреждений, должны обеспечивать находящимся в их подчинении сотрудникам равные условия труда и возможности развития. То же самое касается групп в детских садах и школах: дети иммигрантов, обучающиеся в норвежских образовательных учреждениях, должны иметь равный с детьми коренных норвежцев доступ к информации, технологиям, помощи работающих с ними специалистов. Если родителям ребёнка-иммигранта кажется, что специалисты образовательных учреждений относятся к нему предвзято, они вправе подать жалобу в Антидискриминационный трибунал. Если факт дискриминации будет подтверждён, лицо, подвергшееся дискриминации, имеет право на компенсацию ущерба.

Особого внимания заслуживает адаптация и интеграция в принимающее общество детей, иммигрировавших в Норвегию без сопровождения. В большинстве случаев дети, решившиеся покинуть родную страну, делают это из-за серьёзных угроз их жизни или безопасности. Как правило, иммиграция несовершеннолетних является следствием военных действий, политических, этнических или религиозных преследований. Большинство детей, иммигрировавших в другую страну без сопровождения, пережили серьёзный стресс и психологическую травму: потерю близких, запугивание, насилие. Именно поэтому несовершеннолетние иностранные лица, переехавшие без сопровождения, относятся к категории уязвимых мигрантов и нуждаются в особой защите и поддержке. Для норвежских школьных психологов разрабатываются специальные программы по работе с этими детьми. Специалисты из местных Агентств по делам беженцев проводят лекции и тренинги для школьных психологов, а также взаимодействуют непосредственно с детьми-иммигрантами.

Таким образом, в настоящее время в Норвегии ведётся активная работа по реализации программ, направленных на успешную адаптацию и интеграцию детей иммигрантов в принимающее общество. Большинство мер реализуются в рамках норвежской системы образования: первичная адаптация, знакомство с новыми нормами, ценностями и культурой принимающего общества, а также освоение иммигрантами базовых навыков норвежского языка происходит ещё в детском саду. Государство заявляет об обеспечении равного доступа к получению общего образования и для детей из семей коренных норвежцев, и для детей из семей иммигрантов. В образовательных учреждениях реализуются специальные адаптированные программы, в случае необходимости иммигрантам предоставляется материальная помощь, а также поддержка со стороны учителей, психологов и других специалистов.

Меры, направленные на повышение эффективности адаптации и интеграции детей иммигрантов в норвежское общество, касаются не только детей иммигрантов и их родителей, но и всех, кто с ними взаимодействует. Правительство Норвегии стремится к повышению квалификации работающих с иммигрантами специалистов, а также ведёт борьбу с дискриминацией иммигрантов в обществе.

3.3. Социальные последствия норвежской политики по адаптации и интеграции детей иммигрантов

Ежегодно Центральное статистическое бюро Норвегии проводит исследование, в котором оценивается отношение коренного населения Королевства к иммигрантам. Опрашиваемым предлагают высказать своё согласие или несогласие со следующими утверждениями:

- большинство иммигрантов вносят значительный вклад в развитие рынка труда Норвегии;
- большинство иммигрантов вносят значительный вклад в культурную жизнь Норвегии;
- большинство иммигрантов являются причиной отсутствия безопасности в обществе.

Результаты данного опроса за 2011, 2019 и 2020 год можно проиллюстрировать следующим образом (табл. 1).

По данным на 2020 год, около 78 % опрошенных согласились, что иммигранты оказывают значительное влияние на развитие норвежского рынка труда [Attitudes ..., 2020]. По сравнению с 2011 годом данный показатель увеличился на 4 %. Число опрошенных, утверждающих, что иммигранты вносят обогащающий вклад в культурную жизнь Норвегии, сократилось на 2 % по сравнению с 2011 года и составило 72 %. Значительно сократилась доля опрашиваемых, убеждённая, что иммигранты

Таблица 1

Отношение коренного населения Норвегии к иммигрантам, %

Варианты ответов	2011	2019	2020
<i>Большинство иммигрантов вносят значительный вклад в развитие рынка труда Норвегии</i>			
Полностью согласен	29	31	40
В целом согласен	45	45	38
В целом не согласен	10	9	6
Полностью не согласен	3	3	2
<i>Большинство иммигрантов вносят значительный вклад в культурную жизнь Норвегии</i>			
Полностью согласен	35	38	41
В целом согласен	39	35	31
В целом не согласен	11	10	7
Полностью не согласен	4	5	4
<i>Большинство иммигрантов являются причиной отсутствия безопасности в обществе</i>			
Полностью согласен	11	8	5
В целом согласен	24	16	15
В целом не согласен	29	32	28
Полностью не согласен	23	29	35

Источник: [Norway Immigration Statistics 1960—2021].

дестабилизируют принимающее общество и несут угрозу безопасности коренных жителей. Если в 2011 году данную позицию поддержало 35 % респондентов, то в 2020 году с ней согласилось лишь 20 % опрошиваемых. По мнению оставшихся 80 % респондентов, иммигранты не несут серьёзной опасности для принимающего общества.

Результаты исследования позволяют сделать вывод о незначительном улучшении в отношении коренного населения Норвегии к иммигрантам за последние 10 лет. Норвежцы отмечают вклад иммигрантов в трудовую жизнь общества, однако влияние переселенцев на культуру, по мнению местного населения, остаётся незначительным. Проводимая государством интеграционная политика способствует положительному восприятию иммигрантов.

В контексте данного исследования особый интерес представляет доклад, опубликованный Statistics Norway ещё в 2019 году [Провал интеграции ..., 2019]. В докладе анализируется эффективность норвежской политики по адаптации детей иммигрантов и их интеграции в принимаю-

щее общество на основе ряда показателей. Объектом исследования стало количество преступлений, совершаемых мужчинами в возрасте от 15 до 35 лет, родившимися и воспитанными в семье иммигрантов. Выяснилось, что дети иммигрантов из Сомали совершают преступления в 4,6 раза чаще своих родителей, а дети иммигрантов из Ирака — в 4 раза чаще. Похожая ситуация наблюдается и среди детей выходцев из других государств: так, дети иммигрантов из Марокко становились участниками преступлений в 3,2 раза чаще, чем их родители; дети иммигрантов из Турции — в 2,8 раза чаще, а дети иммигрантов из Пакистана — в 2,4 раза чаще.

После публикации доклада один из представителей Партии прогресса, Джон Энген-Хельгхайм, высказался о провале норвежской интеграционной политики. По его мнению, правительству Норвегии не стоит надеяться на то, что процесс адаптации и интеграции переселенцев будет происходить автоматически, и уже сейчас стоит принять меры по совершенствованию государственных стратегий и программ в этой области [Attitudes ..., 2020].

За последние несколько десятилетий значительно увеличилась доля детей иммигрантов, посещающих детские сады. Если в 2000 году этим правом воспользовались всего 44 % от общего числа детей иммигрантов, то в 2020 году количество увеличилось до 84 % [Migration data portal, 2021]. Если число детей, родившихся в семьях иммигрантов и посещающих детские сады, продолжит увеличиваться, это окажет положительное влияние на норвежское общество в целом. Чем больше детей иммигрантов будет посещать дошкольные образовательные учреждения, тем легче пройдёт процесс их интеграции. Погружение в новую культурную и языковую среду в раннем возрасте способствует более быстрому и менее напряжённому для психики ребёнка приспособлению к новым условиям жизни.

От уровня знаний норвежского языка во многом зависит успеваемость ребёнка в школе. В рамках норвежской системы образования баллы, полученные детьми по окончании средней школы, используются в качестве критерия отбора при приёме в старшую школу. Девочки из категории детей инокультурных иммигрантов набирают в среднем на 4,6 балла больше, чем мальчики из той же категории. Девочки, родившиеся в семье иммигрантов первого поколения, получают более высокие баллы, чем мальчики, родившиеся в семьях коренных норвежцев. Если среди коренных норвежцев 98 % учеников продолжили обучение в старшей школе сразу же после окончания средней, то среди детей иммигрантов в том же году в старшую школу поступили 88 % учеников [Completion ..., 2020].

Интересно, что лишь 61 % учащихся среди детей иммигрантов, поступивших в старшую школу в 2013—2014 годах, смогли освоить какую-либо профессию и получить квалификацию в течение следующих 5—6 лет. Этот

показатель значительно выше среди детей из семей коренных норвежцев: 80 % учеников смогли получить профессиональное образование [Upper secondary ..., 2020].

Норвежская культура обучения подразумевает активное вовлечение ребёнка в процесс получения образования: дети активно делятся с учителем своими размышлениями, высказывают собственное мнение, участвуют в обсуждениях и дебатах. Работники норвежских школ отмечают, что детям инокультурных иммигрантов сложно привыкнуть к данной системе: они чувствуют себя некомфортно, делясь собственной позицией по какому-либо вопросу, и им гораздо легче просто заучивать наизусть материал учебной программы [Bratsberg, 2012, p. 242—244].

По мнению ряда специалистов, работающих с детьми инокультурных иммигрантов в школе, власти Норвегии не предоставляют учителям достаточное для эффективного взаимодействия с детьми-носителями иной культуры количество ресурсов. Многие обучающиеся, сталкиваясь при адаптации с серьёзными психологическими и социальными проблемами, нуждаются в индивидуальном подходе. В настоящее время норвежские учителя, даже те, кто работает с адаптированными программами для иммигрантов, проводят занятия для больших групп и не могут позволить себе индивидуальное взаимодействие с учениками.

Таким образом, в настоящее время интеграционную политику Норвегии нельзя считать в полной мере эффективной. Дети иммигрантов сталкиваются с серьёзными трудностями при изучении норвежского языка и освоении других предметов из обязательной школьной программы. Успеваемость детей инокультурных иммигрантов значительно ниже успеваемости детей из семей коренных норвежцев, из-за чего первым гораздо сложнее поступить в старшую школу и впоследствии получить профессиональное образование. Помимо этого, государство не уделяет достаточного внимания решению психологических проблем, с которыми сталкиваются дети иммигрантов при переезде. Всё вышперечисленное негативно влияет на взаимодействие детей иммигрантов с принимающим обществом в дальнейшем.

4. Заключение = Conclusions

Норвежская политика по адаптации и интеграции мигрантов направлена в первую очередь на предоставление иностранным лицам возможности полноценного участия в жизни принимающего общества. В качестве приоритета в государственной стратегии интеграции выступает формула «интеграция через знания», подразумевающая выход иммигранта на рынок труда Норвегии через получение им профессионального образования,

квалификации и освоение новых навыков. Реализация интеграционной политики осуществляется комплексно, сразу на нескольких уровнях, с вовлечением правительственных и неправительственных организаций, институтов гражданского общества.

Равенство и вовлечённость — главные заявленные принципы норвежской политики по адаптации и интеграции детей иммигрантов. Программы по адаптации реализуются на каждой из ступеней образования, однако преследуемые ими цели в зависимости от этапа разнятся. Так, в рамках дошкольного образования основной целью адаптационных программ является освоение ребёнком базовых навыков норвежского языка. В процессе получения обязательного неполного среднего образования дети продолжают совершенствовать языковые навыки, усваивают существующие в принимающей группе нормы и правила, особенности социально-культурной среды. Однако главная цель процесса адаптации на данном этапе — налаживание межкультурных коммуникаций внутри класса / группы, преодоление стресса, связанного с серьёзными умственными и эмоциональными нагрузками. Именно поэтому в мероприятиях, направленных на адаптацию и интеграцию детей иммигрантов, принимают участие не только учителя и дети, но и психологи, родители, работники муниципалитетов, сотрудники медицинских, образовательных и социальных учреждений.

Помимо прочего, важнейшей составляющей норвежской политики по адаптации и интеграции является стремление к равенству и борьба с дискриминацией по национальному, религиозному и прочим признакам. Особое внимание уделяется воспитанию у детей и работающих с ними специалистов толерантности. К сильным сторонам норвежской политики адаптации и интеграции детей иммигрантов можно отнести обширную, целостную нормативно-правовую базу, доступное дошкольное и неполное среднее образование, двукультурность и двуязычность образовательного процесса, постоянную подготовку и повышение квалификации специалистов, работающих с детьми иммигрантов (учителя, психологи, социальные работники и т. д.), совершенствование образовательных программ, формирование и укрепление межкультурных взаимодействий, борьба с дискриминацией.

К слабым сторонам норвежской политики адаптации и интеграции детей иммигрантов можно отнести проблемы ювенальной юстиции, недостаточно эффективные программы обучения иммигрантов норвежскому языку, труднодоступность полного среднего и профессионального образования, недостаточную работу специалистов с родителями мигрантов. Также установлено, что успеваемость детей иммигрантов значительно ниже успеваемости коренных норвежцев, что в большинстве случаев обосновано низким уровнем владения норвежским языком. В будущем эти дети,

вероятнее всего, столкнутся с проблемами трудоустройства, что станет серьезным препятствием для полноценной интеграции. Трудности поиска работы, связанные с недостаточной квалификацией, — одна из причин, почему инокультурные иммигранты второго поколения совершают преступления чаще, чем их родители.

Таким образом, проводимую Норвегией политику адаптации детей иммигрантов и интеграции в принимающее общество можно считать эффективной в краткосрочной и среднесрочной перспективе. Государство способствует активному участию детей дошкольного и среднего школьного возраста в жизни норвежского общества, содействует изучению норвежского языка, сохранению связи с родной культурой. Вместе с этим проводимых в настоящее время мер недостаточно для того, чтобы обеспечить полноценную интеграцию мигрантов старшего школьного возраста. Необходимо, чтобы положительный результат политики по адаптации и интеграции детей иммигрантов имел долгосрочную перспективу, что требует пересмотра и совершенствования некоторых реализуемых на современном этапе программ.

Источники

1. *Норвегия* лишит льгот тех мигрантов, которые не учат норвежский [Электронный ресурс] // Regnum. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа : <https://regnum.ru/news/2683569.html> (дата обращения 07.11.2022).
2. *Провал* интеграции в Норвегии : дети мигрантов совершают больше преступлений, чем их родители [Электронный ресурс] // Завтра. — Электрон. текстовые дан. — Режим доступа : https://zavtra.ru/events/proval_integracii_v_norvegii_deti_migrantov_sovershayut_bol_she_prestuplenij_chem_ih_roditeli (дата обращения 05.10.2022).
3. *Список* стран по индексу человеческого развития [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://znanierussia.ru/articles/index.php/Список_стран_по_индексу_человеческого_развития (дата обращения 05.10.2022).
4. *Attitudes* towards immigrants and immigration, 14 December 2020 [Electronic resource] // Statistics Norway. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/innvold> (accessed 08.09.2022).
5. *Child* and young migrants [Electronic resource] // Migration data portal. — Electronic text data. — Access mode : <https://migrationdataportal.org/themes/child-and-young-migrants> (accessed 10.12.2022).
6. *Completion* rates of pupils in upper secondary education, by degree of completion, education programme, sex and immigration category 2006-2012-2013-2019, 22 June 2020 [Electronic resource] // Statistics Norway. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.ssb.no/en/utdanning/statistikker/vgogjen> (accessed 14.11.2021).
7. *Framework* Plan for the Content and Tasks of Kindergartens [Electronic resource]. — Access mode : http://www.regjeringen.no/upload/KD/Vedlegg/Barnehager/engelsk/Framework_Plan_for_the_Content_and_Tasks_of_Kindergartens_2011.pdf (accessed 14.11.2021).
8. *Immigrants* and Norwegian-born to immigrant parents, 9 March 2021 [Electronic resource] // Statistics Norway. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.ssb.no/>

en/befolkning/innvandrere/statistikk/innvandrere-og-norskfodte-med-innvandrerforeldre (accessed 23.07.2022).

9. *Immigration and Integration 2016 — 2017*; Report from Norway to the OECD [Electronic resource] // Norwegian Ministries. — Electronic text data. — Access mode : <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/immigration-and-integration-20162017.pdf> (accessed 15.09.2022.).

10. *Immigration and Integration 2018—2019*. IMO Report for Norway to the OECD [Electronic resource] // Norwegian Ministries. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.regjeringen.no/contentassets/6a652e6b53594e42ba9aedacc73a68f/immigration-and-integration-2018-2019-report-for-norway.pdf> (accessed 05.05.2022).

11. *Introduction programme for immigrants*, 16 June 2020 [Electronic resource] // Statistics Norway. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.ssb.no/en/utdanning/statistikker/introinnv> (accessed 03.09.2022).

12. *Lov om integrering gjennom opplæring, utdanning og arbeid (integreringsloven)* [Electronic resource]. — Access mode : <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2020-11-06-127> (accessed 03.09.2022).

13. *Norge. Lov om introduksjonsordning og norskopplæring for nyankomne innvandrere (introduksjonsloven)* [Electronic resource] // LOV-2003-07-04-80, 01.09.2003. — Electronic text data. — Access mode : <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-07-04-80> (accessed 10.11.2022).

14. *Norge. Lov om norsk statsborgerskap (Statsborgerloven)* [Electronic resource] // LOV-2020-04-24-35, 10.06.2005. — Electronic text data. — Access mode : <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/88384/101047/F1629150543/NOR88384%20ENG.pdf> (accessed 14.11.2022).

15. *Norge. Utlendingsloven* [Electronic resource] // NOR-2008-L-88330, 15.05.2008. — Electronic text data. — Access mode : https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=88330&p_lang=en (accessed 10.11.2022).

16. *Norway Immigration Statistics 1960—2021* [Electronic resource] // Macrotrends. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.macrotrends.net/countries/NOR/norway/immigrationstatistics#:~:text=Norway%20immigration%20statistics%20for%202000,a%2025.35%25%20increase%20from%201995> (accessed 13.12.2022).

17. *Norway, 2020* [Electronic resource] // MIPEX. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.mipex.eu/norway> (accessed 11.01.2023.).

18. *Social Integration of Migrant Children — Uncovering Family and School Factors Promoting Resilience* [Electronic resource] // Norface network. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.norface.net/project/social-integration-of-migrant-children-uncovering-family-and-school-factors-promoting-resilience/> (accessed 16.12.2022).

19. *The Child Welfare Act* [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-child-welfare-act/id448398/> (accessed 16.12.2022).

20. *Upper secondary education*, 27 February 2020 [Electronic resource] // Statistics Norway. — Electronic text data. — Access mode : <https://www.ssb.no/en/utdanning/statistikker/vgu> (accessed 21.12.2022).

Литература

1. *Афонькина Ю. А.* Миграционные процессы в Баренцевом Евро-Арктическом регионе / Ю. А. Афонькина, Т. В. Кузьмичева, Г. В. Жигунова // *Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал)*. — 2015. — № 8 (52). — С. 390—407. — DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-33.

2. *Боброва С. В.* Проблемы образовательной и социокультурной интеграции детей из семей мигрантов / С. В. Боброва, В. Н. Князев // Наука и школа. — 2019. — № 2. — С. 89—95.

3. *Большаков Г. А.* Роль модели государства всеобщего благоденствия в иммиграционной политике стран Скандинавии / Г. А. Большаков // Теория и практика общественного развития. — 2013. — № 8. — С. 271—274.

4. *Матвеевская А. С.* Методологический подход к анализу интеграции иммигрантов в странах Северной Европы / А. С. Матвеевская, С. Н. Погодин // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Общество. Коммуникация. Образование. — 2013. — № 3 (179). — С. 124—132.

5. *Михеев Д. В.* Миграционная политика стран Северной Европы и ее изменение в условиях миграционного кризиса (2014—2016 гг.) / Д. В. Михеев // Исторический журнал : научные исследования. — 2017. — № 6. — С. 112—120. — DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.25250.

6. *Морозова Н. М.* Иммиграция и миграционная политика в странах Северной Европы / Н. М. Морозова, А. Г. Алымова, Е. С. Яковлева // ДЕМИС. Демографические исследования. — 2021. — Т. 1. — № 1. — С. 87—96. — DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.10.

7. *Мукомель В. И.* Адаптация и интеграция мигрантов : методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества / В. И. Мукомель // Россия реформирующаяся. — 2016. — № 14. — С. 411—467.

8. *Омельченко Е. А.* Образование детей мигрантов как вклад в будущее / Е. А. Омельченко // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. — 2018. — № 11. — С. 65—74. — DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-3-137-146>.

9. *Паникар М. М.* Механизмы интеграции иммигрантов в Норвегии и России : сравнительный анализ / М. М. Паникар, Ф. Х. Соколова, А. Е. Шапаров, О. В. Золотарев, В. М. Капицын // Арктика и Север : науч. электрон. журн. — 2019. — № 35. — С. 119—142. — DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119.

10. *Щеклачева Т. В.* Роль системы образования в интеграции детей мигрантов / Т. В. Щеклачева // Вестник НГУЭУ. — 2016. — № 3. — С. 240—248.

11. *Юхансен С.* Гражданское право Норвегии / С. Юхансен // Права соотечественников Северной Европы и Балтийского моря. — 2017. — № 1. — С. 2—11.

12. *Abamosa J. Y.* Social inclusion of refugees into higher education in Norway : A critical analysis of Norwegian higher education and integration policies / J. Y. Abamosa, L. Torbjørnsen Hilt, K. Westrheim // Policy Futures in Education. — 2020. — № 18. — Pp. 628—647. — DOI: 10.1177/1478210319878327.

13. *Bratsberg B.* Educating children of immigrants : Closing the gap in Norwegian schools / Bernt Bratsberg, Oddjorn Raaum, Knut Røed // Nordic Economic Policy Review : Economics of Education. — 2012. — № 1. — Pp. 211—252.

14. *De Wal Pastoor L.* The mediational role of schools in supporting psychosocial transitions among unaccompanied young refugees upon resettlement in Norway / Lutine de Wal Pastoor // International Journal of Educational Development. — 2015. — № 41. — Pp. 245—254. — DOI: 10.1016/j.ijedudev.2014.10.009.

15. *Hagelund A.* Why It Is Bad to Be Kind. Educating Refugees to Life in the Welfare State : A Case Study from Norway / A. Hagelund // Social policy and Administration. — 2005. — № 39. — Pp. 669—683. — DOI: 10.1111/j.1467-9515.2005.00463.x.

16. *Nikielska-Sekula K.* Selected Aspects of Norwegian Immigration Policy Towards Children / K. Nikielska-Sekula // Central and Eastern European Migration Review. — 2016. — № 1. — Pp. 129—144. — DOI: 10.17467/ceemr.2016.12_

17. *Rabehanitrinyony N.* Integration or Assimilation : Do Norwegian barnehager preserve Immigrant children's Native-Culture according to their parents? / N. Rabehanitrinyony. — Stavanger : University of Stavanger, 2012. — 73 p.

18. *Skivenes M.* How the Norwegian child welfare system approaches migrant children / M. Skivenes // Child Welfare Systems and Migrant Children : A Cross Country Study of Policies and Practice. — Oxford : Oxford University Press, 2015. — Pp. 39—61. — ISBN 9780190205294.

Статья поступила в редакцию 26.01.2023;
одобрена после рецензирования 17.02.2023;
подготовлена к публикации 22.03.2023.

Material resources

Attitudes towards immigrants and immigration, 14 December 2020. *Statistics Norway. Electronic text data.* Available at: <https://www.ssb.no/en/befolkning/statistikker/innehold> (accessed 08.09.2022).

Child and young migrants. *Migration data portal. Electronic text data.* Available at: <https://migrationdataportal.org/themes/child-and-young-migrants> (accessed 10.12.2022).

Completion rates of pupils in upper secondary education, by degree of completion, education programme, sex and immigration category 2006-2012-2013-2019, 22 June 2020. *Statistics Norway. Electronic text data.* Available at: <https://www.ssb.no/en/utdanning/statistikker/vgogjen> (accessed 14.11.2021).

Framework Plan for the Content and Tasks of Kindergartens. Available at: http://www.regjeringen.no/upload/KD/Vedlegg/Barnehager/engelsk/Framework_Plan_for_the_Content_and_Tasks_of_Kindergartens_2011.pdf (accessed 14.11.2021).

Immigrants and Norwegian-born to immigrant parents, 9 March 2021. *Statistics Norway. Electronic text data.* Available at: <https://www.ssb.no/en/befolkning/innvandrere/statistikk/innvandrere-og-norskfodte-med-innvanderforeldre> (accessed 23.07.2022).

Immigration and Integration 2016 — 2017; Report from Norway to the OECD. *Norwegian Ministries. Electronic text data.* Available at: <https://reliefweb.int/sites/reliefweb.int/files/resources/immigration-and-integration-20162017.pdf> (accessed 15.09.2022.).

Immigration and Integration 2018—2019. IMO Report for Norway to the OECD. *Norwegian Ministries. Electronic text data.* Available at: <https://www.regjeringen.no/contentassets/6a652e6b53594e42ba9aedacc73a68f/immigration-and-integration-2018-2019-report-for-norway.pdf> (accessed 05.05.2022).

Introduction programme for immigrants, 16 June 2020. *Statistics Norway. Electronic text data.* Available at: <https://www.ssb.no/en/utdanning/statistikker/introinnv> (accessed 03.09.2022).

List of countries by Human Development Index. Available at: <https://znanierussia.ru/articles/index.php/> (accessed 05.10.2022).

Lov om integrering gjennom oppl ring, utdanning og arbeid (integreringsloven). Available at: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2020-11-06-127> (accessed 03.09.2022).

Norge. *Lov om introduksjonsordning og norskoppl ring for nyankomne innvandrere (introduksjonsloven). LOV-2003-07-04-80, 01.09.2003. Electronic text data.* Avail-

- able at: <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/2003-07-04-80> (accessed 10.11.2022). (In Norg.).
- Norge. Lov om norsk statsborgerskap (Statsborgerloven). *LOV-2020-04-24-35, 10.06.2005. Electronic text data*. Available at: <http://www.ilo.org/dyn/natlex/docs/ELECTRONIC/88384/101047/F1629150543/NOR88384%20ENG.pdf> (accessed 14.11.2022).
- Norge. Utlendingsloven. *NOR-2008-L-88330, 15.05.2008. Electronic text data*. Available at: https://www.ilo.org/dyn/natlex/natlex4.detail?p_isn=88330&p_lang=en (accessed 10.11.2022).
- Norway Immigration Statistics 1960—2021. *Macrotrends. Electronic text data*. Available at: <https://www.macrotrends.net/countries/NOR/norway/immigrationstatistics#:~:text=Norway%20immigration%20statistics%20for%202000,a%2025.35%25%20increase%20from%201995> (accessed 13.12.2022).
- Norway to deprive the benefits of those migrants who do not learn Norwegian. *Regnum. Electron. text data*. Available at: <https://regnum.ru/news/2683569.html> (accessed 07.11.2022). (In Russ.).
- Norway, 2020. *MIPEX. Electronic text data*. Available at: <https://www.mipex.eu/norway> (accessed 11.01.2023.).
- Social Integration of Migrant Children — Uncovering Family and School Factors Promoting Resilience. *Norface network. Electronic text data*. Available at: <https://www.norface.net/project/social-integration-of-migrant-children-uncovering-family-and-school-factors-promoting-resilience/> (accessed 16.12.2022).
- The failure of integration in Norway: migrant children commit more crimes than their parents. *Tomorrow. Electron. text data*. Available at: https://zavtra.ru/events/proval_integracii_v_norvegii_deti_migrantov_overshayaet_bol_she_prestuplenij_chem_ih_roditeli (accessed 05.10.2022). (In Russ.).
- The Child Welfare Act*. Available at: <https://www.regjeringen.no/en/dokumenter/the-child-welfare-act/id448398/> (accessed 16.12.2022).
- Upper secondary education, 27 February 2020. *Statistics Norway. Electronic text data*. Available at: <https://www.ssb.no/en/utdanning/statistikker/vgu> (accessed 21.12.2022).

References

- Abamosa, J. Y., Hilt, L. T., Westrheim, K. (2020). Social inclusion of refugees into higher education in Norway: A critical analysis of Norwegian higher education and integration policies. *Policy Futures in Education*, 18: 628—647. DOI: 10.1177/1478210319878327.
- Afonkina, Yu. A., Kuzmicheva, T. V., Zhigunova, G. V. (2015). Migration processes in the Barents Euro-Arctic region. *Modern studies of social problems (electronic scientific journal)*, 8 (52): 390—407. DOI: 10.12731/2218-7405-2015-8-33. (In Russ.).
- Bobrova, S. V., Knyazev, V. N. (2019). Problems of educational and socio-cultural integration of children from migrant families. *Science and School*, 2: 89—95. (In Russ.).
- Bolshakov, G. A. (2013). The role of the welfare State model in the immigration policy of the Scandinavian countries. *Theory and practice of social development*, 8: 271—274. (In Russ.).
- Bratsberg, B., Raaum, O., Røed, K. (2012). Educating children of immigrants: Closing the gap in Norwegian schools. *Nordic Economic Policy Review: Economics of Education*, 1: 211—252.
- De Wal Pastoor, L. (205). The mediational role of schools in supporting psychosocial transitions among unaccompanied young refugees upon resettlement in Norway. *In-*

- ternational Journal of Educational Development*, 41: 245—254. DOI: 10.1016/j.ijedudev.2014.10.009.
- Hagelund, A. (2005). Why It Is Bad to Be Kind. Educating Refugees to Life in the Welfare State: A Case Study from Norway. *Social policy and Administration*, 39: 669—683. DOI: 10.1111/j.1467-9515.2005.00463.x.
- Johansen, S. (2017). Civil Law of Norway. *Rights of compatriots of Northern Europe and the Baltic Sea, 1*: 2—11. (In Russ.).
- Matveevskaya, A. S., Pogodin, S. N. (2013). Methodological approach to the analysis of integration of immigrants in the Nordic countries. *Scientific and Technical Bulletin of St. Petersburg State Polytechnic University. Society. Communication. Education*, 3 (179): 124—132. (In Russ.).
- Mikheev, D. V. (2017). Migration policy of the Nordic countries and its change in the conditions of the migration crisis (2014—2016). *Historical journal: scientific research*, 6: 112—120. DOI: 10.7256/2454-0609.2017.6.25250. (In Russ.).
- Morozova, N. M., Alyмова, A. G., Yakovleva, E. S. (2021). Immigration and migration policy in the Nordic countries. *DEMIS. Demographic research*, 1 (1): 87—96. DOI: 10.19181/demis.2021.1.1.10. (In Russ.).
- Mukomel, V. I. (2016). Adaptation and integration of migrants: methodological approaches to performance assessment and the role of the host society. *Russia reforming*, 14: 411—467. (In Russ.).
- Nikielska-Sekuła, K. (2016). Selected Aspects of Norwegian Immigration Policy Towards Children. *Central and Eastern European Migration Review*, 1: 129—144. DOI: 10.17467/ceemr.2016.12.
- Omelchenko, E. A. (2018). Education of migrant children as a contribution to the future. Historical research. *Journal of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University*, 11: 65—74. DOI: <https://doi.org/10.26425/2309-3633-2021-9-3-137-146>. (In Russ.).
- Panikar, M. M., Sokolova, F. H., Shaparov, A. E., Zolotarev, O. V., Kapitsyn, V. M. (2019). Mechanisms of integration of immigrants in Norway and Russia: comparative analysis. *Arctic and the North: scientific electron. Journal*, 35: 119—142. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2019.35.119. (In Russ.).
- Rabehanitriniony, N. (2012). *Integration or Assimilation: Do Norwegian barnehager preserve Immigrant children's Native-Culture according to their parents?* Stavanger: University of Stavanger. 73 p.
- Shcheklacheva, T. V. (2016). The role of the education system in the integration of migrant children. *Bulletin of the NGUEU*, 3: 240—248. (In Russ.).
- Skivenes, M. (2015). How the Norwegian child welfare system approaches migrant children. In: *Child Welfare Systems and Migrant Children: A Cross Country Study of Policies and Practice*. Oxford: Oxford University Press. 39—61. ISBN 9780190205294.

*The article was submitted 26.01.2023;
approved after reviewing 17.02.2023;
accepted for publication 22.03.2023.*

Долидович О. М. Формирование и организация деятельности пожарных команд в городах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX веков / О. М. Долидович, Л. Е. Мариненко // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 301—317. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-301-317.

Dolidovich, O. M., Marinenko, L. E. (2023). Formation and Organization of Activities of Fire Brigades in Cities of Yenisei Province in Second Half of 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 301-317. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-301-317. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-301-317

**Формирование
и организация деятельности
пожарных команд в городах
Енисейской губернии
во второй половине
XIX — начале XX веков**

Долидович Олеся Михайловна
orcid.org/0000-0003-3364-1528
доктор исторических наук, доцент
кафедры истории России, мировых
и региональных цивилизаций
dolidovich@mail.ru

Мариненко Людмила Евгеньевна
orcid.org/0000-0003-2385-2567
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России, мировых
и региональных цивилизаций
velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Сибирский федеральный университет
(Красноярск, Россия)

**Formation and Organization
of Activities of Fire Brigades
in Cities of Yenisei Province
in Second Half
of 19th — Early 20th Centuries**

Olesya M. Dolidovich
orcid.org/0000-0003-3364-1528
Doctor of History, Associate Professor,
Department of History of Russia,
World and Regional Civilizations
dolidovich@mail.ru

Lyudmila E. Marinenko
orcid.org/0000-0003-2385-2567
PhD in History, Associate Professor,
Department of History of Russia,
World and Regional Civilizations
velichinskaya.lyudmila@mail.ru

Siberian Federal University
(Krasnoyarsk, Russia)

© Долидович О. М., Мариненко Л. Е., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирован процесс формирования и организации деятельности пожарных команд в городах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX веков. Уточнены временные рамки их создания, финансирование, а также уровень подготовки пожарных, условия жизни и несения службы. Показано, что Красноярск организовывал пожарное дело, ориентируясь на Москву и Санкт-Петербург, а уездные города в свою очередь — по примеру и под началом губернского города. Показано, что вследствие возникновения здесь городов как административных пунктов, а не торгово-промышленных центров их отличали такие особенности, как малолюдность, крестьянский образ жизни основной массы горожан, дефицит бюджетов, неразвитость городского хозяйства. Отмечается, что создать постоянно действующие пожарные команды городским органам самоуправления удалось лишь к концу XIX века. Утверждается, что дефицит финансирования определял их слабую техническую оснащенность, низкую оплату и неблагоприятные условия труда пожарных. Подчеркивается, что в регионе не существовало системы профессиональной подготовки кадров, а специалисты из Европейской России ехали в Сибирь крайне неохотно. Делается вывод, что Первая мировая война значительно усугубила все существовавшие проблемы.

Ключевые слова:

городское управление; Енисейская губерния; пожарные команды; Первая мировая война; Российская империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of formation and organization of the activities of fire brigades in the cities of the Yenisei province in the second half of the 19th — early 20th centuries is studied. The time frame for their creation, funding, as well as the level of training of firefighters, living conditions and service have been specified. It is shown that Krasnoyarsk organized fire fighting, focusing on Moscow and St. Petersburg, and county towns, in turn, followed the example and under the supervision of the provincial city. It is shown that due to the fact that cities arose here as administrative centers, and not as commercial and industrial centers, they were distinguished by such features as low population, the peasant way of life of the bulk of the townspeople, budget deficits, and underdevelopment of the urban economy. It is noted that city governments managed to create permanent fire brigades only by the end of the 19th century. It is alleged that the lack of funding determined their poor technical equipment, low pay and unfavorable working conditions for firefighters. It is emphasized that there was no professional training system in the region, specialists from European Russia traveled to Siberia extremely reluctantly. It is concluded that the First World War significantly exacerbated all existing problems.

Key words:

city; government; Yenisei province; fire brigades; World War I; Russian empire.

УДК 94:614.842.835(571.51)“18/19”

Формирование и организация деятельности пожарных команд в городах Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX веков

© Долидович О. М., Мариненко Л. Е., 2023

1. Введение = Introduction

От состояния пожарного дела в крупных населенных пунктах зависят жизни множества людей, сохранность их имущества, функционирование промышленных и торговых предприятий. Разработка методических подходов к управлению пожарной безопасностью городов требует опоры на исторический опыт, исследования основных этапов становления и развития их противопожарных служб. В том числе имеет значение изучение практик обеспечения пожарной безопасности в регионах, поскольку оно позволяет увидеть особенности подходов к решению этой задачи со стороны органов власти всех уровней, а также составить общую картину развития пожарного дела в стране в тот или иной период.

Изучение различных аспектов развития пожарного законодательства и формирования пожарной охраны Российской империи в отечественной историографии началось в дореволюционный период. Авторство многих работ принадлежало известным общественным и пожарным деятелям. Большинство из них критично оценивали сложившуюся во второй половине XIX — начале XX веков систему противопожарной службы в губерниях, господствовала точка зрения о необходимости ее реформирования [Шереметев и др., 1895; Бородин, 1913 и др.].

В числе прочего рассматривались вопросы пожаротушения в городах [Львов, 1890]. Известный общественный и пожарный деятель Ф. Э. Ландэзен негативно оценивал решение правительства передать пожарное дело органам городского общественного управления в 1860—1870-е годы. Он отмечал, что, с одной стороны, городские власти не обладали необходимыми полномочиями и ресурсами, с другой стороны — горожане не проявляли должной инициативы. Для грамотной организации пожарного дела требовались такие меры, как расширение избирательных прав горожан, введение образовательного ценза для гласных, возможность обсуждения и критики действий администрации в печати [Ландэзен, 1911].

В советский период накопленный практический опыт царской России по тушению пожаров изучался, отмечались его особенности — слабый государственный контроль, отсутствие единства в реализации противопо-

жарных мер в стране в целом и по отдельным областям. Подчеркивалось, что советская власть выстраивала систему борьбы с пожарами на принципиально других основаниях: единый государственный план, широкое внедрение достижений науки, усиленный пожарный надзор в промышленных населенных пунктах и др. [Яичков, 1924; Голубев и др., 1968 и др.].

Согласно исследованиям последних лет, после принятия в 1870 году Городового положения утвердился непрофессиональный подход к обеспечению пожарной безопасности. Поскольку полицейским органам они уже не подчинялись, в этой сфере не сложилось и эффективного взаимодействия государственных структур, общественных организаций и населения. Правительство лишь «патронировало» пожарную охрану, при этом среди других статей городских затрат расходы на нее оказывались на последнем месте [Новичкова, 2006; Новичкова, 2017].

Различные аспекты развития пожарного дела и деятельности пожарных команд в городах Российской империи пореформенного периода пока еще не нашли комплексного освещения, в том числе малочисленны работы, выполненные на региональных материалах. В последнее десятилетие появляются отдельные исследования о формировании пожарной охраны в восточносибирских городах. Вопросы, связанные с пожарной охраной городов Енисейской губернии, затрагиваются лишь в учебно-практических изданиях, содержащих хронологический перечень событий [Комаров и др., 2003; Якимов, 2015].

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Цель предлагаемой статьи — анализ формирования городских пожарных команд в Енисейской губернии во второй половине XIX — начале XX веков. Исследование позволяет не только понять логику выстраивания системы пожарной безопасности в Российской империи пореформенного периода, но и восполнить пробелы в истории региона.

Источниковую базу составляет делопроизводственная документация фондов Государственного архива Красноярского края (ГАКК): 173 (Красноярская городская дума), 921 (Канская городская дума), 170 (Красноярское общество взаимного страхования имущества от огня). В них содержатся указы Енисейского губернского правления об ассигновании денег на покупку и ремонт пожарных инструментов и машин, постановления городских дум об утверждении штатов пожарных команд, сметы городских противопожарных комиссий на содержание пожарных частей, уставы, доклады, прошения городских пожарных команд и др. Материалы периодической печати немногочисленны. Официальные местные издания (например, «Енисейские губернские ведомости») вопросы пожарной охраны не

освещали. «Вестник Красноярского городского общественного управления», выходявший в Красноярске в 1915—1917 годах, информировал население о работе органов городского самоуправления, в том числе о финансировании и комплектовании городских пожарных депо. Статистические источники представлены памятными книжками Енисейской губернии, которые дают представление о расходах городских властей на содержание пожарных команд, их составе, обеспеченности инвентарем. Совокупность привлеченных источников позволяет анализировать деятельность органов городского самоуправления по обеспечению пожарной безопасности населения в рамках изучаемого периода, принципы формирования пожарных команд, условия несения пожарной службы.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Создание городских пожарных команд

Долгое время борьба с пожарами ложилась на плечи обывателей, являвшихся на пожар с имевшимися у них инструментами (ведрами, топорами и др.). В правление Петра I, который зачастую лично участвовал в тушении пожаров, были изданы указы, усиливавшие противопожарную службу Москвы и Санкт-Петербурга (о наказании поджигателей, планировании застройки и др.). К тушению пожаров стали привлекаться регулярные войска, были разработаны инструкции по обеспечению пожарной безопасности в судах, торговых рядах, жилых домах и др. С 1763 года в составе полиции создавались «пожарные конторы» («экспедиции») из брандмайора и штата чинов для заведования пожарными инструментами. Техника и лошади находились в съезжих дворах при полицейских участках.

В годы реформ Александра I, направленных на повышение эффективности функционирования системы государственных органов, была преобразована и система пожарной охраны. Второе отделение Экспедиции спокойствия и благочиния Департамента внутренних дел созданного в 1802 году Министерства внутренних дел ведало городской полицией и пожарными командами [Чехов, 1892]. В 1818 году вышло распоряжение Комитета министров по организации пожарной охраны в империи, согласно которому города делились на кварталы, для каждого из которых регламентировалось необходимое количество пожарных, инструментов и лошадей. Для тушения крупных пожаров привлекались подразделения внутренних гарнизонных батальонов и инвалидных команд [Колпаков, 2016].

В 1832 году был опубликован «Устав пожарный», упорядочивший систему пожарной охраны в империи. В Москве и Санкт-Петербурге пожарную часть возглавляли брандмайоры (находились в подчинении у обер-полицмейстеров), в губернских городах — брандмейстеры. Губернскому городу пола-

гался один брандмейстер и два ученика при нем, которые разбирались в том, как использовать и чинить пожарные инструменты. В уездных и заштатных городах пожарные части были не обязательны, там с пожарами по-прежнему боролись обыватели и полиция. В сельской местности тушением пожаров занимались жители под управлением старшины. Регламентировались правила обращения с огнем в быту, мастерских, кузнях, слесарнях и т. д. Переработанный и дополненный «Устав пожарный» был издан в составе «Свода законов Российской империи» в 1857 году [Смирнова и др., 2015].

С самого начала продвижения русских в бассейн Енисея и возведения острогов (Енисейска в 1619 году, Красноярска в 1628 году, Канска в 1636 году, Ачинска в 1683 году, Минусинска в 1739 году) вопрос о пожарной безопасности являлся чрезвычайно актуальным. Опираясь на сеть деревянных форпостов, служилые люди вели промысловую деятельность и собирали ясак с местных народов, которые оказывали сопротивление, и в том числе неоднократно сжигали русские поселения. В дальнейшем преобладание деревянной городской застройки имело следствием повышенную пожарную опасность и катастрофические последствия пожаров: погибали люди, выгорали обывательские дома целыми кварталами, таможенные избы и воеводские канцелярии с документами, церкви с библиотеками и т. д. Так, только на протяжении XVIII века в Красноярске большие пожары произошли в 1735 году и 1773 году, в Енисейске — в 1703 году и 1778 году [Градостроительство Сибири, 2011].

В результате реформы М. М. Сперанского в 1822 году была образована Енисейская губерния в составе пяти округов: Красноярского, Енисейского (с Туруханским краем), Ачинского, Минусинского и Канского. Енисейские губернаторы регулярно получали предписания министра внутренних дел о необходимости создания городских пожарных обозов. Первоочередной задачей стало обзаведение пожарными инструментами. У московского брандмайора по почте заказывались изображения инструментов с указанием их стоимости. Затем местные торговцы, которые ездили по делам в Москву, приобретали их и доставляли в Красноярск. В московское же пожарное депо регулярно командировали красноярцев для обучения ремонту инструментов. Первые упоминания о том, что Красноярск приобрел инструменты (в том числе «вододействующую машину»), относятся к 1812—1813 годам, сообщение о создании пожарной части — к 1833 году [ГАКК, ф. 173, оп. 1, д. 935, лл. 15—16; Там же, д. 893, л. 3—3об.].

Инструменты следовало не только приобрести, но и поддерживать в рабочем состоянии, а также обеспечивать необходимый уход лошадям пожарного обоза. В этом отношении ситуация обстояла неблагоприятно во всех городах губернии. Ежегодно из городских бюджетов выделялись

средства, однако в случае пожаров обнаруживалось, что инструменты находились в неудовлетворительном состоянии, пожарные лошади были истощены и не могли доставить обоз на место пожара.

Обязанности пожарных в городах выполняли обыватели, избравшиеся из мещан на определенный срок (полгода или год) для службы при полицейских управах. Кроме того, в Красноярске к патрулированию города и тушению пожаров привлекались размещавшиеся здесь две сотни Енисейского казачьего полка, гарнизонный батальон и жандармская команда [Там же, д. 1313, лл. 71—73].

В 1853 году была утверждена «Нормальная табель состава пожарной части в городах», согласно которой города делились по числу жителей на 7 разрядов, к первому — с населением до 2 000 человек (полагалось 5 рядовых пожарных), седьмому — до 30 000 (брандмейстер, 4 унтер-брандмейстера и 70 пожарных). Губернатор составлял проект штата пожарной части каждого города и представлял на утверждение в Министерство внутренних дел. Регламентировалось количество пожарного инструмента. Личный состав комплектовался из военного ведомства. Зарплата пожарных формировалась из городских доходов и взимавшегося Министерством внутренних дел в пользу городов сбора с застрахованных имуществ (25 копеек с 1 000 рублей ценности имущества) [Агеев, 2016].

В городах Енисейской губернии под контролем губернского управления началось создание пожарных команд. В 1853 году министр внутренних дел Д. Г. Бибиков утвердил штат пожарной команды Красноярска, которая включала брандмейстера, двух помощников и 23 служителей. На ее содержание было выделено 1 699 рублей 75 копеек: 44 % — из городских доходов, остальные — за счет страхового сбора. В 1856 году на должность брандмейстера был приглашен бывший помощник брандмейстера московской полиции Н. Гаврилов. Власти уездных городов сообщали о начале подготовительных работ по формированию пожарных команд. Однако вследствие дефицита средств эти работы осуществлялись крайне медленно [ГАКК, ф. 173, оп. 1, д. 1313, л. 136].

В 1861 году Министерство внутренних дел поручило губернаторам предложить городским обществам создавать общественные пожарные команды по примеру города Осташкова Тверской губернии. В Осташкове команда существовала с 1843 года, пожарные из числа добровольцев не получали жалования, но освобождались от выплаты повинностей и воинского постоя. Ежегодные расходы города были небольшими, поскольку шли лишь на ремонт пожарных инструментов. Губернаторы докладывали с мест, что лишь некоторые города выразили готовность создать такие команды, в основном же ссылались на бедность обывателей, ходатайствовали о том, чтобы

продолжали работу команды из нижних воинских чинов. Однако им предписывалось твердо объяснить населению, что создание общественных пожарных команд соответствовало интересам всех горожан «в видах охранения их имущества от истребления пожаром». Там, где не набиралось добровольцев в общественные команды, следовало нанимать частных лиц. С этой целью горожане облагались специальным сбором. Страховой сбор, ранее взимавшийся в пользу городов на зарплату пожарным, был отменен к 1868 году.

В Енисейской губернии ранее всего городская пожарная команда на новых началах была создана в Красноярске. В августе 1861 года состоялось собрание купцов и мещан города. Его участники высказали мнение, что вследствие малочисленности населения (1 648 душ вместе с малолетними и престарелыми) не имелось достаточного количества мужчин, физически способных к оперативным действиям при пожарах, поскольку общество также ежегодно избирало полицейских служителей и исполнявших другие обязанности по городскому управлению (всего порядка 95 человек). Многие красноярцы работали на золотых приисках, и в городе проживали лишь их семьи. Правительство не признало приведенные аргументы убедительными. После второго заседания обывателей по этому вопросу в сентябре 1862 года был разработан проект устава пожарной части. Согласно проекту пожарная часть должна была включать команду и обоз. Управление возлагалось на пожарный комитет при городской думе в составе трех человек. На содержание пожарной части перечислялся капитал в 19 900 рублей (из ассигнований за предыдущие годы и специального сбора с домовладельцев). Жители города обязались помогать при тушении пожаров. Специальные таблички на каждом доме указывали, с каким инструментом владелец должен являться на пожар. Полиция контролировала соблюдение этого требования, как и действия участников при тушении пожаров. В 1865 году собрание домовладельцев в Красноярске одобрило проект. Требовалось собрать 6 235 рублей. Однако из 750 домовладельцев дали свое согласие на проведение сбора лишь 100 (требовалось не менее двух третей от их числа). Неизвестно, удалось ли получить необходимое количество подписей, но в 1866 году начались работы по оценке недвижимого имущества.

Губернатор П. Н. Замятин разослал проект устава красноярской пожарной команды как образец в Енисейскую городскую думу и управу, Ачинскую городскую ратушу, Канский и Минусинский словесные суды, Канскую, Ачинскую и Минусинскую полицейские управы. Власти всех городов отчитались, что еще в 1861—1863 годах состоялись общественные слушания, в результате которых вопрос о создании пожарных команд повсеместно был решен положительно, избранные депутаты проводили оценку недвижимых имуществ, после чего планировали начать сбор на-

лога, далее приступить к найму брандмейстеров и служителей, поиску помещений, приобретению новых пожарных инструментов. Переписка между губернатором, который выносил предписания изыскать средства на создание пожарной команды, а городские власти обещали непременно это сделать, продолжалась годами [ГАКК, ф. 173, оп. 1, д. 1913, лл. 68—69].

С принятием в 1870 году «Городового положения» «попечение о пожарной части» и ее финансирование было отнесено к ведению городского самоуправления. Полиция осуществляла исключительно охрану общественного порядка при тушении пожаров. Централизованные управленческие структуры по контролю за пожарными службами в стране отсутствовали, деятельность городских властей в пожарном деле никто не координировал. Вопросами пожарной безопасности занимались лица малосведущие. Не существовало нормативных требований к профессиональной подготовке личного состава пожарных команд [Новичкова, 2017].

В Енисейской губернии к началу 1890-х годов все города имели пожарные команды. При этом брандмейстеры работали лишь в Красноярске и Енисейске. Пожарных насчитывалось в Канске — 7, Ачинске — 11, Енисейске — 26, Красноярске — 30. Пожарных машин на балансе у властей числилось: в Ачинске — 2, Канске — 3, Красноярске — 4, Енисейске — 8; дрог летних и зимних: в Красноярске — 4, Ачинске — 14, Канске — 16, Минусинске — 24, Енисейске — 28; бочек: в Канске — 3, Ачинске — 5, Енисейске — 6, Минусинске — 7, Красноярске — 9. Разные другие предметы и инструменты (ухваты, багры, щиты, лестницы, ломы, топоры, ведра и др.) имелись в весьма небольшом количестве. Например, лишь в Красноярске были железные лопаты (9 штук) и фонари (21 штука) [Памятная книжка ..., 1892, с. 152].

Рост городского населения в губернии ускорился под влиянием строительства Транссибирской железнодорожной магистрали и переселенческого процесса. В 1823 году в городах проживало 13,7 тыс. человек, в 1851 — 18,1, 1897 — 62,6, 1910 — 116,0, 1917 — 119,1 [Воробьев, 1959, с. 42]. По мере роста городов проблемы обеспечения пожарной безопасности становились все более актуальными вследствие роста жилой застройки, преимущественно деревянной, увеличения количества торговых складов, широкого использования горючих материалов и т. д. Тем не менее расходы на содержание пожарных команд увеличивались медленно. Например, в 1890 году на содержание городских пожарных частей в Енисейской губернии было затрачено 22 263 рубля 15¼ копеек, из которых на Красноярск приходилось 33,0 %, Енисейск — 30,7 %, Ачинск — 12,9 %, Минусинск — 12,5 %, Канск — 10,9 % [Памятная книжка ..., 1892, с. 152]. В 1901 году на эти же цели было затрачено 32 910 рублей: в Красноярске — 51,6 % этой суммы, Енисейске —

20,1 %, Канске — 11,3 %, Минусинске — 11,2 %, в Ачинске — 5,8 % [ГАКК, ф. 170, оп. 1, д. 17, л. 32]. В 1913 году Красноярск потратил на содержание пожарной службы 40 289 рублей, в 1914 — 39 063, 1915 — 37 365 (при среднем годовом бюджете свыше 800 000 рублей). Енисейск за аналогичные годы выделил — 7 937, 8 598 и 8 393 рублей (при годовом бюджете около 40 000 рублей), Минусинск — 9 540, 6 167, 8 000 (порядка 70 000 рублей), Ачинск — 8 592, 8 404, 9 990 (более 100 000 рублей), Канск — 9 000, 9 000, 9 107 рублей (более 140 000 рублей) [Город Енисейск ..., 1916].

Во второй половине XIX — начале XX веков в городах Российской империи функционировали различные типы пожарных команд и дружин (фабричные и заводские, военные, частные, железнодорожные, тюремные и др.) [Новичкова, 2006; Бушуева, 2017]. В Енисейской губернии появились команды добровольных пожарных обществ. Созданные в 1890—1900 годы общества работали на пожертвования частных лиц и регулярные субсидии от городских управлений. На эти средства были выстроены пожарные депо, приобретались лошади, инвентарь и инструменты. Подведомственные обществам пожарные команды также принимали участие в предупреждении и тушении пожаров, вели их статистику, способствовали развитию благоустройства и инфраструктуры городов (проведению водопровода и др.) и т. д. [Комаров и др., 2003; Якимов, 2015].

Начало Первой мировой войны привело к переориентации промышленности на выпуск оборонной продукции, повсеместно пожарные команды начали испытывать дефицит пожарного инвентаря. Городские власти получили предписание о необходимости максимально рационального и бережного использования техники и инструментов. Отдел страхования и противопожарных мер Главного управления по делам местного хозяйства Министерства внутренних дел рекомендовал губернаторам обратить особое внимание на вопросы пожарной безопасности, поскольку пожары могли прервать работу предприятий, исполнявших заказы для нужд армии и флота, подорвать благосостояние обывателей, и в частности семей призванных на войну солдат. Исполнявший обязанности енисейского губернатора И. В. Хозиков передал копию этого циркуляра городским управам с просьбой обсудить полученную информацию на своих заседаниях [ГАКК, ф. 921, оп. 1, д. 275, л. 41].

3.2. Обучение и подготовка пожарных, бытовые условия жизни и несения службы

Пожарное дело в Российской империи считалось опасным, но несложным. Обучение пожарных стало практиковаться с 1830-х годов. Занятия включали в себя строевую подготовку и отработку навыков обращения с пожарной техникой, в столичных городах — еще и уроки словесности.

Брандмейстеры провинциальных губернских городов проходили обучение в пожарных депо Москвы и Санкт-Петербурга. Для них регулярно издавались печатные пособия с перечислением должностных обязанностей, рекомендациями и инструкциями по обучению стражников обращению с инструментами, описанием порядка действий на пожарах и др. В целях контроля за подготовкой проводились смотры пожарных команд в присутствии губернаторов, в Москве и Санкт-Петербурге — с участием императора, августейших и знатных покровителей [Николаев, 1875; Требзев, 1913].

К концу XIX века требования к образовательному и культурному уровню рядовых пожарных значительно выросли, поскольку вместо простейших пожарных инструментов (топоров, багров, крюков и т. п.) начинали применяться машины, разнообразные технические новинки (паровые насосы, механические лестницы, химические огнетушители и др.). В пожарных частях существовала высокая потребность в специалистах с профессиональным образованием, а между тем таковых было крайне мало. Зачастую даже на должности брандмейстера оказывались люди, не способные обращаться с техникой, не имевшие опыта в пожарном деле, что отрицательно сказывалось на организации пожаротушения и подготовке личного состава.

В 1906 году на средства Петербургского городского общественного управления открылись Курсы пожарных техников. Принимались физически здоровые молодые люди с 18 лет с аттестатами не ниже городского училища. На первый курс было зачислено 20 человек (по количеству мест в казарме для курсантов). В течение двух лет они изучали общеобразовательные дисциплины (математику, физику, химию, черчение и др.) и специальные (строевое учение и гимнастику, первую медицинскую помощь, устройство пожарных машин и др.). Курсанты знакомились с новейшими разработками в области пожарного оборудования, летом проходили практику в пожарных частях Санкт-Петербурга либо в сельской местности. Выпускники направлялись в различные губернии на должности брандмейстеров городских и железнодорожных пожарных частей, инструкторов и др. Разумеется, единственного пожарно-технического учебного заведения было недостаточно для регионов Российской империи [Алексеев, 2006].

Первая мировая война серьезно усилила дефицит специалистов, существовавший в сибирских городах. Об этом свидетельствуют материалы по городу Канску. В августе 1914 года городской голова Т. Д. Леонов обратился в Общество пожарных техников Петрограда с просьбой прислать техника на должность брандмейстера. Поначалу дали согласие поехать в Канск Н. И. Николаев и К. А. Добровольский, но затем отказались, поскольку получили предложения из городов Европейской России. Правление Общества предлагало Т. Д. Леонову прислать человека без звания пожарного

техника, но знакомого с пожарным делом. Городской голова предпочел подождать, и через некоторое время специалист был найден. Новый брандмейстер Канска И. Ф. Никитин вступил в должность в конце 1915 года, а уже в феврале 1916 года покинул город, так как был призван на фронт. На ставшую вновь вакантной должность брандмейстера городская управа пригласила слесаря кузнечного цеха красноярских железнодорожных мастерских К. П. Карлова, который прежде служил в городской пожарной команде. Управа обратилась к командующему войсками Иркутского военного округа с просьбой освободить К. П. Карлова от призыва в войска: «Канск не имеет возможности пригласить на эту должность другое лицо, так как подходящих кандидатов на эту должность совершенно нет. Между тем отсутствие брандмейстера ставит город в крайне безвыходное положение» [ГАКК, ф. 921, оп. 1, д. 275, л. 6—34].

На протяжении войны ухудшалась экономическая конъюнктура в стране: росли цены на промышленные и продовольственные товары, увеличивались инфляция и спекуляция. Летом 1915 года Отдел страхования и противопожарных мер Главного управления по делам местного хозяйства отмечал тяжелое материальное положение пожарных, которое «не отвечало ни тяжести пожарной службы, ни общим условиям жизни в военное время». В то же время значительно вырос спрос на рабочие руки в промышленности. Пожарных на службе удерживали только отсрочки от призыва на фронт, которые давались по персональным именованным ходатайствам городских властей.

Города искали возможности повысить оклады пожарных. В Красноярске повышали оклады в ноябре 1915 года и в августе 1916 года, всего на 30 %. В конце 1916 года брандмейстер получал 110 рублей 50 копеек в месяц, служители 1-го разряда — 33 рубля 80 копеек, 2-го разряда — 31 рубль 20 копеек, 3-го разряда — 28 рублей 60 копеек. В январе 1917 года по настоянию Красноярской исполнительной противопожарной комиссии зарплата была увеличена еще на 7 рублей [Об увеличении окладов ..., 1917]. В июле 1915 года пожарные служители Канска подали прошение в городскую думу с просьбой повысить жалование, мотивируя это тем, что вследствие наступившей дороговизны денег не хватало даже на приобретение обуви. На заседании управы выяснилось, что пожарные получали жалование 20 рублей в месяц. Члены управы ходатайствовали перед городской думой прибавить каждому по 3 рубля. Дума признала «справедливым и своевременным увеличение содержания» на 5 рублей. В ноябре 1916 года снова последовало коллективное прошение пожарных об увеличении жалования [ГАКК, ф. 921, оп. 1, д. 275, лл. 32, 60].

Согласно архивным источникам и современным исследованиям, бытовая сторона повседневной жизни и службы пожарных на всем протяжении

изучаемого периода была тяжелой. Они жили в казармах при своих частях. Семьи с детьми, как правило, размещались в общем помещении, имели в своем распоряжении лишь кровати, разделенные ситцевыми занавесками или (реже) деревянными перегородками. Здесь же располагалась печь и общая кухня. Режим работы не был посменным, поэтому служители были обязаны круглосуточно находиться в казармах, могли отлучаться только с разрешения брандмейстера. Пожарные постоянно находились в робе и сапогах (даже ночью), чтобы в любой момент быть готовыми выехать на пожар и не задерживать обоз. Распорядок дня устанавливался согласно инструкциям и уставам местных команд. Обычно он включал в себя ранний подъем, строевые занятия и занятия с пожарными инструментами, хозяйственные работы по уходу за лошадьми, уборке двора, заготовке дров, фуража, а также службу на каланче. До 1860-х годов дисциплина поддерживалась розгами, после их сменили замечания и выговоры, штрафы, аресты и др. [Луговой и др., 2018].

Условия жизни и службы пожарных в городах Енисейской губернии принципиально ничем не отличались. В конце 1915 года брандмейстер И. Ф. Никитин сделал обширный доклад в Канскую пожарную комиссию о необходимости улучшения быта пожарных служителей городского обоза. Он отметил, что постоянный личный состав команды являлся залогом успешной и отлаженной работы на пожарах, между тем в пожарной команде Канска ежемесячно увольнялось от 1 до 3 человек. Состав команды не был постоянным, в 1910 году он включал 40 человек, 1911 — 29, 1912 — 31, 1913 — 23, 1914 — 44, 1915 — 17. Главными причинами увольнений являлись низкая оплата труда, высокие дисциплинарные требования, тяжелые условия жизни. И. Ф. Никитин считал, что необходимо изменить хотя бы условия проживания. Согласно его докладу, в пожарной части Канска не было комнаты дневного пребывания, большую часть времени пожарные проводили в казарме, лежа на койках. Койки стояли, сдвинутые по две, чтобы во время тревоги можно было беспрепятственно бежать по проходам. Такое расположение способствовало распространению вирусных эпидемических заболеваний. Постельные принадлежности выдавались в первый и последний раз в 1905 году. На 17 коек имелось 8 тюфяков, набитых сеном, не было ни подушек, ни одеял, ни клеенки под сапоги. Семейным полагались отдельные комнаты, но семьи в основном были большими (2 взрослых и до 6—8 детей) и в них не помещались. Столовую заменял один большой общий стол для всех. Питание организовывалось на артельных началах, готовила бесплатно жена одного из пожарных. Посуды (ложек, тарелок, кружек) также не хватало. Баней пользовались редко, поскольку она была платной. И. Ф. Никитин приводил перечень мер,

которые следовало принять в первую очередь: установить посуточный режим поочередного несения службы, чтобы пожарные имели возможность отдыхать; ввести ежемесячный медицинский осмотр городским врачом для своевременного лечения кожных, глазных, венерических заболеваний; устроить бесплатную баню, отпускать не менее чем по фунту серого мыла в месяц на человека; каждому пожарному купить матрас, одеяло, наволочку, кусок клеенки для подкладывания под сапоги, эмалированную железную тарелку, ложку и кружку, а также валенки для дежурных на каланче и у ворот; оборудовать куб для кипячения питьевой воды в целях предотвращения таких заболеваний, как холера; провести в казарму электрическую лампочку над местом для дежурного; изготовить шкафчики-столы и навесной шкаф для посуды; приобрести плевательницы и проволочный коврик, чтобы при входе пожарные очищали сапоги при входе в казарму; построить печь с двумя барабанами, поскольку кухонная печь не могла отопить все помещение. Реализовать намеченные мероприятия И. Ф. Никитину не удалось, поскольку, как уже было упомянуто, в начале 1916 года он был призван на фронт [ГАКК, ф. 921, оп. 1, д. 275, лл. 65—66].

4. Заключение = Conclusions

Городские поселения Енисейской губернии медленно превращались из оборонительных острогов в административно-хозяйственные центры сельскохозяйственных и золотодобывающих округов — малочисленные и малонаселенные на огромном географическом пространстве, со слаборазвитой промышленностью. Их социально-экономическое развитие ускорило лишь на рубеже XIX—XX веков, однако они по-прежнему отличались от городов европейской части страны по своим размерам, функциям, архитектурным особенностям. Продолжавшаяся колонизация региона также накладывала отпечаток на их хозяйство и быт, бюджеты, работу органов городского самоуправления и организацию пожарного дела в том числе.

Создание городских пожарных команд осуществлялось под административным контролем губернатора, получавшего предписания Министерства внутренних дел. В силу скудости финансовых средств, отсутствия общественной инициативы городские управления с большим трудом могли выполнять требования нормативно-правовых актов и предписания вышестоящих властей. Техническая оснащенность подразделений была низкой, передовые достижения в области пожаротушения внедрялись медленно. За исключением брандмейстеров, личный состав не имел профессиональной подготовки. Вследствие крайне тяжелых условий жизни и труда служителей, низкой оплаты труда существовали дефицит и текучесть кадров. Эффективность деятельности пожарных команд снижалась множеством

проблем благоустройства и санитарного состояния городов (отсутствием водопровода, плохим состоянием дорог, несоблюдением правил планировки и застройки и т. д.).

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — Государственный архив Красноярского края. Ф. 170. Оп. 1. Д. 17 ; Ф. 173. Оп. 1. Д. 893 ; Ф. 173. Оп. 1. Д. 935 ; Ф. 173. Оп. 1. Д. 1313 ; Ф. 173. Оп. 1. Д. 1913 ; Ф. 921. Оп. 1. Д. 275.
2. *Город Енисейск в пожарном отношении* // Вестник Красноярского городского общественного управления. — 1916. — № 12—13. — С. 44—49.
3. *Об увеличении окладов пожарным служителям* // Вестник Красноярского городского общественного управления. — 1917. — № 5—6. — С. 19.
4. *Памятная книжка Енисейской губернии 1891 года с адрес-календарем.* — Красноярск : Енисейская губернская типография, 1892. — 176 с.

Литература

1. *Агеев С. Е.* Краткая история становления и развития пожарной охраны России / С. Е. Агеев // История пожарной охраны и современная пожарная охрана : материалы международной научно-практической конференции. — Москва : Академия ГПС МЧС России, 2016. — 191 с.
2. *Алексеев С. Ю.* Первое пожарно-техническое учебное заведение России / С. Ю. Алексеев // Высшее образование в России. — 2006. — № 11. — С. 134—142.
3. *Бородин Д. Н.* Пожарное дело в царствование дома Романовых (1613—1913) / Д. Н. Бородин. — Санкт-Петербург : Императорское Российское пожарное общество, 1913. — 154 с.
4. *Бушуева Д. Н.* Правовое регулирование деятельности негосударственных пожарных команд Российской империи во второй половине XIX века / Д. Н. Бушуева // Правовая политика и правовая жизнь. — 2017. — № 1. — С. 90—98.
5. *Воробьев В. В.* Города южной части Восточной Сибири (историко-географические очерки) / В. В. Воробьев. — Иркутск : Иркутское книжное издательство, 1959. — 146 с.
6. *Голубев С. Г.* Пожарное дело в СССР / С. Г. Голубев, Ф. Б. Зильберштейн, П. С. Савельев. — Москва : Стройиздат, 1968. — 307 с.
7. *Градостроительство Сибири* / под общ. ред. В. И. Царева. — Санкт-Петербург : Коло, 2011. — 784 с. — ISBN 978-5-901841-83-9.
8. *Колпаков П. А.* Войска Внутренней стражи Российской империи на борьбе с пожарами в XIX веке / П. А. Колпаков // Научный диалог. — 2016. — № 1 (49). — С. 200—211.
9. *Комаров С. Ю.* Летопись пожарной охраны Красноярского края (1853—2003 гг.) / С. Ю. Комаров, В. И. Волков, В. С. Кабанов. — Москва : [б. и.], 2003. — 126 с. — ISBN 5-7221-0442—6.
10. *Ландэзен Ф. Э.* Опыт пожарного законодательства / Ф. Э. Ландэзен. — Санкт-Петербург : Типография И. М. Флейтмана, 1911. — 24 с.
11. *Луговой А. А.* Жизнь пожарных царской России / А. А. Луговой, В. Н. Виноградов, Н. Н. Щаблов, М. А. Балабанов. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, 2018. — 223 с. — ISBN 978-5-93997-011-2.
12. *Львов А. Д.* Городские пожарные команды. Опыт руководства к их устройству и отправлению ими службы / А. Д. Львов. — Санкт-Петербург : Типография А. Якобсона, 1890. — 352 с.

13. Новичкова Н. Ю. Реформирование пожарной службы в России во второй половине XIX — начале XX в. : роль государства и общественности / Н. Ю. Новичкова // International Innovation Research : сборник статей X Международной научно-практической конференции. — Пенза : Наука и просвещение, 2017. — С. 133—136.

14. Новичкова Н. Ю. Российские городские пожарные команды на рубеже XIX—XX вв. / Н. Ю. Новичкова // Пожаровзрывобезопасность. — 2006. — Т. 15. — № 4. — С. 35—38.

15. Смирнова А. А. Сравнительно-правовая характеристика Пожарного устава Российской империи редакций 1832 и 1857 гг. как первой попытки систематизации законодательства о пожарной безопасности в Российской империи / А. А. Смирнова, Е. А. Титова // Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. — 2015. — № 2. — С. 101—108.

16. Требезов Н. П. Пожарная тактика, Санкт-Петербург / Н. П. Требезов. — Санкт-Петербург : Собственное издание, 1913. — 395 с.

17. Чехов А. П. Исторический очерк пожарного дела в России / А. П. Чехов. — Санкт-Петербург : Типография Р. Голикс, 1892. — 196 с.

18. Шереметев А. Д. Проект пожарной реформы в России / А. Д. Шереметев, К. И. Безсонов. — Санкт-Петербург : Типо-Литография Д. Семенюкова, 1895. — 117 с.

19. Яичков К. М. Борьба с пожарами. Краткое руководство, как вести борьбу с пожарами, преимущественно сельскими и лесными / К. М. Яичков. — Москва : Издательство Главного управления Коммунального хозяйства НКВД, 1924. — 75 с.

20. Якимов А. Н. История пожарной охраны Енисейской губернии до 1917 года : хронологический перечень важнейших дат и событий из истории пожарной охраны Енисейской губернии / А. Н. Якимов. — Красноярск : [б. и.], 2015. — 127 с.

Статья поступила в редакцию 16.02.2023,
одобрена после рецензирования 10.03.2023,
подготовлена к публикации 26.03.2023.

Material resources

A commemorative book of the Yenisei province in 1891 with an address calendar. (1892). Krasnoyarsk: Yenisei Provincial Printing House. 176 p. (In Russ.).

ГАКК — *State Archive of the Krasnoyarsk Territory.* (In Russ.).

On increasing the salaries of fire attendants. (1917). *Bulletin of the Krasnoyarsk City Public Administration*, 5—6: 19. (In Russ.).

The city of Yeniseisk in the fire relation. (1916). *Bulletin of the Krasnoyarsk city Public Administration*, 12—13: 44—49. (In Russ.).

References

Ageev, S. E. (2016). A brief history of the formation and development of the fire protection of Russia. In: *History of fire protection and modern fire protection: materials of the international scientific and practical conference.* Moscow: Academy of GPS of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 191 p. (In Russ.).

Alekseev, S. Yu. (2006). The first fire-technical educational institution of Russia. *Higher education in Russia*, 11: 134—142. (In Russ.).

Borodin, D. N. (1913). *Fire fighting during the reign of the House of Romanov (1613—1913).* St. Petersburg: Imperial Russian Fire Society. 154 p. (In Russ.).

- Bushueva, D. N. (2017). Legal regulation of the activities of non-state fire brigades of the Russian Empire in the second half of the XIX century. *Legal policy and legal life*, 1: 90—98. (In Russ.).
- Chekhov, A. P. (1892). *A historical sketch of fire fighting in Russia*. St. Petersburg: R. Golix Printing House. 196 p. (In Russ.).
- Golubev, S. G., Silberstein, F. B., Savelyev, P. S. (1968). *Firefighting in the USSR*. Moscow: Stroyizdat. 307 p. (In Russ.).
- Kolpakov, P. A. (2016). Troops of Russian Empire Internal Guards in Firefighting in XIX Century. *Nauchnyj dialog*, 1 (49): 200—211. (In Russ.).
- Komarov, S. Yu., Volkov, V. I., Kabanov, V. S. (2003). *Chronicle of the fire protection of the Krasnoyarsk Territory (1853—2003)*. Moscow: [b. i.]. 126 p. ISBN 5-7221-0442-6. (In Russ.).
- Landesen, F. E. (1911). *Experience of fire legislation*. St. Petersburg: I. M. Fleitman Printing House. 24 p. (In Russ.).
- Lugovoy, A. A., Vinogradov, V. N., Shchablov, N. N., Balabanov, M. A. (2018). *The life of fire-fighters of Tsarist Russia*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 223 p. ISBN 978-5-93997-011-2. (In Russ.).
- Lviv, A. D. (1890). *City fire brigades. The experience of guiding them to their device and the administration of their service*. St. Petersburg: A. Yakobson Printing House. 352 p. (In Russ.).
- Novichkova, N. Y. (2017). Reforming the fire service in Russia in the second half of the XIX — early XX century: the role of the state and the public. In: *International Innovation Research: collection of articles of the X International Scientific and Practical Conference*. Penza: Science and Education. 133—136. (In Russ.).
- Novichkova, N. Yu. (2006). Russian city fire brigades at the turn of the XIX—XX centuries. *Fire and explosion safety*, 15 (4): 35—38. (In Russ.).
- Sheremetev, A. D., Bezsonov, K. I. (1895). *The project of fire reform in Russia*. St. Petersburg: Typo-Lithography of D. Semenyukov. 117 p. (In Russ.).
- Smirnova, A. A., Titova, E. A. (2015). Comparative legal characteristics of the Fire Regulations of the Russian Empire of the editions of 1832 and 1857 as the first attempt to systematize legislation on fire safety in the Russian Empire. *Bulletin of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia*, 2: 101—108. (In Russ.).
- Testicles, K. M. (1924). *Fighting fires. A brief guide on how to fight fires, mainly rural and forest*. Moscow: Publishing House of the Main Department of Communal Services of the NKVD. 75 p. (In Russ.).
- Trebezov, N. P. (1913). *Fire tactics*. St. Petersburg. St. Petersburg: Own edition. 395 p. (In Russ.).
- Urban planning of Siberia*. (2011). St. Petersburg: Kolo. 784 p. ISBN 978-5-901841-83-9. (In Russ.).
- Vorobyov, V. V. (1959). *Cities of the southern part of Eastern Siberia (historical and geographical essays)*. Irkutsk: Irkutsk Book Publishing House. 146 p. (In Russ.).
- Yakimov, A. N. (2015). *History of fire protection of the Yenisei province before 1917: chronological list of the most important dates and events from the history of fire protection of the Yenisei province*. Krasnoyarsk: [b. i.]. 127 p. (In Russ.).

*The article was submitted 16.02.2023;
approved after reviewing 10.03.2023;
accepted for publication 26.03.2023.*

Иванов А. А. Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII—XVIII) / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 318—335. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335.

Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2023). Siberian Exile and Its Reformation during Reign of Peter Great (XVII—XVIII). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 318-335. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-318-335

Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII—XVIII)

Иванов Александр Александрович¹

orcid.org/0000-0002-4855-8412

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России
ottisk@irmail.ru

Курас Софья Леонидовна²

orcid.org/0000-0002-5452-2897

кандидат исторических наук, доцент
кафедры таможенного дела и
правоведения
kuras@list.ru

Курас Татьяна Леонидовна¹

orcid.org/0000-0003-1141-4543

кандидат исторических наук, доцент
кафедры судебного права
tanya_kuras@mail.ru

¹ Иркутский
государственный университет
(Иркутск, Россия)

² Иркутский государственный
университет путей сообщения
(Иркутск, Россия)

Siberian Exile and Its Reformation during Reign of Peter Great (XVII—XVIII)

Alexander A. Ivanov¹

orcid.org/0000-0002-4855-8412

Doctor of History, Professor,
Department of Russian History
ottisk@irmail.ru

Sofia L. Kuras²

orcid.org/0000-0002-5452-2897

PhD in History, Associate Professor,
Department of Customs and Jurisprudence
kuras@list.ru

Tatyana L. Kuras¹

orcid.org/0000-0003-1141-4543

PhD in History, Associate Professor,
Department of Judicial Law
tanya_kuras@mail.ru

¹ Irkutsk State University
(Irkutsk, Russia)

² Irkutsk State
Transport University
(Irkutsk, Russia)

© Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучается история становления и развития сибирской уголовной ссылки — основного звена общероссийской системы исполнения наказания в Российской империи на протяжении XVIII—XIX веков. Показано, что ссылка в Сибирь появилась уже в конце XVI века, однако в этот период, именуемый «московским», она не имела еще должной организации. В исследовании приводятся примеры, которые убедительно доказывают, что только при Петре I и благодаря его усилиям сибирская ссылка стала приобретать правовой и организованный характер, начала играть важную роль в охранительной и карательной системе государства. Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка комплексного изучения преобразований Петра Великого в области правовой регламентации системы каторги и ссылки, что показано на примере Сибири XVII—XVIII веков. Указывается, что именно при Петре уголовная ссылка и каторга стали не только формами наказания преступников, но и основными способами использования бесплатного труда на строительстве стратегически важных для страны объектов, расположенных на границах Российской империи.

Ключевые слова:

Петр Первый; ссылка в Сибирь; каторга; империя.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the formation and development of the Siberian criminal exile, the main link in the all-Russian system of execution of punishment in the Russian Empire during the 18th—19th centuries is discussed in the article. It is shown that the exile to Siberia appeared already at the end of the 16th century, however, during this period, called “Moscow”, it did not yet have a proper organization. The study provides examples that convincingly prove that it was only under Peter I and thanks to his efforts that the Siberian exile began to acquire a legal and organized character, began to play an important role in the protective and punitive system of the state. The novelty of the study lies in the fact that for the first time an attempt was made to comprehensively study the transformations of Peter the Great in the field of legal regulation of the system of hard labor and exile, which is shown on the example of Siberia in the 17th—18th centuries. It is shown that it was under Peter that criminal exile and hard labor became not only forms of punishment for criminals, but also the main way to use free labor in the construction of strategically important facilities for the country located on the borders of the Russian Empire.

Key words:

Peter the First; exile to Siberia; hard labor; empire.

Сибирская ссылка и ее реформирование в период правления Петра Великого (XVII—XVIII)

© Иванов А. А., Курас С. Л., Курас Т. Л., 2023

1. Введение = Introduction

История пенитенциарной системы страны, в том числе каторги и ссылки в Сибири, остается актуальной научной темой. Сибирская ссылка, несмотря на масштабы применения этого вида наказания на протяжении XVII—XIX веков, не стала предметом специального изучения в русской исторической науке. Уникальность ситуации заключается в том, что сибирская ссылка изначально, с момента своего возникновения, выполняла две разнородные задачи: с одной стороны, использовалась как карательная мера для наказания и изоляции преступного элемента, высылаемого из центра страны, с другой — выступала одним из способов заселения новых территорий.

Хорошо известно, что одной из особенностей формирования российского государства следует считать постоянный рост его территории за счет присоединения новых земель. Этот процесс, начатый объединением княжеств вокруг Москвы, особое развитие получил в конце XVI века с присоединением крупнейшего сибирского региона, в несколько раз превосходившего территорию собственно Московского царства. В отличие от земель центра страны территория за Уральским Камнем была слабо населена русскими людьми, а коренные народы были малочисленны и не могли, естественно, противостоять вполне возможной внешней экспансии. Проблема заселения и охраны новых границ на востоке страны стояла невероятно остро. При хронической нехватке крестьянского и служилого населения решить эту задачу тогда, в начале XVII века, можно было, вероятно, только с помощью принудительной колонизации. Поэтому сибирская ссылка с момента своего возникновения выполняла две разнородных задачи: с одной стороны, использовалась как карательная мера для наказания и изоляции преступного элемента, высылаемого из центра страны, с другой — выступала в качестве штрафной колонизации обширного региона.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковую базу исследования составили отечественные законодательные акты XVII—XVIII веков, значительным образом менявшие карательную систему страны. К ним, в частности, относятся Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), законодательство времен Петра I,

в которых отражалась эволюция изменений системы наказания в стране. Так, в частности, важным источником исследования стал Артикул Воинский, утвержденный Петром I 30 марта 1716 года. Исследуя этот документ, мы можем увидеть, что с его принятием был создан перечень воинских преступлений, за которые устанавливались различные формы наказания, в том числе и ссылка в отдаленные местности. В статье используются указы Петра I, внесшие существенные изменения в уголовное законодательство и деятельность карательных институтов, в том числе в принципы организации уголовной и политической ссылки.

Что касается историографии проблематики, то историки касались темы ссылки лишь косвенно, упоминая ее в качестве иллюстративного материала для освещения более широкой научной проблемы социально-экономического освоения и заселения громадного края за Уральским хребтом. Так, П. Н. Буцинский, профессор Харьковского университета, подробно описал пути следования ссыльных на новые земли, указал места наибольшей концентрации ссыльных, сделал первые подсчеты их общего количества: к 1645 году, по мнению автора, в Сибири было уже принудительно расселено около 1500 ссыльных — русских подданных, захваченных в плен поляков, немцев, черкас, литвы [Буцинский, 1999, т. 1, с. 195].

П. А. Словцов в «Историческом обозрении Сибири» также затрагивает некоторые проблемы сибирской ссылки, в большей степени уделяя внимание обустройству за Уральским камнем «знатных» ссыльных, справедливо полагая, что именно у них сибиряки переняли зачатки повседневной культуры и обучились грамоте. «Тысячи злополучных, освобожденных от ссылки, каторжной работы, тысячи восстановленных в званиях или помилованных ожили [в Сибири]. Прояснившийся от слез глаз их тотчас помирился с местами заточения, с юртами инородцев, с деревнями пустынными и малолюдными» [Словцов, 2012, с. 293]. Сам же житель Сибири стал «живее и предприимчивее. Он или научился грамоте, потому что множество грамотных толпилось вокруг него, или слышался о способах производить ... мастерства», и тоже выиграл от этого [Там же].

Проблемы сибирской ссылки получили некоторое отражение в трудах специалистов истории права, среди которых следует выделить прежде всего работы Гр. С. Фельдштейна, Н. Д. Сергеевского и И. Я. Фойницкого. Эти исследователи рассматривали вопросы истории применения отечественного и зарубежного уголовного законодательства в целом, а ссылка изучалась ими наряду с тюремным заключением, арестантскими ротами и рабочими домами [Фельдштейн, 1893; Сергеевский, 1887; Фойницкий, 2000]. При этом практически единодушно правоведы высказывались в пользу признания большого позитивного значения ссылки в освоении сибирских терри-

торий. «Ссылка московского периода, — писал Фойницкий, — была естественным продуктом потребностей и условий русской гражданственности того времени; содействуя безопасности метрополии, вместе с тем она вела к расширению границ государства, упрочению русского господства на окраинах и обогащению государевой казны» [Фойницкий, 2000, с. 248].

Из литературы досоветского периода следует выделить и несколько отчетов высокопоставленных чиновников тюремного ведомства, которые по итогам своих командировок в Сибирь издавали весьма объемные аналитические обзоры, снабжая их, как правило, обширными историческими экскурсами в прошлое сибирской ссылки. На наш взгляд, данные документы являются весьма ценным историографическим источником для изучения нашей темы. Русское «правительство, — говорится в одном из них, — не применявшее к своим ссыльным правопоражений, не стесняло их в новом крае и тем, конечно, способствовало установлению прочных местных связей и поощряло ссыльных к продуктивному труду наряду с прочим населением, водворявшимся в дальней, но богатой Сибири» [Ссылка ..., 1900, с. 9].

После Октября 1917 года сибирская ссылка как массовая форма исполнения наказания для уголовных преступников практически не изучалась. Исследователи советской эпохи сфокусировали свое внимание на истории судебного и административного удаления за Уральский камень революционеров, борцов с самодержавием. О ссылке уголовной ученые в то время писали в основном обзорно, выполняя опять же свои, продиктованные предметом изучения задачи. Так, о колонизационном значении ссылки в деле заселения Иркутского уезда писала О. И. Кашик [Кашик, 1958], ссыльных как источник формирования населения Сибири изучал В. И. Шунков [Шунков, 1946].

В постсоветский период появились работы, рассматривавшие ссылку комплексно, в качестве одной из составляющих внутренней политики государства [Упоров, 2004]. Однако и сегодня следует констатировать, что специальных исследований по истории каторги и ссылки в Сибири в XVII—XVIII веках по-прежнему нет, поэтому проблема остается актуальной. Это подтверждается расширением круга авторов в специализированных сборниках научных статей, изучаемых ими вопросов, географией исследователей [Иванов и др., 2022, с. 408]. При этом многие аспекты истории ссылки остаются ещё не изученными, что, в числе прочего, касается значения преобразований, которые осуществил Петр I в деле организации и систематизации ссылки и каторги.

Целью исследования является описание истории Сибирской ссылки в XVII—XVIII веках, а также составление характеристики начала ее законодательного и организационного реформирования в период правления Петра Великого.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Московский период ссылки

В истории сибирской ссылки, богатой интереснейшими событиями, датами и героями, выделяют два периода: московский и петербургский. Ссылка московского периода была начата сразу же после похода Ермака. Освоение огромной территории шло с запада на восток по сибирским рекам: Оби, Туре, Тоболу, Кети, Енисею, Лене. Именно на этом пути сложились основные земледельческие районы Сибири: Верхотурско-Тобольский, Томско-Кузнецкий, Енисейский, Ленский. В этих же районах наблюдалась и наибольшая концентрация «ссылного элемента» [История ..., 1968, с. 72—73].

В московский период сибирская ссылка не имела хорошо организованной системы. Пересыльных тюрем не было, понятий «этапа», «этапного пути», «конвоя» также не существовало. Ссылные отправлялись в Сибирь по мере их накопления. Сопровождали арестантов так называемые «посыльщики» — казаки, служилые люди, следующие в Сибирь по своим делам и зачастую ничего общего с этапированием арестантов не имевшие. В этом случае обязанности конвоирования такие служилые выполняли попутно, наряду с решением собственных задач. При этом у ссылных отсутствовали какие-либо сопроводительные документы, из которых можно было бы узнать, откуда они, за что и на какой срок наказаны.

Вот как, к примеру, описывает П. Н. Буцинский доставку ссылных из центра Московского государства в Сибирь в 1640-е годы: «Редко проходили большие партии ссылных без того, чтобы они не разграбили несколько селений; жалобы на грабежи и разбои ссылных были довольно часты, а иногда и сами провожатые принимали в этом участие» [Буцинский, 1999, т. 1, с. 199].

До места назначения, в Сибирь, доходили далеко не все отправленные в ссылку. И дело здесь даже не в побегах, а в том, что сибирским воеводам зачастую не указывалось, каким образом и где следует использовать ссылаемых, а потому колодников могли оставить по дороге для применения на сезонных работах или отдать «в услужение» местным чиновникам.

Чтобы подчеркнуть, насколько «беспорядочно» практиковалась сибирская ссылка в московский период, следует, к примеру, обратиться к грамоте Михаила Федоровича тобольским воеводам князьям А. А. Хованскому и М. А. Вельяминову от 25 февраля 1625 года, в которой царь отмечал, что к нему «ис Сибири, ис Тоболска и ис ьных сибирских городов бьют челом тюремные сидельцы, а на Москве в приказе Казанского дворца выписать не с чево» [Первое ..., 1996, с. 46], то есть нет о них сведений. Чтобы исправить такое положение, Великий князь указал сделать «тюремным сидельцам ро-

пись, хто именем, и в каком деле, и в котором году, и сколь давно в тюрьму посажены, и кому какое было поученье, или хто в какове деле пытан и колькы ж выпытан, и сам на себя хто с пытки в каком воровстве говорил» [Там же]. Составив же тюремную опись, — требовал далее царь, — «вы со своими приписьми» должны отправить ее в Казанский дворец, «да и впредь» росписи эти следует присылать «к нам, к Москве ...» [Там же].

В московский период преступники ссылались в Сибирь «в службу», «в посад» и «на пашню». Сосланные в службу приверстывались в дети боярские, в казаки конные или пешие и подчинялись общему ее порядку, установленному для прочих служилых людей с немногими ограничениями: они не могли по своему желанию вернуться в Москву и свободно перемещаться по Сибири. Попадавшие в «посад» приписывались в посадские тяглые люди в назначенном им городе. Положение таких ссыльных не отличалось от прав и обязанностей прочих посадских людей, с учетом ограничения в передвижении. Большинство же ссыльных верстались «в пашню». Этот вид ссылки имел исключительное значение для освоения «новых земель»: отсутствие своего хлеба сдерживало колонизацию края, делало положение гарнизонов неустойчивым, зависимым от далекого центра. Часть урожая пашенный ссыльный был обязан сдавать государству, часть — оставлял себе «на прокорм». Московское правительство предписывало заботиться о пашенных ссыльных, отводить им лучшие земли, выдавать «подмогу» на «обзаводство» скотом и сельскохозяйственным инвентарем [Ссылка ..., 1900, с. 6].

И все-таки ссылка в Сибирь «за вины» была не столь велика, а значит, не могла решить проблемы колонизации огромного края. Тогда московское правительство стало применять «ссылку по прибору», смысл которой заключался в том, что государство из хорошо обжитых сельскохозяйственных районов центра страны «прибирало» и насильно отправляло за Уральский камень целые деревни черносошных и дворцовых крестьян, перемещая их на новые, еще не заселенные места «навечно». При этом среди таких ссыльных велика была доля семейных, которые, в отличие от холостых, приживались на новом месте значительно легче. Однако и в этом деле имелось множество проблем, связанных в первую очередь с контингентом «прибранных» крестьян, среди которых также были свои нерадивые, не стремившиеся пустить в Сибирь прочные корни. Вот цитата из донесения илимского воеводы И. Зубова, обвинявшего в 1672 году часть ссыльных в праздности: «И твоя, великого государя, ссуда денежная и хлебная, и лошади, и пашенные заводы: ральники и косы, и серпы, и топоры всякие, теряютца. Покиня твою, великого государя, десятинную пашню, бегают безвесно, неведомо куды и ссуду, и подмогу уносят» [Шерстобоев, 2001, т. 1, с. 511].

Как видим, в московский период организация сибирской ссылки имела больше недостатков, чем достоинств. Московские государи относились к ней «по-домашнему», без необходимого упорядочения и организации. Эпоха петровских реформ не могла не привести в содержание ссылки, в том числе и в Сибирь, существенных перемен, символизировавших начало нового периода ее истории — петербургского.

3.2. Петербургский период ссылки

В петербургский период, как и ранее, в Сибирь продолжали отправлять «лихих людей» и крестьян по прибору, однако облик ссылки стал быстро меняться. Благодаря неустанным заботам Петра Великого, ссылка начинает рассматриваться как часть государственной политики, как важная форма укрепления интересов страны за Уральским хребтом. Именно при Петре на ссылку стали смотреть не только как на охранительную меру, в основе которой лежало насильственное удаление уголовных и политических преступников, но как на источник дешевой рабочей силы, которую можно и нужно активно использовать как на окраинах, так и в центре империи.

Прежде всего Петр органично вписывает ссылку в карательную систему государства. Его масштабные, поистине имперские преобразования воспринимались современниками далеко не однозначно. Бескомпромиссная борьба царя с широкой народной и боярской оппозицией требовала существенных изменений уголовного законодательства и деятельности карательных институтов, в том числе организации по-новому уголовной и политической ссылки.

Решая эту задачу, Петр I создает надзорную систему, без которой немыслимо существование ни одного государства. По его инициативе 17 марта 1714 года был принят хорошо известный указ «О фискалах и о их должности и действии», согласно которому фискалитет учреждался как особая отрасль сенатского управления, а глава фискалов — обер-фискал состоял при Сенате, но был доверенным лицом здесь самого государя. Фискальная служба в первую очередь должна была бороться с политическими преступлениями — «проведывание и доношение о злом умысле» против государства и государственного строя, царствующей особы и членов правящего дома. Следует отметить, что указ о фискалах напрямую касался и ссылки: если фискал, выполняя свои служебные обязанности, начинал расследовать не уголовные, а политические преступления, ему грозило суровое наказание. Так, статья 4-я Указа гласила: «Во всех тех делах фискалам надлежит только проведывать и доносить и при суде обличать, а самим ничем ни для кого, также и в дела, глас о себе имеющая, отнюдь ни тайно, ни явно не касатца, под жестоким штрафом или разорением и ссылкойю (смотря по делам, чего будет достоин) ...» [Российское ..., 1986, т. 4, с. 174].

По инициативе и при живейшем участии самого Петра происходили существенные изменения и уголовного законодательства. Следует отметить, что Петр не отменял положений Соборного Уложения 1649 года, однако его законодательные акты предусматривали значительное расширение применения смертной казни, сопровождавшейся нанесением жестоких телесных увечий, изощренными пытками и мучениями.

Изощренной жестокостью отличалась, как известно, расправа Петра со стрельцами — сторонниками царицы Софьи в 1698—1699 годах. В течение всего сентября в Преображенском приказе стрельцов пытали, добиваясь признания в измене. Всего казнили почти 1200 человек, более 600 было бито кнутом, «запятнано» и отправлено в ссылку [Голикова, 1957, с. 104—105].

Несмотря на расширение масштабов применения смертной казни, сопровождаемой увечьями и жестокими пытками, собственно ссылка, в том числе и в Сибирь, выступала своеобразно — как проявление милости монарха к своим противникам, как мера, смягчающая суровые наказания. Эта особенность хорошо заметна из анализа артикула Воинского, утвержденного Петром 30 марта 1716 года. Артикул содержал перечень воинских преступлений и устанавливал формы наказания: смертную казнь, битье кнутом, шпицрутенами, ссылку.

В артикуле Воинского больше половины статей предполагали «лишение живота» или шпицрутены, ссылка назначалась сравнительно редко и выступала карой за второстепенные преступления: из 250 статей каторга и ссылка предусматривались лишь в девяти случаях. Однако внимательный анализ этих случаев свидетельствует о том, что именно они практиковались достаточно часто и, главное, захватывали самые широкие слои населения, тем самым значительно увеличивая число ссыльных. Так, артикул 63-й был направлен против уклонения от рекрутской повинности. «Кто себя больным нарочно учинит, или суставы свои переломает, и к службе непотребными сочинит, или лошадь свою самовольно испортит в том мнении, чтоб отставлену быть от службы, оному надлежит ноздри распороть, и потом его на каторгу сослать» [Российское ..., 1986, т. 4, с. 354]. С помощью артикула 65-го правительство пыталось бороться с воровством в армии: «Кто из офицеров при выдаче жалованья, корму и провианту, возмет на излишнее число солдат», лишится чина и будет «на галеру сослан, или яко вор живота лишен будет» [Там же].

Говоря о расширении базы ссылки с помощью артикула Воинского, следует иметь в виду и то, что его статьи широко использовались не только по военным, но и по гражданским делам, тем более что немалая часть положений касалась бытовых или нравственных преступлений. Например,

статья 167-й наказывал за «содомский грех» и «блуд» смертью или ссылкой «вечно на галеру»: за «одинокое прелюбодеяние, когда одна особа в супружестве обретается, а другая холостая есть», следовало «жестокое заключение, шпицрутены» или каторга «на время» [Российское ..., 1986, т. 4, с. 359]. Статья 189-й предусматривала такой вид ответственности, как ссылка в каторгу за «грабительство и воровство» [Там же, с. 362].

Характерная для петровского времени замена смертной казни ссылкой, а также существенное расширение перечня разновидностей «вины», наказываемых ссылкой, — свидетельства не только и не столько гуманности государства, сколько проявления заинтересованности в сохранении и увеличении даровой рабочей силы для осуществления военных и экономических реформ. При Петре ссылка заметно меняет свои приоритеты и из наказания за совершенные преступления превращается в инструмент, с помощью которого правительство расширяет и осваивает новые территории.

В законодательстве Петра немало и примеров сознательного «бережения» преступников для использования затем их труда. Так, в указе «О наказании за бунт, измену и душегубство смертию, а за воровство ссылкой в Азов на каторгу», принятом 19 ноября 1703 года, устанавливалась смертная казнь только за государственные преступления и за умышленное убийство. Характерен и указ об ответственности за разбой (1703). В нем говорилось о том, что, по Уложению 1649 года, за разбой «давались смертные казни», однако ныне следует «таких разбойников смертию не казнить, а учинить им наказание, бить кнутом и ... ссылать в Азов на каторгу, на вечное житье» [Законодательство ..., 1997, с. 737]. Еще пример: в 1704 году был принят указ «О наказании за измену и бунт смертию, а за меньшие преступления кнутом и ссылкой в каторжную работу вечно или только на десять лет». В феврале 1705 года принимается новый указ «О нечинении смертной казни преступникам, кроме бунтовщиков и смертоубийц, о наказании их кнутом, о вырезывании ноздрей у важнейших преступников и заклеивании прочих», предусматривавший воров опять же «ссылать на каторгу, на вечную работу» [Там же, с. 738].

3.3. Ссылка как карательный и охранительный институт государства

С именем Петра Великого связано существенное развитие ссылки как института карательной и охранительной политики государства. Отдельные указы монарха непосредственно касались организации этого наказания. Прежде всего, Петр явился инициатором упорядочения этапирования ссылных в Сибирь. При нем была построена и, по всей видимости, первая пересыльная тюрьма. О ее строительстве известно из наказа государя верховным воеводам от 1 сентября 1697 года: «А для присланных вновь

в сибирские города всяких ссыльных людей на Верхотурье в пристойном месте сделать тюрьму крепкую и держать новоприсланных ссыльных людей, до отпусков в низовые сибирские города, в той тюрьме с великим береженьем, за сторожью верхотурских служилых людей».

Этот же наказ предусматривал и введение регулярного движения арестантских партий с сопроводительными документами, которые много позже, после сибирских реформ М. М. Сперанского и принятия Устава о ссыльных 1822 года, стали называться «статейными списками». Указ Петра устранял один из самых существенных недостатков ссылки московского периода: с его принятием местные чиновники уже не могли оставить каторжных «себе», используя их на строительстве дорог или казенных зданий, а то и просто в качестве бесплатных слуг [Полное ..., 1830, т. 3, с. 395—396].

Еще 15 октября 1692 года был принят именной указ, напрямую касавшийся и «посыльщиков»: им надлежало «колодников вести с великим бережением, чтоб их до тех городов, куда они с ними посланы, довели в целости». Если же посыльщики «взяв скуп», то есть получив взятку, отпустят колодников по дороге, то в ближайшем же городе надлежало «воеводам тем посыльщикам за то чинить жестокое наказание, бить кнутом и ссылать их вместо тех ссыльных людей самих, ... а о женах их и о детях воеводам писать к Москве, и тех их жен и детей ссылать с ними ж». Согласно указу, с целью предотвращения побегов арестантов, следовало применять кандалы — «ручные железа, и те железа держать в Стрелецком приказе, а посыльщикам на ссыльных людей те железа отдавать с росписками». Если же «... который посыльщик железа и кандалы потеряет, и за те железа и кандалы править цену против покупки вдвое ...» [Там же, с. 143—144].

Помимо установления порядка этапирования, петровские указы регламентировали и иные стороны «ссылочного дела», например, взаимоотношения каторжан и членов их семейств. Так, именной указ «О женах каторжных невольников» от 16 августа 1720 года разрешал приезд к срочным каторжанам их семей, а к осужденным вечно, наоборот, запрещал. Вечная каторга оценивалась «подобно смерти», что освобождало супругу, по ее желанию, от дальнейших обязательств. Можно оценить данный указ и негативно: ссыльные каторжники без семьи приживались в Сибири несравненно хуже, пополняя, как правило, ряды бродяг и беглых [Законодательство ..., 1997, с. 719].

В феврале 1702 года царь Петр подписал другой примечательный указ, закладывавший основы и тюремного дела в стране, «О починке и постройке вновь во всех городах тюрем на счет казны». Согласно этому указу, земским бургомистрам поручалось «на Коломне и в Дмитрове и во всех

городах тюрьмы починивать и вновь строить», употребляя на это средства «из своей государевой казны из сборных денег, которые у них, бурмистров, в сборе бывают, прямо ценой без передачи» [Полное ..., 1830, т. 4, с. 187].

Как видим, Петр рядом законодательных актов стремился систематизировать «ссылочное дело», встроить его в карательную политику и практику государства. Решая эту задачу, государь законодательно закрепил и новый вид наказания — ссылку в каторжные работы.

3.4. Каторга в Петровскую эпоху

При Петре I каторгой стали называть подневольный труд, имевший исключительно тяжелый и изнурительный характер. Указами государя каторга была официально включена в карательную систему и быстро превратилась в одно из самых массовых наказаний. Например, указ Петра от 14 октября 1715 года «О неупотреблении каторжных в мелочные работы» запрещал применять «каторжан в мелкие и разные работы», но обязывал ставить на те, «кои на одном месте, а именно: сваи бить и прочия тому подобныя» [Полное ..., 1830, т. 5, с. 176].

При Петре и после его смерти тысячи ни в чем не повинных крестьян ссылались в Азов и Таганрог на сооружение военных укреплений, строили Рогервик — порт и крепость на берегу Финского залива. О масштабах ссылки на каторгу может свидетельствовать то, что только в Рогервик ежегодно поступало до 600 каторжных [Фойницкий, 1889, с. 168]. «Добрых людей довольно имеем, — писал в сентябре 1703 г. Петр I из “Санктпитебурха” князю Ф. Ю. Ромодановскому в Москву, — ныне же нужда есть, дабы несколько тысяч воров (а именно, если возможно, 2000 ч.) приготовить к будущему лету, которых по всем приказам, ратушам и городам собрать по первому пути, которые посланы в Сибирь, а ныне еще на Вологде» [Устрялов, 1863, т. 4, с. 61—62].

Сибирь, осваиваясь и заселяясь с помощью каторги и ссылки, всегда испытывала хронический недостаток в рабочих руках. Пытаясь преодолеть это, Петр I значительно расширил ссылку сюда беглых крестьян. В 1704 году по указу Петра было велено принимать «в Троицком Селенгинском монастыре вольных людей, кто похочет, из ссыльных и из гулящих и селить на пашню». Селенгинскому монастырю отводилось 900 десятин земельных угодий у озера Байкал и реки Хилок, а также «сенные покосы на 3000 копен» [Шорохов, 1973, с. 160]. По сведениям В. К. Андриевича, в 1701 году в Забайкалье были сосланы единомышленники типографика Григория Талицкаго, напечатавшего «воровские письма», в которых Петр I назывался Антихристом: «Всего их сослано семь человек и с ними пять вдов казенных преступников». В 1706—1707 годах могло попасть в Забайкалье небольшое количество астраханских казаков, сосланных за бунт,

поднятый против «притеснений» воеводы Ржевского и усиления налогового гнета [Краткий ..., 1887, с. 170].

Принципиальное значение в истории применения каторги в колонизационных целях имел указ Петра от 18 января 1721 года «О покупке купечеству к заводам деревень». Указ констатировал, что «многие купецкие люди» ради государственной пользы заводят «разные заводы, а именно: серебряные, медные, железные, игольные и прочие сим подобные, к тому ж и шелковые, и полотняные, и шерстяные фабрики, из которых многие уже и в действо произошли». Чтобы усилить предпринимательский интерес, указ разрешал «как шляхетству, так и купецким людям к тем заводам деревни покупать, с позволения Берг и Комерц коллегии токмо под такую кондицию, дабы те деревни всегда были уже при тех заводах неотложно, и для того как шляхетству, так и купечеству тех деревень, особо, без заводов, отнюдь никому не продавать и не закладывать, и на выкуп таких деревень никому не отдавать ...». Такие крестьяне прикреплялись к заводам «вечно», их дети также обязаны были безвыездно с подросткового возраста работать здесь же [Законодательство ..., 1997, с. 709].

Указ «О покупке купечеству к заводам деревень» хорошо дополняется указом Петра от 10 апреля 1722 года «О ссылке преступников в Дауры на серебряные заводы; и о переводе 300 семейств туда же для поселения на удобных к хлебопашеству землях». «Которые ныне освобождены от каторжной работы, — говорилось в документе, — и определены послать в Сибирь в дальние города, оных послать и впредь таковых посылать с женами и детьми в Дауры на серебряные заводы ...» [Законодательство ..., 1997, с. 736]. Этот указ напрямую касался и политической ссылки в Сибирь, так как содержал принципиально важное для ее организации положение, исключаящее сосредоточение государственных преступников в одном населенном пункте: «а которые посланы по делам Тайной канцелярии и велено их разослать по разным местам, дабы в одних местах не были ...» [Там же]. Расселение «политиков» подальше друг от друга, от городов и станций железной дороги будет практиковаться властями вплоть до отмены сибирской ссылки в марте 1917 года.

Примечателен и указ Петра от 26 июня 1724 года «Плакат о зборе подушном и протчем». Как известно, указ вводил подушную подать, заменявшую подворное обложение. Нам интересна ст. 7, устанавливавшая порядок исполнения крестьянами подводной повинности, в частности, перевозки колодников. При отправлении таких колодников, согласно указу, следовало «брать уездные подводы до первых ямов, збирая с тамошних жителей по очереди, дабы одним перед другими излишней тяготы не было; ... а где ямы есть, тут уездных подвод брать не велено, а везти на ямских», то есть

за плату. Тот же, кто нарушит этот порядок в первый раз, подлежал штрафу, «второе» превосходящему денежную сумму, недополученную ямщиком, «а ежели в другой раз учинит, то с наказанием сослан будет в каторжную работу ...» [Там же, с. 205].

Приведем здесь еще один документ за подписью Петра I, имевший, на наш взгляд, и некоторые черты гуманизации «ссылочного дела». Указ от 19 декабря 1707 года «Об отсылке преступников в Монастырский приказ на работу, которых за старостию и увечьем ссылать на каторгу невозможно» на примере двух конкретных людей — Луки Ростопчина и Никифора Богданова, приговоренных к вечным за различные преступления каторжным работам, но не принятых в Преображенском приказе за старостью и за увечьем, определил: «Тех вышеписанных двух человек ... отослать в Монастырский приказ к боярину Ивану Алексеевичу Мусину-Пушкину, и велеть их заковать в кандалах, держать в монастыре в вечной работе, в какой они чин годятся. Также буде и впредь такие люди явятся в таких воровствах, а за старостью их и за увечьем на каторгу ссылать будет невозможно: и таких людей отсылать потомуж в Монастырский приказ в работу» [Полное ..., 1830, т. 4, с. 399]. Указ обеспечивал призрение для немощных ссыльных, доля которых в Сибири со временем только возрастала.

3.5. Ссылка в Сибирь «иноземцев»

В начале XVIII века на составе сибирской ссылки самым существенным образом отразилась Русско-шведская война. В 1711—1712 годах за Уральский камень было сослано большое количество солдат регулярной шведской армии Карла XII. В плену оказалось по разным подсчетам от 20 до 25 тысяч человек. Сначала пленники размещались в Свияжске, Казани, Азове и Воронеже, а затем из опасений с их стороны заговора и восстания этих солдат стали отправлять в Сибирь. Самое большое число шведов — до трех тысяч человек — сослали в Тобольск, по тысяче — в Томск, Соликамск, Тюмень; значительно меньше — в Нарым, Березов, Тару, Енисейск, Туруханск, Иркутск, Нерчинск, Якутск, Селенгинск, Илимск, Киренск. В дорогу рядовым пленным выдали и кормовые деньги — три деньги в сутки. «Кормовые» — свидетельство, на наш взгляд, уже вполне сложившейся практики «ссылочного дела» [Шебалдина, 2005, с. 47].

На местах поселения каролинов — так называли солдат короля Карла — начала формироваться, возможно, впервые, и система надзора, включавшая размещение ссыльных, выдачу им денежного пособия, поступавшего как из Швеции, так и от российских соотечественников, помощь в «трудоустройстве», контроль за перепиской. Была налажена и связь пленных с родными: письма шведов собирались несколько раз в год с территории Сибири и поступали в Посольский приказ, а позднее — в канцелярию Коллегии ино-

странных дел, где подвергались перлюстрации. Если в тексте письма ничего предосудительного не было, оно отправлялось по месту назначения. Вся процедура занимала довольно много времени, что вызывало (как позднее и у российских политических ссыльных в XIX веке) постоянные нарекания.

Среди шведов были представители различных мирных профессий. На местах поселения они служили учителями и гувернерами, художниками и музыкантами, сапожниками и портными, аптекарями и садовниками. Не имевшие профессий объединялись в артели и работали на отсыпке дорог, ремонте городских зданий. Но наиболее популярным занятием каролинов, как указывает Г. В. Шебалдина, было самогоноварение и изготовление пива, за что их постоянно наказывали местные власти, ссылая в места более отдаленные или накладывая денежный штраф [Шебалдина, 2005, с. 91].

После заключения Ништадтского мира (1721) большая часть ссыльных военнопленных в течение нескольких лет покинула Сибирь и вернулась на родину. Однако немалое количество рядовых каролинов остались и практически полностью ассимилировались с местными жителями, привнеся в сибирское общество и европейскую бытовую культуру, и новые ремесла, и профессиональные навыки.

4. Заключение = Conclusions

В заключение хотелось бы отметить, что одной из особенностей формирования российского государства следует считать постоянный рост территории за счет присоединения новых земель. Проблема заселения и охраны новых территорий в Сибири стояла невероятно остро. Именно поэтому решить такую масштабную и многогранную задачу в то время могла только ссылка.

Эпоха петровских реформ не могла не привести в содержание ссылки, в том числе и в Сибирь, существенных перемен. Эти перемены выразились: в значительном увеличении количественных показателей и упорядочении организации ссылки (создание пересыльных тюрем, регулярных конвойных команд, надзор за ссыльными на местах поселения, снабжение сопроводительными документами); в заметном расширении социального и сословного состава ссылки (военнопленные, крестьяне, приписанные к заводам, мещане, а также члены семей срочных ссыльных); в появлении новых форм ее организации (каторжные работы); и, наконец, в существенном изменении предназначения этого вида наказания: ссылка стала источником пополнения «рабочей силы» для «ускоренной» экономической и политической модернизации страны. При этом благодаря многогранной организаторской и законотворческой деятельности Петра Великого ссылка впервые стала рассматриваться как важная составная часть внутренней политики

государства, в первую очередь, в Сибири и на Дальнем Востоке, как одна из форм взаимоотношений центра страны и окраины.

Источники и принятые сокращения

1. *Законодательство* Петра I / ответ. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. — Москва : Юридическая литература, 1997. — 880 с. — ISBN 5-7260-0877-4.
2. *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗРИ). Собрание первое. — Санкт-Петербург, 1830. — Т. 3. — 694 с.
3. *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗРИ). Собрание первое. — Санкт-Петербург, 1830. — Т. 4. — 890 с.
4. *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗРИ). Собрание первое. — Санкт-Петербург, 1830. — Т. 5. — 782 с.
5. *Российское законодательство X—XX веков*. В девяти томах : Законодательство периода становления абсолютизма. — Москва : Юридическая литература, 1986. — Т. 4 : — 512 с.

Литература

1. *Буцинский П. Н.* Сочинения в двух томах : Заселение Сибири и быт первых ее насельников / П. Н. Буцинский. — Тюмень : Изд-во Ю. Мандрика, 1999. — Т. 1. — 328 с. — ISBN 5-93020-025-4.
2. *Голикова Н. Б.* Политические процессы при Петре I. По материалам Преображенского приказа / Н. Б. Голикова. — Москва : Изд-во МГУ, 1957. — 337 с.
3. *Иванов А. А.* Сибирская ссылка в отечественной историографии 1990—2010-х годов / А. А. Иванов, С. Л. Курас, Т. Л. Курас // Научный диалог. — 2022. — № 11 (1). — С. 395—413. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413.
4. *История Сибири*. В 5 т. — Ленинград : Наука, 1968. — Т. 2. — 538 с.
5. *Кашик О. И.* Из истории заселения Иркутского уезда в XVII — начале XVIII вв. / О. И. Кашик // Ученые зап. Иркутского гос. пед. института. — 1958. — Выпуск XVI. — С. 227—273.
6. *Краткий очерк истории Забайкалья от древних времен до 1762 года* / Сост. В. К. Андриевич. — Санкт-Петербург : Воен. тип., 1887. — 249 с.
7. *Первое столетие сибирских городов. XVII век* / Ответ. редактор академик Н. Н. Покровский. — Новосибирск : Сибирский хронограф, 1996. — 187 с. — ISBN 5-87550-052-2.
8. *Сергеевский Н. Д.* Наказание в русском праве XVII века / Н. Д. Сергеевский. — Санкт-Петербург : А. Ф. Цинзерлинг, 1887. — 300 с.
9. *Словцов П. А.* История Сибири. От Ермака до Екатерины II / П. А. Словцов. — Москва : Вече, 2012. — 512 с. — ISBN 5-9533-1139-7.
10. *Ссылка в Сибирь*. Очерк ее истории и современного положения. Для Высочайше учрежденной комиссии о мероприятиях по отмене ссылки. — Санкт-Петербург : Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1900. — 340 с.
11. *Упоров И. В.* Пенитенциарная политика России в XVIII—XX вв. / И. В. Упоров. — Москва : Юридический центр, 2004. — 648 с. — ISBN 5-94201-340-3.
12. *Устрялов Н.* История царствования Петра Великого / Н. Устрялов. — Санкт-Петербург : Тип. II-го отд-ния Собств. е. и. вел. канцелярии, 1863. — Том IV. — Часть II. — 706 с.

13. *Фельдштейн Г.* Ссылка. Очерки ее генезиса, значения, истории и современного состояния / Г. Фельдштейн. — Москва : Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1893. — 194 с.
14. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. — Москва : Добросвет-2000 ; Городец, 2000. — 464 с. — ISBN 5-89391-061-3.
15. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И. Я. Фойницкий. — Санкт-Петербург : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. — 504 с.
16. *Шебалдина Г. В.* Шведские военнопленные в Сибири в первой четверти XVIII в. / Г. В. Шебалдина. — Москва : Рос. гос. гум. ун-т, 2005. — 209 с. — ISBN 5-7281-0327-8.
17. *Шерстобоев В. Н.* Илимская пашня : В 2 т : Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века / В. Н. Шерстобоев. — Иркутск : Иркут. обл. гос. изд-во, 2001. — Т. 1. — 593 с.
18. *Шорохов Л. П.* Возникновение монастырских вотчин в Восточной Сибири / Л. П. Шорохов // Русское население Поморья и Сибири (период феодализма). — Москва : [б. и.], 1973. — С. 148—163.
19. *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII вв. / В. И. Шунков. — Москва : Наука, 1946. — 228 с.

*Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
подготовлена к публикации 24.03.2023.*

Material resources

- Legislation of Peter I.* (1997). Moscow: Legal Literature. 880 p. ISBN 5-7260-0877-4. (In Russ.).
- Russian legislation of the X—XX centuries. In nine volumes: Legislation of the period of the formation of absolutism, 4.* (1986). Moscow: Legal Literature. 512 p. (In Russ.).
- The Complete Collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). The first meeting, 3.* (1830). St. Petersburg. 694 p. (In Russ.).
- The Complete Collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). The first meeting, 4.* (1830). St. Petersburg. 890 p. (In Russ.).
- The Complete Collection of laws of the Russian Empire (PSZRI). The first meeting, 5.* (1830). St. Petersburg. 782 p. (In Russ.).

References

- A brief sketch of the history of Transbaikalia from ancient times to 1762.* (1887). St. Petersburg: Military type. 249 p. (In Russ.).
- Bucinsky, P. N. (1999). *Essays in two volumes: The settlement of Siberia and the life of its first inhabitants, 1.* Tyumen: Publishing house Yu. Mandrika. 328 p. ISBN 5-93020-025-4. (In Russ.).
- Feldstein, G. (1893). *Link. Essays on its genesis, meaning, history and current state.* Moscow: T-vo skoropech. A. A. Levenson. 194 p. (In Russ.).
- Foynitsky, I. Ya. (2000). *The doctrine of punishment in connection with prison studies.* Moscow: Dobrosvet-2000; Gorodets. 464 p. ISBN 5-89391-061-3. (In Russ.).
- Foynitsky, I. Ya. (1889). *The doctrine of punishment in connection with prison studies.* St. Petersburg: Type. M-va put. message. (A. Behnke). 504 p. (In Russ.).

- Golikova, N. B. (1957). *Political processes under Peter I. Based on the materials of the Preobrazhensky Order*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 337 p. (In Russ.).
- Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. (2022). Siberian exile in the Russian historiography of the 1990—2010's. *Nauchnyj dialog*, 11 (1): 395—413. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-1-395-413. (In Russ.).
- Kashik, O. I. (1958). From the history of settlement of Irkutsk county in the XVII — early XVIII centuries. *Scientists zap. Irkutsk State Pedagogical Institute. Institute, XVI*: 227—273. (In Russ.).
- Link to Siberia. An outline of its history and current situation. For the Most highly established commission on measures to cancel the link*. (1900). St. Petersburg: Printing house of the St. Petersburg prison. 340 p. (In Russ.).
- Sergeevsky, N. D. (1887). *Punishment in the Russian law of the XVII century*. St. Petersburg: A. F. Tsinserling. 300 p. (In Russ.).
- Shebaldina, G. V. (2005). *Swedish prisoners of war in Siberia in the first quarter of the XVIII century*. Moscow: Russian State Gum. un-t. 209 p. ISBN 5-7281-0327-8. (In Russ.).
- Sherstoboev, V. N. (2001). *Ilimskaya arable land: In 2 tons: Arable land of the Ilim voivodeship of the XVII and the beginning of the XVIII century, 1*. Irkutsk: Irkut. region State Publishing House. 593 p. (In Russ.).
- Shorokhov, L. P. (1973). The emergence of monastic patrimony in Eastern Siberia. In: *The Russian population of Pomerania and Siberia (the period of feudalism)*. Moscow: [b. i.]. 148—163. (In Russ.).
- Shunkov, V. I. (1946). *Essays on the history of colonization of Siberia in the XVII — early XVIII centuries*. Moscow: Nauka. 228 p. (In Russ.).
- Slovstov, P. A. (2012). *History of Siberia. From Ermak to Catherine II*. Moscow: Veche. 512 p. ISBN 5-9533-1139-7. (In Russ.).
- The first century of Siberian cities. XVII century*. (1996). Novosibirsk: Siberian Chronograph. 187 p. ISBN 5-87550-052-2. (In Russ.).
- The History of Siberia. In 5 vols., 2*. (1968). Leningrad: Nauka. 538 p. (In Russ.).
- Uporov, I. V. (2004). *Penitentiary policy of Russia in the XVIII—XX centuries*. Moscow: Law Center. 648 p. ISBN 5-94201-340-3. (In Russ.).
- Ustryalov, N. (1863). *The History of the reign of Peter the Great, IV (II)*. St. Petersburg: Type. II of the Department of its Own E. I. vel. Chancery. 706 p. (In Russ.).

*The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 24.03.2023.*

Ипполитов В. А. Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии / В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 336—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362.

Ippolitov, V. A. (2023). Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 336-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-336-362

**Влияние голода
1924—1925 годов
на общественно-
политические настроения
крестьянства
в Тамбовской губернии**

Ипполитов Владимир Александрович
orcid.org/0000-0001-9327-3865
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-18-00132, [https://rscf.ru/
project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

**Impact of Famine
of 1924—1925
on Social and Political Mood
of Peasantry
in Tambov Province**

Vladimir A. Ippolitov
orcid.org/0000-0001-9327-3865
PhD in History,
Senior Researcher
vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State
Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:
The study was supported
by the Russian Science Foundation,
grant № 22-18-00132, [https://rscf.ru/
project/22-18-00132/](https://rscf.ru/project/22-18-00132/)

© Ипполитов В. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы причины и последствия голода в Тамбовской губернии в 1924—1925 годах. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного изучения российского крестьянства «поколения революционного перелома» (родившихся на рубеже XIX—XX веков). Основное внимание уделяется влиянию голода на общественно-политические настроения крестьянства. В целях определения факторов, влиявших на самосознание жителей деревни, изучались документы фондов Российского архива социально-политической истории и Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области. В статье используется широкий пласт документов центральных и местных партийных организаций и органов государственной безопасности. Рассмотрены социальные практики, к которым прибегал сельский социум для выживания в экстремальных условиях неурожая. Проанализированы отношения между основными социальными группами деревни. Особое внимание уделяется механизмам оказания помощи голодающим со стороны государства. В результате проведенного исследования доказано увеличение оппозиционных настроений в среде крестьянства. Характерным признано увеличение религиозности и уравнилельных тенденций в деревне. Установлено, что значительная помощь государства способствовала распространению лояльности крестьянства по отношению к власти.

Ключевые слова:

крестьянство; поколения; общественно-политические настроения; голод; коммунистическая партия; неурожай; общественные работы; продовольственная помощь.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The causes and consequences of the famine in the Tambov province in 1924—1925 are examined in the article. The relevance of the study is due to the need for a comprehensive study of the Russian peasantry of the “revolutionary breakthrough generation” (born at the turn of the 19th and 20th centuries). The main attention is paid to the impact of famine on the social and political moods of the peasantry. In order to determine the factors that influenced the self-awareness of the villagers, the documents of the funds of the Russian Archive of Social and Political History and the State Archive of Social and Political History of the Tambov Region were studied. A wide range of documents of central and local party organizations and state security bodies are used in the article. The social practices resorted to by rural society for survival in extreme crop failure conditions are considered. Relations between the main social groups of the village are analyzed. Special attention is paid to the mechanisms of state aid to the starving. As a result of the conducted research, an increase in oppositional attitudes among the peasantry has been proven. An increase in religiosity and egalitarian tendencies in rural areas is considered characteristic. It was established that significant state aid contributed to the spread of peasant loyalty to the government.

Key words:

peasantry; generations; social and political moods; famine; communist party; crop failure; public works; food aid.

Влияние голода 1924—1925 годов на общественно-политические настроения крестьянства в Тамбовской губернии

© Ипполитов В. А., 2023

1. Введение = Introduction

Актуальность темы исследования заключается в рассмотрении влияния фактора голода на общественно-политические настроения крестьянства. Поднимается вопрос о перспективах натурально-потребительского крестьянского хозяйства в условиях социалистической модернизации. Этот вопрос не теряет своей актуальности, так как в научной литературе встречаются полярные точки зрения на вопрос об эффективности нэпа.

Новизна работы заключается в изучении различных факторов, влиявших на менталитет сельских жителей в середине 1920-х годов. Представляется важным проанализировать механизмы осуществления государственной помощи голодающим, оценить их эффективность.

К середине 1920-х годов Тамбовская губерния была типичным сельскохозяйственным регионом, страдавшим от перенаселения, со слабо развитой промышленностью. Численность населения к 1925 году в Тамбовской губернии выросла до 2 674 250 человек, что делало невозможным обеспечение крестьян нужным количеством земли [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 175]. Сельское хозяйство губернии на протяжении первых лет советской власти переживало глубокий кризис. Причинами создавшегося положения были военные действия во время Гражданской войны, особенно Антоновское восстание и неурожай 1920—1921 годов. Эти события сопровождалась хлебозаготовками, превышавшими возможности региона. К 1922 году посевные площади сократились по сравнению с 1916 годом на 23 %, рабочий скот уменьшился на 40 %, количество овец — на 63 %, свиней — на 76 %. Количество безлошадных хозяйств достигло 54 %, а бескоровных 37 % [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 28]. С введением нэпа началось медленное восстановление сельского хозяйства региона. Например, в 1924 году численность лошадей насчитывала лишь 72 % от довоенного количества. Даже в относительно спокойные годы только урожай 1922 года оказался средним по количеству собранного хлеба.

Несмотря на экономический кризис и традиционную аполитичность, население деревни проявляло значительную общественно-политическую

активность. В октябре 1924 года в Тамбовской губернии прошли 210 беспартийных крестьянских конференций, в которых приняли участие 22 320 человек [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 27]. По социальному составу в них преобладали бедняки — 60 %, середняков насчитывалось 37 %, а зажиточных — 3 %. Партийное руководство констатировало рост политической сознательности крестьянства, которое, одобряя политику советской власти, решительно критиковало тяжелый налоговый гнет. В связи с неурожаем и «ножницами цен» делегаты собраний выражали «ревность» к рабочему классу. В то же время ярко проявлялось усиление внимания населения к вопросам просвещения [Там же, л. 27]. Можно сделать вывод о быстром росте крестьянского самосознания под влиянием активного участия в революции и гражданской войне, пропаганды и образования, а также некоторого улучшения качества жизни в начале нэпа.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Методологической основой исследования послужил междисциплинарный подход «поколенческой истории» [Левада, 2005; Безгин, 2022; Вязинкин и др., 2022; Сафонов, 2022]. В центре внимания находилась судьба поколения «революционного перелома», под которым современные авторы понимают людей, родившихся на рубеже XIX—XX веков и принимавших деятельное участие в событиях 1905—1930 годов [Вязинкин, 2022; Слезин, 2022; Слезин и др., 2022; Безгин и др., 2022]. Многие из них в детстве пережили голод и неурожай 1891—1892 годов. В XX веке крестьяне поколения «революционного перелома» подверглись сильнейшим испытаниям в виде череды катастрофического голода 1921—1922 и 1932—1933 годов. Эти трагические события достаточно подробно исследованы российскими и зарубежными учеными. Но менее масштабные голодовки середины 1920-х годов до сих пор остаются малоизученными.

Проблемы недорода и его последствий на Тамбовщине освещаются в работах С. А. Есикова [Есиков, 2010], И. Е. Кокорева [Кокорев, 2008], В. В. Никулина [Никулин, 2000]. Тему голода середины 1920-х годов на общесоюзном уровне затрагивали М. Венер [Венер, 1995], В. Ф. Зима [Зима, 2019], В. В. Кондрашин [Кондрашин, 2018]. Однако подробно вопрос голода в 1924—1925 годах в Тамбовской губернии и других зерновых регионах не изучался.

Данная работа строится на общенаучных принципах историзма и объективности. При создании структуры применялся проблемно-хронологический метод. В центре внимания находится человек во всей своей сложности и противоречивости (антропологический подход).

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Причины и первые проявления голода 1924—1925 годов

Еще не восстановившееся сельское хозяйство региона подверглось сильнейшему удару из-за неурожая 1924—1925 годов. Природные факторы, а именно: осенняя засуха, бесснежная зима, весенние заморозки — резко ухудшили виды на урожай. Из-за неблагоприятных погодных условий произошла гибель более половины ярового клина (469 тысяч десятин) и 40 % озимых (385 тысяч десятин). Осуществить пересев зерновых своими силами могло только 2—3 %, то есть 159 земледельцев. Дополнительным фактором, приведшим к недороду, являлась слабая техническая оснащенность деревни. Вследствие недостатка рабочего скота и сельскохозяйственных машин земля обрабатывалась неудовлетворительно. Негативную роль также играла чересполосица и значительная отдаленность полей. Всего в 1924—1925 годах было собрано около 30 миллионов пудов зерна, тогда как для питания населения и скота требовался 51 миллион пудов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 28]. Таким образом, из-за природных и социально-экономических условий голод в губернии был неизбежен.

Усугубляла ситуацию налоговая политика советской власти. В 1924—1925 годах сельскохозяйственный налог для Тамбовской губернии был определен в размере 9 миллионов рублей по 4-му разряду обложения. Из-за неурожая он был снижен до 6 миллионов рублей [Там же, д. 2954, л. 65]. Но и эта сумма была совершенно неподъемна для сельского социума. Необходимость уплаты налога привела к массовой продаже скота, что еще более ухудшило положение. Продав осенью зерно и скот по низким ценам, крестьяне вынуждены были покупать для питания хлеб по завышенным ценам.

Фискальная политика государства в губернии была достаточно жесткой, возможно, из-за мести за Антоновское восстание. Невыполнение планов хлебозаготовок ставилось в вину исключительно сельскому социуму. Признавая объективные природные факторы, ответственный секретарь губернского комитета РКП(б) И. Г. Бирн обвинял зажиточное крестьянство в стремлении воспользоваться «упадочными настроениями» и уйти от налога [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 25].

2 июля 1925 года на заседании Тамбовского губкома инструктор ЦК РКП(б) Мутнов подчеркивал, что высокий продовольственный налог являлся одной из причин голода. По его мнению, это контрастировало с объявленным партией курсом «лицом к деревне»: «Меры, которые, применялись к крестьянству, были чрезвычайно похожи на продрозверстку» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2654, л. 59]. Крестьян, которые не могли выплатить налог, запирали под замок, практиковались обыски по амбарам вплоть до сундуков. В Борисоглебском уезде больницы бесплатно прини-

мали только бедных со справкой из Крестьянского комитета общественной взаимопомощи (далее — ККОВА). В связи с голодом многие больницы перестали кормить пациентов, и там продолжали лечиться только те, кому родственники приносили еду. Всего в условиях неурожая и голода крестьяне заплатили государству около 5 миллионов рублей, или 83,7 % от плана. Причинами «перегибов» в налоговой политике были механическое определение урожайности и отсутствие учета экономической конъюнктуры.

Уже с конца февраля 1925 года из Тамбовского, Кирсановского и Липецкого уездов стали поступать сообщения о массовом употреблении в пищу суррогатов [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 128]. Весной положение стало еще более угрожающим. С середины марта наблюдалось повсеместное разорение бедняцких и середняцких хозяйств. В апреле стали фиксироваться единичные случаи голодной смерти. Началась массовая реализация озимых посевов за хлеб, а скот продавался только для пропитания. В начале апреля стала выдаваться семенная ссуда, но, как выяснилось, зерно пошло на питание крестьян. Так, в Сампурской волости 100 % ссуды было съедено и население вновь стало голодать [Там же, л. 128].

Весной 1925 года цены на хлеб достигали 5 рублей за пуд ржи, истощенная бескормицей корова стоила 15 рублей [Там же, д. 2961, л. 2]. Характерно, что в городе цены на продукты были ниже, чем в деревне. В мае в Борисоглебском уезде в городе хлеб стоил 2 рубля 60 копеек, а в деревне — 4 рубля 50 копеек за пуд [Там же, д. 2735, л. 39]. Падеж скота от бескормицы вырос в 2—3 раза по сравнению с 1924 годом. Земледельцы резали своих истощенных коров и требовали за них страховку, якобы они «окобели». Средняя продолжительность нехватки хлеба у крестьян определялась в шесть месяцев. Дальнейшее промедление с оказанием продовольственной помощи грозило повторением голода времен Гражданской войны.

3.2. Масштаб голода и рост заболеваемости на фоне недоедания

По данным ККОВов, в начале марта 1925 года голодало 300 тысяч человек, а в апреле — 600 тысяч. При этом экспертные комиссии считали данные цифры «очень скромными» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 29]. На 22 мая, по материалам ОГПУ, подготовленным для И. В. Сталина, в Тамбовской губернии голодало 800—900 тысяч человек, или 25—30 % населения [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 131]. По другим данным, которые приводил Тамбовский губернский комитет, в марте голодало 32 000 человек, в мае — до 606 026, в июне — 725 000 [Там же, л. 192]. По оценке местных партийных лидеров, произведенной на основе информации из уездов, количество голодающих в июне превысило 1 миллион человек [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2649, л. 2]. Подобные противоречивые

оценки, вероятно, связаны со стремлением партийных организаций скрыть подлинные масштабы бедствия.

Ситуация в шести наиболее пострадавших уездах представлена далее (табл. 1). Анализ данных показывает, что количество голодавших в них сильно различалось. Вероятно, причины этого носили природно-климатический характер. Следует также подчеркнуть, что цифры в партийных отчетах имели приблизительный характер и не всегда отражали реальное положение на местах.

Таблица 1

Численность голодающих в Тамбовской губернии на 22 мая 1925 года

Название уезда	Численность населения, нуждавшегося в продовольственной помощи	Процент голодающих от общего количества населения
Тамбовский	195000	36
Липецкий	109000	31
Борисоглебский	107000	48,6
Кирсановский	95000	31
Козловский	69000	15,5
Моршанский	31000	9
Всего	606000	26,6

Источник: [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 131].

Примечателен факт выступления представителя Борисоглебского уезда на IV пленуме губкома партии. Аристархов предлагал: «Нам необходимо поднять вопрос о том, чтобы был снят запрет с самого слова “голод”. Я думаю, что этот запрет был положен для того, чтобы за граница не использовала наше положение в своих интересах, но за границей великолепно знают, что делается у нас, между тем как этот запрет связывает нас в деле помощи» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2647, л. 58]. Данное выступление свидетельствовало о наличии возможности дискуссии в партии по важнейшим политическим вопросам. Спасение жизней крестьян для многих партийцев было важнее, чем соображения политической конъюнктуры. Показательно, что во время следующего, гораздо более страшного голода 1932—1933 годов подобные заявления не могли высказываться ни в партии, ни в обществе.

По данным таблиц, в мае 1925 года наиболее тяжелой была ситуация в Тамбовском, Борисоглебском и Липецком уездах (табл. 2, табл. 3). Из 2021 обследованного хозяйства 1159 (57,3 %) были признаны находящимися в тяжелом и бедственном положении и 713 (35 %) — в недостаточ-

Таблица 2

Продовольственное положение Тамбовской губернии на май 1925 года

Название уезда	Число хозяйств	Численность населения	Количество хозяйств нуждающихся в продовольствии	Количество хозяйств уехавших на почве голода
Борисоглебский	60049	305123	41629 (69 %)	462
Козловский	85763	450433	69707 (15,5 %)	144
Кирсановский	60605	310985	32044 (53 %)	134
Липецкий	68927	355006	43603 (63,3 %)	840
Моршанский	65770	339797	41163 (62,6 %)	435
Тамбовский	99551	527791	72180 (72 %)	300
Всего	440655	2289135	300323 (68 %)	2315

Источник: [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2956, л. 27—32].

ном. Практически во всех уездах более половины населения нуждалось в продовольственной помощи. По материалам статистики, зафиксирован невысокий уровень заболеваемости и смертности по сравнению с количеством голодающих. Но следует учитывать, что далеко не все больные крестьяне обращались за медицинской помощью или обследовались различными комиссиями. В другие губернии переселилось более 2315 хозяйств, что, безусловно, не отражает реальных перемещений населения.

Таблица 3

Уровень заболеваемости и смертности на почве голода в Тамбовской губернии на май 1925 года

Название уезда	Количество голодающих	Количество заболевших на фоне голода	Количество умерших от голода
Борисоглебский	107981 (48 %)	1484	39
Козловский	69707 (15,5 %)	321	18
Кирсановский	95377 (31 %)	177	4
Липецкий	109884 (31 %)	594	105
Моршанский	30717 (9 %)	340	7
Тамбовский	195091 (36 %)	835	63
Всего	608757 (26,6 %)	3751	236

Источник: [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2956, л. 27—32].

По информации Губернского статистического бюро, на 20—25 мая 1925 года насчитывалось 304 случая голодной смерти [ГАСПИТО, ф. П-840,

оп. 1, д. 2945, л. 67]. Партийные функционеры признавали, что официальные цифры смертности гораздо меньше, чем есть в действительности. По данным органов госбезопасности, в мае в ряде сел Рассказовской волости каждый день умирало по 5—6 человек, в особенности дети [Совершенно секретно ..., 2002, с. 350]. Статистика не учитывала смертность от заболеваний, которые обострялись на фоне недоедания.

Сводки органов госбезопасности фиксировали самоубийства граждан на фоне голода. В Ярославской волости пытался покончить с собой председатель сельского совета А. С. Ремнев. У чиновника случился нервный приступ, так как закончился хлеб, а получить не было возможности, потому что всюду его сопровождали толпы голодных крестьян [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 72]. Ремнев принадлежал к категории маломощных земледельцев, не имел ни коровы, ни лошади. В Александровской волости крестьянин Попов отправился на заработки в соседнюю волость, но, обессилив от недоедания, утопился в реке [Там же, д. 2945, л. 68]. В селе Ново-Спасское гражданин Панкратов повесился после того, как его 13-летний сын умер от голода [Советская деревня ..., 2000, с. 318].

Голод привел к обострению ситуации с заболеваемостью в деревне. В сводке по материалам участковых врачей на 4 июня 1925 года отмечалось, что количество больных насчитывало около 10 % от голодающих [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 41]. По приблизительным подсчетам, количество больных на фоне голода достигло 80 тысяч человек. Из них около 800 нуждались в кожном лечении. К примеру, в Мацевском медицинском районе Козловского уезда из 1194 человек 800 требовали немедленной помощи, 200 опухло от голода и 50 потеряли способность двигаться [Там же, д. 2956, л. 24]. В этой критической ситуации 50 % больниц в сельской местности не работало. А в 29 работавших больницах насчитывалось лишь 679 коек, что составляло лишь малую часть необходимых мест. Ввиду крайней слабости местного бюджета в больницах не хватало медикаментов и перевязочного материала. По итогам обследования системы здравоохранения Тамбовский губернский исполнительный комитет запросил помощь в размере 142 700 рублей [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 41]. В целом система здравоохранения в сельской местности не справлялась со своими задачами из-за хронического недостатка финансирования.

В связи с переживаемой голодовкой в деревне отмечалось увеличение заболеваний цингой, опухания и желудочных болезней. В апреле 1925 года врач Саютинской волости отмечал, что у 40 % взрослых на почве хронического недоедания наблюдаются желудочно-кишечные заболевания с судорогами. У голодающих крестьян цвет лица становился желто-восковой [Советская деревня ..., 2000, с. 317]. В июне 1925 года только в одной де-

ревне Паревка Инжавинской волости насчитывалось около 500 человек, опухших от недоедания, в основном детей [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 41]. У детей от питания исключительно картофелем развивается скрофулез (золотуха) и кишечные расстройства [Там же, д. 2956, л. 33]. На 16 апреля 1925 года, по данным участкового врача, в селе Подоскляй (Тамбовский уезд) из 193 дворов голодало 50. Почти у всех обследованных крестьян не было никаких источников дохода, кроме плетения лаптей и сбора милостыни [Там же, л. 33]. В подавляющем большинстве селений губернии наблюдалась схожая ситуация.

В конце мая 1925 года комиссия по борьбе с последствиями неурожая обследовала 89,1 % населения Тамбовского уезда и 40,3 % были признаны нуждающимися в продовольственной помощи. По своему экономическому положению они делились на «без скотных» — 13,1 %, с одной головой скота — 15,2 %, с двумя головами скота — 11,6 %, с более чем двумя — 0,4 % [Там же, д. 2735, л. 141]. Следовательно, большинство голодавших или не имели скота, или имели его в минимальном количестве. Данные комиссии свидетельствовали о резком росте уровня заболеваемости. Так, из обследованных 16 511 человек обнаружено 2174 с отеками, 326 с куриной слепотой, 2 умопомешательства, 1433 с желудочно-кишечными заболеваниями, 12 575 с сильным истощением и слабостью, 2 с цингой [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 141]. Таким образом, подавляющее большинство обследованных земледельцев имели различные болезни на фоне голода. Подобные данные несколько сгущают краски, так как осматривались в основном хозяйства, не имевшие продовольственных запасов — бедняков и батраков.

В условиях неурожая зерновых культур основным продуктом питания крестьян стал картофель. В Саютинской волости в апреле — мае 1925 года не менее 50 % крестьян питались одним картофелем по норме 3 штуки в день [Там же, д. 2956, л. 33]. В бедных семьях употребление в пищу чистого хлеба считалось невероятной роскошью. Обычным делом было питание горячей водой с несколькими картофелинами или с добавлением ложки крупы или муки [Там же, д. 2945, л. 33]. Подобную еду крестьяне называли «собачьей поспой».

Многие семьи не имели не только хлеба, но и овощей. В пищу шли различные суррогаты: лебеда, конопляный и подсолнечный жмых, просяная лузга. В мае 1925 года обследование нескольких семей села Ярославки (Козловский уезд) выявило, что в пищу крестьяне употребляли траву с примесью зернового льна. От такого питания развивались отеки, злокачественные опухоли, сонливость и полное равнодушие [Там же, д. 2735, л. 71]. Весной и летом в пищу в массовом порядке стали употребляться лягушки и слизь из ракушек, дикие птицы. Голодающие ели зеленый по-

левой чеснок в сыром или жареном виде. Также в пищу шли стебли от кленовых и дубовых листьев [Там же, л. 73]. В Глазковской волости были случаи выкапывания павших овец, мясо которых употреблялось в пищу. Всего в Тамбовском уезде было зафиксировано 199 подобных случаев [Там же, л. 141]. В мае в селе Горетки Борисоглебского уезда произошла драка из-за дохлой коровы, труп которой голодающие растаскивали на куски [Совершенно секретно ..., 2002, с. 303].

По данным обследования села Верхне-Спасское (Тамбовский уезд) 27 апреля 1925 года [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2956, л. 26—34] нами была составлена база данных в программе Microsoft Excel. Выделены следующие категории: фамилия, количество членов семьи, занятие, состояние здоровья, структура питания, наличие скота. В базу внесены данные о 37 семьях, пострадавших от голода. На основе данных составлен коллективный портрет исследуемых хозяйств. В среднем семья состояла из 5 человек, источником существования была милостыня, основным продуктом питания являлся картофель. Дети, а часто и взрослые были сильно истощены, рабочего скота не имелось. Около 20 % семей употребляли в пищу кулеш, но запасы крупы истощались. 23 % хозяйств имели лошадей, которые от бескормицы не годились для работы. В среднем нехватка продовольствия продолжалась уже два месяца. Таким образом, беднейшее крестьянство и батрачество являлись самыми пострадавшими от голода социальными слоями деревни.

3.3. Деятельность центральных и местных властей по борьбе с голодом

В начале марта 1925 года в губернии была создана комиссия по борьбе с голодом. Но до апреля вся её работа сводилась к сбору сведений о количестве голодающих [Там же, д. 2647, л. 48]. Масштабы бедствия не были своевременно доведены до центра. Как отмечалось на IV пленуме губкома РКП(б): «Положение на местах гораздо хуже, чем думают здесь. Во многих волостях среди крестьянства начинается форменная паника» [Там же, л. 57].

10 июля 1924 года постановлением ЦИК и СНК СССР была создана комиссия «по борьбе с неурожаями» под председательством А. И. Рыкова. Одним из членов комиссии был С. Н. Крылов — член партии с 1909 года [Котович, 2020, с. 93]. Именно на имя Крылова было составлено письмо в ЦК РКП(б) о голоде в Тамбовской губернии [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 128]. По ситуации на май 1925 года констатировалось, что положение в регионе напоминает ситуацию в Поволжье в 1921 году. В Кирсановском уезде среди крестьян ходили слухи, что положение даже хуже, чем в конце Гражданской войны [Там же, л. 132].

Для преодоления создавшегося положения, по мнению Тамбовского губернского исполкома, было необходимо выделить семенную ссуду в 460 тысяч тонн проса для посева озимых, продовольственную помощь в размере 750 тысяч пудов хлеба, 350 тысяч рублей на организацию общественных работ [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2906, л. 30].

Партийное руководство пыталось наладить ввоз хлеба из регионов, не затронутых неурожаем. В январе 1925 года для улучшения снабжения населения губернии Тамбовскому отделению госбанка было дано разрешение на заготовку в Сибири 420 тысяч пудов пшеницы [Там же, д. 2957, л. 102].

В Москве первоначально недостаточно серьёзно отнеслись к голоду. В июле 1925 года тамбовское партийное руководство в письме к В. М. Молотову отмечало: «Нас признали, хотя и после чрезвычайно больших мытарств и споров, голодающими и нашу губернию нуждающейся в срочной и крупной государственной помощи» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 740, л. 86]. Более того, была создана комиссия для расследования, почему это решение было принято с запозданием. Однако, по словам И. Г. Бирна, постановления об оказании поддержки в размере 350 тысяч пудов оставалось в «словах и постановлениях», в то время как «население мрет, а мы не можем добиться даже проведения минимальной помощи» [Там же, л. 86].

Актуальным являлся вопрос единого сельскохозяйственного налога на 1926 год. Народный комиссариат финансов определил его в 3 миллиона 800 тысяч рублей. И. Г. Бирн в письме заявил, что партийное руководство согласно принять задание не более 2 миллионов рублей [Там же, л. 87]. Также из-за хозяйственных затруднений губернии была необходима дотация в сумме 1 миллион 1 тысяча рублей, а народный комиссариат финансов соглашался поставить лишь 580 тысяч. Указанные факты свидетельствуют об относительной самостоятельности губернских партийных организаций в хозяйственных вопросах. В середине 1920-х годов допускалось высказывание своего мнения в спорах с центральным правительством. В период сталинской диктатуры подобное поведение становится невозможным.

Комиссия А. И. Рыкова установила, что население губернии будет нуждаться в продовольственной помощи до конца августа — начала сентября, то есть до сбора яровых хлебов. По итогам обследования комиссия направила в губернию 660 тысяч пудов (по 2 пуда на голодающего), что было явно недостаточно [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2945, л. 7]. Также комиссия выделила 275 тысяч рублей из своих запасов.

Пусть и с запозданием, но помощь голодающей губернии была оказана. Хозяйственное положение существенно улучшилось после получения семенной яровой ссуды в 1 миллион пудов и озимой в 149,9 тысяч пудов. Но данная помощь была слишком мала, поэтому Губернский исполнитель-

ный комитет просил увеличить ее до 2,5 миллионов пудов [Там же, л. 2]. Кроме того, местный же бюджет был составлен с огромным дефицитом в 1 078 940 рублей, что угрожало сокращением и так бедствовавшей сети школьных учреждений [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 25]. Губернская партийная организация считала данную меру крайне нежелательной из-за возможного недовольства населения.

Государственная продовольственная помощь распределялась зачастую поголовно, не учитывая реальное положение семей. Но расхищения хлеба не наблюдалось. Единственный случай произошел в Тамбовском уезде, когда один из секретарей ВИКов, получив около тысячи пудов хлеба, продал его на рынке [Там же, д. 2647, л. 50].

Бюрократическая машина государства работала довольно медленно, для ускорения работы по выгрузке зерна даже привлекалось ОГПУ. К концу мая 1925 года продовольственная помощь деревни оставалась недостаточной. На IV пленуме губкома партии отмечалось: «Наша продовольственная помощь, брошенная на места, является каплей в море и очень незначительно облегчила положение и куда мы не приезжали, мы всюду у ВИКов и сельсоветов наблюдали группы крестьян, человек по 40, ведущих разговор о том, когда будет получаться ссуда» [Там же, л. 52]. В одной из волостей Моршанского уезда жителям приходилось идти 17 верст, чтобы получить зерновую ссуду. Если крестьян допускали до распределения семенной ссуды, они предпочитали выдавать её середнякам семьям. По их логике, крепкие хозяйства в отличие от бедняков смогут вернуть долг.

Дети и старики традиционно страдали от голода больше других возрастных категорий. По данным комиссии А. И. Рыкова, до трети голодавших крестьян были детьми [Там же, д. 2671, л. 11]. Тяжелая ситуация наблюдалась в переполненных детских домах. Партийное руководство губернии пыталось по возможности оказать помощь голодающим. Средства для финансирования детских столовых выделяли губернская администрация, общественные и шефские организации, торговые учреждения, Красная армия. По состоянию на 9 мая 1925 года в губернии действовало 12 детских столовых, охватывавших 1200 детей. Этого количества явно не хватало, для питания 100 тысяч детей было нужно дополнительно 500 тысяч рублей, которых не было в бюджете [Там же, л. 11]. Тем не менее к 29 мая количество столовых выросло до 43 с охватом приблизительно 5000 детей.

Получить питание в столовых могли дети с 2 до 14 лет, проживавшие в семьях, признанных голодающими. Один паек в столовой включал в себя полфунта черного хлеба, четверть фунта пшеничной крупы, четверть фунта картофеля, 4 золотника жиров, 4 золотника соли. Всего паек насчитывал 900 калорий [Там же, л. 8]. Получить питание можно было один раз в день.

Кроме детских столовых, создавались «питательные пункты» для взрослых. Но количество этих пунктов было явно недостаточным, так, в Борисоглебском уезде было создано 9 столовых на 264 села [Там же, д. 2647, л. 58]. Сказывалась нехватка оборудования, помещений, топлива и т. д.

23 июля 1925 года на V пленуме губкома партии констатировалось, что «огромная помощь правительства позволила целиком и полностью решить продовольственный вопрос в деревне» [Там же, д. 2641, л. 10]. Правительство выделило губернии свыше 2 миллионов рублей, на которые было приобретено около 1082 тысячи пудов хлеба. От 50 до 70 % хлеба было отпущено для организации масштабных общественных работ.

Организация общественных работ для голодающих крестьян была вынужденной мерой в условиях голода. В большинстве уездов эти работы начались в первых числах июля 1925 года. В Тамбовской партийной организации высказывались мнения, что было бы эффективнее просто раздать хлеб нуждающимся, но победила точка зрения, что это «развратит» крестьянство [Там же, д. 2649, л. 20].

В основном общественные работы включали в себя ремонт дорог, мелиорацию, включавшую в себя устройство прудов и колодцев. В отдельных уездах был выполнен ремонт зданий волисполкомов, изб-читален, велось строительство амбаров. Часто работы были организованы формально и не имели экономического смысла. Например, в Липецком уезде сделали пруд рядом с рекой или просто копали землю. В Моршанском уезде выкопали канаву неизвестно для какой цели [Там же, д. 2641, л. 8]. Крестьяне при этом обычно соглашались на любую работу, только бы получить хлеб.

Всего к 16 июля на общественные работы была затрачена 271 тысяча человеко-дней, что свидетельствовало о широком размахе деятельности. Оплата труда, по мнению крестьян, была недостаточной. Ходили разговоры, что «за белую муку они стали бы работать, а 10 фунтов мало и надо платить больше» [Там же, д. 2649, л. 10]. Нормы оплаты труда различались в зависимости от запасов хлеба и количества желающих крестьян. За день работы крестьянин получал от 5 до 15 фунтов хлеба, женщинам платили вдвое меньше.

Партийное руководство губернии понимало, что значительная часть общественных работ не приносит положительного эффекта. Но главным был факт, что эти работы помогли накормить значительное количество крестьян. К концу июля 1925 года в губернии было построено 316 мостов, 320 гатей, 315 дорог, 297 колодцев, 209 прудов, 390 плотин и т. д. [Там же, л. 12]. Таким образом, была проведена реконструкция деревенской инфраструктуры. Крестьянство по всем доступным источникам выражало благодарность государству за существенную продовольственную поддержку.

Кроме Тамбовской губернии, от недорода в наибольшей степени пострадали Воронежская и Орловская губернии, некоторые регионы Украины. Нехватка продовольствия и употребление в пищу суррогатов наблюдалось по всем зерновым губерниям. Всего от неурожая пострадало 7,8 миллионов крестьян [Зима, 2019, с. 59]. По оценке В. П. Данилова и А. Я. Береловича, в 1923—1924 годах от голода погибли тысячи человек [Советская деревня ..., 1998, с. 14]. Партийные документы этого периода не акцентировали внимание на количестве умерших от голода. Официальные данные о 304 случаях голодной смерти на май 1925 года не отражали реального количества жертв. Косвенные данные позволяют утверждать, что только в Тамбовской губернии во время голода погибло не менее 3 тысяч крестьян. Однако данная проблема нуждается в дополнительном исследовании с привлечением документов ЗАГСов.

По информации на 30 сентября 1925 года, в губернии действовало 100 детских столовых, через которые получили питание около 80 тысяч человек. Всего государственная помощь губернии насчитывала 1188 тысяч пудов хлеба, из них на общественные работы было отпущено 671 467 пудов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2651, л. 3]. Кроме того, крестьяне получили значительную семенную ссуду для посева. Для бюджета губернии было выделено дополнительно 700 тысяч рублей. Значение этой помощи трудно переоценить. Как справедливо отмечал В. Ф. Зима, «впервые крупномасштабный голод удалось предотвратить» [Зима, 2019, с. 62].

3.4. Крестьянские выступления на почве голода

К июню 1925 года настроение крестьянства Козловского уезда оценивалось как «частично озлобленное» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 76]. Население дошло до состояния, близкого к голодному бунту. Селькор с псевдонимом «Подслушивающий» сообщал: «Среди земледельцев села Коптево ходят слухи о том, что скоро слетит Советская власть» [Там же, л. 153]. Голод становится важнейшим фактором, определявшим социально-политические настроения крестьян.

В среде сельского социума поползли самые фантастические слухи: о войне с Болгарией и Германией, о гибели Советской власти и коммунистов и даже о том, что народ скоро будет избирать на престол царя Михаила Федоровича (село Каширки Курдюковской волости) [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 132]. Показательно обращение крестьян к периоду Смутного времени, когда избрание нового царя позволило выйти из кризиса. По этой логике падение коммунистической власти должно было решить проблемы, связанные с голодом.

Крестьяне передавали друг другу сведения, что советская власть существует только в России, а на Кавказе, Украине, в Сибири и в автономных

республиках её нет [Там же, л. 132]. В 1925 году сельчане связывали свои надежды на падение власти большевиков с терактом в Софийском соборе и выбором Гинденбурга президентом Германии. «Молчание» о голоде в прессе делало слухи основным источником информации в деревне.

На почве недоедания начинаются крестьянские выступления. Особую активность в них проявляли женщины, которые толпами осаждали сельские и волостные советы. В Есиповской волости (Борисоглебский уезд) около 40 женщин пришли в ВИК и легли на пол, требуя хлеба. В Токаревской волости во время выдачи пособия крестьяне ворвались в амбар и съели сырым хранившийся там горох. В этой же волости толпы голодающих, требовавших продовольствия, достигали 1000 человек. Селяне прямо заявляли, что если государство сейчас не даст хлеба и если они до будущего урожая останутся живы, то государству не дадут ни одного фунта сельскохозяйственного налога. Крестьяне жаловались, что «руководители власти едят белый хлеб, а нам даже суррогатного хлеба не дают» [Там же, л. 132]. В селе Ивановка население предъявило ультиматум председателю ВИК: если помощь не будет оказана, то люди пойдут громить элеватор [Там же, л. 129]. Хотя призывов к свержению власти не наблюдалось, выступления крестьян носили оппозиционный характер.

Весной 1925 года появилась письменная агитация против власти. В селе Калиновка (Борисоглебский уезд) было обнаружено воззвание следующего содержания: «Обращается голодающее крестьянство к советской власти, и если не дадите помощи нам, то восстанем против, все будем громить, жечь, грабить и возмущать против» [Там же, л. 132]. По мнению ОГПУ, автором данного послания мог стать председатель сельского совета, что свидетельствует о недоверии к местным властям со стороны органов госбезопасности.

В Тамбовском уезде были обнаружены листовки, обращенные к сельчанам, в которых анонимный автор обещал, что «после свержения большевиков сейчас же начнутся выборы в Учредительное собрание. Земля будет отобрана у совхозов и коммун и передана крестьянам. Леса будут опять возвращены крестьянам» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 158]. Акцент был сделан на угнетении русского народа «жидовской» властью. Листовка в целом отражала настроения значительной части сельского социума. Но из документов непонятно, сколько экземпляров было выпущено и как крестьяне отнеслись к данной агитации.

Недовольство создавшимся положением в губернии проникало в армию. Слушатель артиллерийской академии РККА Ширанков в июне 1925 года после получения письма от отца из Панской слободы Козловского уезда подал рапорт начальнику о положении в деревне. Курсант писал: «Несмотря на то,

что голод начался уже три с половиной месяца назад, о нем жители Ленинграда, а может быть, и других городов совершенно не знают. В Ленинграде только вчера были понижены цены на белый хлеб, а “Тамбовские гуси и окорока”, о которых усердно благовестили в Рождество, окончательно заставляют недоумевать и удивляться» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 147]. Описывая ужасы последствий недородов, автор возмущался, почему были забыты заслуги крестьян на фронтах Гражданской войны и власть не оказывает населению должной поддержки. Такого количества нищих крестьян Ширанков не видел даже в 1921 году. Курсант недоумевал по поводу молчания о голоде в прессе. Значительная часть военных, связанных с деревней, была в курсе тяжелого положения крестьянства, но каких-либо антиправительственных выступлений зафиксировано не было.

Неурожаем и голодом обострили отношения внутри крестьянства. По традиции зажиточные были обязаны оказывать помощь беднякам в случае неурожая. В селе Калмыковка (Токаревская волость) сход постановил отобрать хлеб у богатых земледельцев [Там же, л. 129]. Повсеместно крестьяне толпами ходили к кулакам с целью отобрать зерно. В селе Гладышево Тамбовского уезда жители вместе с членами ККОВА забрали у священника 30 пудов хлеба со словами: «Когда у нас будет, тогда отдадим»; кроме того, сельчане конфисковали висевшую на потолке ветчину [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 39]. Аналогичные случаи наблюдались в селе Волконщино Каменской волости, где крестьяне забрали у кулака 100 пудов ржи, в Пановых Кустах у зажиточного мужика «конфисковали» 30 пудов. В селе Казинка Грязненской волости была попытка бедноты организовать поход за «кулацким хлебом» под красным флагом. В селе Гладышево толпа крестьян «вычистила» закрома у местного священника [Совершенно секретно ..., 2002, с. 304]. Подобное поведение укладывается в традиционные обычаи взаимопомощи, которые Дж. Скотт назвал «моральной экономикой» [Скотт, 1992, с. 202—210].

Зажиточным крестьянам подкидывались анонимные письма с требованием поделиться хлебом. Отмечались поджоги домов кулаков, которые не давали милостыню. В Липецком уезде было зафиксировано до 290 пожаров, в которых сгорело до 100 голов скота. Не обошлось и без человеческих жертв: при пожарах погибло 2 старика и 1 женщина [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 132].

Среди голодающего сельского населения наблюдалось две тенденции: взять хлеб у богатых либо требовать его у советской власти. В деревнях Безукладовка, Васильевка и других местах Есиповской волости одни голодающие говорили: «Придется подойти сначала добром за хлебом к богачам, имеющим хлеб», — другие — что «нужно просить

совласть, чтобы она нас отравила газами и без мучения от голода скорей умереть» [Советская деревня ..., 2000, с. 328]. В Кирсановском уезде под давлением голодных толп ВИКи и ККОВы выдавали по 5—8 фунтов ржи на едока [РГАСПИ, ф. 17, оп. 84, д. 741, л. 132]. Но подобные паллиативные меры не срабатывали, так как на следующий день крестьяне приходили снова.

На почве голодовки и неправильного распределения продуктовой помощи участились нападения на представителей власти. Вот наглядный пример, зафиксированный в документах РКП(б). 24 апреля 1925 года в Тамбовском уезде был избит председатель Александровского сельсовета Барабашкин. Нападение совершили два комсомолец, которые обвинили председателя в ошибке при распределении продуктовой помощи [ГАСПИ-ТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 41]. Подобные факты свидетельствовали о недостаточной лояльности к власти даже представителей молодежного союза. В экстремальных условиях выживание оказывалось важнее поддержки курса партии.

В апреле в селе Дуплято-Маслово Знаменской волости были сожжены двор и изба, в которой находилась канцелярия сельского совета. За несколько дней перед пожаром председателю Шепелеву была подкинута записка, в ней содержался список из 36 фамилий, дворы которых будут вскоре сожжены. Следствие установило, что за террористическим актом стояли кулаки, которые склонили закабаленных бедняков к данному преступлению [Там же, л. 39]. Недовольство крестьян обрушивалось в первую очередь на представителей местной власти. При этом, как правило, законность советской власти под сомнение не ставилась.

В строго секретных сводках ОГПУ по Тамбовской губернии констатировалась тенденция развития нищенства среди крестьян. В Шехманской волости количество просящих милостыню выросло с 1 % до 10 %. Целые семейства продавали своё имущество за бесценок и переселялись в Сибирь. Так, в селе Желтые пески Бутырской волости три семьи, продав кирпичную избу за 40 рублей и землю на 7 едоков за 80 рублей, уехали из губернии [Там же, л. 39]. Переселение носило стихийный характер, поэтому даже местные органы власти могли оценить его только приблизительно.

На почве голода возрастает количество социальных девиаций, к примеру, множество крестьянок Козловского уезда выехали в Москву для занятия проституцией. Туда же направлялись крестьяне просить милостыню, затем отправляя семьям в деревню по 12—20 рублей почтовыми переводами [Там же, л. 76]. Наблюдались многочисленные случаи, когда бедняки сжигали свои избы, чтобы получить деньги, которые сразу же продали [Советская деревня ..., 2000, с. 323].

Следствием недостатка продовольствия становятся многочисленные случаи отказа от ведения хозяйства. Масштабы этого явления сильно различались в зависимости от местности. Например, в феврале 1925 года в Борисоглебском уезде размер «заброса» хозяйств колебался с 20 % (Уварово, Мучкап) до 1 % (Павлодар) [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 16].

На почве голода участились кражи продовольствия из амбаров, погребов и домов, печеный хлеб похищали прямо днем. Голод притуплял чувство опасности и соображения морали. Воровство имущества и, прежде всего, еды в этот период носило повсеместный характер.

Общее настроение беднячко-средняцких масс в разгар голода оценивалось как растерянно-подавленное. По всей губернии крестьяне требовали выдать хлеба, угрожая в случае отказа: «Придем в Госторг и кооперативы, выведем из амбаров заведующих, отберем у них ключи и поделим хлеб между собой» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 39]. Упаднические настроения были вызваны трудностями в удовлетворении базовой потребности человека в пище.

3.5. Реакция крестьянства на деятельность государства в период голода

Распространенной идеей среди сельского социума была вера в то, что в Москве не знают о масштабах бедствия, которые якобы скрывались местными чиновниками. 6 мая 1925 года в селе Терновке Борисоглебского уезда были зафиксированы выступления следующего содержания: «Почему коммунисты наши защитники молчат, не сообщают о нашем голодном положении в центр ..., а не то самовольно пойдем в Госбанк, пускай нас тогда стреляют, легче нам умереть от пули, нежели смертью голодной» [Там же, д. 2633, л. 39]. Возмущенные крестьяне требовали, чтобы местные партийцы выполняли свой же лозунг: «Прислушиваться к голосу народа». В селе Пичаево крестьяне говорили о невыполнении курса партии «Лицом к деревне» [Там же, л. 40]. Следовательно, сельчане считали себя вправе требовать помощи у чиновников и партийцев, а в исключительных случаях и прибегать к насилию. Отсутствие поддержки в критической ситуации означало утрату доверия со стороны деревни.

Голод способствовал оживлению патерналистских настроений в крестьянском социуме. Нередко они проявлялись в виде монархических выступлений. В селе Сукмановке, когда ВИК отказался выдать голодающим крестьянам хлеб, толпа начала скандировать: «Давай царя!» [Там же, л. 39]. В селе Кашира Борисоглебского уезда группа крестьян во главе с мельником вела монархическую агитацию [Совершенно секретно ..., 2002, с. 298]. В Мучкапской волости Л. К. Колокольцев утверждал, что в Ленинграде с аэроплана сбросили брошюру, где великий князь Николай Нико-

лаевич обещает дать свободную торговлю, если его изберут президентом [Советская деревня ..., 2000, с. 337]. В середине 1920-х годов значительная часть крестьянства могла сопоставить уровень жизни в годы нэпа с дореволюционным режимом. Часто, особенно во время кризиса, это сравнение было не в пользу советской власти.

Секретные сводки фиксировали улучшение политического настроения зажиточного крестьянства в результате принятия курса «Лицом к деревне». По мнению партийных функционеров, кулачество восприняло это как сигнал к сдаче коммунистической партией своих позиций. Основным проявлением активности становится агитация за «своих» кандидатов при выборах в сельские советы. Довольно распространенным было требование создать советы без коммунистов [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2735, л. 17]. Используя якобы «возмущение против отдельных коммунистов», зажиточные стремились взять под контроль органы местной власти.

Ряд фактов свидетельствовал о стремлении зажиточной части деревни получить политические выгоды из создавшегося положения. В Паново-Кустовской волости был случай, когда кулаки раздавали свой хлеб голодающим по несколько фунтов. Сам процесс сопровождался агитацией: «Не надо было разорять богатых — они бы вам пригодились» [Там же, л. 141].

В целом зажиточное крестьянство не проявляло особой «общинной солидарности» и стремилось использовать голод для укрепления своих экономических позиций. Зажиточные практиковали скупку хлеба, скота, повышение цен на продукты, заключение кабальных трудовых договоров. К июню 1925 года в одной Коптевской волости Тамбовского уезда было зафиксировано 100 незаконных сделок. Нередко за два пуда муки кулаки брали в аренду десятину земли. Впрочем, точных данных по несправедливым сделкам нет, так как большинство из них никак не регистрировались. За незначительное количество продовольствия кулаки скупали инвентарь и рабочий скот. В сводках отмечалось, что многие из зажиточных имели запасы по 200—300 пудов [Там же, л. 73]. По Глазковской волости зажиточные платили беднякам за поденные работы по полфунту зерна в день. Кулаки требовали распределять государственную помощь на общих собраниях граждан, где было легче получить семенные ссуды. Неудивительно, что подобное экономическое поведение зажиточных крестьян вызывало раздражение односельчан, которое выражалось в призывах «пойдем и разграбим».

В 1920-е годы для крестьянских общественно-политических настроений была характерна «зависть» к рабочему классу. Подобное отношение обострялось в периоды голода. Характерны жалобы сельчан: «Рабочие находятся в лучших условиях получая хорошее жалование, а власть катается

в экипажах и автомобилях и едят белый хлеб между тем как мы голодаем» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 40].

Отличительной особенностью крестьянского самосознания было обращение к религии в периоды критических ситуаций. Голод как «пограничная ситуация» способствовал повышению уровня религиозности сельского населения. Большинство жителей деревни, особенно старших возрастов, считали, что «голод — это зависит от Бога, ибо он нас наказал за грехи» [Советская деревня ..., 2000, с. 328]. Крестьяне ходили по полям с иконами и священниками, прося Бога о дожде [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2633, л. 39]. Существенно увеличился процент посещаемости церквей, в том числе и молодежью. Усилилось и баптистское движение. Возросло количество случаев «обновления» икон. В селе Песковатке Липецкого уезда священник заявлял на проповеди: «В одном селе член РКП выбросил икону наружу и даже изломал её, но утром, встав, увидел, что икона стоит на месте, вся новая» [Советская деревня ..., 2000, с. 227].

Иногда религиозное движение захватывало и представителей власти. Так, секретарь сельского совета села Корели Моршанского уезда вел публичную агитацию против избы-читальни. Он выступал против антирелигиозных диспутов, заявляя, что «каждый порядочный крестьянин не сменит Бога на власть» [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 2945, л. 73]. Были и противоположные случаи. В селе Ростоши Борисоглебского уезда местный ВИК решил ночью поджечь колодец, который считался «святым». Сбежавшиеся на тушение крестьяне высказывались резко отрицательно: «Коммунисты не могут ничего предпринять и доказать своё, почему и решаются на такие рискованные поступки» [Там же, л. 73]. Подобные «атаки» на религию, как правило, приводили к обратному результату.

В начале июля 1925 года продовольственное положение в губернии стало постепенно улучшаться. Это было связано с появлением молодого картофеля, зелени. Информационные сводки за июль — август 1925 года отмечают в основном благоприятное отношение крестьян к советской власти [Там же, д. 2633, л. 74]. Во многом этому способствовали благоприятные виды на урожай и обилие осадков. Большинство земледельцев выражали благодарность советской власти за помощь во время голода. В августе 1925 года на беспартийной конференции в Ново-Юрьевской волости типичными были высказывания: «Довольно быть нахлебниками нашего правительства, нужно напрячь все силы и при помощи советской власти поднять своё хозяйство» [Там же, д. 2735, л. 84]. Подавляющее большинство крестьян-прагматиков стремились сохранить своё самостоятельное хозяйство, невзирая на все риски. Вместе с тем сельчане считали, что в трудное время «своя» власть обязана приходить на помощь.

Относительно благоприятные погодные условия и помощь со стороны государства способствовали сокращению масштабов голода. Урожай 1925 года оказался почти в два раза лучше. Если в голодный год валовый урожай всех видов хлебов определялся в 44 миллиона пудов, то в следующем сезоне сбор был 82 миллиона [Там же, д. 3006, л. 91]. Тем не менее продовольственное положение оставалось сложным: наблюдались случаи голодовки, заболевания сыпным тифом и употребления суррогатов. В январе 1926 года на втором губернском пленуме ВКП(б) констатировалась необходимость государственной помощи и ввоза продовольствия. Несколько сгущая краски, Тупицин в докладе о продовольственном положении заявлял: «В нынешнем году положение нашей губернии ни чуть ни лучше прошлогоднего» [Там же, л. 102]. Можно сделать вывод, что при нэповской модели сельского хозяйства были неизбежны периодические голодовки вследствие неурожая.

Партийное руководство снизило ставку сельскохозяйственного налога 1925—1926 годов для губернии на 53 %. Маломощные хозяйства вовсе освобождались от налога. На V пленуме партии отмечалось, что «налог будет необременительным и даст возможность крестьянскому хозяйству идти вперед и развиваться» [Там же, д. 2649, л. 69]. Сельчане, разумеется, положительно восприняли снижение сельскохозяйственного налога на 1925—1926 годы. Но негативный опыт голодовки сказывался на настроениях крестьянства. Прокуратура отмечала распространенные высказывания: «Уплатил налог, а теперь голодный сижу, а власть не помогает. Теперь пусть лучше сажают в тюрьму, а налог платить не буду. В тюрьме хоть хлебом кормят» [Там же, д. 2735, л. 154].

4. Заключение = Conclusions

Причины голода 1924—1925 годов носили комплексный характер. Объективные неблагоприятные погодные условия не позволили собрать достаточное количество урожая. Также хлебозаготовки выкачивали из деревни ресурсы сверх её возможностей. Негативную роль играло стремление местной власти показать, что положение в деревне вполне благополучно.

В результате Гражданской войны произошла архаизация крестьянского хозяйства, что делало его чрезвычайно чувствительным к неблагоприятным погодным условиям. Отрицательное влияние оказывала уравнильно-передельная община, чересполосица, дальнотемелье и низкий уровень агротехники.

Общественно-политические настроения деревни в период голода отличались непостоянством. Мозаичное крестьянское самосознание проявлялось как в вере в помощь со стороны государства, так и в оппозицион-

ных убеждениях. Голод, несомненно, усилил антиправительственные настроения. Недовольные крестьяне были более восприимчивы к антисоветской пропаганде. Объективно повысился уровень религиозности сельского социума. По сравнению с обычным временем ухудшилась криминогенная атмосфера в обществе. Выступления крестьян на почве голода носили локальный характер, поэтому не могли вылиться в серьезное восстание. Масштабная помощь со стороны государства благоприятно повлияла на социально-политические настроения деревни, но сохранилось настороженное отношение к власти, особенно в связи с налоговой политикой.

Фискальная политика советской власти сдерживала развитие крестьянского хозяйства. Прогрессивный характер налогообложения был выгоден в первую очередь беднякам. В то же время середняцкие хозяйства, расширяясь, попадали под тяжелый налоговый гнет. Данная политика не способствовала техническому прогрессу в земледелии.

Помощь государства бедному крестьянству не давала должной отдачи в виде повышения товарности сельского хозяйства. Государственные субсидии просто «проедались», не решая глубинную проблему неэффективности маломощного хозяйства. Таким образом, «фавориты» государства — бедные слои населения — были обречены на постоянное балансирование на грани голода. Противоречия между бедняками и зажиточными свидетельствовали о разложении общинных традиций вследствие продолжавшегося процесса раскрестьянивания.

Масштабная помощь государства деревне не изменила сути антикрестьянской политики советской власти. Стратегический курс на индустриализацию страны за счет села не претерпел серьезных изменений. Для поднятия уровня сельского хозяйства были необходимы капитальные вложения, которые использовались для развития промышленности.

Неурожай 1924—1925 годов затронул весь сельский социум, но в разной степени. Голод сильнее всего отразился на бедняках и маломощных хозяйствах. Средняки и зажиточные могли некоторое время продержаться на прошлогодних запасах. Голод способствовал увеличению конфликтов в деревенской среде. Традиционные эгалитаристские настроения, свойственные крестьянству, получили новый импульс из-за нехватки продовольствия. Стремление бедняков к присвоению зерновых запасов зажиточных явилось предпосылкой к их активному участию в раскулачивании. На рубеже 1920—1930-х годов те же крестьяне под руководством партии и комсомола массово пойдут грабить имущество «кулаков».

Голод 1925 года показал бесперспективность маломощного крестьянского хозяйства в условиях нэпа. В зоне рискованного земледелия недород становился неизбежным в условиях примитивной крестьянской экономи-

ки. Постоянная угроза голода являлась важным элементом пропаганды за коллективное ведение хозяйства. В то же время даже тяжелые условия труда и полуголодное существование не привели к массовому вступлению сельчан в колхозы. Потребовалась резкая эскалация насилия в 1930—1933 годах, чтобы переломить стремление крестьян к индивидуальному способу ведения хозяйства.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСПИТО — *Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области*. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 2633. Лл. 39, 40, 41 ; Д. 2641. Лл. 8, 10 ; Д. 2647. Лл. 48, 50, 52, 57, 58 ; Д. 2649. Лл. 2, 10, 12, 20, 69 ; Д. 2735. Лл. 16, 17, 39, 71, 72, 73, 76, 84, 141, 153, 154, 158 ; Д. 2671. Лл. 8, 11 ; Д. 2906. Лл. 28, 29, 30, 41 ; Д. 2945. Лл. 2, 7, 33, 65, 67, 68, 73, 74 ; Д. 2956. Лл. 24, 26, 27—32, 33, 34 ; Д. 2967. Лл. 102 ; Д. 2961. Лл. 2 ; Д. 3006. Лл. 91, 102.
2. РГАСПИ — *Российский государственный архив социально-политической истории*. Ф. 17. Оп. 84. Д. 740. Лл. 87 ; Д. 741. Лл. 25, 27, 86, 87, 128, 129, 131, 132, 147, 175, 192.
3. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ — НКВД. 1918—1939. Документы и материалы*. В 4-х т. 1923—1929 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук и др., под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — Т. 2. — 864 с. — ISBN 5-86004-184-5.
4. *Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы*. В 4-х т. 1918—1922 гг. / Ин-т рос. истории Рос. академии наук, Дом наук о человеке (Франция), Центр. архив ФСБ Российской Федерации, и др., под ред. А. Береловича, В. Данилова. — Москва : «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — Т. 1. — 864 с. — ISBN 5-86004-184-5.
5. *Совершенно секретно : Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) : Сб. док. В 10 т.* / Ин-т рос. истории РАН и др. — Москва : Ин-т российской истории Российской акад. наук, 2002. — Т. 3. — Ч. 2. — 486 с. — ISBN 5-8055-0092-2.

Литература

1. *Безгин В. Б.* «Приказчики революции» : еврейская молодежь провинции в событиях Гражданской войны (на материалах Тамбовской губернии) / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // *Научный диалог*. — 2022. — Т. 11. — № 9. — С. 301—319. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-319.
2. *Безгин В. Б.* Социально-демографический портрет политкаторжан поколения «революционного перелома» / В. Б. Безгин, К. А. Якимов // *Вестник архивиста*. — 2022. — № 4. — С. 1235—1247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.
3. *Венер М.* Лицом к деревне : советская власть и крестьянский вопрос 1924—1925 гг. / М. Венер // *Отечественная история*. — 1995. — № 9. — С. 86—107.
4. *Вязинкин А. Ю.* Крестьянский традиционализм в годы «революционного перелома» / А. Ю. Вязинкин, К. А. Якимов // *Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки*. — 2022. — Т. 27. — № 5. — С. 1296—1303. — DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303.
5. *Вязинкин А. Ю.* Поколение «революционного перелома» в судьбе русской деревни первой трети XX в. : проблемы историографии / А. Ю. Вязинкин // *Вопросы истории*. — 2022. — № 7—2. — С. 153—165. — DOI: 10.311166/VoprosyIstorii202207Statyi46.

6. *Есиков С. А.* Российская деревня в годы нэпа : К вопросу об альтернативах сталинский коллективизации (по материалам Центрального Черноземья) / С. А. Есиков. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 246 с. — ISBN 978-5-8243-1383-3.

7. *Зима В. Ф.* Продовольственная проблема в СССР на первом этапе новой экономической политики в 1921—1925 гг. / В. Ф. Зима // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2019. — № 3. — С. 51—66. — DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6.

8. *Кокорев И. Е.* Производство крестьянских хозяйств Тамбовской губернии в годы нэпа / И. Е. Кокорев // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. — 2008. — № 7. — С. 366—371.

9. *Кондрашин В. В.* Голод 1932—1933 годов : трагедия российской деревни / В. В. Кондрашин. — Москва : РОССПЭН, 2018. — 566 с. — ISBN 978-5-8243-2273-6.

10. *Котович Т. В.* Витебск. Успенская улица. Комиссар Крылов / Т. В. Котович. — Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2020. — 134 с. — ISBN 978-985-517-404-3.

11. *Левада Ю. А.* Поколения XX века : возможности исследования / А. Ю. Левада // Отцы и дети : Поколенческий анализ современной России. — Москва : Новое литературное обозрение, 2005. — С. 39—60. — ISBN 5-86793-370-9.

12. *Никулин В. В.* Недород 1924 г. В тамбовской деревне и его социально-политические последствия / В. В. Никулин // Тамбовское крестьянство : От капитализма к социализму (вторая половина XIX — начало XX вв.). — Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2000. — Выпуск 3. — С. 159—166.

13. *Сафонов Д. А.* Комсомольцы российской провинции первого призыва : мироощущение и политическая активность / Д. А. Сафонов // История : факты и символы. — 2022. — № 4. — С. 39—57. — DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57.

14. *Слезин А. А.* Сельская молодежь первой трети XX в. и ее влияние на социум в оценках современных исследователей / А. А. Слезин // Вопросы истории. — 2022. — № 8—2. — С. 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Sty132.

15. *Слезин А. А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

16. *Nove A.* An Economic history of the USSR / A. Nove. — New York : Penguin books, 1982. — 429 p.

17. *The economic transformation of the Soviet Union. 1913—1945* / Devies R. W. Mark Harrison, S. G. Wheatcroft. — Cambridge University Press, 1994. — 410 p.

*Статья поступила в редакцию 08.01.2023,
одобрена после рецензирования 08.02.2023,
подготовлена к публикации 23.03.2023.*

Material resources

GASPITO — *State Archive of Socio-political History of the Tambov region.* (In Russ.).
RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History.* (In Russ.).
Soviet village eyes CHEKA—OGPU—NKVD. 1918—1939. Documents and materials. In 4 volumes 1923—1929, 2. (1998). Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN). 864 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).

The Soviet village through the eyes of the CHEKA—OGPU—NKVD. 1918—1939. Documents and materials. In 4 volumes 1918—1922, 1. (1998). Moscow: “Russian Political Encyclopedia” (ROSSPEN). 864 p. ISBN 5-86004-184-5. (In Russ.).

Top secret: Lubyanka to Stalin on the situation in the country (1922—1934): Sat. doc. In 10 t, 3 (2). Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. 486 p. ISBN 5-8055-0092-2. (In Russ.).

References

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). “Clerks of Revolution”: Jewish Youth of Province in Events of Civil War (Tambov Province). *Nauchnyi dialog, 11 (9)*: 301—319. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-9-301-319. (In Russ.).

Bezgin, V. B., Yakimov, K. A. (2022). Socio-demographic portrait of political prisoners of the generation of the “revolutionary turning point”. *Bulletin of the archivist, 4*: 1235—1247. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).

Kokorev, I. E. (2008). Production of peasant farms of the Tambov province during the years of the NEP. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 7*: 366—371. (In Russ.).

Kondrashin, V. V. (2018). *The Famine of 1932—1933: the tragedy of the Russian countryside*. Moscow: ROSSPEN. 566 p. ISBN 978-5-8243-2273-6. (In Russ.).

Kotovich, T. V. (2020). *Vitebsk. Assumption Street. Commissar Krylov*. Vitebsk: Mash-erov VSU. 134 p. ISBN 978-985-517-404-3. (In Russ.).

Levada, Yu. A. (2005). Generations of the twentieth century: research opportunities. In: *Fathers and children: Generational analysis of modern Russia*. Moscow: New Literary Review. 39—60. ISBN 5-86793-370-9. (In Russ.).

Nikulin, V. V. (2000). Nedorod 1924 In the Tambov village and its socio-political consequences. In: *Tambov peasantry: From capitalism to socialism (the second half of the XIX — the beginning of the XX centuries)*, 3. Tambov: Publishing House of TSU named after G. R. Derzhavin. 159—166. (In Russ.).

Nove, A. (1982). *An Economic history of the USSR*. New York: Penguin books. 429 p.

Safonov, D. A. (2022). Komsomol members of the Russian province of the first draft: world perception and political activity. *History: facts and symbols, 4*: 39—57. DOI: 10.24888/2410-4205-2022-33-4-39-57. (In Russ.).

Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog, 11 (8)*: 453—469. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469. (In Russ.).

Slezin, A. A. (2022). Rural youth of the first third of the XX century and its influence on society in the assessments of modern researchers. *Questions of history, 8—2*: 106—128. — DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202208Statyi32. (In Russ.).

The economic transformation of the Soviet Union. 1913—1945. (1994). Cambridge University Press. 410 p.

Vener, M. (1995). Facing the village: Soviet power and the peasant question of 1924—1925. *Russian History, 9*: 86—107. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu. (2022). Generation of “revolutionary turning point” in the fate of the Russian revolution of the first third of the XX century: problems of historiography. *Questions of History, 7—2*: 153—165. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202207Statyi46. (In Russ.).

Vyazinkin, A. Yu., Yakimov, K. A. (2022). Peasant traditionalism in the years of the “revolutionary transition”. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities, 27 (5)*: 1296—1303. DOI: 10.20310/1810-0201-2022-27-5-1296-1303. (In Russ.).

Winter, V. F. (2019). The food problem in the USSR at the first stage of the new economic policy in 1921—1925. *Bulletin of higher educational institutions. Volga region. Humanities*, 3: 51—66. DOI: 10.21685/2072-3024-2019-3-6. (In Russ.).

Yesikov, S. A. (2010). *The Russian Village during the NEP years: On the question of Alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)*. Moscow: ROSSPEN. 246 p. ISBN 978-5-8243-1383-3. (In Russ.).

*The article was submitted 08.01.2023;
approved after reviewing 08.02.2023;
accepted for publication 23.03.2023.*

Корнилов А. А. Британский парламент как центр выработки внешнеполитических решений в период сирийского кризиса (2011—2015 годы) / А. А. Корнилов, Н. С. Лобанова, А. И. Егоров // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 363—384. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-363-384.

Kornilov, A. A., Lobanova, N. S., Egorov, A. I. (2023). British Parliament as Center for Making Foreign Policy Decisions during Syrian Crisis (2011—2015). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 363-384. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-363-384. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-363-384

Британский парламент как центр выработки внешнеполитических решений в период сирийского кризиса (2011—2015 годы)

Корнилов Александр Алексеевич¹

orcid.org/0000-0001-9139-3740

доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежного регионоведения и локальной истории kornilov@imomi.unn.ru

Лобанова Наталья Сергеевна¹

orcid.org/0000-0003-3184-3169

старший преподаватель кафедры иностранных языков и лингвокультурологии n.lobanova77@yandex.ru

Егоров Александр Игоревич²

orcid.org/0000-0001-5967-7858

доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой «Экономика и гуманитарные дисциплины» dr.egoroff-al2012@yandex.ru

¹Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

²Нижегородский государственный технический университет им. П. Е. Алексеева (Нижний Новгород, Россия)

British Parliament as Center for Making Foreign Policy Decisions during Syrian Crisis (2011—2015)

Alexander A. Kornilov¹

orcid.org/0000-0001-9139-3740

Doctor of History, Professor
Head of the Department of Foreign Regional Studies and Local History
kornilov@imomi.unn.ru

Natalia S. Lobanova¹

orcid.org/0000-0003-3184-3169

Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Cultural Linguistics
n.lobanova77@yandex.ru

Alexander I. Egorov²

orcid.org/0000-0001-5967-7858

Doctor of History, Associate Professor
Head of the Department “Economics and Humanitarian Disciplines”
dr.egoroff-al2012@yandex.ru

¹National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

²Nizhny Novgorod State Technical University named after R. E. Alekseev (Nizhny Novgorod, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализирована деятельность Британского парламента по регулированию внешней политики Соединенного Королевства в отношении Сирии в период правления премьер-министра Д. Кэмерона. Актуальность исследования обусловлена тем, что усиление роли парламента, произошедшее в период острой фазы сирийского кризиса, существенным образом влияет на современные тенденции в британской внешней политике. Новизна исследования состоит в том, что сирийский кризис впервые рассматривается как фактор, способствовавший последовательному укреплению роли парламента как центра выработки внешнеполитических решений. Уделяется внимание роли парламента комитетов в определении политики Великобритании на сирийском треке. Исследуются документы Британского парламента с целью выявления позиции парламентариев по отношению к правительственному курсу. Анализируется эволюция британской ближневосточной политики в ходе активной фазы сирийского кризиса. Доказано, что парламента оказывал корректирующее влияние на внешнеполитический курс Великобритании, что подтверждается появлением в этот период значимых функций как у Палаты общин, так и у парламента комитетов. Отмечается, что правительство стремилось заручиться поддержкой парламента для обеспечения легитимности поставок вооружений сирийской оппозиции и проведения военной операции на территории Сирии.

Ключевые слова:

Великобритания; Британский парламента; Ближний Восток; Сирия; сирийский кризис; Дэвид Кэмерон.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The activities of the British Parliament to regulate the foreign policy of the United Kingdom towards Syria during the reign of Prime Minister D. Cameron are analyzed. The relevance of the study is due to the fact that the strengthening of the role of Parliament, which occurred during the acute phase of the Syrian crisis, significantly affects current trends in British foreign policy. The novelty of the study lies in the fact that for the first time the Syrian crisis is considered as a factor that contributed to the consistent strengthening of the role of parliament as a center for making foreign policy decisions. Attention is paid to the role of parliamentary committees in determining the UK's policy on the Syrian track. The documents of the British Parliament are being studied in order to identify the position of parliamentarians in relation to the government course. The evolution of the British Middle East policy during the active phase of the Syrian crisis is analyzed. It is proved that Parliament had a corrective influence on the foreign policy of Great Britain, which is confirmed by the appearance during this period of significant functions, both in the House of Commons and in parliamentary committees. It is noted that the government sought to enlist the support of the parliament to ensure the legitimacy of the supply of weapons to the Syrian opposition and the conduct of a military operation in Syria.

Key words:

Great Britain; British Parliament; Near East; Syria; Syrian crisis; David Cameron.

Британский парламент как центр выработки внешнеполитических решений в период сирийского кризиса (2011—2015 годы)

© Корнилов А. А., Лобанова Н. С., Егоров А. И., 2023

1. Введение = Introduction

Изучение генезиса и развития сирийского политического кризиса, начавшегося волнениями 2011 года, продолжает оставаться в фокусе внимания российских и зарубежных востоковедов, занимающихся странами и процессами на Ближнем Востоке. В событиях затянувшегося на долгие годы сирийского кризиса значительную роль сыграла политика стран Запада, направленная на свержение режима президента Башара Асада, оказавшая мощную поддержку силам сирийской оппозиции в области финансирования, организационной помощи, военного обеспечения. Великобритания занимала в этой политике очень важное место. Правительство Дэвида Кэмерона, находившееся у власти в 2010—2016 годах, приняло целый ряд мер, вплоть до военного вмешательства на территории Сирийской Арабской Республики (САР). Политика правительства должна была обеспечиваться поддержкой избирателей и, что самое важное, парламента, партийных фракций и депутатов. В свою очередь позиция британского парламента в событиях сирийской политики Соединенного Королевства до сих пор остается малоизученной, тогда как именно позиция ключевых комитетов парламента, отвечавших в период острой фазы сирийского кризиса за регулирование правительственной политики, внесла существенные коррективы в процесс выработки и принятия решений по Сирии.

Констатируя усиление влияния парламента и комитета по иностранным делам, авторы поднимают вопрос о причинах обозначившегося политического тренда в Британии. Получить ответ на этот вопрос удалось благодаря успешному поиску, выявлению и введению в научный оборот новых документальных материалов, отражающих деятельность комитета по иностранным делам и результаты пленарных заседаний Палаты общин Британского парламента. Выводам об укреплении роли парламента также способствовали исследования предыдущих лет, посвященные различным аспектам деятельности комитета по иностранным делам в период правления Д. Кэмерона [Корнилов и др., 2021; Корнилов и др., 2022]. Данные исследования позволили выйти на новый уровень интерпретации роли парламентских комитетов в процессе выработки внешнеполитических решений.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Источниковой базой послужили оригинальные документы комитета по иностранным делам, а также другие материалы британского парламента, доступные исследователям на портале этого законодательного учреждения. Данные материалы включают в себя протоколы заседаний комитета по иностранным делам, доклады комитета, официальную переписку членов комитета и правительственных министров, информационно-справочные материалы, подготовленные исследовательской службой Британского парламента, протоколы заседаний Палаты общин (Hansard).

В процессе подготовки статьи авторы также обратились к исследованиям российских и зарубежных авторов. Данные исследования представляют собой монографии, материалы конференций, научные статьи по тематике сирийского кризиса и политики Великобритании в ближневосточном регионе. Получили освещение специфика сирийского конфликта и его религиозно-конфессиональное измерение [Аксенёнок, 2019; Долгов, 2016; Левнер, 2013; Khattab, 2017; Lawson, 2014], роль региональных и внерегиональных игроков и влияние сирийского кризиса на соседние страны [Lawson, 2014; Paust, 2013]. В ряде работ затрагивалось участие Великобритании в сирийском конфликте [Кулькова, 2014; Ковалев, 2018; Набиева, 2017; Joshi, 2015], но эволюции политики в ходе всей активной фазы сирийского кризиса не прослеживалось.

Механизм принятия внешнеполитических решений Великобритании детально описан К. Годованюк, однако в данной работе основной акцент сделан на деятельности институтов исполнительной власти, тогда как роль парламента признана лишь «условной» [Годованюк, 2012]. Среди зарубежных авторов особый интерес представляют публикации Дж. Стронга, исследовавшего полномочия Британского парламента в той их части, которая касается применения вооруженных сил за рубежом и принятия внешнеполитических решений [Strong, 2015a; Strong, 2015b]. Обстоятельное описание военных полномочий парламента и их эволюции было представлено Р. Джозефом [Joseph, 2011]. Особо необходимо отметить книгу британского конституционалиста А. В. Дэйси, в которой представлена трактовка таких ключевых для данного исследования понятий, как «иммунитет монарха», «королевская прерогатива», «конституционная конвенция» [Dacey, 1982]. Однако в этих и других исследованиях не уделялось должного внимания роли парламентарских комитетов в выработке и принятии внешнеполитических решений.

В ходе исследования использовался сравнительно-исторический метод, был проведен диахронный анализ для выявления последовательных изменений позиции Великобритании по Сирии и отношения к правительственному курсу парламентариев. Авторы использовали историко-гене-

тический метод для выявления факторов и причин, способствовавших укреплению роли парламента как центра выработки внешнеполитических решений. Использовался также метод исторической индукции, который позволил авторам сделать необходимые обобщения и выводы на основе собранной группы фактов, а именно — парламентских событий 2011—2015 годов, касавшихся сирийского кризиса.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

В начале второго десятилетия XXI века Ближний Восток захлестнула волна протестов, оказавших дестабилизирующее воздействие на весь регион. В ряде государств были свергнуты режимы, в других правящие элиты смогли удержаться у власти благодаря проведению реформ и предоставлению финансовой помощи населению. Еще в январе 2011 года властям Сирии казалось, что египетский и тунисский сценарии в их стране были маловероятными [Khattab, 2017, p. 162]. В интервью «The Wall Street Journal» сирийский лидер Б. Асад заявил, что его страну вряд ли затронут протесты, так как политика правительства отвечала интересам народа: были проведены экономические реформы, планировались демократические преобразования [Interview ..., 2011]. Однако после начала массовых выступлений в марте 2011 года Сирия довольно быстро погрузилась в пучину гражданской войны.

3.1. Британские национальные интересы в сирийском кризисе

Практически с самого начала сирийский кризис был «интернационализован» [Аксенёнок, 2019]. В нем переплелись интересы как региональных держав, таких как Турция, Иран, Израиль, Саудовская Аравия, так и государств, находившихся далеко за пределами региона: России, Соединенных Штатов, Франции, Великобритании. Частично сталкивающиеся, частично совпадающие интересы множества вовлеченных сторон делали конфликт затяжным, трудноразрешимым и кровопролитным. Как отмечал известный российский арабист Б. В. Долгов, именно внешние факторы, такие как поддержка вооруженной оппозиции, использование сирийского конфликта внешними силами для реализации своих стратегических целей, и явились «главными причинами продолжающегося кризиса» [Долгов, 2016, с. 81].

Каковы же были интересы Великобритании в этом регионе? Официально объявленными целями Соединенного Королевства являлись защита демократии и прав человека в Сирии [Unrest ..., 2011, p. 7] и оказание помощи в разрешении гуманитарного кризиса [Syria ..., 2012, p. 35]. Высказывались также опасения по поводу возникновения очага нестабильности в Сирии и распространения конфликта на соседние страны, в том числе союзников Великобритании на Ближнем Востоке [In Brief ..., 2011,

р. 3]. Вызывало обеспокоенность элит и участие в конфликте британских граждан, которые вступали в ряды экстремистских группировок и могли представлять угрозу национальной безопасности Великобритании по возвращении из Сирии [Oral ..., 2013, p. 4].

Однако, как пишет О. С. Кулькова, декларируемые Великобританией цели значительным образом отличались от ее реальных устремлений. Соединенное Королевство было, несомненно, заинтересовано в сохранении влияния на страны ближневосточного региона, контроле над нефтегазовыми месторождениями и нефтяными потоками, проходящими по территории Сирии, а также участии в урегулировании сирийского кризиса на выгодных для себя условиях. В этих целях Великобритания проводила довольно активную политику на сирийском треке. Усилия Великобритании, действовавшей в ходе сирийского кризиса в фарватере Вашингтона, были направлены на укрепление геополитических позиций стран Запада и ослабление влияния незападных акторов, таких как Россия и Иран. Соединенное Королевство также стремилось к формированию после ухода Б. Асада «нового, подконтрольного Западу, правительства из оппозиционеров, которое способствовало бы защите британских интересов в стране» [Кулькова, 2014, с. 441].

3.2. Поддержка сирийской оппозиции

В конфликте правящего режима с повстанцами Соединенное Королевство сразу заняло сторону недовольных властью, решительно осудив применение насилия и заявив, что режим Б. Асада полностью дискредитировал себя агрессией по отношению к гражданскому населению. В мае 2011 года против сирийского руководства были введены санкции. 6 февраля 2012 года Великобритания «в знак протеста против подавления сирийскими властями выступлений оппозиции» [Великобритания ..., 2012] отозвала главу посольства в Дамаске, демонстрируя надежду на скорую смену режима в Сирии. 1 марта Соединенное Королевство полностью закрыло посольство, пообещав продолжать оказывать дипломатическое давление на сирийский режим [The Syrian ..., 2012, p. 24].

24 февраля 2012 года Британское правительство признало базировавшийся в Стамбуле Сирийский национальный совет «законным представителем» [УК ..., 2012] сирийского народа, а в ноябре 2012 года выступило с официальным признанием Национальной коалиции оппозиционных и революционных сил Сирии, целью которой являлось свержение правящего режима. Абсолютной поддержкой Великобритании пользовалась и группа «Друзей Сирии», созданная по инициативе Лиги арабских государств для обеспечения мирной демократической передачи власти оппозиционным силам. Из Лондона вещал оппозиционный сирийский канал «Барада», там же базировался Сирийский центр мониторинга соблюдения прав человека.

Следует отметить, что сирийской оппозиции оказывалась не только дипломатическая, но и значительная финансовая поддержка.

Однако, несмотря на существенную поддержку, оппозиционные силы так и не стали единым целым. Как утверждает британский эксперт и палестинский (в прошлом) дипломат Е. Сайиг, оппозиция была «расколота» и оказалась неспособна «сформулировать четкую стратегию по осуществлению демократической передачи власти» [Sayigh, 2012]. Постоянное политическое соперничество между внешней и внутренней оппозицией обострило противоречия между оппозиционными силами и не позволило им выступить единым фронтом.

В конце февраля 2013 года, после смягчения Евросоюзом эмбарго на поставки оружия в Сирию, правительство Великобритании приняло решение увеличить техническое содействие повстанцам, а также обеспечить поставки нелетальной военной техники и бронированных автомобилей. Согласно британскому законодательству, передача транспортных средств и оборудования должна была быть согласована с Британским парламентом. Это позволяло правительству воспользоваться «иммунитетом монарха», принципом, что монарх или, иными словами, правительство «не может действовать неправомерно» [Dicey, 1982, p. 417], и обойти закон об экспорте вооружений 2002 года. Комитет по иностранным делам, комитет по обороне и комитет по контролю над экспортом вооружений были обязаны в течение 14 дней заявить, что не возражают против передачи техники сирийским оппозиционным силам [Syria: The EU ..., 2013, p. 9].

После получения обращения правительства по данному вопросу комитет по иностранным делам под руководством консерватора Ричарда Оттавея принял решение направить письмо министру иностранных дел Великобритании Уильяму Хейгу, чтобы прояснить позицию правительства по поставкам вооружений и техническому содействию сирийской оппозиции. Как явствует из письма, Ричарда Оттавея интересовали следующие вопросы: создает ли сирийский кризис угрозу национальной безопасности Великобритании, каковы правовые основы политики британского правительства, планирует ли правительство информировать парламент об изменении своей позиции по Сирии? В ответном письме У. Хейг заверил Р. Оттавея, что в условиях жесточайшего гуманитарного кризиса, распространения терроризма и экстремизма в Сирии помощь британского правительства повстанцам являлась «необходимой, пропорциональной и законной» [Letter ..., 2013]. У. Хейг также сообщил, что британское правительство выступало за полное снятие эмбарго на поставки вооружений сирийской оппозиции. Забегая вперед, следует сказать, что под давлением Франции и Великобритании [Syria: The EU ..., 2013, p. 6] эмбарго ЕС было полностью снято в конце мая 2013 года.

Согласно протоколам заседаний, комитет по иностранным делам парламента 2010—2015 годов рассматривал вопрос передачи техники и оборудования сирийским повстанцам на шести заседаниях: в марте, апреле и июле 2013 года, феврале и июне 2014 года и в марте 2015 года. Необходимо также упомянуть, что в 2013 году комитет одобрил поставки оборудования и вооружений в Иорданию, где Великобританией и Соединенными Штатами была организована тренировочная база для сирийских повстанцев [Borger et al., 2013], а в 2013, 2014 и 2015 годах — в Ливан для поддержки правительственных сил в борьбе с терроризмом и экстремизмом.

Таким образом, с начала 2013 года у парламента появилась значимая функция одобрения поставок оборудования, военной техники и оказания технического содействия поддерживаемым Великобританией оппозиционным группам и союзникам. Данная функция позволяла парламентским комитетам осуществлять более строгий контроль над проводимой правительством внешней политикой. Тот факт, что согласования проводились публично, а решения комитетов и переписка были опубликованы на сайте Британского парламента, позволяет сделать вывод, что процедура принятия решений была прозрачной и понятной избирателям. Более того, процедура одобрения поставок являлась для правительства Д. Кэмерона определенным сдерживающим фактором, так как она требовала строгого соблюдения законодательства и детального разъяснения парламентариям позиции британского правительства. В то же время поддержка парламента позволяла правительству легитимировать поставки вооружений и оказание технической помощи сирийской оппозиции даже в условиях сохранявшегося эмбарго.

3.3. Попытка вооруженного вмешательства

Кроме поставки техники и вооружений, Соединенное Королевство было готово предпринять и другие, более решительные шаги. В ноябре 2012 года Британия впервые заявила, что «не исключает вооруженного вмешательства» [Britain ..., 2012] в сирийский конфликт. Из всех возможных сценариев наиболее вероятным считалось нанесение ограниченных ракетно-бомбовых ударов в коалиции с Соединенными Штатами. Однако без санкции Совета Безопасности ООН легитимность применения силовых мер была под вопросом.

В отсутствие резолюции Совета Безопасности ООН Великобританией рассматривались иные способы обеспечения легитимности военной операции в Сирии. Так, многие эксперты отмечали, что международному сообществу следовало вмешаться, чтобы «остановить массовые нарушения прав человека и преступления против человечности» [Intervention ..., 2013, p. 7], особенно в свете применения в Сирии химического оружия. Такой подход диктовала концепция «ответственность по защите», получившая

«единодушное одобрение» [Evans, 2011, p. 36] в ООН на Всемирном саммите 2005 года. Однако, несмотря на популярность данной концепции «в международном дипломатическом дискурсе» [Thakur, 2016, p. 423], она так и не стала нормой международного права и не могла обеспечить легитимность планируемой гуманитарной интервенции. Приглашение оппозиции, пусть и признанной странами Запада, не в меньшей мере ставило законность вооруженного иностранного вмешательства под сомнение. Военное вмешательство в целях самообороны могло быть осуществлено только в случае непосредственной угрозы национальной безопасности Великобритании. Существование же такой угрозы в случае применения химического оружия в Сирии против сирийцев было легко оспорить. Наконец, экспертами рассматривалась возможность коллективной самообороны для защиты члена НАТО Турции, подвергавшейся артиллерийским обстрелам со стороны Сирии [Paust, 2013, p. 435]. Однако столкновения в приграничных районах серьезной угрозой для Турции не стали. Таким образом, обеспечить легитимность применения силовых мер в Сирии без резолюции Совета Безопасности ООН не представлялось возможным.

Тем не менее после очередной химической атаки, осуществленной 21 августа 2013 года в Восточной Гуте и унесшей жизни нескольких сотен человек [Syria chemical ..., 2013], правительство Д. Кэмерона предприняло попытку получить у парламента мандат на проведение военной операции в Сирии. Правительство Великобритании интерпретировало планируемое военное вмешательство как гуманитарную интервенцию, целью которой было «облегчить последствия гуманитарной катастрофы, возникшей в результате применения химического оружия» [Chemical ..., 2013]. В отличие от предыдущих атак использование химического оружия 21 августа в Восточной Гуте было подтверждено экспертами ООН, однако резолюции Совета Безопасности, санкционирующей применение силы в Сирии, не последовало.

Парламентарии были вызваны с летних каникул, заседание Палаты общин по данному вопросу было назначено на 29 августа 2013 года. Результат голосования в Британском парламенте ошеломил многих: правительство Д. Кэмерона потерпело поражение. «За» проголосовали 272 члена Палаты общин, «против» — 285. Причем «против» голосовали не только члены оппозиционной Лейбористской партии, но и 31 консерватор и 10 либерал-демократов [Hansard ..., 2013], представлявших партии правящей коалиции. Д. Кэмерон попросту не смог заручиться их поддержкой. Что же предопределило такой исход голосования?

Первой и наиболее очевидной причиной являлось то, что парламентарии ставили под сомнение легитимность инициирования военной операции отдельно взятой страной без санкции СБ ООН. Члены Палаты общин

отдавали себе отчет, что поддержка парламентом гуманитарной операции могла создать опасный прецедент и привести к изменению норм международного права. Следует отметить, что тема легитимности планируемой военной операции поднималась во всех без исключения информационно-справочных материалах, подготовленных исследовательской службой Британского парламента для заседания 29 августа, что, очевидно, демонстрирует, насколько важной эта проблема была для депутатов. Вывод исследовательской службы парламента был однозначным: позиция британского правительства по проведению гуманитарной интервенции без резолюции Совета Безопасности ООН не поддерживалась ни большинством стран, ни специалистами по международному праву [Conditions ..., 2013, p. 8].

Еще одна причина поражения Д. Кэмерона состояла в том, что британское правительство не сумело привести прямых доказательств вины режима Б. Асада в химических атаках, осуществленных 21 августа 2013 года [Набиева, 2017, с. 66]. В докладе Объединенного разведывательного комитета Соединенного Королевства — полуторастраничного документа, представленного парламентариям, — заявлялось, что на основании разведанных, данных из открытых источников и мнений экспертов комитет пришел к выводу о том, что не было «никакого другого правдоподобного сценария» [Syria: reported ..., 2013], кроме использования химического оружия сирийским режимом. Из доклада следовало, что комитету не удалось с точностью установить, в чем состояла целесообразность проведения столь масштабной атаки именно в тот момент, однако выражалась уверенность, что режим Б. Асада «с большой долей вероятности» [Ibid.] был к ней причастен. Столь неубедительный доклад вызывал закономерные вопросы у членов парламента. Ситуация сильно напоминала голосование по вторжению в Ирак в 2003 году, когда парламентариям также не предоставили всей информации, а разведанные были намеренно искажены. В итоге многие депутаты чувствовали себя обманутыми и были не готовы поддержать еще одну военную операцию на Ближнем Востоке. Вызывала вопросы и эффективность применения силы в ходе вооруженной операции. Перед парламентариями были печальные примеры военных операций Британии и ее союзников в Афганистане, Ираке и Ливии, принесшие в ближневосточный регион хаос и нестабильность.

Наконец, немаловажной для народных избранных была позиция британского общества. Следует отметить, что граждане Соединенного Королевства не поддерживали военное вмешательство в сирийский конфликт. Оказалось, что применение химического оружия против повстанцев не стало для общественности «красной линией» [Intervention ..., 2013, p. 11], несмотря на муссирование этой темы в СМИ. Более того, граждане

Великобритании были настроены против любых форм вмешательства, от поставок оборонительного вооружения сирийской оппозиции до введения бесполетной зоны и применения британских ракет для уничтожения сирийской военной инфраструктуры. Согласно данным опроса, опубликованного в августе 2013 года на сайте YouGov, единственное, что британские граждане готовы были поддержать, — это отправку гуманитарной помощи гражданскому населению и поставки защитного снаряжения для сражавшейся против Б. Асада оппозиции [Jordan, 2013].

Важнейшим итогом голосования в Палате общин стало усиление роли парламента как института, принимающего решение по применению вооруженных сил за рубежом. Говоря о военных полномочиях Британского парламента, необходимо отметить, что премьер-министр не нуждается в одобрении внешнеполитических решений или применения вооруженных сил законодательной властью. Королевская прерогатива, определяемая известным британским конституционалистом А. Дэйси как «оставшаяся часть изначальной власти монарха, ... используемая либо самим королем, либо его министрами» [Dicey, 1982, p. 282], позволяет премьер-министру руководить вооруженными силами без оглядки на законодательную власть [Joseph, 2011, p. 2]. Тем не менее в последнее время премьер-министры были вынуждены добиваться одобрения парламентом крупных военных операций за рубежом. К этому их обязывала политическая конвенция, сложившаяся в начале XXI века. Под «конвенциями» мы будем понимать «обычаи, практики, принципы или предписания, которые, не будучи принятыми в качестве законов или признанными судами, составляют не свод законов, а основу конституционной и политической этики» [Dicey, 1982, p. 277].

Начало данной конвенции было положено Т. Блэром во время голосования в Палате общин по вторжению в Ирак в 2003 году. Затем, в 2011 году конвенция была закреплена Д. Кэмероном в ходе голосования по Ливии. Следует упомянуть, что с правовой точки зрения ни Блэр, ни Кэмерон не обязаны были проводить голосование в парламенте, однако это было необходимо для обеспечения легитимности обеих военных операций [Strong, 2015b, p. 604]. Отказ парламента санкционировать применение британских вооруженных сил в Сирии в 2013 году рассматривался многими экспертами как дальнейшее укрепление роли парламента в этом вопросе. Эксперты были склонны полагать, что в будущем любое значительное размещение войск за рубежом было бы невозможно без обращения к парламенту [Parliamentary ..., 2018, p. 8]. Необходимо отметить, что, несмотря на обещания правительства закрепить конвенцию на законодательном уровне, этого сделано не было. Однако она упоминалась в Руководстве кабинета мини-

стров Великобритании от 2011 года, своде законов, конвенций и правил работы правительства [The Cabinet ..., p. 44].

Таким образом, участие парламента в принятии решений о проведении военных операций привело к более тщательному рассмотрению правительственных инициатив, что, в свою очередь, препятствовало политическому авантюризму лидеров и могло положительным образом сказаться на качестве принимаемых решений. Премьер-министры знали, что им будет необходимо обосновывать свое решение перед критически настроенными, хорошо информированными и обладающими авторитетом парламентариями [Strong, 2015a, p. 1125]. Все это приводило к более взвешенной и более осторожной политике. Наконец, необходимость заручиться одобрением парламента для проведения военной операции способствовала демократизации процесса принятия внешнеполитических решений. Однако, кроме положительных тенденций, вызванных большей вовлеченностью парламента во внешнеполитические вопросы, можно отметить и ряд проблем, обнажившихся после голосования в августе 2013 года. Во-первых, следует констатировать высокую степень недоверия парламентариев к предъявляемым разведанным и к правительству в целом [Strong, 2015a, p. 1132—1133]. Во-вторых, зависимость правительства от решений парламента делала внешнеполитический курс Соединенного Королевства более непредсказуемым и снижала уровень надежности Великобритании как союзника. Так, после голосования в Британском парламенте и Конгрессе США, и Французский парламент проголосовали против начала операции в Сирии.

3.4. Борьба с террористическими формированиями

В 2014 году сирийский конфликт претерпел коренные трансформации, приобретая «все больший конфессиональный оттенок» [Левнер, 2013]. Борцы за права и свободы граждан, представлявшие светскую оппозицию, «уступили место радикальным исламистам различного толка» [Lawson, 2014, p. 1351]. Сирия превратилась в арену, где опосредованно развернулось противоборство суннитской Саудовской Аравии и шиитского Ирана. Как пишет Б. В. Долгов, «поддержка внешними силами вооруженной сирийской оппозиции, представленной, в основном, исламистскими группировками, и присутствие в их рядах тысяч джихадистов со всего мира стимулировали возникновение в Сирии очага радикального исламизма» [Долгов, 2016, с. 81], а в дальнейшем способствовали формированию в Сирии и Ираке «Исламского государства» (ИГ¹) и его экспансии в ближневосточном регионе.

---

1 Запрещенная в РФ террористическая организация.

К середине 2014 года террористы группировки «Исламское государство»¹, отколовшейся от «Аль-Каиды»², заняли иракский Мосул, а также, воспользовавшись хаосом в Сирии, захватили значительную территорию на востоке этой страны и объявили сирийский город Ракку столицей созданного ими квазигосударства, Исламского халифата. Правительство Ирака на основании Стратегического рамочного соглашения об отношениях дружбы и сотрудничества между Соединенными Штатами Америки и Республикой Ирак от 2008 года, содержащего положения о сотрудничестве в области обеспечения безопасности [Strategic ..., p. 3], обратилось к Соединенным Штатам и их союзникам за помощью в борьбе с ИГ³. Великобритания, несмотря на «отсутствие аппетита к интервенциям» [Bush ..., 2014], операцию Соединенных Штатов поддержала.

Угроза, представляемая террористической группировкой «Исламское государство»⁴, хорошо осознавалась не только правительством Великобритании, но и членами Британского парламента, который 26 сентября 2014 года одобрил начало бомбардировок по позициям террористов в Ираке абсолютным большинством голосов. «Против» проголосовало только 43 депутата при 524 голосовавших «за». Такое единодушие возможно объяснить следующими факторами:

— военная операция воспринималась как легитимная, так как проводилась по просьбе правительства Ирака,

— в ходе голосования было заявлено, что британские сухопутные войска не будут принимать участие в операции, а миссия ограничится нанесением авиаударов,

— общественное мнение склонялось в пользу операции после публикации видеороликов, демонстрировавших казнь боевиками ИГ⁵ пленных из западных стран [Key ..., p. 113].

Впоследствии партнеры по коалиции приняли решение расширить территорию операции, однако Великобритания к бомбардировкам по Сирии не присоединилась. Тем не менее после терактов в Тунисе в июне 2015 года, в ходе которых погибли 30 британских граждан, и премьер-министр, и правительственные чиновники стали все чаще говорить о необходимости расширения британской военной миссии [Parliamentary ..., 2018, p. 33]. Вновь вернуться к вопросу о вооруженном участии Великобритании в сирийском конфликте Д. Кэмерону пришлось в конце 2015 года, после

1 Запрещенная в РФ террористическая организация.

2 Запрещенная в РФ террористическая организация.

3 Запрещенная в РФ террористическая организация.

4 Запрещенная в РФ террористическая организация.

5 Запрещенная в РФ террористическая организация.

начала операции российских Воздушно-космических сил, когда расстановка сил стала меняться, а США и их союзники «решили перейти к более активным действиям» [Ковалев, 2018, с. 98].

3 ноября 2015 года в попытке повлиять на позицию британского правительства и предотвратить использование вооруженных сил в Сирии комитет по иностранным делам под руководством члена Консервативной партии Криспина Бланта опубликовал доклад под названием «Расширение британской наступательной военной операции на территорию Сирии». Такой шаг противоречил установившейся практике работы комитета. Как правило, в докладах комитета по иностранным делам политика правительства обсуждалась «постфактум», подвергались критике принятые правительством решения, давались рекомендации. Данный доклад больше напоминал открытое письмо, адресованное премьер-министру, в котором комитет требовал предоставить ответы на вопросы по планируемой сирийской военной операции до проведения голосования в парламенте. В докладе была детально изложена позиция комитета. Члены комитета были убеждены, что в отсутствие четкой стратегии военная операция будет неэффективной, не принесет победы над ИГ¹ и лишь отвлечет внимание от более важной задачи — урегулирования конфликта, который являлся одной из основных причин роста терроризма и экстремизма в Сирии [The extension ..., 2015, p. 4].

Ответ Д. Кэмерона был скрупулезным. Премьер-министр, известный как искусный оратор, прилагал все усилия, чтобы убедить и комитет, и парламент в необходимости военного вмешательства. В составленном им меморандуме «Исламское государство»² было обозначено как прямая угроза национальной безопасности Великобритании, борьба с которой, по словам премьер-министра, требовала «комплексного» [Memorandum ..., 2015, p. 1] подхода — искоренения радикализма в самой Британии и борьбы с ИГ³ в его истоке. В меморандуме были даны ответы на все вопросы, поставленные комитетом. По мнению научного сотрудника Королевского Объединенного института оборонных исследований Ш. Джоши, данный меморандум являл собой не «сомнительное досье» [Joshi, 2015], а вполне разумную стратегию.

Что не менее важно, позиция Д. Кэмерона была подкреплена происходившими в ноябре 2015 года событиями. Во-первых, после террористических атак в Париже 13 ноября 2015 года общественное мнение все более склонялось в пользу операции (согласно данным опроса, опубликованного

1 Запрещенная в РФ террористическая организация.

2 Запрещенная в РФ террористическая организация.

3 Запрещенная в РФ террористическая организация.

на сайте YouGov, 59 % британцев высказалось за расширение географии авиаударов [Dahlgreen, 2015]). Во-вторых, 20 ноября 2015 года была принята резолюция 2249 Совета Безопасности ООН [Security ..., 2015], разрешающая применение силы против боевиков «Исламского государства»¹ и других террористических группировок в Сирии. Кроме того, 14 ноября на встрече в Вене с участием представителей региональных и глобальных игроков были достигнуты договоренности о политическом урегулировании в Сирии. В этих условиях итоги голосования в парламенте, состоявшегося 2 декабря 2015 года, были весьма предсказуемы. Военная операция была одобрена: «за» проголосовали 397 депутатов, «против» — 223.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, в ходе активной фазы сирийского кризиса роль Британского парламента значительно возросла, о чем свидетельствовало появление у членов Палаты общин значимых функций:

— одобрение поставок оборудования, военной техники и оказания технического содействия поддерживаемым Великобританией оппозиционным группам и союзникам;

— санкционирование применения британских вооруженных сил за рубежом;

— парламентская публикация как упреждение: вышеназванный доклад по расширению военного вмешательства в Сирии можно рассматривать как прецедент «упреждающей аналитики», как серьезное институциональное предупреждение от парламента кабинету министров.

Эти функции возникли, поскольку правительству крайне важна была поддержка парламента для обеспечения легитимности действий, что, в свою очередь, приводило к необходимости поиска компромисса и учета мнения парламентариев при выработке внешнеполитических решений.

Укрепились и позиция профильных комитетов Британского парламента, что позволяло парламентариям осуществлять более строгий контроль над деятельностью соответствующих министерств и ведомств правительства Великобритании. Проводимые публично заседания комитетов, инициируемые ими расследования, публикуемые доклады и переписка с правительственными чиновниками являлись сдерживающими факторами, препятствовавшими политическому авантюризму и приводившими к более взвешенной, осторожной политике правительства на сирийском треке.

Возрастание роли парламента как центра принятия внешнеполитических решений обусловило большую предсказуемость британской внешней

---

1 Запрещенная в РФ террористическая организация.

политики для международного сообщества и значительное снижение уровня надежности Великобритании как безоговорочного союзника США. Тем не менее парламент не был способен коренным образом изменить внешнеполитический курс Соединенного Королевства. Скорее, можно сделать вывод о коррекции парламентом правительственного курса в сторону большей приверженности дипломатии, уважения роли международных институтов и соблюдения норм международного права.

Источники и принятые сокращения

1. *Великобритания* отозвала своего посла из Дамаска [Электронный ресурс] // Vesti RU. — 2012. — 6 февраля. — Режим доступа : <https://www.vesti.ru/article/1940880> (дата обращения 21.10.2022).

2. *Borger J.* West training Syrian rebels in Jordan [Electronic resource] / J. Borger, N. Hopkins // *The Guardian*. — 2013. — 8 March. — Access mode : <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/08/west-training-syrian-rebels-jordan> (accessed 22.10.2022).

3. *Britain could intervene in Syria within months — top UK general* [Electronic resource] // RT. — 2012. — 11 November. — Access mode : <https://www.rt.com/news/syria-uk-military-intervention-468/> (accessed 22.10.2022).

4. *Bush and Blair's hubris in Iraq means the West is now powerless to act against a genuine threat* [Electronic resource] // *The Independent*. — 2014. — 13 June. — Access mode : <https://www.independent.co.uk/voices/editorials/bush-and-blair-s-hubris-in-iraq-means-the-west-is-now-powerless-to-act-against-a-genuine-threat-9532391.html> (accessed 22.10.2022).

5. *Chemical weapon use by Syrian regime — UK Government legal position* [Electronic resource] // UK Government. — 2013. — 29 August. — Access mode : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/235098/Chemical-weapon-use-by-Syrian-regime-UK-government-legal-position.pdf (accessed 23.10.2022).

6. *Conditions for using force in humanitarian intervention* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06716/SN06716.pdf> (accessed 23.10.2022).

7. *Dahlgreen W.* Syria air strike approval drops below 50 % as Labour support falls [Electronic resource] / W. Dahlgreen // YouGov. — 2015. — 2 December. — Access mode : <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2015/12/01/support-air-strikes-dips-below-majority> (accessed 24.10.2022).

8. *Hansard.* Syria and the Use of Chemical Weapons. Division 70 : held on Thursday 29 August 2013 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://hansard.parliament.uk/Commons/2013-08-29/division/13082928001474/SyriaAndTheUseOfChemicalWeapons?outputType=Party> (accessed 24.10.2022).

9. *In Brief:* Syria [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06134/SN06134.pdf> (accessed 25.10.2022).

10. *Intervention in Syria* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06714/SN06714.pdf> (accessed 25.10.2022).

11. *Interview With Syrian President Bashar al-Assad* [Electronic resource] // *Wall Street Journal*. — 2011. — 31 January. — Access mode : <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703833204576114712441122894> (accessed 25.10.2022).

12. *Jordan W.* Send medicine to Syria, not guns or soldiers [Electronic resource] / W. Jordan // YouGov. — 2013. — 25 August. — Access mode : <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2013/08/25/send-medicine-syria-not-guns-or-soldiers> (accessed 25.10.2022).

13. *Key issues for the 2015 Parliament* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7189/CBP-7189.pdf> (accessed 26.10.2022).

14. *Letter from the Foreign Secretary, dated 20 April* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/foreign-affairs/130420-SoS-on-Syria.pdf> (accessed 27.10.2022).

15. *Memorandum to the Foreign Affairs Select Committee : Prime Minister's Response to the Foreign Affairs Select Committee's Second Report of Session 2015—16 : The Extension of Offensive British Military Operations to Syria* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/foreign-affairs/PM-Response-to-FAC-Report-Extension-of-Offensive-British-Military-Operations-to-Syria.pdf> (accessed 28.10.2022).

16. *Oral evidence : The crisis in Syria and the impact upon its neighbours* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <http://data.parliament.uk/writtenevidence/WrittenEvidence.svc/EvidencePdf/4345> (accessed 02.11.2022).

17. *Parliamentary approval for military action* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7166/CBP-7166.pdf> (accessed 03.11.2022).

18. *Security Council resolution 2249 (2015)* [Electronic resource] // UN Security Council. — Access mode : https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2249.pdf (accessed 03.11.2022).

19. *Strategic Framework Agreement for a Relationship of Friendship and Cooperation between the United States of America and the Republic of Iraq* [Electronic resource] // U.S. Embassy in Iraq. — Access mode : https://iq.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/245/se_sfa.pdf (accessed 04.11.2022).

20. *Syria : no end in sight. Research paper 12/48* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP12-48/RP12-48.pdf> (accessed 5.11.2022).

21. *Syria : reported chemical weapons use. Joint Intelligence Committee letter* [Electronic resource] // UK Government. — Access mode : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/235094/Jp_115_JD_PM_Syria_Reported_Chemical_Weapon_Use_with_annex.pdf (accessed 06.11.2022).

22. *Syria : The EU embargo and moves to arm the opposition* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06593/SN06593.pdf> (accessed 07.11.2022).

23. *Syria chemical attack : What we know* [Electronic resource] // BBC News. — 2013. — 24 September. — Access mode : <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-23927399> (accessed 7.11.2022).

24. *Syria : The legality of arming the rebels after the lifting of the EU arms embargo* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06667/SN06667.pdf> (accessed 08.11.2022).

25. *The Cabinet Manual* [Electronic resource] // UK Government. — Access mode : https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/60641/cabinet-manual.pdf (accessed 11.11.2022).

26. *The extension* of offensive British military operations to Syria. Second Report of Session 2015—16 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://publications.parliament.uk/pa/cm201516/cmselect/cmfa/457/457.pdf> (accessed 12.11.2022).

27. *The Syrian crisis* — Update May 2012 [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06271/SN06271.pdf> (accessed 15.11.2022).

28. *UK boosts Syria opposition ties, William Hague reveals* [Electronic resource] // BBC News. — 2012. — 24 February. — Access mode : <https://www.bbc.com/news/uk-17157497> (accessed 15.11.2022).

29. *Unrest spreads to Syria* [Electronic resource] // UK Parliament. — Access mode : <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05928/SN05928.pdf> (accessed 16.11.2022).

Литература

1. *Аксенёнок А.* Сирийский кризис : тернистое движение от войны к миру [Электронный ресурс] / А. Аксенёнок // Россия в глобальной политике. — 2019. — 27 августа. — Режим доступа : <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-vojni-k-miru/> (дата обращения 21.10.2022).

2. *Годованок К. А.* Механизм принятия внешнеполитических решений Великобритании / К. А. Годованок // Обозреватель. — 2012. — № 2. — С. 81—91.

3. *Долгов Б.* Сирийский кризис и радикальный исламизм / Б. Долгов // Россия и мусульманский мир : Научно-информационный бюллетень / РАН. ИНИОН. Центр науч.-информ. исслед. глобальных и региональных проблем. — 2016. — № 7 (289). — С. 81—107.

4. *Ковалев И. Г.* “Ударить сверх возможностей” : Великобритания в вооруженных конфликтах XXI века / И. Г. Ковалев // Актуальные проблемы Европы. — 2018. — № 2. — С. 81—102.

5. *Корнилов А. А.* Обсуждение палестино-израильского конфликта в комитете Британского Парламента по иностранным делам (2014 год) / А. А. Корнилов, Н. С. Лобанова, О. Р. Жерновая // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 2. — С. 437—462. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-437-462.

6. *Корнилов А. А.* Политические дискуссии 2013 года в комитете по иностранным делам Британского Парламента по вопросу ядерной проблемы Ирана / А. А. Корнилов, Н. С. Лобанова // Научный диалог. — 2021. — № 5. — С. 384—398. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-384-398.

7. *Кулькова О. С.* Политика Британии в отношении Ливии, Мали и Сирии / О. С. Кулькова // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / под ред. Ал. А. Громько (отв.ред.), Е. В. Ананьевой. — Москва : Весь мир, 2014. — С. 421—450. — ISBN 978-5-7777-0566-2.

8. *Левнер Д. М.* Положение сирийских христиан в условиях гражданской войны [Электронный ресурс] / Д. М. Левнер // Институт Ближнего Востока. — 2013. — 29 мая. — Режим доступа : <http://www.iimes.ru/?p=17561> (дата обращения 23.10.2022).

9. *Набиева Р. А. К.* Сирийский вопрос в британском парламенте / Р. А. К. Набиева // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма : история и современность : сборник научных статей. — Санкт-Петербург : Элексис, 2017. — Ч. III. — С. 64—70. — ISBN 978-5-9909911-5-6.

10. *Dicey A. V.* Introduction to the Study of the Law of the Constitution / A. V. Dicey. — Indianapolis : Liberty/Classics, 1982. — 435 p.

11. *Evans G.* Interview : The R2P Balance Sheet After Libya [Electronic resource] / G. Evans // *The Responsibility to Protect : Challenges & Opportunities in Light of the Libyan Intervention / e-International Relations*. — 2011. — Pp. 34—42. — Access mode : <https://www.e-ir.info/publication/the-r2p-challenges-and-opportunities-in-light-of-the-libyan-intervention/#comment-37850> (accessed 01.11.2022).

12. *Joseph R.* *The War Prerogative : History, Reform and Constitutional Design*. PhD thesis / R. Joseph. — Oxford University, UK, 2011. — 222 p.

13. *Joshi Sh.* Sound Strategy or Dodgy Dossier? Cameron's Case for Syria Strikes [Electronic resource] / Sh. Joshi // *RUSI*. — 2015. — 26 November. — Access mode : <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/sound-strategy-or-dodgy-dossier-camerons-case-syria-strikes> (accessed 03.11.2022).

14. *Khattab L.* Re-imagining the 'State' in Syria During the First Year of the Uprising (2011—2012) / L. Khattab // *The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism*. — New York : Palgrave Macmillan, 2017. — Pp. 157—185. — DOI: 10.1057/978-1-137-57177-9_8.

15. *Lawson F.* Syria's mutating civil war and its impact on Turkey, Iraq and Iran / F. Lawson // *International Affairs*. — 2014. — № 90 (6). — Pp. 1351—1365. — DOI: 10.1111/1468-2346.12173.

16. *Paust J.* Use of military force in Syria by Turkey, NATO and the United States / J. Paust // *University of Pennsylvania Journal of International Law*. — 2013. — Vol. 34. — № 2. — Pp. 431—466.

17. *Sayigh Y.* The Coming Tests of the Syrian Opposition [Electronic resource] / Y. Sayigh // *Carnegie Endowment for International Peace*. — 2012. — 19 April. — Access mode : <https://carnegieendowment.org/2012/04/19/coming-tests-of-syrian-opposition/acqs> (accessed 04.11.2022).

18. *Strong J.* Interpreting the Syria vote : parliament and British foreign policy / J. Strong // *International Affairs*. — 2015a. — Vol. 91. — № 5. — Pp. 1123—1139. — DOI: 10.1111/1468-2346.12401.

19. *Strong J.* Why Parliament Now Decides on War : Tracing the Growth of the Parliamentary Prerogative through Syria, Libya and Iraq / J. Strong // *The British Journal of Politics and International Relations*. — 2015b. — Vol. 17. — № 4. — Pp. 604—622. — DOI: 10.1111/1467-856X.12055.

20. *Thakur R.* The Responsibility to Protect at 15 / R. Thakur // *International Affairs*. — 2016. — Vol. 92. — № 2. — Pp. 415—434. — DOI: 10.1111/1468-2346.12557.

*Статья поступила в редакцию 20.02.2023,
одобрена после рецензирования 03.03.2023,
подготовлена к публикации 25.03.2023.*

Material resources

Borger, J. (2013). West training Syrian rebels in Jordan. *The Guardian*. 8 March. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2013/mar/08/west-training-syrian-rebels-jordan> (accessed 22.10.2022).

Britain could intervene in Syria within months — top UK general. (2012). *RT*. 11 November. Available at: <https://www.rt.com/news/syria-uk-military-intervention-468/> (accessed 22.10.2022).

Bush and Blair's hubris in Iraq means the West is now powerless to act against a genuine threat. (2014). *The Independent*. 13 June. Available at: <https://www.independent>.

- co.uk/voices/editorials/bush-and-blair-s-hubris-in-iraq-means-the-west-is-now-powerless-to-act-against-a-genuine-threat-9532391.html (accessed 22.10.2022).
- Chemical weapon use by Syrian regime — UK Government legal position. (2013). *UK Government. 29 August*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/235098/Chemical-weapon-use-by-Syrian-regime-UK-government-legal-position.pdf (accessed 23.10.2022).
- Conditions for using force in humanitarian intervention. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06716/SN06716.pdf> (accessed 23.10.2022).
- Dahlgreen, W. (2015). Syria air strike approval drops below 50 % as Labour support falls. *YouGov. 2 December*. Available at: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2015/12/01/support-air-strikes-dips-below-majority> (accessed 24.10.2022).
- Great Britain recalled its ambassador from Damascus. (2012). *Vesti RU. February 6*. Available at: <https://www.vesti.ru/article/1940880> (accessed 21.10.2022). (In Russ.).
- Hansard. Syria and the Use of Chemical Weapons. (2013). Division 70: held on Thursday 29 August. *UK Parliament*. Available at: <https://hansard.parliament.uk/Commons/2013-08-29/division/13082928001474/SyriaAndTheUseOfChemicalWeapon?outputType=Party> (accessed 24.10.2022).
- In Brief: Syria. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06134/SN06134.pdf> (accessed 25.10.2022).
- Intervention in Syria. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06714/SN06714.pdf> (accessed 25.10.2022).
- Interview With Syrian President Bashar al-Assad. (2011). *Wall Street Journal. 31 January*. Available at: <https://www.wsj.com/articles/SB10001424052748703833204576114712441122894> (accessed 25.10.2022).
- Jordan, W. (2013). Send medicine to Syria, not guns or soldiers. *YouGov. 25 August*. Available at: <https://yougov.co.uk/topics/politics/articles-reports/2013/08/25/send-medicine-syria-not-guns-or-soldiers> (accessed 25.10.2022).
- Key issues for the 2015 Parliament. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7189/CBP-7189.pdf> (accessed 26.10.2022).
- Letter from the Foreign Secretary, dated 20 April. *UK Parliament*. Available at: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/foreign-affairs/130420-SoS-on-Syria.pdf> (accessed 27.10.2022).
- Memorandum to the Foreign Affairs Select Committee: Prime Minister's Response to the Foreign Affairs Select Committee's Second Report of Session 2015—16: The Extension of Offensive British Military Operations to Syria. *UK Parliament*. Available at: <https://www.parliament.uk/globalassets/documents/commons-committees/foreign-affairs/PM-Response-to-FAC-Report-Extension-of-Offensive-British-Military-Operations-to-Syria.pdf> (accessed 28.10.2022).
- Oral evidence: The crisis in Syria and the impact upon its neighbours. *UK Parliament*. Available at: <http://data.parliament.uk/writtenevidence/WrittenEvidence.svc/EvidencePdf/4345> (accessed 2.11.2022).
- Parliamentary approval for military action. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/CBP-7166/CBP-7166.pdf> (accessed 3.11.2022).
- Security Council resolution 2249 (2015). *UN Security Council*. Available at: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_res_2249.pdf (accessed 3.11.2022).

- Strategic Framework Agreement for a Relationship of Friendship and Cooperation between the United States of America and the Republic of Iraq. *U.S. Embassy in Iraq*. Available at: https://iq.usembassy.gov/wp-content/uploads/sites/245/se_sfa.pdf (accessed 4.11.2022).
- Syria: no end in sight. Research paper 12/48. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/RP12-48/RP12-48.pdf> (accessed 5.11.2022).
- Syria: reported chemical weapons use. Joint Intelligence Committee letter. *UK Government*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/235094/Jp_115_JD_PM_Syria_Reported_Chemical_Weapon_Use_with_annex.pdf (accessed 6.11.2022).
- Syria: The EU embargo and moves to arm the opposition. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06593/SN06593.pdf> (accessed 7.11.2022).
- Syria: The legality of arming the rebels after the lifting of the EU arms embargo. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06667/SN06667.pdf> (accessed 8.11.2022).
- Syria chemical attack: What we know. (2013). *BBC News*. 24 September. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-23927399> (accessed 7.11.2022).
- The Cabinet Manual. *UK Government*. Available at: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/60641/cabinet-manual.pdf (accessed 11.11.2022).
- The extension of offensive British military operations to Syria. Second Report of Session 2015—16. UK Parliament. Available at: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201516/cmselect/cmfaff/457/457.pdf> (accessed 12.11.2022).
- The Syrian crisis — Update May 2012. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN06271/SN06271.pdf> (accessed 15.11.2022).
- UK boosts Syria opposition ties, William Hague reveals. (2012). *BBC News*. 24 February. Available at: <https://www.bbc.com/news/uk-17157497> (accessed 15.11.2022).
- Unrest spreads to Syria. *UK Parliament*. Available at: <https://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05928/SN05928.pdf> (accessed 16.11.2022).

References

- Aksenenok, A. (2019). The Syrian crisis: thorny movement from war to peace. *Russia in Global politics*. August 27. Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/sirijskij-krizis-ternistoe-dvizhenie-ot-voyny-k-miru/> (accessed 21.10.2022). (In Russ.).
- Dacey, A. V. (1982). *Introduction to the Study of the Law of the Constitution*. Indianapolis: Liberty/Classics. 435 p.
- Dolgov, B. (2016). The Syrian crisis and radical Islamism. *Russia and the Muslim world: Scientific Information Bulletin / RAS. INION. The center of scientific-inform. research. global and regional problems*, 7 (289): 81—107. (In Russ.).
- Evans, G. (2011). Interview: The R2P Balance Sheet After Libya. *The Responsibility to Protect: Challenges & Opportunities in Light of the Libyan Intervention / e-International Relations*. 34—42. Available at: <https://www.e-ir.info/publication/the-r2p-challenges-and-opportunities-in-light-of-the-libyan-intervention/#comment-37850> (accessed 1.11.2022).
- Godovanyuk, K. A. (2012). The mechanism of making foreign policy decisions of Great Britain. *Obozrevatel*, 2: 81—91. (In Russ.).

- Joseph, R. (2011). *The War Prerogative: History, Reform and Constitutional Design*. PhD thesis. Oxford University, UK. 222 p.
- Joshi, Sh. (2015). Sound Strategy or Dodgy Dossier? Cameron's Case for Syria Strikes. *RUSI*. 26 November. Available at: <https://rusi.org/explore-our-research/publications/commentary/sound-strategy-or-dodgy-dossier-camersons-case-syria-strikes> (accessed 3.11.2022).
- Khattab, L. (2017). Re-imagining the 'State' in Syria During the First Year of the Uprising (2011—2012). In: *The Arab Spring, Civil Society, and Innovative Activism*. New York: Palgrave Macmillan. 157—185. DOI: 10.1057/978-1-137-57177-9_8.
- Kornilov, A. A., Lobanova, N. S., Zhernovaya, O. R. (2022). Discussion of Palestinian-Israeli Conflict in British Parliament Foreign Affairs Committee (2014). *Nauchnyy dialog*, 11 (2): 437—462. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-2-437-462. (In Russ.).
- Kornilov, A. A., Lobanova, N. S. (2021). 2013 Political Discussions in Foreign Affairs Committee of British Parliament on Iranian Nuclear Issue. *Nauchnyy dialog*, 5: 384—398. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-5-384-398. (In Russ.).
- Kovalev, I. G. (2018). "To strike beyond the possibilities": Great Britain in the armed conflicts of the XXI century. *Actual problems of Europe*, 2: 81—102. (In Russ.).
- Kulkova, O. S. (2014). British policy towards Libya, Mali and Syria. In: *Britain's dilemmas. Search for ways of development*. Moscow: The Whole World. 421—450. ISBN 978-5-7777-0566-2. (In Russ.).
- Lawson, F. (2014). Syria's mutating civil war and its impact on Turkey, Iraq and Iran. *International Affairs*, 90 (6): 1351—1365. DOI: 10.1111/1468-2346.12173.
- Levner, D. M. (2013). *The situation of Syrian Christians in the conditions of civil war*. Institute of the Middle East. May 29. Available at: <http://www.iimes.ru/?p=17561> (accessed 23.10.2022). (In Russ.).
- Nabieva, R. A. K. (2017). The Syrian question in the British Parliament. In: *Tauride Readings 2016. Actual problems of parliamentarism: history and modernity: collection of scientific articles, III*. St. Petersburg: Elexis. 64—70. ISBN 978-5-9909911-5-6. (In Russ.).
- Paust, J. (2013). Use of military force in Syria by Turkey, NATO and the United States. *University of Pennsylvania Journal of International Law*, 34 (2): 431—466.
- Sayigh, Y. (2012). *The Coming Tests of the Syrian Opposition*. Carnegie Endowment for International Peace. 19 April. Available at: <https://carnegieendowment.org/2012/04/19/coming-tests-of-syrian-opposition/acqs> (accessed 4.11.2022).
- Strong, J. (2015a). Interpreting the Syria vote: parliament and British foreign policy. *International Affairs*, 91 (5): 1123—1139. DOI: 10.1111/1468-2346.12401.
- Strong, J. (2015b). Why Parliament Now Decides on War: Tracing the Growth of the Parliamentary Prerogative through Syria, Libya and Iraq. *The British Journal of Politics and International Relations*, 17 (4): 604—622. DOI: 10.1111/1467-856X.12055.
- Thakur, R. (2016). The Responsibility to Protect at 15. *International Affairs*, 92 (2): 415—434. DOI: 10.1111/1468-2346.12557.

*The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 03.03.2023;
accepted for publication 25.03.2023.*

Мамяченков В. Н. Потребление продуктов питания и непродовольственных промтоваров колхозниками Башкирии в 1946—1950 годах / В. Н. Мамяченков, В. П. Мотревич, А. Л. Анисимов // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 385—401. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-385-401.

Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P., Anisimov, A. L. (2023). Consumption of Food and Non-Food Manufactured Goods by Collective Farmers of Bashkiria in 1946—1950. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 385-401. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-385-401. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-385-401

Потребление продуктов питания и непродовольственных промтоваров колхозниками Башкирии в 1946— 1950 годах

Мамяченков Владимир Николаевич¹

orcid.org/0000-0001-6070-8746

доктор исторических наук, профессор
кафедры государственного
и муниципального управления
mamyachenkov@mail.ru

Мотревич Владимир Павлович²

orcid.org/0000-0002-1184-3631

доктор исторических наук, профессор
кафедры истории государства и права
vladimir.motrevich@mail.ru

Анисимов Андрей Леонидович¹

orcid.org/0000-0002-5787-3975

кандидат экономических наук, доцент
кафедры конкурентного права
и антимонопольного регулирования
13051957@bk.ru

¹ Уральский государственный
экономический университет»
(Екатеринбург, Россия)

² Уральский государственный
юридический университет
(Екатеринбург, Россия)

Consumption of Food and Non-Food Manufactured Goods by Collective Farmers of Bashkiria in 1946—1950

Vladimir N. Mamyachenkov¹

orcid.org/0000-0001-6070-8746

Doctor of History, Professor,
Department of State
and Municipal Administration
mamyachenkov@mail.ru

Vladimir P. Motrevich²

orcid.org/0000-0002-1184-3631

Doctor of History, Professor,
Department of the History of State and Law
vladimir.motrevich@mail.ru

Andrey L. Anisimov¹

orcid.org/0000-0002-5787-3975

PhD in Economy, Associate Professor,
Department of Competition Law
and Antimonopoly Regulation
13051957@bk.ru

¹ Ural State University of Economics
(Yekaterinburg, Russia)

² Ural State Law University
(Yekaterinburg, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изучаются вопросы обеспечения колхозных семей Башкирской АССР продуктами питания и непродовольственными промышленными товарами в первом послевоенном пятилетии. Актуальность исследования обусловлена нерешенностью до настоящего времени проблемы научно обоснованного и сбалансированного потребления населением данных товаров. Источниковой базой послужили материалы бюджетных обследований населения, которые в нашей стране имеют давнюю историю. Используются материалы фондов двух архивов, часть из которых никогда не публиковалась и имеет признаки научной новизны. Утверждается, что главными продуктами питания в башкирской деревне в первые послевоенные годы были картофель, молоко и хлеб с некоторым добавлением овощей и мясопродуктов. Констатируется, что большая часть денег, отведенных на покупку промтоваров, тратилась на приобретение готовой одежды, обуви, тканей и штучных изделий из них, а также мыла и спичек. Акцентируется внимание на том, что денежная реформа 1947 года резко снизила доходы колхозников Урала. Доказывается, что в исследованном периоде уровень обеспечения колхозных семей Башкирской АССР продуктами питания и непродовольственными промышленными товарами был существенно ниже научно обоснованных норм их потребления.

Ключевые слова:

колхозники; бюджетные обследования; Башкирия; продукты питания; непродовольственные промышленные товары.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The problems of providing collective farm families of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic with food and non-food industrial goods in the first post-war five-year period are studied. The relevance of the study is due to the unresolved problem of scientifically based and balanced consumption of these goods by the population to date. The source base for writing the article was the materials of budget surveys of the population, which have a long history in our country. Materials from the funds of two archives, some of which have never been published and have signs of scientific novelty were used. It was alleged that the main foodstuffs in the Bashkir village in the first post-war years were potatoes, milk and bread with some addition of vegetables and meat products. It is stated that most of the money allocated for the purchase of manufactured goods was spent on the purchase of ready-made clothes, shoes, fabrics and piece goods from them, as well as soap and matches. Attention is focused on the fact that the monetary reform of 1947 sharply reduced the income of collective farmers in the Urals. It is proved that in the period under study the level of provision of collective farm families of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic with food and non-food industrial goods was significantly lower than the scientifically based norms for their consumption.

Key words:

collective farmers; budget surveys; Bashkiria; Food; non-food industrial products.

УДК 94(47).084.8+94:330.567.222/223(470.57)“1946/1950”

Потребление продуктов питания и непродовольственных промтоваров колхозниками Башкирии в 1946—1950 годах

© Мамяченков В. Н., Мотревич В. П., Анисимов А. Л., 2023

1. Введение = Introduction

Продукты питания и непродовольственные промтовары, как известно, относятся к товарам так называемого повседневного спроса, по объему и качеству потребления которых судят об уровне социально-экономического развития государства в целом. Поэтому обеспечение потребностей населения в вышеупомянутых товарах на достаточном, научно обоснованном уровне всегда (пусть даже формально) входило в число приоритетных задач советского государства. Естественно, что в первые послевоенные годы данная задача стояла перед властями со всей остротой. Причем это в полной мере относилось и к Башкирии, точнее — Башкирской Автономной Советской Социалистической Республике (БАССР), образованной в 1919 году в качестве первой национальной автономии в России и просуществовавшей в этом статусе до 1990 года.

В наши дни исследование проблем роста благосостояния населения по-прежнему является важным направлением исследований и экономистов, и социологов, и, конечно, историков. В современной Российской Федерации интерес ученых-обществоведов к данной проблематике, как нам представляется, в известной мере был спровоцирован еще одним обстоятельством. Мы имеем в виду следующий факт: в принятую в 1993 году Конституцию страны *впервые* была включена статья 7, которая провозгласила, что Россия — это «<...> социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [Конституция ..., 1993]. Упомянутая статья полностью сохранилась и в новой редакции Конституции [Конституция ..., 2020]. Характерно, что в Конституции СССР 1936 года подобной статьи не было — вместо этого в главе X в статьях 118—128 просто предлагался перечень различных прав и свобод советских граждан [Кукушкин, 1987].

Настоящая статья посвящена потреблению продуктов питания и приобретению непродовольственных промышленных товаров (далее — НПТ) колхозниками Башкирии в первом послевоенном пятилетии (1946—1950 годы). Выбор именно колхозного крестьянства в качестве объекта исследования объясняется тем, что данная категория населения на про-

тяжени длительного времени являлась самой крупной по численности. Например, в Башкирии в 1939 году из 896 тыс. человек, работающих в сельском хозяйстве, 824 тыс. (92 %) были колхозниками [Мотревич, 2002, с. 38]. Добавим еще, что даже в 1959 году колхозники составляли 57,2 % всего сельского населения СССР [Абдулин, 1973, с. 7] и 51,9 % — сельского населения Урала [Уральская ..., 2000, с. 296]. Что касается временного интервала, то вряд можно спорить с тем, что первые послевоенные годы остались в истории башкирского крестьянства (и не только его) как наиболее тяжелые годы в смысле материального обеспечения, сравниться с которыми могут только годы войны.

Основными источниками при создании настоящей статьи стали архивные материалы бюджетных обследований, которые проводились в Советском Союзе еще со времен Гражданской войны — с 1919 года. Данные материалы изучались нами в Российском государственном архиве экономики (РГАЭ) и Государственном архиве Свердловской области (ГАСО). Историкам хорошо известно, что упомянутые материалы представляют для них практически идеальный источник. В подтверждение сошлемся на известную исследовательницу крестьянского быта О. М. Вербицкую, которая отмечала, что материалы бюджетных обследований крестьянских семей являются наиболее «беспристрастными» и «адекватными» [Вербицкая, 1992, с. 15]. Добавим к сказанному, что обработка указанных материалов позволяет в полной мере реконструировать уровень обеспечения колхозных семей (и не только их) продуктами питания и непродовольственными товарами. Подчеркнем, что именно использование архивных статистических материалов обеспечивает любому научному исследованию элемент новизны.

Относительно научной литературы по исследуемой нами проблеме следует сказать, что публикаций, посвященных потреблению колхозниками Башкирии продуктов питания и непродовольственных товаров, не так много. К таким трудам следует отнести прежде всего два исследования одного из авторов настоящей статьи [Мамяченков, 2002; Мамяченков, 2020]. Кроме того, определенный объем информации по исследуемой проблеме содержится в трудах Н. М. Ахмадиевой [Ахмадиева, 2000], П. Г. Воробьева [Воробьев, 1958], Г. Ш. Илишева [Илишев, 1982], С. Г. Масалимова [Масалимов, 2003], Р. П. Толмачевой [Толмачева, 1979], В. П. Мотревича [Мотревич, 1993]. Данной темы также касаются исследователи в трудах общего плана [Волков, 1972; Данилов, 1972; Материально-бытовое ..., 1981; Материальное ..., 1988; Островский, 1967; Развитие ..., 1972].

Настоящая статья, как представляется ее авторам, послужит еще одним вкладом в разработку вышеупомянутой проблемы.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Не будет открытием сказать, что уровень потребления продовольствия населением Башкирии, как и всего Советского Союза, в первую послевоенную пятилетку определялся тяжкими последствиями только что закончившейся Великой Отечественной войны. Несмотря на глубоко тыловое расположение Башкирской АССР, общее падение сельскохозяйственного производства коснулось и ее, причем снижение довольно значительное. Вот конкретные цифры: с 1940 по 1945 годы поголовье лошадей в республике сократилось с 524 до 227 тыс. голов (на 57 %), свиней — с 210 до 94 (55 %), овец и коз — с 2230 до 1327 (40 %), крупного рогатого скота (далее — КРС) — с 925 до 826 (11 %) [Мотревич, 1993, с. 155, 159, 166, 169 (расчеты авторов)].

Сильный удар война нанесла по личным подсобным хозяйствам (далее — ЛПХ) населения и подсобным хозяйствам промышленных предприятий. В этом секторе поголовье лошадей снизилось за годы войны с 46 до 17 тыс. голов (на 63 %), овец и коз — с 1419 до 890 (37 %), свиней — с 60 до 49 (19 %). Правда, поголовье КРС удалось не только сохранить, но и даже несколько приумножить — с 561 до 619 тыс. голов (на 10 %) [Там же, с. 155—157, 159—161, 166—168, 169—171 (расчеты авторов)].

Конечно, такое серьезное падение поголовья скота не могло не сказаться на качестве питания населения, в том числе — колхозного крестьянства. С целью анализа динамики потребления колхозниками Башкирии продуктов питания в первом послевоенном пятилетии мы составили таблицу (табл. 1).

Мы намеренно поделили все потребленные колхозниками продукты на «основные» и «прочие», чтобы проще было наглядно увидеть, чем в основном питались колхозники в тяжелые послевоенные годы. Нетрудно заметить, что главными продуктами в деревне в это время были картофель, молоко и хлеб с некоторым добавлением овощей и мясopодуlков. Прочие же продукты в рационе колхозников не играли серьезной роли ввиду абсолютной мизерности их потребления. Вторым важным моментом является то, что по таблице не прослеживается каких-либо серьезных изменений в структуре питания на протяжении всего исследуемого периода и также не видно серьезной позитивной динамики потребления.

Исключение здесь составляет разве что потребление сахара, но это как раз неудивительно: один из авторов данной статьи еще в 2002 году в своей монографии отметил резкое потребление этого продукта в первые послевоенные годы во всех регионах Урала, причем даже еще более значительное, чем в Башкирии. Например, в Свердловской области с 1947 по 1948 годы потребление сахара возросло на порядок. Основной же причиной были резко увеличившиеся масштабы самогоноварения [Мамяченков,

Таблица 1

Среднедушевое потребление продуктов питания
колхозниками Башкирии в 1946—1950 годах, кг

Наименование продуктов	Годы				
	1946	1947	1948	1949	1950
Основные продукты					
Картофель	580	453	525	628	511
Молокопродукты	182	192	200	202	110*
Мука ржаная и пшеничная	79	63	64	69	61
Хлеб ржаной и пшеничный	0,57	0,38	4,6	6,4	4,3*
Овощи и бахчевые (включая кормовые)	44	52	49	25	28
Мясо и сало	8,6	10,1	10,6	14,5	7,5*
Соль	7,0	8,5	8,0	9,3	5,5*
Прочие продукты					
Фрукты, ягоды, виноград (свежие, соленые, сушеные и т. д.)	0,40	1,3	1,1	0,35	1,3*
Мед пчелиный	0,90	0,51	0,45	1,04	0,56*
Рыба (в том числе консервы)	0,43	0,62	0,57	0,64	0,26*
Масло растительное	0,05	0,09	0,07	0,04	0,04
Сахар и сахарный песок	0,03	0,02	0,28	0,64	3,0*
Кондитерские изделия	0,03	0,03	0,09	0,33	0,4*
Вермишель, лапша, макароны	0,09	—	0,01	0,04	0,01*
Колбаса	0,02	0,02	0,01	0,01	0,01*
Яйца, шт.	16	16	15	18	11*
Чай натуральный, г	43	36	35	75	65*
Водка, л	0,34	0,29	0,12	0,24	0,34*
Прочие алкогольные напитки, руб.	0,47	0,17	0,52	0,33	0,22*

* Данные за второе полугодие.

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, лл. 21, 39, 108, 124; д. 2228, лл. 48, 65, 133, 150; д. 2663, лл. 31, 48, 116, 133; д. 3177, лл. 30, 48, 116, 133; д. 3714, лл. 31, 65, 133, 150 (расчеты авторов)].

2002, с. 14]. При этом потребление «магазинных» алкогольных напитков колхозниками Башкирии (табл. 1) находилось более чем в пределах общепринятых норм.

Оценивая таблицу 1 в целом и сравнивая приведенные в ней цифры с рациональными (то есть научно обоснованными) нормами потребления (табл. 2), следует отметить, что колхозники Башкирии в первые после-

военные, как и в военные, годы жили впроголодь. (Кстати, упомянутые нами и приведенные в таблице 2 рациональные нормы появились в СССР только в 1960-х годах). Действительно, практически по любому продукту питания, представленному в таблице 1, мы наблюдаем значительное недопотребление. Особенно это касается фруктов и ягод, овощей и бахчевых, мясо- и рыбопродуктов, яиц. Не говоря уже о том, что колхозники Башкирии в военные и послевоенные годы практически не пробовали такие продукты, как кондитерские изделия, колбасы, кофе и многие другие.

Исключение составлял только картофель, но вряд ли это можно считать позитивным явлением: колхозники потребляли его в количествах, в разы превышающих все разумные пределы. Тем не менее можно сказать, что именно картофель явился «спасителем» колхозной деревни в исследуемые нами годы. Но вот что касается значительного потребления соли, то здесь мы можем только предложить свою гипотезу. Она сводится к тому, что колхозники покупали ее в значительных количествах, как всякий дефицитный товар, с целью возможного обмена.

Таблица 2

Рациональные (научные) нормы потребления продуктов питания
в СССР в 1960-х годах, кг / год / душу

Наименование продуктов	Рациональные нормы потребления
Хлеб, крупы и макаронные изделия	120
Картофель	95
Овощи и бахчевые	164
Фрукты и ягоды свежие	110
Сахар	40—44
Мясопродукты	90—100
Рыбопродукты	16
Молокопродукты	481
Масло растительное и другие жиры	10
Яйца, шт.	365

Источник: [Матюха, 1967, с. 129].

Исследовательский опыт авторов данной статьи позволяет утверждать, что положение колхозных семей в Башкирии было наихудшим на всем Урале. Действительно, даже в самой северной уральской территории — Молотовской (в наши дни Пермской) области — колхозники в исследуемом периоде питались в целом лучше. Например, они потребляли значительно больше хлебопродуктов, овощей и бахчевых, рыбопродуктов, яиц. Так, в 1948 году потребление ими муки и хлеба составило более 150,

а овощей и бахчевых — более 90 кг [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, лл. 35, 120 (расчеты авторов)]. Тем не менее и этого было недостаточно, о чем говорят жалобы пермских колхозников в вышестоящие органы власти. Например, колхозница Никифорова (дер. Чернушки) в декабре 1948 года писала в Совет по делам колхозов о том, что после уплаты всех налогов и осуществления поставок «<...> остались без хлеба многие селения», «<...> скот идет под нож» и пыталась убедить власть предрержащих в том, что «государству нет никакого интереса свое население доводить до истощения и лохмотьев» [Попов, 1992, с. 55—56].

Интересно также сравнить продовольственную потребительскую корзину колхозников Башкирии с аналогичной корзиной у рабочих. Для примера: семьи рабочих промышленных предприятий самой индустриально развитой Свердловской области в среднем на душу потребили в том же 1948 году: хлеба — 264, сахара — 10, мяса — 12, рыбы — 7,9, кондитерских изделий — 5,6 кг, что значительно превышало аналогичные цифры по колхозникам Башкирии. Но в то же время некоторые другие показатели рабочих семей были значительно хуже: например, овощей и бахчевых было потреблено всего 27, молока — 86 кг, а яиц — всего 7 штук на душу [ГАСО, ф. р1813, оп. 14, д. 354, л. 24].

Из приведенных нами цифр видно, что и у рабочих отсутствовало какое-либо сбалансированное питание, но все же его качество было выше. Примерно то же можно сказать и о питании инженерно-технических работников (далее — ИТР). Например, в той же Свердловской области 1948 году потребление продуктов питания в семьях ИТР промышленных предприятий в расчете на одну душу составило: хлеба — 260, картофеля — 204, овощей и бахчевых — 36, фруктов и ягод — 4,4, сахара — 11, кондитерских изделий — 6,9, мяса — 14, рыбы — 8,7, молока — 110 кг, яиц — 13 штук [Там же].

Наконец, если говорить о причинах столь плохого питания колхозников Башкирии, то они нам видятся в следующем. Это, во-первых, перманентный дефицит всех товаров (в том числе продуктов питания) в годы войны и первые послевоенные годы. При этом в Башкирии он ощущался с особенной остротой. Второй же причиной было в целом положение колхозников в иерархической структуре советского общества, которое относилось к жителям села по принципу «как-нибудь выживут».

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Упомянутый нами жесточайший дефицит практически всех товаров потребительского спроса, безусловно, не мог не присутствовать и в сфере так называемых непродовольственных товаров. И это притом что колхоз-

ный быт и без того отличался предельно узким их перечнем. Не случайно на протяжении целого ряда десятилетий в СССР в ходу был специфический термин *деревенские товары*, под которым как раз и подразумевался тот немногочисленный перечень товаров первой необходимости, который только и могли себе позволить деревенские жители. Это были отдельные виды хлопчатобумажных тканей, простой одежды, примитивной обуви, хозяйственное мыло (туалетное практически не использовалось), спички, соль, керосин и некоторые другие [Вербицкая, 1992, с. 192].

С целью анализа уровня потребления НПТ колхозниками Башкирии в 1946—1950 годах мы сформировали следующую таблицу (табл. 3). При изучении данной таблицы первое, что бросается в глаза, — явное несоответствие уровня потребления НПТ колхозников Башкирии уже упомянутым нами рациональным нормам потребления (РНП). В рамках этих норм Госплан СССР определил цифры годовой потребности «среднего» советского гражданина.

Упомянутый «усредненный» гражданин, по расчетам Госплана, должен был потреблять за год, например, тканей в размере около 80 м². Последняя цифра не покажется слишком большой, если учесть, что весь этот метраж использовался для пошива не только одежды, но и белья (в том числе постельного), штор, занавесок и т. д. Рассчитана была даже структура тканей: 64 % — хлопчатобумажные, 18 — шелковые и столько же — шерстяные и льняные [Синютин, 1964, с. 72]. «Научное» же годовое потребление определялось в 3,3 пары (от тапочек до сапог включительно). Чулок и носков «средний» гражданин (гражданка) за год должны были приобрести 9 пар, верхнего трикотажа — 1,65 единицы и т. д. [Там же, с. 116].

Мы намеренно представили в таблице 3 цифры с повышенной точностью (местами до двух знаков после запятой), чтобы наглядно показать чрезвычайно низкий уровень потребления НПТ колхозниками Башкирии в первые послевоенные годы. Кроме того, мы разделили все НПТ на основные и прочие. К основным мы отнесли те из них, на которые колхозники хотя бы в одном каком-то году тратили более 10 руб., а к прочим — те, на которые они ни разу не потратили такой суммы.

По приведенной таблице в течение всего исследуемого пятилетия прослеживается рост приобретения тканей и штучных изделий из них, а также хозяйственного мыла, спичек, керосина, головных уборов, папирос, чулок и носков. Но с учетом крайне низких базовых показателей такой рост никак не мог обеспечить сколько-нибудь удовлетворительного потребления упомянутых товаров. Остальные товары демонстрировали неровную, а местами даже отрицательную динамику. Мы можем объяснить это тем, что в течение исследуемого пятилетия шло противоборство двух факто-

Таблица 3

Приобретение непродовольственных промышленных товаров
 колхозниками Башкирии в 1946—1950 годах, *на душу*

Наименование промтоваров и единицы измерения	Годы				
	1946	1947	1948	1949	1950
	Основные товары				
Готовая одежда нижняя, <i>шт./руб.</i>	0,36/74	0,32/49	0,22/19	0,26/17	0,28/21
Ткани, <i>м/руб.</i>	1,0/29	1,6/68	3,2/55	4,0/62	5,8/70
Обувь, <i>пар/руб.</i>	2,1/65	1,8/32	1,9/29	2,0/18	1,9/35
Готовая одежда верхняя, <i>шт./руб.</i>	0,06/23	0,11/37	0,09/14	0,13/18	0,16/14
Штучные изделия из тканей (платки, скатерти, полотенца, простыни и т. п.), <i>шт./руб.</i>	0,17/20	0,21/13	0,24/9,3	0,28/7,2	0,41/7,6
Мебель и прочие товары домашнего обихода, <i>руб.</i>	15	8,4	7,0	8,0	10
Мыло хозяйственное, <i>кг/руб.</i>	0,34/11	0,38/19	0,48/6,2	0,66/6,9	0,98/8,0
Спички, <i>кор./руб.</i>	7,0/11,8	7,8/8,8	10,6/2,3	13,8/2,8	20/3,3
	Прочие товары				
Печат. издания, бумага, канц. принадлежности и проч. культ-товары	4,0	5,2	5,6	3,8	5,9
Керосин, <i>л/руб.</i>	1,0/9,8	1,2/7,8	1,3/3,6	1,5/3,8	2,0/4,4
С/х и промысловый инвентарь и материалы, <i>руб.</i>	4,2	4,1	2,0	2,6	4,4
Головные уборы, <i>шт./руб.</i>	0,03/3,3	0,05/4,0	0,05/1,9	0,07/2,5	0,11/3,6
Галантерея, <i>руб.</i>	4,8	5,6	2,5	1,2	2,9
Стройматериалы, <i>руб.</i>	3,1	4,7	0,84	2,8	2,3
Папиросы и сигареты, <i>шт./руб.</i>	0,96/0,19	1,8/0,25	7,7/3,7	13/0,99	38/2,3
Прочие трикотажные изделия, <i>шт./руб.</i>	0,02/1,9	0,06/6,1	0,05/1,8	0,06/1,7	0,09/2,2
Чулки и носки, <i>пар/руб.</i>	0,08/2,7	0,11/2,5	0,12/1,3	0,17/1,6	0,26/2,1
Белье носильное, <i>шт./руб.</i>	0,03/2,2	0,03/2,5	0,03/1,0	0,04/1,3	0,04/0,93
Парфюмерия, предметы санитарии и гигиены, <i>руб.</i>	0,68	1,1	1,0	0,86	1,2
Мыло туалетное, <i>кус.</i>	0,02/0,38	0,03/0,24	0,20/1,3	0,13/0,60	0,30/0,79
Табак и махорка, <i>г/руб.</i>	11,4/0,26	3,4/0,09	23/0,29	22/0,42	55/0,84
Меховая и овчинная одежда и меха, <i>руб.</i>	1,9	1,6	0,37	0,37	0,73

Источник: [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, лл. 56, 141; д. 2228, лл. 65, 150; д. 2663, лл. 65, 150; д. 3177, лл. 65, 150; д. 3714, лл. 16, 65 (расчеты авторов)].

ров: первый — это ежегодно проводимые снижения цен на многие товары потребительского спроса, а вторая — негативные последствия конфискационной денежной реформы 1947 года, значительно уменьшившие сбережения граждан.

Упомянутая денежная реформа заключалась в обмене находящихся в обращении старых денежных знаков (рублевых купюр) на новые. Но при этом условия обмена носили неприкрытый конфискационный характер: «старые» деньги менялись на «новые» в соотношении 10:1 при неизменном масштабе цен. Фактически это означало принудительное и безвозмездное изъятие у населения 90 % наличных денег.

Кроме того, на объемы приобретения колхозниками НПТ повлияли еще три отрицательных фактора. Первый — это хронический товарный дефицит, который с окончанием войны никак не утратил свою актуальность. Второй фактор — это высокий (по сравнению с доходами граждан) уровень цен, что, безусловно, ограничивало размеры приобретений НПТ жителями села. Отметим, что среднедушевые денежные расходы башкирских колхозников в исследуемом десятилетии составили: в 1946 году — 1178, 1947-м — 1231, 1948-м — 696, 1949-м — 690 и 1950-м — 744 руб. [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 1830, лл. 56, 141; д. 2228, лл. 65, 150; д. 2663, лл. 65, 150; д. 3177, лл. 65, 150; д. 3714, лл. 65, 167 (расчеты авторов)].

Наконец, третьим фактором стало регулярно осуществляемое в первые послевоенные годы снижение розничных цен на товары потребительского спроса. В декабре 1947 года в соответствии с руководящими документами партии и правительства (см., например [Об утверждении ...]) все товарные (коммерческие) цены снижались по сравнению с 1940 годом в среднем более чем на 300 %, в том числе на продовольственные товары — на 371 %, а непродовольственные — на 253 % [Об утверждении ...; Толмачева, 1979, с. 179].

Такое резкое снижение цен, по сути, было сильным ударом по доходам колхозников, так как из-за этого снизились (почти втрое) цены и на основную продукцию их ЛПХ: мясо, молоко, масло, овощи [Там же, с. 180]. При этом создавалась безвыходная для жителей села ситуация: с одной стороны, государство «приобретало» у колхозов продукты по явно заниженным ценам, а с другой — вынуждало колхозников реализовывать произведенные в их ЛПХ продукты тоже по низким ценам. Отсюда понятно, что возможности получить «живые» деньги и тем поправить свое материальное положение с помощью ЛПХ у колхозников не было.

Из всего вышесказанного следует, что покупки сравнительно дорогих промтоваров колхозники делали достаточно редко, учитывая упомянутую нами дороговизну НПТ. Например, даже уже в 1949 году обычная кровать стоила 600 руб. (при годовых среднедушевых доходах башкирских кол-

хозников 698 руб.). Чтобы заработать на обычную телогрейку (цена около 100 руб.), колхознику надо было в указанном году трудиться почти два месяца, на кальсоны (40 руб.) — почти три недели, на нижнюю рубашку (32 руб.) — более полумесяца и т. д. [Алексеев, 1980, с. 99—100]. Неудивительно, что колхозники Башкирии совершенно не покупали, например, дорогостоящую одежду: ни кожаную, ни овчинную, ни меховую.

Правда, здесь надо сказать, что в похожем положении находились колхозники всех без исключения территорий Урала. Так, например, денежные расходы колхозников Молотовской области в 1947 и 1950 годах составили соответственно 1143 и 890 [РГАЭ, ф. 1562, оп. 324, д. 2228, лл. 65, 150; д. 3714, лл. 65, 167], а колхозников Свердловской области — 1619 и 1018 руб. [ГАСО, ф. р1813, оп. 14, д. 47, лл. 4—11]. Как видим, и здесь четко прослеживается крайне негативное влияние упомянутой денежной реформы.

Но, хотя колхозники Свердловской области имели доходы выше, чем башкирские, уровень потребления НПП у них не слишком отличался от последних. Так, в 1950 году среднеуральские колхозники в расчете на душу приобрели: тканей — 7,5 м, обуви — 1,1 пары, чулок и носков — 0,7 пары, керосина — 1,1 л, спичек — 20 коробок, мыла хозяйственного — 1,3 кг, туалетного — 50 г [Там же, д. 657, лл. 13—25]. Судя по представленным в нашей статье цифрам, колхозники Свердловской области больше тратили средств на покупку продуктов питания, чем и объясняется их примерно паритетное с колхозниками Башкирии приобретение НПП. Что же касается приобретения колхозниками Башкирии НПП, то большую часть отведенных на это денег они тратили на покупку готовой одежды, обуви, тканей и штучных изделий из них, а также мыла и спичек.

4. Заключение = Conclusions

В качестве итогов данного исследования попробуем обозначить те социально-экономические причины, которые обусловили весьма низкий уровень потребления продовольствия и НПП колхозниками Башкирской АССР в первые послевоенные годы (1946—1950). Конечно, в первую очередь следует отметить причины общеисторического плана, последствия которых испытали все без исключения регионы Урала: это и крайне негативные социально-экономические последствия только что завершившейся Великой Отечественной войны, и конфискационная денежная реформа декабря 1947 года, и, безусловно, в целом нелояльная политика властей по отношению к крестьянству.

Упомянутая политика проявлялась в наложении на колхозников различных ограничений, прежде всего — ограничения свободного передви-

жения по территории страны ввиду отсутствия у них паспортов. Истоки такого «второстепенного» отношения к крестьянству следует искать, по нашему мнению, в известном догмате марксистско-ленинской классовой теории, которая видела в крестьянстве класс собственников, то есть класс, потенциально опасный для советского государства.

К перечисленным причинам следует добавить и еще одну, с особой силой проявившуюся в исследуемом нами периоде именно в Башкирии. Речь идет о так называемой «приоритетно-промышленной» направленности экономической политики государства, в результате которой инвестиции направлялись прежде всего в развитие отраслей группы «А», то есть производящие средства производства. Если до Великой Отечественной войны властям Башкирии еще как-то удавалось противостоять тотальной индустриализации республики (далеко не во всем оправданной), то после войны ситуация резко изменилась.

Дело в том, что в Башкирию в 1941—1942 годах было эвакуировано более 100 только крупных промышленных предприятий (главным образом — военного назначения), которые после окончания войны навсегда остались в Башкирии, в значительной степени изменив структуру ее экономики [Официальный ...]. Конечно, подобные процессы происходили и на других уральских территориях, но на экономике Башкирской АССР, имеющей до войны аграрно-индустриальный характер, они сказались в значительно более сильной степени.

Между тем жесткое финансирование сельского хозяйства республики, да и сама пренебрежительно-конфискационная политика по отношению к селу, характеризующая первые послевоенные годы, не претерпели существенных изменений. Здесь по-прежнему в действиях заготовительных органов превалировало отсутствие учета специфики развития сельского хозяйства Башкирской АССР, что вело к изъятию у колхозников большей части производимой ими сельскохозяйственной продукции. Поэтому неудивительно, что данные бюджетных обследований колхозников Башкирии в 1946—1950 годах объективно показали: питание крестьян в других регионах Урала было в это время значительно лучше. Примерно то же можно сказать и об уровне обеспечения НПТ. Данный уровень, безусловно, следует оценить как чрезвычайно низкий, так потребление практически всех продуктов питания и промтоваров было ниже научно обоснованных и рациональных норм.

Остается только удивляться, каким образом, находясь буквально на грани выживания, башкирское колхозное крестьянство не только сохранило жизненный потенциал для повседневных будней, но и смогло в дальнейшем обеспечить поступательное развитие сельского хозяйства республики.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСО — *Государственный архив Свердловской области*. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 14. Д. 47. Лл. 4—11 ; Д. 354. Л. 24 ; Д. 657. Лл. 13—25.
2. *Конституция Российской Федерации*. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. — Екатеринбург : Уральское юридическое издательство, 2002. — 48 с. — ISBN 5-900904-20-2.
3. *Конституция Российской Федерации с поправками 2020 года*. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. — Москва : АЙРИС-пресс, 2021. — 96 с. — ISBN 978-5-8112-7218-1.
4. *Об утверждении* преysкурантов государственных розничных цен на продовольственные и промышленные товары : Постановление Совмина СССР № 3866 от 14.12.1947 года [Электронный ресурс] // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. — Режим доступа : http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4666.htm (дата обращения 10.12.2022).
5. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 1562 (Центральное статистическое управление). Оп. 324. Д. 1830. Лл. 21, 35, 39, 56, 108, 120, 124, 141 ; Д. 2228. Лл. 48, 65, 133, 150 ; Д. 2663. Лл. 31, 48, 65, 116, 133, 150 ; Д. 3177. Лл. 30, 48, 65, 116, 133, 150 ; Д. 3714. Лл. 16, 31, 65, 133, 150, 167.
6. *Уральская историческая энциклопедия*. 2-е изд., перераб. и доп. — Екатеринбург : Академкнига, 2000. — 637 с. — ISBN 5-93472-019-8.
7. *Официальный сайт* полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://pfo.gov.ru/pobeda75/bash> (дата обращения 23.11.2022).

Литература

1. *Абдулин Р. Г.* Потребление продуктов питания сельским населением / Р. Г. Абдулин. — Москва : [б. и.], 1973. — 25 с.
2. *Алексеев В. В.* Рост благосостояния рабочих Сибири в условиях строительства развитого социализма / В. В. Алексеев, С. С. Букин ; АН СССР, Сибирское отд-ние, Ин-т истории, филологии и философии. — Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние, 1980. — 216 с.
3. *Ахмадиева Н. В.* Колхозное крестьянство Башкортостана в 1945—1965 гг. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. В. Ахмадиева. — Уфа, 2000. — 22 с.
4. *Вербицкая О. М.* Российское крестьянство : от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х годов-начало 60-х годов / О. М. Вербицкая. — Москва : Наука, 1992. — 222 с. — ISBN 5-02-008643-6.
5. *Волков И. М.* Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы : Колхозы СССР в 1946—1950 гг. / И. М. Волков. — Москва : Мысль, 1972. — 293 с.
6. *Воробьев П. Г.* Развитие сельского хозяйства Башкирии / П. Г. Воробьев. — Уфа : Башкнигоиздат, 1958. — 38 с.
7. *Данилов В. П.* Проблемы истории советской деревни в 1946—1970 гг. (очерк историографии) / В. П. Данилов // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. — Москва : Наука, 1972. — 384 с.
8. *Илишев Г. Ш.* Деятельность Башкирской партийной организации по развитию сельского хозяйства (1946—1970 гг.) / Г. Ш. Илишев. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1982. — 176 с.

9. *Кукушкин Ю. С.* Очерк истории Советской Конституции / Ю. С. Кукушкин, О. И. Чистяков. — Москва : Политгиздат, 1987. — 364 с.
10. *Мамяченков В. Н.* Доходы, расходы и потребление колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960 гг.) : монография / В. Н. Мамяченков ; М-во образования и науки РФ, Урал. гос. экон. ун-т. — Екатеринбург : Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2020. — 260 с. — ISBN 5-901527-21-6.
11. *Мамяченков В. Н.* Роковые годы : Материальное положение колхозного крестьянства Урала в послевоенные годы (1946—1960) / В. Н. Мамяченков ; науч. ред. В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Изд-во Гуманитарного ун-та : Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 312 с. — ISBN 5-901527-21-6.
12. *Манойлин В. И.* Базирование Военно-морского флота СССР / В. И. Манойлин. — Санкт-Петербург : Нева, 2004 (ПФ Красный пролетарий). — 313 с. — ISBN 5-7654-3446-0.
13. *Масалимов С. Г.* Село Башкортостана в 1945—2000 годы / С. Г. Масалимов, М. Б. Ямалов, Н. В. Ахмадиева ; Вост. ин-т экономики, гуманитар. наук, упр. и права. — Уфа : Восточный университет, 2003 (Тип. изд-ва Вост. ун-т). — 255 с.
14. *Материально-бытовое* положение трудящихся Урала в условиях социализма (1937—1975) : Межвузовский сборник / Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького ; редкол. : Саматов В. А. (отв. ред.) и др. — Свердловск : УрГУ, 1981. — 170 с.
15. *Материальное* благосостояние тружеников уральской советской деревни (1917—1985 гг.) : сборник научных трудов / АН СССР, Уральское отд-ние ; редкол. : Р. П. Толмачева (отв. ред.) и др. — Свердловск : УрО АН СССР, 1988. — 143 с.
16. *Матюха И. Я.* Статистика бюджетов населения / И. Я. Матюха. — Москва : Статистика, 1967. — 248 с.
17. *Мотревич В. П.* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года : Уральский регион : сборник материалов / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2002. — 372 с. — ISBN 5-901527-20-8.
18. *Мотревич В. П.* Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941—1950 гг.) / В. П. Мотревич. — Екатеринбург : Наука : Урал. отд-ние, 1993. — 306 с.
19. *Островский В. Б.* Колхозное крестьянство СССР : Политика партии в деревне и ее соц.-экон. результаты. — Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1967. — 329 с.
20. *Попов В. П.* Крестьянство и государство (1945—1953) / В. П. Попов // Исследования новейшей русской истории. — Париж : Утса-Press, 1992. — 298 с.
21. *Развитие* сельского хозяйства СССР в послевоенные годы. (1946—1970 гг.) : сборник статей / ред. коллегия : И. М. Волков (отв. ред.) и др.. — Москва : Наука, 1972. — 384 с.
22. *Синютин В. М.* На пути к рациональному потреблению непродовольственных товаров / В. М. Синютин. — Москва : Экономика, 1964. — 155 с.
23. *Толмачева Р. П.* Колхозы Урала в первые послевоенные годы (1946—1950 гг.) / Р. П. Толмачева. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1979. — 221 с.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2022,
одобрена после рецензирования 11.02.2023,
подготовлена к публикации 23.03.2023.*

Materil resources

- Constitution of the Russian Federation. Adopted by popular vote on December 12, 1993.* (2002). Yekaterinburg: Ural Legal Publishing House. 48 p. ISBN 5-900904-20-2. (In Russ.).
- GASO — *The State Archive of the Sverdlovsk region. F. R1813 (Regional Statistical Office). F. R1813. Op. 14. D. 47. Ll. 4—11; D. 354. L. 24; D. 657. Ll. 13—25.* (In Russ.).
- Official website of the Plenipotentiary Representative of the President of the Russian Federation in the Volga Federal District.* Available at: <http://pfo.gov.ru/pobeda75/bash> (accessed 11/23/2022). (In Russ.).
- On approval of price lists of state retail prices for food and industrial goods: Resolution of the Council of Ministers of the USSR № 3866 dated 12.14.1947. In: *Library of normative legal acts of the Union of Soviet Socialist Republics.* Available at: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4666.htm (accessed 10.12.2022). (In Russ.).
- RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 1562 (Central Statistical Office). Op. 324. d. 1830. Ll. 21, 35, 39, 56, 108, 120, 124, 141; D. 2228. Ll. 48, 65, 133, 150; D. 2663. Ll. 31, 48, 65, 116, 133, 150; D. 3177. Ll. 30, 48, 65, 116, 133, 150; D. 3714. Ll. 16, 31, 65, 133, 150, 167.* (In Russ.).
- The Constitution of the Russian Federation as amended in 2020. Adopted by popular vote on December 12, 1993.* (2021). Moscow: IRIS-press. 96 p. ISBN 978-5-8112-7218-1. (In Russ.).
- Ural Historical Encyclopedia. 2nd ed., reprint. and add.* (2000). Yekaterinburg: Akademkniga. 637 p. ISBN 5-93472-019-8. (In Russ.).

References

- Abdulin, R. G. (1973). *Food consumption by the rural population.* Moscow: [b. i.]. 25 p. (In Russ.).
- Akhmadieva, N. V. (2000). *Collective farm peasantry of Bashkortostan in 1945—1965.* Author's abstract of PhD Diss. Ufa. 22 p. (In Russ.).
- Alekseev, V. V., Bukin, S. S. (1980). *The growth of the welfare of the workers of Siberia in the conditions of the construction of developed socialism.* Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch. 216 p. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1972). Problems of the history of the Soviet village in 1946—1970. (an essay on historiography). In: *Development of agriculture of the USSR in the post-war years.* Moscow: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- Ilishev, G. Sh. (1982). *Activity of the Bashkir Party organization for the development of agriculture (1946—1970).* Saratov: Sarat Publishing House. un-ta. 176 p. (In Russ.).
- Kukushkin, Yu. S., Chistyakov, O. I. (1987). *An essay on the history of the Soviet Constitution.* Moscow: Politizdat. 364 p. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2002). *Fateful years: The financial situation of the collective farm peasantry of the Urals in the post-war years (1946—1960).* Yekaterinburg: Publishing House of the Humanities University: Publishing House of the Urals. un-ta. 312 p. ISBN 5-901527-21-6. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. (2020). *Incomes, expenses and consumption of the collective farm peasantry of the Urals in the post-war years (1946—1960): monograph.* Yekaterinburg: Publishing house Ural. gos. ekon. un-ta. 260 p. ISBN 5-901527-21-6. (In Russ.).
- Manolin, V. I. (2004). *Basing of the USSR Navy.* St. Petersburg: Neva. 313 p. ISBN 5-7654-3446-0. (In Russ.).

- Masalimov, S. G., Yamalov, M. B., Akhmadieva, N. V. (2003). *Village of Bashkortostan in 1945—2000*. Ufa: East. un-t, 2003 (Type. publishing house of the East. un-t). 255 p. (In Russ.).
- Material well-being of workers of the Ural Soviet village (1917—1985): collection of scientific works*. (1988). Sverdlovsk: Ural Branch of the USSR Academy of Sciences. 143 p. (In Russ.).
- Matyukha, I. Ya. (1967). *Budget statistics population*. Moscow: Statistics. 248 p. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (1993). *Agriculture of the Urals in statistical indicators (1941—1950)*. Yekaterinburg: Nauka: Ural. otd-nie. 306 p. (In Russ.).
- Motrevich, V. P. (2002). *All-Union population census of the USSR in 1939: Ural region: collection of materials*. Yekaterinburg: Humanities University. 372 p. ISBN 5-901527-20-8. (In Russ.).
- Ostrovsky, V. B. (1967). *Kolkhoz peasantry of the USSR: Party Policy in the countryside and its social economy. results*. Saratov: Sarat Publishing House. un-ta. 329 p. (In Russ.).
- Popov, V. P. (1992). The peasantry and the state (1945—1953). In: *Studies of modern Russian history*. Paris: Ymca-Press. 298 p. (In Russ.).
- Sinyutin, V. M. (1964). *On the way to rational consumption of non-food products*. Moscow: Ekonomika. 155 p. (In Russ.).
- The development of agriculture of the USSR in the post-war years. (1946—1970): collection of articles*. (1972). Moscow: Nauka. 384 p. (In Russ.).
- The material and living situation of the workers of the Urals in the conditions of socialism (1937—1975): Interuniversity collection*. (1981). Sverdlovsk: USU. 170 p. (In Russ.).
- Tolmacheva, R. P. (1979). *Collective farms of the Urals in the first post-war years (1946—1950)*. Tomsk: Publishing House Vol. un-ta. 221 p. (In Russ.).
- Verbitskaya, O. M. (1992). *The Russian Peasantry: from Stalin to Khrushchev. Mid-40s-early 60s*. Moscow: Nauka. 222 p. ISBN 5-02-008643-6. (In Russ.).
- Volkov, I. M. (1972). *Labor feat of the Soviet peasantry in the postwar years: Collective farms of the USSR in 1946—1950*. Moscow: Mysl. 293 p. (In Russ.).
- Vorobyev, P. G. (1958). *Development of agriculture in Bashkiria*. Ufa: Bashkniigoizdat. 38 p. (In Russ.).

*The article was submitted 13.12.2022;
approved after reviewing 11.02.2023;
accepted for publication 23.03.2023.*

Межуев Д. О. Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы) / Д. О. Межуев // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 402—416. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416.

Mezhuev, D. O. (2023). Baltic Question in Russia's Foreign Policy (1558—1730). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 402-416. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-402-416

Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы)

Межуев Дмитрий Олегович
orcid.org/0000-0001-9720-906X
аспирант кафедры истории России
с древнейших времен
до начала XIX века ¹;
исполнитель проекта отдела
сопровождения научных проектов ²
PNLafayette@gmail.com

¹ Российский
государственный университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

² Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке гранта
Российского научного фонда,
проект № 22-28-01407,
<https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

Baltic Question in Russia's Foreign Policy (1558—1730)

Dmitry O. Mezhuev
orcid.org/0000-0001-9720-906X
Postgraduate Student,
Department of History of Russia
from Ancient Times to the Beginning
of the 19th Century; ¹
Executor of the Project, Department
of Scientific Projects Support ²
PNLafayette@gmail.com

¹ The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

² Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported
by the Russian Science Foundation,
grant № 22-28-01407,
<https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается вопрос о развитии внешнеполитического курса Российской империи в Балтийском регионе после смерти Петра I как продолжении внешней политики Ивана Грозного. Целью работы является изучение преемственности внешней политики на Балтике в общероссийском масштабе. В основу исследования положены делопроизводственные источники: переписка французского представителя в России Жака де Кампредона, записки и деловая переписка вице-канцлера Российской империи, барона А. И. Остермана. Используются делопроизводственные материалы коллегии иностранных дел, взятые из архива института истории Российской академии наук. Особый упор сделан на анализ влияния и значения Балтийского вопроса в контексте развития внешней политики Российской Империи в первые годы после смерти Петра I. Продемонстрировано влияние Балтийского вопроса на внешнюю политику России в XVIII веке в условиях формирования военно-политических блоков в Европе после Войны за испанское наследство. Автор приходит к выводу, что преемственность Балтийского вопроса прослеживается со времён Ивана Грозного до Петра I и его наследников. Утверждается, что субъективные факторы оказывали сильное влияние на внешнеполитический курс России в первые послепетровские годы, но успешно нивелировались внешнеполитическим ведомством под руководством А. И. Остермана.

Ключевые слова:

Российская Империя; внешняя политика; Гольштейнский вопрос; Пётр I; Иван Грозный; Екатерина I.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of the development of the foreign policy of the Russian Empire in the Baltic region after the death of Peter I is considered as a continuation of the foreign policy of Ivan the Terrible. The aim of the work is to study the continuity of foreign policy in the Baltic on an all-Russian scale. The study is based on clerical sources: correspondence of the French representative in Russia, Jacques de Campredon, notes and business correspondence of the Vice-Chancellor of the Russian Empire, Baron A. I. Osterman. Record keeping materials of the Collegium of Foreign Affairs, taken from the archives of the Institute of History of the Russian Academy of Sciences, were used. Particular emphasis is placed on the analysis of the influence and significance of the Baltic issue in the context of the development of the foreign policy of the Russian Empire in the first years after the death of Peter I. The influence of the Baltic question on the foreign policy of Russia in the 18th century in the context of the formation of military-political blocs in Europe after the War of the Spanish Succession is demonstrated. The author comes to the conclusion that the continuity of the Baltic issue can be traced from the time of Ivan the Terrible to Peter I and his heirs. It is argued that subjective factors had a strong influence on the foreign policy of Russia in the first post-Petrine years, but were successfully leveled by the foreign policy department under the leadership of A. I. Osterman.

Key words:

Russian Empire; foreign policy; Holstein question; Peter I; Ivan groznyj; Catherine I.

Балтийский вопрос во внешней политике России (1558—1730 годы)

© Межуев Д. О., 2023

1. Введение = Introduction

В настоящее время вопросы внешней политики России в Балтийском регионе [Краснянский, 2019, с. 5; Феоктистов, 2012, с. 51], а также сравнения Ивана Грозного и Петра I [Алиев и др., 2021, с. 212] стали вновь подниматься в научных трудах. Нынешняя активизация внешней политики самой России и ее соседей на данной территории делает актуальным анализ опыта внешней политики России в этом регионе в прошлом.

Цель настоящей научной работы предполагает изучение внешнеполитического курса России в Балтийском регионе как продолжения политики Ивана Грозного и Петра I при первых наследниках Петра I с середины 1720-х по 1730-е годы.

Рассматриваемый период интересен прежде всего тем, что именно на него пришелся первый серьезный внешнеполитический кризис созданной Петром I империи. После Северной войны, когда Россия стала одной из Великих держав, ей надлежало удержать с трудом заработанный статус. Оказавшиеся у власти монархи-наследники Петра Великого с трудом представляли себе государственные интересы, тем более имели слабое понятие о тонкостях внешней политики, чем отчасти и было вызвано обострение в Балтийском регионе во второй половине 20-х годов XVIII века. Лишь только умелое вмешательство приближенных к власти лиц позволило избежать нового витка эскалации в Балтийском регионе и вывести Россию из конфликта без потерь территорий или статуса в международных делах.

Балтийский вопрос, существовавший во внешней политике России со времен Ивана Грозного и вновь оживленный Петром I и его наследниками, не только стал краеугольным камнем западного направления внешней политики России, но и оказывал влияние на всю дипломатию первых наследников Петра I. Оживленный поиск его разрешения способствовал складыванию внешнеполитического курса страны, который в итоге существовал до конца XVIII века.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проведенные исследования позволили сделать заключение о сложном внешнеполитическом положении России в период после смерти Петра I

до первых лет правления Анны Иоанновны. Для реконструкции картины внешней политики России после смерти Петра I в основу работы были положены письма французского представителя в России Ж. де Кампредона из «Сборника Императорского Русского исторического общества». Приводимые им сведения представляют ценность, потому как сам Ж. де Кампредон провел в России не один год, был, по-видимому, весьма хорошо образован, прекрасно представлял себе картину международных отношений изучаемого периода, а также сумел наладить в столице России обширную сеть шпионов и доносчиков, что позволяло французскому представителю быть в курсе государственных российских дел. Также использованы выписки из конференций, мемориалов и взаимных сообщений между российскими и австрийско-цесарскими бывшими министрами в России, сохранившиеся в архиве Института истории Российской академии наук. Данный источник был составлен в начале XIX века Н. Н. Бантыш-Каменским и представлял собой перечень всех входящих и исходящих писем коллегии иностранных дел с пересказанным кратким содержанием.

Особого внимания заслуживают рассуждения вице-канцлера Российской империи А. И. Остермана «о персидских делах», его же «Генеральное состояние дел и интересов всероссийских» и переписка с Б. И. Куракиным и А. Г. Головкиным на Суассонском конгрессе. А. И. Остерман, вице-президент коллегии иностранных дел и вице-канцлер Российской империи, был в курсе всех внешнеполитических дел государства. Его влияние на политические события и понимание дипломатических процессов прослеживаются в подаваемых им Екатерине I записках. Именно А. И. Остерман стал инициатором сближения России и Австрии, а также последовавшего выхода России из соглашения с герцогом Карлом Фридрихом Гольштейн-Готторпским по вопросу возвращения последнему Шлезвига, чем и была поставлена точка в Гольштейнском вопросе во внешней политике Российской империи.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Внешняя политика России на момент смерти Петра I

Царствование Петра I стало для России и её внешней политики временем важнейших перемен. Одолев в нелёгком противостоянии северного соседа и став одной из великих европейских держав, Россия выступала не просто региональной сверхдержавой, но уже одним из крупнейших игроков в международных отношениях. Подобный высокий статус не только расширял горизонт возможностей, но ставил также и качественно новые задачи перед внешнеполитическим ведомством.

Балтийский вопрос во внешней политике России был очерчен задолго до царствования Петра I. Цикл Балтийских войн был открыт Иваном

Грозным ещё в XVI веке и завершился только в 1617 году, когда Россия полностью утратила выход к Балтийскому морю [Филиюшкин, 2018, с. 31]. Безусловно, спустя почти столетие Пётр I выступил продолжателем начатой Иваном Грозным политики «движения на Балтику». Более того, сам Пётр I, судя по всему, считал себя продолжателем начатой Иваном Грозным политики, о чем свидетельствует празднование дня рождения Анны Петровны 27 января 1722 года, когда в Санкт-Петербурге была сооружена триумфальная арка с изображением Ивана Грозного с надписью *Incipit* (начал) и изображением самого Петра I с надписью *Perfecit* (усовершенствовал) [Берхгольц, 1902, с. 40—41]. Примечательно и внешне демонстрировалась преемственность монархов. Иван Грозный изображался в старой царской короне, Пётр I — в новой императорской короне, чем дополнительно подчёркивалось право Петра I на новый императорский титул. Принятый Иваном Грозным царский титул был императорским по своему статусу, а потому новый императорский титул Петра, согласно данному идеологическому посылу, оказывался взят «не просто так», но имел под собой прочные основания в прошлом. Имела место, судя по всему, и личная симпатия Петра I к Ивану Грозному [Эйльбарт, 2022, с. 378]. Таким образом, Пётр I наглядно показал, что принял эстафету Ивана Грозного, а его дело уже было продолжено наследниками и потомками.

Сам внешнеполитический курс России в первой половине XVIII века можно разделить на два направления: восточное (отношения с Персией и Турцией) и западное (с европейскими странами, государствами побережья Балтийского моря). Обозначенные направления не следует отделять друг от друга, но необходимо рассматривать в целом. Особенно стоит выделить западное направление, потому как оно в царствование Петра I и его последователей выступало определяющим. От него, в числе прочего, зависело развитие дипломатических отношений России со странами Востока. Одной из особенно болезненных проблем западного направления внешней политики, конечно, следует выделить Балтийский вопрос.

На момент смерти Петра I Россия сумела продемонстрировать себя сильным региональным и общеевропейским игроком. В 1725 году, когда в Европе (на фоне общего недовольства результатами войны за испанское наследство) [Черняк, 1993, с. 439] стали складываться военно-политические блоки (Венский и Ганноверский), Россия не являлась участником какого-либо из них, при этом «восточный гигант» представлялся одним из сильнейших возможных союзников для каждого из военно-политических блоков. После победы над Швецией именно Российская империя располагала если не сильнейшей, то одной из наиболее мощных армий Европы. Такой союзник выглядел в равной степени желанным как для Венского

блока (Испания и Австрия), так и Ганноверского союза (Англия, Франция, Пруссия). Более того, Россия имела равные шансы для присоединения к любому из Европейских блоков. Можно сказать, что от неё зависела судьба европейского «баланса сил».

Заклучив в 1726 году союз с Австрией, Россия вступила в Венский блок держав. Этот союз на столетия предопределил развитие внешнеполитической линии Российской империи. Одной из главных причин такого союза, конечно, стал Балтийский вопрос во внешней политике России. И здесь также прослеживается параллель с царствованием Ивана Грозного. В XVI веке московский царь не намеревался останавливаться на Ливонии. Согласно запискам иезуита А. Поссевино, после завоевания Ливонии Иван Грозный, кроме ряда титулов, отсылая письма туркам, называл себя в них и германским императором [Поссевино, 1983, с. 62]. Он стал говорить о своем происхождении «от Пруса — брата цезаря Августа», чем хотел укрепить дружбу с Карлом V [Там же]. Таким образом, судя по этим словам, Грозный хотел продвигаться дальше в Германию. Весьма интересное замечание привел Н. И. Костомаров в своем сочинении «Царь Иван Васильевич Грозный». Историк отмечал, что в 1584 году по инициативе боярина Богдана Бельского царь составил дополнительное завещание о передаче престола эрцгерцогу Эрнсту Австрийскому [Костомаров, 1912, с. 418].

В XVIII веке Балтийский вопрос, по существу, сводился к Гольштейнскому вопросу герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского. Последний претендовал на отторгнутые от него по результатам Северной войны владения датского короля в Северной Германии — Шлезвиг. На закате своего правления одним из гарантов возвращения Шлезвига Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому выступил Пётр I. Сложно сказать, насколько серьёзно был настроен Пётр I в отношении возвращения спорных владений обратно герцогу, были ли его планы по подготовке войны с Данией действительны или представлялись лишь рычагом давления в вопросе беспоплатного прохода русских судов через контролируемый Данией пролив Зунд на выходе из Балтийского моря. Однако в контексте смерти Петра I данный вопрос не так важен. После кончины государя, когда к власти пришел его супруга — Екатерина I, вопрос обрел качественно новую форму династической проблемы даже не столько самой России, сколько дома Романовых. Именно в годы царствования Екатерины I Карл Фридрих Гольштейн-Готторпский стал супругом императорской дочери Анны Петровны [Сб. ИРИО, т. 58, с. 353], а потому вопрос возвращения Шлезвига герцогу оказался в действительности поставлен во главу угла внешней политики Российской империи. В отличие от покойного супруга Екатерина I поставила вопрос окончательно и безальтернативно, что, в конечном ито-

ге, стало краеугольным камнем во всей внешней политике России 1725—1727 годов.

Последние годы Петра I в вопросе развития отношений со странами Западной Европы можно было бы охарактеризовать как вооружённый нейтралитет. По существу, если не брать во внимание Стокгольмский договор со Швецией, Россия не стремилась вступать ни в какие долгосрочные отношения со странами Западной Европы, придерживаясь известной «свободы рук». Россия умело использовала возможных союзников для решения проблем на восточном направлении внешней политики. Такой участи удостоилась Франция в последние годы правления Петра I, услуги которой Россия использовала для заключения выгодного договора с Турцией по разделу сфер влияния в Персии [Остерман, 1828, с. 11]. Став посредником в отношениях между Россией и Турцией в проблеме раздела сфер влияния в Персии после Каспийских походов Петра I, Франция обеспечила мирное сосуществование двух стран на Востоке [Сб. ИРИО, т. 58, с. 339—341]. Конечно, в ответ она рассчитывала за добрую услугу укрепить отношения с Российской империей, противопоставив её, таким образом, Австрии. Таково было, во всяком случае, мнение А. И. Остермана [Остерман, 1828, с. 24]. Однако Пётр I не решился ни на какое углубление добрых отношений с монархией Бурбонов. В какой-то момент даже французский дипломат в Санкт-Петербурге Ж. де Кампредон стал признавать факт того, что переговоры не имели никаких результатов [Сб. ИРИО, т. 52, с. 389]. Крест на продолжении обсуждения союза, конечно, поставила смерть царя, поскольку верительные грамоты Ж.-Ж. де Кампредона утратили статус [Там же, т. 58, с. 52]. Русские министры стали тянуть время настолько чрезмерно, что это стало вызывать возмущение даже в переписке французского посланника [Там же, с. 118]. Не состоялось тогда сближения и с Габсбургами. Разрыв отношений с Веной пришелся на весну 1719 года [Никифоров, 1959, с. 214]. Восстановление тем не менее началось осенью того же года, но развивалось крайне медленно. И, хотя на тот момент разговоры не раз вновь заходили о возможном союзе, шаги в этом направлении не предпринимались [Там же, с. 243]. Достигнув известной пользы для России на восточном направлении внешней политики, Пётр I закрыл или «поставил на удержание» все переговоры о возможных политических или торговых союзах со странами Западной Европы.

3.2. Разрешение Балтийского вопроса при наследниках Петра I

Как уже отмечалось, смерть Петра I сильно изменила приоритеты во внешней политике России. Тому, как известно, было две причины. Первая сводилась к крутой перемене в отношении Гольштейнского вопроса, который Екатерина I воспринимала больше даже не как государственное, но личное

достижение в интересах если не себя, то династии. Второй момент сводился к обозначенным уже Венскому и Ганноверскому военно-политическим блокам, которые сформировались в Европе в 20-е годы XVIII века. В условиях, когда вся Европа раскололась на противостоящие друг другу политические блоки, оставаться страной нейтральной и безучастной было крайне сложно.

Чтобы сохранить status quo, Россия могла выбрать из двух возможных союзников, кто обеспечил бы её безопасность как на западном, так и на восточном направлении внешней политики. Выбор был невелик: Франция или Австрия. Оба варианта рассматривались как возможные союзники. Одним из главных действующих лиц русской дипломатии — А. И. Остерманом — для императрицы Екатерины I была составлена специальная записка, где прямо объяснялись преимущества и опасности союза с той или иной стороной. Изучив текст поданной А. И. Остерманом записки, можно сделать вывод, что оба варианта рассматривались русским двором в равной степени возможными. Франция могла стать хорошим торговым партнёром, обеспечить безопасность на западном и восточном направлениях дипломатическим путем [Остерман, 1828, с. 24]. Более того, 7 апреля 1725 года при русском дворе было решено возобновить переговоры с Францией о союзе, инициаторами чего стали светлейший князь А. Д. Меншиков и вице-канцлер барон А. И. Остерман [Сб. ИРИО, т. 58, с. 93]. Влияние Франции в Османской империи было весьма значительным, чтобы удержать Турцию от продвижения на территорию Персии и упредить возможные конфликты. Аналогичным образом Австрия рассматривалась как гарант западной и восточной стабильности России, но уже больше за счёт своего военного потенциала [Остерман, 1828, с. 39—40]. Сильный союзник России на западе и востоке выступал сильным сдерживающим фактором против агрессии в отношении России. Вдобавок эрцгерцог Австрии являлся также Императором Священной Римской империи, что косвенно могло стать сильной картой в деле признания странами Европы императорского титула за русским монархом.

Ключевым в деле определения будущего союзника стал именно Балтийский вопрос во внешней политике России. Выступая непримиримым заступником интересов герцога Карла Фридриха Гольштейн-Готторпского, Екатерина I настроила всю внешнеполитическую линию Российской империи на достижение к поставленной цели. Риторика в отношении датского короля, датских посланников в Санкт-Петербурге стала крайне агрессивной [Сб. ИРИО, т. 58, с. 167]. С другой стороны, агрессию и решимость русской императрицы должны были подтвердить регулярные военные учения русских войск в прибалтийских губерниях. Не прибавляли оптимизма датской короне и регулярно распускаемые слухи голштинцев при русском дворе о готовящейся войне против Дании [Там же, с. 72].

Конечно, всё это не могло не вызывать ответной реакции со стороны Дании и её союзников. В 1725 году союзниками и гарантами владений в Шлезвиге за датским королём выступали Англия и Франция [Некрасов, 1976, с. 25]. Таким образом, принимая во внимание всю непримиримость Екатерины I в Гольштейнском вопросе, можно сказать, что на возможном будущем союзе с Францией был поставлен крест. Как только переговоры о будущем союзе с этим государством были начаты, они сразу же споткнулись о непримиримое противоречие в Балтийском вопросе. Более того, неуступчивость Екатерины I совсем не играла на пользу российской дипломатии. Как только европейские монархии убедились в недоговороспособности русского двора, чтобы предупредить агрессию России на западном направлении, французская дипломатия принялась отвлекать внимание России на восточное направление внешней политики. Так, французский представитель в Константинополе маркиз д'Андрезель получил приказ «более не поддерживать русских министров при Порте» [Сб. ИРИО, т. 64, с. 35]. Сигнал для Турции был довольно ясный. Стоило только Блистательной Порте увидеть, что Россия на Востоке осталась без сильных союзников, риторика в вопросе разделения сфер влияния в Иране сразу стала менее дружелюбной.

Турция была заинтересована прежде всего в торговых маршрутах, которые проходили в Индию через бассейн Каспийского моря. Ещё Петр I заполучил эти торговые маршруты в пользу России в результате войны с Персией. Как современник событий, Ж. де Кампредон сумел оценить значение этих торговых путей. В одном из своих писем французскому министерству иностранных дел он сообщил, что провозить через территорию России товары из Персии и Китая можно в два раза дешевле, чем через Смирну или Алеппо [Там же, т. 49, с. 342]. Уже в другом своём письме он сообщил об убытках русского двора в Персии (в результате погрома в Шемахе). Он писал, что русское купечество понесло убытки на половину миллиона рублей [Сб. ИРИО, т. 40б, с. 306]. Одного этого достаточно, чтобы русскому правительству обеспокоиться судьбой новообретенных провинций. Если Турция заполучила бы обозначенные торговые пути в свою пользу, то смогла бы обеспечить себя солидными суммами с проходивших там транзитом товаров.

Как уже отмечалось, влияние Франции в Османской империи было особенно велико. Как только вопрос о возможном союзе с Россией повис в воздухе, чтобы не допустить распространения «русской агрессии» на запад, французская дипломатия принялась создавать против Российской империи турецкую угрозу на востоке. Дело разграничения прикаспийских провинций между Россией и Османской империей шло с трудом, ни одна из сторон не была готова к уступкам. Когда Франция перестала поддержи-

вать российские интересы при дворе султана, правительство Османской империи восприняло это как сигнал для расширения агрессивной риторики в отношении России. К этим проблемам для России прибавилось и то, что в Персии в 1725 году случился государственный переворот, который не замедлил перерасти в ожесточенную междоусобную войну. С одной стороны, в конфликте участвовал персидский шах Тахмасп II, а воевал против него афганский Мир Ашраф шах [Соловьев, 1993, с. 9]. Также проблемой для российского правительства была задача заставить персидского шаха Тахмаспа II признать разграничение в Персии между Россией и Турцией и склонить его к подписанию соответствующего трактата [Остерман, 1828, с. 11]. В 1726 году вице-канцлер А. И. Остерман писал, что дела в провинциях обстоят не иначе как «худо» [Там же, с. 13]. В связи с этим в регион постоянно снаряжались подкрепления, а назначение комиссии по разграничению откладывалось [Сб. ИРИО, т. 58, с. 350]. Таким образом, европейской дипломатии удалось на некоторое время отвлечь Россию от западного направления внешней политики. Однако следует отдать должное непримиримости Екатерины I в деле защиты интересов зятя.

Когда при русском дворе стало очевидно неучастие Франции, а агрессивные нотки в отношениях с Османской империей набрали силу, вариантов, кроме как заключить военно-политический союз с Австрией (с которой даже не поддерживалось постоянного дипломатического представительства, если сравнивать с русско-французскими отношениями), не осталось. Сам вице-канцлер А. И. Остерман делал ставку именно на Австрию в своих рассуждениях о делах в Персии и Турции [Остерман, 1841, с. 153—155].

Осенью 1725 года Ж. де Кампредон предупреждал начальство, что угроза интересам России в Турции может вынудить русский двор вернуться лицом к Австрии [Сб. ИРИО, т. 64, с. 44.]. Произошло именно так. Уже 1 ноября 1725 года секретарь австрийского посольства в Петербурге Н.-С. Гогенгольц появился в коллегии иностранных дел и на конференции с А. И. Остерманом, Г. И. Головкиным и П. А. Толстым в общих чертах предложил союзный договор России и Австрии [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, л. 5]. На тот момент Россия формально ещё не отступила от намерений заключить союз с Францией и Англией. Однако, на фоне понимания всей бесплодности намерения склониться в пользу союза с Францией, 12 ноября последовал положительный ответ на предложение Австрии [Там же]. 16 апреля 1726 года в Санкт-Петербург прибыл граф А. Рабутин [Там же, л. 50б]. Он почти сразу же был принят Екатериной I (18 апреля). Как подметил свидетель событий Ж. де Кампредон в своей реляции в Версаль на следующий день после самого события, «такой чрезвычайной поспешности никогда ещё не выказывали

ни с одним иностранным министром» [Сб. ИРИО, т. 64, с. 348]. И это действительно так. На примере самого Ж. де Кампредона можно увидеть, что он сам добивался аудиенции с Екатериной I с 1725 года, так и не получив таковой до марта 1726 года [Там же, с. 300].

Договор России и Австрии действительно был разработан в короткие сроки и предусматривал решение сразу нескольких проблем во внешней политике России. Австрия обязалась помочь герцогу Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому в достижении Шлезвига (в отношении Дании у неё не было никаких обязательств), выступила военным союзником России на восточном направлении, предупредив агрессию Османской империи, а сам союз приблизил момент признания императорского титула за русским государем. Сам по себе факт союза, общения на равных, приёма послов приближал момент признания Австрией императорского титула [Брикнер, 1868, с. 534—535].

Новообретённый союзник поспособствовал вступлению России в Венский союз, предопределив дальнейшее военно-политическое разделение Европы и подготовку к большой войне. Новый виток истории Балтийского вопроса во внешней политике Российской империи углубил разделение Европы, когда в ряд противников Венского блока включились Голландия, Дания и Швеция (последняя, по сути, разорвала подписанный ещё при Петре I Стокгольмский договор 1724 года), на сторону Венского блока из Ганноверского перешла Пруссия. 17 сентября 1726 года Екатерина I возобновила заступничество в делах герцога Карла-Леопольда Мекленбург-Шверинского, герцогство которого планировалось использовать в качестве плацдарма для возможного наступления [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, д. 1об].

Разразившийся в Европе конфликт грозил новой всеобщей войной. Однако смерть Екатерины I и раздавшиеся призывы к примирению со стороны европейских государств привели к открытию сначала в Камбре, а потом в Суассоне мирного конгресса по урегулированию.

Во внешней политике России замечается поворот в сторону от Гольштейнского вопроса. Сразу же, стоило только умереть главному безальтернативному стороннику возвращения Шлезвига Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому, Россия сначала на деле, а потом и на словах отказывается от поддержки герцога.

Первые попытки уйти от принятой ответственности были предприняты на обозначенном выше Суассонском конгрессе, на который Россия была приглашена своим главным союзником — Австрией. В инструкциях А. И. Остермана Б. И. Куракину и А. Г. Головкину прослеживается попытка, если не отказаться полностью от гарантий, то как минимум ограничить-

ся только декларацией намерений [Остерман, 1914, с. 14]. А. И. Остерман пошёл на сделку с Австрией относительно герцогства Мекленбург-Шверин, управление которым с общего согласия было передано брату бывшего герцога Карла-Леопольда [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, л. 19—19об]. Позже, уже в 1732 году, когда был создан кабинет министров Анны Иоанновны [Павленко, 2018, с. 134], в котором А. И. Остерман занял ключевое положение «души» [Миних, 1874, с. 46], вице-канцлер выступил с инициативой трактата Дании, России, Цесаря, Пруссии и Англии для урегулирования Гольштейнского вопроса [А СПб ИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 89, л. 40 об]. Копенгагенский договор 15 (26) мая 1732 года в итоге был подписан Россией, Австрией и Данией [Собрание трактатов ..., 1874, т. 1, с. 48]. По двум секретным артикулам этого договора, Карлу Фридриху Гольштейн-Готторпскому была обещана выплата одного миллиона ефимков за утраченные владения со стороны датской короны, и «если герцог от выплаты откажется, то ему уже никто ничего не будет должен» [Там же, с. 59—62]. Таким образом, графу А. И. Остерману довольно легким способом удалось окончательно избавиться от обязательств перед голштинским двором.

4. Заключение = Conclusions

Несмотря на личностные пристрастия правителей России, Балтийский вопрос оставался тем не менее едва ли не первым, если не считать турецкую проблему, в политической повестке. Преемственность его прослеживается на протяжении двухсот лет, с царствования Ивана Грозного и до правления Петра I и его преемников. После смерти Петра I обострение Балтийского вопроса вкупе с нараставшими в Европе противоречиями на фоне закончившейся общеевропейской войны за испанское наследство едва не привели Россию к серьёзному военному столкновению со странами Западной Европы. Во внешней политике России набрали силу связанные с монархом субъективные факторы. Екатерина I стала непримиримым сторонником возвращения Шлезвига своему зятю, ради чего российская императрица была готова начать войну с Данией и Ганноверским блоком государств. Лишь умелые действия отечественных дипломатов помогли избежать прямого столкновения, позволили вывести Россию из цикла эскалации в Европе, а также заключить союзы, которые в свою очередь обеспечили устойчивый внешнеполитический курс на десятилетия вперед.

Источники и принятые сокращения

1. А СПб ИИ РАН — *Архив* Санкт-Петербургского института истории российской академии наук. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. Д. 89 (Выписки из конференций, мемориалов и взаимных сообщений между Российскими и Австрийско-цесарскими в России бывшими министрами 1725—1741 гг. Ч. 1.). Лл. 1 об., 5, 5 об., 19—19 об.

2. Сб. ИРИО — *Сборник* Императорского Российского исторического общества. Т. 40 (Переписка французского представителя в России Ж. де Кампредона с французским министерством иностранных дел). С. 306. ; Т. 49. С. 342. ; Т. 52. С. 389. ; Т. 58. С. 52, 72, 93, 118, 167, 339—341, 353. ; Т. 64. С. 35, 44, 300, 348.

3. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией и иностранными державами / по поручению Министерства иностранных дел составил Ф. Мартенс, проф. Императорского Санкт-Петербургского университета. Т. 1 : Трактаты с Австрией. 1648—1762. — 1874. — 367 с.*

4. *Берхгольц Ф. В. Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца. 1721—1725 / Пер. с нем. И. Ф. Аммона. — Москва : унив. Тип. 1902. — Ч. 2 : 1722-й год. — 247 с.*

5. *Миних Б. Х. Записки фельдмаршала графа Миниха / Б. Х. Миних. — Санкт-Петербург : Я. А. Исаков, 1874. — 406 с.*

6. *Остерман А. И. Рассуждение о Персидских и Турецких делах / А. И. Остерман // Русский вестник : журнал. — 1841. — Т. 2. — С. 153—161.*

7. *Остерман А. И. Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 году / А. И. Остерман // Северный архив : журнал. — 1828. — № 1, 2. — С. 3—61.*

8. *Остерман А. И. Из переписки барона А. И. Остермана : (Письма к кн. Б. И. Курякину и гр. А. П. [И.Г.] Головкину. 1727—1729) / [Публ. и авт. вступ. статьи] М. Полиевктов. — Москва : О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1913. — 32 с.*

9. *Поссевино А. Исторические сочинения о России XVI в / А. Поссевино ; пер., вступ. ст. и коммент. Л. Н. Годовиковой. — Москва : Изд-во МГУ, 1983. — 271 с.*

Литература

1. *Алиев Ф. Н. Иван Грозный и Петр Великий : сравнительное исследование проводимых реформ / Ф. Н. Алиев, О. С. Бадюл // Global & Regional Research. — 2021. — № 3. — С. 211—216.*

2. *Брикнер А. Г. Австрийские дипломаты в России (по документам Венского архива) / А. Г. Брикнер // Вестник Европы. — 1893. — Кн. XII. — С. 506—559.*

3. *Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Господство Дома св. Владимира, X—XVI столетия / Н. И. Костомаров. — Санкт-Петербург : Лит. фонд, 1912. — Книга 1. — 441 с.*

4. *Краснянский Д. Е. Балтийский вопрос в XVI—XVIII веках и трансформация Московского царства в Россию / Д. Е. Краснянский // Инновации в гражданской авиации. — 2019. — № 1. — С. 5—15.*

5. *Некрасов Г. А. Роль России в европейской международной политике 1725—1739 / Г. А. Некрасов. — Москва : Наука, 1976. — 320 с.*

6. *Никифоров Л. А. Внешняя политика России в последние годы Северной войны : Ништадтский мир / Л. А. Никифоров. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1959. — 498 с.*

7. *Павленко Н. И. Граф Остерман / Н. И. Павленко. — Москва : Проспект, 2018. — 191 с. — ISBN 978-5-9988-0472-4.*

8. *Соловьев С. М. Сочинения в 18 кн. : История России с древнейших времен : Т. 21—22 / С. М. Соловьев. — Москва : Мысль, 1993. — Книга 11. — 620 с.*

9. *Феоктистов С. А. Состояние международных дел в Европе и дипломатические отношения Англии и России (1719—1731 гг.) / С. А. Феоктистов // Гуманитарий : актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. — 2012. — № 4. — С. 51—60.*

10. *Филлюшкин А. И.* Первое противостояние России и Европы. Ливонская война Ивана Грозного / А. И. Филлюшкин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2018. — 318 с. — ISBN 978-5-4448-0919-8.

11. *Черняк Е. Б.* Система международных отношений в Европе 18 в. / Е. Б. Черняк // История Европы : Европа Нового времени (XVII—XVIII века). — Москва : Наука, 1994. — Т. 4. — С. 430—456. — ISBN 5-02-010065-X.

12. *Эйльбарт Н. В.* «Апология» царя Ивана Грозного Г. Самуэля Тройера как инструмент формирования положительного образа российской монархии в Европе в петровскую эпоху / Н. В. Эйльбарт // Вестник РУДН. Серия : История России. — 2022. — Том 21. — № 3. — С. 376—383. — DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>.

*Статья поступила в редакцию 03.01.2023,
одобрена после рецензирования 02.03.2023,
подготовлена к публикации 25.03.2023.*

Material resources

- A Spb AI RAS — A St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences. In: *Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences*. (In Russ.).
- Berkholts, F. V. (1902). *Diary of the chamber-junker F. V. Berkholts. 1721—1725*, 2: 1722. Moscow: univ. Type. 247 p. (In Russ.).
- Sbs. IRIO — *Collection of the Imperial Russian Historical Society, 40 (Correspondence of the French representative in Russia Zh. de Campredona with the French Ministry of Foreign Affairs)*. (In Russ.).
- Minikh, B. H. (1874). *Notes of Field Marshal Count Minikh*. St. Petersburg: Ya. A. Isakov. 406 p. (In Russ.).
- Osterman, A. I. (1913). *From the correspondence of Baron A. I. Osterman*. Moscow: About the history and antiquities of Russia. at Moscow. un-te. 32 p. (In Russ.).
- Osterman, A. I. (1841). Reasoning about Persian and Turkish affairs. *Russian Bulletin: journal*, 2: 153—161. (In Russ.).
- Osterman, A. I. (1828). The general state of affairs and interests of the All-Russian with all neighboring and other foreign states in 1726. *Northern Archive: magazine*, 1,2: 3—61. (In Russ.).
- Possevino, A. (1983). *Historical writings about Russia of the XVI century*. Moscow: Publishing House of Moscow State University. 271 p. (In Russ.).
- The collection of treatises and conventions concluded by Russia and foreign Powers / on behalf of the Ministry of Foreign Affairs was compiled by F. Martens, Prof. Imperial St. Petersburg University, 1: Treatises with Austria. 1648—1762*. (1874). 367 p. (In Russ.).

References

- Aliyev, F. N., Badyul, O. S. (2021). Ivan the Terrible and Peter the Great: a comparative study of the ongoing reforms. *Global & Regional Research*, 3: 211—216. (In Russ.).
- Brickner, A. G. (1893). Austrian diplomats in Russia (according to the documents of the Vienna Archive). *Bulletin of Europe, XII*: 506—559. (In Russ.).
- Chernyak, E. B. (1994). The system of international relations in Europe of the 18th century. In: *History of Europe: Europe of Modern times (XVII—XVIII centuries)*, 4. Moscow: Science. 430—456. ISBN 5-02-010065-X. (In Russ.).

- Eilbart, N. V. (2022). “Apology” of Tsar Ivan the Terrible G. Samuel Troyer as a tool for forming a positive image of the Russian monarchy in Europe in the Petrine era. *Bulletin of the RUDN. Series: History of Russia*, 21 (3): 376—383. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-3-376-383>. (In Russ.).
- Feoktistov, S. A. (2012). The state of international affairs in Europe and diplomatic relations between England and Russia (1719—1731). *Humanities: actual problems of humanities and education*, 4: 51—60. (In Russ.).
- Filyushkin, A. I. (2018). *The first confrontation between Russia and Europe. Livonian War of Ivan the Terrible*. Moscow: New Literary Review. 318 p. ISBN 978-5-4448-0919-8. (In Russ.).
- Kostomarov, N. I. (1912). *Russian history in the biographies of its main figures. The domination of the House of St. Vladimir, X—XVI centuries, 1*. St. Petersburg: Lit. fund. 441 p. (In Russ.).
- Krasniansky, D. E. (2019). The Baltic question in the XVI—XVIII centuries and the transformation of the Moscow Kingdom into Russia. *Innovations in civil aviation*, 1: 5—15. (In Russ.).
- Nekrasov, G. A. (1976). *The role of Russia in European International Politics 1725—1739*. Moscow: Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Nikiforov, L. A. (1959). *Russia's foreign policy in the last years of the Northern War: The Nishtadt Peace*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 498 p. (In Russ.).
- Pavlenko, N. I. (2018). *Count Osterman*. Moscow: Prospekt. 191 p. ISBN 978-5-9988-0472-4. (In Russ.).
- Solovyov, S. M. (1993). *Essays in 18 books: The History of Russia since ancient times, 21—22 (11)*. Moscow: Mysl. 620 p. (In Russ.).

*The article was submitted 03.01.2023;
approved after reviewing 02.03.2023;
accepted for publication 25.03.2023.*

Мухамедов Р. А. Кадровое обеспечение органов прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1922—1928 годах / Р. А. Мухамедов, М. В. Чигрин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 417—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-417-435.

Mukhamedov, R. A., Chigrin, M. V. (2023). Personnel Support of Prosecutor's Office of Simbirsk (Ulyanovsk) Province in 1922—1928. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 417-435. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-417-435. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-417-435

Кадровое обеспечение органов прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1922—1928 годах

Мухамедов Рашит Алимович

orcid.org/0000-0001-6181-3249

доктор исторических наук, профессор
rasit56@mail.ru

Чигрин Максим Валерьевич

orcid.org/0000-0002-1006-5524

кандидат исторических наук, докторант
maksim-chigrin@mail.ru

Ульяновский государственный
педагогический университет
имени И. Н. Ульянова
(Ульяновск, Россия)

Personnel Support of Prosecutor's Office of Simbirsk (Ulyanovsk) Province in 1922—1928

Rashit A. Mukhamedov

orcid.org/0000-0001-6181-3249

Doctor of History, professor
rasit56@mail.ru

Maksim V. Chigrin

orcid.org/0000-0002-1006-5524

PhD in History, Doctoral degree seeker
maksim-chigrin@mail.ru

Ulyanovsk State
University of Education
(Ulyanovsk, Russia)

© Мухамедов Р. А., Чигрин М. В., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается кадровое обеспечение органов прокуратуры в Симбирской (Ульяновской) губернии в 1922—1928 годы. Актуальность исследования обусловлена тем, что с объективной точки зрения впервые на базе введения в научный оборот ранее недоступных по причине их секретности архивных материалов, изъятых из фондохранилищ Государственного архива Ульяновской области и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области, была комплексно проанализирована в региональном контексте кадровая работа органов прокуратуры в Симбирской (Ульяновской) губернии в период новой экономической политики. Авторы изучили специфику подбора и расстановки кадровых специалистов в соответствии с утвержденными критериями в органах прокуратуры, проследили изменения штатного кадрового состава, определили уровень материального обеспечения сотрудников прокуратуры, а также отметили позитивные и отрицательные факторы в реализуемой кадровой политике. В ходе работы было установлено, что проводимая кадровая политика позволила сформировать такую модель прокуратуры, при функционировании которой большевики могли контролировать деятельность органов власти, правоохранительных структур, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций, чувствовать себя в безопасности, а также регулярно оказывать воздействие на социум.

Ключевые слова:

новая экономическая политика; Симбирская (Ульяновская) губерния; прокуратура; прокурор; законность; партийные органы; кадровая политика; текучесть кадров.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the staffing of the prosecutor's office in the Simbirsk (Ulyanovsk) province in 1922—1928. The relevance of the study is due to the fact that, from an objective point of view, for the first time on the basis of the introduction into scientific circulation of previously inaccessible due to their secrecy archival materials, seized from the depositories of the State Archive of the Ulyanovsk Region and the State Archive of Recent History of the Ulyanovsk Region, the prosecutor's office personnel work of the authorities was comprehensively analyzed in the regional context in the Simbirsk (Ulyanovsk) province during the period of the new economic policy. The authors studied the specifics of the selection and placement of personnel specialists in accordance with the approved criteria in the prosecutor's office, traced changes in the regular staff, determined the level of material support for prosecutors, and also noted positive and negative factors in the implemented personnel policy. In the course of the work, it was found that the ongoing personnel policy made it possible to form such a model of the prosecutor's office, during the functioning of which the Bolsheviks could control the activities of government bodies, law enforcement agencies, economic institutions, public and private organizations, feel safe, and also regularly influence society.

Key words:

new economic policy; Simbirsk (Ulyanovsk) province; prosecutor's office; prosecutor; legality; party bodies; personnel policy; staff turnover.

Кадровое обеспечение органов прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии в 1922—1928 годах

© Мухамедов Р. А., Чигрин М. В., 2023

1. Введение = Introduction

Прокуратура — это инструмент, с помощью которого государство осуществляет воздействие на преобразования в социально-экономической сфере, обеспечивает защиту прав и свобод граждан. В современных реалиях в мире успешно функционируют две модели прокуратуры. Первая модель, функционирующая преимущественно в западноевропейских государствах и Соединенных Штатах Америки, подразумевает деятельность прокуратуры как органа, осуществляющего уголовное преследование. В свою очередь, вторая модель, действующая в бывших социалистических странах и Российской Федерации, подразумевает прокуратуру как орган, осуществляющий надзор за законностью [Щерба и др., 2000, с. 47].

По мнению ряда исследователей, в западноевропейских государствах прокуратура не осуществляет общий надзор в связи со сформированностью саморегулируемого гражданского общества и очень высоким уровнем политической культуры [Номейлер, 1994; Зигерт, 2005; Alexander, 2006], в то время как в Российской Федерации, как и в ряде бывших социалистических странах, отсутствуют традиции гражданского общества и превалирует правовой нигилизм [Варламова, 2000, с. 91]. С нашей точки зрения, за органами прокуратуры в России была закреплена функция общего надзора за законностью прежде всего по причине особой роли государства в отечественной истории: чем «сильнее» государство, тем существеннее роль прокуратуры в правовой системе органов и шире спектр выполняемых ею задач.

На настоящий момент в отечественной среде у исследователей отмечается рост интереса к проблеме обеспечения законности и поддержания правопорядка, что обуславливается прежде всего всплеском преступности на фоне социально-экономической напряженности, а также нестабильной политической обстановкой в мире. В этих непростых условиях правительство сконцентрировано на разработке и последующей реализации реформы как правоохранительной системы в целом, так и одного из ее важнейших органов, а именно прокуратуры. В рамках реформы существенное внимание уделено кадровому вопросу, так как эффективная работа органов прокуратуры всецело зависит от обеспеченности квалифицированными кадрами. Актуальность проблемы обусловлена тем,

что подробный анализ исторического опыта проведения советским правительством в годы новой экономической политики мероприятий по подбору и воспитанию кадров судебных органов даст возможность правительству РФ при проведении судебных реформ «отделить зерна от плевел» и избежать повторения ошибок.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Проблема кадрового обеспечения органов прокуратуры стала предметом изучения для отечественных и зарубежных исследователей. В. Б. Алексеевым и Е. А. Мироновой была выявлена специфика деятельности прокуратуры и особенности организации работы ее сотрудников в ходе осуществления надзора за делопроизводством в судебных органах [Алексеев и др., 1993]. Подробно были рассмотрены этапы становления и собственно деятельность советской прокуратуры исследователем В. И. Басковым, который пришел к выводу, что двойственное положение, в котором находились прокуроры, не позволяло в кратчайшие сроки беспрепятственно выполнять надзорные функции. В свою очередь, по мнению автора, это существенно замедляло их работу и зачастую приводило к тому, что из-за излишней загруженности прокурорам приходилось вносить коррективы в сроки выполнения запланированных мероприятий [Басков, 1998]. В подобном ключе проблему рассмотрел и В. Г. Бессарабов [Бессарабов, 2002].

Можно отметить работу С. Ю. Салминой, где рассмотрен процесс формирования и развития прокуратуры как в Челябинской области, так и на территории Урала. Исследовательницей приводятся краткие сведения о кадровом составе Челябинской прокуратуры в годы новой экономической политики [Салмина, 2001]. Интерес вызывает труд об иркутской прокуратуре, опубликованный А. М. Семеновым по случаю 280-й годовщины со дня формирования прокуратуры в стране [Семенов, 2002]. Несомненный плюс работы — богатая источниковая база, содержащая как архивные материалы, так и мемуары. Тем не менее исследователем не был выполнен подробный анализ событий, не проведены сравнения. Стоит упомянуть и труд А. Г. Звягинцева и Ю. Г. Орлова, в котором показано влияние личности прокуроров на процесс становления и последующего функционирования прокуратуры [Звягинцев и др., 1998]. Кроме этого, к данной проблематике обращались отечественные исследователи: Д. А. Вазеров, И. А. Гридунова, И. А. Перфильева, Н. А. Какоурова и Г. Т. Камалова [Вазеров, 2005; Гридунова, 2010; Жук, 2009; Перфильева, 2007; Какоурова, 2006; Камалова, 2009].

Существенный интерес к вопросам деятельности и кадрового комплектования советской прокуратуры отмечался и у зарубежных исследователей. Особого внимания заслуживает труд англичанина Ю. Хаски «Российская ад-

вокатура и советское государство» [Хаски, 1993]. Осуществив анализ периодической печати СССР и зарубежных стран, автор выявил, что прокуратуре в советском государстве отводилась важнейшая роль в судебных процессах. Специфика подбора и комплектования кадров по партийным и социальным критериям сделала прокуратуру лояльным инструментом. Исследователь отмечал, что на протяжении всего периода новой экономической политики в партийных кругах шли дискуссии о том, какую модель должна принять вся правовая система и прежде всего органы суда и прокуратура. Именно в ходе дискуссий было решено развивать данные органы в соответствии с интересами «пролетарской республики». Стоит упомянуть монографии, выполненные Э. Карром и Р. Пайпсом [Karr, 1900; Pipes, 1986]. Историки-советологи подходили к анализу деятельности органов юстиции с позиции трансформации идеологической платформы коммунистической партии. Косвенное отражение нашла проблема и в трудах Н. Верта, Д. Боффа и Дж. Хоскинга [Верт, 1995; Боффа, 1994; Хоскинг, 1994].

Тем не менее в рамках Ульяновского региона проблема комплектования кадров прокуратуры так и не была освещена, что определяет актуальность данной статьи.

Источниковая база статьи обширна. Преобладающую часть материалов непосредственно составили архивные документы, многие из которых по причине того, что ранее имели гриф «секретно», были введены нами в научный оборот. В частности, полезная информация о процессе формирования и становления органов прокуратуры, о специфике комплектования и финансирования кадрового состава, о численном и персональном штатном составе и уровне материального обеспечения, о социальном положении, уровне образования, партийной принадлежности служащих была нами получена из документов, изъятых из фондохранилищ Государственного архива Ульяновской области [ГАУО, ф. р-1101, р-1146, р-1820] и Государственного архива новейшей истории Ульяновской области [ГАНИ УО, ф. 1, 3, 48]. В свою очередь анализ законодательных и нормативно-правовых документов дал нам подробное представление о принципах организации и правовом статусе прокуратуры.

Методологическая основа статьи — комплекс общенаучных, специальных исторических принципов и методов научного исследования. Описательно-повествовательный метод дал возможность выявить основные рубежи развития прокуратуры, а сравнительно-исторический и историко-системный методы — изучить специфику кадрового пополнения прокуратуры. Наряду с этим в ходе работы были применены и принципы историзма, объективности, детерминизма, индукции и дедукции, анализа и синтеза.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Образование и развитие организационно-штатной структуры органов прокуратуры Симбирской губернии в 1922—1924 годах

В Симбирской губернии осенью 1922 года был завершен процесс организации Управления Губернского Прокурора и Прокурорских участков в уездных единицах [Положение ..., 1922] (табл. 1).

Таблица 1

Организация прокурорских участков в Симбирской губернии*

Номер участка	Место организации	Помощник прокурора	Дата организации
1	г. Симбирск	Логвинович	22. 09. 1922
2	Симбирский уезд	Козилов	12. 11. 1923
3	Сенгилеевский уезд	Еремеев	22. 09. 1922
4	Сызранский уезд	Комаров	21. 11. 1922
5	Карсунский уезд	Андрианов	22. 09. 1922
6	Алатырский уезд	Арискин	10. 10. 1922
7	Ардатовский уезд	-	22. 09. 1922

*Источник: [ГАУО, ф. р-1146, оп. 1, д. 1, л. 2].

Кадровый набор работников в органы прокуратуры осуществлялся в соответствии с принципами партийной и классовой принадлежности при условиях безукоризненной репутации и наличия стремления следовать идеям партии РКП (б), а также желания безукоснительно исполнять профессиональные обязанности.

Роль и значение советской прокуратуры в системе правоохранительных органов укреплялись, поэтому ужесточались и требования, выдвигаемые к потенциальным сотрудникам. Прежде всего существенное внимание уделялось комплектованию прокуроров. В частности, 5 декабря 1922 года в подписанном В. М. Молотовым циркуляре было закреплено положение о том, что «назначение и перемещение губернских прокуроров должно осуществляться в обязательном порядке Прокурором Республики по согласованию с ЦК РКП (б)» [ГАУО, ф. р-1101, оп. 1, д. 1, л. 7]. Кроме этого, при приеме на работу в прокуратуру среди кандидатов предпочтение отдавалось гражданам, состоявшим в партии Ленина, имеющим опыт работы в структурах правопорядка и юридическое образование.

Управление Губернского прокурора состояло из Губпрокурора, 5 помощников и 17 технических сотрудников. Симбирская губерния в штатном отношении была причислена ко второму разряду, который подразумевал

следующую численность сотрудников: 9 лиц прокурорского надзора и технических сотрудников. Технический аппарат Губпрокуратуры состоял из 21 человека. Большая часть сотрудников по профессиональным качествам и уровню образования соответствовала занимаемой должности. Так, секретарь и его помощники были лицами с высшим образованием и стажем работы в судебных органах [ГАУО, ф. р-1101, оп. 1, д. 3, л. 5].

В Симбирской губернии нехватка сотрудников прокурорского состава была обусловлена отсутствием подходящих кандидатов для замещения должностей помощника прокурора и недостаточностью отпускаемых кредитов на зарплату. В марте 1923 года по результатам проведенной ревизии было установлено, что «прокуратурой неоднократно осуществлялась попытка обновления технического состава с целью подбора наиболее квалифицированных сотрудников. На момент проверки 10 человек было отчислено, а большая часть сотрудников была признана пригодной к выполнению возложенных на них обязанностей» [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 614, л. 59].

Управление Губпрокуратуры было разделено на отделения: Отделение общего надзора, Отделение обвинения и надзора за органами следствия и дознания и Секретариат и секретное отделение [ГАУО, ф. р-1101, оп. 1, д. 4, л. 2].

В первое время после организации органов прокуратуры работа ее технических сотрудников осуществлялась в очень сложной обстановке. С целью улучшения ситуации в феврале 1924 года прокуратурой были приняты меры, направленные на упрощение работы канцелярии: введена сокращенная запись бумаг условными знаками во входящий журнал и пропуск одной трети от общего количества бумаг без всякой записи во входящий и исходящий журналы, а также выдача карточек по жалобам и заметкам [Там же, л. 61]. Принятые меры при точном распределении функций сотрудников не позволили снизить уровень нагрузки технического персонала, поэтому сохранились систематическая задержка материалов в канцелярии и сверхурочные работы. Прокурор Ульяновской губернии о сложившейся ситуации в своем докладе в партийный комитет заявлял следующее: «Даже с увеличением штата технический аппарат не сможет переварить весь материал, что лишь парализует работу прокуратуры. Необходимо или изменение самой структуры делопроизводства с упрощением канцелярской работы или же увеличение штата сотрудников с повышением зарплаты в целях привлечения квалифицированной силы» [Там же, л. 109].

3.2. Кадры органов прокуратуры Ульяновской губернии в 1924—1928 годах

После назначения на должность губернского прокурора Татаркина взамен Соснина произошло значительное усиление контроля за работой про-

куратуры. Прежде всего были строго распределены обязанности между помощниками прокурора, издан ряд внутренних циркуляров, инструкций, разъяснений для отчетности и контроля. Только в мае 1924 года было издано 12 циркулярных распоряжений по целому ряду вопросов, таких как порядок направления следственных дел, правила установления тесной связи с массами, способы осуществления общего надзора и т. д. Кроме этого, Татариным для помощников прокурора была установлена отчетность в форме письменных докладов и цифровых ведомостей [ГАУО, ф. р-1146, оп. 1, д. 3, л. 4]. Контроль над деятельностью помощников выражался в периодической проверке на предмет оперативной и грамотной работы путем заслушивания докладов и сообщений помощников, оценки ответов на запросы и посредством непосредственного ознакомления с работой помощников прокурора. В результате проверки два помощника прокурора Дмитриевский и Панов были уволены, первый — как несоответствующий должности, а второй — по причине продолжительной болезни [ГАУО, ф. р-1146, оп. 1, д. 8, л. 5].

Наряду с регулярным просмотром периодической печати работники прокуратуры выступали с докладами на собраниях рабкоров (рабочих корреспондентов, то есть нештатных корреспондентов печатного издания из рабочей среды). В результате просмотра газет прокуратурой было возбуждено 670 дел и принято 422 меры других разновидностей в порядке надзора [ГАУО, ф. р-1101, оп. 1, д. 2, л. 4]. Всего в 1924 году прокуратура 15 раз приняла участие в собраниях рабкоров и 9 раз выступила с докладами. Благодаря проведению комплекса данных мероприятий удалось усилить связь между органами прокуратуры и трудящимися. Сотрудники прокуратуры стали стражами революционной законности и получили известность в самых удаленных и малонаселенных пунктах Ульяновской губернии [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 906, л. 10].

Организация эффективной работы прокуратуры затруднялась тем, что выделялось недостаточно средств на передвижение представителей прокуратуры, имели место дефицит юридической литературы и слабый уровень материального обеспечения работников прокуратуры. Так, в докладе Ульяновскому губернскому комитету в марте 1925 года прокурор отмечал следующее: «Сотрудники ждут повышения зарплаты и до некоторой степени живут этой надеждой. Не мною уже замечается, как растет пассивность к работе, снижается энергия не только у технических, но и ответственных работников. Стремление уйти из прокуратуры за последнее время значительно возросло. Мотивы ухода различны: то необходим другой климат, то неувязка с секретарем Укома или нежелание ехать работать в уезд, но в основном это упирается в низкую зарплату и трудность работы. Часто можно слышать, что в РКИ спокойная работа без перегрузки, нет той пря-

мой ответственности, как в прокуратуре, а старший инспектор получает до 150 рублей. В декабре 1924 года задержка НКЮ в высылке зарплаты внесла прямое раздражение в ряды сотрудников. Может ли быть продуктивная работа, когда помощник прокурора бегает, чтобы найти несколько рублей, дабы дотянуть до получки жалованья? Некоторые технические сотрудники с семьей прямо голодают» [Там же, л. 114].

В первом квартале 1925 года на заседаниях Губкома неоднократно обсуждались вопросы об увеличении штата прокуратуры, а также проект о выдаче заработной платы вторым помощникам прокурора из местных средств бюджета. Было принято решение увеличить число помощников во всех уездных административных единицах губернии до 2 человек, а в Сызранской уездной единице до 3 человек [Там же, л. 118]. Однако данное решение не удалось выполнить в полной мере в связи с отсутствием свободных квалифицированных сотрудников. Так, по состоянию на октябрь 1925 года, в Ульяновской губернии во всех уездах, за исключением Ульяновского, работало лишь по одному помощнику прокурора. Не был реализован и проект о выдаче заработной платы вторым помощникам прокурора из местных средств по причине тяжелого финансового положения в Ульяновской губернии и большого дефицита бюджета. Кроме этого, уездными исполкомами были скорректированы в сторону уменьшения и сметы на содержание вторых работников помощников прокурора [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 1078, л. 25].

В марте 1925 года в прокуратуре Ульяновской губернии по решению губпрокурора с целью повышения эффективности деятельности была введена плановая система работы. Внесение коррективов позволило направить работу прокуратуры в определенное русло, сгладить шероховатости, изжить разбросанность. Так, за первую половину 1926 года в Ульяновском уезде утвержденные прокуратурой планы были перевыполнены на 50 % [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 906, л. 124]. В губернской камере в течение 1926—1927 годов планы работ в среднем выполнялись на 60—70 %. Столь низкий показатель, по-нашему мнению, мог быть обусловлен прежде всего тем, что в 1926 году была осуществлена кадровая перестановка, в ходе которой были приняты на должность 7 новых помощников прокурора без опыта. Помощник прокурора Андрианов по Ардатовскому уезду, как запустивший участок и не сумевший поставить себя на должную высоту, был переведен на должность Нарсудьи. Первый помощник прокурора по Ульяновскому уезду 25 мая 1926 года был откомандирован в распоряжение Северо-Кавказской Краевой Прокуратуры [ГАНИ УО, ф. 48, оп. 1, д. 41, л. 3]. В марте 1926 года был отчислен второй помощник прокурора по Ульяновскому уезду в связи с избранием его членом президиума Ульянов-

ского уездного исполнительного комитета. В июне 1926 года был переведен первый помощник прокурора по Карсунскому уезду в уездный комитет на должность заведующего орготделом [Там же, л. 52].

В свою очередь были зачислены на работу: на должность второго помощника прокурора по Сызранскому уезду — Неудачин, бывший Уполномоченный Губсуда по Сызранскому уезду, на должность второго помощника прокурора по Ульяновскому уезду — Казятин, член президиума Ульяновского уездного исполкома, на должность помощника по работе в деревне — Блохин, бывший секретарь Ардатовского Укома ВКП (б), на должность второго помощника прокурора по Карсунскому уезду за счет местных средств — Губанов, а также на должность первого помощника прокурора по Карсунскому уезду — Юденко, переведенный из состава Саратовской прокуратуры и окончивший высшие юридические курсы при НКЮ [ГАУО, ф. Р-1820. оп. 1, д. 2, л. 27]. При этом при подборе кадров прокуратура Ульяновской губернии просила Губкомитет выдвигать по мере возможности рабочих от станка или крестьян непосредственно от сохи. В результате произведенных кадровых перестановок среди работников прокуратуры доля рабочих к ноябрю 1926 года выросла до 58 % [Там же, л. 52].

В декабре 1926 года прокурор в своем докладе отмечал, что прокуратуре удалось за счет принятых мер значительно сократить повседневную нагрузку, кроме тех участков, где не имелось квалифицированных сотрудников [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 1291, л. 78]. В свою очередь один из помощников прокуратуры, заявляя о невозможности довести работу канцелярии до безусловной четкости, указывал в качестве причины фактор низкой зарплаты: «Последнего повышения зарплаты, прошедшего 1 января 1925 года, сотрудники долгое время ожидали с нетерпением, надеясь хотя бы на 25 % надбавки, а в результате надбавка вылилась лишь в 1, 5—2 рубля. Я не говорю уже о технических сотрудниках, получающих в среднем 25—29 рублей, но и ставка ответственных работников в размере 110 рублей явно недостаточна» [Там же, л. 84].

В 1927—1928 годах в прокуратуре Ульяновской губернии были произведены масштабные кадровые перестановки, вследствие которых штат работников был изменен фактически полностью (табл. 2).

В августе 1927 года по распоряжению прокурора Козловского был утвержден рабочий распорядок дня, а также введена отчетность со стороны помощников прокурора. Введение подобных мер позволило уже к концу первой половины 1927 года по сравнению со второй половиной 1926 года существенно сократить количество свободного от работы времени и нарастить объем выполненной работы (рис. 1).

Штат Ульяновской губернской прокуратуры
в 1927—1928 годах*

№	ФИО	Должность
1	Козловский (назначен в июле 1927 года взамен отчисленного Татаркина)	Прокурор
2	Корнеев Ф. И.	Заместитель прокурора
3	Смирнов А. И.	Помощник прокурора по общему надзору
4	Блохин З. С.	Помощник прокурора по работе в деревне
5	Сибирякова М. С.	Помощник прокурора при Гражданском отделении Губсуда, Земкомиссии и трудовым делам
6	Щепакин П. В.	Помощник прокурора при Уголовно-кассационном отделении Губсуда
7	Калинин П. В.	Помощник прокурора при судебном отделении Губсуда
8	Закржевский В. З.	Помощник прокурора по наблюдению за орг. следствия
9	Иленкин Н. К.	Помощник прокурора по наблюдению за организацией дознания и местами заключения следствия
10	Аверченко Ф. М.	Помощник прокурора по г. Ульяновску
11	Баскина Ф. С.	1-й помощник прокурора по 2 Ульяновскому уезду
12	Казятин	2-й помощник прокурора по 2 Ульяновскому уезду
13	Велицкий И. И.	1-й помощник прокурора по 3 Сызранскому уезду
14	Назаров Е. В.	2-й помощник прокурора по 2 Сызранскому уезду
15	Юденко П. И.	1-й помощник прокурора по 4 Ардатовскому уезду
16	Арискин А. М.	2-й помощник прокурора по 4 Ардатовскому уезду
17	Тимашев В. Д.	1-й помощник прокурора по 5 Карсунскому уезду
18	Должность осталась вакантной, так как не удалось подобрать квалифицированного работника	2-й помощник прокурора по 5 уч. Карсунскому уезду

*Источник: [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 1291, л. 80].

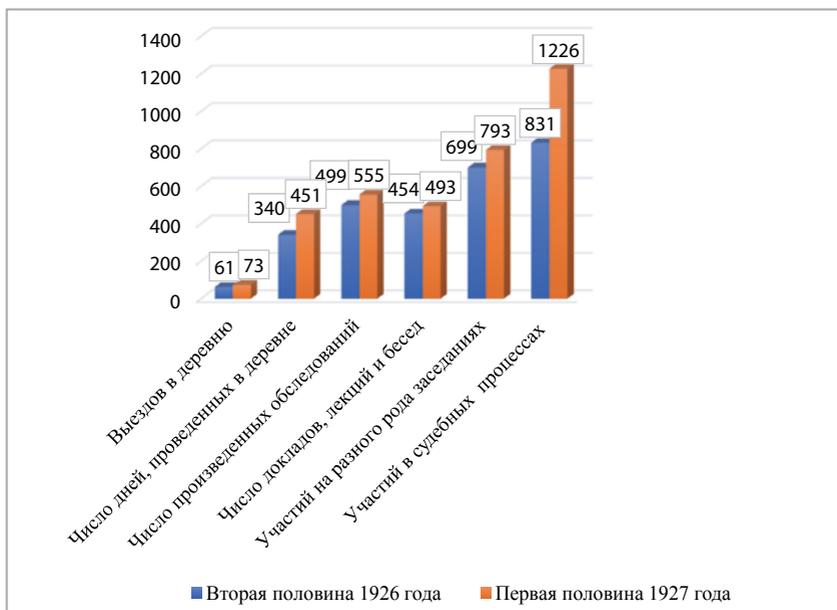

Рис. 1. Объем выполненной сотрудниками прокуратуры работы за вторую половину 1926 года по первую половину 1927 года*

Источник: [ГАНИ УО, ф. 1, оп. 1, д. 1291, Лл. 84—87].

Из анализа данных вышепредставленной диаграммы (рис. 1) видно, что в первой половине 1927 года по сравнению с аналогичным периодом 1926 года возросло количество выездов работников прокуратуры в деревню — на 16,4 %, дней, проведенных в деревне — на 24,6 %, количество обследований — на 10,1 %, число докладов, лекций и бесед — на 7,9 %, участия на разного рода заседаниях — на 11,9 % и участия в судебных процессах — на 32,2 %.

3.3. Динамика численности и качественный состав органов прокуратуры Симбирской Ульяновской губернии в 1922—1928 годах

В Ульяновской (Симбирской) губернии в 1922—1928 годах отмечалась устойчивая тенденция количественного роста кадров работников прокуратуры (рис. 2).

В частности, в Симбирской (Ульяновской) губернии в 1928 году по сравнению с 1922 годом количественный состав специалистов прокуратуры увеличился на 139,1 %. Местным партийным структурам удалось успешно решить проблему, связанную с острым дефицитом кадровых спе-

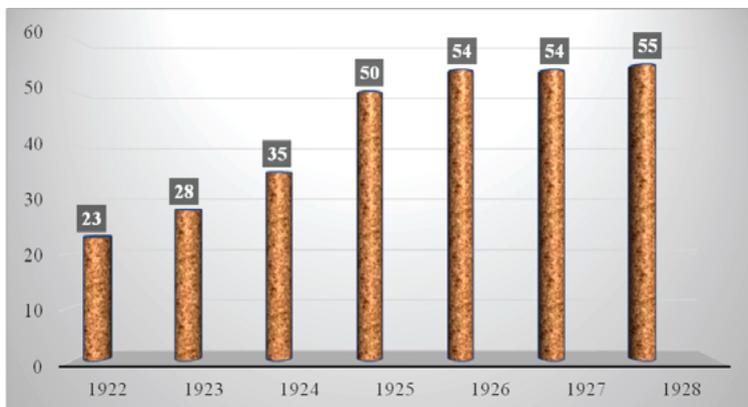

Рис. 2. Штат работников Симбирской (Ульяновской) губпрокуратуры в 1922—1928 годах (с учетом технического персонала)*

*Источник: [ГАУО, ф. р-1101, д. 1, л. 4, д. 5, л. 7;
ГАНИ УО, ф. 1, д. 906, л. 4 об., д. 1078, л. 25, д. 1079, л. 2, д. 1291, л. 80]

циалистов прокуратуры. Так, если в 1922 году из необходимых по штату для работы 30 специалистов имелось лишь 23, то уже в 1928 году штат прокуратуры был полностью укомплектован.

Одним из важных критериев подбора прокурорских кадров был классовый принцип. Это обуславливалось тем, что партийная дисциплина являлась наиболее действенной мерой по установлению жесткого контроля над функционированием органов прокуратуры. Так, Д. И. Курским в докладе на пятом съезде деятелей советской юстиции в 1924 году об организации и деятельности прокуратуры было отмечено, что основной костяк сотрудников составили именно самые лучшие и лояльные к интересам пролетарской республики партийные работники [ГАНИ УО, ф. 1, д. 1078, л. 27]. В Симбирской (Ульяновской) губернии доля членов РКП (б) в период с 1922 по 1928 год не только оставалась значительной, но и сохраняла тенденцию роста (рис. 3).

Так, если в 1922 году среди работников доля членов РКП (б) составляла 66,7 %, то в 1928 году — 88,8 %. При этом в 1925 году все штатные сотрудники губпрокуратуры были коммунистами. Подобная тенденция была примерно той же, что и в целом по РСФСР. Если в РСФСР к концу 1922 года доля членов РКП (б) среди штатных работников прокуратуры составляла 78,9 %, то уже в 1928 году — 92,4 %.

Работники юстиции считали, что лишь члены партии и пролетарии, которые вдохновлены революционной идеей, способны применять

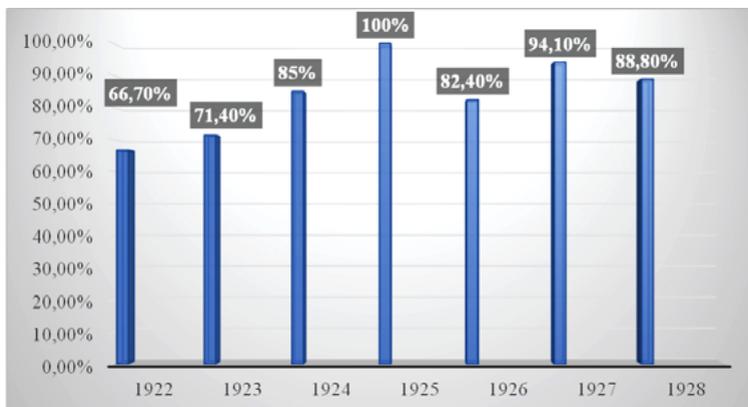

Рис. 3. Динамика личного состава прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии по партийности в 1922—1928 годы*

Источник: [ГАУО, ф. р-1101, д. 1, л. 5, д. 5, л. 3; ГАНИ УО, ф. 1, д. 614, л. 8, д. 906, л. 9, д. 1078, л. 25, д. 1079, л. 52, д. 1291, л. 82].

предоставляемый им широкий спектр полномочий для обеспечения охраны революционного правопорядка. С целью усиления классовой направленности в деятельности прокуратуры проводилась кампания по «орабочиванию», а именно увеличению среди штатных специалистов доли рабочих за счет сокращения доли крестьян и служащих.

В Симбирской (Ульяновской) губернии в период с 1922 по 1928 годы соотношение долей сотрудников с различным социальным положением (рабочие, крестьяне, служащие) изменялось в зависимости от текущих политических и социально-экономических реалий и от требований, выдвигаемых к потенциальным сотрудникам. В частности, в первые годы новой экономической политики доли групп в социальном составе органов прокуратуры в Симбирской (Ульяновской) губернии были практически равномерными, за исключением 1924 года, однако в дальнейшем при ужесточении требований, выдвигаемых к потенциальным сотрудникам и началу перехода к индустриализации и коллективизации, отмечался резкий рост доли рабочих (рис. 4).

Если в 1922 году доля рабочих в социальном составе прокуратуры региона составляла 40 %, крестьян — 20 %, служащих — 20 %, то уже в 1928 году показатели были соответственно: 47,4 %, 5,2 % и 47,4 %. При этом нам представляется целесообразным отметить, что кампания по «орабочиванию» не привела к сокращению доли служащих. Прежде всего это было обусловлено тем, что именно среди служащих имелись квалифици-

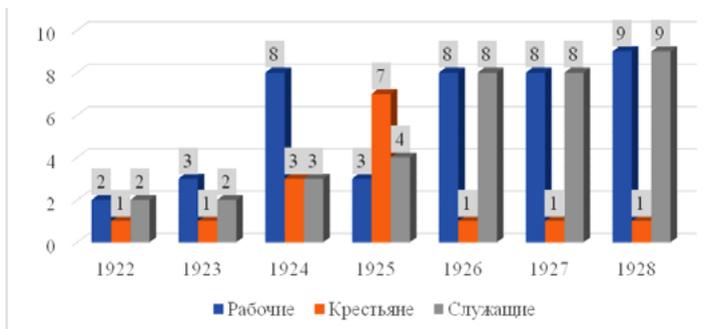

Рис. 4. Динамика личного состава прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии по социальному положению в 1922—1928 годах*

*Источник: [ГАУО, ф. р-1101, д. 1, л. 6, д. 5, л. 4; ГАНИ УО, ф. 1, д. 614, л. 8, д. 906, л. 9, д. 1078, л. 25, д. 1079, л. 52, д. 1291, л. 82].

рованные специалисты, обладающие высшим или средним уровнем образования, а также практическим юридическим опытом, безболезненно заменить которых не представлялось возможным.

При приеме граждан на работу в органы прокуратуры уделялось внимание партийности и классовой принадлежности, что привело к снижению требований к уровню образования. В РСФСР в 1922—1928 годах отмечалась тенденция роста среди штатных специалистов лиц с низшим образованием.

Аналогичным образом положение дел обстояло и в Симбирской (Ульяновской) губернии (рис. 5).

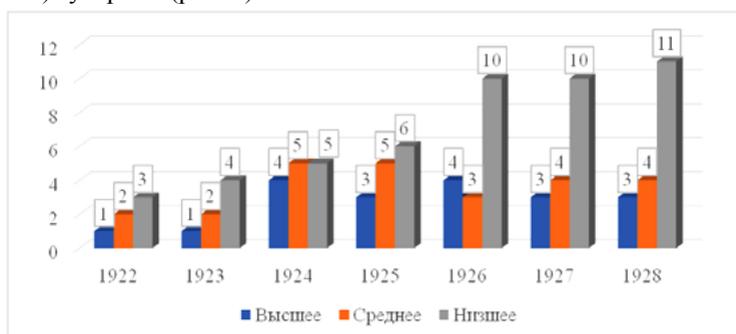

Рис. 5. Динамика личного состава прокуратуры Ульяновской (Симбирской) губернии по уровню образования в 1922—1928 годах*

*Источник: [ГАУО, ф. р-1101, д. 1, л. 6, д. 5, л. 4; ГАНИ УО, ф. 1, д. 614, л. 8, д. 906, л. 9, д. 1078, л. 25, д. 1079, л. 52, д. 1291, л. 82].

Исходя из анализа данных, можно заключить, что в Симбирской (Ульяновской) губернии в 1928 по сравнению с 1922 годом доля работников прокуратуры от общей численности штата с высшим образованием не изменилась и составила 16,7 %, со средним сократилась с 33,3 % до 22,2 %, тогда как с низшим, возросла с 50 % до 61,1 %.

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, произведенный нами анализ принципов подбора и расстановки специалистов в органах прокуратуры Симбирской (Ульяновской) губернии дал возможность определить специфические особенности решения властями кадрового вопроса. Штат работников прокуратуры с учётом технического персонала за период с 1922 по 1928 годы увеличился в 2,4 раза. При приеме на работу в органы преимущество отдавалось прежде всего членам коммунистической партии. В результате доля членов РКП (б) возросла на 22,1 %. Именно партийность стала эффективным методом, с помощью которого местными органами власти осуществлялся полный контроль над деятельностью прокуратуры. Стремление большевиков «оработчить» органы прокуратуры в Симбирской (Ульяновской) губернии не привело к запланированному результату. Доля рабочих возросла лишь на 7,4 %, тогда как служащих — на 27,4 %, а крестьян — уменьшилась на 14,8 %. В то же время произошло и сокращение доли сотрудников с высшим и средним уровнем образования на 11,1 %. Критерии, применявшиеся при подборе специалистов, позволили сформировать такую модель прокуратуры, при функционировании которой большевики могли контролировать деятельность органов власти, правоохранительных структур, хозяйственных учреждений, общественных и частных организаций, чувствовать себя в безопасности, а также влиять на социум. В регионе систематически уделялось внимание вопросам материального обеспечения сотрудников органа прокуратуры. Однако, несмотря на принимаемые решения, которые заключались прежде всего в повышении размера заработной платы, обозначенную проблему в полной мере так и не удалось решить. В результате уровень мотивации сотрудников неуклонно падал, усиливалась текучесть кадров. При этом идейные сотрудники, несмотря на трудности с материальным обеспечением, не думали об уходе с работы и продолжали выполнять свои обязанности на благо советского государства.

Источники и принятые сокращения

1. ГАНИ УО — *Государственный архив новейшей истории Ульяновской области*. Ф. 1 (Ульяновский губернский комитет ВКП (б)). Оп. 1. Д. 614. Лл. 8—59 ; Д. 906. Лл. 4 об. — 124 ; Д. 1078. Лл. 25—27 ; Д. 1079. Лл. 2—52 ; Д. 1291. Лл. 78—87 ; Ф. 48 (Ячейка ВКП (б) Суда и Прокуратуры). Оп. 1. Д. 41. Л. 3.

2. ГАУО — *Государственный архив Ульяновской области*. Ф. Р-1101 (Прокурор Ульяновской губернии). Оп. 1. Д. 1. Лл. 4—7 ; Д. 2. Л. 4 ; Д. 3. Л. 5 ; Д. 4. Лл. 2—109 ; Д. 5. Лл. 3—7.

3. Ф. Р-1146 — (*Помощник Симбирского губернского прокурора по Сенгилеевскому уезду Симбирской губернии*). Оп. 1. Д. 1. Л. 2 ; Д. 3. Л. 4 ; Д. 8. Л. 5 ; Ф. Р-1820 (Прокурор Ульяновского округа). Оп. 1. Д. 2. Лл. 27—52.

4. «*Положение о прокурорском надзоре*» от 28. 05. 1922 // СУ РСФСР. — 1922. — № 36. — Ст. 424.

Литература

1. *Алексеев В. Б.* Прошлое и настоящее прокурорского надзора за производством дел в судах / В. Б. Алексеев, Е. А. Миронова // Советская прокуратура. — Очерки истории. — Москва : Издательство НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1993. — С. 95—111.

2. *Басков В. И.* Отечественная прокуратура в 1922—1996 гг. / В. И. Басков // Вестник Московского университета. Серия 11 : Право. — 1998. — № 1. — С. 101—114.

3. *Бессарабов В. Г.* Советская прокуратура 1922—1991 гг. / В. Г. Бессарабов // Журнал российского права. — 2002. — № 12. — С. 120—138.

4. *Боффа Д.* История Советского Союза : в 2 т. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин, 1917—1941 / Д. Боффа ; пер. с ит. яз. И. Б. Левиной. — Москва : Международные отношения, 1994. — Т. 1. — 630 с. — ISBN 5-7133-0543-0.-5-7133-0544-9.

5. *Вазеров Д. А.* Создание и становление Пензенской прокуратуры : 1922—1928 : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Д. А. Вазеров. — Пенза, 2005. — 259 с.

6. *Варламова Н. А.* Правовой нигилизм : прошлое, настоящее и будущее России / Н. А. Варламова // Конституционное право : восточноевропейское обозрение. — Москва : Издательство Центра Конституционных исследований МОНФ. — 2000. — № 1 (30). — С. 90—93.

7. *Верт Н.* История советского государства. 1990—1991 / Н. Верт ; пер. с франц. — 2-е изд., испр. — Москва : Прогресс-Академия, 1995. — 544 с. — ISBN 586225-789-6.

8. *Гридунова И. А.* Алтайская прокуратура в годы новой экономической политики : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. А. Гридунова. — Барнаул, 2010. — 239 с.

9. *Звягинцев А. Г.* Распятие революцией : Российские и советские прокуроры : XX в. : 1922—1936 / А. Г. Звягинцев, Ю. Г. Орлов. — Москва : РОССПЭН, 1998. — 509 с. — ISBN 5-86004-189-6.

10. *Зигерт Й.* Гражданское общество в России / Й. Зигерт // Отечественные записки. — 2005. — № 6 (27). — С. 34—43.

11. *Какоурова Н. А.* История органов суда и прокуратуры Иркутской области в 1920—1930-е гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / Н. А. Какоурова. — Иркутск, 2006. — 238 с.

12. *Камалова Г. Т.* Правоохранительные органы Урала в годы новой экономической политики : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / Г. Т. Камалова. — Челябинск, 2009. — 491 с.

13. *Карр Э.* История Советской России. Большевицкая революция 1917—1923 / Э. Карр ; пер. З. П. Вольской, О. В. Захаровой, Н. Н. Кольцова ; ред. М. Ф. Носова, В. А. Суоров. — Москва : Прогресс, 1990. — Книга 1. — 766 с. — ISBN 5-01-002968-5.

14. *Номейлер М.* Уголовное судопроизводство и роль прокуратуры в Германии / М. Номейлер // Российская юстиция. — 1994. — № 10. — С. 28—30.
15. *Перфильева И. А.* Становление и эволюция государственного аппарата власти и управления Забайкалья в 1922—1936 гг. : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / И. А. Перфильева. — Иркутск, 2007. — 334 с.
16. *Салмина С. Ю.* Прокуратура Челябинской области : Очерки истории / С. Ю. Салмина. — Челябинск : Камменный пояс, 2001. — 345 с. — ISBN 5-88771-024-1.
17. *Семенов А. М.* Прокуроры земли Иркутской : Страницы летописи. Из века в век / А. М. Семенов. — Иркутск : На Чехова, 2002. — 299 с. — ISBN 5-7483-0254-2.
18. *Хаски Ю.* Российская адвокатура и советское государство / Ю. Хаски ; пер. с англ. — Москва : ИГПАН, 1993. — 183 с. — ISBN 5-201-01274-4.
19. *Хоскинг Д.* История Советского Союза. 1917—1991 / Д. Хоскинг ; пер. с англ. — Москва : Вагриус, 1994. — 510 с. — ISBN 5-7027-0034-1.
20. *Щерба С. П.* Прокуратуры и контрольные органы зарубежных стран / С. П. Щерба, В. Г. Бессарабов. — Москва : Юрлитинформ, 2000. — 224 с.
21. *Alexander J. C.* The Civil Sphere / J. C. Alexander. — New York : Oxford University Press, 2006. — 816 p. — ISBN 9780195162509.
22. *Pipes R.* Legalised Lawlessness : Soviet Revolutionary Justice / R. Pipes. — London : Institute for European Defence and Strategic Studies, 1986. — 252 p.

Статья поступила в редакцию 08.11.2022;
одобрена после рецензирования 03.02.2023;
подготовлена к публикации 20.03.2023.

Material resources

(Assistant to the Simbirsk provincial Prosecutor for the Sengileyevesky district of the Simbirsk province). Op. 1. D. 1. L. 2; D. 3. L. 4; D. 8. L. 5; F. R-1820 (Prosecutor of the Ulyanovsk district). Op. 1. D. 2. Ll. 27—52. (In Russ.).
“Regulations on prosecutorial supervision” of 28.05.1922. (1922). *SU RSFSR*, 36: St. 424. (In Russ.).
State Archive of the Ulyanovsk region. F. R-1101 (Prosecutor of the Ulyanovsk province). Op. 1. D. 1. Ll. 4—7; D. 2. L. 4; D. 3. L. 5; D. 4. Ll. 2—109; D. 5. Ll. 3—7. (In Russ.).
The State Archive of the modern history of the Ulyanovsk region. F. 1 (Ulyanovsk Provincial Committee of the CPSU (b)). Op. 1. d. 614. Ll. 8—59; D. 906. Ll. 4 vol. 124; D. 1078. Ll. 25—27; D. 1079. Ll. 2—52; D. 1291. Ll. 78—87; F. 48 (Cell of the CPSU (b) Court and Prosecutor’s Office). Op. 1. D. 41. L. 3. (In Russ.).

References

- Alekseev, V. B., Mironova, E. A. (1993). Past and present of prosecutorial supervision over the production of cases in courts. In: *The Soviet Prosecutor’s Office. Essays on history*. Moscow: Publishing House of the Research Institute for the Strengthening of Law and Order. 95—111. (In Russ.).
- Alexander, J. C. (2006). *The Civil Sphere*. New York: Oxford University Press. 816 p. ISBN 9780195162509.
- Baskov, V. I. (1998). The domestic Prosecutor’s Office in 1922—1996. *Bulletin of the Moscow University. Episode 11: Law*, 1: 101—114. (In Russ.).

- Bessarabov, V. G. (2002). Soviet Prosecutor's Office 1922—1991. *Journal of Russian Law*, 12: 120—138. (In Russ.).
- Boffa, D. (1994). *History of the Soviet Union: in 2 vols, 1. From the revolution to the Second World War. Lenin and Stalin, 1917—1941*. Moscow: International Relations. 630 p. ISBN 5-7133-0543-0.-5-7133-0544-9. (In Russ.).
- Carr, E. (1990). *The History of Soviet Russia. The Bolshevik Revolution of 1917—1923, 1*. Moscow: Progress. 766 p. ISBN 5-01-002968-5. (In Russ.).
- Gridunova, I. A. (2010). *Altai Prosecutor's Office in the years of the new economic policy*. PhD Diss. Barnaul. 239 p. (In Russ.).
- Hosking, D. (1994). *History of the Soviet Union. 1917—1991*. Moscow: Vagrius. 510 p. ISBN 5-7027-0034-1. (In Russ.).
- Husky, Yu. (1993). *Russian Advocacy and the Soviet State*. Moscow: IGPAN. 183 p. ISBN 5-201-01274-4. (In Russ.).
- Kakourova, N. A. (2006). *History of the court and prosecutor's office of the Irkutsk region in the 1920s—1930s*. PhD Diss. Irkutsk. 238 p. (In Russ.).
- Kamalova, G. T. (2009). *Law enforcement agencies of the Urals in the years of the new economic policy*. Doct. Diss. Chelyabinsk. 491 p. (In Russ.).
- Nomeiler, M. (1994). Criminal proceedings and the role of the Prosecutor's Office in Germany. *Russian Justice*, 10: 28—30. (In Russ.).
- Perfilieva, I. A. (2007). *Formation and evolution of the state apparatus of power and management of Transbaikalia in 1922—1936*. PhD Diss. Irkutsk. 334 p. (In Russ.).
- Pipes, R. (1986). *Legalised Lawlessness: Soviet Revolutionary Justice*. London: Institute for European Defence and Strategic Studies. 252 p.
- Salmina, S. Yu. (2001). *Prosecutor's Office of the Chelyabinsk region: Essays of history*. Chelyabinsk: Kammenny Belt. 345 p. ISBN 5-88771-024-1. (In Russ.).
- Semenov, A. M. (2002). *Prosecutors of the Irkutsk land: Pages of the chronicle. From century to century*. Irkutsk: On Chekhov. 299 p. ISBN 5-7483-0254-2. (In Russ.).
- Shcherba, S. P., Bessarabov, V. G. (2000). *Prosecutor's offices and control bodies of foreign countries*. Moscow: Yurlitinform. 224 p. (In Russ.).
- Siegert, J. (2005). Civil Society in Russia. *Otechestvennye zapiski*, 6 (27): 34—43. (In Russ.).
- Varlamova, N. A. (2000). Legal nihilism: the past, present and future of Russia. In: *Constitutional law: Eastern European Review*, 1 (30). Moscow: Publishing House of the Center for Constitutional Studies of the MONF. 90—93. (In Russ.).
- Vazero, D. A. (2005). *Creation and formation of the Penza Prosecutor's Office: 1922—1928*. PhD Diss. Penza. 259 p. (In Russ.).
- Vert, N. (1995). *History of the Soviet state. 1990—1991*. Moscow: Progress Academy. 544 p. ISBN 586225-789-6. (In Russ.).
- Zvyagintsev, A. G., Orlov, Yu. G. (1998). *Crucified by the Revolution: Russian and Soviet prosecutors: XX century: 1922—1936*. Moscow: ROSSPEN. 509 p. ISBN 5-86004-189-6. (In Russ.).

*The article was submitted 08.11.2022;
approved after reviewing 03.02.2023;
accepted for publication 20.03.2023.*

Науменко О. Н. Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири) / О. Н. Науменко, М. Ш. Альмухаметова, М. Г. Пинигин // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 436—453. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453.

Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. (2023). Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 436-453. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-436-453

Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири)

Науменко Ольга Николаевна¹

orcid.org/0000-0002-4601-987X

доктор исторических наук, профессор
oolgann@mail.ru

Альмухаметова Мариана Шамильевна²

orcid.org/0009-0007-4857-3077

кандидат исторических наук, доцент
m.s.almukhametova@utmn.ru

Пинигин Максим Геннадьевич²

orcid.org/0009-0006-3586-3334

кандидат юридических наук, доцент
m.g.pinigin@utmn.ru

¹ Югорский государственный университет (Ханты-Мансийск, Россия)

² Тюменский государственный университет (Тюмень, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда, проект № 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>

Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18th — Early 21st Centuries (Western Siberia)

Olga N. Naumenko¹

orcid.org/0000-0002-4601-987X

Doctor of History, Professor
oolgann@mail.ru

Mariana Sh. Almukhametova²

orcid.org/0009-0007-4857-3077

PhD in History, Associate Professor
m.s.almukhametova@utmn.ru

Maxim G. Pinigin²

orcid.org/0009-0006-3586-3334

PhD in Law, Associate Professor
m.g.pinigin@utmn.ru

¹ Yugra State University (Khanty-Mansiysk, Russia)

² Tyumen State University (Tyumen, Russia)

Acknowledgments:

The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation project № 22-28-20106, <https://rscf.ru/project/22-28-20106/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается опыт привлечения осужденных к труду в западносибирских тюрьмах, включая расположенные на территории Арктической зоны Югры, в конце XVIII — начале XXI веков. Отмечается, что данный опыт внедрялся в рамках гуманизации пенитенциарной системы по европейскому образцу. Авторы вводят понятие «трехфазная модель» гуманизации тюрьмы. Обосновывается тезис о том, что в истории России эта модель реализовывалась трижды и обязательно включала новые принципы организации труда заключенных. Сопоставляются результаты последней реформы, которая прошла в 2010—2020 годах, с предыдущими преобразованиями, и выявляются общие закономерности, характерные для России. Цель статьи — определить связь между моделью труда в местах заключения и этапами ослабления / укрепления политической власти. Проводится анализ организации труда арестантов, так как этот фактор является индикатором состояния правоохранительной системы, а она отражает степень стабильности государственной власти. Утверждается, что в условиях России принципы организации труда заключенных должны соответствовать представлениям о справедливости, характерным именно для российского народа. Показано, что реализованная несколько раз «трехфазная модель» гуманизации тюрьмы по европейскому образцу всегда имела негативные последствия для российской государственности.

Ключевые слова:

гуманизация наказания; пенитенциарная система; тюрьма; Западная Сибирь; Югра.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The experience of attracting convicts to work in West Siberian prisons, including those located on the territory of the Arctic zone of Yugra in the late 18th — early 21st centuries, is considered. It is noted that this experience was introduced as part of the humanization of the penitentiary system according to the European model. The authors introduce the concept of “three-phase model” of humanization of the prison. The thesis is substantiated that in the history of Russia this model was implemented three times and necessarily included new principles for organizing the work of prisoners. The results of the last reform, which took place in 2010—2020 are compared with previous reforms and general patterns characteristic of Russia are identified. The purpose of the article is to determine the relationship between the model of work in places of detention and the stages of weakening / strengthening of political power. The study is carried out through the analysis of the organization of work of prisoners, since this factor is an indicator of the state of the law enforcement system, and it reflects the degree of stability of state power as a whole. The study concluded that in the conditions of Russia, the principles of organizing the work of prisoners should correspond to the ideas of justice that are characteristic of the Russian people. The authors argue that the “three-phase model” implemented several times for the humanization of the prison according to the European model always entails negative consequences for the Russian statehood.

Key words:

humanization of punishment; penitentiary system; jail; Western Siberia; Yugra.

УДК 94:343.261.1(571.1)“179/202”

Трудовая деятельность осужденных в условиях гуманизации тюремного заключения в конце XVIII — начале XXI веков (на материалах Западной Сибири)

© Науменко О. Н., Альмухаметова М. Ш., Пинигин М. Г., 2023

1. Введение = Introduction

В своей истории Российское государство не раз обращалось к европейской модели пенитенциарной системы, изучая, а иногда и копируя зарубежный опыт. Последний этап гуманизации тюремного заключения по западному образцу пришелся на в 2010—2020 годы, он был направлен на реализацию в местах заключения прав человека (осужденного), что понималось не просто как улучшение условий содержания (питание, образование, быт), но и как снижение административного давления, борьба с произволом сотрудников ФСИН и создание в тюрьмах новых возможностей для трудовой деятельности.

Такой подход сразу вызвал противоречие: улучшение условий содержания проводилось без обязательного привлечения преступников к труду. В соответствии с частью 1 статьи 103 Уголовно-исполнительного кодекса РФ осужденные обязаны работать там, куда определит их администрация исправительных учреждений, однако по Конституции РФ трудовая деятельность граждан является правом, а не обязанностью, и труд может быть только добровольным [Новицкий, 2015]. Поэтому финансирование условий жизни и быта заключенных легло на плечи налогоплательщиков, которые в отличие от преступников вынуждены постоянно работать и содержать себя сами. Декларирование равенства прав осужденных, независимо от тяжести и количества совершенных ими преступлений, проводилось одновременно со снижением статуса сотрудников ФСИН и вызвало ряд бунтов в местах лишения свободы. При этом наблюдался рост преступности в исправительных колониях для взрослых [Репецкая и др., 2019, с. 83]. В этой связи возникает вопрос о целесообразности копирования европейского опыта в российских условиях, а также о последствиях проведенного реформирования не только для самой пенитенциарной системы, но также для общества и государства.

Научная новизна статьи заключается в новом исследовательском подходе: определении возможных рисков для государственной власти через анализ организации трудовой деятельности осужденных, которая реали-

зуется в рамках исторически сложившейся в России модели гуманизации тюремного заключения. Также в научный оборот вводится ряд не исследованных ранее архивных материалов.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Цель исследования — на примере западносибирских мест заключения выявить связь между реформированием трудовой деятельности заключенных и ослаблением (или укреплением) позиций государственной власти, с акцентом на пенитенциарную политику основных идеологов гуманизации российской тюрьмы — Александра I, Николая II и Н. С. Хрущева.

Источниками исследования послужили материалы Государственного архива Российской Федерации [ГАРФ] и двух архивов Западной Сибири [ГА ХМАО-Югры; ГАТО в г. Тобольске]. В фонде 122 «Главное тюремное управление», содержащемся в ГАРФ, исследованы отчеты об организации труда в сибирских тюрьмах в период до 1917 года. В фондах архива ХМАО-Югры сохранились документы по трудовой деятельности заключенных в 1920-е годы: расписки в получении денег и описание выполненных работ. Эти данные позволяют определить принципы привлечения заключенных к труду, выявить степень их заинтересованности в заработке, физические возможности и эффективность труда, включая участие в проектах государственной важности. Фактически опыт 1920-х годов можно считать апробацией организации работ в ГУЛАГе.

Материалы Государственного архива Тюменской области (в г. Тобольске) касаются дореволюционного периода и позволяют проследить изменения в организации труда заключенных на протяжении XIX века. Эти документы дают возможность увидеть, как государство искало наиболее оптимальные варианты организации труда, вначале — для возможности расчета осужденных по судебным искам, затем — для их содержания и исправления.

В качестве методологии исследования использован цивилизационный подход, объясняющий результаты тюремных преобразований с учетом российской правовой культуры, а также особенностей ее экономического, политического, духовного состояния, православного (или социалистического) мировоззрения, — в целом целого спектра факторов, определяющих историю России и воспринимаемых обществом как его ментальность, которая во многом не совпадает с европейскими ценностями. В исследовании использован метод актуализации, который помог понять особенности функционирования тюрем в историческом прошлом с привлечением данных о современном состоянии мест заключения, особенно в результате последней реформы по ее гуманизации. С помощью сравнительно-истори-

ческого метода определены направленность изменений в пенитенциарной системе в разные периоды ее деятельности, при разных моделях гуманизации и политических режимах.

Трудовая деятельность заключенных в тюрьмах Западной Сибири дореволюционного периода привлекает внимание историков. Первым и самым фундаментальным трудом стало пятитомное издание М. Н. Гернета «История царской тюрьмы» [Гернет, 1960—1963]. Сибирские тюрьмы были представлены в качестве важнейших звеньев пенитенциарной системы России, предназначенной для выполнения карательной функции самодержавия, поэтому и трудовая деятельность рассматривалась как механизм наказания за уголовные и политические преступления. Изучение исправительной направленности тюрьмы не входило в задачи исследования М. Н. Гернета и не соответствовало идеологической линии государства, но богатый фактический материал стал заделом для новых исследований, в частности, по организации арестантских работ в условиях каторги [Бортникова, 1999; Михеев, 2007 и др.]. Труд в сибирских учреждениях ГУЛАГа — также популярная научная тема в 1990—2000-е годы [Гриценко и др., 2010; Усманова, 2014 и др.]. Существует научный интерес и к организации труда осужденных при анализе последней пенитенциарной реформы 2010—2020 годов [Бердникова и др., 2015; Брылева, 2017; Рузевич и др., 2012; Патласов, 2012; Попова, 2018; Шершнев, 2020]. Несмотря на разные гипотезы, подходы и цели исследований, все ученые едины во мнении, что труд — важнейший фактор исправительно-воспитательной направленности в работе с осужденными, однако его необязательность по Конституции РФ — серьезное препятствие.

В имеющихся научных трудах выявлены и систематизированы виды арестантских работ, динамика заработной платы, финансовая результативность и другие факторы, однако организация труда не была представлена как некая типичная для России и повторяющаяся модель, всегда приводящая к одинаковому результату и ослабляющая позиции государственной власти. Исследователями не замечена и другая закономерность: как только в России проводятся пенитенциарные преобразования по европейскому образцу, достигая максимума гуманизации, вскоре следуют события такой политической значимости, которые угрожают не просто высшему эшелону власти, но и основам самого Российского государства.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Гуманизация тюремного заключения в дореволюционный период

Практика гуманизации тюремного заключения в России прошла несколько этапов, причем в той или иной степени всегда происходило за-

имствование европейского опыта. Инициаторами гуманизации выступали государственные органы во главе с императорской властью, а сама идея реформирования тюрем сочеталась с общей направленностью социальных изменений.

В дореволюционный период можно определить два длительных этапа гуманизации пенитенциарной системы, схожих между собой по содержанию и результатам; на каждом этапе есть три схожие фазы, что позволяет выявить определенную модель реформирования («трехфазная модель»). Содержание «фаз» таково: 1) апробация тюремных преобразований по европейскому образцу, когда частично заимствовалась лишь внешняя форма без ломки устоявшихся в России пенитенциарных представлений, — такая политика была характерна для Екатерины II и Александра II; 2) «фаза покоя», когда последующие императоры фактически отказывались от продолжения политики по гуманизации тюрем (Павел I и Александр III); 3) «фаза активности», когда молодые императоры вводили меры, на которые не решились их предшественники: реализовывался европейский вариант гуманизации тюрем без достаточного учета российских реалий (Александр I и Николай II). В качестве результата реализации «трехфазной модели» (в комплексе с другими изменениями) Россия в одном случае получила восстание декабристов, во втором — революцию. Как следствие этих социальных потрясений, новые политические силы, пришедшие к власти, вообще отказывались от гуманизации тюрьмы, что в первом случае показала пенитенциарная политика Николая I, а во втором — реформы Советской власти.

3.2. Первый этап гуманизации тюрем

Идея гуманизации тюремного заключения в России появилась значительно раньше, чем произошли масштабные социальные преобразования, связанные с отменой крепостного права, и первым реформатором стала Екатерина II. При ней впервые в истории России начали появляться «образцовые» («показные») тюрьмы по европейскому стандарту, но с сохранением прежнего инквизиционного содержания, включая пытки; в Западной Сибири таким стал Тобольский тюремный замок [Науменко, 2008, с. 32]. Для трудовой деятельности арестантов начали открываться рабочие дома, но лишь для отработки долгов по имущественным искам и для исполнения наказаний: о реальной гуманизации тюрем речи не шло. При императоре Павле I эти принципы пенитенциарной системы сохранились, но при Александре I были развиты в соответствии с европейскими стандартами.

В первые годы его правления гуманизация прежде всего коснулась тех, кто был осужден за имущественные преступления (на сумму до 20 руб.) и обязан был выплачивать долги по судебным искам. До 1807 года зарабо-

ток в работных домах Западной Сибири в среднем составлял около 3 коп. в день, из которых 2 коп. вычитались в соответствии с иском, а остальное уходило на содержание самого преступника. Эта система оказалась достаточно эффективной при умелом управлении, когда суммы заработков возрастали: уже в 1807 году в Томске этот рост составил 4—5 раз, а в Тобольске — 20 раз [ГАТО в г. Тобольске, ф. 329, оп. 13, д. 218, л. 6]. Известно, что в Тобольске оставались деньги, которые можно было выдавать на руки осужденным: получалось по 20 коп. и более в сутки вместо 1 коп. до 1807 года. Простой подсчет показывает, что на оплату долга по иску за 1 день работы арестант отдавал 40—50 коп. Если иск составлял 10 руб., то долг отдавался за 20—30 дней и сумма выдачи на руки увеличивалась. Такая система была выгодна попавшим в тюрьму преступникам с учетом того, что в 1801 году власти отменили пытки, а затем ввели новые требования к качеству одежды, обуви, питанию арестантов и т. д. Также в Западной Сибири начали строиться новые, теплые тюремные остроги и сеть пересыльных тюрем для ночлега и отдыха преступников в пути, к месту отбывания наказания [Бортникова, 1999, с. 39]. Таким образом, гуманизация коснулась всех категорий преступников.

Результат преобразований таков: представители простого народа (и крепостного крестьянства) начали сознательно стремиться в тюрьму, что подтверждается документами и функциями Тобольского приказа о ссыльных, среди которых — возврат хозяевам их беглых крестьян, просившихся в ссылку [ГАТО в г. Тобольске, ф. 471, оп. 1, д. 7, лл. 1—4]. Кроме этого, начатая Александром I пенитенциарная реформа, в результате которой тюрьмам была придана исправительно-воспитательная роль, вызвала рост преступности на 268 %, а после отказа от гуманизации (при Николае I) началось ее снижение. В целом индекс роста численности осужденных на 100 тыс. населения по сравнению с периодом правления Александра I составил: в 1825—1830 годах — 268 %; в 1831—1840 годах — 222 %, в 1841—1850 годах — 149 %; в 1851—1860 годах — 122 % [Миронов, 1988, с. 32].

Таким образом, первый этап гуманизации тюрьмы вызвал не просто рост преступности, — он отразил кризис императорской власти, что выразилось в восстании декабристов.

3.3. Второй этап гуманизации тюрем

Второй этап включает пореформенный период истории России и события конца XIX — начала XX веков, связанные с правлением Николая II.

После отмены крепостного права и судебной реформы 1864 года началась работа по подготовке преобразований пенитенциарной системы, завершившаяся Тюремной реформой 1879 года. Реформа взяла курс на гуманизацию заключения и исправление осужденных, в том числе через органи-

зацию труда. В Западной Сибири реализация реформы началась за 10 лет до официально утвержденной даты [Бортникова, 1999, с. 88] и проводилась осторожно, постепенно, без быстрых кардинальных преобразований. Однако в 1879 году оставалось всего два года до убийства Александра II, и после его смерти реформа еще более затормозилась. Арестантский труд в тот период хотя и применялся, но мало и непоследовательно: тюремные отчеты полны жалоб о недостатке средств на содержание арестантов и их мизерные заработки, которые не обеспечивают даже полноценное питание [ГАТО в г. Тобольске, ф. 17, оп. 1, д. 20, л. 15]. Однако в рамках реформы, еще при Александре II, были учреждены новые типы мест заключения — арестантские отделения, куда можно было попасть за незначительные преступления и где организация труда была поставлена в качестве важнейшей цели. Но так как император-реформатор был убит, а его преемник Александр III проводил контрреформы, то к организации труда в арестантских отделениях подошли серьезно лишь при Николае II: в Западной Сибири на их базе открывались даже сельскохозяйственные колонии.

При Николае II была создана Общая тюремная инструкция, в которой четко определялись функции труда: «отвлекать от праздности», овладевать навыками и привычкой к труду, обучать ремеслам и получать заработок [Общая ..., 1916, с. 172]. Расцвет трудовой деятельности в тюрьмах Западной Сибири пришелся на рубеж XIX—XX веков, когда было организовано поступление заказов от местных жителей, а у заключенных, соответственно, наблюдались высокие заработки [ГАРФ, ф. 122, оп. 1, д. 6024, л. 96].

Однако при организации арестантского труда выявился противоречивый момент, характерный и для современной пенитенциарной системы. По законодательству Российской империи труд не был обязательным, и реформаторы распространили это на осужденных. Д. И. Менделеев, в 1899 году посетив одну из каторжных тюрем Западной Сибири (в Тобольском тюремном замке), писал в изумлении: «Между заключенными есть и такие, которые приговорены за семь убийств. Таких повесили бы или гильотинировали в иной стране, а тут — они помещены, да как помещены — в уютном чистом одноэтажном, светлом здании ... Главный, ежедневный прием воздействия — это работа. Она, насколько возможно, не принудительна: нежелание или даже нерасположение сегодня работать принимается во внимание, и таких оставляют в камерах; много мы их видели там ... Прошли в кухню, где каторжник предложил попробовать щи-кашу и такой черный хлеб, которому позавидовали бы многие в Петербурге ... Гуманность отношения к каторжникам так поразила меня, что я не нахожу слов для выражения. Внутри, правда на момент, являлось суровое латынское сомнение в полезности такой мягкости отношения к злодеям» [Менделеев, 1899, с. 433—434].

Как и при Александре I, гуманизация тюрьмы по европейскому образцу сопровождалась ростом преступности, особенно в период революций. Общее число каторжан в России (основная часть — уголовные, а не политические), поступивших в Сибирь, увеличивалось в разы: 1907 год — 7779 чел., 1908 год — 12591 чел., 1909 год — 20936 чел., 1912 год — около 32000 чел. [Бортникова, 1999, с. 91]. Обратим внимание, что рост числа каторжан наблюдался после окончания Первой российской революции, в основном это был уголовный контингент.

Гуманизация тюремного заключения и организация труда каторжников в описанном выше варианте (пример Тобольского тюремного замка) не соответствовали представлениям российского народа о справедливости возмездия. На свободе многим выжить было сложнее, чем в условиях реформированной каторги. В результате тюремная реформа по европейскому образцу влилась в общую канву противоречий, и Российская империя перестала существовать.

3.4. Проблема гуманизации тюремного заключения в советский период

После социалистической революции советская пенитенциарная система была организована на иных принципах: большевики учли «недостатки» царского опыта, включая организацию труда и гуманизацию тюрем, поэтому дореволюционная модель первоначально была отброшена. До 1960-х годов не было не только попыток гуманизации мест заключения, но, наоборот, шло ужесточение пенитенциарной системы, и, несмотря на антигуманность, именно это оказалось эффективным для самосохранения государства. Первоначально в пенитенциарной политике было два направления, которые реализовывались параллельно и дополняли друг друга, а трудовая деятельность осужденных стала орудием политического манипулирования.

Первое направление было связано с уничтожением противников Советской власти, а регулирование труда политических (административных) ссыльных стало одним из карательных механизмов. Прежде всего, был реставрирован институт сибирской ссылки, отмененный царским правительством в 1900 году по причине его неэффективности и затратности. При Николае II ссылки направлялись не на Крайний Север, а в сельскохозяйственные районы, где легче было организовать их трудовую деятельность. Однако с постройкой Сибирской железной дороги и открытием водных путей сообщения по рекам Западной Сибири эти районы оказались не защищены от побегов, и преступники разбегались. Большевики же, восстановив институт ссылки, стали отправлять осужденных на Обской Север, в труднодоступные места, часть которых относилась к арктической зоне, поэтому

побеги оттуда были крайне затруднены. Общее число ссыльных (включая политических), отправляемых на Обской Север, росло с большой скоростью: 1921 год — 1817 чел., 1923 год — 2044 чел., 1924 год — 5724 чел., 1925 год — 6274 чел., 1926 год — 8571 чел., 1927 год — 11235 чел. [Бортникова, 1997, с. 98]. В середине 1920-х годов государственные органы запретили ссыльным работать, а пособия на питание не предполагались; за нарушение запрета — увеличение срока ссылки. В итоге уже к началу 1926 года ссыльные были массово уволены из всех структур (культура и образование, местные органы власти, правоохранительная система, включая адвокатскую практику и др.). Их материальное содержание брали на себя местные жители, но такая ситуация не могла продолжаться долго. В результате среди осужденных началась деградация и гибель [Там же, с. 99].

Второе направление в использовании труда осужденных было связано с привлечением их к выполнению задач государственной важности, при этом непосредственно в местах заключения работа оплачивалась. Обратим внимание на архивное дело на 94 листах с названием «Расписки заключенных Березовского работного дома на выплату им заработанных денег» с датировкой 26 марта 1924 года — 30 июня 1924 года [ГА ХМАО-Югры, ф. Р-111, оп. 4, д. 16]. В нем содержатся десятки расписок с суммами в несколько рублей за разные виды работ, в том числе за строительство фундамента для электростанции. Таким образом, в условиях Севера уже тогда практиковалось привлечение заключенных к труду на строительстве объектов государственной важности, что было продолжено в учреждениях ГУЛАГа.

Деньги выплачивались абсолютно за все виды работ. В сохранившемся деле за 1927—1928 годы [ГА ХМАО-Югры, ф. Р-111, оп. 4, д. 198] зафиксировано, что заключенные Березовского РИКа (бывшего арестного дома) получали заработную плату за привоз воды в сам же арестный дом (30 коп. за бочку; в ведомости общая сумма — 1 руб. 80 коп.) и за его уборку, за рубку леса и даже извоз. В частности, 7 апреля 1928 года заключенный при участии Березовского РИКа Петр Черкасов получил довольствие и деньги за «поездку в юрты в качестве возчика», по 25 коп. в сутки, всего за 5 суток — 1 руб. 25 коп. Обратим внимание, что арестованного отпускали на несколько дней, что свидетельствует о наличии стимула работать. В качестве сравнения приведем цены: одна сажень сухих дров стоила 3 рубля 50 коп., а прокорм лошади и уход за ней в течение 3 суток обходился в 1 руб. 50 коп. [Там же, лл. 4—31].

Государственная власть ждала открытия ГУЛАГа, и с его учреждением оставшиеся ссыльные были переведены в лагерь, где их трудовая деятельность начала регламентироваться и максимально использоваться. Работа также оплачивалась, так как бесплатного арестантского труда

в стране больше не существовало. Но, в отличие от ряда дореволюционных экспериментов по исправлению каторжан, в Советском Союзе труд заключенных был обязательным и физически тяжелым, и такой подход соответствовал представлению общества об уголовном наказании (опускаем политические репрессии). При Сталине вопрос о гуманизации тюремного заключения не поднимался, заимствование европейского опыта в реформировании пенитенциарной системы даже не обсуждалось. Отметим, что в этот период государственная власть смогла сохраниться.

«Хрущевская оттепель» предполагала налаживание культурных контактов со странами Запада и изучение их опыта: в России / СССР опять появилась идея гуманизации тюремного заключения, близкая европейским стандартам. В начале правления Н. С. Хрущева, в 1955 году, на одном из Конгрессов ООН были приняты стандарты обращения с заключенными [Минимальные ..., 1955]. Учитывая хрущевский курс на культурное сближение с Западом, а также тот факт, что Советский Союз играл одну из ведущих ролей в ООН, пенитенциарная система страны оказалась вновь под влиянием зарубежных идей гуманизации. С этого момента начала возрождаться дореволюционная «трехфазная модель» реформирования, уже показавшая свою неэффективность и опасность в историческом прошлом. Содержание «фаз» повторилось: 1) осторожная попытка гуманизации тюрьмы при Н. С. Хрущеве; 2) «торможение» этих идей при Л. И. Брежнев; 3) реализация преобразований по европейскому образцу, завершающим событием чего стала реформа 2010—2020 годов.

Хрущевская реформа по гуманизации мест заключения легко вписывалась в международные требования, так как пенитенциарная система СССР им в целом уже соответствовала. Если обратиться к содержанию Минимальных стандартных правил обращения с заключенными (ООН, 1955) и сравнить их с воспоминаниями информаторов, знавших условия содержания в Тобольской тюрьме, то очевидны множественные соответствия. В частности, «Минимальные правила...1955 год» (ч. 1, п. 6.1) запрещают дискриминацию «по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религиозных, политических или других убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, семейного происхождения или социального положения» [Минимальные ..., 1955]. Политических заключенных при Н. С. Хрущеве амнистировали, а с остальными формами дискриминации в стране в целом было благополучно, за исключением религии, но Советский Союз законодательно считался атеистским государством.

«Минимальные правила ... 1955 год» (ч. 1, п. 7—8) касались составления реестра заключенных и разбивку их на категории, — это в СССР тоже практиковалось. Пункты 9—19 (ч. 1) посвящены санитарно-быто-

вым условиям, — и это соблюдалось. Пункт 20 (ч. 1) закрепил требования к питанию: «Тюремное управление должно в обычные часы обеспечивать каждому заключенному пищу, достаточно питательную для поддержания его здоровья и сил, имеющую достаточно хорошее качество, хорошо приготовленную и поданную» [Там же]. Эти нормативы в СССР также соблюдались, но в условиях реформы питание пришлось все же улучшить. В качестве результата приведем выдержку из воспоминаний д.и.н., профессора Ю. П. Прибыльского, который партийными органами был направлен в Тобольскую тюрьму читать лекции по научному коммунизму и международному положению: «Быт осужденных был организован полностью. Во дворе тюрьмы работал ларек, где продавалось много дефицитных продуктов. Со слов контролеров (надзирателей) питание было настолько хорошим, что некоторые не имели такого на воле. В качестве иллюстрации можно привести следующий случай. Когда на обед подали сечку вместо гречки, некоторые заключенные отказались от нее со словами (в переводе с жаргона): “Пусть начальник сам это ест”. Особо им запомнился тобольский хлеб ...» [Науменко, 2008, с. 173].

Практически все Минимальные правила ООН от 1955 года в Тобольской тюрьме по возможности соблюдались. Относительно труда заключенных международный стандарт установил требование, чтобы труд не приносил страданий и соответствовал психическому и физическому состоянию преступников [Минимальные ..., 1955]. Даже это требование вполне возможно было выполнить, так как в Тобольской тюрьме значительная часть заключенных вообще не имела права работать: особо опасным преступникам запрещалось давать в руки орудия труда. Из «улучшений» была введена «тюремная демократия», когда преступники получили множество послаблений: например, право жаловаться на недостатки и проблемы в тюрьмах напрямую в партийные органы, минуя тюремное начальство, и т. д. Реформа закончилась разбором тюремных стен для побега и убийством надзирателя [Науменко, 2008, с. 174], а в стране в целом — тюремными беспорядками, также бунтами обычных граждан и самосудами. Самые мощные из народных бунтов произошли в Сталинграде в 1957 году и в Челябинске в 1960 году [Народные бунты ..., 2021]. Гуманизация тюремного заключения стала звеном в цепи противоречий в политике Н. С. Хрущева, что в конечном итоге привело к потере им власти.

В период «брежневского застоя» прежняя пенитенциарная политика была откорректирована, и гуманной ее можно признать только в сравнении со сталинскими репрессиями. Результаты преобразований показывает статистика судебных приговоров Ханты-Мансийского окружного суда в 1973—1982 годах (табл. 1). В таблице дана информация только по тем

составам преступлений, за которые по советскому законодательству была возможна исключительная мера — смертная казнь. В таблице P1 — общее число приговоров по составам преступлений, которые предусматривают смертную казнь, P2 — приговоры непосредственно о смертной казни.

Таблица 1

Приговоры Ханты-Мансийского окружного суда со смертной казнью

Виды преступлений	1973 г.		1974 г.		1980 г.		1981 г.		1982 г.	
	P1	P2								
Хищение государственного или общественного имущества в особо крупном размере	7	—	9	—	18	—	20	—	22	—
Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах	32	6	31	3	47	—	31	3	39	—
Изнасилование, совершенное группой лиц с особо тяжкими последствиями, или изнасилование несовершеннолетней	49	—	34	—	47	4	12	—	10	—
Бандитизм	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Посягательство на жизнь работника милиции	2	—	2	—	—	—	3	—	3	1
Действия, дезорганизующие работу ИТУ	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Получение взятки при отягчающих обстоятельствах, дача взятки	—	—	—	—	26	—	9	—	35	—
Итого:	92	6	72	3	140	4	75	3	70	1

Источник: [ГА ХМАО-Югры, ф. Р-180, оп. 1, д. 152, 155, 163].

В таблице 1 отражено два хронологических промежутка: середина 1970-х годов и начало 1980-х годов. Анализ таблицы показывает, что в целом в ХМАО-Югре наблюдался рост тяжких преступлений. Однако уда-

лось избавиться от бандитизма, к чему и стремился Н. С. Хрущев, причем не гуманными, а жесткими мерами. Кроме этого, обратим внимание на графу «Действия, дезорганизующие работу ИТУ»: в 1973 году был последний всплеск последствий гуманизации тюрьмы, а после отказа от либеральной пенитенциарной политики тюремные бунты на территории ХМАО-Югры прекратились.

Современный период реформирования (2010—2020 годы) — это третья, завершающая фаза гуманизации пенитенциарной системы России по европейскому образцу. Как и на предыдущих двух этапах, характерных для дореволюционного периода, современная реформа сопровождается опасностью для государственной власти и ростом преступности. В частности, в исправительных колониях для взрослых этот рост к концу реформы составил 87—91 % [Репецкая и др., 2019, с. 83].

4. Заключение = Conclusions

История пенитенциарной системы Западной Сибири показывает выраженную закономерность: особенности организации трудовой деятельности осужденных могут быть индикаторами возможных рисков для государственной власти, так как труд заключенных является одним из основных факторов гуманизации тюрьмы. В истории России и СССР стабильность и уважение к власти обуславливались организацией арестантских работ в таком варианте, который устраивал бы общество, оставшееся «на воле», — этот вариант исходит из представлений граждан о мере гуманности и справедливости наказания.

История тюрем показала, что отказ от гуманизации тюрьмы в период сталинского правления, политическая жесткость и манипулирование трудовой деятельностью не смогли снизить доверие к государственной власти среди основной массы населения. Народные бунты начались как раз в период реформы по гуманизации заключения, когда преступники получили всевозможные права, а организация арестантских работ была деформирована под правила преступной иерархии. Эта же тенденция наблюдалась и в более ранние периоды в Российской империи: либерализм системы наказаний и условий содержания преступников, неотъемлемой частью чего была неправильная, с точки зрения общества, организация арестантского труда, неминуемо приводил к народному недовольству. В то же время гуманное отношение к себе осужденные рассматривали как слабость власти на всех ее уровнях, что вело к беспорядкам в тюрьмах и росту преступности.

В истории России «трехфазная» модель гуманизации пенитенциарной системы по европейскому образцу реализовывалась трижды, на трех соот-

ветствующих этапах, каждый из которых длился десятилетия. Окончание каждого этапа сопровождалось негативными последствиями, причем с нарастающей степенью опасности. Если после реформы Александра I еще не существовало угрозы для российской государственности, а кризис власти разрешился в рамках незыблемой на тот момент Российской империи, то реформа Николая II оказалась более опасной. Она сопровождалась крахом империи и потерей части российских территорий, однако само государство все же было сохранено и смогло возродиться в форме Советского Союза. Последняя попытка реализации «трехфазной» модели, закончившаяся в 2020 году, в настоящее время сопровождается сложными политическими процессами, и их итог покажет история.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 122 (Главное тюремное управление).
2. ГАТО в г. Тобольске — *Государственный архив Тюменской области в г. Тобольске*. Ф. 17 (Каторжная тюрьма № 2), Ф. 329 (Тобольское губернское правление), Ф. 471 (Тобольский приказ о ссыльных).
3. ГА ХМАО-Югры — *Государственный архив Ханты-Мансийского автономного округа — Югры*. Ф. Р-111 (Березовский районный совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет, районный поселок Березово Ханты-Мансийского национального округа Тюменской области 1923—1964 гг.), Ф. Р-180 (Ханты-Мансийский окружной суд, город Ханты-Мансийск Ханты-Мансийского автономного округа Тюменской области, 1931—1990).
4. *Минимальные стандартные правила обращения с заключенными* (приняты на первом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 30 августа 1955 г., одобрены Экономическим и Социальным Советом на 994-ом пленарном заседании 31 июля 1957 г). Женева, Швейцария [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://76.xn--b1aew.xn--p1ai/document/9765166> (дата обращения 21.11.2022).

Литература

1. *Бердникова Г. Д.* Трудовая деятельность осужденных как способ достижения целей уголовно-исполнительного законодательства / Г. Д. Бердникова, Ю. В. Баранов // *Вестник Пермского института ФСИН России*. — 2015. — № 4 (19). — С. 82—84.
2. *Бортникова О. Н.* Сибирь тюремная : пенитенциарная система Западной Сибири в 1801—1917 гг. / О. Н. Бортникова. — Тюмень : ТЮИ МВД, 1999. — 304 с.
3. *Бортникова О. Н.* Ссылно-поселенцы и местное население городов Севера / О. Н. Бортникова // *Проблемы культуры городов России*. — Томск : ТГУ, 1997. — С. 98—99.
4. *Брылева Е. А.* Трудовая деятельность в воспитательных колониях России как важнейшее направление ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Е. А. Брылева // *Юридическая наука : история и современность*. — 2017. — № 3. — С. 126—132.
5. *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы [в 5 т.] / М. Н. Гернет. — Москва : Госюриздат, 1960—1963.

6. *Гриценко В.* 501—503. История мертвой дороги / В. Гриценко, В. Калинин. — Екатеринбург : Баско, 2010. — 240 с. — ISBN 978-5-91356-111-4.
7. *Менделеев Д. И.* Поездка в Тобольск / Д. И. Менделеев // Уральская железная промышленность в 1899 г. — Санкт-Петербург : Издание Министерства финансов по департаменту торговли и мануфактур, 1900. — С. 433—434.
8. *Миронов Б. Н.* Преступность в России в XIX — начале XX века / Б. Н. Миронов // Отечественная история. — 1988. — № 1. — С. 32.
9. *Михеев А. П.* Тобольская каторга / А. П. Михеев. — Омск : Наука, 2007. — 343 с. — ISBN 978-5-8268-0981-5.
10. *Народные бунты и самосуды над преступниками, при Хрущёве, против «либерализации» уголовной системы* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : https://pikabu.ru/story/narodnyie_bunty_i_samosudy_nad_prestupnikami_pri_khrushchyove_protiv_liberalizatsii_ugolovnoy_sistemyi_8094050 (дата обращения 10.12.2022).
11. *Науменко О. Н.* Тобольский тюремный замок : страницы истории / О. Н. Науменко. — Тюмень : ТюмГУ, 2008. — 184 с. — ISBN 978-5-88081-989-8.
12. *Новицкий С. С.* Особенности нормативно-правового регулирования права на труд лиц, заключенных под стражу и осужденных / С. С. Новицкий, Л. Ю. Новицкая // Экономика. Право. Общество. — 2015. — № 1 (1). — С. 71—74.
13. *Патласов О. Ю.* Трудовая деятельность осужденных под влиянием криминальной субкультуры : пробелы законодательства и коллизии норм права / О. Ю. Патласов // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11. — № 1. — С. 216—227. — DOI: 10.17150/2500-4255.
14. *Попова Е. Э.* Трудовая деятельность осуждённых к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, как элемент общественного воздействия (по материалам отечественной и зарубежной практики) / Е. А. Попова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. — 2018. — № 5 (813). — С. 218—224.
15. *Репецкая А. Л.* Российская пенитенциарная преступность : динамика современного состояния и структуры / А. Л. Репецкая, М. А. Сутурин // Сибирский юридический вестник. — 2019. — № 4 (87). — С. 82—88.
16. *Рузевич О.* Трудовая деятельность осужденных к лишению свободы (на примере пенитенциарных учреждений Владимирской области) / О. Рузевич, Н. Симагина // Кадровик. — 2012. — № 6. — С. 57—61.
17. *Упоров И. В.* ГУЛАГ в экономике СССР (1917—1945 гг.) / И. В. Упоров // Интеграция наук. — 2017. — № 5 (9). — С. 211—214.
18. *Усманова Ф. Р.* Тобольская тюрьма в первые годы Советской власти / Ф. Р. Усманова // Вестник Академии права и управления. — 2014. — № 36. — С. 39—44.
19. *Шершнев М. Н.* Трудовая деятельность осужденных за пределами исправительных учреждений : допустимость и проблемы реализации / М. Н. Шершнев // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Экономика и право. — 2020. — № 6. — С. 211—214. — DOI: 10.37882/2223-2974.2020.06.40.

*Статья поступила в редакцию 31.01.2023,
одобрена после рецензирования 20.02.2023,
подготовлена к публикации 23.03.2023.*

Material resources

- GARF — *State Archive of the Russian Federation. F. 122 (Main Prison Administration)*. (In Russ.).
- GATO in Tobolsk — *The State Archive of the Tyumen region in Tobolsk. F. 17 (Convict prison № 2), F. 329 (Tobolsk provincial government), F. 471 (Tobolsk order on exiles)*. (In Russ.).
- HA KhMAO-Yugra — *State Archive of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Yugra. F. R-111 (Berezovsky District Council of Worker's Deputies and its executive Committee, Berezovo district settlement of Khanty-Mansiysk National Okrug of Tyumen Region 1923—1964), F. R-180 (Khanty-Mansiysk District Court, Khanty-Mansiysk city: Mansiysk of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug of the Tyumen Region, 1931—1990)*. (In Russ.).
- Standard Minimum Rules for the Treatment of Prisoners (adopted at the First UN Congress on the Prevention of Crime and the Treatment of Offenders on August 30, 1955, approved by the Economic and Social Council at the 994th plenary meeting on July 31, 1957)*. Geneva, Switzerland. Available at: <https://76.xn--b1aew.xn--p1ai/document/9765166> (accessed 21.11.2022). (In Russ.).

References

- Berdnikova, G. D., Baranov, Yu. S. (2015). Labor duty of the consecrated, as soon as access to the target is possible—the executable law of ingenuity. *Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia*, 4 (19): 82—84. (In Russ.).
- Bortnikova, O. N. (1997). References-settlers and the local origin of Gorodov to the north. In: *Problems of culture of Gorodov Russia*. Tomsk: TSU. 98—99. (In Russ.).
- Bortnikova, O. N. (1999). *Siberia prison: the penitentiary system of Western Siberia in 1801—1917*. Tyumen: Tewi of the Ministry of Internal Affairs. 304 p. (In Russ.).
- Bryleva, E. A. (2017). Labor duty in the entertainment colonies of Russia, how do you like the management of unfinished. *Legal science: History and consistency*, 3: 126—132. (In Russ.).
- Gernet, M. N. (1960—1963). *Storia Tsarist prison [In 5 volumes]*. Moscow: Gosyurizdat. (In Russ.).
- Gritsenko, V., Kalinin, V. (2010). 501—503. *The history of the dead has*. Yekaterinburg: Bas-ko. 240 p. ISBN 978-5-91356-111-4. (In Russ.).
- Mendelev, D. I. (1900). Train to Tobolsk. In: *Ural desired industrial in 1899*. St. Petersburg: Publications of the Ministry of Finance for the Department of Trade and Manufactures. 433—434. (In Russ.).
- Mikheev, A. P. (2007). *Tobolsk penal servitude*. Omsk: Nauka. 343 p. ISBN 978-5-8268-0981-5. (In Russ.).
- Miranov, B. N. (1988). Prestige in Russia in the XIX — early XX century. *Excluded history, 1*: S. 32. (In Russ.).
- Naumenko, O. N. (2008). *Tobolsk prison castle: static pages*. Tyumen: TSU. 184 p. ISBN 978-5-88081-989-8. (In Russ.).
- Novitsky, S. S., New, L. Yu. (2015). Conditional legal regulation of surfactants on the work of persons closed under strict and employed. *Economy. Right. Community, 1 (1)*: 71—74. (In Russ.).
- Patlasov, O. Yu. (2017). Labor duty of consecrated pods criminal subculture prevails: coded gaps and collisions of the rule of law. *All-Russian Journal of Criminology, 11 (1)*: 216—227. DOI: 10.17150/2500-4255. (In Russ.).

- Popova, Or. E. (2018). Labor deja vu consecrated to drawings, not connected with isolation from society, as an element of a generally recognized condition (based on materials taken away from work). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Formation and pedagogical sciences*, 5 (813): 218—224. (In Russ.).
- Popular riots and self-propelled guns on criminals, under Khrushchev, against “liberalization” of the coal system.* Available at: https://pikabu.ru/story/narodnyie_buntyni_i_samosudyi_nad_prestupnikami_pri_khrushchyove_protiv_liberalizatsii_ugolovnoy_sistemyi_8094050 (accessed 10.12.2022). (In Russ.).
- Repetskaya, A. L., Sutorin, M. A. (2019). Russian penitentiary prestige: dynamics of a consistent state and structure. *Siberian Lawyer Bulletin*, 4 (87): 82—88. (In Russ.).
- Ruzhevich, O., Simagina, N. (2012). Labor duty of those consecrated to deprivation of freedoms (on the example of penitentiary institutions of the Vladimir region). *HR officer*, 6: 57—61. (In Russ.).
- Shershnev, M. N. (2020). Labor duty of the executed processes sanctified for warnings: assumptions and problems of implementation. *Coordinated science: actual theoretical problems and practices. Series: Economics and PrAO*, 6: 211—214. DOI: 10.37882/2223-2974.2020.06.40. (In Russ.).
- Uprov, I. S. (2017). GULAG in the economy of the USSR (1917—1945). *Integration of sciences*, 5 (9): 211—214. (In Russ.).
- Usmanova, F. R. (2014). Tobolsk prison in the early years of Soviet power. *Bulletin of Academic Law and Management*, 36: 39—44. (In Russ.).

*The article was submitted 31.01.2023;
approved after reviewing 20.02.2023;
accepted for publication 23.03.2023.*

Непомнящий А. А. «Сделался в Крыму излишним»: перипетии судьбы профессора П. А. Двойченко (по материалам переписки с В. И. Вернадским) / А. А. Непомнящий // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 454—473. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-454-473.

Nepomnyashchy, A. A. (2023). “Became Superfluous in Crimea”: Ups and Downs of Fate of Professor P. A. Dvoichenko (Correspondence with V. I. Vernadsky). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 454-473. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-454-473. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-454-473

**«Сделался в Крыму
излишним»: перипетии
судьбы профессора
П. А. Двойченко
(по материалам переписки
с В. И. Вернадским)**

Непомнящий Андрей Анатольевич^{1,2}
orcid.org/0000-0002-4031-232X
доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии
и всеобщей истории;
ведущий научный сотрудник
dr.aan@mail.ru

¹ Крымский федеральный университет
им. В. И. Вернадского
(Симферополь, Россия)

² Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
(Казань, Россия)

**“Became Superfluous
In Crimea”:
Ups and Downs of Fate
of Professor P. A. Dvoichenko
(Correspondence
with V. I. Vernadsky)**

Andrey A. Nepomnyashchy^{1,2}
orcid.org/0000-0002-4031-232X
Doctor of History, Professor
Department of Archeology
and World History;
Leading Research Fellow
dr.aan@mail.ru

¹ V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Simferopol, Russia)

² Marjani Institute of History
of Tatarstan Academy of Sciences
(Kazan, Russia)

© Непомнящий А. А., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности организации научной жизни Крымского университета (педагогического института) им. М. В. Фрунзе в 20-х — начале 30-х годов XX столетия через переписку профессора П. А. Двойченко и академика В. И. Вернадского. Показано, что академик В. И. Вернадский, причастный к зарождению естественно-научных исследований в Таврическом университете, после отъезда из Симферополя в феврале 1921 года живо интересовался не только ходом этих изысканий, но и судьбой ученых, составлявших его окружение в Симферополе. Утверждается, что эпистолярное общение Вернадского с профессором Петром Абрамовичем Двойченко позволяет выявить научные разработки, начатые в Крыму Вернадским, над которыми продолжали работать крымские ученые. Отмечается, что изучение переписки позволило раскрыть ранее неизвестные страницы биографии П. А. Двойченко. Новизна исследования видится в привлечении эпистолярного наследия для реконструкции исторической повседневности, сложившейся в научном окружении Вернадского, Двойченко. Подчеркивается, что переписка ученых позволяет изучить напряженность в среде исследователей Крыма, увидеть особенности научных контактов по линии «провинция — центр». Автор останавливается на отдельных сюжетах межличностного взаимодействия в профессорско-преподавательской среде вуза.

Ключевые слова:

В. И. Вернадский; П. А. Двойченко; эпистолярное наследие; Крымский университет им. М. В. Фрунзе; Крымский педагогический институт им. М. В. Фрунзе; гидрогеология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The question of the scientific life of the Crimean University (Pedagogical Institute) named after M. V. Frunze in the 20s — early 30s of the XX century through the correspondence of Professor P. A. Dvoychenko and Academician V. I. Vernadsky. It is shown that after leaving Simferopol in February 1921, Academician V. I. Vernadsky, who was involved in the birth of natural science research at the Tauride University, was keenly interested not only in the progress of these studies, but also in the fate of the scientists who made up his entourage in Simferopol. It is argued that Vernadsky's epistolary communication with Professor Petr Abramovich Dvoichenko makes it possible to identify scientific developments initiated in the Crimea by Vernadsky, on which Crimean scientists continued to work. It is noted that the study of correspondence made it possible to reveal previously unknown pages of the biography of P. A. Dvoychenko. The novelty of the research is seen in the involvement of the epistolary heritage for the reconstruction of the historical everyday life of the scientists Vernadsky, Dvoichenko and their entourage. It is emphasized that the correspondence of scientists allows us to study the tension among the researchers of the Crimea, to see the features of scientific contacts along the line "province — center". The author dwells on individual plots of interpersonal interaction in the teaching environment of the university.

Key words:

V. I. Vernadsky; P. A. Dvoychenko; epistolary heritage; Crimean University. M. V. Frunze; Crimean Pedagogical Institute named after M. V. Frunze; hydrogeology.

«Сделался в Крыму излишним»: перипетии судьбы профессора П. А. Двойченко (по материалам переписки с В. И. Вернадским)

© Непомнящий А. А., 2023

1. Введение = Introduction

Пребывание В. И. Вернадского в Крыму в 1920 — начале 1921 годов — все еще слабоизученный период биографии ученого. Затянувшееся ожидание английской визы заставило его начать преподавательскую деятельность в Таврическом университете. В апреле 1920 года В. И. Вернадский с семьей переехал из окрестностей Ялты в Симферополь, где начал службу в должности сверхштатного ординарного профессора по кафедре геологии (избран в марте 1920 года). Смерть первого ректора вуза Р. И. Гельвига 2 октября 1920 года изменила планы отъезда семьи Вернадских в Англию. Владимир Иванович, несмотря на неодобрение семьи, принял предложение возглавить университет и остался в Симферополе. С переездом в Симферополь, кроме службы в вузе, Вернадский активно занимался научными исследованиями, в том числе совершал экспедиции по разным районам полуострова. Соответственно оформился симферопольский круг общения академика. Для восстановления сведений о многогранной научной и общественной деятельности Вернадского в Симферополе в 1920 году, что представляется актуальным и до настоящего времени полностью неразработанным, интересны содержательные письма к академику профессора Таврического (с 1921 по 1925 годы — Крымского) университета (позже — пединститута) Петра Абрамовича Двойченко (1883—1945), с которым Вернадский активно сотрудничал. Привлечение эпистолярных источников для восстановления исторической повседневности ученых в Крыму составляет новизну подхода данного исследования. Именно эпистолярный позволяет проследить интеллектуальную напряженность в среде исследователей полуострова, выстроить линии контактов «провинция — центр», восстановить неизвестные ранее страницы биографии ученых.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Пребывание В. И. Вернадского в Крыму в 1920 — начале 1921 годах, его ближнее окружение и общественно-педагогическая деятельность в Симферополе вызывают все больший интерес [История ..., 2018, с. 36—39]. Попытки восстановить историческую повседневность того времени приняли

более популярный, чем научный характер [Багров, 2004, с. 141—207]. В последние годы впервые для восстановления данных об обширной организационной деятельности ученого и определения круга его делового и личного общения привлечен эпистолярный, достаточно хорошо сохранившийся, но не использованный исследователями [Непомнящий, 2021б, с. 74—83].

О научной деятельности и биографии профессора П. А. Двойченко содержательной информации в историко-крымоведческой литературе практически нет, хотя значимость практических разработок ученого вызвала попытки обобщающих публикаций о нем биографического толка [Макаренко, 1997; Михайлов, 2004]. Вместо устранения информационной лакуны о П. А. Двойченко обе статьи только запутывают исследователей противоречивыми и недостоверными фактами. Полное отсутствие у авторов опоры на имеющиеся архивные источники личного происхождения (они им, по-видимому, неизвестны) привело к значительному количеству ошибок и неточностей в изложении канвы жизни и служебной деятельности профессора. В значительно более выигрышном свете представлена глава, посвященная Двойченко, в книге Д. П. Урсу «Профессора Таврического университета (1918—1941)» [Урсу, 2005, с. 37—44]. К сожалению, материал там изложен в популярной форме.

Новые страницы биографии крупного крымоведа раскрыты в содержательной монографии В. В. Акимченкова, посвященной истории Крымского отделения Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству, развернувшей свою деятельность в конце 20-х — 30-е годы XX столетия [Акимченков, 2022.]. С опорой на неизвестные ранее материалы периодики и выявленные документы из фондов центральных российских архивов автору удалось восстановить сложные взаимоотношения в среде организаторов ассоциации, определить основные направления и формы деятельности этой общественной организации, вскрыть причины ее ликвидации. В книге показана роль П. А. Двойченко в этих важных для крымоведения процессах.

В названных штудиях не использовалась довольно информативная, хотя и небольшая по объему переписка В. И. Вернадского с П. А. Двойченко. Она проливает свет на многие интересные сюжеты истории крымоведения.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Роль П. А. Двойченко в изучении Крыма в начале XX столетия

Геолог, гидролог П. А. Двойченко родился в Бердянске 16 сентября 1883 года, но уже в декабре того же года семья переехала в Симферополь, где отец учительствовал и служил счетоводом в местной земской управе.

В некоторых анкетах ученый указывал, что родился в Симферополе [СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 212, л. 1]. Низшее образование Петр получил в частной школе Архангельской в Симферополе (1890—1892), среднее — в гимназиях Симферополя и Павлограда. В 1900 году Двойченко поступил в Горный институт в Санкт-Петербурге [Там же, л. 5 об.]. Он специализировался по кристаллографии и петрографии и работал под руководством крупного кристаллографа, минералога и географа профессора Е. С. Федорова. В 1900 году при его непосредственном участии был «образован геологический и минералогический отдел в Естественно-историческом музее Таврического губернского земства» [ГАРФ, ф. А-2307, оп. 10, д. 342, л. 34 об.].

Обучение Двойченко в Горном институте прерывалось из-за участия в студенческих акциях протеста. В 1904 году он «был изгнан на три с половиной года». В 1904—1905 годах — читал лекции на общеобразовательных курсах в Симферополе по геологии и минералогии. С 1905 года по приглашению Таврического губернского земства обследовал артезианские воды и колодцы в Перекопском и Евпаторийском уездах. В последние годы — в других районах Таврической губернии. Только в 1906 году им обработано более 100 разрезов буровых скважин. К этому времени относится работа молодого геолога над «Атласом гидрогеологических разрезов верховья реки Салгир» (1906 год). Средства для разработки атласа выделила Симферопольская городская дума. Летом 1907 года Двойченко занимался гидрогеологическими изысканиями в районах Агармышы и Субаша для поиска источников водоснабжения Феодосии. Именно там геолог познакомился и совместно работал с санитарным врачом Феодосийского уезда Д. И. Ульяновым, которого интересовало качество воды с санитарной точки зрения [Там же, л. 35].

В 1908 году молодой специалист переехал в Симферополь. В 1908—1912 годах он активно занимался изучением артезианских вод Крыма и преподавал в Симферопольском народном университете, где читал научно-популярные курсы по геологии, гидрологии, минералогии и о полезных ископаемых. К 1910 году увидела свет первая самостоятельная работа геолога «Гидрогеологический очерк населенных пунктов Перекопского уезда», ставшая первым выпуском «Материалов по исследованию артезианского дела в Таврической губернии». В 1912—1914 годах молодой геолог проводил занятия в Симферопольском техникуме на курсах рабочих-десятников. С 1913 года — заведовал Гидрологическим отделом Таврического губернского земства. Среди его служебных занятий — бурение артезианских колодцев и постройка водопроводов [Там же, л. 33—34].

В июле 1914 года в связи с военной мобилизацией П. А. Двойченко был призван на военную службу [Война ..., 1914]. После возвращения

в Симферополь до 20 ноября 1920 года (время окончательного установления советской власти на полуострове) продолжил заведовать Гидрологическим отделом Таврического губернского земства. С 15 января 1918-го и весь следующий год Двойченко преподавал геологию в Симферопольском народном университете. Подработками в этом не имевшем официального статуса учебном заведении спасались от голода многие представители оказавшейся к Крыму российской интеллигенции [Непомнящий, 2022а, с. 475—480]. Одновременно в первый приход большевиков в Крым, с 18 января по 20 марта 1918 года, Двойченко служил гидрогеологом, геологом Таврического центрального совета рабочих и крестьянских депутатов (Таврического земства).

В феврале 1919 года по предложению крупного геолога, минералога, академика Санкт-Петербургской академии наук Н. И. Андрусова (1861—1924), преподававшего тогда в Таврическом университете, Двойченко избран приват-доцентом этого учебного заведения. С 1921 года он доцент, а с сентября 1922 года — профессор по кафедре геологии Крымского университета им. М. В. Фрунзе. Петр Абрамович читал курсы кристаллографии и минералогии на физико-математическом, агрономическом и медицинском факультетах [СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 212, л. 5—6].

3.2. Совместная научная и общественная деятельность П. А. Двойченко и В. И. Вернадского в Крыму

В мае — августе 1920 года с приходом в университет В. И. Вернадского Двойченко принимал активное участие в организации и деятельности созданной академиком Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма. Комиссия возникла как структура в Крымском обществе естествоиспытателей и любителей природы. При Вернадском заседания этого научно-практического сообщества проходили два раза в месяц. Крымский геолог, знавший местные природные ресурсы, был особенно востребован для работы по изучению полезных ископаемых. В сложнейшее время революционных катаклизмов Вернадский и Двойченко смогли организовать заявки от кооперативов на исследование кила и местных хлебных злаков, а также финансирование от администрации П. Н. Врангеля [Вернадский, 1921, с. 7]. Уже на втором заседании комиссии П. А. Двойченко (совместно с профессором А. А. Байковым) выступил с докладом «О крымском угле». Он познакомил собравшихся с историей геологического изучения Крыма [Лавров, 2016, с. 81].

Вместе с Вернадским в мае и летом 1920 года П. А. Двойченко совершил ряд пеших экспедиций по полуострову для сбора минералов. Завязалась дружба двух исследователей. Как следствие «этих ученых экскурсий» был открыт Минералогический кабинет Таврического университета,

которым заведовал Двойченко. На страницах дневника В. И. Вернадского в это время неоднократно упоминается фамилия Двойченко. 14 (27) апреля 1920 года Владимир Иванович отметил: «Ужасно трудно работать — ничего нет. Еще Двойченко удивительно много сумел сделать» [Вернадский, 1997, с. 70]. Практически ежедневно крымский геолог консультировал Вернадского по различным аспектам истории изучения геологии полуострова, посвящал в работы по подготовке геологической карты региона [Вернадский, 1997, с. 73].

Восемь сохранившихся в личном архивном фонде академика Вернадского посланий Двойченко к Владимиру Ивановичу (июнь 1921 — сентябрь 1940) по объему значительно превышают письма других корреспондентов из Крыма. Среди них — обширные, многостраничные отчеты о проводимых им разысканиях минералов для пополнения коллекции, об опытах на железных и серных месторождениях, о результатах изучения состава местных грязей и глины с формулами. Они особенно интересовали В. И. Вернадского. Вместе с тем часть посланий — это небольшие будничные сообщения бытового характера.

Первое из дошедших до нас писем не датировано. Оно относится, согласно упоминанию событий в дневнике В. И. Вернадского [Вернадский, 1997, с. 90.], к 9 (22) июня 1920 года и написано в Симферополе. Двойченко сообщал, в частности: «Вел продолжительную беседу с А. А. Стевенем по поводу музея. Оболенский назначил совещание на пятницу вечером. Я протестую в виду того, что в пятницу общее собрание комиссии. Полагаю, что заседание отложат, но трагизм в том, что в субботу или пятницу Оболенский уезжает. Керосин обещают, но самого Рихтера в земстве нет и потому окончательного ответа дать нельзя. Сегодня говорил с дядькой того г[осподина] Синани, который уехал за границу. Сейчас он в Париже, откуда поедет в Лондон. Никаких способов сношения нет и, кажется, наш дополнительный заказ к нему в руки не попадет. Надо искать способов пересылки письма. В четверг к 5 час[ам] буду в Салгирке, этого я не забыл. Бумаги все я написал и посылаю с Владимиром» [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 1] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Речь про Естественно-исторический музей Таврического губернского земства, который располагался в нескольких комнатах Таврической губернской земской управы. Экспонаты там уже не помещались, а посетители при осмотре толкали друг друга. Давно назрела необходимость выделения для уникального собрания другого, просторного помещения, о чем Вернадский неоднократно беседовал с председателем Таврического губернского земства Владимиром Андреевичем Оболенским (1869—1951). Такой разговор состоялся, как свидетельствует дневниковая запись Вернадского, и

в этот день [Вернадский, 1997, с. 90]. Внук основателя Никитского ботанического сада Х. Х. Стевена и сын первого председателя Таврической ученой архивной комиссии А. Х. Стевена Александр Александрович Стевен (1879—1920) — бывший министр продовольствия, торговли и промышленности, а также одновременно исполнявший обязанности министра путей сообщения, почт, телеграфов и общественных работ во втором краевом правительстве Соломона Сомойловича Крыма — служил в 1920 году председателем продовольственного (затем — аграрного) отдела Таврической губернской земской управы. Очевидно, он имел возможность повлиять на ситуацию с размещением музея. На это указывает и сам Вернадский, отметивший в дневнике: «Двойченко в назначенный час не пришел. Послал ему письмо с Владимиром. <...> Написал Дв[ойченко], чтобы подействовал на Стевена» [Там же].

3.3. Переписка ученых после отъезда В. И. Вернадского из Симферополя

Дальнейшая переписка шла уже после отъезда Владимира Ивановича из Крыма. Причем Вернадский написал первым. У него остались рабочие вопросы о ходе начатых совместно с Петром Абрамовичем исследований. В июле 1921 года Двойченко сообщал ему из Симферополя о своих рабочих поездках для изучения месторождений железа, серы, об исследованиях кила (крымской глины), присылал информацию о метеоритах, падавших в Крыму. Наравне с этими данными, которые запрашивал Вернадский, письмо содержит много сведений по истории крымоведения:

«Спешу ответить на все Ваши вопросы, но письмо мое пойдет лишь с оказией, т. к. почте доверять пока еще нельзя. Более всего надеюсь на передачу посылки и письма с проф[ессором] П. П. Сушкиным. В. И. Лучицкий собирается ехать с января месяца, но его отъезд постоянно откладывается. Увлёкся он геологией Крыма чрезвычайно, и я лишь удивлялся, что интерес у него пробудился столь поздно, хотя в Крыму он бывал и раньше. Очевидно, сыграли роль мои таблицы, списки литературы, карты и пр., а также геологич[еский] п[од]отдел горного отд[ела]. Интересуется и увлекается он решительно всем. <...>

Комиссию по изучению производ[ительных] сил Крыма мы начали возрождать, но, к сожалению, А. А. Байков вторично выехал в Москву, а состоялось лишь одно заседание, на котором многие отсутствовали. Статья С. П. Попова не напечатана, и вообще здесь ничего не печатается и надежды на это нет за недостатком бумаги. <...>

Последнее время наблюдается всюду и застой, вялость, равнодушие и сонливость. Более благодушно настроены профессора, поступившие на службу в Центросоюз [Центральный союз работников просвещения Кры-

ма — А. Н.]. Они не голодают. Пока я живу сносно. Работаю 12—14 часов и наслаждаюсь уединением в своем кабинете. Поддерживаю себя сделанными работами по составлению проектов, чертежей, смет, чисткой труб, очисткой мусорных ям и пр. Беспокоит всех зима, но, конечно, из-за неопределенности и неустойчивости обыкновенных смертных. Будь иначе, я бы собственными руками к зиме построил себе хибару, на плечах наносил бы дров и запаса бы продовольствием. Но теперь, если построить хибару, то тебя выселят в 24 часа, помещение реквизируют, дров больше 5 п[удов] держать нельзя, а продовольствие отберут. Поэтому приходится жить сегодняшним днем, надеясь на проблематичный паек.

Комиссия по изучению лечебных мест Крыма фактически лопнула. Попытки собрать ее успехом не увенчались. Тов. Ульянов, с которым мы встретились как старые знакомые и сослуживцы, интересуется артезианским делом, водоснабжением курортов и сакскими грязями. Пытается организовать исследование сакских грязей, передавши геологическую часть мне, химико-минералогическую — С. П. Попову, а бактериологическую — проф[ессору] Ушинскому. Однако до сих пор средств Ц.У.К.К. [Центральное управление курортами Крыма] ни одного рубля бумажного не отпустили — все стоит.

Комиссия по музею собиралась за 6 мес[яцев] всего 2 раза, причем последний раз в числе 3-х человек. В университете занимаемся лишь зачетами. Некоторое оживление внес А. А. Байков своим докладом <...> [РАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 6—9 об.].

Упомянутый в письме зоолог-орнитолог Петр Петрович Сушкин (1868—1928) заведовал Естественно-историческим музеем Таврического губернского земства, судьбой которого так интересовался В. И. Вернадский. После окончательного установления советской власти Сушкин вел переговоры о возвращении академических центры. Такое место — в московском Зоологическом музее РАН — он вскоре получил. Поэтому его отъезд и предполагался. Второй возможный «почтальон» — геолог-петрограф Владимир Иванович Лучицкий (1877—1949) — приехал в Симферополь в 1919 году из Киева, где до революции служил профессором Университета Святого Владимира. В. И. Лучицкий получил должность профессора кафедры минералогии Таврического университета. Хотя при новой власти он стал профессором на естественном отделении физико-математического факультета Крымского университета им. М. В. Фрунзе, Лучицкий искал возможности выехать из Крыма.

Автор также доложил о ходе геологического обследования Кара-Дага директором Карадагской научной станции им. Т. И. Вяземского (1917—1927) А. Ф. Слудским (1884—1954) и инженером-геологом, выпускником

Санкт-Петербургского горного института (1909) А. И. Спасо-Кукоцким (1878—1972), который был в 20-х годах сотрудником Крымского университета им. М. В. Фрунзе. Вскоре он получил должность заведующего отделом природы в Ялтинском музее краеведения. Затем работал старшим гидрогеологом Управления по борьбе с крымскими оползнями.

Интересна информация о попытках возобновить деятельность Комиссии по изучению производительных сил Крыма. Такая общественно-научная структура была создана В. И. Вернадским еще во время его профессорства в Таврическом университете весной 1920 года (до его избрания ректором). Владимир Иванович намечал подготовку сборника (и начал собирать и редактировать статьи) об естественно-производительных силах полуострова по аналогии с издававшимися материалами, которые готовила Комиссия по изучению естественных производительных сил России при Академии наук, созданная по инициативе В. И. Вернадского в 1915 году. Вернадский предложил подготовить для крымского сборника статьи об использовании силы ветров, месторождениях серы, кила, рыболовстве в Азовском море. Предлагалось рассмотреть именно те сферы природных богатств, которые могли помочь в развитии автономной экономической жизни полуострова. В. И. Вернадский тогда обратился к Главнокомандующему Вооруженными Силами Юга П. Н. Врангелю с просьбой выделить 3 миллиона рублей для издания сборника [Комиссия ..., 1920]. И вот теперь, как видно из письма, опять все эти идеи остались нереализованными из-за нежелания А. А. Байкова, который не видел перспектив своего пребывания в Крыму и стремился вернуться в Петроград. В составе этой комиссии работала и упомянутая П. А. Двойченко ниже Комиссия по изучению лечебных мест Крыма, деятельность которой в тяжелейших условиях борьбы научных работников за элементарное выживание зачахла.

Интересно замечание про контакты П. А. Двойченко с Дмитрием Ильичом Ульяновым (1874—1943), служившим в это время заместителем председателя правительства Крыма и наркомом здравоохранения Крымской АССР (1921—1925). Их знакомство состоялось еще в досоветское время во время многочисленных поездок Двойченко по деревням Феодосийского уезда в качестве земского гидрогеолога, занимавшегося изучением источников водоснабжения. Д. И. Ульянов служил тогда в том же уезде санитарным врачом. В его обязанности входил надзор за состоянием водных скважин с санитарной точки зрения. Письмо содержит информацию об интересе наркома к изучению крымских грязей и о распределении обязанностей между тремя учеными. Вновь упоминается профессор-минералог Сергей Платонович Попов (1872—1964). Он приехал в Симферополь из Харькова в 1920 году и получил должность профессора кафедры минералогии в Таврическом универси-

тете. В 1921 году ученый работал заведующим кафедрой геологии (позже — минералогии и петрографии) Крымского университета им. М. В. Фрунзе. Именно он стал инициатором создания Крымского научно-исследовательского института (и с 1925 года возглавил его), ставшего подразделением Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе (до 1930 года) [Акимченков, 2019, с. 110—114].

Названный в письме профессор-микробиолог Николай Григорьевич Ушинский (1863—1934) работал профессором на медицинском факультете Таврического университета со дня его открытия. Он был знаком Вернадскому со студенческих лет. Они оба входили в студенческое общество «Братство». С той же поры ученые дружили и состояли в переписке. Сакскими грязями Н. Г. Ушинский так и не занялся. После наступившего в Крыму с приходом Красных краха экономики, а также голода он в 1921 году переехал в Баку, куда его пригласили в Азербайджанский университет заведующим кафедрой патологии. Главной же причиной срыва всесторонних исследований сакских грязей в 1921 году стало банальное безденежье.

Упомянуто в письме и «Комиссия по музею». Конечно, Вернадского интересовала судьба Естественно-исторического музея Таврического губернского земства. И хотя немногочисленные собрания заинтересованных в судьбе этого музейного собрания деятелей проходили (за полгода — два раза), но что-то существенное для судьбы музея они предложить не могли. Этот музей был влит в объединенный Центральный музей Тавриды как отдел природы.

«Оживление», привнесенное ректором А. А. Байковым, связано с его переговорами в Наркомпросе РСФСР во время командировки в Москву в июне 1921 года. Он доложил Совету университета, что вуз включен в твердую сеть высших учебных заведений республики, что гарантировало стабильную выплату жалования [Непомнящий, 2021а, с. 45—54.].

Письмо подтверждает то, что, уехав из Крыма, Вернадский периодически, до отъезда в европейскую командировку, передавал коллегам из Крымского университета большое количество книжных изданий, как новинок, так и книг прошлых лет. В тексте сообщается об использовании командировок ректора А. А. Байкова (привез учебники и платиновую посуду), старшего ассистента кафедры метеорологии И. С. Михаловского. В этой связи Двойченко просил полный комплект популярного у естествоиспытателей журнала «Природа», издаваемого и редактируемого А. Е. Ферсманом с 1912 года.

26 октября 1921 года Петр Абрамович написал Вернадскому следующее письмо. Оно содержательно с точки зрения информации о самом авторе, его научных планах. Двойченко подробно знакомит Вернадского с исследованиями по химическому составу ила и залеганию артезианских

вод [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 2—5 об.]. Рассказывая о своем положении в вузе, автор слишком сгущает краски, говоря о переводе его из профессоров чуть ли не в ассистенты. Уже в 1922 году ему будет присуждено звание профессора и, соответственно, его восстановят в этой должности [СПбФ АРАН, ф. 155, оп. 2, д. 212, л. 6.]. Характерно, что практика зарубежных командировок профессуры и преподавателей, которую планировал Двойченко, в этот период в Крымском университете сохранялась. Правда, исключительно за свой счет [Непомнящий, 2022б, с. 107—119]. Профессор Владимир Иванович Лучицкий, как видно из письма, все-таки уехал в Киев. Там он получил должность профессора в Высшем институте народного образования им. М. П. Драгоманова.

В первый день 1922 года, имея свободное время, Петр Абрамович писал Вернадскому: «Я только что возвратился из Москвы, где был представителем Крыма на Всеросс[ийской] Конференции Научн[ых] Общ[еств] и Учреждений по изучению местного края. Видался с Алекс[андром] Евг[еньевичем] Ферсманом. Конференцией недоволен. Мне предоставлено было для доклада о всех общ[ествах], учрежд[ениях] и музеях Крыма 5 мин[ут]. В лекциях нам было предложено много банальных истин и нравоучений и обещано по 3—4 рубля в месяц на каждое учреждение. Однако частные совещания и общении с делегатами доставили много приятных минут. <...>

Вел в Москве переговоры о получении Геологическ[им] Кабинетом Крымского] Университета заказа на доставку образцов минералов, горных пород и ископаемых для учебных коллекций и для обмена с различными] учреждениями. Продолжать переговоры будет В. И. Лучицкий, который выехал в Москву. Наша мечта — получить вагон из Крыма в Питер на съезд, в котором мы могли бы отправить коллекции, поехать сами и доставить семью Александра] Евгеньев[ича] Ферсмана, члены которой больны и находятся в тяжелом положении.

В ответ на Ваше предложение войти в переговоры с М. М. Пригоровским относительно печатания очерков по артезианским] водам Крыма и Таврии, я послал ему свои соображения, программу и опись материалов» [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 10—11 об.]. Двойченко подробно излагает в этом послании программу очерков по гидрогеологии Крыма, над которыми он работал.

Благодаря письму узнаем, что на знаковую для краеведов Первую Всероссийскую конференцию научных обществ и учреждений по изучению местного края, которая проходила в Москве с 12 по 20 декабря 1921 года, был делегирован именно П. А. Двойченко — представитель «новой» молодой волны в местном краеведении. Очевидно, что в выборе кандидатуры

Двойченко сыграло участие А. Е. Ферсмана, который занимал серьезные позиции в руководстве краеведческим движением на данном этапе. Собранными было принято решение о создании Ассоциации научных учреждений, обществ и отдельных ученых Республики, возглавлять которую должна была Российская академия наук. Как видим, Двойченко участвовал в исторических форумах, которые надолго определили развитие целых направлений науки. Так, упомянутый Первый Всероссийский геологический съезд проходил в Петрограде с 1 по 12 июня 1922 года и собрал 300 участников. Именно там был организован Геологический комитет, руководивший всеми изысканиями в этой отрасли.

Родственники А. Е. Ферсмана, про которых пишет Двойченко, проживали под Симферополем в селе Тотайкой (сейчас — Ферманово). Геолог, специалист по угольным месторождениям Михаил Михайлович Пригоровский (1881—1949) являлся сотрудником Геологического комитета и служил профессором Московской горной академии. Очевидно, переговоры с ним о публикациях результатов исследований Двойченко не принесли результатов. В московских научных изданиях не были в тот период и позже напечатаны статьи Петра Абрамовича [Непомнящий, 2015, с. 327—240].

В дальнейшем в связи с заграникомандировкой В. И. Вернадского во Францию в переписке ученых наступает значительный перерыв. П. А. Двойченко в 20-е активно влился в развившееся на полуострове краеведческое движение. Можно констатировать, что ученый был одним из лидеров новой волны крымского краеведения. Не случайно именно он представлял Крымскую АССР на пятой сессии Центрального бюро краеведения в начале 1924 года.

3.4. В. И. Вернадский и П. А. Двойченко: общение ученых в 1930-е годы

Из-за длительного перерыва в переписке В. И. Вернадский ничего не знал про арест Двойченко в апреле 1931 года, про гонения на него в институте в 1934 году в связи с работой очередной «чистильной» комиссии. Тогда П. А. Двойченко выстоял. В 1934—1937 годах он работает деканом географического факультета Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе.

В 1936 году Двойченко убедил руководство Крымского пединститута им. М. В. Фрунзе направить ходатайство в Центральную квалификационную комиссию АН СССР о присуждении ему степени доктора геологических наук по результатам опубликованных трудов. Однако из Москвы ответили отказом. В 1937 году Двойченко был изгнан из пединститута. Следующее из сохранившихся его писем В. И. Вернадскому датировано 18 декабря 1937 года. Оно передает драматизм переживаемой ученым ситуации:

«Последнее время я сильно болел, перенес операцию и заражение крови и нервов (полиневрит), пролежал в постели 9 месяцев, а за это время сделался в Крыму и в Крым[ском] институте излишним.

Вынужден искать новой работы на новом месте. К сожалению, зимой геологу устроиться нелегко, а до лета еще далеко. Хочу переходить в к[акой]-л[ибо] университет, либо работать по геологоразведочной части. Определенных перспектив еще не имею, но очень прошу Вас, как быв[шего] ректора Крым[ского] Университета, написать мне какую-нибудь скромную рекомендацию, которая бы облегчила мне поиски новой работы на новых местах. Я последний из профессоров быв[шего] Крым[ского] Университета, покидающий Крым. Видно, не следует слишком долго засиживаться на одном месте. Надо уступать место молодым нац[иональным] кадрам» [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 12].

Говоря, что он «последний из профессоров быв[шего] Крым[ского] университета, покидающий Крым», Двойченко подразумевал, конечно, Таврический университет, существовавший с 1918 по конец 1920 года. В. И. Вернадский отметил тогда в дневнике: «П. А. Двойченко фактически получил волчий билет — не пускают ни в Симферополь, ни в Воронеж в университеты за идеи и высказывания, чужие по идеологии. Главное инкриминируется: он в разговоре со студентами говорил, что Энгельс взял все у Гегеля, а Гегель — оригинал более глубокий его Энгельса идей!» [Вернадский, 2006, с. 204]. Кстати, о «легкомысленности» и «болтливости» Двойченко сообщали и другие его современники. Коллега П. А. Двойченко по крымоведческим исследованиям, проведенный много недель с ним в археологических экспедициях, Н. Л. Эрнст вспоминал, что Петр Абрамович мог в компании коллег пуститься в рассуждения о том, что Энгельс более сделал для теории Коммунистической партии, чем Маркс, а Маркс многое заимствовал у Энгельса [Непомнящий, 2012, с. 367—398]. Вернадский составил 28 декабря 1937 года по просьбе коллеги «Свидетельство» — отзыв о научной и педагогической деятельности П. А. Двойченко, — сразу же отправленное в Симферополь, где дал высокую оценку его профессиональным качествам. Аналогичную бумагу, по просьбе Петра Абрамовича, составил и хорошо знавший его по совместным работам А. А. Байков, ставший в 1932 году академиком АН СССР.

Только в 1939 году П. А. Двойченко смог получить должность заведующего Геологическим кабинетом Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. К этому времени относится сразу несколько его писем Вернадскому с просьбой разыскать отосланные им в адрес Академии наук из-за опасности ареста две коробки с его рукописями и описанием его работ над докторской диссертацией. 11—12 января 1939 года Двойченко

сообщал Вернадскому известную ему информацию о метеоритах, зафиксированных на полуострове. Во второй части письма он поместил содержательную личную информацию:

«Сообщу краткие сведения о себе. В 1936 году я перенес третью тяжелую операцию, по-существу пустяковую, но с заражением всего организма, а главное — нервов, стрептококковой инфекцией. Заражение было сделано молодым доктором грязным зондом. В результате, вместо 8 дней я пролежал постельным больным 9 месяцев. Это вторая операция с заражением (первая в 1931 году в Москве). При возвращении к работе 2—3 молодых преподавателя, которые свободней себя чувствовали без меня, прибегли к клевете, чтобы освободиться от меня. Выяснивши это, я решил уйти сам в Днепропетровский университет, куда меня уже несколько лет приглашали. Однако клевета проникла и туда. Много тяжелых моментов пережито мною за 8 месяцев вынужденного прогула, но в результате мои клеветники жестоко пострадали, а я был реабилитирован и восстановлен во всех правах. Теперь понемногу восстанавливаю свое здоровье, сильно надорванное заражением нервов и клеветой. Премного благодарен Вам, дорогой Владимир Иванович, и акад[емику] А. А. Байкову, которые меня поддерживали в тяжелую минуту.

Теперь я усиленно работаю над докторской диссертацией, т. к. ходатайство ин[ститу]та перед квалификационной комиссией Академии Наук о присуждении мне ученого звания доктора в 1936 году не было удовлетворено, а моя диссертация “Гидрогеологический очерк степных районов Крыма” — более 20 печ[атных] л[истов] пропала бесследно в недрах Академии Наук. <...>

Сделал я попытку напечатать свой труд в ЦНИГРИ, но там моя рукопись пролежала несколько лет, а теперь кто-то собирается ее печатать в качестве своей, а не моей диссертации на докторскую степень. Таким образом, и в ЦНИГРИ моя попытка издать свою большую работу окончилась не в мою пользу. Обращался к проф[ессору] Мирчинку с просьбой отыскать следы моих работ и рукописей в Академии Наук, но он не мог обнаружить никаких следов. Большая просьба к Вам, Владимир Иванович, поручить кому-нибудь из молодежи отыскать следы посланных мною в декабре 1936 года двух ящиков с оттисками моих работ (5 книг и 10 брошюр), с рукописью (напечатана на машинке, более 20 печ[атных] листов) “Гидрогеологический очерк степных районов Крыма”, с несколькими альбомами эскизов и фотоснимков. Не допускаю мысли, чтобы в Академии Наук могли бесследно исчезнуть два больших ящика с рукописями и книгами. <...>

Теперь я приступил к оформлению второй докторской диссертации на тему “Неоген и четвертичные отложения Крыма” <...> [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 13—14 об.].

Как видим, вернувшись к работе по специальности, Двойченко ожил. Упомянуты хранящиеся в «местном архиве» рукописи исследователя. Действительно, материалы П. А. Двойченко по изучению почв полуострова, гидрологические изыскания (доклады на съездах по изучению производительных сил Крыма, служебные записки, статьи) выявлены нами в фонде Р-137 Госархива Республики Крым «Государственная плановая комиссия при Свете Народных Комиссаров Крымской АССР».

Возвращение к нормальной жизни позволило ученому обратиться к мысли о защите докторской диссертации. В этой связи информативно упоминание о попытке Двойченко напечатать текст первого варианта докторской диссертации в Центральном научно-исследовательском геологоразведочном институте, созданном в 1931 году на базе Геологического комитета, и о пропаже там рукописи. Из письма становится известным об отправленных им в Академию наук СССР коробках с его рукописными материалами. Разысканием этих материалов занимался коллега П. А. Двойченко, геолог, заведующий кафедрой исторической геологии Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе Георгий Федорович Мирчинк (1889—1942), который работал и в других вузах Москвы и Геологическом институте АН СССР. С 1932 по 1935 годы Мирчинк возглавлял программно-методическую комиссию по геологоразведочному образованию при Главном управлении учебными заведениями Народного комиссариата тяжелой промышленности и утверждал программы по различным отраслям геологических наук.

В ответ на письмо Вернадского, написанное 4 марта того же года, Двойченко отвечал 30 марта 1939 года. Он подробно расписал, какие его рукописи следует искать в кабинетах Академии наук [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 15—16]. За находку в Москве рукописей Двойченко, организованную В. И. Вернадским, и возвращение их ему Двойченко благодарит Вернадского в следующем письме от 15 октября 1939 года [Там же, л. 17—17 об.]. Упомянутая в письме рукопись статьи Двойченко «Обзор полезных ископаемых Крыма» сохранилась в личном архивном фонде А. Е. Ферсмана [АРАН, ф. 544, оп. 1, д. 73].

Последнее послание из сохранившейся переписки двух ученых — открытка от 1 сентября 1940 года — благодарность В. И. Вернадскому за пересылку в Симферополь своих новых публикаций [АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 506, л. 18 об.].

4. Заключение = Conclusions

Корпус эпистолярия профессора Петра Абрамовича Двойченко, адресованный академику В. И. Вернадскому, впервые нами проанализирован-

ный, является информативным источником по истории изучения региона, исследованию особенностей интеллектуальной напряженности в среде подвижников изучения Крыма. П. А. Двойченко в 1920 году стал одним из активнейших участников, развернутой В. И. Вернадским широкой исследовательской программы по изучению природных богатств полуострова. Основная деятельность ученых развернулась в рамках Комиссии по изучению естественных производительных сил Крыма. Именно благодаря активной деятельности Двойченко стали ясны возможности использования местного сырья в экономике региона, в том числе и для экспорта. Эта работа, как свидетельствуют документы, продолжилась и после отъезда академика из Крыма.

Введение в научный оборот и анализ сохранившихся писем, полная атрибуция упомянутых там имен позволяют раскрыть новые стороны повседневности ученой жизни в регионе. Особенно информативны данные по подготовке совместных трудов, межличностным конфликтам, репрессиям. Произведенный анализ в области биографической эвристики позволил воссоздать не только процесс реализации научных проектов первых пятилеток, которые волновали двух геологов-практиков, но и обозначить круг исследований, проводимых профессорско-преподавательской корпорацией местного педагогического института в 20-е — начале 30-х годов прошлого века. Благодаря изучению переписки личность Двойченко, который в конце жизни был обвинен в пособничестве оккупационным властям, видится совершенно в другом ракурсе. Перед нами предстает геолог-исследователь — крупный, авторитетный научный работник на фоне сложной эпохи, которая не дала ему реализоваться в полном объеме.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской академии наук. Ф. 518 (Вернадский Владимир Иванович). Оп. 3. Д. 506. Л. 1—18 ; Ф. 544 (Ферсман Александр Евгеньевич), Оп. 1. Д. 73. Лл. 1—8.
2. *Вернадский В.* О научной работе в Крыму в 1917—1921 гг. / В. Вернадский // Наука и ее работники : журнал. — 1921. — № 4. — С. 3—12.
3. *Вернадский В. И.* Дневники, 1917—1921 : Январь 1920 — март 1921 / В. И. Вернадский. — Киев : Наукова думка, 1997. — 321 с.
4. *Вернадский В. И.* Дневники, 1935—1941 : в 2-х кн. / В.И. Вернадский ; отв. ред. В. П. Волков. — Москва : Наука, 2006. — Книга 1 : 1935—1938. — 444, с., [17] л. ил.
5. *Война* и Симферополь // Крымский вестник : газета. — Севастополь, 1914. — № 189. — 25 июля.
6. ГАРФ — *Государственный архив* Российской Федерации. Ф. А-2307 (Главное управление научных и музейных учреждений Наркомата просвещения РСФСР). Оп. 10. Д. 342. Лл. 33—35.

7. *Комиссия по изучению производительных сил* // Таврический голос. — 1920. — № 240 (390). — 31 мая (13 июня).

8. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский филиал Архива РАН*. Ф. 155 (Комиссия «Наука и ее работники в пределах СССР»). Оп. 2. Д. 212. Лл. 1, 5, 6.

Литература

1. *Акимченков В. В.* «Этот вопрос ... в свое время обсуждался в общесоюзном масштабе V Менделеевским съездом»: записки профессоров Крымского государственного педагогического института им. М. В. Фрунзе по наиболее рациональному использованию природных богатств полуострова. 1928 г. / В. В. Акимченков, А. А. Непомнящий // Исторический архив : журнал. — 2019. — № 2. — С. 108—117.

2. *Акимченков В. В.* «Союз серпа, молота и книги»: Крымское отделение Всесоюзной ассоциации работников науки и техники для содействия социалистическому строительству СССР (1928—1937) / В. В. Акимченков; под ред. А. А. Непомнящего. — Саратов : Амирит, 2022. — 256 с. — ISBN 978-5-600-03264-4.

3. *Багров Н. В.* В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров. — Киев : Либідь, 2004. — 312 с. — ISBN 966-06-0341-X.

4. *История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях* / авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. — Белгород : Константа, 2018. — 352 с. — ISBN 978-5-906952-72-1.

5. *Лавров В. В.* В. И. Вернадский и общество научных знаний: из ранней истории деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России, Украины и Крыма, 1915—1921 гг. / В. В. Лавров. — Пенза : [б. и.], 2016. — 292 с. — ISBN 978-5-235-03435-11.

6. *Макаренко Д. С.* Відомий гідролог П. А. Двойченко / Д. С. Макаренко // Геологічний журнал : журнал. — 1997. — № 1/2. — С. 178—182.

7. *Михайлов В. А.* Профессор П. А. Двойченко — первый декан географического факультета / В. А. Михайлов // Природа : журнал. — 2004. — № 1. — С. 14—15.

8. *Непомнящий А. А.* Профессор Николай Эрнст: страницы истории крымского краеведения / А. А. Непомнящий. — Киев : Стилос, 2012. — 464 с.

9. *Непомнящий А. А.* История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (1921—1945) / А. А. Непомнящий. — Симферополь : Антиква, 2015. — 936 с. — ISBN 978-5-9907507-9-1.

10. *Непомнящий А. А.* Восточный факультет: неизвестные страницы истории краеведения / А. А. Непомнящий. — Саратов : Амирит, 2021а. — 416 с. — ISBN 978-5-00140-853-6.

11. *Непомнящий А. А.* Крымские корреспонденты академика В. И. Вернадского (1920—1930-е гг.) / А. А. Непомнящий // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: «Гуманитарные науки» : журнал. — 2021б. — Т. 23. — № 3. — С. 70—86. — DOI: 10.15826/izv2.2021.23.3.046.

12. *Непомнящий А. А.* Деятельность Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины в Крыму в 1909—1917 / А. А. Непомнящий // Научный диалог : журнал. — 2022а. — Т. 11. — № 4. — С. 470—488. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-470-488.

13. *Непомнящий А. А.* Профессор Алексей Деревицкий: крымские страницы биографии / А. А. Непомнящий. — Саратов : Амирит, 2022б. — 176 с. — ISBN 978-5-00207-105-0.

14. Урсу Д. П. Професори Таврійського університету (1918—1941) : біографічні нариси / Д. П. Урсу ; Таврійський нац. ун-т ім. В. І. Вернадського. — Сімферополь, 2005. — 108 с. — ISBN 966-8180-29-1.

Статья поступила в редакцию 08.02.2023;
одобрена после рецензирования 24.02.2023;
подготовлена к публикации 23.03.2023.

Material resources

- ARAN — *Archive of the Russian Academy of Sciences, F. 518 (Vernadsky Vladimir Ivanovich)*. (In Russ.).
- Commission for the study of productive forces. (1920). *Tauride voice*, 240 (390). 31 May (June 13). (In Russ.).
- GARF — *State Archive of the Russian Federation, f. A-2307 (Main Directorate of Scientific and Museum Institutions of the People's Commissariat of Education of the RSFSR)*. Op. 10. D. 342. L. 33—35. (In Russ.).
- SPbF ARAN — *St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 155 (Commission "Science and its workers within the USSR")*. Op. 2. D. 212. L. 1, 5, 6. (In Russ.).
- Vernadsky, V. I. (1921). About scientific work in the Crimea in 1917—1921. *Science and its workers: journal*, 4: 3—12. (In Russ.).
- Vernadsky, V. I. (1997). *Diaries, 1917—1921: January 1920 — March 1921*. Kiev: Naukova dumka. 321 p. (In Russ.).
- Vernadsky, V. I. (2006). *Diaries, 1935—1941: in 2 books, 1*. Moscow: Nauka. 444 p., [17] L. ill. (In Russ.).
- War and Simferopol. (1914). *Crimean Bulletin: gazeta*, 189. Sevastopol. July 25. (In Russ.).

References

- Akimchenkov, V. V., Nepomnyashchy, A. A. (2019). "This issue... was discussed in due time on a general union scale by the V Mendeleev Congress": notes of professors of the Crimean State Pedagogical Institute. M. V. Frunze on the most rational use of the natural riches of the peninsula. 1928. *Historical archive: Journal*, 2: 108—117. (In Russ.).
- Akimchenkov, V. V. (2022). "Union of sickle, hammer and books": *Crimean branch of the All-Union Association of workers of Science and technology for the promotion of socialist construction of the USSR (1928—1937)*. Saratov: Amirit publ. 256 p. ISBN 978-5-600-03264-4. (In Russ.).
- Bagrov, N. V., Eha, V. G., Lavrov, V. V. (2004). *Vernadsky and the Crimea: people, places, events*. Kiev: Lybid publ. 312 p. ISBN 966-06-0341-X. (In Russ.).
- History of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University in documents and photographs*. (2018). Belgorod: Constanta publ. 352 p. ISBN 978-5-906952-72-1. (In Russ.).
- Lavrov, V. V. (2016). *V. I. Vernadsky and the Society of scientific knowledge: from the early history of the Commission for the study of natural productive forces of Russia, Ukraine and Crimea, 1915—1921*. Penza: [b. i.]. 292 p. ISBN 978-5-235-03435-11. (In Russ.).
- Makarenko, D. E. (1997). Famous hydrogeologist P. A. Dvoichenko. *Geologicheskii zhurnal: zhurnal*, 1/2: 178—182. (In Ukr.).

- Mikhailov, V. A. (2004). Professor P. A. Dvoichenko — the first dean of the geographical faculty. *Nature: journal*, 1: 14—15. (In Russ.).
- Nepomnyashchy, A. A. (2012). *Professor Nikolay Ernst: pages of the history of Crimean Regional Studies*. Kiev: Stylos publ. 464 p. (In Russ.).
- Nepomnyashchy, A. A. (2015). *History and Ethnography of the peoples of Crimea: bibliography and archives (1921—1945)*. Simferopol: Antikva publ. 936 p. ISBN 978-5-9907507-9-1. (In Russ.).
- Nepomnyashchy, A. A. (2021a). *Vostochny faculty: unknown pages of the history of Crimean studies*. Saratov: Amirit publ. 416 p. ISBN 978-5-00140-853-6. (In Russ.).
- Nepomnyashchy, A. A. (2021b). Crimean correspondents of Academician V. I. Vernadsky (1920—1930-eg.). *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2: "Humanitarian Sciences"*: journal, 23 (3): 70—86. DOI: 10.15826/izv2.2021.23.3.046. (In Russ.).
- Nepomnyashchy, A. A. (2021a). Activities of Society for Protection and Preservation of Monuments of Art and Antiquity in Russia in Crimea in 1909—1917. *Nauchnyj dialog*, 4: 470—488. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-4-470-488. (In Russ.).
- Nepomnyashchy, A. A. (2021b). *Professor Alexey Derevitsky: Crimean pages of biographies*. Saratov: Amirit publ. 176 p. ISBN 978-5-00207-105-0. (In Russ.).
- Ursu, D. P. (2005). *Professors of the Tauride University (1918—1941): biographical essays*. Simferopol. 108 p. ISBN 966-8180-29-1. (In Ukr.).

*The article was submitted 08.02.2023;
approved after reviewing 24.02.2023;
accepted for publication 23.03.2023.*

Федина И. М. Формирование станиц Псекупского казачьего полка на Северо-Западном Кавказе (1864—1871) / И. М. Федина // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 474—488. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-474-488.

Fedina, I. M. (2023). Formation of Villages of Psekup Cossack Regiment on Northwestern Caucasus (1864—1871). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 474-488. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-474-488. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-474-488

Формирование станиц Псекупского казачьего полка на Северо-Западном Кавказе (1864—1871)

Федина Ирина Михайловна
orcid.org/0000-0002-3208-9631
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории России
ir_Lap@mail.ru

Кубанский
государственный университет
(Краснодар, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда,
№ 22-28-00330,
<https://rscf.ru/project/22-28-00330/>

Formation of Villages of Psekup Cossack Regiment on Northwestern Caucasus (1864—1871)

Irina M. Fedina
orcid.org/0000-0002-3208-9631
PhD in History, Associate Professor,
Department of Russian History
ir_Lap@mail.ru

Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-00330,
<https://rscf.ru/project/22-28-00330/>

© Федина И. М., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

На основе документальных материалов исследуется заселение казачьих станиц Псекупского казачьего полка. Проводится описание переселенческого движения на Северо-Западном Кавказе. В центре внимания автора находится прежде всего гражданско-поселенческий аспект, так как исторические поселения возникали из сложного переплетения политики и географии, власти и поселенческого уклада, отражающих не только привычный для казаков образ жизни, но и казачью идентичность. Рассматривается Псекупский конный казачий полк, который являлся одновременно воинской частью Кубанского казачьего войска и административной единицей в составе Кубанской области. Подчеркивается, что, по сути, образовалась военно-гражданская администрация с максимальной сферой компетенции на этой территории. Выявлены проблемные аспекты межевания и землепользования в казачьих станицах полка. Цель исследования — проанализировать процессы освоения Закубанских пространств в виде укрепленных станичных поселений, а также особенности проникновения российского влияния в новый район исторического региона Кубани. Автор приходит к выводу, что станицы Псекупского конного полка были взаимосвязаны с полковой военной организацией и выступали опорным рубежом для закрепления российских позиций в Закубанье.

Ключевые слова:

поселения; станицы; заселение; казачество; землепользование; Северо-Западный Кавказ; Псекупский казачий полк; Кубань.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Based on documentary materials, the article examines the settlement of the Cossack villages of the Psekup Cossack regiment and the description of the resettlement movement in the North-Western Caucasus. The author focuses, first of all, on the civil-settlement aspect, since historical settlements arose from a complex interweaving of politics and geography, power and settlement way of life, reflecting not only the way of life familiar to the Cossacks, but also the Cossack identity. The Psekup Cossack Cavalry Regiment, which was both a military unit of the Kuban Cossack army and an administrative unit within the Kuban region is considered. It is emphasized that, in fact, a military-civilian administration was formed with the maximum sphere of competence in this territory. The problematic aspects of surveying and land use in the Cossack villages of the regiment are revealed. The purpose of the study is to analyze the processes of development of the Trans-Kuban spaces in the form of fortified stanitsa settlements, as well as the penetration of Russian influence in a new area of the historical region of Kuban. The author comes to the conclusion that the villages of the Psekup cavalry regiment were interconnected with the regimental military organization, acting as a stronghold for securing Russian positions in the Trans-Kuban region.

Key words:

settlements; villages; settlement; Cossacks; land use; Northwestern Caucasus; Psekupsky Cossack regiment; Kuban.

Формирование станиц Псекупского казачьего полка на Северо-Западном Кавказе (1864—1871)

© Федина И. М., 2023

1. Введение= Introduction

Процесс заселения исторического региона Кубани представляет собой историческое явление, которое характеризуется активным участием в освоении территории казачества, подталкиваемого российским государством к переселению на новые рубежи кавказского фронта. Имперское правительство направляло на Северо-Западный Кавказ новых поселенцев из различных регионов России и в проводимой переселенческой политике акцентировало внимание на богатстве горно-предгорного края природными ресурсами, о чём предметно сообщалось в «Рескрипте, данном 24-го июня 1861 года на имя Наказного Атамана Кубанского казачьего войска, генерал-адъютанта, графа Н. И. Евдокимова». Одновременно в рескрипте подчёркивалось: «Переселение вперёд наших линий, конечно, не может не быть тягостным; но это переселение есть жертва, приносимая верноподданными для блага Отечества ... Честь выполнения этого славного дела принадлежит преимущественно казакам Кубанского войска ... Желаю, чтобы заселение передовых пространств клонилось к собственному же их благу ... Обширные земли, которыми они теперь владеют, состоят большею частию из степных пространств, во многих местах маловодных и почти везде безлесных; новые же земли, отводимые им в предгорьях Кавказа, богаты водами, пастбищами, лесами. Земли эти впоследствии, при трудолюбивом и смышлёном населении, могут доставить Войску полное благоденствие» [ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 383, л. 3—4.]. Тем самым ставка в переселенческой политике делалась прежде всего на казаков Кубанского войска как более вероятный источник пополнения рядов поселенцев на новых территориях.

Освоение и заселение Северо-Западного Кавказа осуществлялись в военно-административном отношении по полковому принципу. В новые станицы направлялись для поселения казаки из определённых полков, сами станицы становились основой для функционирования вновь создаваемых полков, и личный состав этих полков занимался наряду с несением воинской службы возведением поселений станиц. Казачьим полкам «предстояло расположиться на передовой, чтобы надёжно прикрыть границу от набегов хищнических партий» [Клычников, 2019, с. 158].

Псекупский конный казачий полк Кубанского казачьего войска был сформирован по приказу военного министра Российской империи, графа Д. А. Милютина от 3 ноября 1864 года [ТАКК, ф. 252, оп. 2, д. 1528, л. 1—7].

Командиром этого полка весь период его существования (1864—1870) являлся полковник (генерал-лейтенант с 8 ноября 1877 года) Иван Диомидович Попко (1819—1893), известный писатель, историк, этнограф, военный, административный и общественный деятель, предводитель дворянства Ставропольской губернии, Терской и Кубанской областей (с 4 января 1876 года по 30 августа 1893 года). Именно благодаря его личностным усилиям, проявленной инициативе сохранилась не только масса свидетельств о самом полке, но и колоссальное количество исторической информации о казаках, Черноморском казачьем войске, казачьих станицах, Закубанье и пр.

2. Материал, методы, обзор= Material, Methods, Review

Исследование проведено прежде всего на основе документальных материалов Российского Государственного военно-исторического архива и Государственного архива Краснодарского края, в которых отложились статистические сведения, отчёты станичных правлений и другие материалы о состоянии станиц, о численности населения, сельском хозяйстве, земельных площадях, посевах и урожайности Псекупского конного полка. Публикации современных исследователей посвящены осмыслению исторической роли и значения казачьих поселений. В изучение темы немалый вклад внесли ученые, изучавшие проблемы освоения и заселения северо-западного Кавказа, среди них выделим работы В. Н. Ратушняка, А. М. Малукало, О. В. Матвеева, Л. В. Бурыкиной и др. [Ратушняк, 2013; Малукало, 2003; Матвеев, 2005; Бурыкина, 2006, с. 17—19].

Ряд работ посвящен личности и творчеству командира Псекупского полка И. Д. Попко [Несмачная, 1999, с. 171—176; Трёхбратов, 2005, с. 95—135; Чумаченко, 2004, с. 3—8]. Современная историографическая ситуация свидетельствует об интересе исследователей к изучению истории заселения Северо-Западного Кавказа. Тем не менее обобщающих научных работ, в которых комплексно и всесторонне рассматривались особенности поселения в историческом регионе Кубани Псекупского казачьего полка, пока не существует.

Методологическую основу статьи составляет социокультурный подход [Лапин, 2006, с. 6], при котором исторический регион Кубани рассматривается как территориальное сообщество, образованное в результате деятельности казачьего сообщества. В русле такого подхода рассмотрены вопросы становления и развития казачьих поселений Псекупского казачьего полка.

Принцип социокультурного подхода применительно к анализу хозяйственного освоения казачеством региона выработан в трудах А. П. Скорика и Е. В. Годовой [Скорик, 2021, с. 97—109; Годова, 2013, с. 321—328], которые заложили основу изучения быта казачьей станицы в отрыве от традиций позитивизма.

3. Результаты и обсуждение= Results and Discussion

3.1. Заселение и освоение станиц Псекупского полка

Устройство и заселение станиц Псекупского полка началось весной 1864 года [РГВИА, ф. 846, оп. 16, д. 6696, ч. 14, л. 83], а к переселению назначалось 16 офицерских семей, 8 священников, 349 семейств 2-й бригады Кубанского казачьего войска, 424 семьи из бывшего Черноморского казачьего войска и 544 семьи государственных крестьян [ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 128, л. 64]. В состав полкового округа Псекупского конного казачьего полка вошли следующие станицы: Афипская, Бакинская, Владикавказская (при ней ещё один посёлок), Ключевая, Ново-Дмитриевская, Псекупская, Пятигорская, Смоленская, Собер-Оашская, Ставропольская, Супская (Калужская), Тхамашинская (или Тхамашинская, при ней два посёлка), Фанагорийская, Хребтовая, Чибийская и Шабановская. Как подчёркивалось в рапорте начальника главного штаба Кавказской армии, генерал-майора Свиты Его Императорского Величества А. П. Карцова, данные станицы будут возводиться исключительно мирным путём [Там же, д. 1528, л. 25]. В результате планировалось переселить 1 620 казачьих семей.

О масштабе жилищного строительства и успешного заселения выделенных территорий Закубанья докладывал 1 июля 1864 года вышестоящему начальству командир Псекупского полка, полковник И. Д. Попков. В его рапорте отмечалось: «Водворение переселенцев идёт деятельно. В строительных материалах недостатка нет» [ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 396, т. 1, л. 106 об]. Однако заготовка и доставка материалов сопровождалась некоторыми трудностями для поселенцев. Им отводились определённые участки леса, где они могли брать строительный материал только под присмотром конных разъездов, как указывалось, «чтобы ездили за оным вместе и составляли надёжное прикрытие, а не раскидывались бы по одиночке, по всем окрестностям» [Там же]. Устранять кордонные происшествия, в том числе с горцами, которые неизбежно случались при массовой заготовке строительных материалов для обустройства возводимых станиц, приходилось военному начальству.

Кроме строительства новых жилых домов с широким использованием лесных строительных материалов, которое находилось в зоне ответственности Псекупского полка, поселенцы пользовались для удовлетворения

своих хозяйственных нужд также деревянными саклями, оставленными ушедшими из своих поселений горцами. Среди прибывавшего в Закубанье населения встречалось очень мало профессиональных вольных плотников, а в строящихся станицах ощущался крайний недостаток рабочей силы, поэтому в целях оказания помощи поселенцам привлекались для выполнения различных трудовых операций воинские подразделения полка. Поселенцы также воспользовались озимыми хлебами, выращенными ушедшими горцами, причём полученный летом 1864 года урожай оказался довольно хорошим. В результате этого немаловажного обстоятельства все станицы полка удалось снабдить зерном местной селекции для будущих посевов, что создавало отличную перспективу для будущего продовольственного обеспечения поселенцев. Правда, сохранившиеся от горцев сенокосы не во всех местах водворения станиц имели достаточные площади для заготовки необходимых объёмов сена, но ситуация смягчалась повсеместным обильным травостоем, поэтому особого недостатка в зимних кормах для скота поселенцев не предвиделось.

Полковой штаб-квартирой и местом пребывания полкового правления Псекупского полка была избрана станица Ключевая (ныне город Горячий Ключ Краснодарского края), расположенная на реке Псекупс, «как пункт более удобный». Первыми переселенцами станицы Ключевой стали 53 семьи из 2-й бригады Кубанского казачьего войска, 76 семейств из различных округов бывшей Черномории, 12 семейств государственных крестьян из разных губерний Российской империи [ГАКК, ф. Р-1700, оп. 2, д. 391, л. 85].

К 25 августа 1864 года переселенцы построили в станице 67 рубленых домов. К 1 января 1865 года в станице всего насчитывалось 153 двора, проживали 863 жителя казачьего сословия и 851 житель неказачьего сословия, функционировали 5 торговых лавок, работали 2 кузницы, действовала 1 мельница, использовалась 1 общественная баня [Там же].

Вблизи станицы Ключевой в 1864 году были открыты минеральные источники, получившие наименование «Псекупские» и положившие начало развитию бальнеологического курорта, известного своими серными водами. Открытие лечебного источника способствовало становлению медицинской части в Псекупском конном полку. На 1 января 1865 года в полку числилось 8 фельдшеров [ГАКК, ф. 351, оп. 1, д. 5, л. 39 об], открылось госпитальное отделение от Кубанского казачьего войска на 50 человек. Под руководством И. Д. Попко были построены капитальные здания: главный корпус, помещенные кухни, пекарни, дома для доктора, аптеки и фельдшеров.

В 1867 году по инициативе командира полка И. Д. Попко и верующих прихожан при материальной поддержке Кубанского казачьего войска удалось построить деревянную с колокольней церковь в честь святого муче-

ника Лонгина Сотника (Логина), римского воина, участника распятия Иисуса Христа, свидетеля и проповедника Воскресения Христова [Храмы и монастыри ..., 2012, с. 207—208].

В каждую станицу Псекупского конного казачьего полка назначались начальник станицы (офицер), станичные судьи и писари. Ввиду недостатка офицеров некоторым из них поручалось заведование двумя и более станицами, поэтому постановлением Войскового Правления Кубанского казачьего войска № 466 от 9 июня 1864 года предписывалось утверждать на должности станичных начальников «способнейших из местных урядников» [ГАКК, ф. 351, оп. 1, д. 9, л. 3 об].

Начальник станицы Шабановской, прапорщик Александр Феликсович Мистергазе при поддержке полковника И. Д. Попко открыл 10 января 1865 года в станице начальную школу, где обучалось 4 казака строевого состава, девять мальчиков и четыре девочки. Занятия для мальчиков проводил сам прапорщик Мистергазе, а девочек учила его жена Прасковья Васильевна. 16 февраля 1865 года в наёмном обывательском помещении заработала полковая школа в станице Ключевой. К концу 1867 года в станицах Псекупского полка действовало уже восемь начальных школ, появились начальные учебные заведения в станицах Афипиской, Владикавказской, Ключевой, Фанагорийской, Хребтовой, Чибийской.

Учащимся преподавалось «Родное слово» (по учебной книге выдающего-ся русского педагога и писателя Константина Дмитриевича Ушинского), они пользовались кратким учебником русского языка известного преподавателя русского языка в военно-учебных заведениях Николая Гавриловича Минина, изучали библейскую историю протоиерея Иоанна Базарова (православного священнослужителя и церковного писателя Ивана Ивановича Базарова, духовника вюртембергской королевы Ольги Николаевны, второй дочери российского императора Николая I), изучали Евангелие на русском языке и др. В библиотеку Псекупской полковой школы просвещённый командир полка передал лично им написанную книгу и статьи: «Черноморские казаки в их гражданском и военном быту», «Темрюк», «Пластуны», «Закубанские воры», «Любо или не любо, атаманы молодцы?» и «Вечер на зимних квартирах».

Учителем начальной школы в станице Чибийской был государственный крестьянин Иван Калинин, переселившийся в Закубанский край из Владимирской губернии. За оказываемые преподавательские услуги он брал следующую оплату: за обучение одного мальчика назначил сумму 6 рублей в год, за обучение девочки установил таксу 3,6 рубля в год, за обучение строевого казака определил свой гонорар 3—4 рубля в год. Тем не менее из 563 мальчиков в возрасте от 8 до 12 лет, числившихся в станицах Псекупского конного казачьего полка, в станичных начальных школах

обучалось только 164 ребёнка, то есть примерно одна треть [Трёхбратов и др., 2019, с. 109].

Командир полка И. Д. Попкó выступал с рядом интересных инициатив, безусловно, полезных для населения подведомственных ему станиц. Так, приказом по Псекупскому конному полку № 6 от 15 января 1865 года в станицах полка учреждались обывательские земские почты, для чего станичные общества обязывались сформировать за свой счёт по две тройки лошадей с повозками и упряжной принадлежностью [ГАКК, ф. 351, оп. 1, д. 74, л. 37]. В станице Ключевой, при штаб-квартире Псекупского конного полка, благодаря личным усилиям полковника И. Д. Попкó был создан 4 июня 1864 года первый на Кубани краеведческий музей с тремя отделениями: этнографическим, минералогическим и палеонтологическим. С расформированием полка в начале 1870 года и отъездом И. Д. Попкó в Екатеринодар собранное бесценное историческое наследие музея, к большому сожалению, утрачивается. Однако многогранная деятельность Ивана Диомидовича позволила сохранить для потомков немало интереснейших артефактов.

3.2. Межевание и землеустройство казачьих поселений полка

После заселения станиц полка актуальным стал вопрос об организации землепользования, для чего потребовалось не формальное наделение землёй водворяемых казачьих станиц, а проведение первичного межевания земель. Поэтому на основании «Положения о заселении предгорий западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России» от 10 мая 1862 года была проведена хозяйственная съёмка земель, а в 1865 году последовало размежевание юртовых границ станиц Псекупского полка. По качеству земельные угодья были разделены на «удобные» и «неудобные». Удобными землями у казаков считались земельные участки, пригодные для посева зерновых культур, для свободного осуществления сенокосения и заготовки сена домашнему скоту, для разведения плодовых садов и выращивания различных огородных культур. Неудобными землями казаки называли земельные участки, располагавшиеся в естественных оврагах, находившиеся на болотах, засорённые различными природными объектами, например, когда почва являлась каменистой по своему составу или участок зарастал кустарником и подлеском (то есть редкими и, как правило, небольшими деревьями). Неудобные земли оказывались сложными в обработке и не могли быть использованы владельцем в полном объёме.

Каждой станице выделялось определённое количество земли в соответствии с нормой землепользования и численностью мужского казачьего населения. Тогда же были определены размеры земельных наделов казакам, в среднем по 10 $\frac{1}{4}$ десятин земли на душу мужского пола [ГАКК, ф. 574, оп. 1, д. 519, л. 180 об.]. Станицы, которые имели недостаточно земельных

угодий, могли получить дополнительный надел в другом месте из свободных войсковых земель, а с ростом населения отселять туда часть жителей.

В марте 1869 года по распоряжению Войскового Правления Кубанского казачьего войска был отмежеван из юрта станицы Сёверской Абинского конного казачьего полка участок земли общей площадью 2 316 десятин для увеличения юртового земельного довольствия жителей станицы Георгие-Афипской Псекупского конного казачьего полка, поскольку в юрте этой станицы тогда не хватало собственных земельных угодий для наделения земельными паями казаков [Ки́яшко, 1908, с. 438].

Выбор мест для устройства новых станиц главным образом зависел от геостратегических интересов, при этом не брались в расчет удобства жизни будущего населения и природно-климатические условия. Вследствие такого подхода, как оказалось, многие станицы были основаны «в местах нездоровых и неудобных» [Короленко, 1906, с. 22].

Переселенцы станиц вели интенсивную борьбу с естественными природными ограничениями в предгорьях Северо-Западного Кавказа, которые препятствовали развитию хозяйства. Поэтому экономическое благополучие населения обеспечивала его активная хозяйственная деятельность. Переселенцы перенесли в Закубанский край свои обычаи землепользования и начали довольно активно развивать скотоводство, которое в отличие от пашенного земледелия требовало в местных природно-климатических условиях несравнимо меньших физических усилий и экономических затрат. Инициативная экономическая деятельность переселенцев способствовала хозяйственному обустройству поселений.

К концу 1868 года станицы Псекупского полка были весьма многочисленны, о чем свидетельствует приведенная ниже таблица.

Однако в 1868 году в войсковое правление Кубанского казачьего войска начали поступать жалобы и прошения от жителей станиц Фанагорийская и Хребтовая о переселении их в другие места.

При заселении Фанагорийской станицы в 1864 году ее население составляло 174 семейства, включавшие в себя 536 душ мужского пола и 465 женского пола, обоего пола 1 001 душа. Личное хозяйство населения насчитывало следующее количество поголовья рогатого скота: волов 281 пару, коров 304 головы, гулевого скота 380 голов, лошадей 304 головы и овец 2 114 голов [ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 2163, л. 178]. В течение пятилетнего проживания поселенцев на новом месте от изнурительных болезней начался падеж скота. «Скот же наш не может существовать в здешнем месте, потому что здесь пресная вода отравна, и от частых перепадов и переходов через речки он делается гораздо хуже, чем были на старом месте жительства, часто болеет и гибнет», — писали в жалобах станичники [Там же, лл. 178—178 об].

Таблица 1

Сведения о народонаселении Псекупского полка
Кубанского казачьего войска (на декабрь 1868 года)

Наименование станицы	Число дворов	Население казачьего сословия		Прочих сословий	
		мужчин	женщин	мужчин	женщин
Ключевая на р. Псекупс	135	341	339	18	2
Хребтовая на р. Ходзь	66	169	130	—	—
Фанагорийская на р. Чепси	136	434	388	2	2
Саратовская на р. Псекупс	202	742	694	11	2
Бакинская на р. Псекупс	197	724	652	3	3
Пензенская на р. Малый Дыш	206	530	451	4	3
Калужская на р. Супс	180	533	547	7	3
Ново-Дмитриевская на р. Шебш	169	532	555	4	3
Смоленская на р. Афипс	250	721	655	5	4
Ставропольская на р. Шебш	100	238	218	—	—
Георгие-Афипская на р. Афипс	181	615	594	9	8
Итого	1822	5579	5223	63	30

Источник: [ГАКК, ф. 351, оп. 1, д. 346, л. 14].

Осенью 1864 года в станицах Псекупского конного полка были высеяны озимые хлеба: пшеницы 40 четвертей, ржи 70 четвертей. Весною 1865 года яровой пшеницы высеяли 30 четвертей, ячменя 50 четвертей, овса 22 четверти, проса 11 четвертей, гречихи 10 четвертей, льна 5 четвертей. Однако к 1868 году урожая хлебов станичники уже не получали. Их жалобы на неурожаи объясняются не только неплодородием почвы в некоторых местах, но и способом обработки полей поселенцами, значительно отличающимся от способа, применяемого горцами. При этом поселенцы пользовались пахотными орудиями, завезёнными из прежних мест жительства, и даже пробовали пахать орудиями, используемыми во внутренних губерниях России.

Многие переселенцы, не привычные к проживанию в горнолесной природно-климатической зоне, так и не сумели укрепиться на новых местах. К примеру, станица Хребтовая была поселена в горной местности на р. Ходзь в 1864 году переселенцами из Тамбовской и Полтавской губерний, а также казаками Оренбургского казачьего войска. Население первоначально составляло 307 человек, проживало в 59 дворах. Станичный юрт

заклучал в себе 14 000 кв. дес. удобной для хлебопашества и сенокосения земли, однако долины и ущелья были удалены и разбросаны далеко от станицы, из-за чего жителям приходилось доставлять свой урожай по горным тропам в мешках или в снопах. Отсутствие прочного сообщения станицы Хребтовой с ближайшими поселениями затрудняло доставку провианта, а в зимнее время связь прекращалась окончательно. В июне 1868 года И. Д. Попко посетил горную станицу Хребтовую и нашел ее в весьма неблагоприятном экономическом состоянии. Засуха и неурожай хлебов и трав не позволяли станичникам заготовить даже корма для животных. К лишениям жителей добавились меры воинской осторожности вызванные набегами горцев, для чего требовались ежедневные наряды казаков в караулы в округе станицы, прикрытие скота и лошадей, выгоняемых на пастбу [ГАКК, ф. 351, оп. 1, д. 510, л. 43 об.].

Кроме того, проходимость дорог в распутицу (в зимнее и весеннее время, после затяжных дождей или таяния снега) оставалась крайне низкой, поэтому населённые пункты были надолго отрезаны от остальной части Кубанской области. Так, инспектор в чине генерал-майора (к сожалению, его подпись в архивном документе крайне неразборчива) 16 февраля 1869 года с большим неудовольствием сообщает об итогах своей инспекционной поездки: «Я выехал из станицы Ключевой в станицу Фанагорийскую взглянуть на их жизнь и хозяйство, но не проехал и подороги, был принуждён вернуться обратно по случаю отсутствия всякого сообщения, которое продолжается иногда довольно долго; другого же пути до станицы не имеется. Находясь в таком замкнутом положении, жители постепенно приходят всё более и более в положительную нищету, и потому выселка их из того ущелья на удобную землю необходима» [ГАКК, ф. 252, оп. 2, д. 2163, л. 180.].

Высочайшим повелением от 10 июня 1869 года было принято решение упразднить две станицы, «из числа 125-ти семейств первой (Фанагорийской) и 57-ми семейств второй (Хребтовой) станицы, переселить 99 семейств в другие станицы Псекупского конного полка, а затем остальные 83 семейства расселить в те полки Кубанского войска, где, по местным соображениям, это будет признано наиболее удобным, но с тем, чтобы всё это переселение было произведено без всяких со стороны казны и войска пособий» [ПСЗРИ, ст. 47215]. Принятое решение обуславливалось сложными местными природно-климатическими условиями, на которые многократно жаловались командованию полка жители двух станиц.

Вероятно, не все жители из станицы Фанагорийской переехали на новые места из-за сложных природно-климатических условий. Так, сегодня на речке Чепси в месте её впадения в реку Псекупс на юге от города Горячий Ключ существует небольшое село Фанагорийское. Историческая судь-

ба многих станиц Псекупского конного полка сделала очень крутые виражи. К примеру, станицу Чибийскую переселенцы основали в 1864 году в предгорной лесной зоне, в верховьях речки Чибий (или, по другим данным, в верхнем течении речки Малый Дыш; речки находятся на расстоянии примерно 1—3 километров друг от друга). В 1867 году станица Чибийская переименовывается в станицу Пензенскую. В 1873 году в станице Пензенской всего проживало 1 016 человек. Географически она находилась на территории современного муниципального образования «город Горячий Ключ» Краснодарского края. В 1923 году станица Пензенская упраздняется и её жители выселяются в связи с организацией Молькинского военного полигона.

4. Заключение= Conclusions

Таким образом, возведение новых военных укреплений и практически одновременное строительство многочисленных казачьих станиц обуславливались преимущественно военными соображениями. Люди селились отнюдь не там, где им хотелось бы, а в соответствии с военно-организационными соображениями в рамках выработанной геостратегической доктрины закрепления российских территорий военно-демографическими способами: с помощью развёртывания воинских частей, целенаправленной внутригосударственной миграции, строительства многочисленных фортификационных сооружений, широкого привлечения к освоению новых территорий казачьего населения. Поселенцам предстояло акклиматизироваться в непривычных для них природных условиях, обустроить свой многообразный быт на новых российских территориях.

В освоение территориальных пространств Закубанского края большой вклад внесли отдельные казачьи части, приложившие немало усилий для возведения и обустройства новых станиц. И, конечно же, им пришлось преодолеть немалое число трудностей, связанных с акклиматизацией разных групп переселенцев, с организацией снабжения и борьбой с непривычными природно-климатическими явлениями.

В итоге с заселением западных предгорий Кавказа окончилась многолетняя военно-казачья колонизация региона. Казаки прочно укрепились в Закубанском крае, охватив всю Кубанскую область обширной сетью своих станиц.

Образование казачьих поселений Псекупского конного казачьего полка представляет собой взаимообусловленный исторический процесс, когда развитие поселенческих структур прямо зависело от военно-организационных задач по формированию новых казачьих воинских подразделений в приграничной полосе и водворение новых поселений в зоне кавказского

фронтира завершалось созданием новых казачьих полков. Казачий полк имел при этом свою исключительную зону военно-административной ответственности, охватывавшую большое количество станиц и иных поселений, а региональное военное руководство внимательно следило за тем, чтобы не допустить конфликта интересов в поземельных отношениях.

Источники и принятые сокращения

1. ГАКК — *Государственный* архив Краснодарского края Ф. 252, (Войсковое хозяйственное правление Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар. [1842—1888 гг.] ; Оп. 2, Д. 383, Лл. 3—4 ; Оп. 2, Д. 128. Л. 64 ; Оп. 2, Д. 396. Т. 1 ; Оп. 2, Д. 2163 ; Оп. 2, Д. 1528, Лл. 1—7 ; Ф. 351. (Полковое правление Псекупского полка Кубанского казачьего войска, станица Ключевая Кубанской области. [1864—1870 гг.]. Оп. 1, Д. 9. Л. 30б ; Оп. 1, Д. 346 ; о-Оп. 1, Д. 510 ; Ф. 574 (Межевая комиссия Черноморского казачьего войска. Кубанская областная чертежная [межевая комиссия] Кубанского казачьего войска, г. Екатеринодар) Оп. 1, Д. 519 ; Ф. Р-1700. (Управление по делам архивов Краснодарского края и Государственный архив Краснодарского края, г. Краснодар.) Оп. 2, Д. 391. Л. 85.

2. *Короленко П. П.* Из истории колонизации Закубанского края в 1865—1867. Архивные документы сообщенные / П. П. Короленко // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь : тип-я Берк. 1906. — Т. 1. — С. 1—28.

3. ПСЗРИ — *Собрание* 2-е. Т. 44 (1869). — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1873. — Ст. 47215.

4. РГВИА — *Российский* государственный военно-исторический Ф. 846 (Военно-учетный архив). Д. 6696. Ч. 14.

Литература

1. *Бурькина Л. В.* Формирование гражданских поселений на Северо-Западном Кавказе в 40-е — 50-е гг. XIX в. / Л. В. Бурькина // Вестник Адыгейского государственного университета (журнал). — 2006. — № 1. — С. 17—19.

2. *Годовова Е. В.* Новые подходы к изучению повседневности казачества / Е. В. Годовова // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2013. — № 3 (41). — С. 321—328.

3. *Кияшко И. И.* 2-й Таманский, Адагумский и Абинский конные полки Кубанского казачьего войска / И. И. Кияшко // Кубанский сборник на 1909 год. — Екатеринодар : Кубанский областной статистический комитет, 1908. — Т. 14. — С. 438.

4. *Клычников Ю. Ю.* Солдат империи Николай Иванович Евдокимов / Ю. Ю. Клычников. — Пятигорск : ПГУ, 2019. — 276 с. — ISBN 978-5-4220-1022-6.

5. *Лапин Н. И.* Регион, его статус и функции в российском обществе : теоретико-методологические основы исследования / Н. И. Лапин // Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика, методологические проблемы. — Москва : ИФРАН, 2006. — С. 25—34. — ISBN 978-5-9540-0185-3.

6. *Малукало А. Н.* Кубанское казачье войско в 1860—1914 гг. : организация, система управления и функционирования, социально-экономический статус / А. Н. Малукало. — Краснодар : Кубанькино, 2003. — 216 с.

7. *Матвеев О. В.* Историческая картина мира кубанского казачества (конец XVIII — начало XX в.) : категории воинской ментальности / О. В. Матвеев. — Краснодар : Кубанькино, 2005. — 418 с. — ISBN 5-94932-003-9.

8. *Несмачная С.И.* Иван Диомидович Попко. (К 180-летию со дня рождения) / С. И. Несмачная // Ставропольский хронограф на 2009 г. Краеведческий сборник. — Ставрополь : [б. и.], 1999. — С. 171—176.

9. *Скорик А. П.* О концептуализации исследования казачьего поселенческого обустройства на Кубани в конце XVIII — начале XX вв. / А. П. Скорик // Общество и власть на Кавказе и Ближнем Востоке : проблемы развития взаимоотношений в прошлом и настоящем : к 80-летию профессора Александра Абакаровича Кудрявцева. — Ставрополь : Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. — С. 97—109. — ISBN 978-5-906844-45-3.

10. *Ратушняк В. Н.* История кубанского казачества / В. Н. Ратушняк. — Краснодар : Традиция, 2013. — 416 с. — ISBN 978-5-91883-129-8.

11. *Трѣхбратов Б. А.* Жизненный путь и творческое наследие Ивана Диомидовича Попко / Б. А. Трѣхбратов // Кубанские краеведы. — Краснодар : Куб. кн. изд-во, 2005. — С. 95—135.

12. *Трѣхбратов Б. А.* Псекупский период в службе Ивана Диомидовича Попко : проблемы историографии и источниковедения / Б. А. Трѣхбратов, С. В. Трофименко // Культурная жизнь Юга России. — 2019. — № 2 (73). — С. 108—112.

13. *Чумаченко В. К.* Генерал с душой поэта / В. К. Чумаченко // Культурная жизнь Юга России. — 2004. — № 1. — С. 3—8.

14. *Храмы и монастыри Ставропольской епархии (1843—1920 гг.) : справочник /* сост. В. В. Белоконь ; Комитет Ставропольского края по делам архивов. — Ставрополь : Бюро новостей, 2012. — 448 с. — ISBN 978-5-9902993-2-0.

*Статья поступила в редакцию 01.03.2023;
одобрена после рецензирования 13.03.2023,
подготовлена к публикации 26.03.2023.*

Material resources

ГАКК — *State Archive of Krasnodar Krai*. F. 252, (Military economic board of the Kuban Cossack army, Ekaterinodar. [1842—1888]; F. 351. (Regimental board of the Psekupsky regiment of the Kuban Cossack army, Klyuchevaya stanitsa of the Kuban region [1864—1870] ; F. 574 (Boundary Commission of the Black Sea Cossack Army. Kuban regional drawing [boundary commission] of the Kuban Cossack army, Ekaterinodar) ; F. R-1700. (Department of Archives of the Krasnodar Territory and the State Archive of the Krasnodar Territory, Krasnodar.). (In Russ.).

Korolenko, P. P. (1906). From the history of colonization of the Trans-Kuban Region in 1865—1867. Archival documents reported. In: *Collection of information about the North Caucasus, I*. Stavropol: type-ya Berk. 1—28. (In Russ.).

PSZRI — *Sobraniye 2-E. T. 44 (1869)*. (1873). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery. St. 47215. (In Russ.).

RGVIA — *Russian State Military Historical F. 846 (Military Accounting Archive)*. D. 6696. Ch. 14. (In Russ.).

References

Burykina, L. V. (2006). Formation of civil settlements in the North-Western Caucasus in the 40s — 50s of the XIX century. *Bulletin of the Adygea State University (journal)*, 1: 17—19. (In Russ.).

- Chumachenko, V. K. (2004). General with the soul of a poet. *Cultural life of the South of Russia, 1*: 3—8. (In Russ.).
- Godovova, E. V. (2013). New approaches to the study of everyday life of the Cossacks. *Problems of history, philology, culture, 3 (41)*: 321—328. (In Russ.).
- Kiyashko, I. I. (1908). 2nd Tamansky, Adagumsky and Abinsky cavalry regiments of the Kuban Cossack army. In: *Kuban collection for 1909, 14*. Ekaterinodar: Kuban Regional Statistical Committee. P. 438. (In Russ.).
- Klychnikov, Yu. Yu. (2019). *Soldier of the Empire Nikolai Ivanovich Evdokimov*. Pyatigorsk: PSU. 276 p. ISBN 978-5-4220-1022-6. (In Russ.).
- Lapin, N. I. (2006). Region, its status and functions in Russian society: theoretical and methodological foundations of research. In: *Socio-cultural portrait of the region. Standard program and methodology, methodological problems*. Moscow: IFRAN. 25—34. ISBN 978-5-9540-0185-3. (In Russ.).
- Malukalo, A. N. (2003). *Kuban Cossack army in 1860—1914: organization, management and functioning system, socio-economic status*. Krasnodar: Kubankino. 216 p. (In Russ.).
- Matveev, O. V. (2005). *Historical picture of the world of the Kuban Cossacks (late XVIII — early XX century): categories of military mentality*. Krasnodar: Kubankino. 418 p. ISBN 5-94932-003-9. (In Russ.).
- Nesmachnaya, S. I. (1999). Ivan Diomidovich Popko. (To the 180th anniversary of his birth). In: *Stavropol chronograph for 2009. Local history collection*. Stavropol: [b. i.]. 171—176. (In Russ.).
- Ratushnyak, V. N. (2013). *History of the Kuban Cossacks*. Krasnodar: Tradition. 416 p. ISBN 978-5-91883-129-8. (In Russ.).
- Skorik, A. P. (2021). On the conceptualization of the study of Cossack settlement in the Kuban at the end of the XVIII — early XX centuries. In: *Society and power in the Caucasus and the Middle East: problems of the development of relations in the past and present: To the 80th anniversary of Professor Alexander Abakarovich Kudryavtsev*. Stavropol: North Caucasus Federal University. 97—109. ISBN 978-5-906844-45-3. (In Russ.).
- Temples and monasteries of the Stavropol Diocese (1843—1920): directory*. (2012). Stavropol: News Bureau. 448 p. ISBN 978-5-9902993-2-0. (In Russ.).
- Trehbratov, B. A., Trofimenko, S. V. (2019). Psekupsky period in the service of Ivan Diomidovich Popko: problems of historiography and source studies. *Cultural life of the South of Russia, 2 (73)*: 108—112. (In Russ.).
- Trehbratov, B. A. (2005). The life path and creative heritage of Ivan Diomidovich Popko. In: *Kuban local historians*. Krasnodar: Kub. kn. publishing house. 95—135. (In Russ.).

*The article was submitted 01.03.2023;
approved after reviewing 13.03.2023;
accepted for publication 26.03.2023.*

[Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog]
[ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295]

Федорова В. И. Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков / В. И. Федорова // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 489—508. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-489-508.

Fedorova, V. I. (2023). Rural Bureaucracy and Peasantry in Yenisei Province of 19th — early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 489-508. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-489-508. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-489-508

Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков

Федорова Вера Ивановна

orcid.org/0000-0003-2514-9728

доктор исторических наук, профессор
кафедры отечественной истории
vi-fedorova@yandex.ru

Красноярский государственный
педагогический университет
им. В. П. Астафьева
(Красноярск, Россия)

Rural Bureaucracy and Peasantry in Yenisei Province of 19th — early 20th Centuries

Vera I. Fedorova

orcid.org/0000-0003-2514-9728

Doctor of History, Professor
Department of National History
vi-fedorova@yandex.ru

Krasnoyarsk State
Pedagogical University
named after V. P. Astafyev
(Krasnoyarsk, Russia)

© Федорова В. И., 2023

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются особенности формирования и развития сельской бюрократии как специфической социопрофессиональной группы в Енисейской губернии на рубеже XIX — начала XX веков. На основе обширного комплекса делопроизводственных документов (формулярные списки крестьянских начальников, личные дела волостных и сельских старост, писарей, журналы заседаний уездных съездов крестьянских начальников) анализируются динамика численности, социальный состав, образовательный уровень, должностные обязанности, социально-правовой статус основных групп сельской бюрократии: крестьянских начальников, волостных и сельских старост, писарей. Выявляется дуализм в отношениях сельской власти и крестьянства. Отмечается, что, с одной стороны, бюрократизация органов крестьянского самоуправления вела к централизации власти в деревне в руках сельской администрации и отчуждению крестьян от участия в самоуправлении. Установлено в то же время, что, с другой стороны, бюрократизация приводила к нарастанию анархических настроений в деревне. Утверждается, что главным итогом бюрократизации органов крестьянского самоуправления стало их разложение и сращивание на криминальной основе сельской администрации с деревенской торгово-ростовщицкой верхушкой и уездными полицейскими чиновниками.

Ключевые слова:

сельская бюрократия; крестьянские начальники; волостные головы; сельские старосты; писари; Енисейская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The features of the formation and development of the rural bureaucracy as a specific socio-professional group in the Yenisei province at the turn of the 19th — early 20th centuries are considered. On the basis of an extensive set of office documents (official lists of peasant chiefs, personal files of volost and village elders, clerks, journals of meetings of county congresses of peasant chiefs), the dynamics of the number, social composition, educational level, job responsibilities, social and legal status of the main groups of rural bureaucracy are analyzed: peasant chiefs, volost and village elders, clerks. Dualism is revealed in the relations between the rural authorities and the peasantry. It is noted that, on the one hand, the bureaucratization of the organs of peasant self-government led to the centralization of power in the village in the hands of the rural administration and the alienation of peasants from participating in self-government. It was established at the same time that, on the other hand, bureaucratization led to the growth of anarchist sentiments in the countryside. It is argued that the main result of the bureaucratization of the organs of peasant self-government was their decomposition and merging on a criminal basis of the rural administration with the village trade and usury elite and district police officials.

Key words:

rural bureaucracy; peasant chiefs; hairy heads; village elders; clerks; Yenisei province.

Сельская бюрократия и крестьянство в Енисейской губернии XIX — начала XX веков

© Федорова В. И., 2023

1. Введение = Introduction

Понятие сельской бюрократии как особой социoproфессиональной группы в отечественной историографии появилось сравнительно недавно и связано с поворотом к междисциплинарным исследованиям на стыке истории и социологии. Оно базируется на социологической теории М. Вебера, рассматривавшего бюрократию как продукт эволюции системы государственного управления [Вебер, 1990]. Ученый утверждал, что бюрократия — особая статусная группа, обладающая профессиональными знаниями в области управления, со специфическими взглядами и ценностными ориентациями, которая стремится к власти в обществе. Помимо профессиональных знаний, ее характеризует наличие внутренней иерархии, корпоративное сознание, характерной чертой которого является специфический бюрократический способ мышления, основанный на нормах права и правилах формальной логики. Рост влияния бюрократии Вэбер увязывал с развитием государства и капиталистической экономики, таким образом, формирование и развитие бюрократии рассматривалось ученым как составная часть процесса перехода от традиционного общества к современному.

Методологически важным является указание Вебера на то, что бюрократия в современном обществе проникает во все сферы, что дает основание к выделению отдельных её групп, занятых в управлении разными государственными и общественными институтами. Таким институтом в царской России являлось крестьянское самоуправление, в развитии которого на рубеже XIX—XX веков наблюдается стремительная бюрократизация. Реформы 1860—1870 годов и контрреформы 1880—1890-х годов привели к тому, что власть помещика над крестьянским миром, носившая полупатриархальный характер, была заменена разветвленным полицейско-бюрократическим аппаратом, получившим полный контроль над органами крестьянского самоуправления. Главными результатами следует признать перерождение патриархальной крестьянской демократии и отчуждение членов общины от власти. Это стало частью общего политического кризиса, приведшего в начале XX века всю государственную систему России к краху. Однако в научной литературе проблема политического кризиса рассматривалась традиционно как кризис институтов власти, а не её но-

сителей в лице профессионального слоя управленцев. В итоге мы имеем обширную историографию органов крестьянского самоуправления на общероссийском материале в трудах К. Р. Качоровского, А. М. Анфимова, В. П. Данилова, П. Н. Зырянова, В. Б. Безгина [Качоровский, 1906; Анфимов, 1962; Данилов, 1971; Зырянов, 1992; Безгин, 2017]. На сибирском материале проблему изучали Н. Я. Новомбергский, Л. В. Котович, Н. Г. Суворова, И. А. Коновалов, М. А. Гордеева [Новомбергский, 1903; Котович, 1989, Суворова, 1997; Коновалов, 2014; Гордеева, 2018]. Историками изучены главным образом механизмы функционирования органов крестьянского самоуправления в фискальной, хозяйственной и социальных областях. Гораздо менее исследователей привлекала тема социальных субъектов, приводивших в движение эти механизмы: их численность, структура, социально-правовой статус, профессиональные компетенции, моральная мотивация, то есть всё, что касается их социологической характеристики.

Пионером социологического подхода к изучению сельской бюрократии в современной отечественной историографии можно назвать уральского историка Л. Н. Мазур. В своих публикациях она выделяет само понятие сельской бюрократии как «особой социальной группы, становление и развитие которой приходится на XIX—XX века» [Мазур, 2014, с. 256]. Автор относит к сельской бюрократии должностных лиц, наделенных административными функциями — земских начальников, волостных старшин, волостных судей, писарей. Мазур считает, что на селе еще не произошло полного отделения бюрократии от общества, так как сохранялась возможность ее контроля благодаря демократическим процедурам выборов [Там же, с. 258]. Это тормозило процесс ее оформления в особую социопрофессиональную группу.

В целом соглашаясь с отмеченной автором общей тенденцией эволюции сельской власти, следует заметить, что динамика этого процесса была довольно противоречивой и зависела от множества слагаемых, которые определялись региональными особенностями. В этом отношении особый интерес представляет сибирский регион, где, во-первых, община как сословно-корпоративный институт была изначально слабее, чем в губерниях центральной России. Во-вторых, начавшиеся массовые переселения в Сибирь на рубеже XIX—XX веков очень сильно изменили социальную ситуацию в деревне, усилив противоречия между старожилами и переселенцами. Это в свою очередь повысило роль бюрократии, которая взяла на себя функции арбитра между ними и куратора переселенческого движения. Неизбежным следствием стало расширение полномочий сельской администрации, что вело к усилению профессионализации её функционеров и, в конечном счете, отрыву их от крестьянской массы.

2. Материал, методы, обзор = **Material, Methods, Review**

Изучение региональных особенностей процесса бюрократизации сельского самоуправления позволяет не только конкретизировать общую теоретико-социологическую схему, но и существенно расширить рамки того, что Мазур называет «топографическим» методом изучения проблемы [Там же, с. 258]. Для данного исследования выбрана Енисейская губерния, которая представляет интерес именно тем, что динамика социальных процессов здесь в начале XX века носила взрывной характер. Если в Западной Сибири они развивались относительно равномерно, так как этот регион активно заселялся в течение всего XIX века, то Енисейская губерния в силу своей удаленности долгое время оставалась островком патриархального благополучия, где крестьянство не сталкивалось с серьезными проблемами в организации своей жизни и вполне удовлетворялось патриархально-традиционными формами управления. Начавшееся в начале XX века стольпинское переселение привело к взрывному увеличению численности населения, что резко ускорило перестройку всех институтов внутри сельского общества, способствуя ломке патриархальных стереотипов.

Источниковую базу исследования составили нормативно-правовые документы, регулировавшие деятельность органов крестьянского управления: «Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости» от 19 февраля 1861 года, «Положение о преобразовании общественного управления государственных крестьян Западной Сибири», «Временное положение о крестьянских начальниках в губерниях Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской» от 2 июня 1898 года. Они позволяют выявить должностные права и обязанности представителей крестьянской администрации. Ценную информацию по численности, структуре и составу сельской бюрократии дают делопроизводственные материалы: формулярные списки крестьянских начальников, личные дела волостных и сельских старост, писарей, хранящиеся в фонде Енисейского губернского управления. Использовалась также делопроизводственная документация учетного характера: журналы заседаний крестьянских начальников, протоколы сельских и волостных сходов из фондов Съезда уездных крестьянских начальников.

3. Результаты и обсуждение = **Results and Discussion**

3.1. Этапы бюрократизации крестьянского самоуправления в Сибири

Начало формированию сельской бюрократии в сибирской деревне было положено реформой П. Д. Киселева 1837—1841 годов, в ходе которой традиционные структуры крестьянского самоуправления были интегрированы во властную вертикаль. Её высшим звеном являлось Министерство государственных имуществ, в подчинении которого находились

губернские палаты госимуществ. Им подчинялись окружные начальники, заменившие власть становых приставов. Деятельность волостных и сельских сходов была жестко регламентирована, выборные лица должны были утверждаться губернскими палатами. Избрание в органы сельского самоуправления ограничивалось возрастным и имущественным цензом. Увеличилась численность выборных должностей. Помимо волостного головы, старост, сотских, десятских, избирались сборщики податей, их помощники, смотрители хлебозапасных магазинов. Должностные лица получали за свою работу денежное вознаграждение и пользовались особым статусом — личной неприкосновенностью.

Крестьянская реформа 1861 года практически не коснулась сибирских крестьян. Лишь в 1879 году на крестьян Западной Сибири был распространен новый порядок крестьянского самоуправления на основе «Положения 19 февраля 1861 года», который в 1882 году был установлен и для Восточной Сибири. Однако в отличие от европейской части страны в Сибири административная власть не была отделена от судебной, поэтому земские заседатели, на которых возлагалось руководство крестьянским самоуправлением, одновременно являлись и заседателями земских судов.

Завершение бюрократизации системы сельского самоуправления относится к 1890-м годам и связано с введением института крестьянских начальников. В итоге к концу имперского периода система сельского самоуправления имела трехзвенный вид: уездный, волостной и сельский, каждый из которых имел свой аппарат. На уездном уровне — крестьянский начальник данного участка, входивший в коллегиальный орган (Съезд уездных крестьянских начальников), и уездный исправник. Волостное звено включало волостной сход и волостное правление, состоявшее из волостного головы, писаря, волостного суда и урядника. А низшим звеном являлся сельский сход и выбранные им должностные лица (сельский староста, писарь, смотритель казенного магазина, сотские, десятские).

Непосредственно к осуществлению преобразований крестьянского самоуправления в Енисейской губернии местные власти приступили согласно распоряжению Министра внутренних дел с 15.12.1898 года. Прежнее деление на округа было заменено уездами, а каждый уезд поделен на участки, во главе каждого назначались крестьянские начальники. В 1899 году вся губерния была поделена на 21 крестьянский участок, как следствие, в первом корпусе крестьянских начальников насчитывалось 21 штатная единица. К концу имперского периода число участков и, соответственно, крестьянских начальников выросло до 33. Дополнительно к ним назначались кандидаты в крестьянские начальники, обязанные заменять их на время отсутствия.

3.2. Социальный состав, образовательный уровень, карьерный рост, профессиональные качества крестьянских начальников

Правовой статус крестьянских начальников и кандидатов в начальники определялся общими правилами Устава о службе, что означало распространение на них всех прав и обязанностей классных чиновников. Назначение на должности могло исходить от енисейского губернатора, но обязательно согласовываться с генерал-губернатором Восточной Сибири и им утверждаться. Губернские власти руководствовались в кадровом вопросе, во-первых, общими требованиями Положения о крестьянских начальниках 1898 года, а во-вторых, прагматическими задачами, которые видели в приоритете местных интересов. Согласно ст. 412 «Временного положения 1898 года о крестьянских начальниках» на их должности назначались «лица, окончившие курс в одном из высших или средних учебных заведений империи или выдержавшие соответственное испытание» [Сборник законов ..., 1902, с. 9]. Однако поскольку в Сибири чиновник с высшим образованием был редкостью, то губернаторам было уже в 1898 году предоставлено право утверждать в должности крестьянских начальников лиц, не обладавших соответствующим образовательным цензом, но прослуживших не менее трех лет в учреждениях по крестьянскому ведомству. Пользуясь этим послаблением, сибирские губернаторы при отборе кандидатов в первую очередь отдавали предпочтение хотя и не очень образованным чиновникам, но местным, а не приезжим. Так, из 21 крестьянского начальника первого состава практически половина кандидатур была отобрана из чиновников, прослуживших в разных губернских ведомствах (канцелярии губернатора, присутствии по крестьянским делам, акцизном управлении) уже по нескольку лет. Из них только у троих были дипломы об окончании университетов.

В целом образовательный уровень подавляющей массы крестьянских начальников не отвечал их профессионально-служебному предназначению. Хотя, надо заметить, целевой подготовки к этой должности, профессиональные компетенции которой были столь широки, что требовали знаний из самых разных областей (административного и гражданского права, сельского хозяйства, фискальной и пр.), в то время просто не существовало. Из анализа 31 личного дела крестьянских начальников выясняется, что университетские дипломы имели 25,8 %, обучались в университетах, но курса не окончили — 19,4 %, среднее образование получили 25,8 %, специальное начальное — 29 %. Были и такие, кто не имел даже начального образования. Так, статский советник В. Н. Милорадовский доучился только до 3 класса духовного училища, но до своего назначения на должность крестьянского начальника в Минусинском уезде он 26 лет прослужил на разных должностях в Енисейской губернии [ГАКК, ф. 595, оп. 53, д. 807, л. 1об-5].

На чиновной лестнице крестьянские начальники стояли невысоко, занимая преимущественно ступени обер-офицерского чина. Из 85 чиновников, занимавших в период с 1899 по 1915 годы должности крестьянских начальников в Енисейской губернии, только 1 при назначении на должность имел чин статского советника. Остальные получили его за службу в этой должности. У некоторых из них на это порой уходила вся их карьерная жизнь. Например, А. В. Востоков, сын священника, окончил Симбирскую духовную семинарию, начал службу в 1883 году канцелярским служащим в канцелярии Сызранского предводителя дворянства, в 1899 году он был переведен из Ярославского губернского управления в чине титулярного советника в Енисейскую губернию и назначен крестьянским начальником одного из участков Канского уезда. А через год он уже был произведен в коллежские асессоры и назначен председателем уездного Съезда крестьянских начальников. Служба шла успешно: он дважды назначался неперменным членом губернского правления по крестьянским делам, что может рассматриваться как признание его деловых качеств. Признанием его морального авторитета служит назначение почетным мировым судьей по Красноярскому уезду, в этой должности он отбыл два трехлетних срока. И, наконец, в 1912 году он достиг вершины своей карьеры — чина действительного статского советника [ГАКК, ф. 595, оп. 53, д. 800, л. 86].

Всего же из 85 человек, пребывавших в должности крестьянских начальников в Енисейской губернии, за 1899—1915 годы чина статского советника достигли лишь 8 чиновников (9,4 %). В подавляющей же массе чиновники, прослужившие в губернии крестьянскими начальниками более 10 лет, не поднимались выше надворного советника. «Ветеранов» среди них было немного. Те, кто отдал службе более 10 лет, составляли всего лишь 6 человек (7 %), группа служивших от 5 до 10 лет также была немногочисленной — 11 человек (13 %). Преобладали те, кто прослужил от года до 5 лет — 68 (80 %), при этом отслуживших минимальный срок по 1—2 года насчитывалось 45 человек (52,9 %).

Служба в сельской глубинке вдали от губернского центра не могла привлекать тех, кто имел большие карьерные притязания. Поэтому среди общей массы крестьянских начальников преобладали люди низких чинов, которые в силу невысокого образовательного ценза и отсутствия связей не надеялись на стремительную карьеру, а могли лишь терпеливо «карабкаться» по лестнице хотя бы до надворного советника. Так, среди первого состава крестьянских начальников из 21 лишь 7 относились к штаб-офицерскому рангу, остальные не поднимались выше обер-офицерского уровня. Анализ социального состава на основании выборки из формулярных списков 31 чиновника показывает, что доля выходцев из дворян составляла 12,9 %. Из них

не было ни одного, кто бы имел поместье. Самой значительной была группа выходцев из разночинцев — 35,4 %, затем шли выходцы из чиновной среды — 22,6 %, духовенства — 19,4 %. И всего лишь 3 крестьянских начальника происходили из крестьян. А. И. Поздняков и К. Т. Чельный начали службу топографами в землеустроительных партиях. М. Н. Хижинский окончил юридический факультет Томского университета и был назначен в 1916 году крестьянским начальником Канского уезда.

На крестьянских начальников возлагались обширные обязанности: следить, как было сказано в Положении, «за всеми установлениями крестьянского общественного управления» [Сборник законов ..., 1902, с. 405]. Он должен был утверждать решения сельских и волостных сходов, назначение в должности крестьянской администрации. Также в его функции входило разбирать жалобы крестьян на действия сельских властей, контролировать мирские капиталы и кредитные учреждения в пределах своего участка, заниматься землеустройством старожилов и переселенцев, разрешать земельные споры, осуществлять санкции по отношению к нарушителям общественного порядка. Кроме того, на крестьянского начальника возлагались обязанности исполнять поручения губернских властей по обеспечению «народного продовольствия», выполнению населением натуральных повинностей и соблюдению санитарных и противопожарных требований, следить за состоянием сельских школ, охраной полей и лугов от потрав и насекомых и в целом заботиться о «хозяйственном благоустройстве и нравственном преуспевании крестьян вверенного ему участка» [Там же]. Осуществление этих полномочий было связано с огромным оборотом бумаг и постоянными разъездами по участку, который по своей площади нередко достигал размеров некоторых губерний в европейской части страны.

Принято считать, что крестьянские начальники обладали такими правами, которые превращали их власть в беспредел над крестьянами. Однако, как следует из Положения, это не соответствовало букве закона. Во-первых, каждый крестьянский начальник должен был действовать в пределах законов о правах крестьян, и любое их нарушение могло быть оспорено в окружном суде вышестоящими органами — губернским присутствием по крестьянским делам. Губернские власти могли ревизовать действия крестьянских начальников на предмет «правильного» исполнения должностных обязанностей и делопроизводства. Во-вторых, он должен был координировать свои действия с решениями коллегиального органа — уездного Съезда крестьянских начальников и ежегодно перед ним отчитываться. Съезд имел право отменять постановления участкового начальника. И, в-третьих, крестьяне имели право подавать жалобы на действия крестьянского начальника своего участка. Учитывая малограмот-

ность населения и низкую исполнительную дисциплину как уездных, так и губернских чиновников, эти правила в большей степени оставались благими намерениями на бумаге. Тем не менее в архивных фондах Съездов крестьянских начальников отложился большой материал, свидетельствующий о том, что как крестьяне снизу, так и губернские инстанции сверху боролись со злоупотреблениями крестьянских начальников.

О таких злоупотреблениях немало написано историками [Степанин, 1957; Никулин, 1987; Гинев, 2015; Дамешек и др., 2016; Гермизеева, 2019]. В их трудах фигура крестьянского начальника предстает олицетворением бюрократического произвола и хищничества. Главный упор авторы делают на разоблачение действий репрессивного характера по отношению к крестьянам: отмену решений сельских и волостных сходов, устранение выборных лиц, нарушение хозяйственных интересов крестьян. Однако при этом, как правило, игнорировалось то обстоятельство, что и действия крестьян часто противоречили существующим юридическим нормам. В решениях крестьянских сходов, волостных судов проявлялась борьба групповых и личных интересов сельской администрации и тесно с ней связанной торгово-ростовщической деревенской верхушки. Это принимает особенно острые формы с ростом переселенческого движения. Анализ жалоб крестьян, подававшихся в адрес участковых крестьянских начальников и уездных съездов, свидетельствует о том, что правовой произвол начинался внизу — в самом сельском обществе. Представители сельской администрации сплошь и рядом использовали власть, чтобы лоббировать личный интерес или даже просто утвердить свой привилегированный статус в глазах рядовых общинников. Учитывая низкий уровень общей культуры и правосознания крестьян, это часто делалось в грубой форме, оскорбляющей достоинство личности. И в таких условиях на крестьянских начальников возлагалась задача не только контролировать законность принимаемых сельской властью решений, но и быть в глазах народа арбитром, олицетворяя образ власти — как отца, строгого, но справедливого. Данная установка квалифицировалась историками как политика патернализма, а введение института крестьянских начальников по этой причине интерпретировалось как одна из «контрреформ», суть которой сводилась к консервации исторической архаики.

Однако можно посмотреть на проблему и с другой стороны. Власть, убедившись в ходе либеральных реформ, что институты сельского самоуправления не могут сдерживать социальный раскол в деревне, а даже его ускоряют, вводит новый институт, чтобы скорректировать эти процессы. При этом она действует, учитывая объективную реальность — уровень правовой и политической культуры крестьянского общества. Для того вре-

мени правосознание крестьянства, действительно, было таково, что оно апеллировало не к рационализированным юридическим формулам, а к моральной традиции и персонифицированному образу власти, поскольку еще не могло отделить юридическую норму от личностных отношений. Поэтому центральная власть решение проблемы видела не в создании демократических выборных институтов и совершенствовании законов, а в том, чтобы дать крестьянам такого «строгого, но справедливого батюшку» в лице просвещенного и заботливого чиновника.

Однако качественный состав провинциальной бюрократии был таковым, что убежденных служителей делу народного блага среди них оказывалось крайне мало. Либеральная и демократическая интеллигенция не шла в крестьянские начальники, хотя это могло бы стать полем для того, чтобы приносить народу реальную пользу. Среди контингента крестьянских начальников в губернии преобладали чиновники, затем шли отставные военные нижних чинов, и всего лишь 5—6 % составляли люди, имевшие специальное образование, связанное с потребностями деревни: агрономы, ветеринары, землемеры. Но и они, поступая на службу, вынуждены были усваивать родовые черты бюрократии как социопрофессиональной группы.

Вебер относил к ним эгоистичное стремление бюрократии использовать преимущества служебного положения для личной выгоды. Отсюда ее стремление к самосохранению как корпоративного сообщества, которое закреплено строгой иерархией чинов, этикой лояльности вышестоящему начальству, преданностью не делу, а своей корпорации. При этом бюрократ олицетворяет свои личные карьерные интересы с государственными, что дает ему осознание своей исключительной роли в жизни общества. Правда, Вебер этими чертами характеризовал так называемую патримониальную бюрократию, которая предшествует типу рациональной бюрократии. В царской России последняя, по его мнению, еще не сложилась.

В сибирской провинции, где бюрократическая вертикаль в лице губернской власти была слаба (нехватка профессионально подготовленных кадров, огромные расстояния при плохих коммуникационных связях), полностью отсутствовали какие-либо даже условно демократические институты типа земств, как в центральной России, и чиновник среднего звена, вроде крестьянского начальника, становился символом абсолютной власти. Она воспринималась не как рационально устроенная система прав и обязанностей гражданина, а как проявление неограниченной личной воли. То, что в народе называлось «закон — тайга». Обратной ее стороной была анархия. Этот дуализм политического сознания в равной степени был присущ как самой власти, так и народному сознанию. Он ярко проецировался в отношении крестьян к органам крестьянского самоуправления.

3.3. Волостное и сельское начальство

Крестьянское самоуправление в Сибири по структуре и функциям принципиально не отличалось от своего аналога в европейской части страны. В компетенции крестьянского самоуправления находились главные вопросы крестьянской жизни: раскладка податей и повинностей, земельные переделы, организация хозяйственных работ, распоряжение мирскими капиталами и т. д. Низовым органом распорядительной власти являлся сельский сход, избиравший должностных лиц, а также представителей в волостной сход, являвшийся следующей ступенькой распорядительной власти. К ведению волостного схода Положение о крестьянах относило: выборы волостных должностных лиц и судей волостного суда; принятие общих решений, относящихся к хозяйственным и публичным делам волости; определение и распределение мирских сборов и повинностей и др. Исполнительные функции были возложены на волостные и сельские правления, они, собственно, и образовывали сельскую администрацию. В её структуру входили волостные головы, старосты и кандидаты на эти должности, писари и их помощники, сборщики податей, смотрители хлебных магазинов, сотские, десятские.

Ключевой фигурой сельской администрации являлся староста, объем его полномочий был чрезвычайно широк. Помимо основных обязанностей — приводить в исполнение все решения сельского схода, объявлять распоряжения вышестоящих инстанций, — на него возлагалось наблюдение за сбором податей, отбыванием крестьянами повинностей, взыскание недоимок, распоряжение мирскими капиталами, обеспечение общественного порядка, надзор за всеми мирскими учреждениями: хлебозапасными магазинами, школой, больницей. У волостных голов аналогичные обязанности распространялись по отношению ко всем селениям, входившим в состав волости. Кроме того, волостной голова являлся председателем волостного суда. В то же время он сам не подчинялся юрисдикции волостного суда, крестьяне могли пожаловаться на его действия только крестьянскому начальнику. Для исполнения должностных обязанностей волостной голова и сельские старосты наделялись особым правовым статусом, который позволял им применять меры административного принуждения к крестьянам: они имели право арестовывать подозреваемых в преступлениях, налагать административные взыскания.

Бюрократизация органов крестьянского самоуправления, резко усилившаяся после введения института крестьянских начальников, своим неизбежным следствием имела падение роли сельских сходов и выборных лиц. Это в конечном счете вело к отчуждению крестьян от власти, выражавшемуся в росте абсентеизма, учащении фактов неподчинения решениям сходов и

приказам должностных лиц. Анализ материалов волостных судов и журналов крестьянских начальников говорит о том, что крестьяне относились к выборам и выборным должностям не как к праву участвовать в принятии решений, определяющих их жизнь, а как к обременительной общественной повинности. Они всячески пытались уклониться от выборов в должности старост, заседателей, перекладывая эту обязанность на тех, кто по своему положению в общине и моральным качествам не пользовался авторитетом. Число крестьян, исполнявших общественные должности более одного трехлетнего срока, в начале XX века становится всё меньше. Учащаются случаи выборов на общественные должности ссыльнопоселенцев, которые были слабо связаны с хозяйственными интересами крестьян и в силу своих сомнительных моральных качеств не стремились к дисциплинированному исполнению постановлений волостных и уездных властей. Волостные суды были просто завалены жалобами как со стороны крестьян на несправедливые действия сельской администрации, так и со стороны старост на неподчинение или даже на оскорбления их общинниками. В документах имеется множество примеров того, как иски по гражданским делам решались не путем судебной процедуры, а, так сказать, неформально: путем подношения в денежной или материальной форме старосте, писарю или заседателю. Это создавало общую ситуацию вседозволенности, которой прежде всего пользовалась экономически сильная верхушка в деревне. Уездная и губернская власть, страдавшая от неисполнительности крестьянской администрации в части сбора податей и выполнения повинностей, пыталась влиять на ситуацию, используя бюрократические рычаги — тех же крестьянских начальников. Однако в итоге получался замкнутый круг: чем сильнее было бюрократическое давление сверху, тем больше анархия снизу.

Бюрократизация крестьянского управления проявлялась в росте канцелярских обязанностей сельской администрации. Так, старосты должны были вести делопроизводство, выдавать населению всевозможные справки, нотариальные документы, вести отчетность об использовании мирских капиталов, заниматься сбором статистических данных и проч. Ежегодная отчетность представлялась по 83 формам. Это приводило к тому, что оборот бумаг в году колебался от 10 до 20 тысяч единиц. В таких условиях возрастает роль писаря в сельской администрации. Часто не староста, а именно писарь владел ситуацией в деревне, так как староста нередко был просто неграмотным. Поэтому некоторые крестьянские начальники обращались напрямую к писарю, минуя старшину.

Должность писаря требовала обширных профессиональных знаний текущего законодательства, правил делопроизводства, акцизного и фискального дела, бухгалтерского учета, гербового и воинского уставов, ос-

нов судебного и полицейского расследования и проч. В то же время образовательный ценз писарей был очень невысоким. По данным статистико-экономического исследования Енисейской губерний, проводившегося в 1890—1893 годы, более трети (35,3 %) всех волостных писарей имело домашнее образование; 11,7 % — учились в уездных училищах, 49,2 % их окончили; 35,3 % — учились в приходских училищах, из них окончили — 30,2 %; учились в средних учебных заведениях (гимназии, кадетские корпуса) — 17,7 %, окончили их — 9,5 %. [Материалы ..., 1893, с. 119—120].

Как очевидно, почти 9/10 контингента — это полуграмотные люди, не имевшие даже полноценного начального образования. Все попытки сибирской администрации организовать специальные образовательные программы в училищах для подготовки писарей, предпринимавшиеся с середины XIX века, оказались безрезультатными.

Исполнение обязанностей писаря осуществлялось за денежное вознаграждение. Оно составляло в разных волостях губернии от 1500 до 2000 руб. и выплачивалось из капитала сельского общества. Писарем обычно назначали кого-либо из крестьян сельского общества, но так как уровень грамотности крестьян был низким, то часто на эту должность мир нанимал людей из других сословий: мещан, отставных полицейских, младших военных чинов, учителей, агрономов. Так, по данным обследования Красноярского, Ачинского, Минусинского и Канского округов, доля ссыльнопоселенцев среди писарей составляла 39,4 %, мещан — 14,1 %, отставных чиновников — 4,3 %, отставных военных — 1,7 % [Там же, с. 119].

Обязанности, исполнявшиеся писарем, предоставляли широкие возможности для взяточничества и злоупотребления своим положением. Например, писари за взятки освобождали крестьян от тяжелых повинностей, прощали долги, взыскания, которые сход накладывал на конкретного крестьянина, выдавали разрешения на незаконное пользование общественными угодьями, покрывали случаи браконьерства и т. д. Очень обременительной для крестьян была практика «темных» поборов. По данным Енисейского ГЖУ за 1885 год, в волостях, кроме официально установленных податей и повинностей, существовали теневые, которые выплачивались сельскому правлению. Вся бухгалтерия теневых поборов была сосредоточена в руках писаря. Губернские власти периодически устраивали ревизии волостных правлений. Например, во время одной из ревизий в Балахтинской волости было обнаружено просто чудовищное расхождение между официальными и «темными» сборами. Сумма теневых поборов, которые крестьяне выплатили в 1891 году на содержание волостного аппарата, превышала официальные сборы в 11 раз [ГАКК, ф. 608, оп. 1, д. 3084].

Таблица 1

Официальные и «темные» выплаты на содержание
Балахтинской волостной администрации за 1891 год

Виды сборов	Официальные сборы	Теневые сборы
Жалование писарям	171,42	248,55
Канцелярские расходы волостного правления	85,71	291,45
Канцелярские расходы волостного суда	—	300
Пожалования помощникам писаря	—	1260
Жалования писарям при хлебозапасных магазинах	314,27	1665,73
Жалования писарям на почтовом тракте	—	360
Жалование писарям при сельских старостах	—	1920
Наем квартир для писарей	—	200
Общая сумма	571,40	6245,73

Настоящим бедствием для крестьян были растраты капиталов сельских обществ. Крестьяне в силу своей малограмотности не могли контролировать расходы сельской администрации, что приводило к тому, что хищения исчислялись тысячами рублей. Так, волостной писарь Уринского волостного общества за десять лет службы 1875—1885 годов растратил 15 565 руб. казенных денег и 3492 руб. — из мирского капитала [Материалы ..., 1893, с. 117].

Незаконные поборы и злоупотребления «народной власти» становились притчей во языцех. В крестьянском фольклоре отношение к писарю крайне отрицательно, очень точно оно выражено в поговорке «Сельские писаря — последняя сволочь у царя». Но в то же время крестьяне были готовы мириться с такой вороватой властью, потому что, во-первых, считали использование служебного положения для личной выгоды естественной нормой в духе вековой народной мудрости «Деньги не брать — дело не делать». Во-вторых, рассчитывали на то, что компромисс со скомпрометировавшей себя властью полезен, так как такой человек легче пойдет на какие-либо махинации с целью обойти законы, налоги, которые накладывали на крестьян чиновники, сидевшие далеко — в губернском городе или в Петербурге. С ними договориться нельзя, а с ближними можно. Народнический публицист Н. М. Астырев, хорошо знавший особенности крестьянского менталитета, подмечал, что крестьянин даже был готов уважать писаря за то, что тот «тонкая бестия, законник, крючкотвор, которым, в случае своей нужды, можно и попользоваться» [Астырев, 1886, с. 134].

Проявлением прогрессирующего разложения «крестьянской демократии» на завершающем этапе имперской истории становится криминальное сращивание сельской администрации с уездными полицейскими чиновниками. Эту тенденцию вынуждено было признавать жандармское начальство. В отчетах Енисейского ГЖУ отмечались неоднократные факты криминальной связи между уездными исправниками, с одной стороны, и сельскими старостами и писарями — с другой. Исправники покрывали злоупотребления и теневые сборы, которые сельская власть собирала с крестьян за отчисление им части от них. Они же своим волевым решением могли ставить на должности в сельские управы те кандидатуры, с которыми находились в криминальной связи. «Не греша против истины, — говорилось в отчете начальника ГЖУ, — можно сказать, что волостные писари, есть лица, назначенные исправниками. Сознавая всю свою зависимость от исправников, они являются ревностными исполнителями их воли, и как бы преступна она не была, волостные писари знают, что под защитой исправников неприятных для них последствий быть не может. Платя исправнику от 50 руб. и более в месяц, волостные писари расходы эти возмещают поборами с крестьян, и есть волости, где эти поборы составляют 8 тыс. в год» [ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 270, л. 22].

Если сопоставить масштабы финансовых злоупотреблений на разных уровнях сельской бюрократии, то очевидно, что крестьяне больше страдали не от крестьянских начальников, а от тех, кто был ближе — волостной и сельской власти. Так, за финансовые растраты из всего корпуса крестьянских начальников, насчитывавшего 85 человек, за всё время деятельности этого института с 1899 по 1917 годы было привлечено 11 человек. Средняя сумма растрат — 5 тыс. руб. [Крестьянские опекуны, 1911, с. 21—22]. Тогда как только «темные» денежные выплаты в волостях, не считая натуральных поборов, ежегодно колебались в пределах 10 тыс. рублей. Одну из причин такого положения можно усмотреть в том, что крестьянские начальники действовали в пределах своего строго очерченного служебного статуса, их действия регламентировались юридическими нормативами и контролировались выше стоящей бюрократией и судебными инстанциями. Это означало, что чиновник должен был нести личную ответственность за свои действия. А действия сельской бюрократии такого четкого юридического статуса не имели, они функционировали на основе традиционного права, в котором доминировала не личная ответственность, а корпоративная.

4. Заключение = Conclusions

Реформы 1860—1870 годов и контрреформы 1880—1890-х годов привели к тому, что власть помещика над крестьянским миром, носившая полупатриархальный характер, была заменена разветвленным полицейско-

бюрократическим аппаратом, получившим полный контроль над органами крестьянского самоуправления. В результате начинает складываться сельская бюрократия — особая социальная группа, наделенная определенным должностным статусом. В Сибири процесс её формирования имел свою специфику в силу того, что массовое переселение крестьян, усилившееся в начале XX века, изменило социальную ситуацию в деревне, углубив противоречия между старожилами и переселенцами. Это в свою очередь повысило роль бюрократии, которая взяла на себя функции арбитра между ними и куратора переселенческого движения. Неизбежным следствием этого стало расширение полномочий сельской администрации, что вело к усилению профессионализации её функционеров и, в конечном счете, отрыву их от крестьянской массы.

Главным итогом бюрократизации органов крестьянского самоуправления, функционировавших на основе традиционного права, стало их разложение и сращивание с торгово-ростовщической верхушкой, с одной стороны, и с уездными чиновниками — с другой. Такое положение вынуждены были признавать жандармские власти, обязанностью которых являлся анализ лояльности общества к власти на всех ее уровнях. В жандармских отчетах констатировалось, что в крестьянстве полностью утрачено доверие к сельской администрации, потому что в «число выборных по большей части попадают разбогатевшие крестьяне, по местному названию кулаки, которым народ не может доверять, будучи знаком с их эксплуатацией местного населения» [ГАКК, ф. 827, оп. 1, д. 270, л. 22]. Таким образом, попытка центральной власти модернизировать традиционную общинную систему путем инкорпорации ее в имперскую бюрократическую вертикаль с помощью института крестьянских начальников оказалась неэффективной и, в конце концов, породила ее кризис, ставший частью общего кризиса всей политической системы самодержавия.

Источники

1. *Астырев Н. М.* В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления / Н. М. Астырев. — Москва : Тип. В. В. Исленьева, 1886. — 272 с.
2. ГАКК — *Государственный архив Красноярского края.* Ф. 595, Оп. 53, Д. 807, Лл. 106-5 ; Ф. 595, Оп. 53, Д. 800, Л. 86 ; Ф. 608, Оп. 1, Д. 3084 ; Ф. 827, Оп. 1, Д. 270, Л. 22.
3. *Крестьянские опекуны* // Сибирские вопросы. — 1911. — № 40—41. — С. 19—22.
4. *Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний.* Енисейская губерния. — Иркутск : Типография К. И. Витковской, 1893. — Т. IV. — Выпуск 2. — 129 с.
5. *Сборник законов об устройстве крестьян и инородцев Сибири и Степного края :* По новому, 1902 г., изд. Положений о сел. состоянии (Свод. зак., т. 9, особ. прил. К Зак. сост.), ... с разъясн. по решениям Правит. сената и циркулярам министерств / сост. Г. Г. Савич. Неофиц. изд. — Санкт-Петербург : Тип. Д. В. Чичинадзе, 1903. — XL, 474 с.

Литература

1. *Анфимов А. М.* Российская деревня в годы Первой мировой войны / А. М. Анфимов. — Москва : Соцэргиз, 1962. — 384 с.
2. *Безгин В. Б.* Мужичья правда. Обычное право и суд русских крестьян / В. Б. Безгин. — Москва : Common place, 2017. — 334 с. — ISBN 978-999999-0-25-7.
3. *Вебер М.* Избранные произведения / М. Вебер. — Москва : Прогресс, 1990. — 808 с. — ISBN 5-01-001584-6.
4. *Гинев В. Н.* Земские начальники : объективная необходимость или реакционная контрреформа? / В. Н. Гинев // Петербургский исторический журнал. — 2015. — № 4 (8). — С. 47—64. — DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00063.
5. *Гермизеева В. В.* Деятельность съездов крестьянских начальников в Западной Сибири : к вопросу об эффективности (1898—1917) / В. В. Гермизеева // Национальные приоритеты России. — 2019. — № 1. — С. 3—8.
6. *Гордеева М. А.* Сельская администрация в составе крестьянского самоуправления Томской губернии конца XIX — начала XX в. : становление самостоятельности М. А. Гордеева / М. А. Гордеева // Журнал фронтирных исследований. — 2018. — № 4. — С. 11—22. — DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10019.
7. *Дамешек Л. М.* Проведение в жизнь «Временного положения» о крестьянских и «инородческих» начальниках Сибири 1898—1917 г. / Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек // Гуманитарные науки в Сибири. — 2016. — Т. 23. — № 2. — С. 71—75. — DOI: 10.15372/HSS20160216.
8. *Данилов В. П.* К вопросу о характере и значении крестьянской поземельной общины в России / В. П. Данилов // Проблемы социально-экономической истории / В. П. Данилов. — Москва : Наука, 1971. — С. 341—359.
9. *Зырянов П. Н.* Крестьянская община Европейской России. 1907—1914 / П. Н. Зырянов. — Москва : Наука, 1992. — 256 с.
10. *Качоровский К. Р.* Русская община / К. Р. Качоровский. 2-е изд. — Москва : Типо-литография Русского товарищества, 1906. — 362 с.
11. *Коновалов И. А.* Крестьянская община как предмет государственно-правового и муниципально-правового регулирования в Сибири в дореволюционный период / И. А. Коновалов // Вестник Омского университета. Серия «Право». — 2014. — № 3 (40). — С. 13—19.
12. *Котович Л. В.* Организация общественного самоуправления у русских крестьян Сибири конца XIX — начала XX вв. / Л. В. Котович // Община и семья в сибирской деревне XVIII — начала XX вв. — Новосибирск : [б. и.], 1989. — С. 39—51.
13. *Мазур Л. Н.* Становление и эволюция сельской бюрократии в России во второй половине XIX — начале XX в. / Л. Н. Мазур // Известия Уральского федерального университета. Серия 2, Гуманитарные науки. — 2014. — № 2 (127). — С. 251—267.
14. *Никулин В. Н.* Крестьянские начальники в Сибири (1898—1917) / В. Н. Никулин // Вопросы истории. — 1987. — № 1. — С. 170—175.
15. *Новомбергский Н. Я.* По Сибири. Сборник статей по крестьянскому праву, народному ; образованию, экономике и сельскому хозяйству / Н. Я. Новомбергский. — Санкт-Петербург : Тип. Дома призрения малолет. бедных, 1903. — XVI, 335 с.
16. *Степынин В. А.* Крестьянские начальники Енисейской губернии / В. А. Степынин // Ученые записки Красноярского педагогического института. — 1957. — Выпуск 1. — С. 67—88.

17. Суворова Н. Г. Крестьянское самоуправление в государственной деревне Западной Сибири в 60-е гг. XVIII — первой половине 60-х гг. XIX вв. : автореферат ... кандидата исторических наук / Н. Г. Суворова. — Омск, 1997. — 25 с.

Статья поступила в редакцию 25.01.2023;
одобрена после рецензирования 26.02.2023;
подготовлена к публикации 24.03.2023.

Material resources

- Astyrev, N. M. (1886). *In volost clerks. Essays on peasant self-government*. Moscow: V. V. Islenyev Type. 272 p. (In Russ.).
- Collection of laws on the organization of peasants and foreigners of Siberia and the Steppe region: In a new way, 1902*. (1903). St. Petersburg: Type. D. V. Chichinadze. XL, 474 p. (In Russ.).
- GACC — *The State Archive of the Krasnoyarsk Territory*. (In Russ.).
- Materials on the study of land use and economic life of the rural population of Irkutsk and Yenisei provinces, IV (2)*. (1893). Yenisei province. Irkutsk: Printing house of K. I. Vitkovskaya. 129 p. (In Russ.).
- Peasant guardians. (1911). *Siberian questions*, 40—41: 19—22. (In Russ.).

References

- Anfimov, A. M. (1962). *The Russian village during the First World War*. Moscow: Sotsekizgiz. 384 p. (In Russ.).
- Bezgin, V. B. (2017). *Muzhikskaya pravda. Customary Law and the Court of Russian peasants*. Moscow: Common place. 334 p. ISBN 978-999999-0-25-7. (In Russ.).
- Dameshek, L. M., Dameshek, I. L. (2016). The implementation of the “Temporary regulations” on peasant and “foreign” chiefs of Siberia 1898—1917. *Humanities in Siberia*, 23 (2): 71—75. DOI: 10.15372/HSS20160216. (In Russ.).
- Danilov, V. P. (1971). On the question of the nature and significance of the peasant land community in Russia. In: *Problems of socio-economic history*. Moscow: Nauka. 341—359. (In Russ.).
- Germizeeva, V. V. (2019). Activity of congresses of peasant chiefs in Western Siberia: on the question of efficiency (1898—1917). *National Priorities of Russia*, 1: 3—8. (In Russ.).
- Ginev, V. N. (2015). Zemstvo chiefs: objective necessity or reactionary counter-reform? *St. Petersburg Historical Magazine*, 4 (8): 47—64. DOI: 10.51255/2311-603X-2015-00063. (In Russ.).
- Gordeeva, M. A. (2018). Rural administration as part of the peasant self—government of the Tomsk province of the late XIX — early XX century: the formation of independence M. A. Gordeeva. *Journal of Frontier Studies*, 4: 11—22. DOI: 10.24411/2500-0225-2018-10019. (In Russ.).
- Kachorovsky, K. R. (1906). *Russian community*. Moscow: Typo-lithography of the Russian Association. 362 p. (In Russ.).
- Konovalov, I. A. (2014). Peasant community as a subject of state-legal and municipal-legal regulation in Siberia in the pre-revolutionary period. *Bulletin of Omsk University. The series “Law”*, 3 (40): 13—19. (In Russ.).
- Kotovitch, L. V. (1989). Organization of public self—government among Russian peasants of Siberia of the late XIX — early XX centuries. In: *Community and fam-*

- ily in the Siberian village of the XVIII — early XX centuries*. Novosibirsk: [b. i.]. 39—51. (In Russ.).
- Mazur, L. N. (2014). Formation and evolution of rural Bureaucracy in Russia in the second half of the XIX — early XX century. *Bulletin of the Ural Federal University. Series 2, Humanities*, 2 (127): 251—267. (In Russ.).
- Nikulin, V. N. (1987). Peasant chiefs in Siberia (1898—1917). *Questions of History*, 1: 170—175. (In Russ.).
- Novombergsky, N. Ya. (1903). *In Siberia. Collection of articles on peasant law, folk law; education, economics and agriculture*. Saint Petersburg: Type. Malolet charity houses. Poor. XVI, 335 p. (In Russ.).
- Stepynin, V. A. (1957). Peasant chiefs of the Yenisei province. *Scientific notes of the Krasnoyarsk Pedagogical Institute*, 1: 67—88. (In Russ.).
- Suvorova, N. G. (1997). *Peasant self-government in the state village of Western Siberia in the 60s of the XVIII — first half of the 60s of the XIX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Omsk. 25 p. (In Russ.).
- Weber, M. (1990). *Selected works*. Moscow: Progress. 808 p. ISBN 5-01-001584-6. (In Russ.).
- Zyryanov, P. N. (1992). *The Peasant community of European Russia. 1907—1914*. Moscow: Nauka. 256 p. (In Russ.).

*The article was submitted 25.01.2023;
approved after reviewing 26.02.2023;
accepted for publication 24.03.2023.*

Эйльбарт Н. В. Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времен Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского) / Н. В. Эйльбарт // Научный диалог. — 2023. — Т. 12. — № 2. — С. 509—522. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-509-522.

Eylbart, N. V. (2023). Image of Ivan Terrible in European Propaganda during Livonian War (Poetic Works of S. Wolf and J. Kokhanovsky). *Nauchnyi dialog*, 12 (2): 509-522. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-509-522. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-2-509-522

Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времен Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского)

Эйльбарт Наталия Владимировна^{1,2}
orcid.org/0000-0003-0021-073X
доктор исторических наук, профессор
кафедры истории России с древнейших
времен до начала XIX века;
научный сотрудник
ejlbart@mail.ru

¹Российский государственный
педагогический университет
им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

²Русская христианская гуманитарная
академия им. Ф. М. Достоевского
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
№ 22-28-01407,
<https://rscf.ru/project/22-28-01407/>

Image of Ivan Terrible in European Propaganda during Livonian War (Poetic Works of S. Wolf and J. Kokhanovsky)

Nataliya V. Eylbart^{1,2}
orcid.org/0000-0003-0021-073X
Doctor of History, Professor,
Department of Russian History from
Ancient Times to the Beginning
of the 19th Century; Researcher
ejlbart@mail.ru

¹The Herzen State Pedagogical
University of Russia
(St. Petersburg, Russia)

²Russian Christian Academy
for Humanities named after
Fyodor Dostoevsky
(St. Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported
by Russian Science Foundation,
project number 22-28-01407, [https://rscf.ru/
project/22-28-01407/](https://rscf.ru/project/22-28-01407/)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается образ Ивана Грозного в пропагандистской европейской поэзии времен Ливонской войны. На примере двух поэтических произведений: «Элегической поэмы о походе его величества Стефана Первого, короля польского и великого князя литовского против Ивана Васильевича, великого князя Московского» немецкого автора Самуила Вольфа (1582 год) и «Песни о взятии Полоцка» польского поэта Яна Кохановского (1580 год), — делается вывод о большом интересе европейского читателя к личности московского царя. Анализ этих текстов показывает гротескный образ Ивана Грозного, сформированный под влиянием «политического заказа», исходящего от польского короля Стефана Батория, объединившего вокруг себя наемников практически со всей Европы для похода против Московского государства. Делается вывод о том, что европейская пропаганда сыграла негативную роль, способствовала проигрышу Московского государства в Ливонской войне. Отмечается безразличие самого царя к тому, что публиковалось о нем на Западе, это и послужило причиной того, что Иван Грозный не захотел проводить ответные пропагандистские кампании и ограничился в этой связи оправдательно-обличительными письмами к С. Баторию, А. М. Курбскому и некоторым европейским монархам. «Песнь о взятии Полоцка» впервые переведена автором статьи на русский язык и публикуется здесь полностью.

Ключевые слова:

Ливонская война; Иван Грозный; политическая пропаганда; С. Вольф; Я. Кохановский.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The image of Ivan the Terrible in the propagandic European poetry of the Livonian War is considered. On the example of two poetic works “An elegiac poem about the campaign of His Majesty Stephen the First, the King of Poland and the Grand Duke of Lithuania against Ivan Vasilyevich, the Grand Duke of Moscow” by the German author Samuil Wolf (1582) and “The Song of the Capture of Polotsk” by the Polish poet Jan Kokhanovsky (1580) the conclusion is made about the great interest of the European reader in the personality of the Moscow tsar. The analysis of these texts shows the grotesque image of Ivan the Terrible, formed under the influence of the “political order” coming from the Polish King Stefan Batory. It is also concluded that European propaganda played a negative role, contributed to the loss of the Muscovite state in the Livonian War. The indifference of the tsar himself to what was published about him in the West is also noted, this was the reason that Ivan the Terrible did not want to carry out reciprocal propaganda campaigns and limited himself in this regard to exculpatory and accusatory letters to S. Batory, A. M. Kurbsky and some European monarchs. “The Song of the Capture of Polotsk” was first translated into Russian by the author of the article and is published here in full.

Key words:

Livonian war; Ivan groznyj; political propaganda; S. Wolf; Ya. Kokhanovsky.

Образ Ивана Грозного в европейской пропаганде времен Ливонской войны (на примере поэтических произведений С. Вольфа и Я. Кохановского)

© Эйльбарт Н. В., 2023

1. Введение= Introduction

Ливонская война 1558—1583 годов, длившаяся без малого четверть века, стала, пожалуй, самым первым для нашего отечества столь масштабным противостоянием со странами Европы. Если ранее войны для Московского государства ограничивались столкновениями с соседями, то в ходе данного конфликта ему пришлось встретиться с целой коалицией, состоявшей из Речи Посполитой, Швеции и Дании в борьбе за выход к Балтийскому морю путем присоединения земель ослабевшего Ливонского ордена. Морские порты Ливонии и проходившая через них интенсивная торговля между Западом и Востоком представляли собой главный, если можно так выразиться, «лакомый кусок» для окружавших ее стран, именно по этой причине задействовавших значительную часть своих ресурсов для достижения намеченных целей на данных землях. Затяжной конфликт в Прибалтике за столь долгое время протекал с переменным успехом. Россия, управляемая царем Иваном Грозным, достигла значительных успехов на первоначальном этапе и даже образовала на ставших ей подконтрольными территориях марионеточное Ливонское королевство. Однако приход к власти в Речи Посполитой короля Стефана Батория, шурина шведского короля Юхана III, позволил двум этим странам преодолеть прежние противоречия, объединиться и не только достигнуть вытеснения московских войск из Прибалтики, но создать угрозу для исконно русских северо-западных земель во время осады Пскова в 1581—1582 годах.

В целом Ливонская война, на полях которой Московское государство показало себя сильным и опасным для Европы противником, породила беспрецедентное до сей поры количество разного рода произведений, направленных против России и лично против царя Ивана Грозного. Соотнося актуальность данной проблемы с днем сегодняшним, можно сказать, что Ливонская война послужила триггером и для «информационной войны» XVI века, перевес в которой был на стороне западных стран. Особенно остро накал этой борьбы ощущался в Речи Посполитой в начале 1580-х годов, поскольку, с одной стороны, часть шляхты испытывала симпатию к Ивану Грозному и даже готова была голосовать за него на королевских выборах [Эйльбарт,

2020, с. 93—103; Флоря, 2020, с. 3—13], с другой же — польский король Стефан Баторий, соперничавший с московским государем на «вольной элекции», вероятно, считал последнего не просто политическим оппонентом, но и личным врагом. Поэтому неудивительно, что Баторий тратил на «очернение» Грозного в глазах Европы значительные средства, приглашая к своему двору известных поэтов из разных стран, щедро оплачивая их услуги не только деньгами, но и должностями. Против этой мощной «пропагандистской машины» хотя и длинные, но немногочисленные «кусательные» письма московского царя к польскому королю, которого он презрительно называл «соседом» вместо «брата» и, говоря о котором, приписывал источник власти выборного монарха не Богу, а «многомятежному человеческому хотению», выглядят довольно слабо и беспомощно [Niedzielski, 1916, p. 40]. Грозный тем более не считал нужным заботиться об общественном мнении ни ливонского, ни польского дворянства, придерживаясь, по нашему убеждению, провиденциальных взглядов в логике ведения войны.

Латинские поэтические тексты итальянских и немецких авторов играли ведущую роль в «антимосковской» пропаганде времен Ливонской войны (об одном таком авторе, немце Валентине Неотебеле, и его «Акrostихе о великом князе московском» мы подробно писали ранее [Эйльбарт, 2021, с. 383—391]. Также с Баторием в этой связи сотрудничали итальянцы из Пизанского университета Антонио Бладо и Фламинио Нобили, в стихах прославлявшие подвиги короля Стефана и высмеивавшие Грозного. Обусловлено это, как нам кажется, двумя обстоятельствами: данный «продукт» был ориентирован, с одной стороны, на ливонское дворянство и призван запугать лояльную его часть жестокостями «московского фараона» и «северного Нерона», с другой — на всю католическую и протестантскую Европу, призывая ее к совместному походу против восточного деспота и тирана. На умы же польской шляхты король и поддерживающее его окружение предпочитали воздействовать через творчество известных и популярных в этой среде поэтов, среди которых стоит назвать прежде всего Я. Кохановского и С. Клоновича, которые, впрочем, немалую часть своих произведений писали на латинском языке, а значит, их читательскую аудиторию также можно отнести к общеевропейской.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниками для нашего исследования послужили поэтические произведения пропагандистского характера, вышедшие из-под пера поэтов С. Вольфа и Я. Кохановского (в качестве автора, повлиявшего на их творчество, мы также обозначаем С. Клоновича). Среди десятков имен призыванных Баторием поэтов в данной небольшой статье мы проводим анализ

работы малоизвестного уроженца Силезии Самуила Вольфа, автора объемной «элегической поэмы» «О походе его величества Стефана Первого, короля польского и великого князя литовского против Ивана Васильевича, великого князя Московского», увидевшей свет в 1582 году [Wolfio, 1582]. Вторым источником для исследования являются произведения польского поэта Я. Кохановского. Среди них можно назвать латиноязычную «Оду на взятие Полоцка» («Ode de expugnatione Polottei»), польскоязычные «Песнь на взятие Полоцка» («Pieśń o wzięciu Połocka») и итинерарий «Путешествие в Москву» («Jezda do Moskwy» [Kochanowski, 1583]) (последний заслуживает отдельной научной статьи). В виде вспомогательного источника, повлиявшего на вышеназванных поэтов в мировоззренческом плане, мы упоминаем поэму С. Клоновича «Роксолания».

«Антимосковская» пропаганда времен Ливонской войны и исторические обстоятельства, способствовавшие ее появлению, рассматривалась в трудах как отечественных [Филлюшкин, 2014; Флоря, 2020; Эйльбарт, 2020, 2021], так и польских авторов [Krzywy, 2013; Niedźwiedź, 2016; Niedzielski, 1916; Tygielski, 2007]. Кроме того, польские исследователи обращались как к филологическому анализу упомянутых нами произведений [Głombiowska, 2004], так и к биографиям С. Вольфа и Я. Кохановского [Kincel, 1975; Korolko, 1985; Kowalczyk, 1984; Tondel 1985].

При написании настоящей статьи мы придерживались принципов объективности и историзма, которые позволили нам рассмотреть поэтические произведения пропагандистского характера в качестве неизбежного «политического продукта» в условиях противостояния западной и восточной цивилизаций в борьбе за Ливонию.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Самуил Вольф и его элегическая поэма

Дошедшие до нас биографические сведения о Самуиле Вольфе довольно скудны, однако они позволяют обозначить основные тенденции в карьере человека, посвятившего свое перо придворной поэзии [Kincel, 1975, pp. 18—20]. Он родился в силезском городе Хиршберг (ныне польский город Еленя Гура) в 1549 году в семье ректора местной евангелической гимназии Себастьяна Вольфа. С 1571 года в течение трех лет обучался на философском факультете Виттенбергского университета, а вернувшись на родину, занял место ректора вышеназванной гимназии после почившего отца. Будучи протестантом (кальвинистом) по вероисповеданию, он, вероятно, приобрел известность в среде протестантского дворянства Речи Посполитой своей поэзией религиозного содержания, а в 1580 году был приглашен туда, по одной версии, самим королем Стефаном Баторием, по другой же — могуществен-

ным покровителем польских протестантов, краковским воеводой Николаем Фирлеем. По крайней мере, считается установленным, что короткое время Вольф пребывал при дворе Батория, исполнял обязанности его секретаря и даже удостоился своего рода «поэтической коронации» — титула «Poeta laureatus», то есть «увенчанного лаврами поэта». С 1581 по 1586 годы по предложению Николая Фирлея он является ректором кальвинистской гимназии в принадлежавшем семейству Фирлеев городке Любартуве Люблинского воеводства [Tworek, 1966, pp. 172—173], где, по всей видимости, и пишет вышеназванную «Элегическую поэму» во славу побед Батория. Современные польские исследователи истории словесности указывают, что в этот период Вольф тесно общается с проживавшим в Люблине известным поэтом эпохи ренессанса Себастьяном Клоновичем и последний даже посещает руководимую силезцем школу и дарит директору свои книги [Tondel, 1985, pp. 183—190]. Добавим, что написанная Клоновичем поэма «Роксолания», посвященная землям Червонной Руси, содержит немало метафор, которыми автор их описывал, многие из образов довольно предвзято рисуют «варварский» и «дикий» край [Klonowicz, 1996]. Например, пользуясь игрой слов, Клонович утверждал, что если прочитать наоборот слово Россия — «Russia», то получится «Ursia» — Страна медведей. С нашей стороны предположим, что в ходе переписки и при личных встречах С. Вольф испытал на себе влияние этих взглядов коллеги по перу, пронизав подобными же определениями свою «Элегическую поэму». Завершая изложение биографии поэта, отметим, что его заслуги на ниве литературы и преподавания дали желаемые плоды. В последние годы жизни он сделал еще один шаг в своей карьере: в 1586 году переехал в Эльблонг и занял престижную должность секретаря городского совета (известно также, что его супругой стала дочь местного купца Елизавета Борнеманн). Однако этот период в его жизни оказался недолгим — 24 июня 1591 года Вольф скончался в замке Гнев, расположенном недалеко от Эльблонга. Часть принадлежавших ему печатных и рукописных книг с начертанным на них латинским девизом «Non est mortale quod optio» («Смерти нет, пока есть желания») ныне хранится в университетской библиотеке в Торунь и свидетельствует об энергичности и жизненной активности хозяина.

Поэтическое произведение на латинском языке «Stephani primi serenissimi Poloniae regis et Magni Lithuanorum ducis etc. aduersus Iohannem Basilidem, magnum Moschouiae ducem expeditio carmine elegiaco descripta» («Элегическая поэма о походе его величества Стефана Первого, короля польского и великого князя литовского против Ивана Васильевича, великого князя Московского»), изданное в 1582 году, скорее всего, было опубликовано при поддержке участника похода Батория на Псков, покровителя

Вольфа Николая Фирлея. В целом это довольно объемное (58 страниц) по тем временам произведение, где с большими подробностями описан не только ход самой войны, но и ее предыстория. Уже с первых строк автор строит свое повествование на противостоянии добра (Запада — наследника благородного Рима) и зла (Востока — воплощения тирании и варварства). Лагерь Батория он называет «орлиным гнездом», «Орлом», а царские войска — «Драконом» (с. 2). Данные метафоры были традиционны и понятны европейскому читателю той эпохи. Во времена Римской империи орел считался атрибутом Юпитера, символом силы и света, а змея или дракон олицетворяла царство Аида, ужасное уродливое чудовище, несущее гибель и страдания человеку. Поединок же орла со змеей являлся предметом многочисленных изображений, начиная с мозаик и фресок и заканчивая монетами [Колпакова, 2010, с. 125—128]. В христианский период европейской истории Дракон как символ приобрел и еще одну характеристику — стал олицетворять Восток. Отталкиваясь от этого первичного посыла, С. Вольф развивает мысль о противостоянии Республики (имея в виду Речь Посполитую) и Тирании (обозначая этим определением Московское государство). Он высмеивает провозглашаемое Иваном Грозным собственное происхождение от Пруса, «брата римского цесаря Августа», и тем самым обоснование царских претензий на Ливонию, «откуда тирана изгнали» (с. 6). Продолжая линию отождествления России с Востоком, Вольф доходит даже до Индии и называет Грозного «Гангским тигром» («*Gangetica tigris*») (с. 7). Что касается «москвитов», то они в разных местах называются автором «псами» (с. 3), «варварами» (с. 4), «волками» (с. 8). Следуя основной задаче хвалебной «Элегической поэмы», С. Вольф прославляет своего покровителя Николая Фирлея, королевских приближенных Бальтазара Батория (племянника Стефана), командующего венгерской пехотой Яна Борнемиссу и, конечно же, самого польского монарха, который удостоивается таких громких имен, как Александр Великий, Ромул, Аякс, Ганнибал. В целом, говоря об осаде Пскова, С. Вольф дает читателю ясный пропагандистский посыл к тому, что единственный путь к миру — полная победа над восточным тираном.

3.2. «Песнь на взятие Полоцка» Яна Кохановского

Знаменитый поэт польского Ренессанса Ян Кохановский (1530—1584) в своих произведениях, написанных как на латинском, так и на польском языках и рассчитанных, в отличие от поэмы С. Вольфа, не только на европейского, но и на польско-литовского читателя, обращался к образу Ивана Грозного множество раз. В его работах царь и московская держава описаны более подробно и разнопланово. Характеристики, данные Кохановским Грозному, были столь презрительны и в то же время насмешливы, что по

этой причине издание наследия поэта в России носило выборочный характер, и внимание в основном обращалось на лирические и сатирические (политически более или менее нейтральные) произведения («Фрашки», поэмы «Шахматы» и «Сатир, или дикий человек») [Кохановский, 1960]. Так, например, из советского издания его избранных произведений была исключена «Песнь 13» второй книги «Песней» (текст ее полностью повторяет вышеназванную «Песнь на взятие Полоцка»), где автор прославляет победы Батория и принижает царя Ивана.

Для репрезентации образа Ивана Грозного в поэзии Я. Кохановского мы выбрали польскоязычную «Песнь на взятие Полоцка», произведя первый в отечественной историографии ее перевод на русский язык. Она представляет собой сжатый вариант изданной Кохановским в 1579 году латиноязычной и написанной для европейского читателя «Оды на взятие Полоцка», которая, по выражению польского исследователя Я. Недзьведа, «является произведением официальным и текстом, представляющим власть» [Niedźwiedz, 2016, p. 392]. К тому времени поэт, некогда занимавший должность королевского секретаря при Сигизмунде Августе, уже в течение десяти лет проживал вдали от двора, в своем имении Чернолес, однако живо откликнулся на предложение канцлера и гетмана Яна Замойского, ближайшего сподвижника Батория, и продолжил свое участие в политической игре [Kowalczyk, 1984, pp. 262—281; Tygielski, 2007]. Написанная им зимой 1579—1580 годов «Ода» была основана по тогдашней моде на матрице одной из од Горация (14 ода IV книги), прославлявшей победы римского императора Октавиана Августа и его пасынков Тиберия и Друза [Głombiowska, 2010, p. 119]. Вполне понятно, что популярность произведений Кохановского среди европейских читателей была велика, а посему королю весьма нужна была именно его пропагандистская поддержка для дальнейшего продолжения войны с Московским государством и сбора добровольцев из соседних стран под свои флаги [Филюшкин, 2014, с. 5—10]. Спустя несколько месяцев после публикации латиноязычной «Оды», в том же 1580 году, поэт печатает в Варшаве ее польскую версию с посвящением Я. Замойскому, в виде «летучей газеты», под названием «Песнь на взятие Полоцка» [Kochanowski, 1580, pp. 2—3]. Судя по всему, автор планировал найти композитора, который переложил бы ее на музыку, подобно тому, как современник поэта Николай Гомулка сочинил мелодии на написанный Кохановским «Псалтырь Давида». Мы допускаем, что таковое переложение могло состояться, однако нотные записи утрачены или же до сего времени не обнаружены. Ярким, в то же время простым и легким языком автор рисует обстоятельства сдачи Полоцка. Приведем здесь полностью данную «Песнь» в нашем переводе.

Песнь на взятие Полоцка

Богу низко поклонимся,
Его милость вспоминая,
Бог надменных осаждает,
А покорных опекает.

Непокорный он и гордый,
Он тиран страны холодной,
Каковому, как мнит сам он,
Нету в целом свете равных.

Царь московский перед смелым
Польским королем бежал;
Пока не показались льды
Вставшей северной воды.

От границы он бежал,
Замки с городами сдал;
Здесь теперь поведать стоит,
О душе его и нем.

Коня резвого сдержи,
Лютый царь неуловимый!
Грозным звался, а бежишь;
Проиграл коль, покорись!

Время есть потолковать,
Кому шапку прежде снять,
Время есть теперь узнать,
Кому вперед с коня упасть.

Да поможет Бог единый
Королю польской страны!
Гордых можешь осаждать ты
И не дашь им рассуждать.

Ты с московского тирана
Маску чванства смело сбросил.
Оказалось, не кусает
И рогами лишь трясет.

Он надеялся на замки,
Но лишился быстро их;
Даже не дошло до боя;
Как бы голову сносить.

И тогда, где раньше был,
Полоцк в Польшу вновь вернулся,
Польского монарха счастьем
Стефана-короля успехом.

Ядер тучи, стены мощны,
Башен сила — все без толку;
В ход пошел уж меч железный,
Ты ж, король непобежденный,
Ты берешь не только замки
С крепостями в мощных стенах,
Но есть славнее в тебе,
Ты силен сам по себе.

И не дал ты волю гневу,
Оказал врагу ты милость,
Ты не только деловит,
Столь же ты и милосерден.

Будь же здрав, король могучий!
Не смолчат мои здесь рифмы,
Что тебя благодарят
Среди славных дел героев.

Обратимся к образу Ивана Грозного, нарисованному Я. Кохановским в этом произведении. В отличие от С. Вольфа, поэма которого наполнена античными символами, Кохановский оперирует более понятными польской шляхте христианскими нарративами. Уже в первой строфе слова «Бог надменных осаждает, А покорных опекает» являются своего рода перефразированием слов Евангелия от Луки (глава 1 стих 54): «Низложил сильных с престолов и вознёс смиренных». Далее следуют довольно традиционные для польской литературы стереотипные определения: «тиран страны холодной», «северный тиран» (Московское государство в то время считалось не только восточной, но и северной страной, ибо точкой отсчета ученых эпохи Ренессанса была Южная Европа, в частности Италия), «непокор-

ный», «гордый», «чванливый», «лютый царь». Дабы высмеять «заносчивость» Грозного, Кохановский дополняет его образ трусостью: царь в страхе бежал от королевского войска до самого Ледовитого океана («Пока не показались льды Вставшей северной воды»). Таким образом, тиран грозен лишь на словах («Грозным звался, а бежишь»). Когда же король срывает с гордеца маску, оказывается что тот «не кусает И рогами лишь трясет». При попытке уточнить, что в данном случае имел в виду Кохановский, сопоставляя текст «Песни» с латиноязычной «Одой на взятие Полоцка», выясняем, что поэт сравнивал царя с козлом. Как известно, символ козла в христианстве имеет глубоко негативный смысл: с одной стороны, козел бодлив и упрям, с другой — имеет демоническую сущность и выступает как ипостась нечистой силы, его облик может принимать сам сатана и различные демоны. Однако смелость короля лишает козла темной силы: он «рогами лишь трясет». Дабы усугубить нарисованные качества мелочного и трусливого тирана, Кохановский противопоставляет ему благородный дух Батория, который при сдаче Полоцка «не дал волю гневу» и «оказал врагу милость», таким образом, он силен не только своим королевским саном, но и «сам по себе» как личность. Судя по всему, поэт знаком был с письмами Грозного Баторию, где тот насмеялся над его недостаточно высоким для государя происхождением, показывая, что не считал Стефана равным себе. Но победа Батория осадила Ивана: «Время есть потолковать, Кому шапку прежде снять»), то есть царь вынужден будет обнажить голову перед королем и признать его превосходство, несмотря на то, что последний был не наследственным, а выборным монархом.

Нам неизвестно, насколько широко разошлось данное произведение Я. Кохановского среди шляхты и насколько достигло своей пропагандистской цели (впрочем, и какое влияние оказала на умы европейского дворянства латиноязычная «Ода на взятие Полоцка»). Но совершенно точно можем определить, что оно пришлось по вкусу его покровителям: королю Стефану Баторию и гетману Яну Замойскому. В этом же году поэт удостоился должности войского сандомирского и получил королевский привилей (жалованную грамоту) на запрет перепечатывать без ведома автора «Псалтырь Давида» (последняя награда столь улучшила положение Кохановского, что в последующем он даже стал заимодавцем для магната, люблинского кастеляна Андрея Фирлея) [Kogolko, 1985, p. 219; Krzywu, 2013, p. 193].

4. Заключение = Conclusions

Усиление Московского государства в правление Ивана Грозного и выход его на европейскую арену политических и военных действий повлекло за собой появление нового способа борьбы с Россией — масштаб-

ной информационной войны. Образ Грозного в европейской пропаганде по сути ничем не отличался от проклятий, посылаемых ему в адрес турецкого султана, «главного врага христианства». В произведениях С. Вольфа и Я. Кохановского характер царя Ивана лишен всяких положительных черт, он должен напугать читателя и заставить его бояться и ненавидеть не только государя, но и весь подвластный ему народ, наделяемый эпитетами «псы» и «варвары». Однако при знакомстве с вышеназванными произведениями читателя не покидает ощущение гротеска, и этому есть причина. Как С. Вольф, так и Я. Кохановский писали свои стихи за материальное вознаграждение и по «политическому заказу», и, в сущности, достигли благодаря данной деятельности определенных карьерных высот и материального благополучия. На наш взгляд, они вряд ли задумывались над справедливостью своих слов в отношении Грозного. Тот же Я. Кохановский, в свое время восторженно принявший короля Генриха Валуа, позже в угоду новому королю Стефану Баторию написал о нем обличительный стих «Ответ французу или кукарекающему петуху». Иван Грозный, однако, не предпринимал никаких шагов к тому, чтобы «перекупить» и склонить на свою сторону подобных пропагандистов, и это сыграло немалую роль в поражении, которое потерпел царь от своих европейских оппонентов.

Источники

1. *Кохановский Я.* Избранные произведения / Я. Кохановский. — Ленинград : Издательство АН СССР, 1960. — 370 с.
2. *Klonowicz S. F. Roxolania / S. F. Klonowicz.* — Warszawa : IBL: Pro cultura literaria, 1996. — 167 p.
3. *Kochanowski J.* O wzięciu Połocka. O statecznym słudze R. P. O uczciwej Małżonce / J. Kochanowski. — Warszawa : [b. i.], 1580. — Pp. 2—3.
4. *Kochanowski J.* Jezda do Moskwy / J. Kochanowski. — Kraków : [b. i.], 1583. — 8 p.
5. *Wolfio S.* Samuele. Stephani primi serenissimi Poloniae regis et Magni Lithuanorum ducis etc. aduersus Iohannem Basilidem, magnum Moschouiae ducem expeditio carmine elegiaco descripta / S. Wolfio. — 1582. — 58 p.

Литература

1. *Колпакова Г. С.* Искусство Византии. Ранний и Средний Периоды / Г. С. Колпакова. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. — С. 125—128. — ISBN 5-352-00485-6.
2. *Филюшкин А. И.* Завоевание Стефаном Баторием Полоцка в 1579 г. В европейском нарративе / А. И. Филюшкин // Вестник Санкт-Петербургского университета. — 2014. — Серия 2. — Выпуск 1. — С. 5—10.
3. *Флоря Б. Н.* Иван Грозный — кандидат польской шляхты / Б. Н. Флоря // Славяноведение. — 2020. — № 4. — С. 3—13. — DOI: 10.31857/S0869544X0010409-2.
4. *Эйльбарт Н. В.* Кандидатура Ивана Грозного на трон Речи Посполитой в польских политических памфлетах времен первой «вольной элекции» (1572—1574) /

Н. В. Эйльбарт // *Genesis* : исторические исследования. — 2020. — № 3. — С. 93—103. — DOI: 10.25136/2409-868X.2020.3.32474.

5. *Эйльбарт Н. В.* Царь Иван Грозный в польско-немецкой пропаганде времен псковского похода Стефана Батория (по материалам «Акростиха» Валентина Неотебеля) / Н. В. Эйльбарт // *Вестник Русской христианской гуманитарной академии*. — 2021. — Т. 22. — Выпуск 1. — С. 383—391.

6. *Glombiowska Z.* Łacińska oda Jana Kochanowskiego o zdobyciu Połocka. Tekst i komentarz / Z. Glombiowska // *Studia Classica et Neolatina*. — 2010. — Т. 9. — P. 119.

7. *Kincel R.* Śląski piewca czynów Stefana Batorego / R. Kincel // *Poglądy*. R. 14. — 1975. — № 19. — Pp. 18—20.

8. *Korolko M.* Jana Kochanowskiego żywot i sprawy. Materiały, komentarze, przypuszczenia / M. Korolko. — Warszawa : Wiedza Powszechna, 1985. — P. 219.

9. *Kowalczyk J.* Jan Kochanowski i Jan Zamoyski / J. Kowalczyk // *Jan Kochanowski i epoka Renesansu. W 450 rocznicę urodzin poety 1530—1980*. — Warszawa : Państwowe Wydawn. Nauk., 1984. — Pp. 262—281.

10. *Krzywy R.* “Chcesz być groźnym, a uciekasz...” : Nad komentarzem do epinikionów moskiewskich Jana Kochanowskiego / R. Krzywy // *Pamiętnik Literacki*. — 2013. — № 3. — P. 193.

11. *Niedźwiedz J.* Źródła, konteksty i okoliczności powstania Ody o zdobyciu Połocka Jana Kochanowskiego / J. Niedźwiedz // *Terminus*. — 2016. — Т. 18. — № 4. — P. 392.

12. *Niedzielski K.* Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty (1579—1581) : karta z dziejów ojczyźnych / K. Niedzielski. — Warszawa : Druk Synów St. Niemiry, 1916. — P. 40.

13. *Tondel J.* Krąg przyjaciół Samuela Wolfa, rektora szkoły Kalwińskiej w Lewartowie / J. Tondel // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. — 1985. — Т. XXX. — Pp. 183—190.

14. *Tworek S.* Szkolnictwo kalwińskie w Małopolsce i jego związki z innymi ośrodkami w kraju i za granicą w XVI—XVII w. / S. Tworek. — Lublin : [b. i.], 1966. — Pp. 172—173.

15. *Tygielski W.* Listy, ludzie, władza. Patronat Jana Zamoyskiego w świetle korespondencji / W. Tygielski. — Warszawa : [b. i.], 2007. — 511 p.

*Статья поступила в редакцию 19.12.2022;
одобрена после рецензирования 17.02.2023;
подготовлена к публикации 25.03.2023.*

Material resources

Klonowicz, S. F. (1996). *Roxolania*. Warszawa: IBL: “Pro cultura literaria”. 167 p. (In Polish.).

Kochanowski, J. (1580). *O wzięciu Połocka. O statecznym sludze R. P. O uczciwej Matżonce*. Warszawa: [b. i.], 2—3. (In Polish.).

Kochanowski, J. (1583). *Jezda do Moskwy*. Kraków: [b. i.], 8 p. (In Polish.).

Kohanovsky, Ya. (1960). *Selected works*. Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 370 p. (In Russ.).

Wolfio, S. (1582). *Samuele. Stephani primi serenissimi Poloniae regis et Magni Lithuanorum ducis etc. aduersus Iohannem Basilidem, magnum Moschouiae ducem expeditio carmine elegiaco descripta*. 58 p. (In Latin.).

References

Eilbart, N. V. (2020). Ivan the Terrible’s candidacy for the throne of the Polish-Lithuanian Commonwealth in Polish political pamphlets of the first “free election” (1572—1574).

- Genesis: historical research*, 3: 93—103. DOI: 10.25136/2409-868X.2020.3.32474. (In Russ.).
- Eilbart, N. V. (2021). Tsar Ivan the Terrible in the Polish-German propaganda of the Pskov campaign of Stefan Batory (based on the materials of the “Acrostic” by Valentin Neotebel). *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*, 22 (1): 383—391. (In Russ.).
- Filyushkin, A. I. (2014). The conquest of Polotsk by Stefan Batory in 1579. In the European narrative. *Bulletin of St. Petersburg University*, 2 (1): 5—10. (In Russ.).
- Florya, B. N. (2020). Ivan the Terrible — candidate of the Polish gentry. *Slavic Studies*, 4: 3—13. DOI: 10.31857/S0869544X0010409-2. (In Russ.).
- Głombiowska, Z. (2010). Łacińska oda Jana Kochanowskiego o zdobyciu Połocka. Tekst i komentarz. *Studia Classica et Neolatina*, 9: 119. (In Polish.).
- Kincel, R. (1975). Śląski piewca czynów Stefana Batorego. *Poglądy. R. 14, 19*: 18—20. (In Polish.).
- Kolpakova, G. S. (2010). *The Art of Byzantium. Early and Middle Periods*. St. Petersburg: ABC Classics. 125—128. ISBN 5-352-00485-6. (In Russ.).
- Korolko, M. (1985). *Jana Kochanowskiego żywot i sprawy. Materiały, komentarze, przypuszczenia*. Warszawa: Wiedza Powszechna. 219 p. (In Polish.).
- Kowalczyk, J. (1984). Jan Kochanowski i Jan Zamoyski. In: *Jan Kochanowski i epoka Renesansu. W 450 rocznicę urodzin poety 1530—1980*. Warszawa: Państwowe Wydawn. Nauk. 262—281. (In Polish.).
- Krzywy, R. (2013). “Chcesz być groźnym, a uciekasz...”: Nad komentarzem do epinikionów moskiewskich Jana Kochanowskiego. *Pamiętnik Literacki*, 3: 193. (In Polish.).
- Niedzielski, K. (1916). *Batory i car Iwan w zapasach o Inflanty (1579—1581): karta z dziejów ojczystych*. Warszawa: Druk Synów St. Niemiry. 40 p. (In Polish.).
- Niedźwiedz, J. (2016). Źródła, konteksty i okoliczności powstania Ody o zdobyciu Połocka Jana Kochanowskiego. *Terminus*, 18 (4): 392. (In Polish.).
- Tondel, J. (1985). Krąg przyjaciół Samuela Wolfa, rektora szkoły Kalwińskiej w Lewartowie. *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*, XXX: 183—190. (In Polish.).
- Tworek, S. (1966). *Szkolnictwo kalwińskie w Małopolsce i jego związki z innymi ośrodkami w kraju i za granicą w XVI—XVII w.* Lublin: [b. i.]. Pp. 172—173. (In Polish.).
- Tygielski, W. (2007). *Listy, ludzie, władza. Patronat Jana Zamoyskiego w świetle korespondencji*. Warszawa: [b. i.]. 511 p. (In Polish.).

*The article was submitted 19.12.2022;
approved after reviewing 17.02.2023;
accepted for publication 25.03.2023.*

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Издается с 2012 года
Язык публикации — русский
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS (Emerging Sources Citation Index)
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ (eLibrary), DOAJ, на сайте журнала
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую
книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.00 Литературоведение

10.02.00 Языкознание

07.00.00 Исторические науки и археология

Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК

10.01.01 Русская литература

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы. Текстология

10.01.09 Фольклористика

10.01.10 Журналистика

10.02.01 Русский язык

10.02.03 Славянские языки

10.02.04 Германские языки

10.02.19 Теория языка

10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

07.00.02 Отечественная история

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.07 Этнография, этнология и антропология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля по двум научным областям — «ФИЛОЛОГИЯ» и «ИСТОРИЯ».

Тематика: Россия и мир в диалоге

- ✓ Русский мир: язык, литература, фольклор, история
- ✓ История зарубежья глазами русских исследователей
- ✓ Русский мир в окружении других культур: сопоставительные исследования
- ✓ Медиакоммуникации и журналистика: мир без границ
- ✓ Теория и методология исследований языка и литературы как пространство диалога разных научных традиций

Миссия журнала — организация диалога между национальными исследовательскими традициями в гуманитарных отраслях науки — исторической и филологической.

Задачи:

- 1) аккумуляция знаний о русской культуре через исследования языка, литературы и отечественной истории как основных маркеров идентичности в окружении других идентичностей;
- 2) обмен интерпретациями инокультурного текста: русская литература и история в интерпретации зарубежных коллег — и зарубежный литературный и исторический дискурс в трактовках русских исследователей;
- 3) представление наблюдений исследователей из разных стран за развитием медиа как фактором глобализации;
- 4) приглашение исследователей разных стран к презентации и обсуждению теорий, подходов, методов, приемов анализа языка, текста, дискурса, поскольку ввиду длительного периода замкнутого развития национальных научных традиций и школ накопились разночтения в выборе проблематики исследований, трактовках ключевых терминов, методических предпочтениях.

ИНСТРУКЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

Язык публикации — русский.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) оригинальные статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **70** дней.

Средние сроки публикации 3—10 месяцев со дня поступления статьи.

Требования к оформлению

Файл объемом до 5000 слов (22 страницы).

Шрифт 14 Times New Roman, интервал 1,5.

Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25 см.

Количество авторов не более трех.

Один автор может представить к рассмотрению две статьи в течение года.

Сведения об авторе и финансировании, благодарностях (кегель — 12 pt) по образцу:

Фамилия Имя Отчество

orcid.org/0000-0000-0000-0000

ученая степень, ученое звание

кафедра

mmm@mail.ru

Организация

(Город, Страна)

Благодарности:

Исследование выполнено

при финансовой поддержке Фонда,

проект № 00-000-00

Аннотация (шрифт 12 pt, 150 слов) должна включать короткие ясные предложения и точно отражать содержание статьи: проблему, цель, материал, подробнее всего — результаты.

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–6 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Англоязычные метаданные не готовятся автором.

Структурирование статьи: IMRaD

1. Введение = Introduction

Текст не менее 1 страницы. Описать научную проблему, степень ее исследованности, актуальность и новизну в сравнении со своими предшествующими и чужими исследованиями.

2. Материал, методы, обзор = Material, methods, review

Текст, 1—3 страницы. Описать используемые методы, процедуру анализа материала, представить методы, подходы, приемы других исследователей, обращавшихся к выбранной проблематике [Воркачев, 2004, с. 37; Зализняк и др., 2005, с. 156—157], [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 5], [НКРЯ].

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Текст 7—12 страниц.

3.1. Тематическое название раздела

Текст. Иноязычный материал снабжается переводами (рядом в скобках). Указываются: (здесь и далее перевод наш. — *И. Ф.*). Система оформления материала: слово *жизнь*, понятие «жизнь», концепт ЖИЗНЬ, лексико-семантическое поле «Жизнь».

3.2. Тематическое название раздела

Текст

3.3. Тематическое название раздела

Текст

4. Заключение = Conclusions

Текст 1—2 страницы.

Источники и принятые сокращения

(Словари, архивы, документы, газеты и другие СМИ).

ОПИСАНИЕ ЛИЧНОГО АРХИВА АВТОРОВ СТАТЬИ:

1. АА — *Архив* авторов.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882. Т. 1—4.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ БЕЗ АВТОРА:

2. *В Британии* ответили на антироссийское заявление // *Правда* : [газета]. — 2004. — № 4. — С. 1.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

3. ГАСО — *Государственный* архив Свердловской области. Ф.Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.

ОПИСАНИЕ ГАЗЕТНОЙ ПУБЛИКАЦИИ С АВТОРОМ:

4. *Ищенко Е.* На Колыму! / Е. Ищенко // *Колымская правда* : [газета]. — 1994. — № 4 (18). — С. 2.

ОПИСАНИЕ КОРПУСА – ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

5. НКРЯ — *Национальный* корпус русского языка [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 16.01.2022).

ОПИСАНИЕ ДОКУМЕНТА:

6. *Об образовании* в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон Российской Федерации от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 02.03.2016). — Режим доступа : <http://www.assessor.ru/zakon/273-fz-zakon-ob-obrazovanii-2013>.

ОПИСАНИЕ АРХИВА:

7. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры.

ОПИСАНИЕ СЛОВАРЯ:

8. СРНГ — *Словарь* русских народных говоров. — Москва ; Ленинград : Наука, 1965—. — Вып. 1—.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОГО ЭЛЕКТРОННОГО РЕСУРСА:

9. BNC — *British National Corpus* [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (accessed 16.01.2022).

Литература

(Научные исследования:

не менее 15 позиций в алфавитном порядке;

если статья имеет номер DOI, то нужно приводить идентификатор;

автор может сослаться не более чем на две своих работы;

следует опираться на научную литературу, а не на учебники; должны присутствовать публикации последних десятилетий; рекомендуется цитировать и зарубежные публикации, их можно найти в базах: <https://www.sciencedirect.com/>
<https://erih.dimensions.ai/discover/publication>
<https://doaj.org/>
<https://mjl.clarivate.com/home>
сначала располагается русскоязычная литература, затем англоязычная).

ОПИСАНИЕ КНИГИ:

1. *Воркачев С. Г.* Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ С УКАЗАНИЕМ DOI:

2. *Гадомский А. К.* Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В СБОРНИКЕ:

3. *Зализняк А. А.* Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

4. *Иоанесян Е. Р.* Удовольствие : способы номинации в языке / Е. Р. Иоанесян // Вопросы психолингвистики. — 2017. — № 3 (33). — С. 156—169.

ОПИСАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ:

5. *Орлов Э. Д.* Литературный быт 1880-х годов : творчество Чехова и авторов «малой прессы» : диссертация ... кандидата филологических наук / Э. Д. Орлов. — Москва, 2014. — 234 с.

ОПИСАНИЕ СТАТЬИ ЧЕТЫРЕХ И БОЛЕЕ АВТОРОВ В ЖУРНАЛЕ:

6. *Содержание* понятия «эффективность образования» в контексте инклюзивных тенденций современной школы / И. С. Самохин, М. Г. Сергеева, Н. Л. Соколова, Е. А. Марченко // Научный диалог. — 2018. — № 1. — С. 278—288.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ:

7. *Lakoff G.* Hedges : A study in meaning criteria and the logic of fuzzy concepts / G. Lakoff // Journal of Philosophical Logic. — 1973. — Vol. 2. — No. 4. — Pp. 458—508.

ОПИСАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КНИГИ:

8. *Makuchowska M.* Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.

Material resources и References

НЕ ЗАПОЛНЯТЬ.

АВТОРЫ НЕ ДЕЛАЮТ СПИСОК ПО ЗАРУБЕЖНЫМ СТАНДАРТАМ.

СПИСОК ГОТОВИТСЯ СИЛАМИ РЕДАКЦИИ В СЛУЧАЕ ПРИНЯТИЯ СТАТЬИ.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или

диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. (343)3458984, 89120458984.

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Zinovyeva, E. I.</i> Stereotypic Formulas of Business Documents and Monuments of Common Language of Moscow Rus' in 16 th and 17 th Centuries (Systematizing Approach)	9
<i>Kameneva, V. A., Potapova, N. V., Rumyantseva, A. A.</i> Lexical and Grammatical Transformations of Terms when Changing Communicative Situation “Doctor — Doctor” to “Doctor — Child — Parent”	27
<i>Liu Di, Meng Fanhong.</i> Interpretation of Phraseological Units Using Chinese Language in Russian-Chinese Phraseological Dictionaries	45
<i>Radbil, N. V.</i> Connotative-Evaluative Transformations of Adjective ‘Patriotic’: Linguistic Embodiment of Concept PATRIOTISM in Russian	66
<i>Tregubova, Yu. A., Lavrishcheva, E. V., Kisaryn, A. S.</i> Slang of Figure Skating Fans in Russian Internet Communication	84

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

<i>Vepreva, I. T., Yang Zhibing.</i> Axiosphere of Social Advertising Poster about Coronavirus in Russia and China	102
<i>Kodanina, A. L., Novikova, T. E., Saveleyeva, M. A.</i> Specifics of Digital Interaction of Regional Mass Media with Audience: Nizhny Novgorod Experience	124
<i>Radiontseva, E. S.</i> “Springboard” — a Conceptual Leap into Field of Regional Media	141
<i>Sharapkova, A. A., Merkulova, A. M.</i> Fakes within Context of Historical Knowledge Interacting with Language and Thought Structures: Interdisciplinary Model	157

LITERARY STUDIES. FOLKLORE

<i>Gorbovsckaya, S. G.</i> Signs of ‘New Sincerity’ Literature in Vanessa Dieffenbach’s Novel “The Language of Flowers”	188
<i>Dubova, M. A.</i> “Russia, Rossia, Rus, Kolomna: Province”: Conceptualization of Space in B. Pylnyak’s Novel “Volga Flows into Caspian Sea”	203
<i>Ilyina, E. N.</i> Tale of Verlioka in Speech Culture of Belozerye and in Repertoire of Language Personality	220
<i>Podoksenov, A. M.</i> Prishvin about Stalin’s Cult of Ppersonality: Notes of Contemporary ..	237
<i>Sharypina, T. A.</i> Interpretations of Plot about Alceste: from Euripide’s Social and Domestic Drama to Franz Fühmann’s “Play with Music in Ancient Landscapes”	253

HISTORY

Boldyreva, S. Yu., Pukhovskaya, N. E., Khoruzhenko, V. K. Social and Cultural Integration and Adaptation of Migrant Children into Norwegian Society in 1990s and 2000s	275
Dolidovich, O. M., Marinenko, L. E. Formation and Organization of Activities of Fire Brigades in Cities of Yenisei Province in Second Half of 19 th — Early 20 th Centuries	301
Ivanov, A. A., Kuras, S. L., Kuras, T. L. Siberian Exile and Its Reformation during Reign of Peter Great (XVII—XVIII)	318
Ippolitov, V. A. Impact of Famine of 1924—1925 on Social and Political Mood of Peasantry in Tambov Province	336
Kornilov, A. A., Lobanova, N. S., Egorov, A. I. British Parliament as Center for Making Foreign Policy Decisions during Syrian Crisis (2011—2015).	363
Mamyachenkov, V. N., Motrevich, V. P., Anisimov, A. L. Consumption of Food and Non-Food Manufactured Goods by Collective Farmers of Bashkiria in 1946—1950	385
Mezhuev, D. O. Baltic Question in Russia’s Foreign Policy (1558—1730).	402
Mukhamedov, R. A., Chigrin, M. V. Personnel Support of Prosecutor’s Office of Simbirsk (Ulyanovsk) Province in 1922—1928	417
Naumenko, O. N., Almukhametova, M. Sh., Pinigin, M. G. Labor Activity of Convicts in Conditions of Humanization of Imprisonment in Late 18 th — Early 21 st Centuries (Western Siberia).	436
Nepomnyashchy, A. A. “Became Superfluous in Crimea”: Ups and Downs of Fate of Professor P. A. Dvoichenko (Correspondence with V. I. Vernadsky)	454
Fedina, I. M. Formation of Villages of Psekup Cossack Regiment on Northwestern Caucasus (1864—1871)	474
Fedorova, V. I. Rural Bureaucracy and Peasantry in Yenisei Province of 19 th — early 20 th Centuries	489
Eylbart, N. V. Image of Ivan Terrible in European Propaganda during Livonian War (Poetic Works of S. Wolf and J. Kokhanovsky)	509
TO AUTHORS	523

ПОДПИСКА

на журнал
«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 12, выпуск 2, 2023

NAUCHNYI DIALOG

Volume 12, Issue 2, 2023

Компьютерная верстка и дизайн: Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 28.03.2023. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 31,02. Тираж 500 экз. Заказ 28/03-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».

620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.

Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2023

Свободная цена

